

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ТАЛИСМАН

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг
Питер Страуб

ТАЛИСМАН

Жуковский
КЭДМЭН
1994

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 16

**Stephen King
Peter Straub**

THE TALISMAN

**Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов**

**Стивен Кинг, Питер Страуб
Талисман: роман**

ISBN 5-85743-017-8

Copyright © by Stephen King and Peter Straub

© А. Н. Миронов, 1994, оформление суперобложки, иллюстрации
© Издательство «КЭДМЭН», 1994, перевод

ТАЛИСМАН

*Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву
и поглядели вниз, на городок, там светилось всего
три или четыре огонька — верно, в тех домах,
где лежали больные; вверху над нами так ярко
сияли звезды, а ниже города текла река в целую
миллю шириной, этак величественно и плавно*

Марк Твен
«Приключения Гекльберри Финна»

*Мое новое платье было все закапано свечкой
и вымазано в глине, а сам я устал как собака*

Марк Твен
«Приключения Гекльберри Финна»

Часть первая
ЗНАКОМЬТЕСЬ,
ЭТО ДЖЕК

Глава 1

САДЫ У ОТЕЛЯ «АЛЬГАМБРА»

1

Пятнадцатого сентября 1981 года юный Джек Сойер стоял, засунув руки в карманы, и наблюдал, как тихие воды Атлантического океана плещутся о берег. Ему исполнилось двенадцать, но для своего возраста он был довольно высок. Морской ветерок трепал его длинные каштановые волосы, сдувая их с нахмуренного лба. Он стоял, погруженный в тяжелые раздумья, которыми жил уже три месяца — с тех пор, как его мать закрыла двери их дома на Родео-драйв в Лос-Анджелесе, и, убегая от преследующей ее навязчивой идеи, сняла квартиру на Сентрал-Парк-Уэст. Потом из этой квартиры они перебрались в тихое курортное местечко неподалеку от Нью-Хемпшира. Спокойствие и постоянство исчезли из жизни Джека. Теперь она была бессмысленной, пустой и неуправляемой, как воды, раскинувшиеся перед ним. Мать таскала его за собой по всему свету, срываясь с места на место, но что же заставляло ее делать это?

Она все время от чего-то убегала, убегала...

Джек оторвал взгляд от воды и огляделся вокруг. Слева от него располагалась «Аркадия» — удивительный Луна-парк, в летнее время такой шумный и многолюдный. Теперь он затих, словно остановившееся сердце. Серая громада «американских горок» одиноко торчала над верхушками деревьев. У ворот стоял его новый друг — Спиди Паркер, но Джеку сейчас было не до него. Справа возвышалось здание гостиницы «Альгамбра», окруженное живописными садами, где ему пришли в голову и с тех пор не давали покоя горькие мысли. В день их приезда Джеку на какое-то время показалось, что он видит радугу над крышей отеля. Добрый знак, обещание чего-то лучшего. Но нет... Только флюгер, поймав порыв ветра, покачивался взад-вперед.

Он выбрался из взятой напрокат машины, не обращая внимания на просьбу матери позаботиться о багаже, и посмотрел вверх. Над вращающимся медным петушком висело выцветшее небо.

— Сыночек, открой багажник и достань сумки, — окликнула его мать. — Старая неудавшаяся актриса хочет чего-нибудь выпить.

— Например, простого «мартини», — буркнул Джек.

— Ты, между прочим, мог бы сказать мне, что я не так уж стара. — Она плюхнулась на сиденье машины.

— Ты не так уж стара.

Мать улыбнулась в ответ — улыбка постаревшей Лили Кевинью-Сойер, одной ногой стоящей в могиле, королевы вторых ролей, погасившей свою собственную звезду.

— Все будет хорошо, Джеки, — прошептала она. — Здесь все должно быть хорошо. Это прекрасное место.

Над крышей гостиницы пролетела чайка, и Джек вздрогнул — ему показалось, что ожил флюгер.

— Наконец-то мы уехали от этих телефонных звонков, ведь правда?

— Конечно, — ответил Джек. Мать хотела спрятаться от дяди Моргана, она не желала больше спорить с деловым партнером умершего мужа, ей нужна была только постель и «мартини»...

— Мама, что с тобой?

Слишком много смерти было вокруг, мир состоял наполовину из смерти, наполовину из крика чаек.

— Постой, сынок, постой, — крикнула мать. — Давай сначала зайдем в одно ужасно клевое место.

«Ну, в конце концов, — подумал Джек, — дядя Томми всегда поможет, если будет туго».

Но дядя Томми в этот момент уже умер. Это была одна из новостей, которые висели сейчас на концах множества телефонных проводов.

2

«Альгамбра» возвышалась над водой — огромное викторианское здание на гигантских гранитных блоках, которые сливались с невысокими скалами, тянувшимися на несколько миль по побережью Нью-Хемпшира. Очертания садов едва угадывались Джеком — только темно-зеленые тени и ничего больше.

Медный петушок спокойно спал, повернувшись куда-то между западом и северо-западом. Надпись на памятной доске гласила, что здесь в 1838 году на конференции Северных Методистов было

проведено первое в Новой Англии голосование за отмену рабства. На Конференции с речью выступил Дэниэл Уэбстер, который в частности сказал: «Знайте, что к сегодняшнему дню рабство в Америке изжило себя как социальное явление и должно вскоре исчезнуть во всех штатах».

3

Итак, они появились здесь неделю назад. Этот день положил конец их беспокойной жизни в Нью-Йорке.

На пляже «Аркадии» не было людей, посланных Морганом Слоутом, высовывающихся из машин и трясуших бумагами, которые необходимо срочно заполнить и подписать миссис Сойер. На пляже «Аркадии» телефон не звонил с полудня до трех часов ночи (дядя Морган очень часто забывал, что квартира на Сентрал-Парк-Уэст находится в другом часовом поясе, нежели Калифорния). Телефон на пляже «Аркадии» не звонил вообще.

По дороге в маленький курортный городок, куда везла его мать, Джек, как ни глазел по сторонам, увидел лишь одного человека — сумасшедшего старика-мороженщика, толкавшего пустую тележку.

И бледное серое небо, неприветливое небо над головой. Полная противоположность Нью-Йорку. Здесь был слышен лишь шум ветра, несущегося по пустынным улицам, которые казались из-за этого шире, чем были на самом деле. Магазины тоже пустовали, и таблички на дверях гласили: «Открыто только по выходным» или еще хуже — «До встречи в июне». Перед гостиницей была автостоянка на добрую сотню мест и небольшое кафе. Но и здесь, как везде, было пусто. Только старый оборванец все толкал свою тележку.

— В этом веселом городке я провела три счастливейших недели своей жизни, — сказала Лили, проезжая мимо старика (который обернулся и что-то недовольно пробормотал им вслед). Потом она нажала на газ, и они полетели к виднеющимся впереди садам.

До этого они упаковали все необходимое в сумки, чемоданы и коробки, повернули ключ в дверях своей квартиры, не обращая внимания на разрывающийся телефон, звон которого преследовал их даже на лестнице; ради этого они доверху набили вещами багажник и заднее сиденье и провели много часов в дороге. Все это только потому, что Лили Кевинью-Сойер когда-то была здесь счастлива. В 1968 году, за год до рождения Джека, Лили пригласили на роль в картине «Пламя». Это была ее лучшая работа, давшая ей возможность продемонстрировать свой талант, что не удавалось ей в прежних ролях «плохих девочек». Никто, не говоря уже о самой

Лили, не ожидал, что ее пригласят на пробы. Она искренне радовалась поздравлениям, и, чтобы отпраздновать этот час профессионального признания, Фил Соьер отвез ее в гостиницу «Альгамбра» на другой стороне континента, где они провели три прекрасных недели. Они пили шампанское в постели и смотрели лучшие американские фильмы.

(Если бы Джек был сейчас немного постарше и захотел бы сделать некоторые необходимые вычисления, он бы обнаружил, что именно здесь, в гостинице «Альгамбра», он и был зачат).

Согласно семейной легенде, когда зачитывался список актеров, получивших роль в картине, Лили шепнула Филу: «Если меня здесь не будет, я всю оставшуюся жизнь буду чувствовать себя обезьяной на каблуках». Но когда выяснилось, что прошла Рут Гордон, Лили сказала: «Ну что ж, девочка этого заслужила». И тут же ткнула мужа в подбородок со словами: «Ты, между прочим, мог бы мне помочь!» Такой возможности уже не представилось. Через два года после смерти Фила Лили сыграла свою последнюю роль — старую проститутку в фильме «Маньяки на мотоциклах».

Джек был уверен, что именно об этом периоде своей жизни она сейчас вспоминала. Он доставал вещи из багажника, куда помимо сумок в беспорядке были свалены старые фотографии, шахматная доска, юмористические книги и много чего еще. Потом принялся распахивать весь этот хлам по сумкам.

Лили медленно поднималась по ступеням, ведущим к входу в отель, тяжело, как старуха, опираясь о перила.

— Я пришло коридорного, — бросила она не оборачиваясь.

Джек оторвался от разбухших сумок и снова взглянул на небо. Нет, все-таки радуга ему только привиделась. И вдруг кто-то тихо окликнул его.

— Что? — спросил он, оглядываясь, но позади него были только пустые сады и не менее пустая дорога.

— Что-то случилось, сынок? — мать казалась сторбленной на фоне большой деревянной двери.

— Да так, послышалось.

Не было никакого голоса, никакой радуги. Джек уже позабыл про это и теперь смотрел, как мать воюет с массивной дверью.

— Подожди, я помогу, — крикнул он и побежал вверх по ступенькам, не выпуская из рук чемодан и бумажную сумку со сладостями.

До того, как Джек познакомился со Спиди Паркером, его жизнь в отеле напоминала бесконечный сон. Она была полна теней, но в ней отсутствовали какие бы то ни было ощущения. Даже новость о кончине дяди Томми, как ни была она ужасна, не смогла окончательно его разбудить. Если бы Джек был мистиком, он решил бы, что какие-то сверхъестественные силы взяли над ним шефство и управляют его собственной жизнью и жизнью его матери. Джек Соьер в свои двенадцать лет привык к постоянной деятельности, и тишина этих дней, после бурной шумной жизни Манхэттена, тяготила его.

Джек очутился на пляже, не имея ни малейшего представления о том, куда дальше идти и что делать. Он горевал о дяде Томми, но это происходило за пределами сознания, которое словно уснуло, предоставив тело самому себе. Он никак не мог сосредоточиться и разобраться в своих мыслях.

— Ты просто очень устал, Джеки, — говорила ему мать, глубоко затягиваясь сигаретой. — Все, что тебе сейчас нужно — это расслабиться на некоторое время. Это прекрасное место. Наслаждайся им, пока есть возможность.

Боб Ньюарт в красном прямоугольнике телевизора со знанием дела рекламировал женские туфли.

— Вот что, например, делаю я? — Лили улыбнулась сыну. — Отдыхаю и наслаждаюсь.

Он взглянул на часы. Странно, вот уже два часа, как они сидят перед телевизором, а он не может вспомнить ровным счетом ничего из того, что показывали в программе.

Джек уже собирался ложиться спать, когда зазвонил телефон. Старый добрый дядя Морган Слоут все-таки нашел их. Новости, которые обычно сообщал дядя Морган, никогда не были особенно значительными. Но на этот раз явно произошло что-то серьезное. Джек стоял посреди комнаты и видел, как лицо матери становится все бледнее и бледнее. Она судорожным движением схватила за лоб, на котором за последние несколько месяцев появилось много новых морщин.

— Спасибо, Морган, — едва прошептала она и в конце концов повесила трубку. Затем она повернулась к Джеку. Ее лицо, как тому показалось, еще более постарело и осунулось.

— Джеки, ты только не волнуйся, ладно?

Но он не мог не волноваться. Она взяла его за руку и все объяснила:

— Вчера погиб дядя Томми.

У Джека перехватило дыхание.

— Он переходил через бульвар Ла-Сенега и его сбил фургон. Это видел один человек, но он может сказать только, что фургон черный и что на боку у него надпись «Уайлд Чайлд» и... и больше ничего. — Лили зарыдала. Секунду спустя к ней присоединился и Джек.

Все это произошло только три дня назад, но казалось, что прошла целая вечность.

5

15 сентября 1981 года юный Джек Сойер смотрел на тихие воды простирающегося перед ним океана, стоя на пляже перед отелем, как герой, сошедший со страниц романов сэра Вальтера Скотта. Ему хотелось плакать, но не было слез. Он был окружен смертями. Смерть охватила полмира. Черный фургон вычеркнул из жизни дядю Томми. Дядя Томми умер в Лос-Анджелесе, далеко от тех берегов, где даже такой маленький мальчик как Джек не знает, чем ему заняться. А уж человеку, который завязывает галстук, прежде чем пойти в кафе съесть ростбиф, тем более нечего делать на Западном побережье.

Отец мертв, дядя Томми мертв, мать умирает. Он чувствовал смерть здесь, на пляже «Аркадии». Она ворвалась в их дом через телефонную трубку голосом дяди Моргана. Но это было ничто по сравнению со всеохватывающим чувством скуки курорта во время «мертвого сезона». Джеку было страшно, и этот страх не покидал его уже много дней. Ему казалось, что смерть сопровождала их всю дорогу из Нью-Йорка, смотрела на него из дыма сигарет, что курила мать, и слащавым голосом просила найти какую-то программу на автомобильном приемнике.

Он смутно вспоминал, как отец говорил ему, что он уже взрослый. Сейчас Джек чувствовал себя очень маленьким. Маленьким и испуганным.

«Интересно, это и есть край света?»

Чайки рассекали серое небо над головой. Тишина вокруг была такой же серой, как этот вечер, и такой же мертвенной, как круги под глазами матери.

С тех пор, как в Луна-парке Джек повстречался со Спиди Паркером, чувство безысходности наконец-то начало покидать его. Паркер был негр с седыми вьющимися волосами и густыми баками. Он выглядел весьма посредственно, несмотря на то, что в молодости был талантливым блюзовым музыкантом. Говорил он тоже довольно

бестолково. Однако, когда Джек во время одной из бессмысленных прогулок по парку увидел печальные глаза Спиди, он почувствовал, как отрешенность покидает его. Он снова стал самим собой. Ему казалось, что от старика исходят какие-то волшебные волны.

— Похоже, я нашел себе какую-то компанию, — улыбнулся Спиди. — Вот идет маленький путешественник!

Действительно, ощущение безысходности пропало. Еще мгновение назад он был словно связан какими-то невидимыми путами. Теперь Джек чувствовал себя свободным. Ему показалось, что над головой старика сияет серебристый нимб, маленький ореол, который тут же пропал, стоило Джеку моргнуть. Только сейчас он заметил, что в руках у Спиди большая метла.

— С тобой все в порядке, сынок? — Спиди положил ему руку на плечо. — В какую сторону изменился наш мир? В лучшую или в худшую?

— Конечно, в лучшую, — ответил Джек.

— Это потому, что ты приехал в правильное место, я бы так сказал. Тебя как зовут?

Маленький путешественник, — назвал Джека Спиди в первый день их знакомства. *Маленький путешественник Джек*. Чтобы развеселить своего маленького друга, старый негр обнял метлу, словно та была стройной девушкой, и закружил его в танце.

*Я — Лестер Спиди Паркер
Сам по себе, как кот,
Люблю я путешествовать
По свету взад-вперед.*

*Я знаю все дороги
И все пути назад,
Играю на гитаре
И пою про все подряд.*

Каждый слог своей песенки он сопровождал каким-нибудь движением, не переставая отстукивать ритм. Он играл на метле, как на гитаре... Хотя он и был стар и совсем выжил из ума, он оставался в душе музыкантом. Через несколько минут Джек был уверен, что его любивший джаз отец одобрил бы такое знакомство. С тех пор он постоянно крутился возле Спиди, наблюдая за его работой и помогая по мере возможностей. Спиди разрешал ему забивать гвозди, а однажды даже дал подкрасить выцветшую от времени вывеску. Эта простая работа, выполнявшаяся под присмотром Спи-

ди, отвлекала Джека от недавней тоски и нравилась ему. Первые дни, проведенные на пляже «Аркадии», казались ему теперь забытым сном, от которого пробудил его друг. Спиди Паркер был очень преданным другом, и казалось, что его преданность граничит с волшебством. За те несколько дней, что прошли с тех пор, как Джек освободился от мучивших его мыслей, с тех пор, как Спиди освободил его от них сиянием своих глаз, Спиди Паркер стал для него ближе любого из его друзей, за исключением разве что Ричарда Слоута, которого Джек знал еще с колыбели. И сейчас, думая об ужасной смерти дяди Тома и о том, что он тоже может умереть, Джек чувствовал поддержку доброго сердца Спиди. И вдруг к Джеку вернулось старое ощущение того, что кто-то направляет его, кто-то движет им, что чья-то невидимая рука заставила их с матерью бросить все и нестись очертя голову сюда, на край света.

Кем бы *они* ни были, он был нужен *им* здесь. Или эта мысль — лишь плод безумия? Джек закрывал глаза и видел перекошенное лицо старика-мороженщика с пустой тележкой, ворчащего что-то себе под нос.

Чайка прокричала над головой, и Джек пообещал себе, что он заставит себя поговорить о своих ощущениях со Спиди Паркером. Даже если Спиди сочтет его сумасшедшим и посмеется над Джеком. Но он не станет смеяться. Джек знал это. Они были настоящими друзьями. Одним из того, что понял Джек о старом стороже, было то, что с ним можно говорить обо всем. Но сейчас Джек не был готов к этому. Все это было настолько странно и ненормально, что он и сам до конца всего не понимал. Поэтому, отложив разговор на другой раз, Джек с неохотой повернулся и побрел к отелю, оставляя на песке длинную вереницу следов.

Глава 2 ДЬЯВОЛ В ПЕСКЕ

1

Это случилось на следующий день.

Ночью Джеку приснился ужасный, кошмарный сон. Какое-то безобразное адское существо склонилось над его матерью — огнедышащий монстр с косыми глазами и черной бородавчатой кожей.

— *Твоя мать умерла, Джек! Скажи «аллилуйя»!* — прокричал монстр.

Джек знал наверняка (во сне все известно наверняка), что если это чудовище дотронется до него, он тоже умрет. Джек проснулся в холодном поту, его сердце бешено билось. Лишь спустя несколько часов он смог снова заснуть. Наутро Джек решил рассказать о кошмаре матери. Но Лили явно была не в настроении и сидела, спрятавшись в облаке сигаретного дыма. Лишь когда он под каким-то выдуманым предлогом собрался уйти, она наконец заметила его и слегка улыбнулась:

— Подумай, чего бы ты хотел сегодня на ужин.

— Я подумую.

— Только это должно быть что-то действительно вкусное. Я проделала такой путь из Лос-Анджелеса в Нью-Хемпшир не для того, чтобы питаться одними консервами.

— Давай сходим в рыбный ресторан на Хэмптон-Бич, — предложил Джек.

— Отличная мысль! Ну, иди, погуляй.

— Гулять? Прекрасно, мама. Но где? — Джек не заметил, что думает стихами. Это было совсем на него не похоже. — И с кем гулять? Ведь кругом никого нет!

*Но что с тобою, мама? Ты больна?
Зачем ты здесь? Зачем мы здесь живем?
Теперь вот умер бедный дядя Том.
А дядя Морган? Что он может? Что?*

Вопросы, вопросы... И ни на один не находится ответа. Потому что некому было на них отвечать. *Разве что Спиди?*

Но это было даже смешно. Как может какой-то старый негр решить все его проблемы? И все же мысль об этом не покидала Джека всю дорогу к пустому унылому пляжу.

2

«Интересно, это и есть конец света?» — вновь подумалось Джеку. Чайки пронеслись над головой. На календаре еще было лето, но для пляжа «Аркадии» лето уже закончилось. Вокруг стояла ничем не нарушаемая тишина.

Джек взглянул на свои тапки. Они все были перепачканы смолой. «Откуда она здесь? — удивился Джек. — Может, нефть нанесло из моря?». Он не имел ни малейшего понятия, где он успел так измазаться, но на всякий случай отошел подальше от воды.

Чайки кружились над берегом. Одна из них пронзительно вскрикнула. Крик был какой-то неестественный, словно металлический. Чайка резко, механически, повернула голову, и удостоверившись, что никого нет, опустила на гладкий утоптаный песок, куда она только что уронила какую-то раковину. Раковина треснула, словно яичная скорлупа. Что-то живое шевелилось внутри — или ему показалось? До того, как Джек отвернулся, желтый изогнутый клюв впился в мясо моллюска, растягивая его, как резину. Джеку свело желудок. Он как будто слышал крик раздираемого тела, чувствовал его боль.

Джек снова попытался отвернуться, но не смог. Чайка открыла клюв, демонстрируя свою грязно-розовую глотку. В ее блестящих черных глазах Джек прочел истину: «Отцы умирают, умирают матери, умирают дяди, даже если они кажутся такими несокрушимыми, как скалы у берега. И дети, между прочим, тоже иногда умирают». То же самое, казалось, говорил и растерзанный моллюск.

— Эй! Хватит! — крикнул Джек, сам не зная зачем.

Чайка прервалась и подняла на Джека свои глаза-бусинки. Затем она снова начала клевать мясо.

«Что тебе надо, Джек? Смотри, он еще шевелится. Он еще сам не знает, что он мертв. — Сильный желтый клюв все вонзался в мякоть. — Хрусть!»

Чайка задрала голову в серое сентябрьское небо и сглотнула. Джеку снова показалось, что она смотрит на него. Так глаза на некоторых картинах все время смотрят на вас, куда бы вы ни отошли. Ее глаза... Он узнавал эти глаза. Вдруг Джеку нестерпимо захотелось к маме и к ее глазам, темно-синим и добрым. Он не мог вспомнить, чтобы ему когда-нибудь так же безумно хотелось их увидеть. Разве что в раннем детстве... «А-а-а!» — зазвучала в ушах ее песенка, ее нежный родной голос:

*Спи, мой Джеки, спи, дружок,
Под охотничий рожок.
Скоро папа твой придет,
Тебе песенку споет...
А-а-а! А-а-а!*

Мать писала мемуары, куря одну сигарету за другой, потом перечитывала «голубые страницы», как она их называла. Он хорошо это запомнил — «голубые страницы». А-а-а... Все хорошо, Джеки... Я люблю тебя... Тс-с-с, тихо! Спи... а-а-а!

Чайка смотрела на него. Ужас охватил Джека. Он понял, что *она действительно смотрит на него*. Ее черные глаза (кого же они ему напоминают?) пронизывали его насквозь. Чайка притягивала его к себе. Ее клюв раскрылся в сверхъестественной улыбке. Джек отвернулся и побежал, не оглядываясь. Слезы жгли его лицо, ноги увязали в песке.

Если бы кто-нибудь сейчас глядел вниз с высоты птичьего полета, он увидел бы только одинокого двенадцатилетнего Джека Сойера, бегущего по песку пляжа к отелю. Забыт Спиди Паркер, голос его исчез в слезах и шуме ветра. Только стучит в висках: «Нет! Нет! Нет!»

3

Вдали от пляжа, вконец запыхавшись, Джек остановился. Острая боль пронизывала его левый бок от плеча до пояса. Джек сел на одну из скамеечек, на которых летом любили отдыхать старики, и уронил голову так, что волосы закрыли лицо.

«Возьми себя в руки! Если Сержант Фьюри уйдет в восьмой сектор, кто же возглавит Ревущих Коммандос?»

Он улыбнулся и действительно почувствовал себя лучше. Здесь, вдали от берега, все казалось не таким уж мрачным. Может быть, здесь было ниже давление или еще что-нибудь. Конечно, то, что случилось с Томми, было ужасно, но он должен был научиться спокойнее принимать такие события. По крайней мере так говорила ему мать: «Дядя Морган стал чрезвычайно надоедлив последнее время». Но дядя Морган всегда был «занудой»... А мать... Мать — это совсем другое дело.

«В конце концов, — думал Джек, сидя на скамейке и разгребая ногой песок, — с мамой ничего не может случиться. С ней ничего не должно случиться, это невозможно. Ведь ни один врач не поставил ей точного диагноза, ни один. Нет, если бы у нее был рак, они не приехали бы сюда. Скорее всего, они сейчас были бы в Швейцарии, принимали бы там минеральные ванны. Так что, не может быть...»

Тихий сухой свист нарушил ход его мыслей. Джек глянул под ноги, и его глаза широко раскрылись от ужаса. Песок около левого его тапка будто ожил. Белые песчинки стекали в маленькую воронку размером с палец. Внезапно края воронки обвалились и образовалась ямка глубиной сантиметров в десять, а вокруг песок кружился и осыпался внутрь.

«Ничего этого нет!» — твердо сказал себе Джек. — Ничего нет. Просто мне напекло голову или я устал».

Но сердце его бешено колотилось, разрываясь на части. Это не усталость, ведь это не может быть плодом его воображения, он же никогда не видел и не воображал подобных вещей. И уж по крайней мере он никогда не задумывался даже о том, как попадают в преисподнюю.

Песок осыпался все быстрее и быстрее. Сухой шорох напомнил ему о статическом электричестве — в прошлом году в школе они ставили опыты с лейденскими банками. Но уже через мгновение звук стал похож на протяжный тихий стон, на последний вздох умирающего.

Края отверстия обвалились вновь. Теперь это была уже не воронка, а что-то вроде печной трубы в песке, какая-то чертовщина. Ярко-желтая обертка от жевательной резинки то появлялась, то исчезала в потоке песка. Песок все осыпался, и Джеку становилось видно ее название: «Ф-ФРУ-ФРУКТО». Дыра становилась все шире и глубже. Так же быстро, как когда кто-то недобрый сдергивает одеяло со спящего человека. «ФРУКТОВАЯ», — прочитал наконец Джек. Песок осыпался все быстрее и быстрее, с яростным свистом *Ш-ш-ш-у-ух!*

Сначала Джек просто испугался. Теперь же он был вне себя от охватившего его ужаса. Из песка на него смотрел огромный черный глаз — глаз чайки, вытягивающей живую плоть из моллюска, словно резину, словно жевательную резинку... *Ш-ш-ш-ш-ух!* — сухим неживым голосом грохотал песок. Шумело вовсе не в голове у Джека, как он ни пытался себе это внушить. Нет, голос был вполне реальный: *«Его вставные зубы вылетели, когда его ударили бампером. Как они затарахтели по дороге, ха-ха! Так что, как ни крути, черный фургон придет и за тобой, и за твоей мамочкой!».*

Но Джек уже бежал без оглядки. Волосы его прилипли ко лбу, глаза были широко раскрыты и в них застыл неопиcуемый ужас.

4

Джек пронесся по тускло освещенному коридору отеля. Все здесь препятствовало бегу. Было тихо, как в библиотеке, и слабый свет из-за зашторенных окон падал на выцветшие ковры. Добежав до середины коридора, Джек перешел на быстрый шаг. Лифтер, выглянув из своей будки, ничего не сказал, но и без того обычно хмурое его лицо стало еще более недовольным. Джек вдруг почувствовал себя так, будто его застали бегающим по церкви. Он вытер пот со

лба и оставшийся путь до лифта прошел спокойно. Нажимая кнопку, он все еще чувствовал на затылке тяжелый взгляд лифтера. Только однажды ему удалось увидеть на его лице улыбку — когда тот узнал его мать. Видимо, улыбаться было совсем не в его правилах. «Интересно, какой же он старый, что помнит Лили Кевинью», — сказала тогда мать, когда они остались одни в своем номере. А ведь не так уж давно ее помнили, ее узнавали по тем пятидесяти фильмам, в которых она снялась в 50-60-х годах. Королева вторых ролей, королева однодневок, называла она сама себя. Но все же, когда ее останавливали на улице, она чувствовала себя настоящей звездой. А теперь... Теперь у нее не было и этого.

Джек сжался в комок перед неподвижными дверями лифта. Невыносимый потусторонний голос из песчаной воронки все еще звучал в его ушах. На мгновение он представил себе Томаса Вудбайна, доброго дядю Томми, его опекуна. Этот человек заслонял их от всех бед и напастей. Теперь он лежал мертвый на бульваре Ла-Сенег, и его вставная челюсть, пролетев несколько метров, утонула в сточной канаве. Джек снова нажал на кнопку.

Скорее наверх!

Теперь ему представилось нечто еще более ужасное. Два отвратительных существа запихивали его мать в машину. Джеку стало дурно, ему захотелось в туалет. Он изо всех сил жал на кнопку, и серый человек за его спиной что-то недовольно пробурчал. Джек сжал рукой некое место внизу живота, чувствуя резкую боль. Наконец-то послышался шум спускающегося лифта. Джек закрыл глаза и крепко сжал ноги. Он вновь увидел маму, одинокую и растерянную, и двух людей с лицами бешеных собак рядом. Джек знал, что ничего этого не было на самом деле, только он уже видел это во сне, и там это происходило не с матерью, а с ним самим.

Красно-коричневые двери лифта открылись, и Джек увидел себя в зеркале лифта. Сон пятилетней давности снова вернулся к нему, и он видел, как пожелтели глаза одного из чудовищ, почувствовал, как когтистая рука другого хватается его за горло тяжелой нечеловеческой хваткой... Джек запрыгнул в лифт, как будто его толкнули туда.

Нет. Этого никогда не будет, такой сон не может сбыться. Он никогда не увидит этих желтеющих глаз. Его мать красива и счастлива. Ничего не было. Никто не умирал. Только чайка съела раковину. Джек закрыл глаза, а лифт медленно пополз вверх.

Голос из песка все смеялся над ним. Едва двери начали открываться, Джек выскочил наружу. Он миновал закрытые рты других лифтов, повернул направо и побежал по обшитому панелями кори-

дору мимо подсвечников и картин. Здесь это уже не казалось кощунственным. Они с матерью занимали номера 407 и 408, состоявшие из двух спален, маленькой столовой и гостиной с видом на длинный ровный пляж и бесконечный простор океана. Мать каждый день откуда-то приносила цветы, расставляла их в вазы и возле каждой ставила фотографию: Джеку пять лет, одиннадцать, новорожденный Джек на руках у отца, Филипп Соьер за рулем старого «Де Сото», отец с Морганом Слоутом едут в Калифорнию — трудно представить, тогда они были так бедны, что ночевали в машине. Джек рванул на себя дверь и громко позвал мать. Цветы приветствовали его, фотографии улыбались, но никто не отвечал.

— Мама!

Позади скрипнула дверь. Джек похолодел. Он кинулся в большую спальню.

— Мама!

И снова лишь вазы с красивыми яркими цветами, аккуратно заправленная пустая кровать и солнечный зайчик прыгает по стеганому одеялу. На тумбочке расставлены коричневые пузырьки с таблетками. За окном вдали все катились и катились волны.

Два страшных существа из странной машины тянут руки к матери...

— Мама!

— Джек? — раздался ее голос из ванной. — Что случилось?

— Ох! — произнес Джек и почувствовал, как расслабились его мышцы. — Прости, я просто не знал, где ты.

— Я принимаю душ перед обедом. Разве нельзя?

Джек вспомнил, что он-то давно уже не мылся. Он упал в кресло и закрыл глаза. С ней все в порядке.

«С ней пока все в порядке», — поправил насмешливый голос. И осыпающийся в бездну песок снова закружился вихрем в его голове.

5

Милях в семи-восьми от городка стоял небольшой ресторанчик с романтическим названием «Замок Омара». Джек очень хорошо запомнил этот день — он уже немного опомнился от того, что произошло с ним на пляже.

Официант в красном пиджаке с омаром на спине указал им на столик у окна.

— Что мадам будет пить? — у официанта было холодное непроницаемое лицо среднего американца, и, вглядываясь в его голубые водянистые глаза, Джек почувствовал легкое недомогание.

«Мама, ну если ты не больна, то какого черта мы здесь делаем? Здесь так пусто, так мрачно! О, Господи!».

— Принесите мне простой «мартини».

Официант недоуменно вскинул брови.

— Мадам?

— Берете бокал, — стала объяснять она, — кладете в него кусочек льда, маслину и сверху наливаете джин. Затем... вы запомнили?..

«Мама, ну посмотри ему в глаза. Ты думаешь, что ты очаровательна, а он думает, что ты издеваешься над ним! Ну разве ты не видишь?»

Но она не видела. И эта ее неспособность разобраться в чувствах других людей каменной тяжестью лежала на душе Джека. Она была безрассудна... совершенно безрассудна...

— Да, мадам.

— Затем берете бутылку вермута — любого — и наливаете ее содержимое в бокал. Потом закрываете бутылку, ставите ее на полку, а бокал приносите мне. О'кей?

— Да, мадам.

Холодные глаза среднего американца бесстрастно смотрели на Лили. *«А ведь мы здесь одни!»* — только сейчас заметил Джек. — Господи Иисусе!»

— Чего желает молодой человек?

— Кока-колу, пожалуйста.

Официант ушел. Лили покопалась в сумке, вытащила пачку «Герберт Тэрритун» (вонючек, как она их называла: «Джеки, принеси мне с полки мои вонючки»), достала одну и закурила, глубоко затягиваясь. Это был еще один камень на сердце Джека. Два года назад мать совершенно бросила курить. Он тогда так радовался этому. Сейчас же она все время курила одну сигарету за другой, хотя еще три месяца назад в Нью-Йорке она не курила совсем. Джек вспомнил, как она ходила взад-вперед по комнате в их квартире на Централ-Парк-Уэст, окутанная клубами дыма, или сидела в уголке, слушая старые рок-н-роллы или джазовые записи умершего мужа.

— Ну что ты опять куришь, мама?! — не выдержал Джек.

— Капустные листья.

— Я не про это спрашиваю.

— Слушай, почему бы тебе не посмотреть телевизор? — неожиданно раздраженно сказала она, поджав губы. — Иди поищи Джими Свайггерта. И, пожалуйста, оставь спасение моей души монашкам.

— Прости.

Ладно, если бы это были «Карлтонз». Но она же курила «Герберт Тэрритун» с темно-синей полоской вместо фильтра. Сейчас он вспомнил, как отец рассказывал кому-то, что он курит «Уинстон», а его жена «Блэк Лангерз», «Черные Легочные».

— Ты видишь в этом что-то плохое, Джек?

Ее глаза смотрели прямо на него, сигарета крутилась, как обычно, между средним и указательным пальцами правой руки. Она заставляла его сказать хоть что-нибудь и одновременно боялась услышать от него: «Мама, я стал замечать, что ты много куришь «Герберт Тэрритун». Значит ли это, что тебе теперь нечего терять?»

— Нет, — ответил он. Снова стало нехорошо и захотелось плакать.

— Смирись с этим. Такова жизнь.

Она посмотрела и улыбнулась. Два официанта, один худой, другой толстый, в красных пиджаках с золотыми омарами на спине о чем-то тихо переговаривались у входа на кухню. Длинная бархатная веревка огораживала ту часть ресторана, где стоял их столик, от банкетного зала. Столы там были заставлены перевернутыми стульями. В конце зала было огромное, во всю стену, окно в готическом стиле, напомнившим Джеку «Любимца Смерти», фильм, где снималась его мать. Она играла молодую богачку, которая против воли родителей вышла замуж за красивого черного юношу. Тот привез ее в большой дом на берегу океана и пытался свести с ума. Эта роль была более-менее типична для Лили Кевинью. Она снялась во многих черно-белых фильмах, в которых красивые, но ничем не примечательные герои разъезжают на «фордах». Табличка на веревке, загораживавшей вход в темную пещеру банкетного зала, гласила «Закрето».

— А здесь мрачновато, — сказала мать.

— Как вечером, — ответил Джек, и она засмеялась своим нездоровым, болезненным, но таким любимым смехом.

— Да-да-да, Джеки, — она протянула руку, чтобы потрепать его длинные волосы. На лице ее играла улыбка. Он улыбнулся ей в ответ и отвел ее руку. (Боже, как ее пальцы похожи на кости, она уже почти мертва, Джек!..)

— Не порть мне прическу.

— Открой мой ридикюль, — попросила мать.

— Хорошее название для старой потрепанной сумки!

— Ах так! Тогда на этой неделе ты больше не получишь карманных денег!

— Ну и пусть!

Они улыгнулись друг другу. Джек не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь ему так хотелось плакать, чтобы он когда-нибудь так сильно любил свою мать. Теперь она стала совсем другой. Он увидел ее совсем другой.

Принесли напитки. Лили подняла свой бокал и посмотрела его на свет.

— За нас!

— О'кей! — Они выпили.

Официант принес меню и ушел.

— Как ты думаешь, Джеки, я его хоть немного задела?

— Ну, разве что совсем чуть-чуть.

На несколько мгновений это доставило ей удовольствие, а потом она забыла о своей шутке.

— Что у вас есть еще? — Спросила Лили подошедшего официанта.

— Могу предложить палтуса.

— Давайте два.

Официант раскланялся им обоим и ушел, чувствуя себя смешным и неуклюжим и понимая, что именно это и было ей нужно. Дядя Томми тоже часто подшучивал над официантами. Его излюбленной шуткой было: «Все навязчивые идеи замечательно лечатся плавленым сыром».

Принесли палтусов. Джек набросился на горячую аппетитную рыбу. Лили же лишь потыкала свою порцию вилкой, съела несколько фасолин из гарнира и отодвинула тарелку.

— В школе две недели уже идут занятия, — объявил Джек, не прекращая жевать. Глядя на желтые автобусы с надписью «Школа Аркадии», он чувствовал себя в чем-то виноватым. Из-за совершенно абсурдных обстоятельств он не учился, а все время бездельничал. Мать вопросительно посмотрела на него. Она только что допила второй бокал, и теперь официант нес ей третий. Джек опомнился:

— Да это я так, не обращай внимания.

— Ты хочешь пойти в школу?

— Я? Нет! Только не здесь.

— Ну вот и хорошо, — сказала мать. — Потому что я забыла дома все твои медицинские карты, а без них тебя не допустят к занятиям, малыш.

— Не называй меня «малыш», — пробурчал Джек. Но Лили даже не улыгнулась.

«Мальчик! Почему ты не в школе?» — прогремел в голове Джека голос. Он вздрогнул.

— Что такое? — спросила мать.

— Нет, ничего. Дядька в парке, сторож. Взрослый черный дядька. Он спросил меня, почему я не в школе.

Она наклонила лицо к нему. Теперь ее лицо было серьезным, даже чуть испуганным.

— И что ты ему ответил?

Джек пожал плечами.

— Я сказал ему, что переутомился. Помнишь, как Ричард? Доктор сказал дяде Моргану, что Ричард не должен шесть недель ходить в школу, но может просто гулять. — Джек слегка улыбнулся. — Я думаю, он был доволен.

У Лили отлегло от сердца.

— Я бы не советовала тебе разговаривать с незнакомыми людьми.

— Мама, но он же просто...

— Мне все равно, кто он. Повторяю, я не хочу, чтобы ты разговаривал с незнакомыми.

Джек снова подумал о старом негре, вспомнил его жесткие седые волосы, черное точеное лицо, добрые искрящиеся глаза. Он видел, как он подметает пирс — единственную часть Луна-парка, которая была открыта круглый год. Но теперь и здесь не было ни души, за исключением Джека, Спида и двух стариков, играющих в теннис вдалеке.

Сейчас, сидя в этом мрачном ресторане, Джек сам начинал задавать себе этот вопрос: почему это я не в школе?

«Все именно так, как она сказала! Сынок, нет прививок, нет медкарт. Ты думаешь, она взяла с собой твое свидетельство о рождении? А что ты думаешь? Она все время бежит, сынок, и ты бежишь вместе с ней, ты...»

— Тебе рассказал об этом Ричард? — Услышал он голос матери.

И на него снова что-то нашло. Что-то ворвалось в него. Руки его судорожно сжались, бокал упал со стола и разбился об пол.

«Она уже почти мертва, Джек».

Голос из отверстия в песке, только его слышал сейчас Джек. Это был голос дяди Моргана, не просто похожий на него, а именно его голос, в этом не было никаких сомнений. Голос Моргана Слоута.

6

По дороге домой мать спросила его:

— Что с тобой произошло, Джек?

— Ничего. Просто стало не по себе.

— Не пытайся меня обмануть, Джеки.

В свете приборной доски она выглядела бледной и изможденной. Сигарета тлела в ее руке, как обычно, между большим и указательным пальцами. Мать вела машину очень медленно, не больше сорока миль в час. Она всегда ездил так, когда была пьяна. Ее сиденье то и дело наклонялось вперед, юбка задралась, обнажив худые колени, подбородок, казалось, упирался в руль. Она была так похожа на ведьму, что Джек не выдержал и отвернулся.

— Нет, — произнес он.

— Что нет?

— Я не обманываю тебя. Я просто неловко повернулся. Извини.

— Брось. Давай забудем об этом. Я просто думала, что это как-то связано с Ричардом Слоутом.

— Нет.

«Только что его отец разговаривал со мной на пляже из дыры в песке. Вот и все. Он разговаривал прямо во мне. Он сказал, что ты уже почти мертва».

— Ты скучаешь по нему, Джек?

— По Ричарду?

— Нет, по Микки-Маусу! Конечно же по Ричарду!

— Так. Иногда.

Ричард Слоут... Сейчас он был в школе в Иллинойсе. Это была одна из частных школ, где обучение было принудительным и ни у кого не было желания учиться.

— Ты скоро увидишь его, — мать потрепала его волосы.

— Мама, с тобой все в порядке? — эти слова сами собой выплеснулись из него. Руки больно сжали колени.

— Да, — ответила она, закуривая еще одну сигарету.

Чтобы это сделать, она резко остановила машину. Старый пикап пронесся мимо них, громко сигналив.

— Никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас.

— Ты так похудела. Сколько ты уже сбросила?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — она улыбнулась ему. Эта усталая вымученная улыбка открыла ему все, что он хотел знать.

— Мама...

— Не надо, — остановила его она. — Все в порядке. Поверь мне. Если хочешь, поищи какую-нибудь музыку.

— Но мама...

— Поищи какую-нибудь музыку, Джек. И помолчи.

На бостонской волне Джек нашел какой-то джаз. Саксофон играл «Все, что ты есть». За окном расстилался равнодушный океан. Спустя несколько минут что-то замаячило впереди. Это

огромной уродливой птицей с нелепо раскинутыми крыльями высился над дорогой отель «Альгамбра». Если это был их дом, они были дома.

Глава 3 СПИДИ ПАРКЕР

1

Следующий день выдался ясным. Из окон спальни Джек видел, словно на картинке, сияющее солнце над пляжем и красную полосу черепичной крыши. Яркие лучи отражались от застывших вдали волн и слепили глаза. Джеку показалось, что здешнее солнце отличается от солнца Калифорнии. Оно было как будто меньше, холоднее. Темные волны океана то таяли, как снег, то снова появлялись из глубины, и широкие ослепительные полосы пробегали по ним. Джек отвернулся от окна. Он уже умылся и оделся, и сознание подсказывало ему, что пора идти на остановку школьного автобуса. Пятнадцать минут восьмого. Но и сегодня он, конечно, не пойдет в школу. Ничего не изменилось, и они с матерью будут бесцельно убивать время в течение ближайших двенадцати часов. Ни расписания, ни занятий, ни домашних работ — ничего...

Да и учебный ли сегодня день? Джек замер перед кроватью с неприятным чувством, что его мир окончательно потерял очертания. Он не помнил, какой сегодня день недели.

Джек попытался восстановить в памяти последний хоть чем-нибудь примечательный день. Это оказалось прошлое воскресенье. Или вторник, но с большой натяжкой. По вторникам у него были занятия в компьютерном классе с мистером Белгоу и физкультура. Но это время — время нормальной, наполненной событиями жизни, — казалось безвозвратно ушедшим.

Джек вышел из спальни. Солнечные блики играли на стенах гостиной. Он нажал кнопку телевизора и тихо опустился в кресло. Мать не проснется еще минут пятнадцать, а может, и дольше, учитывая, сколько она выпила.

Джек взглянул на дверь спальни матери. Двадцать минут спустя он тихо постучал.

— Мама?

Невнятные звуки слышались из-за двери. Джек заглянул внутрь. Мать подняла голову с подушки и попыталась открыть глаза:

— А, Джеки... Доброе утро. Который час?

— Около восьми.

— О, Господи... Ты, наверно, голодный? — она села на кровать и протерла глаза.

— Да нет, не очень. Мне просто надоело здесь сидеть... И мне захотелось, чтобы ты поскорее встала.

— Что-то мне не верится... Слушай, ты не обиделся? Знаешь, сходи пока позавтракай или погуляй по пляжу. Просто, чтобы прийти в норму, мне надо поспать еще час-другой.

— Хорошо. Я пошел.

В лифте резко пахло нашатырным спиртом. Кто-то опрокинул бутылку. Двери открылись, и седой лифтер бросил на него сердитый взгляд исподлобья и демонстративно отвернулся. Даже если ты сын кинозвезды, это еще не дает тебе права делать все, что заблагорассудится, сынок... И вообще, почему ты не в школе? Джек подошел ко входу в кафе «Серый Ягненок» и увидел ряды пустых столиков в затемненном зале. Только шесть из них были заняты. Официантка в белой блузке и красной кружевной юбке на секунду обратила на него внимание. В другом конце зала через столик друг от друга сидели двое пожилых людей болезненного вида. Больше посетителей не было. Пожилой джентльмен разрезал яйцо на четыре равные части.

— Что желаете? — официантка словно выросла перед ним из пустоты и жестом фокусника извлекла откуда-то меню.

— Простите, я передумал, — неожиданно для себя ответил Джек. Чувство голода бесследно испарилось от мысли, что ему придется сидеть здесь одному, глядя как скучный повар бросает кусок свинины на противень. Нет, лучше подождать, когда мама проснется. А сейчас он найдет куриный пирожок и стакан молока.

Джек толкнул тяжелую входную дверь и оказался на улице. В первое мгновение яркий солнечный свет ослепил его. Джек зажмурился и пожалел, что не взял с собой темные очки. Он спустился по кривым выщербленным ступенькам и побрел в сад.

Что будет, если она умрет? Что будет с ним? Куда он пойдет? Кто позаботится о нем, если произойдет худшее, и она *навсегда* уйдет от него? Джек мотнул головой, пытаясь отогнать от себя мрачные мысли и не дать им завладеть собой. Он никогда больше не будет думать ни про сигареты, ни про потерянный вес, ни про то, как она бывает беспомощна временами.

Джек повернулся и быстро зашагал от отеля прочь. И она все время убегает, и ты убегаешь вместе с ней. Но от кого? И куда? Сюда, на этот заброшенный курорт? Джек перешел через широкую дорогу, ведущую в город. Теперь все пустое пространство вокруг

него превратилось в гигантский водоворот, в огромную песчаную воронку. Она засасывала его, чтобы выбросить в темном месте, где никогда не бывает мира и спокойствия.

Чайка сделала большой круг над дорогой и полетела к пляжу. Джек проводил ее взглядом, пока та не превратилась в маленькую белую точку над серой гладью воды.

Лестер Спиди Паркер, кучерявый негр с густыми бакенбардами, сейчас был скорее всего в парке. Именно он был нужен сейчас Джеку. Он понял это сразу, как только до него дошло, *кто такой* Морган Слоут. Вскрикнула чайка, солнечный луч, отразившись от воды, ослепил его, и он представил дядю Моргана и своего нового друга Спиди как символы Дня и Ночи, Луны и Солнца, Мрака и Света. Спиди понравился бы отцу, снова подумал Джек. Он был бы близок ему, он ведь бывший музыкант. А дядя Морган, он был близок ему с другой стороны, дядя Морган — деловой человек, он всю свою жизнь отдал бизнесу и бирже. Но он так честолобив, что позволяет себе мошенничать в азартных играх даже с собственным сыном. Впрочем, он мошенничает во всех своих делах. Это не тот человек, который умеет красиво проигрывать.

НОЧЬ И ДЕНЬ, ЛУНА И СОЛНЦЕ, МРАК И СВЕТ. Черный Спиди в такой полярной системе означал свет.

Внезапно новая волна неудержимого беспричинного страха накатила на Джека. Он вскочил и побежал.

2

Спиди сидел около пирса, опираясь на одной колено, — он наматывал толстый кабель на барабан. Грязная рабочая куртка задралась, обнажив потную спину. Увидев его, Джек с удивлением обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия, о чем он будет говорить. Да и собирался ли он говорить о чем-то вообще?

Спиди перевязал барабан, вынул из кармана складной нож и с ловкостью хирурга отсек конец кабеля. Джеку захотелось уйти, и он ушел бы, если бы мог. Ведь его никто сюда не звал, Спиди занят, да и глупо надеяться, что старый негр сможет хоть чем-то помочь ему. Что может сделать простой смотритель пустынного парка?

Спиди обернулся и увидел Джека. Лицо негра выражало искреннюю и дружескую радость. Улыбка тронула его губы, и Джек понял, что пришел вовремя.

— А, маленький путешественник! — поприветствовал Джека Спиди. — Я уже начал бояться, что ты больше не придешь. Рад снова видеть тебя, сынок!

— Я тоже очень рад.

Спиди убрал нож в карман и распрямился. Его длинное худое тело поднялось так легко и красиво, словно было невесомым.

— Все кругом приходит в упадок, — сообщил он. — Я постоянно все укрепляю, но все-таки...

Он смолк на полуслове и ласково посмотрел на Джека.

— Мир не настолько хорош, как кажется. Маленький путешественник Джек чем-то встревожен. Я угадал?

— Почти, — Джек до сих пор не знал, как же рассказать о том, что так мучило его. Он не мог уложить свои мысли в слова, обычные слова, понятные всем. Во-первых, во-вторых, в-третьих... Мир Джека больше не уместился в привычных рамках. Он не мог произнести ни слова.

Рядом со Спиди он казался маленьким. Руки Лестера сжались в кулаки в его карманах и глубокая морщина прорезала лоб между густыми седыми бровями. Его лучистые глаза цвета моря на мгновение встретились с глазами Джека и тот почувствовал себя намного лучше. Он не мог понять почему. Спиди, казалось, умел передавать ему свое настроение, как будто они встретились не неделю назад, а знали друг друга уже много лет.

— Ну, ладно, хватит работать, — сказал Спиди, глядя в сторону «Альгамбры». — Если я возьмусь за что-то еще, то обязательно испорчу. Ты ведь никогда не был у меня в домике?

Джек кивнул.

— Сейчас как раз самое время подкрепиться.

Спиди пошел вперед своей размашистой походкой. Джек едва успевал за ним, когда они спустились со ступенек и затопали по чахлой сухой траве к строениям в дальнем конце парка. Спиди снова удивил Джека, начав петь:

*Запомни, маленький мой Джек,
Запомни попрочней:
Был путь твой из дома далек —
Но путь домой длинней.*

Он не просто пел, он как будто разговаривал с ним. И если на слова Джек не обратил особого внимания, то мягким глубоким голосом Спиди он просто заслушался.

*«Был путь твой из дому далек,
Но путь домой длинней...»*

Спиди озорно взглянул на него из-за плеча.

— Послушай, почему ты меня так называешь? — спросил его Джек. — Почему я «маленький путешественник»? Потому что я из Калифорнии, да?

Они прошли мимо бледно-голубого билетного киоска у парковой ограды. Спиди снова засунул руки в карманы своих потрепанных зеленых брюк, развевающихся на щиколотках, и прислонился к низкому голубому заборчику. Привычность и быстрота его движений были прямо театральными, наигранными, как будто он заранее знал, что мальчик задаст именно этот вопрос именно в этот момент.

*Приехал он из Калифорнии,
И скоро вновь он будет там,*

пропел Спиди, и его глаза затуманились грустью.

*Наш бедный маленький бродяга
скушает по своим друзьям.*

— Что? — удивился Джек. — Я вернусь домой? Но ведь мама продала дом или сдала кому-то. Я не пойму, какого черта ты мне все это говоришь?

Спиди ответил на этот раз прозой:

— Держу пари: ты не помнишь, что мы с тобой раньше встречались. Угадал?

— Мы встречались? Где? Когда?

— По крайней мере в Калифорнии. Хотя, я думаю, мы встречались и позже. Не пытайся вспомнить, мы виделись всего несколько минут. Даже сейчас скажу, когда. Четыре или пять лет назад... Дай бог памяти... В 1976 году.

Джек посмотрел на Спиди, вконец обескураженный. В 1976-м? Ему тогда было семь лет...

— Давай зайдем в мою избушку, — предложил Спиди и оттолкнулся от билетного киоска все с той же легкой грацией. Джек последовал за ним.

Бледные тени, похожие на клетки для игры в крестики-нолики, лежали на мусорном баке, забитом пустыми пивными банками и конфетными обертками. Громада «американских горок» висела у него над головой, как недостроенный небоскреб. Спиди шел, стройный, как баскетболист, подняв голову и размахивая руками. Его тело в перекрещивающихся тенях горок выглядело очень молодо — видимо, Спиди сейчас находился в том далеком времени, когда он

был двадцатилетним парнем. Потом он вышел на солнце, и тяжелый груз пятидесяти с лишним лет вновь окрасил в пепельный цвет его волосы и согнул спину. Миновав последний ряд опор, Джек почувствовал, что все его грезы встают вокруг них. Об этом говорило и мимолетное преображение Спиди.

1976? Калифорния? Джек шел следом за Спиди, направлявшимся к маленькому красному домику у забора в самом дальнем конце удивительного парка. Джек был уверен, что он никогда не встречался со Спиди в Калифорнии... но воспоминания вернули его в другой, не менее странный вечер. Джеку было тогда шесть лет. Он играл с черной игрушечной машиной на тахте в офисе своего отца. Отец и дядя Морган тихо и таинственно разговаривали о чем-то непонятном:

«Они используют волшебство так же, как мы используем физику, понимаешь? Целая безумная держава, использующая магию вместо науки! А теперь попробуй понять, что нам грозит, если мы дадим им электричество, если мы дадим этим дикарям современное оружие. У тебя есть какие-нибудь соображения?»

«Слушай, Морган. У меня есть много идей, которые могли бы тебя заинтересовать...»

Джек все еще слышал голос отца, когда ему показалось, что что-то таится, шевелится в тени опор аттракциона. Он поспешил за Спиди, который уже открывал дверь своей маленькой хижины с блуждающей на губах улыбкой.

— О чем задумался, маленький путешественник? Твоя голова гудит от мыслей, как пчелиный улей. Давай-ка, снимай свою куртку и рассказывай.

Если бы Спиди улыбнулся чуть шире, Джек повернулся бы и убежал. Боязнь насмешек все еще преследовала его. Но лицо Спиди не выражало ничего, кроме добродушного приглашения к разговору. И Джек вошел в комнату.

Комната Спиди была прямоугольной, такой же красной внутри, как и снаружи. В ней не было ни стола, ни телефона. Две незаконченные тростниковые корзины висели на стене. На полу стоял электрообогреватель без корпуса, похожий на старый «понтяк». Посреди комнаты расположились деревянный школьный стул и кресло, обтянутое грубой серой материей. Его подлокотники, казалось, драли несколько поколений котов. Вытертые куски обивки свисали с него бахромой. На спинке стула были нацарапаны какие-то глупые надписи. Казалось, эта мебель попала сюда прямо со свалки. Впрочем, скорее всего, так оно и было. В одном углу лежали две стопки книг. В другом стоял проигрыватель, накрытый дермантином.

Спиди кивнул на обогреватель:

— Попади ты сюда в январе или феврале, ты бы понял, зачем мне нужна эта штука. Здесь зверски холодно зимой.

Но Джек уже рассматривал картинки, висевшие на стенах. Все до единой, они были вырезаны из журналов для мужчин. Женщины с грудями больше, чем головы, в неудобных позах сидели на деревьях, свесив толстые ноги. Их лица казались Джеку одновременно красивыми и хищными, как будто они хотели в поцелуе сорвать с вас кожу. Некоторые из них были чуть моложе его матери, другие — едва старше его самого. Джеку казалось, что все они, молодые и не очень, розовые и шоколадные или желтые, словно мед, — все хотели наброситься на него. Он спиной ощущал, что Спиди Паркер стоит сзади и наблюдает за ним. Вдруг среди порнографии он увидел пейзаж, и на секунду у него перехватило дух. Это тоже была фотография. Она тоже притягивала его взгляд, как будто она была объемной. Горы, ярко-зеленая трава, а над всем этим сияло глубокое ясное небо. Он узнал это место. Он никогда не был там, но, как ни странно, узнал все. Он видел его во сне.

— Что, нравится? — спросил Спиди.

Джек вспомнил, где находится. Женщины улыбались ему со стен.

— Да, нравится, — ответил Джек.

— Вот эту, — Спиди указал на фотографию с пейзажем, — я повесил сам. Все остальные были здесь еще до меня. Как-то рука не поднялась их сорвать. Они напоминают мне о моем возвращении.

Джек удивленно, ничего не поняв, посмотрел на Спиди. Старый негр подмигнул.

— Ты ведь знаешь это место, Спиди? — спросил Джек. — Где это?

— Может быть знаю, а может быть не знаю. Такой пейзаж может быть в Африке — где-нибудь в Кении. А может быть просто в моем воображении. Садись, где тебе удобно, маленький путешественник.

Джек поставил стул так, чтобы было видно картину.

— Неужели это Африка?

— Может быть, это намного ближе. Может быть, любой из нас может попасть туда, когда захочет. Если захочет.

Джек внезапно обнаружил, что он дрожит, и дрожит уже давно. Он сжался в кулак и почувствовал, как дрожь перебралась в желудок. Он не был уверен, что когда-нибудь захочет побывать в этом месте, но все же вопросительно посмотрел на Спиди, усевшегося рядом.

— Так это все-таки в Африке?

— Ну, я не знаю. Может быть. Я сам придумал для него название — Долины.

Джек взглянул на фотографию снова. Огромная зеленая равнина, невысокие бурые горы. Долины... Правильно. Именно так и надо это называть.

«...Они используют магию, как мы используем физику, понимаешь? Целая безумная держава... Этим дикарям современное оружие...»

Дядя Морган говорил, не останавливаясь. В редких паузах отец возражал:

«Мы должны действовать осторожно. Не забывай, что мы многим им обязаны».

— Долины... — прошептал Джек, пробуя слово на вкус.

— Воздух там похож на душистое вино. Там всегда идет мелкий дождик. Прекрасное место, сынок.

— Ты был там, Спиди? — спросил Джек, горячо надеясь, что услышит «да». Но Спиди разочаровал его. Сторож улыбнулся ему, и на сей раз это была настоящая улыбка, а не обычная доброжелательность. Минуту спустя он сказал:

— Нет, черт возьми, я никогда не был нигде, кроме этих Соединенных Штатов, мой маленький Джек, даже во время войны я никогда не заезжал дальше Техаса или Алабамы.

— А откуда ты знаешь про Долины? — Джек уже начал привыкать к этому слову.

— Такой человек, как я, слышит много всякого. Истории про двухголовых попугаев, про крылатых людей, про оборотней. Про больных королев...

«...волшебство, как мы используем физику, понимаешь?»

— Ангелы и оборотни? Я слышал истории про оборотней. Они есть даже в мультиках. Это ничего не значит, Спиди.

— Может, и не значит. Но я слышал, что если в Долинах один человек надкусывает яблоко, то другой слышит его запах — такой там чистый воздух.

— А ангелы?

— Люди с крыльями.

— И больные королевы, — попытался пошутить Джек. Ты, мол, сам не веришь в то, что говоришь, старый плут. Но не успел он произнести эти слова, как вдруг почувствовал себя больным. Ему вспомнилась чайка, разрывающая моллюска, черный глаз этой чайки, говоривший ему, что он тоже смертен; он слышал громкий голос дяди Моргана, спрашивавший про Королеву Лили.

Королева вторых ролей, королева Лили Кевинью.

— Да, — тихо сказал Спиди. — Несчастья окружают нас везде, сынок. Больные королевы... Они иногда умирают. *Умирают*, сынок. Остается только ждать, что кто-нибудь их спасет.

Джек замер с открытым ртом. Он чувствовал себя так, будто получил удар ниже пояса. Спасти ее? Спасти его мать? Его снова охватил страх. Как может *он* ее спасти? И означает ли этот сумасшедший разговор, что она действительно может умереть?!

— Теперь у тебя есть дело, — сказал Спиди. — Сам Бог дал его тебе. Я надеюсь, что ты справишься.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — ответил Джек. Ему стало трудно дышать.

В темном углу комнаты на стене Джек заметил гитару. Под ней лежал свернутый матрац. Спиди потянулся за гитарой.

— Я мечтаю, — сказал он, — что наступит такое время... Ты знаешь, о чем я говорю. Ты знаешь намного больше, чем тебе кажется. Один Господь Бог знает больше.

— Но я не понимаю... — начал Джек и осекся.

Теперь он испугался еще больше. Еще одно воспоминание о прошлом вернулось к нему, захватив все его мысли. Он весь покрылся холодным потом. Он вспомнил, как вчера стоял перед лифтом и его мочевого пузыря готов был лопнуть.

— Не говорил ли я тебе, что нам пора перекусить? — спросил Спиди, поворачиваясь лицом к шкафу.

Два чудовища снова всплыли в памяти Джека. Тяжелые ветви огромного дерева нависли над крышей их автомобиля.

Спиди нежно извлек из шкафа бутылочку. Она была из темно-зеленого стекла, и жидкость в ней казалась темной.

— Это должно помочь тебе, сынок. Попробуй. Только чуть-чуть. Ты многое поймешь. Ты поймешь, про какое дело я тебе говорю.

— Мне уже нужно идти, — выпалил Джек. — Я должен поскорее вернуться в гостиницу.

Старик удивился. Он поставил бутылку обратно. Джек был уже у двери.

— Я волнуюсь, — сказал он.

— О маме?

Джек кивнул.

— Что ж. Тогда тебе действительно стоит пойти посмотреть, все ли с ней в порядке. Я жду тебя в любое время, маленький путешественник.

— Хорошо, — сказал мальчик. Перед самой дверью он остановился. — Мне кажется я вспомнил, где мы раньше встречались.

— О, Господи, мои мозги сейчас лопнут! — воскликнул Спи-ди. — Ты был прав, мы никогда не встречались до прошлой недели, я просто пошутил. Ну, давай, иди к маме.

Джек вышел и побежал по дорожке к широкой арке, которая вывела его на улицу.

«ЯИДАКРА КРАП-АНУЛ» — прочитал он. Ночью с этого места тоже будет видно эту надпись, светящуюся в темноте яркими лампочками.

Пыль клубилась под ногами. Джек бежал, заставляя себя с каждым шагом бежать все быстрее. Пробегая под аркой, он уже готов был взлететь.

1976... Джек медленно брел по Родео-драйв в один из июньских дней. Или июльских? В один из жарких дней. Сейчас он даже не помнил куда он шел тогда. Может быть к друзьям? По крайней мере, дел у него в тот день не было. Он тогда только начал приходить в себя после смерти отца. Еще много месяцев после того, как с Филом Сойером произошел несчастный случай, его тень, его призрак преследовал Джека, куда бы он не пошел. В семь лет детство для него закончилось. Сейчас он вспоминал, каким глупым и наивным был еще год назад. Теперь он научился доверять своей матери. Опасности больше не мерещились в темных углах, в туалете, на вечерних улицах, в пустых комнатах. Но события этого трагического летнего дня 1976 года нарушили его душевный покой. Полгода после этого Джек спал, не выключая свет, каждую ночь его мучили кошмары.

Он вспомнил, как недалеко от их дома остановилась машина зеленого цвета. Это был не «мерседес» — все, что Джек тогда мог сказать о ней. «мерседес» — единственная марка автомобилей, которую семилетний Джек узнавал по внешнему виду. Водитель улыбнулся ему из окошка. Джек подумал, что этот человек — знакомый его отца Филадельфа Сойера. И решил с ним поздороваться. На заднем сиденье пристроился человек в круглых очках, настолько черных, что под них едва мог проникать солнечный свет. Он был одет в недорогой белый костюм. Водитель, не переставая улыбаться, что-то шепнул своему пассажиру, затем обратился к Джеку.

— Мальчик, ты случайно не знаешь, как добраться до отеля «Бeverли Хиллз»?

Значит, он не местный. Джек очень хорошо знал, где находится этот отель. Он указал пальцем направо. Отель был недалеко. Отец иногда ходил в ресторан «Бeverли Хиллз».

— Не сворачивая? — продолжая улыбаться, спросил водитель. Джек кивнул.

— Ты хороший парень, — сказал ему водитель. Пассажир хихикнул. — Он не очень далско?

Джек отрицательно мотнул головой.

— Кварталах в двух отсюда или дальше?

— Где-то так, — Джеку стало не по себе. Водитель все еще улыбался, но теперь эта улыбка была холодной и насмешливой. А тихий хохоток человека в очках походил на мокрые шлепки.

— Может быть, пять или шесть? Как ты думаешь?

— Да, точно, пять или шесть, — сказал Джек, отступив назад.

— Ну что же, спасибо, дружок, — сказала водитель. — Ты, наверно, любишь конфеты?

Он протянул руку в окно кабины и разжал ладонь.

— «Тутси Роул». Возьми, это тебе.

Джек неуверенно шагнул вперед, вспоминая тысячи жутких рассказов про незнакомцев с конфетами. Но этот человек не выходил из машины. Даже если бы он собрался что-нибудь сделать, ему пришлось бы по крайней мере открыть дверь, а за это время Джек смог бы отбежать достаточно далеко. К тому же не взять конфету было бы невежливо. Джек подошел ближе и заглянул в глаза водителю, голубые и такие же холодные, как его улыбка. Какой-то инстинкт вдруг шепнул ему отдернуть руку и убежать, но он дотянулся до конфеты и взял ее. Тут же рука водителя сомкнулась вокруг его запястья. Человек в черных очках громко захохотал. Джек еще раз взгляделся в глаза державшего его за руку и с ужасом увидел, как они изменились: теперь они были желтыми. Пассажир в белом костюме открыл дверь с другой стороны и вышел из машины. Маленький золотой крестик блеснул на лацкане его пиджака. Джек попытался вырваться, но водитель только усмехнулся и еще крепче сжал его руку.

— НЕТ! — закричал Джек. — ПОМОГИТЕ!

Человек в черных очках открыл заднюю дверь со стороны Джека.

— СПАСИТЕ! — еще громче крикнул Джек, чувствуя, что его пытаются запихнуть в машину. Он задергался изо всех сил, не переставая кричать, но человек в очках лишь усилил хватку. Джек бился в его руках, пытаясь вырваться из них, с ужасом и отчаянием он почувствовал, что под его пальцами не кожа, а вывернув голову, увидел, что его держит когтистая черная лапа. Он снова закричал.

Вдруг он услышал чей-то громкий голос:

— Эй, вы! Перестаньте мучить мальчика! Оставьте ребенка в покое, вам говорят!

Джек с трудом вдохнул воздух и вывернул голову, насколько позволяла хватка чудовища, именно чудовища, это уже был совсем

не человек, и увидел, как к ним бежит худой высокий негр. Существо, державшее Джека, бросило его на тротуар. Хлопнула дверь автомобиля.

— Быстрей, быстрей! — крикнул водитель, нажимая на акселератор. Человек в белом костюме прыгнул на заднее сиденье. Машина резко тронулась с места и понеслась по Родео-драйв, едва не врезавшись в длинный белый «клене», за рулем которого сидел загорелый мужчина в теннисной кепке, отчаянно сигналивший. Джек поднялся на ноги, у него кружилась голова. Лысый мужчина в кожаной охотничьей куртке появился перед ним.

— Кто это был? — спросил он. — Ты знаешь, как их зовут?

Джек отрицательно помотал головой.

— Может, вызвать полицию?

— Я хочу сесть, — сказал Джек, и лысый отошел на шаг.

— Так может все-таки вызвать полицию?

Джек еще раз мотнул головой.

— Ты живешь здесь поблизости? — не отставал лысый. — Мне кажется, я видел тебя раньше.

— Я Джек Сойер. Мой дом через квартал отсюда.

— А, такой белый! — закивал мужчина. — Дом Лили Кевинью! А ты ее сын? Давай, я провожу тебя до дома.

— А где тот, другой? — спросил его Джек. — Тот черный человек, который кричал.

Джек с трудом поднялся и отошел от человека в кожаной куртке. Кроме них двоих на улице никого не было.

Тот другой был Лестер Спиди Паркер. Именно он спас Джеку жизнь в тот день.

3

— Ты позавтракал? — спросила Джека мать, выпустив облако дыма. Ее волосы были убраны под шарф, завязанный наподобие тюрбана, и от этого лицо ее казалось еще более худым и болезненным. Увидев, что Джек не отрываясь смотрит на полуистлевшую сигарету в ее руке, она повернулась, и быстро погасила ее в пепельнице, стоявшей на туалетном столике.

— Да. То есть нет, — ответил Джек, прикрывая дверь в ее спальню.

— Так да или нет? — она повернулась к зеркалу. — Твои двусмысленные ответы меня просто убивают.

Ее отражение в зеркале, ее рука, накладывающая грим, казались совсем худыми.

— Нет.

— В таком случае подожди минутку. Как только твоя мама сделает себя красивой, мы спустимся с тобой вниз и купим все, что твоей душе будет угодно.

— Хорошо, — сказал Джек. — Там просто было слишком уныло. Мне стало скучно одному.

— Знаю я, почему ты скучаешь. — Она наклонилась к зеркалу, рассматривая свое лицо. — И все-таки посиди немного в зале. Мне надо кое-что сделать тут. Это мой маленький секрет.

Джек, не говоря ни слова, вышел. Вдруг зазвонил телефон. От неожиданности Джек чуть не подпрыгнул.

— Снять трубку? — спросил он.

— Да, конечно, — ответил ее спокойный голос.

— Алло? — сказал в трубку Джек.

— Привет, малыш. Наконец-то я тебя нашел, — промолвил дядя Морган Слоут. — О чем, в конце концов, думает твоя мать? Ты знаешь, что бывает, когда кто-нибудь перестает обращать внимание на детали? Она рядом? Скажи ей, что она должна поговорить со мной. Мне плевать, хочет она этого или не хочет, она должна!

Джек взял аппарат. Ему хотелось повесить трубку, сесть с матерью в машину и уехать в другой отель, в другой штат. Но вместо этого он крикнул:

— Мама! Это дядя Морган. Он говорит, что ему нужно поговорить с тобой.

Несколько секунд она молчала, и Джек представил себе ее лицо. В конце концов она ответила:

— Джеки! Я возьму трубку.

Он не знал, что ему делать дальше. Дверь в спальню была плотно закрыта, но Джек услышал, как она подошла к столику и взяла трубку.

— О'кей, Джеки, клади, — крикнула она.

— О'кей, — сказал он в ответ. Затем Джек поднес трубку к уху и плотно закрыл рукой микрофон, чтобы никто не услышал его дыхания.

— Твои дела плохи, Лили, — сказал дядя Морган. — Просто ужасны. Конечно, можно попытаться, например, запустить какую-нибудь «утку», вроде того: «Почему исчезла эта актриса?» Но...

— Как ты меня нашел? — спросила мать.

— Ты думаешь, тебя сложно найти? Не перебивай меня. Я хочу, чтобы ты оторвала свою задницу от кровати и вернулась в Нью-Йорк. Ты просто зря теряешь время из-за этой беготни.

— Почему ты так думаешь, Морган?

— Лили, послушай. У тебя не так уж много времени, да и мне некогда гоняться за тобой по всей Новой Англии. И пусть твой отпрыск отойдет от телефона!

— Он давно уже отошел.

— Малыш, повесь трубку! — сказал дядя Морган.

У Джека замерло сердце.

— Не будь смешным, Слоут, — сказала мать.

— Смешным? Сейчас я объясню тебе, кто из нас смешон, детка. Ты торчишь на каком-то занюханном курорте в то время, как тебе надо было бы быть в больнице! Вот это смешно! Ведь можно найти тысячу разных выходов, тысячу разумных решений. Я могу позаботиться об образовании твоего сына и много еще о чем. Я смотрю, ты совсем распустилась.

— Я не хочу с тобой больше разговаривать.

— Не хочешь? А надо. Если будет нужно, я сам приеду и силой положу тебя в больницу. Я приведу в порядок твои дела. Гвою часть компании я пока возьму на себя. Потом ее получит Джек, когда подрастет. А если ты думаешь, что сейчас ты заботаешься о нем притащив его в это богом забытое место, значит тебе еще хуже, чем я думал.

— Что тебе нужно, Слоут? — спросила Лили усталым голосом.

— Ты знаешь, что мне нужно. О каждом человеке кто-то должен заботиться. Я хочу взять опеку над Джеком. Он будет получать от меня по 50 000 долларов в год — подумай об этом, Лили. Я устрою его в хороший колледж. Ведь ты не можешь отдать его даже в школу!

— О, какое великодушие!

— Это не ответ. Лили, тебе нужна помощь, и только я могу тебе ее оказать.

— Да пошел ты знаешь куда!

— Знаю. Слушай меня дальше. Я все равно добьюсь того, чего я хочу. Я лез из кожи вон, чтобы компания «Сойер и Слоут» процветала, и она должна стать моей. Мы оформим все, и я стану вам помогать.

— Как Томми Вудбайну? — спросила она. — Иногда мне кажется, что вы с Филом были слишком удачливы. Но «Сойер и Слоут» была куда более кредитоспособной до того, как ты стал вкладывать деньги в недвижимость и промышленность. Кто теперь твои клиенты? Пара измотанных сатириков, полдюжины сумасшедших актеров и несколько безвестных писателей? Нет, раньше мне твои дела нравились больше.

— Слушай, кого ты учишь? — взорвался дядя Морган. — Ты не можешь содержать даже себя...

Он попытался взять себя в руки.

— Я забуду, что ты упомянула Томми Вудбайна, но это было низко с твоей стороны, Лили.

— Я вешаю трубку, Слоут. Не звони сюда больше и оставь Джека в покое.

— Ты ляжешь в больницу, Лили, и твои побег...

Мать повесила трубку, не дав ему договорить. Джек аккуратно положил свою трубку и тихо отошел подальше от телефона, чтобы мать ни в чем не заподозрила его. В спальне было тихо.

— Мама! — позвал он.

— Что, Джек? — ее голос слегка дрожал.

— С тобой все в порядке?

— Со мной? Да, конечно, — она тихо приоткрыла дверь. Их глаза встретились. Какое-то напряжение возникло между ними. — Конечно, все в порядке. Почему что-то должно быть не так?

Джек опустил глаза. Она что-то поняла, почувствовал он. Вот только что? Может быть, что он подслушал их разговор? А может быть, она просто подумала о том же, о чем и он — о своей болезни?

— Да, почему... — сказал Джек смущенно.

Болезнь матери стала запретной темой в их маленькой семье.

— Я точно не знаю, но мне показалось, что дядя Морган... — Джек запнулся.

Лили вздрогнула, и Джек понял, что с ней происходит. Мать боялась точно так же, как он. Она достала сигарету и щелкнула зажигалкой. Еще один острый взгляд упал на Джека.

— Не обращай внимания на этого паразита, Джек. Я разозлилась, потому что поняла, что от него никуда не спрячешься. Твоему дяде Моргану просто доставляет удовольствие выводить меня из себя. — Лили выпустила тоненькую струйку дыма. — Боюсь, что у меня пропал аппетит для завтрака. Почему бы тебе не поесть одному?

— Сходи со мной, — попросил Джек.

— Я хочу немного побыть одна. Постарайся меня понять, Джеки.

«Постарайся меня понять. Поверь мне». Когда взрослые говорят так, они часто подразумевают под этим нечто совсем иное.

— Я буду разговорчивее, когда ты придешь. Пожалуйста, я прошу тебя.

На самом деле она хотела сказать: *«Я хочу выплакаться. У меня никак не укладывается в голове все это... Прошу тебя, уйди!»*

— Тебе принести чего-нибудь?

Она отрицательно покачала головой, тихо улыбаясь. Джек вышел из комнаты, и только сейчас почувствовал, как он голоден. Он побрел по коридору к лифту.

Только в одно место мог он отправиться сейчас. Он понял это, еще выходя из дверей номера.

4

Спиди Паркера не было ни в маленькой красной хижине, ни около пирса, ни под аркой, где двое старичков все еще играли в теннис. Его не было и под темной громадой «американских горок». Джек в отчаянии огляделся по сторонам, всматриваясь в пустынные аллеи парка. Все внутри у него сжалось. Вдруг со Спиди что-то случилось? Этого не может быть, хотя, если бы дядя Морган узнал о нем (впрочем, что он мог узнать?), то... Джек представил, как черный фургон выворачивает на бешеной скорости из-за угла...

Джек пошел вперед, еще не зная, куда и зачем. В голове его был сплошной сумбур: ему представился дядя Морган, бегущий по коридору из кривых зеркал, из которых на него смотрели ужасные монстры и бесформенные темные фигуры, рога вырастали на его лысине, за плечами наливался горб, руки превращались в когтистые звериные лапы...

Джек резко повернул направо и увидел, что приближается к странному круглому строению из тонких белых досок. Изнутри донеслось ритмичное постукивание, словно молотком били по наковальне или гаечным ключом по водосточной трубе. Среди досок Джек нашел криво сбитую дверь без ручки и толкнул ее вперед.

Внутри было темно. Звук был слышен отчетливее. Глаза Джека постепенно привыкали к темноте и вскоре он разглядел смутные очертания стен. Он пошарил руками по стенкам и нашел выключатель. Под потолком загорелась лампочка, испускавшая тусклый желтый свет.

— А, маленький путешественник! — раздался голос Спиди.

Джек обернулся и увидел своего друга, сидящего на земле перед разобранной каруселью. В руке он держал гаечный ключ. Перед ним лежала белая лошадь с поролоновой гривой. Серебристая трубка торчала из ее брюха. Спиди положил ключ на землю и спросил:

— Ну что, сынок, теперь ты готов поговорить?

Глава 4 ДЖЕК СТАНОВИТСЯ ДРУГИМ

1

— Да, я готов, — совершенно спокойным голосом ответил Джек. И внезапно расплакался.

— Успокойся, маленький путешественник, — сказал Спиди, подойдя к нему. — Не плачь, сынок, успокойся.

Но Джек не мог успокоиться. Он только зарыдал еще громче, и ничто не могло остановить этот плач, как ничто не может осветить вечную тьму.

— Ну что ж, раз плачется — плачь, — Спиди положил руку Джеку на плечо. Джек уткнулся носом в его куртку. Она пахла какими-то приправами, чем-то вроде корицы, и старыми книгами, заваливавшимися на полке. Приятный успокаивающий запах. Джек обнял Спиди. Его пальцы вцепились в худую жилистую спину друга.

— Поплачь, если тебе легче от этого, — сказал Спиди, похлопывая его по спине. — Иногда это помогает. Я знаю. Спиди знает, что с тобой, маленький путешественник. Он знает, как ты устал. Так что поплачь.

Джек не разбирал его слов. Только тихие успокаивающие звуки его голоса долетали до его сознания.

— Мама серьезно больна, — сказал наконец Джек, глядя в глаза Спиди. — Она надеялась что здесь она спрячется от компаньона отца, от Моргана Слоута.

Джек всхлипнул и вытер заплаканные глаза тыльной стороной ладони. Он удивился, что не чувствует ни капли смущения — раньше он всегда стыдился слез. Может, из-за того, что мама была такой твердой? Это была одна из причин. Лили Кевинью действительно очень редко давала волю слезам.

— Но ведь она приехала сюда не только за этим?

— Нет, — тихо ответил Джек. — Я думаю... Я думаю, что она приехала сюда умереть.

Его голос сорвался на последнем слове, словно скрипнула несмазанная дверь.

— Может быть, — сказал Спиди, глядя в глаза Джеку. — А ты здесь, может быть, для того, чтобы спасти ее. Ее... и женщину, очень похожую на нее.

— Кого? — Еле выговорил Джек. Его язык словно окаменел. Но тут же он понял. Он не знал, как ее зовут, но был уверен, что понимает, о ком говорит Спиди.

— Королеву, — ответил Спиди. — Ее имя — Лаура де Луизиан, она — Королева Долин.

2

— Помоги-ка мне, — попросил Спиди. — Возьми Серебряную Леди за хвост. Это, конечно, непозволительная вольность, но, я думаю, она простит тебе, если ты поможешь мне поставить ее на место.

— Как ты ее назвал? Серебряная Леди?

— Ну да, — улыбнулся Спиди, показав все свои тридцать два зуба. — Ведь все лошади на карусели имеют свои имена. Разве ты не знал? Ну, взяли!

Джек вцепился в белый деревянный хвост лошади. Спиди, кричтя, взял ее за голову. Вместе они дотащили ее до края карусели, где торчал предназначавшийся для нее столбик, густо намазанный машинным маслом.

— Левее! — скомандовал Спиди, запыхавшись. — Так! Теперь опускаем! Опускай!

Они стояли рядом. Джек, тяжело дыша, и Спиди, улыбаясь. Негр вытер пот со лба и хитро подмигнул Джеку.

— Как ты думаешь, не замерзли ли мы сегодня? И не надо ли нам согреться?

— Ну, если ты так считаешь...

— Да, именно так я и считаю!

Спиди полез в карман и вынул оттуда все ту же темно-зеленую бутылочку. Он открутил пробку. Они выпили, и на мгновение Джек почувствовал себя крайне странно — ему показалось, что он видит сквозь тело Спиди. Тот стал прозрачным, как привидение из «Топпер-Шоу», которое он видел в Лос-Анджелесе. «Спиди исчез! Исчез! — подумал Джек. — Или куда-то улетел!» Но это была безумная, глупая мысль. Спиди вскоре стал таким же, как был, непрзрачным. Он снова хитро прищурился.

«Кошмар какой-то. Его же здесь не было секунду назад. Бред. Чертовщина».

Спиди посмотрел на Джека серьезно. Он забрал у него бутылочку и покачал головой. Плотнo закрутив пробку, он отправил бутылку в карман. Серебряная Леди застыла на своем обычном месте в карусели. Спиди улыбнулся.

— По-моему, мы ни капельки ни согрелись, мой маленький путешественник.

— Но, Спиди! — начал было Джек.

— Каждая из них имеет свое имя, — сказал Спиди, медленно обходя карусель. Шаги его гулко отдавались вверх. Тихо чирикали ласточки, мелькая в переплетениях солнечных лучей. Джек шел за Спиди.

— Серебряная Леди... Полночица... Вот этот чалый — Скаут... А это Элла Спид.

Негр откинул голову и запел, распугав при этом ласточек:

*Очень любит Элла Спид
Бегать и играть,
И не знает Билли Мартин,
Как ее поймать?*

— Смотри, она сейчас взлетит! — Спиди громко расхохотался, но когда он повернулся к Джеку, его лицо снова было совершенно серьезным.

— Ты не догадываешься, как спасти жизнь твоей матери? Ей и той женщине, про которую я тебе сказал?

— Я...

«Я не знаю», хотел было сказать Джек, но внутренний голос, голос, донесшийся из такой же закрытой комнаты, из детских воспоминаний, прогремел в его голове: «*Знаешь! Ты не справишься без Спиди, но ты знаешь, что нужно делать!*» Джек сразу узнал этот голос. Голос своего отца.

— Расскажи мне, — голос Джека дрожал.

Спиди отошел к дальней стене комнаты — огромный полукруг, сбитый из тонких дощечек, был расписан грубыми, но очень живыми силуэтами скачущих коней. Глядя на него, Джек вспомнил круглый стол в конторе отца — теперь этот стол стоял в кабинете Моргана Слоута — Джек видел его, когда последний раз ходил туда с матерью. Это воспоминание злобой и болью отозвалось в его сердце.

Спиди вытащил огромную связку ключей, нашел среди них нужный и вставил его в висячий замок. Затем раскрыл его, снял и положил в один из бесчисленных карманов. Он потянул за петлю, и вся стена отъехала назад. Яркий свет ворвался внутрь, ослепив Джека. Солнечные лучи весело заиграли на полу. Джек наслаждался великолепным видом на море, который открывается маленьким всадникам карусели, когда Серебряная Леди или Полночица или Скаут пролетают по этой стороне ее. Легкий ветерок растрепал волосы Джека.

— Об этом лучше говорить при солнечном свете, — сказал Спиди. — Подойди ко мне, маленький путешественник. Я расскажу тебе, что смогу. Что я знаю. Боже упаси тебя от этого.

3

Спиди заговорил тихим голосом, мягким и успокаивающим. Джек слушал, иногда хмурясь, иногда поднимая брови от удивления.

— Ты часто мечтаешь?

Джек кивнул.

— Так вот, Джек. Это не просто мечты, это не фантазии и не сны. Все, о чем ты мечтаешь, все, что тебе снится, есть на самом деле. Все места, где ты побывал в своих снах, действительно существуют. Они не в нашем мире, но они есть.

— Спиди, моя мама говорит...

— Это все ерунда. Она не знает о Долинах. Хотя она должна знать о них, потому что твой отец знал о них. И еще один человек.

— Морган Слоут?

— Кажется, да. Он тоже знает. А я знаю, *кто* он там, — продолжил Спиди загадочно.

— Так значит, это... не Африка?

— Не Африка.

— А ты не врешь?

— Не вру.

— И мой отец был там? — спросил Джек, хотя знал, что Спиди ответит, и знал, что его ответ прояснит многое. Джек не был уверен, что ему хочется во все это верить. Волшебные земли? Больные Королевы? Джеку стало тревожно и неудобно. Разве мама в детстве не повторяла ему столько раз, чтобы он не путал свои сны с тем, что есть на самом деле. Она была очень строгой в эти минуты, и это пугало Джека. Теперь он понял, что она тоже боялась. Могла ли она прожить с отцом столько времени и ничего не знать? Джек не думал так. Может быть, она не знала многого, но того, о чем она только подозревала, оказалось достаточно, чтобы так ее напугать. «Сумасброд», — часто называла она его. Для нее все, кто не видел разницы между реальностью и фантазией, были сумасбродами. Но ведь отец знал всю правду? Он и Морган Слоут.

«Они используют волшебство так же, как мы используем физику, понимаешь?»

— Да. Твой отец там часто бывал. Он и этот другой. Гроут.

— Слоут.

— А? Д-да. Он. Он тоже бывал там. Только твой отец, он был там для того, чтобы смотреть и изучать. А его спутник — для того, чтобы мешать его делу.

— Это Морган Слоут убил моего дядю Томми? — спросил Джек.

— Об этом я ничего не знаю. Слушай меня, маленький путешественник. У нас очень мало времени. Если ты действительно думаешь, что этот человек, Слоут, собирается приехать сюда, то значит...

— Значит, он сошел с ума, — сказал Джек. Его раздражала и бесила даже мысль о том, что дядя Морган может появиться на пляже «Аркадии».

— Значит у нас с тобой совсем мало времени. Потому что скорее всего ему нужно, чтобы твоя мать умерла. А его двойник желает смерти королеве Лауре.

— Двойник?!

— У некоторых людей в нашем мире есть двойники в Долинах, — отвечал Спиди. — Их куда меньше нашего, и только один из ста тысяч имеет там двойника. Эти люди могут с легкостью переходить из одного мира в другой.

— Эта королева... Она — двойник моей мамы?

— Да. Лаура в точности такая же, как она.

— Но ведь моя мама...

— Нет. Она никогда там не была. Ей это не было нужно.

— А у отца тоже был там двойник?

— Конечно. Очень хороший человек.

Джек облизнул пересохшие губы. До чего же странный разговор они вели! Долины, двойники...

— А когда мой отец умер здесь, его двойник там тоже умер?

— Да. Не сразу же, но очень скоро.

— Спиди...

— Что, Джек?

— И у меня есть двойник? В долинах?

Спиди посмотрел на Джека так серьезно, что тот вздрогнул.

— Нет, сынок. Ты особенный. Ты один, только здесь. И этот Смоут...

— Слоут, — поправил Джек, слегка улыбнувшись.

— Да, Слоут. Так вот. Он это знает. Это одна из причин того, что он скоро будет здесь. Тебе пора начинать действовать.

— Но как? — воскликнул Джек. — Что я могу сделать? Это же рак! А мама совсем не лечится. Если она здесь, значит, она решила...

Слезы брызнули из его глаз.

— ...что все бесполезно.

Все бесполезно.

Да, это тоже была правда, которую знало только его сердце. Это объясняло и то, что она так быстро похудела, и круги под ее глазами. «Но, боже мой, она ведь моя мама!»

— Я хочу спать, — закончил Джек сдавленным голосом. — Чем нам может помочь это место?

— По-моему, мы уже достаточно поговорили, — сказал Спиди. — Я не стану объяснять тебе, куда ты должен идти и что делать, пока ты сам не почувствуешь в себе силы помочь ей.

— Но...

— Помолчи, маленький путешественник. Нам больше не о чем говорить до тех пор, пока я не покажу тебе кое-что. До того я ничем не могу тебе помочь. Пойдем.

Спиди обнял Джека и обвел его вокруг карусели. Потом они вместе вышли прочь и пошли по пустынным аллеям парка. Слева был умолкший автодром, пустой, как и все здесь в это время года. Справа — ряды торговых палаток: «Знаменитая пицца и пончики», «Мороженое», тир и зверинец. Звери: тигры, львы, медведи — выглядывали из-за решеток. Спиди и Джек вышли на Центральную Набережную. Так ее называли, наверно, в подражание Атлантик-Сити. В «Аркадии» никакой набережной не было и в помине, был только пирс, и сейчас они шли в сотне ярдов от него. Ярдах в двухстах справа от них виднелась арка входа в парк. Джек слышал равномерный грохот разбивающихся о берег волн, одинокие крики чаек. Он посмотрел на Спиди, как бы спрашивая: «Что же теперь? Что дальше? Все это серьезно или это просто идиотская шутка?» Но он промолчал. Спиди достал из кармана зеленую бутылочку.

— Это... — произнес Джек.

— Поможет тебе попасть туда, — продолжил за него Спиди. — Большинство людей, которые бывали там, не нуждаются в подобных вещах. Но ты ведь ни разу не был там, Джеки?

— Нет.

Когда же он в последний раз погружался в волшебный мир своих мечтаний, под его глубокое чистое небо? В прошлом году? Нет, это было еще в Калифорнии, после смерти отца. Тогда ему было...

Глаза Джека широко открылись от удивления. Девять лет?! Так давно, три года назад? Страшно подумать, как тихо, как бесследно все его сны, иногда прекрасные, иногда страшные, уходят в никуда, умирая без вести, без печали... Джек взял бутылку из рук Спиди и открутил пробку. Легкий трепет охватил его. Конечно, многие его видения были беспокойными, и мать постоянно твердила, чтобы *он не путал* реальность и вымысел — иными словами, «не сходи с ума, Джеки!». Но только сейчас он понял, что на самом деле не хочет

покидать этот мир. Джек взглянул в глаза Спиди и подумал: *«Наверно, он тоже все это знает. Он знает наперед каждую мою мысль. Кто ты такой, Спиди?»*

— Когда первый раз попадаешь туда, можно забыть, как вернуться обратно по собственной воле, — Спиди кивнул на бутылку. — Для этого я достал немного магической жидкости. Это особое вещество!

Последнюю фразу Спиди произнес с благоговением.

— Она оттуда, из Долин?

— Нет. Волшебство бывает и в нашем мире. Они принесли часть его сюда. Эта бутылочка из Калифорнии.

Джек посмотрел на Спиди с сомнением.

— Выпей столько, сколько тебе нужно, чтобы отправиться в путешествие. Это ты должен почувствовать сам. Когда ты выпьешь это, ты окажешься там, где пожелаешь. Это говорю тебе я.

— Это, конечно, здорово, Спиди, но... — Джек испугался. Во рту у него пересохло, солнце казалось слишком ярким, кровь застучала в висках. Он почувствовал под языком горечь и подумал: *«У его магической жидкости, наверно, такой же ужасный вкус».*

— Если ты испугаешься и захочешь вернуться, сделаешь еще один глоток, — сказал Спиди.

— Так я возьму эту бутылку с собой? — мысль о том, что он может остаться один в каком-то далеком, таинственном мире, в то время как его мать больна и Слоут собирается приехать за ней, была невыносима для Джека.

— Да. Мое слово.

— Хорошо. — Джек поднес бутылку к губам... И снова опустил. Запах был резкий и прогорклый.

— Я не могу, Спиди, — прошептал он.

Лестер Паркер взглянул на него. Его губы улыбались, но глаза оставались серьезными и строгими. Страшно, но выбора нет. Джек подумал о черных глазах: глаз чайки, глаз песчаной воронки... Ужас охватил его. Он протянул бутылку Спиди.

— Забери ее, — попросил он слабым голосом. — Пожалуйста.

Спиди молчал. Он не стал напоминать Джеку, что его мать умирает и что Морган Слоут скоро будет здесь. Он не назвал Джека трусом, хотя тот ни разу в жизни не трусил сильнее, чем сейчас. Спиди просто медленно отвернулся и начал что-то тихо насвистывать себе под нос. Теперь к страху добавилось ощущение одиночества. Спиди отвернулся от него. Спиди повернулся к нему спиной.

— Ладно, — неожиданно для себя сказал Джек. — Я знаю, что это важно. Я сделаю это.

Джек снова поднял бутылку и, не раздумывая ни секунды, выпил.

Вкус был хуже, чем он предполагал. Он раньше пробовал вино и оно ему даже нравилось. Особенно он любил белые сухие вина, которыми угощала его мать. Это тоже было слегка похоже на вино. Вернее, это была какая-то ужасная пародия на все, что он пробовал раньше. Вкус гнилого, заплесневевшего винограда. И тут же Джек увидел этот виноград — белый, пыльный, скользкий и тошнотворный, сваленный у какой-то грязной стенки. Над ним тучей вились мухи. Горло горело огнем. Джек скривился, закрыл глаза. Его тошнило. Джек подумал, что если бы он хоть что-нибудь съел на завтрак, его бы обязательно вырвало.

— Спиди! — Джек открыл глаза, и все слова застыли у него на губах. Он забыл о своей тошноте, он забыл мать, дядю Моргана, отца. Он забыл все. Спиди исчез. Исчезла темная громада «американских горок», исчезла Центральная Набережная. Он был совсем в другом месте. Он был...

— В Долинах... — прошептал Джек. Все его существо было охвачено смесью страха и безудержного веселья. Он чувствовал, как вставшие дыбом волосы щекочут затылок и глупая улыбка расплывается по лицу.

— Господи, Спиди! Я здесь, я в Долинах!

Джека охватило любопытство. Он зажал рот рукой и медленно оглядел то место, куда перенесла его магическая жидкость Спиди.

4

Океан был там же, но теперь он был темнее — индигового цвета. Минуту Джек стоял замороженный, обдуваемый морским ветерком, пристально вглядываясь в линию горизонта, где темно-синий океан сливался с небом цвета выцветших джинсов. Горизонт незаметно, но явно искривлялся.

Джек мотнул головой и, нахмурившись, повернулся в сторону. Высокая трава, волнуемая под ветром, росла там, где минуту назад стояла карусель. Пирс тоже исчез. Вместо него Джек увидел беспорядочное нагромождение каменных глыб, уходящее далеко в океан. Волны перекачивались через них и задерживались в древних трещинах и впадинах на берегу. Ветер сдувал плотную пену, похожую на взбитый крем.

Джек ущипнул изо всех сил себя за щеку. Он почувствовал резкую боль, глаза его наполнились слезами, но вокруг ничего не изменилось.

— Да... Это все на самом деле, — прошептал Джек. И еще одна волна разбилась о берег, превратившись в миллионы брызг.

Джек неожиданно обнаружил, что Центральная Набережная была и здесь: изрезанная колеями дорога начиналась от оставшегося в «реальном» мире пирса, проходила мимо места, где сейчас стоял Джек, и уходила дальше на север. В этом же направлении тянулась и Центральная Набережная, переходившая в авеню «Аркадии», начинаясь от входа в парк.

Между колеями росла трава. Но она была грязной и истоптанной, и Джек понял, что дорогой пользуются. По крайней мере, время от времени.

Джек пошел на север, все еще держа бутылку в руке. Ему представилось, как там, в другом мире, лежит в кармане у Спида снятая с нее пробка.

«Интересно, я для него тоже исчез? По-моему, да. Вот здорово-то!?»

Пройдя шагов сорок вдоль дороги, Джек наткнулся на заросли ежевики. Он никогда не видел таких крупных сочных ягод. В его животе, еще не оправившемся после магической жидкости, протяжно заныло.

«Ежевика? В сентябре?»

А, не стоит обращать внимания. После всего, что произошло сегодня (а ведь было-то еще всего десять часов утра!), такая находка уже не удивляла.

Джек нагнулся, собрал пригоршню ягод и отправил их себе в рот. Они были удивительно сладкими, приятными на вкус. Улыбаясь посиневшими губами, Джек подумал, что скорее всего он сошел с ума. Он собрал еще горсть... Потом еще одну... Ничего вкуснее он, казалось, не пробовал никогда в жизни. Казалось, в ягодах была вся неправдоподобная кислота и аромат здешнего воздуха.

Потянувшись за четвертой горстью, Джек сильно поцарапался. Кусты словно говорили ему: «Хорошего понемножку». Он пососал ранку, поднялся и медленно пошел вдоль дороги дальше на север, стараясь ничего не упустить из виду.

Пройдя совсем немного, он остановился и взглянул на солнце. Оно было меньше, чем обычно, и казалось более ярким и горячим. Был ли у него чуть оранжевый оттенок, как на средневековых картинках? Пожалуй, да. К тому же...

Резкий хриплый крик, будто гвоздь медленно вытаскивали из доски, раздался справа от Джека, спутав все его мысли. Джек обернулся. Плечи его приподнялись, а глаза расширились от страха.

Это была чайка, чайка умопомрачительных, абсолютно неправдоподобных размеров, но такая же реальная здесь, как он сам. Она была размером с большого орла. Чайка сидела, неестественно вывернув свою круглую белую голову, и пронзительно смотрела на Джека. Массивный, загнутый на конце клюв то раскрывался, то захлопывался. Трава вокруг нее колыхалась от взмахов огромных крыльев.

Чайка направилась к Джеку, казалось, нисколько его не боясь. Где-то вдаль слышались едва различимые звуки, как будто медные трубы играли похоронный марш. Джек, сам не зная почему, вдруг вспомнил о матери. Он повернулся на север, откуда доносилась эта музыка, — что-то ужасающее было в звуках труб. Чувство, охватившее Джека, было похоже на страстное желание чего-нибудь особенного, того, что бывает очень редко, например, конфет или мороженого... Об этом не думаешь, пока не увидишь, но как только увидишь, желание получить это будет преследовать тебя постоянно.

Вдалеке Джек разглядел флажки и верхушку чего-то, похожего на палатку или шатер. «На этом месте должна стоять «Альгамбра», — подумал он. Чайка пронзительно крикнула над самым его ухом, как ему показалось. Он посмотрел в ее сторону и с ужасом обнаружил, что она всего лишь в двух метрах от него. Вновь открылся желтый клюв, и Джек увидел грязно-розовую глотку. Это заставило его вспомнить вчерашний день, чайку, уронившую моллюска на песок. Та чайка так же пристально смотрела на него. Она смеялась над ним, он был уверен в этом. Когда она на своих кривых лапах подошла поближе, Джек почувствовал исходящий от нее противный запах мертвой рыбы и гниющих водорослей. Чайка зашипела на него и хлопнула крыльями.

— Пошла прочь! — крикнул Джек. Сердце его иступленно билось, во рту пересохло, но Джек не желал, чтобы его напугала какая-то чайка, пусть даже очень большая. — Ну, пошла!

Чайка снова открыла клюв. Теперь в ее крике Джек, казалось, разобрал слова:

*А-а а-а-а-эк! А-а а-а-а-эк, эк!
Мама умирает, Джек!*

Чайка сделала еще один маленький шагок к нему. Чешуйчатые когтистые лапы, открывающийся и закрывающийся клюв, пристальный взгляд черных глаз... Не совсем понимая, что он делает, Джек схватил зеленую бутылку и сделал глоток.

Снова отвратительный вкус заставлял его крепко зажмурить глаза.

Когда он открыл их, то увидел перед собой желтый дорожный знак: бегущие маленькие мальчик и девочка. «Осторожно, дети!» — гласила надпись под ним. Чайка, на этот раз нормальных размеров, с криком вылетела у него из под ног, испуганная его неожиданным появлением. Джек оглянулся по сторонам и у него закружилась голова. Желудок, полный ежевики и магической жидкости, вывернуло наизнанку. Мышцы ног начали неприятно подрагивать, и он опустился на бетонное основание знака. Резкая боль пронзила позвоночник и заставила его крепко стиснуть зубы. Джек упал на колени и широко открыл рот, уверенный, что сейчас его вырвет. Но вместо этого он только пару раз икнул и почувствовал, как желудок опустился на место. «Наверно, это из-за ягод, — подумал Джек. — Если бы из-за жидкости, меня бы вырвало еще в первый раз».

Джек поднялся и почувствовал, что все окружающее его снова кажется неестественным и ненастоящим. Он прошел не больше шестидесяти шагов в Долинах по дороге, в этом он был уверен. За один шаг он делал по полметра, ну пусть даже метр. Однако... Джек посмотрел вперед и увидел арку с большими красными буквами «ЛУНА-ПАРК «АРКАДИЯ». Хотя зрение у него было отличным, он не мог прочитать эту надпись, так далеко от него она была. Справа он увидел многокрылую «Альгамбру», раскинувшиеся вокруг нее сады и океан. В Долинах он прошел меньше, чем полкилометра. Здесь же они превратились в целую милю.

— О, Господи! — прошептал Джек и закрыл лицо руками.

5

— Джек! Джек! Маленький путешественник!

Голос Спиди едва был слышен из-за рева мотора. Джек поднял отяжелевшую голову, чувствуя, как все части его тела наливаются усталостью, и увидел, как старый грузовик медленно катится прямо на него. Самодельные борта грузовика, сделанные из разнокалиберных досок, походили на кривые зубы. Кабина была выкрашена в бирюзовый цвет. За рулем сидел Спиди.

Он остановился напротив знака, «расстрелял» двигатель (*бах, бах, ба-бах!*) и «прикончил» его (*фи-и-и-у!*). Затем быстро выскочил из кабины.

— С тобой все в порядке, Джек?

Джек протянул ему бутылку:

— Твоя магическая жидкость — редкая гадость, Спиди.

Спиди сперва обиженно посмотрел на Джека, потом улыбнулся:
— А кто тебе сказал, что все лекарства должны быть сладкими?
— Никто, — ответил Джек. Он чувствовал, как силы медленно возвращаются к нему. Головокружение прекратилось.

— Теперь ты веришь в это, Джек? — спросил Спиди.

Джек кивнул.

— Нет, скажи громко.

— Долины, — сказал Джек, — они есть, они на самом деле. Я даже видел птицу...

Джек вздрогнул и запнулся.

— Какую птицу? — быстро спросил Спиди.

— Чайку, огромную говорящую чайку! — Джек встряхнул головой. — Ты, наверно, не поверишь.

Он задумался на секунду и сказал.

— Нет, я думаю, ты поверишь. Никто на свете не поверит, а *ты* поверишь.

— Ну, говорящую, и что? Здесь тоже многие птицы разговаривают. Правда, в их речах, как правило, нет смысла. У некоторых только есть намек на смысл. Но такой слабый...

Джек снова кивнул. Слушая рассуждения Спиди об этих вещах (как будто в них не было ничего необычного), Джек постепенно успокоился.

— Мне кажется, она говорила. Но это было похоже.. — Джек задумался. — В нашей школе в Лос-Анджелесе учился один мальчик, Брендан Льюис. У него был дефект речи и его трудно было понять. Птица говорила точно так же. Но я понял, что она сказала. Она сказала, что моя мама умирает.

Спиди положил ему руку на плечо, и они присели на бетонную тумбу дорожного знака. Портье, бледный и худой, подозревающий всех и вся, вышел из отеля с пачкой писем в руке. Спиди и Джек молча наблюдали за ним, пока тот не дошел до угла авеню «Аркадии» и Пляжного Проезда и опустил всю корреспонденцию в почтовый ящик. Сделав это, портье обернулся, смерил Спиди и Джека пронизывающим взглядом и скрылся в отеле. Скрип двери был слышен далеко и четко, и Джек снова почувствовал, как тихо и безлюдно все вокруг на этом осеннем курорте. Широкие пустынные улицы, пляж с пустынными дюнами. Опустевший парк. Вагончики «американских горок», задержанные брезентом. Закрытые ларьки.

Джек вновь подумал, что мать привезла его в место, очень похожее на край света.

Спиди снял руку с плеча Джека и спел мягким приятным голосом:

*Слишком долго смотрю я на эти дома.
Надоела мне эта дыра.
Лето уходит, приходит зима:
Уходить мне, пожалуй, пора.*

Вдруг он замер и взглянул на Джека:

— Как тебе кажется, тебе не пора тоже отправляться в путь, маленький путешественник?

Джек вздрогнул всем телом.

— Я отправлюсь, — сказал он. — Если это поможет. Если это поможет ей. Я могу помочь ей, Спиди?

— Можешь! — торжественно ответил Спиди.

— Но...

— Да тут целый грузовик всяких «но»! Нет, даже целый вагон. Я не говорю, что удача достанется без труда. Я не обещаю, что ты вернешься живым или что не сойдешь с ума...

— Как ты думаешь, Спиди, почему я прошел в Долинах всего несколько шагов, а здесь оказался на целую милю дальше? Потому что Долины намного меньше?

— Да.

— Странно все это. Сплошная путаница.

Вопрос, заинтересовавший Джека раньше, снова вернулся к нему. И хотя сейчас он был не совсем уместен, Джеку все же хотелось задать его.

— Спиди, а я исчезал? Ты видел, как я исчезал?

— Ты ушел вот так, — Спиди хлопнул в ладоши.

Джек почувствовал, как невольная улыбка медленно расплывается по его лицу. Спиди улыбнулся в ответ.

— Хотел бы проделать такое как-нибудь на уроке у мистера Белгоу! — И Спиди захохотал как ребенок. Джек присоединился к нему. Смех был легким и приятным, как вкус ежевики из Долин. Но минуту спустя Спиди вновь стал серьезен.

— Знаешь, зачем тебе надо быть в Долинах, Джек? Ты должен достать кое-что. И это кое-что обладает огромной силой.

— И оно там?

— Ну конечно там, где же еще?

— И оно может помочь маме?

— Да, и не только ей.

— Королеве?

Спиди кивнул.

— А что это? Где оно? Как его...

— Ну, ну, хватит. Остановись, — Спиди поднял руку. Лицо его было очень серьезным. — Все по порядку, Джек. К тому же, не стоит спрашивать меня о том, чего я не знаю... или не могу рассказать.

— Не можешь? — удивленно переспросил Джек. — Но кто тебе не разрешает?

— Вот-вот, опять! — одернул Джека Спиди. — А теперь слушай, маленький путешественник. Чем быстрее ты отправишься в путь, тем лучше. До того, как этот человек, Блоут или как его там...

— Слоут.

— Вот именно. В общем, до того, как он будет здесь.

— Но он отравит мою маму, — сказал Джек, сам удивляясь своим словам. Сказал ли он это потому, что это было правдой? Или же он хотел оправдаться перед Спиди за попытку уклониться от путешествия, решиться на которое было, как казалось Джеку, все равно, что есть отраву, заранее зная о результате. — Ты не знаешь его. Он...

— Я знаю его, — спокойно сказал Спиди. — Я знаю его давно, маленький путешественник, и он знает меня. На нем есть следы моих рук. Он прячет их, но не может от них избавиться. А твоя мама вполне может постоять за себя. По крайней мере, она собирается за себя постоять. А ты должен идти.

— Куда?

— На запад. К другому океану.

— К какому? — воскликнул Джек, испугавшись при мысли о таком расстоянии.

Вдруг он вспомнил рекламу авиакомпании, которую видел дня три назад по телевизору. В ней молодой человек оказывался в воздухе на высоте десяти тысяч метров и парил там, как ни в чем не бывало, невозмутимый, как огурец на грядке. Джеку подумалось, что и они с мамой могут так сколько угодно перелетать с одного побережья на другое, и никто не поймают их.

— Это надо лететь самолетом?

— Нет! — воскликнул Спиди, своей сильной рукой схватив Джека за плечо. — Ни в коем случае не позволяй ничему поднимать тебя в воздух. Тебе это нельзя. Если ты поднимешься в воздух в Долинах...

Спиди умолк. Продолжать он не мог. Джек на мгновение представил себя парящим в чистом безоблачном небе. Летающий мальчик в джинсах и красно-белой спортивной куртке...

— Ты пойдешь пешком. Я запрещаю тебе даже думать о... Ты должен быть осторожен. Там слишком много незнакомых людей.

Некоторые из них сумасшедшие. Ты можешь встретить там девочек, которые захотят дружить с тобой, а можешь встретить злодеев, которые захотят напасть на тебя сзади. Некоторые из них — чужестранцы, люди одной ногой стоящие в этом мире, а другой — в том. Как двуликий Янус. Я боюсь, что они сразу узнают о твоём появлении и будут следить за тобой.

— Это... Двойники?

— Некоторые. Но не все. Я больше ничего не могу тебе сказать. Но ты должен туда добраться. Добраться до другого океана. Через Долины путь туда короче. Возьми бутылочку.

— Я терпеть не могу эту гадость.

— Это не страшно! — строго перебил Спиди. — В Долинах ты найдешь другую «Альгамбру». Это плохое место, темное. Но надо.

— Как же я ее найду?

— Он позовет тебя. Ты услышишь это громко и ясно, сынок.

Джек облизнул губы.

— А почему я должен идти именно туда, если это плохое место?

— Потому что там Талисман, — ответил Спиди. — Он — в той, другой «Альгамбре».

— Не пойму я, о чем ты говоришь.

— Тебе и не надо ничего понимать, — Спиди поднялся и протянул Джеку руку. Джек тоже встал. Так они стояли лицом к лицу, старый негр и белый мальчик.

— Слушай, — Голос Спиди звучал медленно и торжественно. — Талисман как раз поместится в твою руку. Он не больше и не меньше ее. Такой маленький прозрачный шарик.

*Маленький Джек отправляется в путь,
Чтоб Талисман раздобыть и вернуть.
Но нужен к нему особый подход:
Его потеряешь — и все пропадет!*

— И все-таки я не понимаю, о чем ты говоришь, — упрямо повторил Джек. — Ты должен...

— Ничего я не должен, — сказал Спиди, но голос его остался тем же. — Я должен к утру починить эту карусель. Больше я ничего не должен. Не стоит тратить время на болтовню. Мне пора возвращаться, а тебе — отправляться в путь. Вот и все, что я могу сказать. До скорой встречи. Здесь... Или там...

— Но я же не знаю, что делать! — крикнул Джек, но Спиди уже сел в кабину грузовика.

— Ты знаешь достаточно, чтобы начать. Иди за Талисманом, Джек. Он спасет твою мать.

— Но я даже не знаю, как выглядит этот Талисман. Я даже не знаю, что это такое.

Спиди рассмеялся и включил зажигание. Мотор взревел, и голубое облако вылетело из выхлопной трубы.

— Посмотри в словаре! — крикнул он, и грузовик тронулся с места.

Джек стоял, держась за столб дорожного знака, глядя, как грузовик удаляется в направлении парка. Он еще никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

Глава 5 ДЖЕК И ЛИЛИ

1

Когда грузовик Спиди свернул с дороги и исчез за аркой, Джек медленно побрел в отель. Талисман. Другая «Альгамбра». На берегу другого океана. Его сердце было окончательно опустошено. Без помощи Спиди его задача выглядела совершенно невыполнимой, такой трудной и абсолютно непонятной. Пока Спиди говорил, Джека не покидало ощущение, что эта мешанина намеков, угроз и наставлений до него не доходит. Это было похоже на макароны, которые никак не наматываются на вилку. Долины существуют на самом деле — он сам в этом убедился. Это и радовало, и огорчало его. Долины — совершенно реальное место, и он должен отправиться туда. Даже если ничего он до конца не понял, даже если он — одинокий странник, все равно он *должен*. Не все, что ему предстоит сделать, будет иметь отношение к его маме. «Талисман», — повторил он, овеществляя это слово, и перешел через Центральную Набережную. Джек запрыгнул на ступеньки, которыми начиналась дорожка, ведущая в гостиницу. Темнота в «Альгамбре» и гром закрывающейся двери напугали его. Коридор был похож на длинную пещеру. Казалось, здесь не обойтись без огня. Бледный портье высился над длинным столом, уставившись на Джека своими абсолютно белыми глазами. Джек читал в них слишком многое. Он отвернулся и пошел дальше. Безмолвное послание водянистых глаз делало его сильнее, потому что оно было насмешливым и оскорбительным. Он подошел к лифту неторопливо, гордо выпрямившись.

«Шатаешься с черномазыми? Позволяешь себе обниматься с ними, да?»

Лифт опустился, как большая тяжелая птица. Двери раскрылись, и Джек вошел внутрь. Он нажал кнопку «4». Портье все разглядывал его своим колючим взглядом.

«Тебе нравятся негры? Они черные и горячие. Вот что тебе нужно?»

Двери лифта наконец-то закрылись, и Джека слегка придавило к полу. Лифт поехал вверх. Джеку казалось, что весь воздух первого этажа пропитан ненавистью. Лифт поднимался и дышать становилось все легче. Теперь все, что ему оставалось сделать — это сообщить матери, что он отправляется в Калифорнию. Один.

«...не подписывай дяде Моргану никаких бумаг...»

Выйдя из лифта, Джек впервые задумался, понимал ли Ричард Слоут, что из себя представляет его отец.

2

За длинной галереей картин, которые все, как одна, изображали суденышки на бурном море, находилась дверь с номером 408. Она открылась вовнутрь, показав край выцветшего ковра. Солнечный свет, падающий из окна в зале, прямоугольником застыл на стене.

— Мама! — позвал Джек, входя. — Мне нужно с тобой...

В комнате никого не было.

— ...поговорить, — закончил он. — Мама?!

В комнате был беспорядок — перевернутая пепельница, недопитый бокал с водой...

Джек пообещал себе, что не станет паниковать. Он медленно повернулся к двери в ее спальню. Она была открыта, в комнате царил полумрак — Лили никогда не раздвигала шторы.

— Мама! Я знаю, что ты здесь!

Джек постучал в дверь ванной. Никто не ответил. Тогда он вошел. На столике перед ним лежали зубная щетка и расческа со светлыми волосками, застрявшими в ней.

«Лаура де Луизиан!» — отчетливо произнес внутренний голос, и Джек поспешно вышел из ванной — это имя ужалило его, как пчела.

— Нет, только не это, — сказал он себе. — Куда она могла деться?

Он зашел в свою спальню и окинул взглядом свою кровать, лежащий на полу портфель, маленькую стопку книг на столе, полотенца, разбросанные у входа в его собственную ванную.

И тут он снова увидел...

Морган Слоут с грохотом врывается, распахнув дверь, в комнату, выкручивает ей руки и тащит вниз...

Джек вернулся в гостиную. На этот раз его взгляд остановился на пустом кресле, в котором обычно сидела мать.

...выталкивает ее на улицу через черный ход и запикивает в машину. Его глаза желтеют...

Джек бросился к телефону.

— Это Джек Соьер говорит, то есть я... из комнаты... ой, 408, моя мама не оставляла никакой записки? Она должна быть здесь, но... по какой-то причине... ой...

— Сейчас посмотрю, — сказала девушка на том конце провода. Джек судорожно сжал трубку, ожидая, когда она вернется.

— Нет, для 408 — ничего.

— А для 407-ой?

— А это в одной ячейке.

— А у нее не было никого последние полчаса или больше? Никто не приходил сегодня утром? Ну, в смысле, к ней?

— Это надо узнать у портье. Хотите, я спрошу?

— Ой, пожалуйста!

— Я рада хоть что-нибудь сделать. Такая скука!

Снова томительное ожидание.

— Никто не приходил. А может быть, она оставила записку где-нибудь в номере?

— Спасибо. Я посмотрю.

Джек повесил трубку. Сказал ли портье правду? Или двадцатидолларовая бумажка перекочевала из рук Моргана Слоута в его цепкие пальцы? Больше Джек ничего не мог придумать. Он сел в кресло, преодолевая несерьезное желание заглянуть под кровать. Нет, дядя Морган не мог здесь побывать, он сейчас еще в Калифорнии. Хотя он мог прислать кого-нибудь. Спиди что-то говорил о людях, живущих сразу в обоих мирах...

Джек больше не мог здесь находиться. Он встал с кресла и вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Пройдя шага два, он остановился, вернулся, закрыл дверь на ключ и побежал к лифтам. Может быть, она просто пошла купить какой-нибудь журнал и не взяла с собой ключа.

Нет, последний раз она держала в руках газету в начале лета...

Ну, значит, просто вышла погулять.

Да, как же, позаниматься физкультурой. Или, может быть, Лили Кевинью вдруг решила стать чемпионкой по гимнастике? Сейчас она расставила снаряды по всему пляжу и усиленно готовится к следующей Олимпиаде.

Когда лифт добрался до первого этажа, Джек решил заглянуть в магазин. Пожилая светловолосая продавщица взглянула на него поверх очков. На стенде стояли журналы: «Ю Эс», «Пипл», «Нью-хемпширский Журнал».

— Прошу прощения, — сказал Джек и вышел.

Около входа стояла кадка с большим унылым папоротником. Сборку на стене висела бронзовая табличка.

«...как явление и скоро должно исчезнуть...»

Женщина в магазине прокашлялась, и Джек с удивлением обнаружил, что уже несколько минут, не отрываясь, глядит на словарь Дэниэла Уэбстера.

— Прошу прощения, — зачем-то повторил Джек и побежал по коридору к выходу. Ненавистный портье еще сильнее нахмурил брови и отвернулся к лестнице. Джек заставил себя подойти к нему поближе.

— Мистер, — обратился он к нему. У портье было такое выражение лица, как будто он пытается вспомнить столицу Северной Каролины или важнейший продукт экспорта Республики Перу.

— Мистер!

Портье был всецело погружен в себя. Он занят, ему нельзя мешать.

Джек ни на минуту не сомневался, что все это — спектакль, и снова обратился к нему.

— Мистер, помогите мне!

Портье, наконец-то оторвал глаза от стола:

— Смотри чем, сынок, — он сделал особое ударение на последнее слово. Джек решил не обращать внимания на эту насмешку.

— Скажите, моя мама не выходила из отеля некоторое время назад?

— Которое время? — портье явно издевался над ним.

— Вы видели ее или нет? Это все, что я хочу знать.

— Боишься, что она увидит тебя с твоим дружкой?

— Ну что вы, как баран, ей-богу! — Джек и сам испугался своих слов. — Ничего я не боюсь, я только хочу знать, выходила она или нет? Если бы вы не были бараном, вы бы сразу ответили мне.

Лицо его пылало, руки сами собой сжались в кулаки.

— Ну, хорошо. Она выходила, — портье снова устался в стол. — На твоём месте я бы не давал волю языку. Тебе следовало бы извиниться передо мной, маленький Сойер, потому что у меня тоже есть глаза и мне кое-что известно.

— Мое дело — работать, ваше — говорить! — припомнил Джек любимое отцовское изречение, хотя оно и пришлось не совсем к месту. Портье удовлетворенно моргнул.

— Может быть, она в саду? — предположил он, все еще издевательски улыбаясь, но Джек уже был за дверью.

В саду королевы вторых ролей и звезды мотокинотеатров не было. Впрочем, Джек знал заранее, что не найдет ее там. Ведь если бы она была там, он увидел бы ее по дороге в отель. К тому же Лили Кевинью вряд ли вообще пришла бы сюда. Это было так же похоже на нее, как если бы она занялась гимнастикой на пляже.

Несколько машин проехали мимо него по набережной. Высоко над головой крикнула чайка — у Джека замерло сердце. Он схватился руками за голову и вгляделся в ярко освещенную солнцем улицу.

«Может быть, она захотела познакомиться с его новым другом? Со Спиди?» Но он так же не мог представить ее в Луна-парке, как и в саду.

Так он и остался стоять, бесцельно вглядываясь в дорогу, ведущую в город.

Отделенное от сада высокой массивной оградой, кафе «Аркадский Чай с Вареньем» стояло первым в ряду ярко раскрашенных магазинов. Кроме него и телеантенн ничего не работало в городе после окончания курортного сезона. Джек на секунду задержался у входа. Кафе, тем более, такая забегаловка, как эта — не самое подходящее место для кинозвезды. Но это было пока что единственное место, где он мог надеяться ее найти. Джек свернул с дороги и заглянул в окно.

Женщина с высокой прической в одиночестве курила за кассой. Официантка в розовом платье сидела за столиком у дальней стены. Ни единого посетителя не было, только пожилая женщина медленно потягивала кофе. Джек видел, как она отставила чашку. В руках ее появилась длинная сигарета. Только сейчас Джек узнал в ней свою мать. Старческое выражение исчезло с ее лица. Но он не мог его забыть. словно сквозь бифокальные очки, Джек видел Лили Кевинью и эту стареющую слабую женщину в одном лице.

Он тихо приоткрыл дверь, но еще до того, как звякнул колокольчик, Джек знал, что будет дальше. Светловолосая кассирша кивнула, улыбаясь. Официантка вскочила и поправила фартук. Мать посмотрела на него с удивлением. На ее лице появилась улыбка.

— О, маленький путешественник! Ты так вырос. Когда ты стоял за дверью, ты был так похож на своего отца. Иногда я забываю, что тебе всего лишь двенадцать.

— Ты назвала меня маленьким путешественником? — сказал Джек, придвинув к себе стул.

Ее лицо было очень бледным — круги под глазами были похожи на синяки.

— А разве отец тебя так не называл? Я просто подумала, что ты все утро где-то шатался.

— Отец называл меня маленьким путешественником?

— Как-то так, я точно не помню. Ты был тогда совсем маленьким. Да, точно, именно так: «маленький путешественник». Он называл тебя маленьким путешественником, когда смотрел, как ты ползаешь по газону. Это было так забавно... Знаешь, когда я уходила, я не заперла дверь. Никак не могла вспомнить, взял ты ключ или нет.

— Я взял, — сказал Джек, пытаясь уместить в голове то, что она ему сейчас сказала.

— Ты голоден? Знаешь, мне так надоела эта еда в отеле. Даже думать о ней противно.

Официантка подошла к их столику:

— Что желает молодой человек? — спросила она, раскрыв блокнот.

— Почему ты пришел именно сюда? — спросила мать.

— А куда здесь еще можно пойти?

Мать повернулась к официантке:

— Принесите ему пожалуйста тройной завтрак. Он растет прямо на глазах.

Джек откинулся на спинку стула. С чего же начать? Мать глянула на него вопросительно, и он сказал. Он должен был сказать это именно сейчас:

— Мама, если мне придется уехать на время, с тобой ничего не случится?

— А что со мной может случиться? И что значит «на время»?

— Ты сможешь сама защититься от дяди Моргана?

— Я побую старого Слоута, — сказала она, улыбаясь. — Я уложу его одной рукой. О чем ты говоришь, Джеки? Ты никуда не поедешь!

— Я должен, — сказал он. — Правда.

Это звучало так, будто он выпрашивал у нее игрушку.

Как нельзя кстати появилась официантка. С grenками и стаканом томатного сока. Джек посмотрел ей вслед. Когда он вновь повернулся к матери, она намазывала джем на один из гренков.

— Я должен, — повторил он. Мать закончила мазать хлеб и протянула его сыну. Лицо ее стало задумчивым, но она промолча-

ла. — Ты не увидишь меня какое-то время. Я хочу помочь тебе, мама. Только для этого мне нужно уехать.

— Помочь мне? — в ее глазах читалось холодное недоверие.

— Я хочу спасти тебе жизнь.

— И всего-то?

— Но я могу это сделать.

— Ты? Ты можешь спасти мне жизнь? Забавно. Это будет такой сенсацией, Джеки. Можно даже объявить об этом по радио, как ты думаешь?

Она взяла со стола нож с красной пластмассовой ручкой и театрально закатила глаза. Но за этим театром Джек заметил два чувства: растущий страх и слабую, неосознанную надежду.

— Что бы ты сейчас ни сказала, я все равно уеду. В любом случае. Так что лучшее, что ты можешь сейчас сделать — это отпустить меня.

— Превосходная мысль. Особенно, если учесть, что я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

— Мне кажется, ты все-таки догадываешься. Знаешь, о чем я говорю. Потому что отец это знал. Он бы сразу понял.

Ее лицо исказилось. Губы вытянулись в прямую линию, щека нервно задергалась.

— Это подло с твоей стороны, Джек. Не смей использовать Филиппа, как оружие против меня! Мало ли, что он мог знать!

— Не мог знать, а знал.

— Ты несешь чушь, сынок.

Официантка, уже полчаса державшая тарелку с яйцами всмятку, жареным картофелем и сосисками, громко вздохнула. Отпустив ее, мать продолжила:

— Мне кажется, я не смогу найти правильный тон, чтобы говорить с тобой. Но, как говорила Гертруда Стайн, чушь останется чушью, кто бы ее ни нес.

— Я собираюсь спасти тебе жизнь, мама, — снова повторил Джек. — Мне нужно уехать далеко отсюда и кое-что привезти. Вот зачем я еду.

— Я надеюсь, ты наконец объяснишь мне внятно, что ты имеешь в виду?

«Обычный, совершенно обычный разговор, — подумал Джек, — будто я выпрашиваю разрешения провести пару дней у друга!». Он разрезал сосиску на две половинки и отправил одну из них в рот. Мать, не отрываясь, смотрела на него. Джек доел сосиску и принялся за яйца. Бутылочка Спиди оттопыривала его карман.

— И еще я надеюсь, что ты будешь прислушиваться к моим словам, как бы тихо я ни говорила.

С яйцами тоже было покончено, и Джек приступил к картофелю. Лили опустила руки на колени. Джек молчал. Его молчание длилось намного дольше, чем разговор до того. Он попытался сосредоточиться на завтраке: яйца, картофель, яйца, сосиска. Это продолжалось до тех пор, пока он не почувствовал, что она готова окликнуть его.

«Отец называл меня маленьким путешественником, — подумал он. — Сейчас я понимаю, как он был прав».

— Джек!

— Мама, — спросил Джек. — Отец никогда не звонил тебе издалека, когда ты точно знала, что он в городе?

Она удивленно вскинула брови.

— Или не бывало ли такого, что ты заходила в комнату, думая или даже точно зная, что он там, а его там не было?

Пожалуй, больше не стоит ничего говорить.

— Нет, — ответила она, но в ее словах не было никакой убедительности. — Никогда.

— А со мной это часто случалось, мама.

— Но ведь всегда находились объяснения. Ты же сам знаешь.

— Для отца, и ты это знаешь, никогда не представляло труда что-нибудь объяснить. Особенно совершенно необъяснимое. Из-за этого его дела и шли так хорошо.

Мать молчала.

— Так вот, я знаю где он бывал, — сказал Джек. — Я тоже был там. Я был там сегодня утром. И если я отправлюсь туда снова, я смогу спасти тебе жизнь.

— Моя жизнь не нуждается в том, чтобы ты ее спасал. Она не нуждается в том, чтобы ее вообще кто-то спасал!

Джек посмотрел в тарелку и что-то пробормотал.

— Что-что?

— Я думаю, что она как раз в этом нуждается.

Их взгляды встретились.

— И можно мне поинтересоваться, как же ты будешь ее спасать?

— Я не могу тебе этого сказать. Я, честно говоря, сам точно не знаю. Мама, я же не хожу в школу. Дай мне попробовать. Меня не будет всего где-то около недели.

Мать посмотрела на него удивленно:

— Ну, может быть, немного дольше, — глухо добавил он.

— Ты сошел с ума, — сказала мать. Но Джек заметил, что в голосе ее появилась какая-то надежда, что она хочет верить ему. Ее следующие слова подтвердили его догадку.

— Даже если бы... если бы я сама была достаточно сумасшедшей, чтобы отпустить тебя в это бессмысленное таинственное путешест-

вие, даже тогда я должна была бы сперва убедиться, что тебе ничего не угрожает.

— Но ведь отец всегда возвращался, — сказал Джек.

— Лучше я буду рисковать своей жизнью, чем твоей, — сказала она, и это было правдой.

Они снова надолго замолчали.

— Я позвоню тебе, как только смогу. Но ты не волнуйся особенно, даже если и пройдет две недели. Я все равно вернусь, ведь отец всегда возвращался.

— Все это очень странно, — сказала она. — Как ты собираешься добраться туда? Где это? У тебя же нет денег.

— У меня есть все, что нужно, — ответил Джек, надеясь, что она не заставит его отвечать на первые два вопроса.

Молчание снова затянулось, и наконец он сказал:

— Мне нужно отправиться туда как можно быстрее. Я больше не могу ничего тебе рассказать.

— Маленький путешественник, я, конечно, могу поверить...

— Да, поверь мне, — сказал Джек. «И, может быть, думал он, ты знаешь кое-что из того, что знает она, настоящая королева, и тебе легче в это поверить». — Если ты согласишься мне, это будет правильно. Ведь я тоже верю в это.

— Ну что ж, если ты говоришь, что уедешь, несмотря на все, что я тебе скажу...

— Да, я все равно уеду.

— То я лучше ничего не буду говорить, — она вызывающе посмотрела на него. — Я хочу, чтобы ты вернулся как можно скорее, мой мальчик. Хотя это не имеет значения, но я думаю... Джек, может быть, ты все-таки никуда не поедешь?

— Я должен, — он глубоко вздохнул. — Я уеду. Прямо сейчас.

— Я, конечно, могу поверить в твои хитрости. Ты ведь сын Филиппа Сойера... Уж не нашел ли ты где-нибудь себе девочку? — она пристально посмотрела ему в глаза.

— Впрочем, что я говорю, какая девочка... Хорошо. Спасай мою жизнь. Бог с тобой, — она тряхнула головой, и Джек увидел, что ее глаза стали влажными. — Иди, Джек. Езжай. Позвони мне завтра.

— Если смогу, — он поднялся.

— Да, конечно, если сможешь. Прости.

Мать опустила глаза, и Джек увидел, что она плачет. Красные пятна появились у нее на щеках. Джек подошел и поцеловал ее, но она оттолкнула его от себя. Официантка паялилась на нее так, будто они разыгрывали спектакль. Джек подумал, что она уже больше ему

доверяет, но еще не знает, во что ей верить. Она взглянула на него, и вновь слезы появились на ее глазах.

— Будь осторожен, — сказала она и подозвала жестом официантку.

— Я люблю тебя, — сказал Джек.

— Оставайся всегда таким, — теперь она почти улыбалась. — Иди, Джек, и постарайся уйти до того, как я пойму, насколько это безумная затея.

— Я пошел, — ответил он и вышел на улицу. Голова казалась неестественно тяжелой. Желтый солнечный свет ударил ему в глаза. Джек услышал, как за спиной хлопнула дверь и звякнул колокольчик. Он сорвался с места и побежал по Центральной Набережной, не обращая внимания на проезжающие мимо машины. В голову ему пришла мысль, что нужно вернуться в отель и взять с собой хоть что-нибудь из одежды. Мать еще сидела за столиком в кафе, когда он открывал парадную дверь отеля.

Портье привстал со своего стула и угрюмо посмотрел на него. Тихая злоба застыла на его лице. Джек смутно догадывался, почему он так реагирует на его появление, но в чем же точно заключалась причина этого, никак не мог вспомнить. Разговор с мамой, оказавшийся намного короче, чем он мог себе представить, казалось, был несколько дней назад. Где-то на другом берегу широкой реки времени он беседовал с портье. Кажется, оскорбил его. Назвал ослом или бараном. Извинился ли он тогда?

Джек никак не мог вспомнить, за что он обидел портье — он вообще не помнил их разговора...

Мама согласилась с тем, что ему нужно было уехать. Она отпустила его в это страшное путешествие. Проходя под обстрелом водянистых глаз, он наконец-то понял, почему она сделала это. Он ни словом не обмолвился о Талисмане, но даже если бы он это сделал, если бы рассказал о самом непонятном, она приняла бы и это. Даже если бы он сказал, что ее жизнь будет спасена, если она съест огромную бабочку, за которой он отправляется, мать и это приняла бы за чистую монету. Это было бы чуть ироничное, но искреннее согласие. То, что она поверила бы во всю эту ерунду, говорило о величине ее страха. Но скорее всего мама согласилась на это потому, что в какой-то мере знала, о чем он не договаривает. Потому что какая-то часть ее души жила в Долинах.

Просыпалась ли она среди ночи оттого, что в ушах ее звучало имя Лауры де Луизиан?

Джек собирался совершенно наобум. Руки его хватали какую-нибудь вещь из комода, и если она была не слишком большой, то

она отправлялась в рюкзак. Рубашки, носки, свитер, брюки. Джек выудил из кучи протертые джинсы и тоже запихнул в рюкзак, ставший уже совершенно неподъемным. Обнаружив это, Джек выкинул почти все рубашки и носки, немного подумав, отправил следом и свитер. Через минуту он вспомнил, что забыл зубную щетку.

Наконец-то сборы были закончены. Джек закинул рюкзак за спину и пару раз подпрыгнул. Нет, не слишком тяжелый. С таким грузом можно спокойно идти хоть целый день.

Джек на минуту задержался у двери. В голове его мелькнула мысль, что ему не с кем даже попрощаться. Мама не вернется до тех пор, пока не будет уверена, что он ушел. Если она увидит его, то уже не сможет отпустить. С этой комнатой прощаться ему не хотелось — это ведь был не тот дом, который он так любил; всего-навсего равнодушный гостиничный номер. Наконец Джек взял телефонную книгу с изображением отеля на обложке, открыл ее на первой странице и написал красным карандашом три строчки, в которые уложил все, что хотел сказать:

*Спасибо
я люблю тебя
до встречи*

4

Джек шел по Центральной Набережной под маленьким холодным солнцем, представляя себя, как он... перенесется. Это было самое подходящее слово. Интересно, увидит ли он еще Спиди перед тем, как перенесется в Долины? Ему обязательно нужно поговорить с ним, ведь он почти ничего не знает о том, куда направляется. Кого он может там встретить? Что там искать? «Он похож на маленький прозрачный шарик...» Это все, что Спиди сказал ему про Талисман. И еще, что его нельзя терять.

Джек чувствовал себя очень глупо — как будто он сдавал экзамен по предмету, который никогда не изучал. Он чувствовал, что не может перенестись прямо сейчас, что просто не способен на это...

«А ведь мне хочется снова отправиться в Долины!» — неожиданно для себя подумал Джек.

Ему хотелось снова дышать этим воздухом, он соскучился, изголодался по нему. Широкие равнины и вершины чужих гор звали его. Поле с густой высокой травой запало ему в душу. Все его

существо стремилось туда. Он уже собирался достать бутылку и сделать глоток ужасной жидкости... Но тут он увидел ее настоящего владельца, который сидел под деревом, обхватив колени руками. Коричневая хозяйственная сумка стояла рядом с ним, а на ней лежал огромный сэндвич из чего-то похожего на ливерную колбасу с луком.

— Уже уезжаешь? — спросил Спиди улыбаясь. — Уже собрался, я вижу. Ну что ж, давай прощаться. Кстати, мама знает о том, что тебя не будет?

Джек кивнул. Спиди протянул ему сэндвич.

— Есть хочешь? Возьми, для меня тут слишком много.

— Спасибо, я только что поел. Я рад, что могу попрощаться с тобой.

— Наш Джек весь горит и рвется в путь, — сказал Спиди, поднимая голову. — Мальчик собрался в дорогу.

— Спиди...

Негр искоса посмотрел на него.

— Ты знаешь о том, что отец называл меня маленьким путешественником?

— Да, я где-то слышал это. — Спиди широко улыбнулся. — Подойди поближе, посмотри, что я тебе принес. И еще я хочу рассказать тебе, куда тебе сначала идти.

Джек молча подошел. Спиди взял сэндвич в руку и подвинул к себе сумку.

— Рождественский подарок, — пошутил он и вытащил оттуда старую потрепанную книгу — дорожный атлас Неда Макнелли.

— Спасибо, — сказал Джек, взяв книгу из руки негра.

— Здесь нет карт *той* местности, но по этому атласу можно более-менее ориентироваться. Ты сначала иди по этой дороге, — Спиди ткнул пальцем в одну из карт.

— Хорошо, — сказал Джек и, сняв рюкзак, положил книгу в него.

— А тому, что я дам тебе сейчас, нечего делать в твоём рюкзаке, — сказал Спиди. Он положил сэндвич в пакет и резко выпрямился. — Лучше носи ее в кармане.

Он опустил руку в левый карман своей рабочей куртке. Что-то мелькнуло у него между указательным и средним пальцами, словно сигарета Лили, это был маленький белый треугольник, в котором Джек без труда узнал гитарный медиатор.

— Возьми и не теряй его. Ты покажешь его одному человеку, и он поможет тебе.

Джек повертел медиатор в руке. Он никогда не держал в руках таких вещей. Медиатор был сделан из слоновой кости и на нем были

вырезаны узоры, напоминавшие какое-то письмо. Он был очень красивым, но слишком тяжелым и сложным, чтобы можно было использовать его по назначению.

— А что это за человек? — спросил Джек, кладя медиатор в один из карманов.

— Ты сразу узнаешь его. У него шрам через все лицо. Ты встретишь его, как только попадешь в Долины. Он офицер, капитан королевской стражи. Он приведет тебя к женщине, которую тебе больше всего нужно увидеть. Ты просто обязан с ней встретиться. Теперь ты знаешь еще одну причину, зачем тебе нужно попасть туда. Мой друг в Долинах знает, что тебе делать. Он будет помогать тебе.

— А эта женщина...

— Да, ты угадал. Это Королева. Она понравится тебе, Джек. Смотри на нее внимательно, Джек, и все запомни. Ты сразу поймешь, кто она такая... Затем ты должен будешь отправиться на Запад, — голос Спиди зазвучал печально, будто он не надеялся больше увидеть Джека. — Остерегайся этого Блоута. И его двойника тоже. Он найдет тебя, где угодно, если ты не будешь осторожен. А уж если найдет, будь уверен, обойдется с тобой как лиса с гусем.

Спиди опустил руки в карманы. Джек видел, что он хочет сказать намного больше, чем может.

— Найди Талисман, сынок, — закончил Спиди. — Найди его и привези сюда. Он много возьмет у тебя, но даст еще больше.

Джека не покидала мысль о словах Спиди про человека со шрамом. Капитан королевской охраны. Сама Королева. Морган Слоут — хищник, охотящийся за ним. Зловещее дыхание другого мира. Тяжелое бремя Талисмана.

— Хорошо, — ответил Джек, чувствуя внезапное желание вновь оказаться за столиком в кафе рядом с мамой.

Спиди широко и тепло улыбался.

— Ну что ж, мой мальчик, я рад, что ты решился, — улыбка его стала еще шире. — По-моему, тебе пора глотать магическую жидкость. Как ты думаешь?

— Думаю, пора.

Джек достал бутылку из кармана джинсов и открутил пробку, затем посмотрел на Спиди и встретил его взгляд.

— Спиди поможет... Как сможет.

Джек кивнул, подмигнул ему и поднес бутылку к губам. От резкого запаха, вырвавшегося наружу, Джека едва не стошнило. Он наклонил бутылку, и к запаху добавился не менее мерзкий вкус. В который раз свело желудок. Он заставил себя проглотить «особенное

вещество» и почувствовал, как жидкий огонь обжигает его внутренности.

Еще не открывая глаз, по богатству и чистоте запахов, окруживших его, Джек понял, что перенесся в Долины. Голову кружил аромат трав, цветов и просто чистого воздуха.

Интермедия СЛОУТ В ЭТОМ МИРЕ (I)

— Я знаю, что слишком много работаю, — говорил Морган Слоут своему сыну Ричарду в этот вечер. Они разговаривали по телефону — Ричард, стоя в холле одного из зданий школьного городка, отец, сидя за столом на верхнем этаже одного из центральных офисов компании «Сойер и Слоут» в «Бeverли Хиллз».

— Но пойми, малыш, иногда бывают очень важные и неотложные дела, которыми лучше заниматься самому. Особенно когда осиротела семья моего бывшего партнера. Я обещаю тебе, что скоро вернусь. Это не займет у меня много времени. По крайней мере, я надеюсь. Может быть, я улажу все в этом проклятом Нью-Хемпшире не больше, чем за неделю. Я позвоню тебе, когда все закончится. Потом мы сможем съездить в Калифорнию, как когда-то, в старые добрые денечки. Я думаю, это будет справедливо по отношению к тебе. Поверь своему старику. Мы обязательно поедем.

Дела со строительством шли довольно неплохо благодаря готовности Слоута заниматься каждым вопросом собственноручно. После того, как они с Сойером договорились сначала о краткосрочной, а потом (после бурных споров) о долгосрочной аренде, они отказали всем своим бывшим арендаторам, произвели необходимые изменения, зафиксировали расценки на небывало низком уровне и объявили о поиске новых клиентов. Единственным из арендаторов, с которым был продлен контракт, являлся китайский рестораник, расположенный в подвале одного из зданий, принадлежащих компании. Он платил в три раза меньше, чем другие за такую же площадь. Слоут попробовал уладить с китайцами этот вопрос, но как только до них дошло, что он говорит об увеличении платы, они внезапно утратили способность говорить и понимать по-английски. Несколько дней он пытался возобновить переговоры, но все было тщетно. И вот однажды, ему удалось увидеть, как из задней двери кухни выходит человек с ведром топленого свиного жира. В голове у Слоута мелькнула шальная мысль. Он тихо проследовал за

китайцем в темный узкий тупичок и увидел, как тот выливает жир в мусорный бак. Слоуту больше ничего и не нужно было.

Через день у входа в тупичок вырос высокий забор, а еще через день хозяина ресторана вызвали в суд за загрязнение окружающей среды. Все работники кухни, естественно, в один голос заявили о своей непричастности к этому. А в это время сало медленно но верно протухало за выстроенным Слоутом забором. Дела у китайцев пошли из рук вон плохо. Клиенты перестали посещать ресторан, отпугиваемые неприятными запахами с помойки. Хозяева быстро вспомнили английский язык и согласились платить по полным расценкам. Слоут ответил на это красивой и громко звучащей, однако ничего не значащей речью. Этой же ночью, изрядно накачавшись «мартини» и вооружившись бейсбольной битой, он отправился к ресторану и повыбивал все стекла. Теперь сквозь пустые глазницы окон был виден тупичок, загроможденный мусорными баками.

Когда он делал подобные вещи... он уже не был Слоутом.

На следующий день китаец вновь посетил его офис и на этот раз предложил учетверить арендную плату.

— Вот это уже деловой разговор, — сказал Слоут, глядя в окаменевшее лицо клиента. — И вот что я вам скажу! Чтобы подтвердить, что мы играем в одну игру, я согласен заплатить за разбитые стекла.

Девять месяцев назад, когда компания «Сойер и Слоут» вступала во владение этим зданием, дела компании выглядели как нельзя более пессимистично. Теперь же оно давало намного больше прибыли, чем все остальные здания, и Морган Слоут гордился им так же, как новыми массивными сооружениями под землей, строительство которых сейчас велось. Однажды утром, по дороге на работу, Слоут, проходя мимо поставленного им забора, вспомнил, сколько денег и сил вложил он в компанию «Сойер и Слоут», и с удовлетворением подумал, как оправдались его надежды.

Разговаривая с Ричардом, он чувствовал, что все его желания абсолютно справедливы — ведь именно Ричарду он собирался отдать долю Сойера в компании. В Ричарде он видел своего преемника. Его сын ходит в лучшую школу бизнеса и получит начальный уровень к тому времени, когда ему нужно будет приступить к работе. Вооруженный этими знаниями, Ричард Слоут должен быстро вникнуть во все сложные и специфические принципы бизнеса компании «Сойер и Слоут». Его смехотворное желание стать химиком не

может устоять перед решимостью отца. Ричард не настолько глуп, чтобы не видеть, насколько бизнес интересней, не говоря уже о том, насколько выгодней, чем копание в колбах и ретортах. Эту его «химическую болезнь» нужно как можно быстрее вылечить, нужно открыть ему глаза на настоящее мужское дело.

А если Ричард будет беспокоиться о справедливости по отношению к Джеку Сойеру, он должен понять, что 50 000 долларов в год и гарантированное обучение в колледже — это не просто справедливо. Это великодушно. Это по-королевски. Да и кто может быть уверен, что Джек захочет вступить в дело или что он обладает хотя бы малейшими способностями к этому? И вообще, мало ли что может случиться? Кто может быть уверен, что Джек доживет до двадцати лет?

— Это прекрасная возможность получить все бумаги и вступить в единоличное владение компанией, — говорил Слоут сыну. — Лили слишком долго пряталась от меня. Ее мозги стали похожи на голландский сыр... Она и года не протянет. И если я сейчас же не увижусь с ней, у нее будет достаточно времени, чтобы оформить завещание или вложить деньги в какие-нибудь ценные бумаги. Я думаю, мать твоего друга не обратится ко мне за помощью в составлении документов. Не думай, я не собираюсь впутывать тебя в свои проблемы. Просто хочу сказать, что меня не будет дома несколько дней, на случай, если ты позвонишь. Можешь написать письмо... И не забывай об учебе, ладно?

Ричард обещал писать, хорошо учиться и не волноваться ни об отце, ни о Лили Кевинью, ни о Джеке.

Когда-нибудь, несколько лет спустя, когда его послушный сын немного подрастет, Слоут познакомит его с Долинами. Ричард будет лет на шесть-семь младше, чем был он сам, когда Фил Сойер, растянувшись на травке около их первого маленького офиса в Северном Голливуде, сначала озадачил, потом взбесил (потому что Слоут был уверен, что Филипп смеется над ним), а потом заинтриговал своего партнера (по правде говоря, у Сойера не было достаточной фантазии, чтобы сочинить такую наукообразную абракадабру про другой мир). И когда Ричард увидит Долины, они, если к этому времени это не произойдет само собой, изменят все его мировосприятие. Даже краткий взгляд на Долины способен подорвать вашу веру во всеведение ученых.

Слоут пробежал пальцами по голове, пригладил усы. Голос сына все еще звучал в его ушах, только как-то неясно и отдаленно. Всегда, когда Ричард был рядом, все шло хорошо, все удавалось, легко и спокойно было на душе. За окном стояла глубокая звездная ночь.

Ночь была и в Спрингфилде, что в штате Иллинойс, и в Доме Нельсона в школьном городке, где Ричард Слоут медленно брел по коридору с выкрашенными в зеленый цвет стенами обратно в свою комнату, вспоминая славное, почти забытое время, когда они с отцом уезжали на тихий океанский берег в Калифорнии. Быть может, скоро они отправятся туда... В это время, на несколько миль севернее, Морган Слоут подошел к широкому окну своего кабинета, открыл его створки и выглянул наружу, наслаждаясь свежим ночным воздухом и ровным светом бледной луны, окруженной вереницами облаков.

Он хотел немедленно вернуться домой, дом был всего в тридцати минутах ходьбы от офиса, переодеться, чего-нибудь перекусить, может быть, выпить немного кока-колы перед тем, как отправиться в аэропорт. Но вместо этого он должен был сесть в машину, переться несколько миль по автостраде, к месту встречи с зарвавшимся клиентом, с которым давно было пора расторгнуть контракт. Потом беседа с толпой чиновников, предъявляющих претензии компании «Сойер и Слоут» в том, что их новый проект, связанный с заводом в Марина дель Рей, загрязняет пляж. И то, и другое нельзя было ни отменить, ни отложить.

Слоут дал себе слово, что, как только он «позаботится» о Лили Кевинью и ее отпрыске, он начнет потихоньку избавляться от своих теперешних клиентов. Мелкая рыбешка. У него теперь более серьезные планы. Грандиозные планы. У него есть множество помощников, на которых можно возложить почти все его сегодняшние обязанности. Оглядываясь назад, Слоут удивлялся, как он мог выносить Фила Сойера в течение стольких лет. Его партнер никогда не играл, чтобы выигрывать, он был несерьезен, его голова была забита всякими сентиментальными штучками, вроде чести и совести. Он был похож на неразумное дитя с завязанными глазами. Он был слишком земной, слишком светский, насколько это возможно, если учесть, что он ставил на кон. Слоут не мог забыть, что он должник Сойера. Ему стало не по себе, когда он подумал, как обязан ему. По дороге к автостоянке Слоут выудил леденец из смятого пакета и положил его под язык.

Фил Сойер недооценивал Слоута, и того это мучило. Фил обращался с ним, как факир с дрессированной коброй, заставляя плясать под свою дудку. Остальные считали, что это в порядке вещей.

Водитель — простоватый парень в заношенной ковбойской шляпе затравленно смотрел, как Слоут крутится вокруг машины, выискивая вмятины и царапины. Леденец таял во рту, ворот пид-

жака стал мокрым от пота. Водитель знал, что ему грозит — неделю назад Слоут устроил ему хорошую взбучку, найдя маленькую царапинку на двери «BMW». В середине своей напыщенной речи он обратил внимание, каким удрученным стало лицо парня, и в накатившей волне безудержного веселья Слоут, смеясь, похлопал его по плечу, не переставая, хотя уже и шутливо, отчитывать. Но водителя это не взбодрило. Слабым, извиняющимся голосом он начал оправдываться, что, может быть, эта пустяковая царапина появилась совсем не по его вине. Может, в этом виноват автосервис. «Вы ведь знаете, как эти идиоты обращаются с машинами. К тому же, по ночам...»

— Заткни свою вонючую глотку! — крикнул Слоут, окончательно выйдя из себя. — Эта «пустяковина», как ты ее изволил назвать, выльется мне в две твои недельные зарплаты! Я прибил бы тебя на месте, скотина, если бы полностью был уверен, что ты не прав. На твоё счастье я не помню, была царапина на двери или нет, когда я вчера забирал машину из мойки. Но как бы то ни было, если ты еще хоть раз посмеешь сказать мне что-нибудь, кроме «Здравствуйте, мистер Слоут» или «До свидания, мистер Слоут», я придушу тебя на месте! Не успеешь даже глазом моргнуть.

И вот теперь шофер, не отрываясь, следил за тем, как Слоут осматривает машину, зная, что если тот найдет какие-нибудь повреждения на ее лакированной поверхности, ему сразу можно будет класть голову на плаху. Выудив из кармана тряпку, он принялся яростно стирать несуществующие пятна с ветрового стекла. Хитрая уловка, дружище.

На этот раз Слоут решил вести машину сам. Выехав со стоянки, он заглянул в зеркало заднего вида. Лицо шофера, оставшегося стоять на дороге, имело такое же выражение, как и лицо Фила Сойера в последние секунды жизни, уходящего в никуда. Это почему-то очень развеселило Слоута, и весь путь до автостреды был освещен его широкой улыбкой.

Филипп Сойер недооценивал Моргана Слоута еще со времени их первой встречи, когда они оба были первокурсниками в театральном колледже. Может быть, размышлял Слоут, это произошло из-за того, что его легко было недооценить. Толстенький коротышка из Акрона, ничем не примечательный, честолобивый и вечно беспокойный, первый раз в жизни выбравшийся из своего захудалого городишка в штате Огайо.

Слушая, с какой легкостью его одноклассники говорят о Нью-Йорке, об игре в очко и о клубе «Аист», и о многих других неизвестных ему вещах, он страдал от своего невежества.

— Мне больше нравится нижняя часть города, — бросил он тогда так небрежно, как только мог. Ладони взмокли, пальцы судорожно сжались в кулаки (по утрам Слоут часто просыпался с кровоподтеками на руках из-за того, что ногти впивались в кожу).

— Какая нижняя часть, Морган? — спросил его Том Вудбайн. Остальные захохотали.

— Ну там, где Бродвей и Виллидж, — выдавил из себя Слоут. Шквал грубых насмешек с новой силой обрушился на него.

Он был некрасив и плохо одет. Весь его гардероб состоял из двух костюмов, оба они были угольного цвета и сшиты как будто специально на пугало. Еще в университете у него начали выпадать волосы и розовая лысина проступала из под короткой прически.

Нет, в Слоуте не было абсолютно никакой привлекательности, и он это осознавал. Он чувствовал себя словно сжатым в кулак, и эти кровоподтеки на ладонях были маленькими фотографиями его души.

Все остальные любили театр (впрочем, как и они с Сойером), обладали красивыми профилями, здоровыми желудками, хорошими манерами и беззаботным образом жизни. Развалившись на диванах в холле одного из зданий студенческого городка в Дэйвенпорте, они напоминали собрание богов Олимпа, кашмирские свитера облегали их плечи, словно Золотое Руно (Слоут же в это время не мог себе позволить купить новые брюки). Все они двигались к своей цели — стать актерами, драматургами, поэтами. Слоут же хотел быть режиссером. Но больше всего на свете он желал стать человеком, способным расставить сети всем эти богатым мальчикам, из которых потом только он сможет их выпутать.

Сойер и Том Вудбайн, которые казались Слоуту *невообразимо* богатыми, были соседями по комнате. Том проявлял довольно вялый интерес к театру. В выпускном спектакле он принимал участие только из чувства солидарности с Филом. Томас Вудбайн отличался от других своей необычайной серьезностью и целеустремленностью. Уже окончив театральный колледж, он вдруг решил стать юристом, обнаружив в себе тягу и способности к юриспруденции. (Действительно, большинство знакомых Вудбайна легче представляли его заседающим в верховном суде, чем занимающимся театральной деятельностью). Выражаясь языком Слоута, Томас был человеком без мечты, он был больше заинтересован в том, чтобы жить правильно, чем в том, чтобы жить хорошо. Конечно, у него было все, что нужно, а если вдруг чего-то не хватало, люди охотно ему это давали. Как мог он, настолько избалованный жизнью, о чем-то мечтать? Слоут подсознательно ненавидел Вудбайна и не мог заставить себя называть его Томми.

За четыре года обучения в колледже Слоут поставил две пьесы: «Нет выхода», которую студенческая газета назвала безыдейной и бездарной, и «Воздушная кукуруза». Эта, в свою очередь, была описана, как «взбалмошная, циничная и редкостно пошлая». Большинство из этих эпитетов подошли бы и самому Слоуту. Скорее всего, у него попросту отсутствовал режиссерский талант — он не умел глубоко прочувствовать пьесу, в его мыслях не было гармонии. Нельзя сказать, чтобы он растерял все свои стремления, жизненную цель — нет, они просто коренным образом изменились. Его больше не устраивало быть человеком за кадром, он должен стать фигурой №1. Филиппа Сойера тоже начали посещать такие мысли. Он не представлял себе, что ему может дать его сегодняшняя карьера артиста, но чувствовал в себе силы стать импресарио.

— Давай поедem в Лос-Анджелес и откроем свое дело, — предложил Фил Слоуту в день их выпуска. — Это, конечно, чертовски сложно, и родители вряд ли будут довольны, но, может быть, у нас получится? Пусть даже поголодаем пару лет.

Филипп Сойер, Слоут понял это еще в первый год их знакомства, не был богат на самом деле. Он только *выглядел* богатым.

— А когда станем на ноги, пригласим Томми быть нашим адвокатом. Он к тому времени уже получит юридическое образование.

— Неплохая идея! — сказал Слоут. На самом деле он имел другое мнение по этому поводу, но его время еще не пришло. — А как мы себя назовем?

— Как тебе больше нравится? Можно «Слоут и Сойер». Или наоборот?

— Да! «Сойер и Слоут»! Это намного лучше звучит.

У Слоута был цветущий вид, но внутри все кипело... Фил *вечно* намекал ему, что его место на заднем плане.

Оба семейства с порога отменили предложенную Филом идею, но несмотря на это «компаньоны» все же отправились в Лос-Анджелес в маленьком старом «Де Сото» (что еще раз показывало, как Морган зависел от своего партнера). В обшарпанном здании в Северном Голливуде с веселеньким населением, состоящим из крыс и блох, они открыли свой первый офис и принялись распространять свои напечатанные на машинке «рекламные проспекты». Никакого толку. Около четырех месяцев сплошного невезения. За все это время к ним обратился вусмерть пьяный комик, двое придурков, считавших себя великими драматургами, и писатель-юморист, который, прочитав свои бездарные «творения», принялся настойчиво требовать, чтобы ему заплатили. И вот однажды принявший чрезмерное коли-

чество виски и накурившийся марихуаны Фил Сойер поведал Слоуту о Долинах: «А знаешь, что я умею делать? Я умею путешествовать! Повсюду! И ты тоже сможешь...»

Вскоре после этого в одной из театральных студий Фил встречал молодую начинающую актрису, и в течение часа они обзавелись своим первым серьезным клиентом. У этой актрисы было трое друзей, жутко недовольных своими менеджерами, а у одного из друзей был приятель, написавший довольно приличный киносценарий, а у приятеля был знакомый... К концу третьего года их деятельности компания «Сойер и Слоут» переехала в новый офис, а они сами — в новые квартиры. Слоут знал, что это Долины осчастливили их, хотя никак не мог понять, каким образом.

Сойер занимался клиентами, Слоут — деньгами, инвестициями... В общем деловой стороной их деятельности. Сойер тратил деньги на обеды с деловыми партнерами, на авиабилеты, Слоут зарабатывал их. Именно он начал заниматься развитием новых площадей, недвижимым имуществом, промышленностью... К тому времени, как Томас Вудбайн появился в Лос-Анджелесе, компания «Сойер и Слоут» имела капитал размером в пять миллионов долларов.

Слоут все еще недолюбливал своего бывшего однокашника. Томми Вудбайн, изрядно погрузневший, в своем синем костюме-тройке еще сильнее, чем раньше, был похож на Верховного судью. С его щек никогда не сходил яркий румянец (алкоголь?), манеры остались такими же тяжеловесными. Жизнь уже оставила на нем свой отпечаток — маленькие аккуратные морщинки по углам глаз, да и сами глаза более печальны, чем у студента театрального колледжа. Слоут понял сразу, а Филу Сойеру нужно было это еще объяснять, какую страшную тайну носит в своем сердце Томас Вудбайн. Еще в студенческие годы он стал гомосексуалистом. И это все упрощало — Слоуту теперь ничего не стоило от него избавиться.

Голубых нужно убивать! Или, может, кто-нибудь хочет доверить активному педик у воспитание своего малолетнего сына? Вы можете сказать, что Слоут пытался уберечь Фила Сойера от возможных последствий его серьезной ошибки. Но ведь если бы Сойер сделал Слоута опекуном Джека, не было бы никаких проблем. Наемные убийцы из Долин — те самые, двое — знают свое дело.

Все было бы проще, думал Слоут в тысячный раз, если бы Фил никогда не женился. Если бы не было Лили и Джека... Если бы не было Джека — не было бы проблем. Жаль, что Фил так и не

заглянул в старые вырезки из газет, рассказывающие о молодости Лили Кевинью. Слоут долго собирал их. Там было все: и когда, и с кем, и как часто. Сойеру это вряд ли бы понравилось. Это убило бы его любовь быстрее, чем ребята на черном фургоне переехали Тома Вудбайна. Но как Слоут не подсовывал ему эту коллекцию, Фил так и не обратил внимания. Он хотел жениться на Лили Кевинью, и он женился. Так же, как и его двойник обвенчался с Королевой Лаурой. Но он слишком его недооценивал, за что и поплатился.

Осталось кое-что подправить, с удовлетворением думал Слоут, и все станет на свои места. Из «Аркадии» он вернется, имея в кармане всю компанию — то, о чем он столько лет мечтал. И в Долинах все будет так же: взвешено, упаковано и поднесено Моргану на блюдечке. Как только умрет королева, страну возглавит бывший представитель ее покойного супруга, и они со Слоутом произведут там небольшие, но интереснейшие изменения. А потом останется оттопыривать карман и смотреть, как туда сыплются деньги. Смотреть, как туда сыплется все!

Слоут свернул с автострады и остановил машину. Его клиент — Ашер Дондорф, жил в полуподвальном помещении в новом доме на одной из узких, словно парковые аллеи, улиц Марина дель Рей. Дондорф был старым актером на характерных ролях, достигшим удивительного уровня популярности в конце 70-х благодаря одному из телесериалов. Он играл хозяина дома, сдававшего комнату двум молодым частным детективам. Дондорф произвел такой головокружительный эффект своим появлением в первых сериях, что в редакцию посыпался шквал писем. Авторы сериала быстро взялись за дело, и он сначала стал отцом одного из детективов, потом совершил несколько убийств и т.д. и т.п. Его жалование удвоилось, утроилось, учетверилось, и когда спустя шесть лет сериал подошел к концу, Дондорф решил вернуться в кинематограф. Вот тут-то и возникла проблема. Он считал себя звездой, но режиссеры и продюсеры все еще относили его в разряд второстепенных актеров — популярных, но не подходящих на главные роли. Дондорф хотел цветов в прихожей, личного парикмахера, черный «мерседес», он хотел много денег, роскоши, любви. Он хотел всего и побольше. Честно говоря, Дондорф был идиотом.

Слоут вышел из машины, даже не позаботившись о том, чтобы захлопнуть дверь. Его посетила внезапная мысль: если в течение ближайших нескольких дней он узнает или хотя бы заподозрит, что Джеку известно о существовании Долин, ему придется убить его. Он не может позволить себе так рисковать.

Слоут улыбнулся сам себе, кинул в рот еще один леденец и постучал в дверь квартиры Дондорфа. Он был уверен — после их разговора тот покончит с собой. Он сделает это в зале, попытавшись произвести как можно больше шума. Такое темпераментное ничтожество, как его-в-скором-времени-бывший-клиент, обязательно позаботится о по-настоящему эффектном самоубийстве.

Когда бледный, трясущийся Ашер Дондорф открыл дверь, теплота приветственной улыбки Слоута была искренней и неподдельной.

Часть вторая
ДОРОГОЙ ТЯЖЕЛЫХ
ИСПЫТАНИЙ

Глава 6 В ПОКОЯХ КОРОЛЕВЫ ЛАУРЫ

1

Твердые стебли травы прямо перед глазами Джека были длинными и острыми, словно сабли. Такую траву не очень-то раскачает ветер. Она сама способна разрезать его на множество маленьких ветерков. Джек вздохнул — вот бы ему обладать таким же достоинством, с каким держатся здесь все растения!

В желудке все еще бурлила «магическая жидкость», голова была совершенно неподъемной, а глаза не выдерживали солнечного света. Джек оперся коленями о землю и с превеликим трудом поднялся. По пыльной дороге к нему приближалась телега с запряженной в нее лошадей. Кучер, бородач с красным от жары лицом, похожим на лежащие в телеге бочки, вытянулся вперед, разглядывая его. Джек вздрогнул и принялся придумывать хоть какую-нибудь более-менее правдоподобную версию своего внезапного появления. Но человек в телеге, видимо, принял его за рядового бездельника, сбежавшего в укромное место, чтобы вздремнуть лишний часок.

Джек уже немного отошел от переброса и больше не чувствовал себя больным. Наоборот, он чувствовал себя лучше, чем когда бы то ни было после отъезда из Лос-Анджелеса. И дело было даже не в здоровье, а в каком-то комфортном мистическом равновесии между мыслями и телом. Теплый мягкий воздух Долин ласково гладил его лицо, благоухая всеми ароматами рая. Джек протер кулаками глаза и уставился на кучера — первого человека, повстречавшегося ему в Долинах. Ему не давал покоя вопрос: что он будет делать, если тот решит с ним заговорить? Говорят ли здесь по-английски? А если говорят, то тот ли это английский, к которому он привык? Джек на секунду представил себе, как может звучать здесь человеческая речь:

*«Крошу прощения, Вы, скучайно,
не Комарер Ордена Подмяски?»*

Если таким образом, то, пожалуй, лучше прикинуться немым.

Кучер бросил еще один безразличный взгляд на Джека и что-то крикнул своей лошади явно не на современном американском английском.

«Ну, пшла!». С другой стороны, ведь с лошадьми всегда так разговаривают. Внезапная усталость обрушилась на Джека, и он снова упал в траву. Кучер вновь посмотрел на него и кивнул. Это очень удивило Джека. Кивок был ни дружелюбный, ни враждебный, просто приветствие равного себе: «Как жизнь, браток?». Джек кивнул в ответ, пытаясь в это же время засунуть руки в карманы. Вид у него в этот момент был до смешного растерянный, и кучер весело захохотал.

Теперь Джек был одет совершенно не так, как в тот момент, когда подносил к губам бутылку. На нем были широкие шерстяные штаны, вместо его любимых потертых джинсов, и плотно облегающая куртка из светло-голубой ткани. Вместо пуговиц на куртке (или на камзоле) был длинный ряд крючков и петелек. Так же, как и штаны, она была явно домотканая. Кроссовки тоже исчезли, уступив место легким сандалиям. Рюкзак превратился в мешок, болтавшийся на тонкой веревке, перекинутой через плечо. Кучер был одет точно так же. Грязь на его кожаную куртку ложилась, видимо, медленно, но верно, в течение долгих лет, словно годовые кольца на ствол дерева.

Окутанная облаком пыли телега прогрохотала мимо Джека. Бочки излучали сладкий аромат пива. По краям телеги были вбиты кольца, на которые, возможно, натягивался холст, служивший крышей в дождливую погоду. Джек уловил еще какой-то непонятный вкусный запах, очень приятный, и только сейчас почувствовал, как он голоден. Скорее всего это был сыр, но такой сыр, какого он никогда не пробовал. На самом краю телеги лежала бесформенная груда мяса — длинные, покрытые кожей окорока, большие плоские вырезки и груда липких внутренних органов, происхождение которых Джек не смог определить. Над всем этим роилось множество мух. Эта мрачная картина мгновенно убила чувство голода, разбуженное запахом сыра.

Джек вышел на середину дороги, провожая взглядом подпрыгивающую на ухабах телегу. Несколько секунд спустя он пошел по ее следу на север.

Пройдя совсем немного, он вновь увидел вершину огромного шатра между двумя рядами трепещущих на ветру флагов. Вероятно,

это и было то место, куда он должен попасть. Еще несколько шагов (проходя мимо кустов ежевики, Джек все-таки сорвал пару ягод, так понравились они ему в прошлый раз), и он мог видеть весь шатер. Это было огромное, причудливой формы сооружение с длинными крыльями с каждой стороны. Вход во внутренний двор закрывали решетчатые ворота. Как и «Альгамбра», эта эксцентричная постройка, скорее всего летний дворец, располагалась недалеко от океана. Кучки людей вертелись вокруг да около, движимые какими-то могущественными и невидимыми силами. Все это напоминало муравейник — группки сталкивались, разбегались и снова сливались в единую массу.

Некоторые были одеты в яркие богатые наряды, но большинство выглядело так же, как Джек. Несколько женщин в сверкающих белых платьях или мантиях прошествовали через двор, невозмутимые, как полководцы.

За воротами находилось множество маленьких палаток и наскоро построенных деревянных домиков. Здесь, как и внутри, люди ели, покупали, продавали, разговаривали, только более легко и непосредственно. Где-то в этой суетливой толпе Джеку предстояло найти человека со шрамом.

Но перед тем, как искать его, он решил узнать, что стало с Луна-парком.

Увидев двух маленьких черных лошадей, впряженных в плуги, Джек поначалу решил, что удивительный парк превратился в ферму. Но заметив толпу людей, наблюдающих за этим с вершины холма, понял, что идут соревнования. Потом его взгляд остановился на огромном рыжем мужчине, яростно размахивающем над головой своими необъятными руками, в одной из которых он держал какой-то длинный тяжелый предмет. Спустя некоторое время тот резко прекратил свои чудные движения, и предмет, вырвавшись из его рук, пролетел довольно приличное расстояние, прежде чем упасть в густую траву. Он оказался молотком.

Луна-парк стал не фермой, он стал ярмаркой. Теперь Джек видел заставленные едой прилавки и детей, сидящих на плечах у отцов.

Был ли здесь Спиди Паркер? Джек очень на это надеялся. Он подумал о матери: интересно, она все еще сидит в кафе, удивляясь себе, почему его отпустила?

Джек обернулся и увидел, что повстречавшаяся ему телега въезжает в ворота Летнего дворца и поворачивает налево, разделяя копошащихся людей на два потока, как машины на 5-й авеню. Постояв еще немного, он двинулся в том же направлении.

Джек боялся, что люди во дворе сразу обратят на него внимание, почувствуют разницу между ним и собой. Он решил ни за что не поднимать глаза, изображая мальчишку робкого десятка, — его послали сделать покупки и все его лицо показывает, как он сосредоточен на том, чтобы все запомнить: лопата, две мотыги, моток веревки, бутылъ гусиного жира...

Но несколько минут спустя он с удивлением обнаружил, что ни один из пробегающих мимо людей даже не посмотрел в его сторону. Все бегали и суетились, рассматривая товары: ковры, металлическую посуду, серебряные украшения, разложенные в маленьких палатках, пили из деревянных кружек, дергали друг друга за рукава, пытаясь завязать разговор, спорили с охранниками у ворот — каждый был занят своим делом. Маскироваться, как оказалось, было совершенно ни к чему. Джек тоже решил заняться своим делом и направился к воротам.

Но почти сразу он понял, что ему вряд ли удастся в них войти. Двое охранников, по одному с каждой стороны, останавливали и опрашивали каждого, кто пытался проникнуть в Летний дворец. Все подошедшие к воротам должны были показать либо свои бумаги, либо печать или клеймо, дававшее право на вход. У Джека был только медиатор Спида Паркера, но он не думал, что это удовлетворит охранников.

Еще один человек, показавший серебряную печать, был пропущен. Следующего остановили. Он принялся спорить, но вскоре тон его голоса изменился, стал умоляющим. Но привратники только покачали головами.

— *Его* люди могут входить беспрепятственно, — услышал Джек за спиной, проблема языка Долин решилась сама собой. Он обернулся и увидел человека, которому принадлежали эти слова. Но этот человек, мужчина средних лет, обращался вовсе не к нему, а к своему спутнику, одетому так же просто, как все мужчины и женщины за пределами дворца.

— Лучше бы этого не было, — ответил второй. — Я слышал, он собирается быть здесь со дня на день?

Джек тихонько пристроился сзади, и, прячась за спинами ничего не подозревающих собеседников, пошел к воротам. Охранники выступили вперед. Пока один из них проверял документы, другой обнаружил Джека. Ни у того, ни у другого не было шрама на лице, а других офицеров Джек не видел. Единственные солдаты, которых он встретил за сегодняшний день, стояли перед ним, оба были

молоды и имели простоватый вид. Их широкие красные лица, подчеркнутые тщательно выглаженной униформой, делали их похожими на фермеров в маскарадных костюмах.

Проверка была окончена и после короткого разговора привратники отступили назад и пропустили тех двоих. Джека же встретил такой взгляд, что он счел нужным ретироваться.

Нет, пока он не найдет Капитана, ему нечего и думать о том, чтобы попасть во дворец.

Еще несколько человек подошли к солдатам и немедленно пустились в пререкания: у них назначена встреча там, внутри, это связано с большими деньгами, а бумаг, как ни прискорбно, нет. Один из охранников сделал отрицательный жест и поскреб подбородок. Джек, все еще размышляя, как найти Капитана, наблюдал за разговором.

Но вот предводитель этой маленькой группки возвел руки к небу. Его лицо стало таким же красным, как и лица солдат. Он попытался обойти их, но это было бесполезно. Те стояли плечом к плечу, хмурые и негостеприимные.

Стройный высокий человек в форме, почти не отличающейся от формы охранников (разве что тем, как она на нем сидела), но имевшей такой вид, будто прошла через все войны, бесшумно появился сзади. Джек заметил, что на нем нет кружевного воротника и шляпа не треугольная, а круглая.

Он что-то сказал охранникам, затем подошел к тем, что желали попасть внутрь. Они больше не кричали, не размахивали руками.

Человек говорил тихо и спокойно. Джек заметил, что страх овладевает людьми. Колени задрожали, головы вжались в плечи. Они начали медленно отступать назад. Офицер проводил их взглядом, потом похвалил привратников за хорошую службу.

В тот момент, когда офицер разговаривал с людьми, он на секунду посмотрел в сторону Джека. Этого было достаточно для того, чтобы тот увидел длинный бледный боевой шрам, рассекающий лицо от правого глаза до уголка рта.

Человек распрощался с солдатами и зашагал прочь. Он шел не оглядываясь по сторонам, уверенно пробираясь сквозь толпу. Джек кинулся за ним.

— Сэр! — крикнул он, но офицер не обратил на это никакого внимания, он медленно отмерял шаги.

Джек бежал стороной новую толпу, штурмующую ворота, потом еще одну, загоняющую свинью в палатку, и вскоре вновь увидел офицера. Теперь он был близко, так, что можно было дотронуться.

— Капитан!

Человек обернулся, и Джек примерз к тому месту, где стоял. С близкого расстояния шрам казался необычайно широким и абсолютно самостоятельным, не принадлежащим властному лицу.

— Что тебе, мальчик?

— Капитан, мне нужно с вами поговорить. У меня есть дело к госпоже, но мне никак не попасть во дворец. Ах, да! И я еще должен вам кое-что показать.

Он порылся в широком кармане необъятных штанов и нащупал треугольный предмет. Вытащив его наружу, он был сильно потрясен — то, что лежало на его ладони не было гитарным медиатором. Это был длинный зуб, скорее всего акулий, инкрустированный золотом.

Джек поднял глаза на капитана и понял, что потрясение постигло не только его. Угрюмость и несговорчивость, казавшиеся столь характерными, исчезли с лица офицера. Неуверенность, быть может даже страх, исказили его черты.

Капитан протянул ему руку, и Джек подумал, что должен отдать этот богато украшенный зуб, ведь Спиди говорил об этом, но тот лишь сомкнул его собственные пальцы вокруг лежащего на ладони предмета и убрал руку назад.

— Иди за мной.

Они вернулись к воротам дворца. В тени, отбрасываемой парусиновыми палатками, лицо Капитана казалось нарисованным толстым розовым карандашом.

— Этот знак, — тихо спросил он, — где ты его взял?

— Мне его дал Спиди Паркер. Он сказал, чтобы я вас нашел и показал это.

Капитан покачал головой.

— Я не знаю этого имени. Отдай мне эту вещь сейчас же, — он схватил Джека за ворот. — Отдай ее мне и рассказывай, где ты ее стащил.

— Но я сказал правду, — ответил Джек, — мне дал ее Лестер Спиди Паркер. Он работает в Луна-парке. Но тогда это не был акулий зуб. Он давал мне гитарный медиатор.

— Мне кажется, ты не вполне понимаешь, что тебе грозит...

— Вы его *знаете*, — голос Джека стал умоляющим, — он описал вас. Он сказал, что вы — Капитан Королевской Стражи. Я *должен* был вас найти.

Капитан снова покачал головой и еще сильнее притянул к себе Джека.

— Опиши его, но смотри, если ты будешь врать, тебе живым отсюда не уйти. Так что на твоём месте я бы рассказал всю правду.

— Спиди уже старый, — начал Джек. — Он музыкант.

Ему показалось, что человек что-то припоминает.

— Он черный, то есть у него черная кожа и седые волосы. Он очень худой, но на самом деле он намного сильнее, чем кажется.

— Черная кожа... Ты хочешь сказать, что у него *коричневая* кожа?

— Ну да. Ведь черные люди, они на самом деле не черные, как и белые на самом деле не белые.

— Коричневого человека зовут Паркер... — Капитан опустил ворот Джека. — Здесь он называл себя Паркус. Так значит ты... — он указал куда-то за горизонт.

— Ну да!

— И Паркус... Паркер... послал тебя встретиться с нашей Королевой.

— Он сказал, что я должен увидаться с Госпожой. И что вы можете мне помочь.

— Ты не мог этого сразу сказать? Я знаю, что нужно делать, но нам нельзя терять ни минуты. А теперь слушай меня внимательно. Здесь очень много незаконнорожденных детей. Так вот запомни: ты мой внебрачный сын. Ты меня не слушаешься, и я зол на тебя. Я *думаю*, нас никто не остановит, если мы устроим такое представление перед воротами. Ну что? Сможешь? Сможешь всех убедить, что ты мой сын?

— Моя мама — актриса, — сказал Джек с гордостью.

— Ну что ж, посмотрим, чему ты у нее научился, — ответил Капитан и подмигнул ему. — Я постараюсь не причинить тебе боли.

Он снова схватил Джека за шиворот и поволок за собой.

— Вырывайся, — тихо прошептал он, затем, не глядя на него, сердито закричал:

— Сколько раз тебе повторять: мой плиты на кухне, мой плиты на кухне! Ах ты дрянь! Ах ты негодный мальчишка! Ты слушаешь меня? Повторяю еще раз: *ты должен выполнять свою работу!* А если будешь отлынивать, я не знаю, что с тобой сделаю!

— Но я помыл несколько плит, — ныл Джек.

— Я не говорил тебе помыть *несколько* плит! — кричал Капитан. Люди расступались перед ними, некоторые с сочувствием смотрели на Джека.

— Но я как раз собирался вернуться и помыть остальные, честное слово...

Капитан с силой толкнул его, так что он кубарем полетел в двор, и прошел сам, даже не взглянув на охранников.

— Не надо, папа! — всюду ревел Джек. — Мне больно!

— Ничего, сейчас ты еще получишь!

И он отвесил ему тяжелый подзатыльник. Пройдя таким образом через двор, они подошли к деревянным ступеням дворца.

— Теперь кричи, что справишься, — шепнул Капитан и повел его по длинному коридору, так сильно сжимая руку, что Джек испугался, не останутся ли синяки.

— Я больше не буду! Обещаю! — орал Джек во всю глотку.

Они повернули в другой, более узкий коридор. Дворец, как оказалось, вовсе не был шатром, просто полотно было натянуто сверху здания. Внутри Джек увидел мозаичные галереи и маленькие комнатки.

— Поклянись! — орал Капитан.

— Клянусь, я исправлюсь!

Зайдя еще в один коридор, они повстречали несколько богато одетых людей, которые повернули головы, пытаясь понять, откуда такой шум. Один из них, до этого отдававший приказания двум женщинам с перекинутыми через руки простынями, оглянулся и подозрительно осмотрел сначала Джека, потом Капитана.

— А я клянусь, что выколочу из тебя всю душу, — не унимался Капитан.

Люди в коридоре громко рассмеялись. На них были широкополые шляпы с лентами и бархатные туфли. Лица — тупые и жадные. Мужчина, говоривший с девушками, одна из которых, похоже, была беременна, телосложением напоминал скелет. Его бегающие напряженные глаза уставились на мальчика и офицера.

— Прошу, не надо! Ну, пожалуйста!

— За каждое «не надо» — дополнительная порка.

Воздух в коридоре снова взорвался от смеха. «Скелет» обнажил зубы в холодной и острой, как нож, улыбке и вернулся к дамам.

Капитан втоптал мальчика в пустую комнату, заставленную пыльной деревянной мебелью и наконец-то отпустил его ноющую руку.

— Это были *его* люди, — прошептал он. — Какая жизнь нас ждет, если...

Он понурил голову и, казалось, забыл о спешке.

— В Библии сказано, что смиренные наследуют Землю. Но в этих людях нет ни капли смирения. Они отбирают все, что попадется им на глаза. Они хотят богатства, они хотят... — он остановился на полуслове, не желая или не имея права сказать, чего еще хотят эти люди. Затем снова посмотрел на мальчика.

— Нам нужно поторопиться. Здесь, во дворце, есть потайные ходы, о которых его людям не известно. — Он указал на деревянную стену.

Джек ничего не мог понять пока Капитан не нажал на два ржавых гвоздя в углу пыльной панели. Она отъехала вбок, открывая темный узкий проход, напоминавший поставленный вертикально гроб.

— Отсюда ты сможешь только взглянуть на нее, но, я думаю, этого тебе будет достаточно. В любом случае, это все, на что ты можешь рассчитывать.

Джек, следуя молчаливому указанию, вошел в коридор.

— Иди прямо, пока я не остановлю, — тихо сказал Капитан и вернул панель на место. Джек в полной темноте пошел вперед, скользя руками по стенам. Через несколько шагов пространство впереди него неожиданно осветилось. Тонкий луч пробивался через трещину или окошко где-то высоко над головой. Джек уже давно потерял чувство направления и шел, лишь внимая голосу своего проводника. Его постоянно окружали какие-нибудь запахи. В одном месте он почувствовал аромат жареного мяса, в другом — зловоние сточных вод.

— Стой! — внезапно сказал Капитан. — Сейчас я тебя приподниму. Дай мне руку.

— И я смогу что-нибудь увидеть?

— Сейчас узнаешь.

Капитан схватил Джека под мышки и поднял его над головой.

— Там должен быть щиток, прямо перед тобой, — прошептал он. — Отодвинь его влево.

Джек слепо пошарил руками перед собой и нащупал тонкую деревянную пластинку. Она отодвинулась на удивление легко, и свет хлынул в непроглядную тьму тоннеля. Маленький лохматый паук поспешил убраться на потолок.

Джек увидел комнату размером с обычный гостиничный номер. Она была наполнена женщинами в белом и мебелью, такой резной и инкрустированной, какую он раньше видел только в музее. В центре стояла роскошная кровать. На ней, до плеч укрытая одеялом, спала или дремала...

Джек чуть не вскрикнул от потрясения и ужаса. На кровати лежала его мать. Это была его мама, и она умирала.

— Посмотри на нее, — шепнул Капитан и поднял его еще выше.

Джек и без этих слов не мог оторвать от нее глаз. Она умирала. Джек никак не мог в это поверить. Но даже цвет ее кожи, даже ее выцветшие волосы говорили об этом. Няньки кружили вокруг нее, постоянно поправляя простыни, зачем-то перекладывали книги на столе. Они проделывали это с деловым и целеустремленным видом, хотя явно не знали, что им нужно делать, как они могут помочь своей госпоже и может ли ей вообще что-нибудь помочь. Они были

бы счастливы, если б могли продлить ей жизнь на месяц или хотя бы на неделю.

Джек снова всмотрелся в восковое лицо лежавшей на кровати женщины, и теперь понял, что ошибся. Это была не мама. Черты были мягче, профиль — более классическим. Умиравшая женщина была двойником его матери. Это была Лаура де Луизиан. Джек не знал, что еще он должен увидеть. Бледное неподвижно лицо ничего не выражало.

— Все, — шепнул он, задвигая щиток на место.

Капитан опустил его на пол. Вокруг вновь воцарилась темнота.

— Что с ней случилось?

— Этого не знает никто, — раздался голос за его спиной. — Королева не может видеть, не может двигаться, не может говорить...

Капитан на секунду замолчал, потом взял Джека за руку и сказал:

— Пора возвращаться.

Они снова очутились в пустой пыльной комнате. Капитан считал липкие нити паутины с рукавов своего форменного сюртука. Все это время он не сводил глаз с готового расплакаться Джека.

— Теперь ты должен ответить на мой вопрос, — сказал он.

— Да?

— Тебя прислали сюда спасти ее? Спасти Королеву?

Джек кивнул.

— Не только, но и для этого тоже. Скажи мне одну вещь... — Он на мгновение замялся. — Почему эти скоты до сих пор не захватили власть в свои руки? Ведь она не может им ничем помешать?

Капитан улыбнулся, но это была невеселая улыбка.

— Зато я могу. И мои люди, — сказал он. — Конечно, они могут пройти через внешние посты. Ты сам видел, какая там охрана, но здесь, около Королевы, мои гвардейцы. — Щека на нетронутой шрамом половине лица едва заметно дернулась. Пальцы рук, сплетенные в замок, были крепко сжаты.

— Так, стало быть, твоя задача... Ты ведь должен идти на запад, верно?

Джек почувствовал внутреннее напряжение этого человека, сдерживающего растущее волнение только благодаря выработанной за долгие годы привычке держать себя в руках.

— Да, я иду на запад. Как вы думаете, это правильно? Мне нужно идти к другой «Альгамбре»?

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Капитан, отступая назад. — Но только тебе бы следовало поскорее убраться отсюда. Я не могу тебе

ничего посоветовать, — Джек заметил, что Капитан больше не смотрит ему в глаза. — Ты не можешь оставаться здесь ни минутой дольше. Постарайся исчезнуть до того, как объявится Морган.

— МОРГАН??? — Джек решил, что ослышался. — Морган Слоут? Он будет здесь?!

Глава 7 КАПИТАН ФАРРЕН

1

Капитан сделал вид, что не расслышал вопроса. Он сосредоточенно уставился в угол пустой, заброшенной комнаты, словно пытаясь что-то там отыскать. Он надолго задумался. Джек вспомнил: дядя Томми учил его, что прерывать думающего человека так же невежливо, как и говорящего. Но *«...остерегайся этого Блоута. И его двойника тоже... обойдется с тобой, как лиса с гусем»*.

Когда Спиди говорил это, Джек думал совсем о другом — о Талисмане, о Королеве, о человеке со шрамом. Теперь эти слова всплыли в его памяти. Они как будто ударили его по затылку.

— Тот человек, о котором вы говорите, — спросил он Капитана. — Как он выглядит?

— Морган? — Капитан очнулся от своих мыслей.

— Он толстый? У него есть лысина? Когда он сердится, он ходит вот так?

Используя свой природный дар к подражанию — дар, который всегда веселил его отца, даже если тот был уставший или в плохом настроении, Джек изобразил Моргана Слоута. Его лицо сразу стало старым, брови сомкнулись в одну линию, как у дяди Моргана, когда тот был чем-то недоволен. Джек надул щеки и втянул голову, чтобы изобразить двойной подбородок. Губы вывернулись наружу, как у рыбы, глаза быстро забегали.

— Похоже?

— Нет, — ответил Капитан, но Джеку показалось, что он пытается что-то вспомнить. Выражение его лица стало таким же, как в ту минуту, когда Джек рассказывал ему про Спиди Паркера. — Морган высокий. У него длинные волосы, — Капитан провел пальцем чуть ниже своего правого плеча, чтобы показать какой они длины. — И еще он хромой. Одна нога у него искалечена. Он ходит с тростью, но... — Он пожал плечами.

— Но когда я его показывал, у Вас было такое лицо, как будто вы узнали его!

— Тихо. Не надо так громко кричать.

Джек понизил голос.

— Мне кажется, я знаю, кто этот парень, — сказал он и сам испугался своей нелепой мысли... Он даже был не в состоянии сразу сказать то, о чем подумал.

Дядя Морган — Иисус!

— Морган — это Морган. Не говори глупостей, мальчик. Пойдем отсюда. Его необъятная рука снова схватила Джека за шиворот. Джек приготовился сопротивляться.

«Паркер стал Паркусом, а Морган... слишком много совпаде- ний».

— Скажите, — другой вопрос завладел его сознанием, — у нее есть сын?

— У Королевы?

— Да.

— У нее был сын, — неохотно ответил Капитан. — Был. Пойдем скорее. Нам...

— Расскажите мне о нем!

— Тут не о чем рассказывать. Ребенок умер в младенчестве. Ему не было и шести недель. Говорят, что это один из людей Моргана — Осмонд — задушил его. Но скорее всего это только слухи. Мне не нравятся ни Морган, ни Оррис, однако все знают, что каждый двенадцатый ребенок умирает в колыбели. И никто не может сказать, от чего они умерли. Пути Господни неисповедимы. Даже дитя Королевы не застраховано от Судьбы... Мальчик, что с тобой?

Комната поплыла у Джека перед глазами. Он упал. Поднимавшие его сильные руки Капитана показались Джеку мягче пуховых подушек.

Он должен был умереть в младенчестве!

Мать рассказывала, как нашла его в кроватке без признаков жизни — с синими губами, с почти прозрачными, зеленоватыми щеками. Она рассказывала, как бежала с ним, громко крича от ужаса, в гостиную, где пьяные отец и Слоут смотрели телевизионный матч по рестлингу. Отец вырвал его из ее рук, пальцами левой руки зажал ему ноздри. (Мать вспоминала, весело смеясь, что нос у Джека потом целый месяц был синий). Он принялся делать искусственное дыхание, в то время как Морган носился вокруг, постоянно повторяя: *«Это ему не поможет, Фил, это ему не поможет».*

«Наверное, дядя Морган был тогда очень смешной», — спросил он маму. — «Да, смешной», — ответила она с невеселой улыбкой и

достала еще одну сигарету, хотя предыдущая еще дымилась в пепельнице).

— Мальчик... — Капитан так сильно встряхнул его, что в шее хрустнуло. — Мальчик! Очнись! Не пугай меня...

— Все нормально, — услышал Джек свой голос откуда-то изда-лека, словно говорил не он, а диктор из телевизора. — Все нормаль-но, отпустите меня. Я сейчас приду в себя.

Капитан перестал его трясти, но смотрел на него с волнением.

— О'кей, — сказал Джек и со всей силы шлепнул себя по щеке. — Ой!

Слова снова растворились где-то в недостижимой высоте.

Он должен был умереть младенцем. В квартире, из которой они вскоре переехали и которую он помнил очень смутно. Мама назы-вала её Дворцом Радужных Мечтаний, потому что из окна гостиной открывался удивительный вид на Голливуд-Хиллс.

Он должен был умереть в своей кровати, пока отец со Слоутом пили вино. Когда много пьешь, часто ходишь в туалет, а добраться до него из гостиной можно было только пройдя через комнату, где лежал он, маленький Джек Сойер.

Да, скорее всего это было так. Дядя Слоут поднялся, глупо улыбнулся и промышчал что-то вроде: «Одну секунду, Фил. Я сейчас схожу в одно место». Отец даже не посмотрел в его сторону, потому что в это время на экране Кэлхоун уже почти поборол Спиннера или Слиппера, в общем, что-то в этом духе. Слоут вышел из освещенной мерцающим светом экрана гостиной и вошел в полу-мрак детской, где маленький Джек Сойер тихо сопел, завернутый в сухие пеленки, теплый и спокойный. Он увидел дядю Моргана, аккуратно прикрывающего за собой дверь. Тот подошел к кровати и, суюкая, показал ему «козу». Потом взял подушку с кресла, где обычно сидела Лили, и, придерживая одной рукой маленькую головку, другой с силой придавил подушку к лицу мальчика. Постояв так с полминуты, дядя Морган положил подушку на место и отправился в уборную.

Если бы тогда не пришла мама?!

Холодный пот прошиб его с ног до головы.

Так ли все было? Вполне возможно. Сердце подсказывало, что он не ошибается. Довольно странное совпадение.

В возрасте шести недель умер сын Лауры де Луизиан, Королевы Долин.

И в возрасте шести недель едва не умер в своей колыбели сын Филиппа и Лили Сойер.

И в обоих случаях Морган Слоут был рядом!

Мама всегда заканчивала рассказ веселым воспоминанием, как Фил Сойер разбил телефон, пытаясь вызвать неотложку, после того как Джеки снова начал дышать.

Очень смешно. Конечно.

2

— Теперь пойдем, — сказал Капитан.

— Хорошо, — ответил Джек. Он все еще чувствовал себя слабым и беспомощным, — Хорошо, пой...

— *Ти-ш-ш!* — Капитан прислушался к звукам приближавшихся голосов. Стена справа от них была не из дерева, а из тяжелого брезента. Она заканчивалась в нескольких дюймах от пола, так что Джек мог видеть несколько пар башмаков, проходивших мимо. Он сосчитал — пять пар ног. Солдаты.

Из общего гомона донесся обрывок фразы:

— ...не знал, что у него *есть* сын...

Другой голос ответил на это:

— Яблоко от яблони недалеко падает! Всем известно, что он и сам незаконнорожденный...

Ответом на что был жуткий хохот. Джек слышал такой хохот в школе, когда старшие мальчики обзывали младших непонятными, но очень обидными словами вроде «педик» или «марафетчик». Каждое из этих гнусных слов сопровождалось взрывами звериного гогота, очень похожего на этот.

— Тихо! — вмешался третий голос. — Заткнитесь! Если он услышит, мы вылетим отсюда, чихнуть не успеешь!

Шушуканье.

Снова гоготанье.

Еще одна шутка, на этот раз непристойная. Хозяева башмаков просто давились от смеха. Через несколько секунд раздалось их дружное шарканье.

Джек взглянул на Капитана, который все еще смотрел, закусив губы, в пространство под стеной. Без лишних слов было ясно, о ком они говорили. А если они говорили, то вполне мог найтись кто-то, кто слушал... И этот кто-то мог догадаться, кто такой этот неизвестно откуда взявшийся сын. Это было ясно даже ребенку, такому, как он.

— Ты слышал? — спросил наконец Капитан. — Теперь ты понимаешь, почему нам *нельзя* здесь оставаться?

Он, казалось, вновь собирался встряхнуть Джека, но не отважился.

— *Так значит, твоя задача... идти на запад, верно?*

«Он изменился, — подумал Джек. — Он уже дважды изменился». Первый раз, когда Джек показал ему зуб акулы, который был медиатором в том мире, где по дорогам ездят многотонные грузовики, а не запряженные лошадьми повозки. И второй раз, когда Джек сказал, что идет на запад. Тогда вместо угроз он предложил свою помощь, вот только в чем? А потом...

«Не знаю, не знаю... Ничего не могу тебе посоветовать».

А потом его охватил страх перед чем-то. Даже не страх — ужас.

«Наверно, он хочет, чтобы мы поскорее ушли, потому что боится, что нас поймают. Вот и все. Он боится меня. Боится...» — подумал Джек.

— Пойдем, — сказал Капитан. — Пойдем, ради Иосии!

— Ради кого? — спросил Джек, окончательно сбитый с толку, но Капитан не ответил, он уже подталкивал Джека к двери. Потом резко повернул влево и полуповел-полупотасил Джека по коридору, деревянному с одной стороны и брезентовому, пахнущему плесенью, с другой.

— Но мы шли сюда по-другому, — удивился Джек.

— Нам нельзя больше показываться на глаза тем людям, — шепнул в ответ Капитан. — Это люди Моргана. Помнишь того худого? Кожа да кости?

— Да. — Джек вспомнил холодную улыбку, колющий взгляд стеклянных глаз. Глаза всех остальных не выражали ничего, но у этого... У этого взгляд был тяжелый, безумный. И еще: он был знаком Джеку.

— Оррис Осмонд, — сказал Капитан, поворачивая направо.

Запах жареного мяса стал намного сильнее, теперь воздух был просто пропитан им. Джеку никогда в жизни так сильно не хотелось мяса, как сейчас. Он был напуган, издерган, он устал... Но рот до краев наполнялся слюной.

— Осмонд — правая рука Моргана, — объяснил Капитан. — Он слишком хорошо видит, и я не хотел бы, чтобы он увидел *тебя* еще раз.

— Что вы имеете в виду?

— *Цыц!* — Капитан еще сильнее перехватил и без того онемевшую руку Джека. Они проходили мимо широкой двери, завешенной занавеской. Сплетенная из джутовых веревок, широкая и грубая, она была похожа на сеть. Даже кольца, на которых она висела, были не металлическими, а костяными.

— Теперь *кричи!* — выдохнул Капитан Джеку в ухо.

Он отодвинул занавеску и толкнул Джека в огромную кухню, благоухавшую сотней ароматов (запах мяса преобладал) и напол-

ненную дымом и паром. Джек увидел огнедышащие пасти жаровен, каменные столбы дымоходов, женские лица под белыми колышущимися косынками. Некоторые из них склонились над длинным железным корытом на деревянных подпорках и терли горшки, кастрюли и прочую кухонную утварь. Их лица были красными и мокрыми от пота. Другие стояли у длинного стола, протянувшегося из одного конца кухни в другой, и чистили, разделявали, резали, шинковали. Одна женщина закладывала в духовку пироги. Все они сразу же разом уставились на Джека и Капитана.

— И чтобы это было в последний раз! — взорвался Капитан, тряся Джека, как кот трясет мышь, в то же время не переставая толкать его через всю кухню к дверям в противоположной стене. — Последний раз, слышишь меня! Если ты еще раз когда-нибудь не сделаешь то, что тебе велено, я спущу с тебя шкуру и сделаю отбивную!

Шепотом Капитан добавил:

— Они все запомнят и про все разболтают, так что кричи, *кричи громче!*

И в миг, когда Капитан со шрамом волок его через жаркую кухню за воротник и руку, Джека посетило ужасное видение. Он увидел свою мать, лежащую на смертном одре, накрытую белой прозрачной тканью. Она лежала в своем гробу, одетая, как героиня фильма «Сдают тормоза», ее лицо все четче и четче вырисовывалось в сознании Джека, и он заметил, что в ушах у нее — тонкие позолоченные сережки, которые он подарил ей к Рождеству два года назад. Потом лицо изменилось, подбородок округлился, а нос заострился, волосы приобрели более светлый оттенок и стали волнистыми. Теперь в гробу лежала Лаура де Луизиан. И сам гроб уже не был обычным траурным ложем. Он напоминал старинную деревянную домовину викингов (на самом деле Джек не имел понятия о том, как выглядит домовина и как викинги хоронили своих покойников). Его легче было представить окруженным множеством факелов, чем зарытым в землю.

Это была Лаура де Луизиан, но в его видении она все еще была одета в белое платье его мамы, платье из фильма «Сдают тормоза». И в ушах у нее были сережки, те самые, которые дядя Томми помогал ему выбрать в магазине в «Бeverли-Хиллз».

Внезапно слезы горячим и плотным потоком залили его лицо, самые настоящие, непритворные слезы. Он плакал не только по матери, но по обеим ушедшим женщинам, умершим в разных концах Вселенной, но связанных невидимой нитью, которой никогда не суждено порваться.

Сквозь слезы он разглядел высокую мужскую фигуру, одетую в белое. Фигура двигалась прямо на него. На голове вместо шляпы у мужчины был завязан красный платок. Джек решил, что назначение его в том, чтобы отличать главного повара от остальных. Повар опасно размахивал деревянной трезубой вилкой.

— *Фон отсюда!* — крикнул им повар. Голос его звучал как из огромной пустой бочки. Это был голос бездельника, который учит жить работяг. Но что касается вилки, то она в бой пока не вступала, продолжая покачиваться в необъятных руках.

Женщины крутились вокруг него и кудахтали, словно курицы. Та, что пекла пироги, уронила один из них на пол, издав при этом пронзительный вопль. Клубничное варенье растеклось по полу, яркое и красное, как кровь.

— *Фон ис моей кухня! Слисняки! Это фам не прохотной тфор!* Это есть моя кухня, и если вы не ф состояниии это понять, я расорфу фаши сантитсы!

Он потряс перед ними вилкой, ужасно вращая глазами с явным намерением пролить кровь. Капитан убрал руку с ворота Джека и плавно, как ему показалось, вынес ее вперед. Миг спустя двухметровая громада повара валялась на полу, а вилка отлетела в лужу клубничного варенья и белого теста. Повар вертелся на полу, схватившись за правый бок, и завывал своим раскатистым голосом: он умер, Капитан его убил («упил», как это звучало в его выговоре, у повара был сильный «тефтонский» акцент), а если ему и удастся выжить, то все равно он навеки останется убогим: жестокий и бессердечный Капитан королевской стражи сломал ему правую руку, покалечив на всю жизнь и обрекая его на нищенское существование, Капитан причинил ему ужасную боль, невероятную и невыносимую...

— *Заткнись!* — не выдержал Капитан, и повар заткнулся. Он лежал на полу, как дитя-переросток, правой рукой уткнувшись в лицо, колпак его съехал набок, обнажив маленькую жемчужину в ухе, толстые щеки нервно подрагивали.

Женщины завертелись и закудахтали вокруг своего поверженно-го начальника, великана-людоеда, побежденного Капитаном в душе-ной пещере, где они томились много дней и ночей.

Джек, все еще не переставший плакать, поймал взгляд черного (*коричневого!*) мальчика, стоявшего около огромного стола. Его рот был приоткрыт в потешном изумлении, в руках покачивалась берцовая кость коровы или быка. Лицо негритенка казалось багровым в мерцании раскаленных углей жаровни.

— А теперь послушай, что я тебе скажу, — сказал Капитан, склонившись над лежащим поваром так, что их носы почти сопри-

касались. Все это время его хватка на руке Джека, уже ничего не чувствующей, не ослаблялась ни на миг. — Этого ты не найдешь в Библии. *Никогда больше*, понял? Никогда больше не наступай на человека с ножом или с вилкой, или с чем угодно, что может убить! Я понимаю, у тебя такой характер. Но никакой характер не дает тебе права нападать на капитана королевской стражи! Усвоил?

Повар слезливо промывал что-то воинственное. Его акцент стал еще ужаснее, но Джек явственно услышал что-то про мать Капитана.

— Может быть, — ответил тот как можно спокойнее. — Я ничего не знаю о своей матери. Но ты не ответил на мой вопрос.

Он пнул повара сапогом. Пинок был легким, но жертва завопила во всю глотку, как будто Капитан отбил ему все потроха. Женское кудахтанье возобновилось с новой силой.

— Итак, капитаны и повара больше не в обиде друг на друга? Если что, я могу объяснить еще нагляднее...

— Не в обиде! Не в обиде! Не в обиде!

— Ну вот и прекрасно. Потому что у меня сегодня немало дел более важных, чем обучение тебя хорошим манерам, — он потрепал Джека по голове.

— Не правда ли, мальчик? — И Капитан так сильно сжал ему руку, что Джек не выдержал и громко вскрикнул. — Я думаю, это все, что он может сказать. Простак. Весь в свою матушку.

Капитан обвел кухню взглядом.

— Счастливо, кумушки! Бог вам в помощь!

— И вам того же, добрый господин, — ответила старшая из поварих и сделала неуклюжий реверанс. Остальные последовали ее примеру.

Капитан потащил Джека дальше. От внезапного рывка тот упал и сильно ударился о край железного корыта, снова громко вскрикнув. Горячая вода выплеснулась наружу и обожгла ему руку. «*А ведь эти женщины постоянно в таком кипятке*, — подумал Джек. — *Как они выдерживают?*»

Капитан втащил его в еще одну дверь за такой же занавеской, как и предыдущая.

— Фу! — скривился он. — Ну и вонь!

Налево, направо, опять направо. Джек почувствовал, что они проходят вдоль внешних стен дворца и еще раз подивился тому, насколько он больше изнутри, чем кажется снаружи.

Через несколько минут они вновь оказались на улице. Яркое полуденное солнце после полумрака коридоров ослепило Джека, и он зажмурился от резкой боли в глазах.

Капитан шел и шел, не останавливаясь. Грязь хлопала и чавкала под ногами. Пахло сеном, лошадьми и навозом. Джек открыл глаза и увидел справа деревянное строение, похожее на конюшню или амбар. Где-то невдалеке весело попискивали цыплята.

Худой человек, совершенно голый, если не считать грязной набедренной повязки и рваных сандалий, забрасывал сено в открытое стойло, ловко орудуя деревянными вилами. В стойле стояла лошадь размером ненамного больше шотландского пони и угрюмо глазела на мир четырьмя большими глазами.

Они уже достаточно далеко отошли, когда Джек наконец-то сообразил, что же он увидел: у лошади было две головы!

— Эй! — воскликнул он. — Давайте вернемся на минутку! У этой...

— Некогда!

— Но у этой лошади...

— Некогда! — отрезал Капитан. — И если я еще хоть раз застану тебя валяющимся на травке, — прокричал он, — пока вся работа не сделана, ты уже не отделаешься простой поркой!

— Не надо! — взмолился Джек. Ему показалось, что спектакль заходит уже слишком далеко. — Не надо, я прошу. Я ведь обещал исправиться!

Прямо над их головами возвышались широкие деревянные ворота, едва заметные в такой же деревянной стене. Они были сделаны из цельных стволов — даже кора местами не была снята, эти ворота напомнили Джеку один из вестернов, в котором снималась мама. В ворота были вделаны огромные петли, но засова, который они должны были держать, на месте не было. Он был прислонен к забору, толстый, как железнодорожная шпала. Еще не утраченная до конца ориентировка подсказала Джеку, что они прошли дворец насквозь и вышли в дальний конец двора.

— Слава Богу, — сказал Капитан спокойным голосом, — теперь...

— Капитан! — окликнул голос сзади. Голос был тихий, спокойный, завораживающий и обманчивый. Капитан застыл, как вкопанный, он как раз открывал левую створку ворот. Было впечатление, будто позвавший его нарочно стоял и ждал именно этого момента.

— Может быть, ты все-таки познакомишь меня со своим... гм... сыном?

Капитан обернулся. Джек сделал то же самое. Посреди загона для коров возвышалась нелепая скелетообразная фигура. Тот самый человек, которого больше всего боялся Капитан — Осмонд. Он смотрел на них своими серыми печальными глазами. Что-то неуловимое шевелилось в их бездонной глубине, навевая страх и насквозь

прошупывая душу. *«Он сумасшедший, — промелькнуло в голове Джека. — Кочан капусты вместо головы!»*

Осмонд сделал два осторожных шага к ним навстречу. В левой руке он держал плетку для скота из сыромятной кожи. Ручка слегка сужалась на конце, податливые жилы были несколько раз обернуты вокруг нее. Другой конец был гладким и толстым. Плетка была похожа на одеревеневшую гремучую змею. Каждая из дюжины свешивавшихся с тонкого конца плетки кожаных косичек оканчивалась блестящим металлическим кольцом.

Осмонд тряхнул плеткой, и косички медленно закачались. Раздался сухой перезвон колечек.

— Познакомь меня с сыном, — повторил Осмонд и сделал еще шаг. Джек внезапно понял, почему этот человек в первый раз показался ему таким знакомым. Он вспомнил тот день, когда его едва не похитили. Сейчас на Осмонде не было ни черных очков, ни белого костюма, но...

3

Капитан сжал руки в кулаки и, поколебавшись один миг, выступил вперед. Джек последовал за ним.

— Мой сын Льюис, — коротко произнес Капитан. Джек поклонился. Сердце его билось.

— Благодарю вас. Капитан. Благодарю тебя, Льюис. Благословение Королевы на вас.

Осмонд похлопал Джека по плечу концом плетки, и Джек едва не вскрикнул. Он снова выпрямился, подавляя в себе крик.

Оррис Осмонд был теперь всего лишь в паре шагов от Джека, пристально глядя на него своим безумным тоскливым взглядом. На нем была кожаная куртка с застежками из стекла, а может быть, и из алмазов, и щегольская кружевная рубашка. Металлическая цепочка браслета побрякивала на правом запястье: по тому, как Осмонд держал плетку, Джек решил, что он левша. Волосы его были зачесаны назад и прихвачены широкой лентой из белого сатина. Осмонда окружали два запаха. Первый, сильнее, был из тех, которые мать Джека называла «запахом настоящих мужчин», смесь крема для бритья, одеколона и тому подобного. От Осмонда всем этим пахло невероятно сильно, и Джеку вспомнились старые черно-белые английские фильмы, где какой-нибудь бедняк попадал на скамью подсудимых. Судьи и присяжные в таких фильмах носили парики, и Джеку казалось, что коробки, из которых их доставали, должны пахнуть именно так, резко и приторно. Но был и второй

запах, более житейский и менее приятный, даже отталкивающий. Запах пота и грязи. Запах человека, который моется очень редко, если только моется вообще.

Да, это был один из тех злодеев, которые пытались похитить его в тот день. В животе Джека что-то заворчалось и застонало.

— Я не знал, что у тебя есть сын, Капитан Фаррен, — сказал Осмонд, не сводя глаз с перепуганного лица Джека. *«Льюис, меня зовут Льюис, — подумал тот. — Не перепутать бы!»*.

— Лучше бы у меня его не было! — ответил Капитан, глядя на Джека со злобой и ненавистью. — Я оказал ему такую честь, с таким трудом пристроил его во дворец, а он сбежал, как паршивый пес. Я нашел его в...

— Да-да... — сказал Осмонд, улыбаясь застывшей улыбкой. *«Он не верит ни единому слову!»* — понял Джек. — Да-да. Мальчики все такие. Все дрянные. Так уж повелось. Все мальчишки дрянные, верно? Так уж оно ведется. Все мальчишки дрянные. И я был дрянным, и ты, я уверен, тоже, Капитан Фаррен. Я угадал? Ты был дрянным?

— Да, Осмонд, — сказал Капитан.

— Совсем дрянным? — не унимался Осмонд. Он даже начал пританцовывать в грязи. В этом еще не было ничего непонятного, Осмонд был гибок и почти нежен в движениях, но Джеку он не казался гомосексуалистом, если в его речи и были какие-то проявления этого, Джек ощущал, что они были наиграны. Нет, ясно было одно — злоба этого человека... и его безумие. — *Совсем дрянным? Совершенно, ужасно дрянным?*

— Да, Осмонд, — металлическим голосом сказал Капитан.

Осмонд прекратил свой танец так же внезапно, как начал. Он холодно глядел на Капитана.

— *Никто* и не знал, что у тебя есть сын, Капитан.

— Он незаконнорожденный, — ответил Капитан. — К тому же простак и лодырь, как выяснилось, — Капитан обернулся и отвесил Джеку тяжелую затрещину. Капитан бил не со всей силы, но рука у него была тяжела, как камень. Джек взвыл и упал в грязь, потирая ухо.

— *Совсем дрянной. Просто отвратительный*, — сказал Осмонд, только теперь лицо его было мертвенно белым, оскаленным. — Встань, дрянной мальчишка. Дрянных мальчишек, которые не слушаются своих отцов, надо наказывать. А еще их надо расспрашивать, как они себя ведут.

Осмонд потрянул плеткой, колечки издали сухой звук. Еще одно странное воспоминание родилось в сознании Джека, наверное, из-за

того, что любыми путями оно хотело восстановить связь с домом, с привычным миром, решил Джек позднее. Стук колец плетки Осмонда напомнил ему звук выстрела из духового ружья, которое ему подарили, когда ему исполнилось восемь лет. Ему и Ричарду Слоуту.

Осмонд протянул руку и схватил Джека за грязное плечо. Он притянул его к себе, обдав смесью запахов парфюмерии и помойки. Его дикие серые глаза вперились в голубые глаза Джека. Джек почувствовал, как у него подкосились ноги, он пытался не намочить в штаны.

— Кто ты такой? — спросил Осмонд.

4

Эти слова повисли в воздухе.

Джек видел Капитана. Тот глядел на него с выражением осуждения, которое не могло скрыть его отчаяния. Он слышал, как кудахчут куры, как лает собака. Где-то вдали прогрехотала телега.

«Скажи мне всю правду. Меня не обманешь, — говорили эти глаза. — Ты похож на одного дрянного мальчишку, которого я видел в Калифорнии. Ты — он?»

И у Джека чуть не сорвалось с губ:

«Да! Да, я Джек Сойер, я из Калифорнии, ваша Королева — моя мать, только она умерла, и я знаю вашего хозяина, Моргана — дядю Моргана, и я все расскажу, только не надо смотреть на меня такими глазами, ведь я всего лишь ребенок, а дети все говорят, они все рассказывают...»

И тут он услышал голос матери, строгий, на грани насмешки:

«И ты все выложишь этому парню? Этому? От него воняет, как от уборной, и он похож на средневекового Чарльза Мэнсона... Но думай сам, решай сам. Ты можешь надуть его, если захочешь, без труда. Но решай сам!»

— Кто ты такой? — повторил Осмонд, притянув его еще ближе к себе, и на его лице Джек читал полную уверенность в себе. Он привык вытягивать ответы из людей, а уж из двенадцатилетних детей — и подавно.

Джек набрал полные легкие воздуха (*«Если хочешь получить самую большую громкость, чтобы даже на последних рядах галерки тебя было слышно, работай диафрагмой. Весь воздух выходит из диафрагмы через связки»*) и заорал:

— Я УЖЕ САМ УХОДИЛ! КЛЯНУСЬ БОГОМ!

Осмонд, наклонившийся еще ближе в ожидании сломленного, сдавленного шепота, отшатнулся, будто Джек вырвался и ударил

его. Он выхватил свою плетъ и потряс. Он наступил на концы своей плети и чуть было не оборвал их.

— *Я УЖЕ СОБИРАЛСЯ УХОДИТЬ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БЕЙ МЕНЯ, ОСМОНД! Я УЖЕ УХОДИЛ! Я НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА, НИКОГДА, НИКОГДА...*

— Проклятый маленький...

Капитан Фаррен шагнул вперед и ударил Джека в спину. Джек снова растянулся в грязи, не переставая при этом кричать.

— Я же говорил, что он придурочный, — услышал он слова Капитана. — Я приношу свои извинения, Осмонд. Будь уверен, я высыплю ему по первое число. Он...

— *Что он делает здесь, во дворце?* — взвизгнул Осмонд. Голос его стал высоким и пронзительным, как у торговки. — Что твоему сопливному выродку здесь надо? Покажи-ка мне его пропуск! Я знаю, у него нет пропуска! Ты пристроил его к столу Королевы, чтобы он стащил для тебя ее столовое серебро! Я знаю!.. *Дрянной мальчишка...* с первого взгляда ясно, что он ужасно, невыносимо, нестерпимо *дрянной!*

Каждый раз при слове «дрянной» плетка Осмонда со всей силы хлестала Джека по спине, по плечам, по чему попало. Джек не имел понятия, сколько же будет длиться эта порка, Осмонд все больше распалялся, но вдруг раздался новый голос:

— Осмонд! Осмонд! Вот ты где! Слава Богу!

Послышался топот ног.

Голос Осмонда, срывающийся и захлебывающийся:

— Ну? Что? Что случилось?

Чья-то рука взяла Джека под локоть и помогла встать. Та же рука поддержала его на ватных ногах. Джек не мог поверить, что Капитан, такой строгий и резкий во время их путешествия по дворцу, стал теперь таким заботливым.

Джек покачнулся. Все плыло перед его глазами. Горячие струйки крови стекали по шее. Он взглянул на Осмонда, не скрывая ненависти — самое приятное чувство, которое он сейчас испытывал.

«*Ты сделал мне больно? Что ж, танцор, мы еще поквитаемся!*»

— Ты в порядке? — спросил Капитан.

— Вроде бы...

— Ну что? *Что нужно?* — кричал Осмонд подбежавшим людям, оторвавшим его от любимого занятия.

Первый из них был одним из тех франтов, которых Джек и Капитан встретили по пути в тайную комнату. Второй напоминал кучера, которого Джек встретил сразу по возвращении из Долины. Этот второй выглядел ужасно напуганным и был к тому же ранен —

кровь струилась из его левого виска, залив пол-лица. Левая его рука бессильно висела, камзол был порван.

— *Что вам нужно, кретины?*

— Мой фургон перевернулся у Сторонки, — проговорил кучер. Он говорил медленно и глухо, как человек, глубоко потрясенный. — Мой сын... О, Господин, мой сын умер, его раздавило бочками. Ему только что исполнилось шестнадцать. Не знаю, что будет с матерью...

— *Что? — вскричал Осмонд. — Бочки? С элем? Не королевским, надеюсь? Только не говори мне, что ты перевернул целый фургон королевского эля, ты, хрен собачий! Ты ведь не это хочешь сказать, а? Дермо-о!*

Голос Осмонда повышался с каждым словом, словно он изображал из себя оперного певца. Он дрожал и срывался. Внезапно Осмонд снова начал пританцовывать, но уже от ярости. Движения его были такими причудливыми, что Джеку пришлось зажать рот руками, чтобы сдержать неуместный смех. Ворот рубашки, поднявшись вслед за руками, коснулся его пораненной шеи, и это отрезвило его еще до того, как Капитан сделал предостерегающий жест.

Так как Осмонд, судя по его поведению, пропустил самое главное, кучер начал снова:

— Ему было всего шестнадцать... Мать не хотела отпускать его со мной. Я не знаю, что будет с матерью...

Осмонд занес свою плеть и с ослепительной быстротой нанес удар. Раздался звук, больше похожий уже на выстрел игрушечного пистолета. Взвизгнув, кучер отступил на шаг, закрыв лицо руками. Свежая кровь потекла сквозь его грязные пальцы. Он упал, повторяя: «О, Боже! О, Боже!»

— Уйдем отсюда! — взмолился Джек.

— Подожди! — сказал Капитан. Казалось, угрюмость его лица чуть разошлась, и в глазах засветился лучик надежды.

Осмонд, яростно повернулся к франту, который стоял в стороне, шевеля губами.

— Это был королевский эль?

— Осмонд, ты не должен вести себя так...

Осмонд выбросил вперед свою левую руку. Колечки щелкнули вокруг башмака франта. Тот отступил еще на шаг назад.

— Не учи меня, как мне себя вести! Отвечай на вопросы! Я просто взбешен, Стивен. Я невыносимо, нестерпимо взбешен! Это был королевский эль?

— Да, — ответил Стивен. — Мне неприятно говорить, но...

— На Подъездной Дороге?

— Осмонд!

— *На Подъездной Дороге, я спрашиваю, ты, учитель хренов?*

— Да, — выдавил Стивен.

— Ну, конечно, — сказал Осмонд, и его лицо расплзлось в зловещей ухмылке. — Где же стоит Сторонка, как не на Подъездной Дороге? Разве деревня может летать? Или не может? Может ли деревня перелететь с одной дороги на другую, Стивен? Может? Или нет?

— Не может, Осмонд.

— Не может. А бочки, которые разбросаны теперь по всей Подъездной Дороге? А? Хорошо ли, что Подъездная Дорога завалена бочками и перевернутыми фургонами, а лучший во всех Долинах эль уходит в землю к червям? Это хорошо?

— Нет... Но...

— *Морган едет по Подъездной Дороге!* — прокричал Осмонд. — *Морган едет, а вы же знаете, как он гонит коней!* Если он наедет на все это безобразие, его возница просто не успеет остановиться! *Он перевернется! Он погибнет!*

— О, Господи! — выдохнул Стивен. Его бледное лицо совсем побелело.

Осмонд кивнул.

— Пожалуй, если карета Моргана перевернется, нам стоит молиться о его смерти, а не о выздоровлении.

— Но... Но...

Осмонд отвернулся от Стивена и почти подбежал к Капитану Королевской Охраны с его «сыном». Несчастный кучер все еще корчился в грязи позади Осмонда, бормоча «О, Боже!»

Глаза Осмонда скользнули по Джеку, как если бы его здесь не было.

— Капитан Фаррен, — сказал Осмонд, — вы запомнили события последних пяти минут?

— Да, Осмонд.

— Вы уверены? Вы *хорошо* их запомнили? Вы запомнили их в точности?

— Да, я так думаю.

— Вы думаете? Какой вы отличный Капитан! Мы еще поговорим о том, как такой замечательный Капитан смог произвести на свет такое лягушачье яйцо вместо сына, — он холодно и быстро посмотрел на Джека. — Но сейчас у нас нет времени для этого, не так ли? Я бы посоветовал вам созвать дюжину самых шустрых из ваших людей и двойным, нет, *тройным* аллюром отправить их на Подъездную Дорогу. Вы сможете найти дорогу по запаху?

— Да, Осмонд.

Осмонд поглядел на небо.

— Морган обещал прибыть в шесть. Может быть, немного раньше. Сейчас два. По-моему. А по-вашему, Капитан?

— Два, Осмонд.

— А ты что скажешь, маленький кретин? Тринадцать? Двадцать три? Восемьдесят один час?

Джек сглотнул слюну. Осмонд скривил страшную рожу, и Джек почувствовал, как волна ненависти снова приливает к его сердцу.

«Ты сделал мне больно, но мы еще поквитаемся!...»

Осмонд снова перевел взгляд на Капитана.

— Я советую вам спасти все бочки, которые еще целы. После пяти просто убирайте дорогу так быстро, как только сможете. Вам ясно?

— Да, Осмонд.

— Тогда вон отсюда!

Капитан Фаррен поднес кулак ко лбу и поклонился. Глупо улыбаясь, все еще ненавидя Осмонда до боли в голове, Джек последовал за ним. Осмонд отвернулся от них, не успев Капитан отдать честь. Он направился к кучеру, похлопывая по сапогу плеткой, со звуком, похожим на выстрел из духового ружья. Кучер, услышав это, дико закричал.

— Идем, — потянул Капитан Джека за руку в последний раз. — Нечего тебе на это смотреть.

— Да, пойдем, — выдавил Джек.

Но пока Капитан Фаррен не открыл правую створку ворот и они не выбрались из дворца, Джек слышал все, и он слышал это во сне в ту ночь: свист ударов, один за другим, вскрики обреченного кучера. И звук, издаваемый Осмондом. Человек кричал и задыхался, и трудно было определить, что это за звук, не глядя в лицо Осмонда, а этого Джек не хотел.

Но он был уверен, что знает, что это за звук.

Осмонд смеялся.

5

Теперь они были на площади перед дворцом. Прохожие бросали на Капитана Фаррена косые взгляды и отходили. Капитан шел быстрым размашистым шагом. Лицо его было омрачено какой-то мыслью. Джек бежал за ним, чтобы не отстать.

— Нам повезло, — внезапно сказал Капитан. — Нам чертовски повезло. Похоже, он собирался тебя убить.

Джек кивнул ему. Во рту у него пересохло.

— Он же сумасшедший. Как бешеный пес.

Джек не видел бешеных псов, но с тем, что Осмонд — сумасшедший, он был согласен.

— Что?

— Стой здесь, — сказал Капитан. Они вышли к той же маленькой палатке, у которой Джек показал Капитану акулий зуб. — Стой здесь и жди. Ни с кем не разговаривай.

Капитан вошел в палатку. Джек стоял и ждал. Мимо прошел жонглер, подбрасывавший в воздух с полдюжины шариков. Он посмотрел на Джека, но не уронил ни одного шарика. Кучка чумазных ребятишек шла за ним, как за гамельнским флейтистом-крысоловом. Потом к нему подошла молодая особа с грязным младенцем на огромной груди. Она сказала, что за пару монет может научить Джека, что делать с маленькой штучкой промеж ног, кроме как писать. Джек покраснел и отвернулся.

— У-у-у, какой ты застенчивый! — рассмеялась девушка. — Иди ко мне, красавчик.

— Пошла вон, шлюха, не то до конца своих дней будешь драить сковородки!

Это был Капитан. Он вышел из палатки не один. Рядом с ним был пожилой грузный человек, который был чем-то неуловимо похож на Капитана Фаррена. Джек даже понял чем — оба они выглядели как настоящие солдаты. Толстяк тщетно пытался застегнуть форменный камзол на своем огромном брюхе одной рукой, а другой держал рожок.

Развязная особа без лишних слов удалилась, даже не взглянув на своего обидчика. Капитан забрал инструмент у своего спутника, и тот наконец-то смог застегнуться. Они обменялись парой слов, толстяк кивнул и, задрав горн, громко протрубил. Это был совсем не тот звук, который Джек слышал, впервые попав в Долины — тогда играло множество труб. Этот же звук был похож на фабричный гудок, возвещающий о начале рабочего дня.

Капитан подошел к Джеку.

— Пойдем со мной, — сказал он.

— Куда?

— На Подъездную Дорогу, — подмигнул Фаррен. — Отец моего отца называл ее Западной Дорогой. Она тянется на запад через маленькие и очень маленькие деревни, пока не достигает пограничной заставы. За заставами она уходит в никуда. Или к черту. Чтобы идти на запад, парень, надо брать с собой Бога. Хотя, говорят, Он сам не заходит за Заставы. Идем.

Множество вопросов, тысячи, если не миллионы, теснились в голове Джека, но Капитан отбил у него охоту спрашивать своим

молчанием. Они прошли на юг от Дворца и прошли то место, где Джек очутился после переброса. Веселая деревенская ярмарка уже закрывалась. Джек слышал, как зазывала приглашал всех желающих попробовать счастья у Осла-Дьявола: кто продержится две минуты, получит приз; морской ветер доносил его голос вместе с запахами еды, мяса и овощей. В животе у Джека заурчало. Вырвавшись от Осмонда Великого и Ужасного, Джек сильно проголодался.

Не доходя чуть-чуть до ярмарки, они свернули на дорогу, шире той, что вела к дворцу. «*Заставная Дорога*, — подумал Джек, и с холодком внутри поправился: — *Западная Дорога. Дорога к Талисману*».

И снова Джек заторопился за Капитаном Фарреном.

6

Осмонд был прав: дорогу можно было найти по запаху. За милю от деревни с таким странным названием ветер донес до них первые волны пивного аромата.

Движение по дороге на восток было напряженным. На восток ехало множество фургонов, которые тянули цугом запряженные упряжки лошадей, одноголовых, как ни странно. Эти фургоны, как понял Джек, были самым ходовым транспортом в этом мире. Одни были нагружены тюками и мешками, другие — мясными тушами, третьи — лязгающими клетками с цыплятами. На задворках Сторонок мимо них промчался, чуть было не сбив их, открытый фургон, полный женщин. Они смеялись и визжали. Одна встала на ноги, задрала на себе рубаху до подмышек и затрясла грудями. Она чуть было не вылетела из фургона в канаву, сломав себе шею, но товарки схватили ее за подол и грубо стащили на пол.

Джек снова покраснел: он видел большие белые груди той девушки, ее сосок во рту грязного младенца. «*У-у, молодой красавчик, такой стеснительный!*»

— Боже, они все пьяны, — пробормотал Фаррен, ускоряя шаг. — Они пили королевский эль — и шлюхи, и извозчик! Я думаю, если он перевернет их на дороге или сбросит в море с обрыва, большой потери не будет. Грязные суки!

— Послушайте, — заметил Джек. — Если все эти телеги спокойно проезжают, значит, дорога свободна. Разве не так?

Они уже подошли к Сторонке. Этот участок дороги был ухожен с удивительной аккуратностью. Ни единой пылинки, а по колеям даже масляные полосы. Мимо проезжали телеги, фургоны, экипажи, проходили толпы людей, и все как один разговаривали слишком громко и бессвязно. На обочине сидели двое мужчин и спорили о

том, что такое ресторан. Внезапно один из них кинулся на второго с кулаками. Мгновение спустя оба катались по траве.

«Похоже, не только шлюхи пили королевский эль, — подумал Джек. — Тут, видимо, каждый хорошо приложился».

— Все большие фургоны явно отсюда, — сказал Капитан Фаррен, — маленькие, возможно, и могут проехать. Но дилижанс Моргана, он совсем не маленький.

— А Морган...

— Ни слова больше о Моргане.

Когда они прошли через всю деревню и оказались на другой ее стороне, запах эля стал просто невыносимым. Джек с трудом передвигал ноги, едва успевая за капитаном. Он предположил, что за спиной осталось не меньше трех миль. *«Интересно, а сколько это в нашем мире?»* — подумал он, и эта мысль заставила его вспомнить о «магической жидкости» Спиди. Джек испуганно похлопал себя по карманам камзола в полной уверенности, что бутылка исчезла. Но нет, она была на месте.

На западной окраине деревни конные повозки больше не встречались, зато количество пешеходов резко возросло. Люди качались, падали, дрались и смеялись. От всех разило элем. Их одежда в некоторых местах насквозь промокла, как будто они и лежали в луже пива, и лакали его, как собаки. Наверно, так оно и было. Джек увидел смеющегося человека, который вел за руку смеющегося мальчика лет восьми. Человек этот имел ужасающее сходство с ненавистным портье в «Альгамбре», и Джек понял, что перед ним его двойник. И он, и семенящий рядом мальчик были пьяны, и когда Джек обернулся им вслед, мальчика стошнило. Его отец — или кто он там был — взял мальчика за плечо и утащил в придорожную канаву, где тот мог освободить свой желудок в относительном уединении. Бедный ребенок плелся за отцом, как на коротком поводке, и в конце концов его вырвало на старика, согнувшегося на обочине и блевавшего туда.

Лицо Капитана Фаррена становилось все мрачнее и мрачнее.

— Бог лишил их разума, — сказал наконец он.

Даже эти люди, живущие так далеко от дворца, предусмотрительно обходили Капитана стороной. Джек вспомнил, как еще около ворот тот надевал на пояс короткие, устрашающего вида ножи. Он подумал тогда, и не без причины, что они содержат в себе короткую шпагу. Когда какой-нибудь пьяница подходил слишком близко, Капитан притрагивался к ножам, и тот мгновенно исчезал.

Десять минут спустя, когда Джек уже был полностью уверен, что не сможет больше сделать ни шагу, они подошли к месту

катастрофы. Кучер не вписался в поворот, фургон наклонился, и, как результат, бочки разлетелись по всей дороге. Некоторые разбились, превратив пространство вокруг себя в смердящее болото.

Одна из лошадей лежала тут же, из под перевернутого фургона торчали только ее задние ноги. Другая свалилась в канаву и там окончила свою жизнь. Обломок одной из бочек вонзился ей в голову. Джек решил, что это вряд ли могло произойти само собой. Скорее всего, предположил он, лошадь была сильно ранена и кто-то добил ее из самых лучших побуждений. Других лошадей нигде не было видно.

Между лошадьёю под фургоном и той, что в канаве, было распростерто тело сына кучера. Половина его лица навечно уставилась в яркое голубое небо Долин с выражением глупого удивления. Там же, где раньше была вторая половина, теперь расплзалась красная бесформенная масса. Белые осколки костей торчали из нее, как куски гипса.

Джек заметил, что карманы мертвого парня вывернуты наружу.

Рядом крутилось около дюжины подозрительных личностей, обсуждавших подробности происшествия. Они медленно переходили с места на место, время от времени останавливаясь, чтобы зачерпнуть пиво ладонями из одной лужи или окунуть в другую платок, либо просто кусок фуфайки. Большинство из них уже заметно пошатывалось. С губ попеременно срывались то смех, то бранные слова.

Как-то, после продолжительных уговоров и приставаний, мама разрешила им с Ричардом сходить на двойной ночной сеанс в один из двадцати или более того кинотеатров Уэствуда. Показывали «Ночь живых мертвецов» и «Возвращение живых мертвецов». Эти тупые пошатающиеся люди напомнили Джеку зомби из этих двух фильмов.

Капитан Фаррен достал свою шпагу. Она оказалась такой короткой и имела такой устрашающий вид, как Джек себе и представлял. Полная противоположность той шпаге, что описана в приключенческих романах. Эта была не длиннее, чем нож мясника. Рукоять обшита старой кожей, потемневшей от пота. Кроме режущего края все лезвие такое же темное, как рукоять, но уж сам-то край... Он выглядел *очень* чистым, *очень* ярким и *очень* острым!

— Прочь отсюда! Живо! — выкрикнул Фаррен. — Прочь от королевского эля, скоты! Уходите прочь и уносите свои головы, пока они еще вам принадлежат!

Эта речь встретила волну недовольства, но мало кто хотел связываться с Капитаном. Лишь один неповоротливый или непонят-

ливый человек с неряшливыми клочками бороды, торчащими из бледных скул, не тронулся с места. Джек предположил, что весу в нем не меньше полутора сотен килограммов, а рост приближается к двум метрам.

— А ты не хочешь поговорить со всеми нами, солдатик? — спросил неповоротливый или непонятливый и кивнул головой в сторону кучки своих собратьев, предусмотрительно отступивших за гряду бочек.

— Конечно, хочу, — сказал Капитан, — ты даже не представляешь себе, как я хочу этого, кусок собачьего дерьма!

По лицу Капитана расплылась широкая улыбка, и неповоротливый-непонятливый все очень быстро понял и расторопно отступил назад, испугавшись чудовищной силы ее обладателя.

— Ну, что же ты? Подойди, поговорим. С удовольствием. Свернуть тебе шею — самое приятное занятие из всего того, что у меня было или еще предстоит за сегодняшний день.

Бормоча что-то под нос, пьяный великан удалился.

— Теперь все вы! — скомандовал Капитан. — Все прочь! Сюда идут двенадцать моих людей из Королевского Дворца. Им явно не понравится ваше присутствие здесь, и я не смогу их остановить. Да и не буду пытаться останавливать. Так что, пока у вас еще есть время, не теряйте его зря, возвращайтесь назад в деревню и закрывайте двери на засов. Когда они появятся, будет поздно. На вашем месте я бы не задерживался здесь ни секунды! Прочь!

Толпа развернулась и побрела к деревне Сторонки. Не отставал и непонятливый, пытавшийся вызвать Капитана на бой. Фаррен выругался и вернулся к телеге. Он снял с себя камзол и накрыл им лицо лежащего на дороге парня.

— Я вот думаю, кто же это рылся в его карманах, пока он лежал здесь мертвый... или умирающий, — сказал Капитан Фаррен. — Если бы я знал, эта сволочь уже болталась бы на первом суку!

Джек промолчал.

Капитан очень долго стоял, не сводя глаз с мертвого мальчика. Одна его рука была плотно прижата ко рту, большой палец медленно поглаживал розовый шрам. Потом он снова посмотрел на Джека, но с таким выражением, как будто видит его впервые.

— Тебе нужно уйти. Исчезнуть отсюда совсем, пока Осмонд не решил познакомиться поближе с моим придурком-сыном.

— Это Вам чем-нибудь грозит? — спросил Джек.

Капитан улыбнулся.

— Если ты исчезнешь, то ничем. Я могу сказать, что отправил тебя назад к матери или даже, что ты вывел меня из себя и я бревном разбил

тебе голову. Осмонд поверит всему. Он обезумел. Они все здесь обезумели. Все ждут ее смерти... И, похоже, скоро дождутся. Если не...

Он не договорил.

— Иди, — сказал Фаррен, — иди и не задерживайся. Когда услышишь грохот дилижанса, сворачивай с дороги и уходи глубоко в лес. Глубоко. Иначе Морган почует тебя, как кот чует мышь. Он сразу сообразит, что ты не вписываешься в правила. В его правила. Он — дьявол.

— А как я пойму, что это он? Что это его дилижанс? — робко спросил Джек, глядя на дорогу. Она ровно поднималась в гору и терялась там в глубине соснового леса. «Наверно, там очень темно, — подумал Джек, — Морган вряд ли изберет этот путь».

Страх и одиночество слились в одной убийственной волне. Джек еще никогда не чувствовал себя таким несчастным. *«Спиди, я не могу больше! Пойми меня, я ведь всего лишь ребенок».*

— Дилижанс Моргана везут шесть пар лошадей. И еще одна впереди, — сказал Фаррен. — Они несутся во весь опор. Стук их копыт звучит как гром среди ясного неба. Ты услышишь, не сомневаясь. У тебя будет достаточно времени, чтобы убраться с его пути. Будь уверен.

Джек что-то прошептал.

— Что? — спросил Капитан.

— Я сказал, что не хочу никуда уходить, — повторил Джек немного громче. Слезы уже выступили на глазах. Он знал, что нужно стереть их и попросить Капитана, чтобы он помог, чтобы защитил, чтобы сделал *что-нибудь...*

— Слишком поздно что-то менять. К тому же, мальчик, я не знаю о тебе ничего. Не знаю и не хочу знать. Мне даже не интересно, как тебя зовут.

Джек молча посмотрел на него. Плечи поникли, глаза намокли и покраснели, губы трепетали.

— А ну, стань прямо! — крикнул Капитан с внезапной яростью. — Ты кого собираешься спасать? Куда вообще можно идти в таком виде?! Ты слишком молод, чтобы быть настоящим мужчиной, но ведь можно постараться хотя бы им *выглядеть!* Как ты думаешь? Не строй из себя побитую собаку.

Джек вздрогнул, как ужаленный, расправил плечи и вытер слезы с глаз. Взглянув на сына кучера, он подумал: *«Конечно, я не похож на настоящего мужчину. Он прав. Но я не могу себе позволить жалеть самого себя».* Это было так. И еще он не мог позволить Капитану проникнуть в его душу и нажимать там нужные кнопки.

— Уже лучше, — сказал Фаррен. — Не намного, но лучше.

— Спасибо, — не без сарказма ответил Джек.

— Тебе нельзя здесь больше оставаться, мальчик. Здесь Осмонд, здесь скоро будет Морган. Возможно... Возможно тебя ждут большие трудности, куда бы ты ни пошел. Но возьми вот это. Если Паркус послал тебя ко мне, значит, он хотел, чтобы я отдал тебе эту вещь. Возьми ее и иди.

Капитан протянул ему монету. Джек немного поколебался, но потом взял ее. Она была размерами с полдоллара, старого, с изображением Кеннеди, но по весу намного тяжелее. По весу это было золото, в то время как по цвету — серебро. Вместо Кеннеди на монете отчеканен царственный профиль Лауры де Луизиан. Джек снова вздрогнул от ее полного сходства с его мамой. Нет, это было даже не сходство, несмотря на некоторые внешние отличия, такие как более тонкий нос или более круглый подбородок, *она и была его мамой*. Джек был просто уверен в этом. Он перевернул монету и на обратной стороне увидел изображение животного, голова и крылья которого принадлежали орлу, а все остальные части тела — льву. Животное смотрело прямо на Джека. Этот взгляд был ему неприятен, и он положил монету в карман камзола, где она присоединилась к бутылке с «магической жидкостью».

— Для чего это? — спросил он Фаррена.

— Узнаешь, когда время придет, — ответил Капитан. — А может, и не узнаешь. Все зависит от тебя. Я сделал для тебя все, что было в моих силах. Расскажи об этом Паркусу при встрече.

Джек с ног до головы покрылся холодным потом.

— Иди, сынок, — сказал Фаррен. Его голос звучал теперь намного тише и ласковей. — Делай свое дело... или хотя бы часть его. Сделай все, что сможешь...

Джека охватило чувство нереальности окружающего. Чувство, будто он сам, все его мысли и действия являются плодом чьей-то галлюцинации. Кто-то двигает им, заставляет ходить: с правой ноги на левую, с левой на правую. Он отшвырнул кусок бочки, насквозь пропитанный элем. Переступил через осколки разбившегося вдребезги колеса. Обошел край фургона, даже не обращая внимания на жужжание мух, кружащих над лужей крови. Какие мухи и какая кровь могут быть во сне?

Джек миновал грязный, заваленный бочками и кусками дерева участок дороги и оглянулся. Капитан Фаррен шел в другую сторону. Возможно, он хотел встретить своих людей. А может, ему просто нельзя было больше смотреть на Джека. Как бы то ни было, он ни разу не повернул головы. Ну что же, все пути приводят к одной цели. А что позади, то позади. И нечего туда смотреть.

Джек пошарил рукой в кармане камзола и, нащупав монету Капитана, крепко сжал ее в ладони. На душе стало немного легче. Так и шел он, радуясь, словно ребенок, неожиданно-негаданно получивший от отца денег на мороженое.

7

Может через два часа, а может через четыре Джек услышал звук, описанный Капитаном Фарреном, как «гром среди ясного неба». Солнце опустилось за западную кромку леса еще тогда, когда Джек выходил из деревни, и трудно было определить время.

Большинство повозок, движущихся с запада, скорее всего направлялись в королевский дворец. Слыша, как приближается каждая из них, а услышать это можно было с довольно большого расстояния, настолько чист был здесь воздух (Джек вспомнил слова Спиди о том, как один человек надкусывает яблоко, а другой, в миле от него, чувствует запах), Джек был уверен, что это едет Морган, и каждый раз он сначала прыгал в канаву, а потом убегал в лес. Ему совсем *не нравились* такие темные леса, даже самые их окраины, но тем не менее он бежал туда, прятался за стволом какого-нибудь дерева и оттуда смотрел на дорогу. Ему не нравились леса, но еще меньше ему улыбалась перспектива быть брошенным под ноги коней Моргана.

Так вот, каждый раз, когда Джек слышал приближение фургона или коляски, он быстренько исчезал из поля зрения, дожидался, когда повозка проедет мимо, и только затем возвращался на дорогу. Движение, конечно, не давало ему спокойно идти, не тратя времени зря, но все-таки в нем было что-то успокаивающее, по крайней мере он был не одинок на этой страшной дороге.

Ему совсем не хотелось в одиночестве шагать в ад.

«Магическая жидкость» Спиди была худшим из лекарств на свете, однако он без раздумий сделал бы большой глоток, если б кто-нибудь, хотя бы сам Спиди, например, вдруг возник перед ним и заверил, что первой вещью, которую он увидит, открыв глаза, будет золотая арка входа в ресторан «Макдональдс», который его мама в шутку называла «Большая Кормящая грудь Америки»...

Подстегнутое голодом, в нем росло гнетущее чувство страха, чувство, что лес по-настоящему опасен, что он полон чудовищ, мешающих пройти через него. Что *сам* лес сопротивляется этому. Разве деревья не подступили ближе к дороге? Подступили. Ведь раньше они росли вдоль канавы, а теперь полностью заполнили ее. Раньше весь лес состоял из сосен и елей, теперь же к ним присоединились и другие породы деревьев. У некоторых были кривые

черные стволы, сплошь покрытые наростами, другие походили на чудовищный гибрид пихты и папоротника, отвратительные серые корни последних торчали из земли, как растопыренные пальцы мертвецов. *«Наш мальчик! — шептали мерзкие корни в голове Джека. — НАШШШШ МАЛЬЧИК».*

«Все это только кажется, Джеки, ты просто устал».

Нет, не кажется. Хоть и трудно во все это поверить, хоть не хочется ни во что это верить. Деревья *изменялись*. Неприятное чувство повисло в воздухе, чувство, что за тобой *наблюдает*. Джек решил, что преследующие его мысли и галлюцинации — это то, что он каждый раз выносил из леса, как будто сами деревья каким-то непонятным образом наслали на него видения и страхи.

Бутылка Спиди полна только наполовину. Каким-то образом «магическая жидкость» должна поддерживать его на всем протяжении пути... Но если он будет делать хотя бы маленький глоток каждый раз, когда захочет, то ее ни за что не хватит.

Он вновь подумал о том неисчислимом расстоянии, которое будет отделять его от дома, когда он вернется в свой мир. Сто пятьдесят шагов здесь там равны миле. Исходя из этого, хотя из-за неровностей земли соотношение между пройденными расстояниями постоянно изменялось, Джек сделал вывод, что пройдя здесь десять миль, в своем мире он очутится очень-очень далеко от Нью-Хемпшира. Похоже на сказку про семимильные сапоги.

Но эти деревья, эти серые мерзкие корни...

Когда станет совсем темно, когда небо потеряет свой синий цвет и окрасится в пурпур, он перенесется назад. Он не пойдет через этот лес ночью. Он просто боится. Он маленький мальчик, в конце концов. Если жидкость вынесет его в Индиану или в другое место, он напишет Спиди письмо — и Спиди вышлет ему по почте или еще как-нибудь другую бутылку.

Рассуждая об этом и думая, как хорошо иметь свой план, даже если он охватывает только ближайшие два-три часа, Джек внезапно обнаружил, что слышит грохот экипажа и ржание невероятного количества лошадей.

Вытянув голову, он замер на середине дороги. Его глаза расширились от ужаса. Сразу две картины всплыли в сознании, затмив собой все остальные мысли: огромная машина с двумя людьми... или не людьми. Машина, которая не была «Мерседесом», и фургон «Уайлд Чайлд», на полной скорости удаляющийся от тела дяди Томми, оставляя за собой на дороге кровавые следы протекторов. Он увидел руки на рулевом колесе... Но это были не руки! Это были аккуратные круглые копыта!

«Они несутся во весь опор. Стук их копыт звучит как гром среди ясного неба...»

Теперь, услышав этот звук, все еще далекий, но совершенно отчетливый в чистом воздухе Долин, Джек сам себе удивился. Как он мог даже подумать, что проезжавшие до этого мимо него повозки могут быть дилижансом Моргана? На этот раз ошибиться было нельзя. Звук, который он слышал сейчас, был зловещим, полным угрозы. Это был грохот катафалка, да, катафалка, за рулем или за поводьями которого — Сатана!

Джек примерз к дороге. Он стоял, как загипнотизированный, словно кролик перед удавом. Звук неумолимо приближался, становясь все громче — шуршание колес, стук копыт, хлопки кнута. Теперь был слышен голос погонщика: *«Хей я-а! Хе-э-э-й Яа-а-а! ХЕ-Э-Э-ЭЙ Я-А-А-А!!!»*

Он стоял посреди дороги, кровь билась в висках.

«Я не могу двигаться! О, Господи! Боже мой! Мама! Мама! Ма-а-а-ма-а!»

Он стоял посреди дороги, и воображение рисовало ему черный дилижанс, стремительно несущийся вперед, запряженный черными животными, больше похожими на пум или пантер, чем на лошадей. На окнах дилижанса висели черные занавески, впереди стоял кучер с черными волосами, дикими сумасшедшими глазами и огромным кнутом.

Дилижанс мчался прямо на него, не замедляя скорости.

Он сбил его с ног.

Это вывело Джека из оцепенения. Он бросился вправо, сполз в канаву у дороги, зацепился ногой за один из торчащих корней, упал, покотился. Его спина, пребывавшая в относительном спокойствии последнюю пару часов, покрылась новыми ранами, и Джек скорчил-ся от невыносимой боли.

Он поднялся и побежал в лес, предусмотрительно смотря под ноги.

Сперва Джек хотел спрятаться за одним из черных деревьев, оно было похоже на индийскую смоковницу, которую он видел в позапрошлом году во время поездки на Гавайи, но шишковатый ствол его был липким, маслянистым и неприятным на ощупь. Джек отбежал влево и спрятался за стволом сосны.

Грохотанье дилижанса и топот коней стали еще громче. Каждую секунду Джек ждал, что они вот-вот пронесутся мимо него и полетят в сторону деревни Сторонки. Его пальцы судорожно вцепились в мягкую кору сосны. Губы были искусаны в кровь.

Прямо перед ним открывался узкий, но безукоризненно чистый просвет — туннель, ограниченный иглами лиственницы, сосны и

пихты. И вот, когда Джек уже начал думать, что кортеж Моргана никогда не появится, дюжина или более конных солдат на всем скаку пролетели на восток. У того, что скакал впереди, в руках было знамя, но Джек не смог прочитать начертанный на нем девиз... Да он, честно говоря, и не хотел этого делать. Несколько секунд спустя и сам дилижанс оказался в поле зрения Джека.

Он был виден совсем недолго, всего одно короткое мгновение, но впечатление от него осталось грандиозное. «Дилижанс» оказался гигантских размеров каретой, не менее двенадцати футов в высоту. Мачты со знаменами, крепко привязанные к крыше прочными веревками, добавляли еще три фута. У каждой тянувшей его лошади на голове был черный султан, встречный ветер то беспощадно трепал их, то задувал назад, делая их совершенно плоскими. Позже Джек подумал, что для следующей скачки Моргану потребуются новые лошади, потому что эти были уже на последнем издыхании. Пена и кровь брызгали из их открытых ртов, глаза были бешено закатаны. Из-под приоткрытых век виднелись только белые яблоки.

Как и в его воображении или его предвидении, черные крепдешиновые занавески трепетали в лишенных стекол окнах.

Внезапно в одном из этих черных прямоугольников появилось белое лицо. Белое лицо, обрамленное странными темными изломами. Внезапное появление этого лица было таким же шокирующим, как если бы оно появилось в разбитом окне выселенного дома. Это не было лицо Моргана Слоута... но все же оно *существовало*.

Его обладатель знал наверняка, что Джек или какая-нибудь другая опасность, не менее серьезная, где-то неподалеку. Джек увидел это в расширенных зрачках его глаз и в нервном подергивании уголков его рта.

Капитан Фаррен говорил: *«Он учует тебя, как крысу»*. И теперь Джек мрачно подумал: *«Все, меня учуяли. Он знает, что я здесь, и чего же теперь ждать? Сейчас он остановится, меня схватят и бросят под ноги коням»*.

Еще несколько солдат, защищающих дилижанс Моргана с тыла, проскакали мимо. Джек ждал. Его руки примерзли к сосновой коре. Он был уверен, что Морган прикажет остановиться. Но ничего не произошло, грохот кортежа вскоре начал растворяться вдалеке.

«Его глаза, они точно такие же... Черные глаза на белом лице. Точно такие же, как у...»

«Наш мальчик? — НАШ-Ш-Ш!»

Что-то обвилось вокруг его ноги... и поползло выше. Джек вскрикнул и рванулся в сторону, уверенный, что на него напала

змея. Но посмотрев вниз он обнаружил, что дела еще хуже, его икры обвил один из этих серых корней.

«Но это невозможно, — подумал он. — Корни не могут двигаться».

Он рванулся посильнее, вытаскивая ногу из построенной корнем ловушки. Тупая боль пронизывала икры. Джек поднял глаза, и волна ужаса захлестнула его сердце. Кажется, он понял, почему Морган почувствовал его, но не предпринял никаких действий, Морган знал, что ходить по этому лесу все равно, что купаться в реке, кишасей пираньями. Почему Капитан Фаррен не предупредил его? Единственный возможный ответ заключался в том, что Капитан скорее всего никогда не был в этих местах и ничего не знает о страшных свойствах леса.

Белесые корни гибридов пихты и папоротника пришли в движение. *Они поднимались, опускались, тянулись к нему по сырой земле.* Сумасшедшая мысль мелькнула в голове Джека: *«Это Энты. Энты и их жены, как у Толкиена. Только это вредные, злобные Энты».* Один, особенно толстый корень не менее шести дюймов в ширину, черный от земли и плесени, приподнялся и бросился на него, как дрессированная кобра на звук флейты. *«Наш мальчик? — НАШ-Ш-Ш!»*

Джек рванулся в сторону и с ужасом обнаружил, что корни образовали живой заслон между ним и дорогой. Между ним и безопасностью. Он прислонился к дереву... и тут же с криком отскочил от него, как ошпаренный, поскольку кора под его спиной немедленно зашевелилась. Как будто огромную мышцу свело в жестокой судороге. Джек огляделся по сторонам, и его взгляд задержался на одном из черных деревьев с кривым маслянистым стволом. Теперь оно двигалось: корчилося и извивалось. Сучки и наросты в верхней части ствола образовали что-то вроде ужасного грубого лица. Один глаз широко открыт, другой прищурен в свирепой гримасе. Внезапно кора лопнула со звонким душераздирающим звуком, и бледно-желтая масса заструилась по стволу, словно кровь из раненого животного. *«НАШШШ! Нашшшшш!!!»*

Какой-то корень залез Джеку под мышку, будто хотел его пощекотать.

Он дернулся и, полагаясь на остатки здравого смысла, усилием воли заставил себя вытащить из кармана куртки заветную бутылку. В этот момент лес наполнился множеством скрипящих звуков, деревья сами себя выкорчевывали из земли. Нет, Толкиену это даже не снилось!

Он хватил бутылку за горлышко и сорвал с нее крышку. В этот момент один из серых корней скользнул по спине и обвился вокруг

шеи. Секунду спустя он уже тянул его к земле, затагнувшись арканной петлей.

Джек задохнулся. Бутылка выпала из рук, пока он боролся со схватившим его корнем. Тот не был твердым и холодным, каким должен быть нормальный корень, напротив, он был теплым... и упругим, как будто под кожей коры скрывалась живая плоть. Джек боролся с ним, и корень издавал булькающие гортанные звуки. Жидкая смола стекала с него, как слюна из хищного голодного рта.

Выбиваясь из сил, Джек последним судорожным движением освободился от корня. Тот сразу же попытался обвиться вокруг его талии. Джек с криком отскочил в сторону. Он посмотрел под ноги и увидел, что бутылка, покачиваясь, удаляется вместе с другим корнем, обвившим ее горлышко наподобие щупальца осьминога.

Джек кинулся вдогонку. Корни царапали ему ноги, обвивали их. Он падал, вставал, бежал, снова падал... Разодранные пальцы боролись с лесом за каждый дюйм пути.

Но вот наконец он увидел темно-зеленый бок бутылки... и схватил ее. Тянуть пришлось изо всех сил. Корни же даром времени не теряли, затягиваясь вокруг его ног, словно тюремные оковы. Нечего было и думать о том, чтобы их разорвать. Мертвая хватка. Еще один замаячил перед глазами, пытаясь отнять бутылку. Джек отпихнул его в сторону и сделал большой глоток. Запах гнилых фруктов, казалось, заполонил все вокруг, однако никакого видимого результата не последовало.

«Спиди, почему она не действует?»

Чем больше корней скользило по спине, обвивалось вокруг талии, заставляя его беспомощно вращаться, тем больше Джек пил, захлебываясь в омерзительном вине. Он глотал, он стонал, он умолял, но все без толку. *Она не действовала!* Глаза уже давно были закрыты, но он чувствовал, как корни затягиваются вокруг его рук и ног, чувствовал...

8

...как вода впитывается в его рубашку и джинсы, ощущал запах...
Вода?

...грязи и ила, слышал...

Рубашка? Джинсы?

...карканье ворон и...

Джек открыл глаза и увидел оранжевый свет заходящего солнца, отраженный в широкой реке. Победивший его лес рос на другом, восточном берегу. На западном же, где находился сейчас он сам,

раскинулось широкое поле, подернутое вечерним туманом. Почва под ногами была сырой и слякотной. Джек находился на самом берегу, для того, чтобы намочнуть и испачкаться, лучше его места не придумаешь. Высокая трава росла и здесь (через месяц-полтора ее убьют жестокие морозы), и Джек запутался в ней, как человек, проснувшийся от ночного кошмара, путается в одеяле.

Он с трудом поднялся на ноги, весь мокрый и облепленный жидкой грязью, лямки рюкзака сдавливали плечи. Он сбросил их и с удивлением осмотрелся вокруг. Недалеко от воды в грязи лежала волшебная бутылка Спиди. Тут же, рядом с ней, валялась крышка. Некоторое количество «магической жидкости» было выпито или пролилось во время сражения со злобными деревьями Долин. Теперь бутылка наполнена только на треть.

Он постоял еще минуту. Кроссовки уже почти полностью утонули в нанесенном рекой иле. Это был его мир. Это были старые добрые Соединенные Штаты Америки. Он не увидел ни золотых арок, о которых так мечтал, ни небоскребов, ни мигания искусственных спутников в далеком смеркающем небе, но он был уверен в том, что это его мир, как в том, что его зовут Джек. Другой вопрос — а был ли он когда-нибудь в том мире?

Джек взгляделся в незнакомую реку, в такие же незнакомые окрестности и услышал отдаленное мычание коров. *«Что-то здесь не так, — подумал он. — Я где-то в другом месте. По крайней мере это ничуть не похоже на пляж «Аркадии».*

Это и не был пляж «Аркадии», но Джек не настолько хорошо знал его окрестности, чтобы понять, что находится в пяти или шести милях от него. Достаточно далеко от побережья, чтобы не слышать запах Атлантического океана. Джек словно очнулся от долгого страшного сна. Могло ли на самом деле произойти то, что произошло, начиная от кучера с его облепленным мухами мясом и кончая ожившими деревьями? Или это он во сне прошел такое чудовищное расстояние? Вполне возможно. Значит, он лунатик. Его мама умирала, теперь он знал это наверняка. Все признаки были налицо, и подсознание сделало правильный вывод, хотя сознание и отрицало этот факт. Все вокруг способствовало самовнушению плюс к этому идиотское пойло Спиди Паркера, замутившее ему мозги. Нет сомнения, все это вместе могло дать такой результат.

Дяде Моргану это пришлось бы по душе.

Джек вздрогнул и тяжело сглотнул. Это вызвало боль. Болело не само горло, а мышцы вокруг.

Левой рукой — в правой он все еще держал бутылку — Джек аккуратно ощупал болезненное место. В этот момент у него был на

редкость смешной вид, будто пожилая женщина рассматривает перед зеркалом морщины или двойной подбородок. Чуть ниже адамова яблока он обнаружил зарубцевавшуюся ссадину. Она была не очень глубокой, но сильно болела, если к ней прикоснуться. Ссадину сделал корень, схвативший его за шею.

«Так значит все-таки... — прошептал Джек, глядя на оранжевую гладь воды и слушая отдаленный звон колокольчиков и мычание коров. — Так и есть».

9

Джек направился вверх по наклонному полю, оставляя за спиной реку... и восток. Пройдя с полмили, он кое о чем вспомнил и снял рюкзак со своей ноющей спины — рубцы, оставленные на ней Осмондом, никуда не делись, и вес рюкзака постоянно напоминал об этом. От отказался от огромного сэндвича, предложенного Спиди, но не положил ли Спиди его в рюкзак, пока он изучал гитарный медиатор?

Желудок одобрил идею.

Джек тщательно исследовал недра рюкзака, согнувшись над ним в свете вечерней звезды. Он вытащил один из свертков — сэндвич был внутри. Не кусочек, не половинка, а целый бутерброд, завернутый в обрывок газеты. Глаза Джека наполнились благодарными слезами, и он пожалел, что Спиди сейчас нет рядом и он не может обнять его.

«А еще минуту назад ты проклинал его».

Он покраснел при этой мысли, однако не переставая жадно поедать сэндвич. Когда с ним было покончено, Джек поднялся и снова набросил рюкзак на плечи. Теперь он чувствовал себя намного лучше, урчание в желудке немедленно прекратилось, и жизнь потекла с новой силой.

Через некоторое время, когда уже совсем стемнело, Джек увидел впереди светящиеся прямоугольники окон. Домик фермера. Залаяла собака, мощный утробный лай мог принадлежать только очень большому животному, и по спине Джека пробежал холодок.

«Она за забором, — подумал он. — Или привязана, я надеюсь».

Он повернул направо, и лай сразу же прекратился. Пользуясь светящимися окнами как ориентиром Джек в скором времени вышел на узкую, хорошо утопанную тропинку. Здесь он остановился, тупо глаза по сторонам, не имея ни малейшего понятия, куда двигаться дальше.

«Эй, люди! Помогите маленькому Джеку Сойеру, я не знаю, что мне делать. Я промок до нитки, я весь в грязи. Помогите мне!»

Одиночество и тоска по дому снова охватили его. Джек отогнал их прочь. Он поплевал на указательный палец левой руки и сильно дунул. Большинство капель полетели направо, по крайней мере Джеку так показалось, и он решил избрать этот путь. Минут сорок спустя, когда он уже согнулся от усталости и, что еще хуже, снова проголодался, Джек заметил впереди кучу песка, а рядом с ней что-то типа сарая.

Он нырнул под цепь, отделяющую сарай от дороги, и подошел поближе. Дверь была на замке, но земля под одной из стен оказалась слегка размытой дождями. Джеку потребовалось не больше минуты, чтобы снять рюкзак, проползти под стеной сарая и затем втянуть за собой свое незатейливое имущество. Замок на двери позволял ему чувствовать себя в безопасности.

Он осмотрелся и обнаружил, что находится в окружении очень старых инструментов: лопат, вил, грабель и чего-то еще, в темноте трудно было разобрать, чего именно. Значит, это место было заброшено очень давно, и это порадовало Джека. В одном из карманов он нащупал монету, которую дал Капитан Фаррен, и решил посмотреть, что с ней стало после возвращения в этот мир. Джек достал ее и увидел, что монета Фаррена с профилем королевы на одной сторон и крылатым львом на другой превратилась в серебряный доллар образца 1921 года. Несколько секунд он разглядывал лицо Леди Свободы, а затем снова опустил ее в карман джинсов.

Потом он выкрутил свою мокрую одежду, решив, что положит ее утром в рюкзак. Она к тому времени должна высохнуть. А по дороге он сможет отстирать грязь в любом ручье.

Разыскивая носки, его рука наткнулась на что-то длинное, тонкое и твердое. Джек вытащил предмет наружу и увидел, что держит зубную щетку. Сразу же чувство дома, спокойствия и безопасности, все, что может принести с собой обыкновенная зубная щетка, возросли и захватили его. Никоим образом не смог бы он сейчас отогнать эти эмоции или хотя бы притупить их на время. Зубная щетка — это такая вещь, которую более привычно увидеть в хорошо освещенной ванной комнате, когда ты одет в теплую хлопковую пижаму и мягкие тапочки. Что с ней можно было делать, найди ее на дне рюкзака в холодном темном сарае, возле кучи сырого песка, в безлюдной деревне с неизвестным названием?

Снова накатила волна одиночества. Джек почувствовал себя отверженным, никому не нужным и громко рыдался. Это был не истерический плач, как у людей, пытающихся под слезами скрыть свою ярость. Нет, он плакал как человек, только что обнаруживший,

насколько он одинок. Он плакал, потому что все спокойствие и жизненный смысл, казалось, исчезли из мира. Существовало только одиночество, и в этой ситуации проще простого было сойти с ума.

Джек заснул еще до того, как высохли слезы. Он спал, свернувшись вокруг рюкзака, подложив под голову чистые брюки. На грязных щеках отпечатались чистые ручейки, а щетка покоилась в крепко сжатой руке.

Глава 8 ТОННЕЛЬ БЛИЗ ОУТЛИ

1

Шесть дней спустя Джек почти полностью избавился от отчаяния и чувства безысходности. За последние несколько дней, проведенных в дороге, он, казалось, перестал быть ребенком. Минувя юность, он вступил сразу во взрослую жизнь. Он стал умнее. Было правильно, что он не отправился обратно в Долины сразу же после того, как очнулся на западном берегу реки. Он знал, что это правильно, хотя и не мог понять почему, и оправдывал свое медленное передвижение тем, что бережет «магическую жидкость» до тех пор, когда она ему действительно понадобится.

И в конце-то концов, разве сам Спиди не советовал ему передвигаться в основном по дорогам этого мира? Все делается согласно указаниям.

Когда взошло солнце, когда попутные машины увезли его на тридцать-сорок миль на запад и живот был туго набит, Долины казались невероятно далекими и призрачными: они были похожи на кинофильм, который он уже начал забывать, на плод разгулявшегося воображения. Временами, когда Джек садился на заднее сиденье машины какого-нибудь школьного учителя и отвечал на обычные вопросы из области истории, он действительно забывал о них. Долины оставили его в покое, и он снова или пока что, был маленьким мальчиком, таким же, как в начале лета.

На больших скоростных трассах ему обычно удавалось остановить машину через десять-пятнадцать минут после того, как он выставлял вперед свой большой палец. Сейчас он был где-то около Батавии, в западной части штата Нью-Йорк, и двигался по трассе №90. Снова поднятый вверх палец — и он мчится в Буффало. После Буффало он таким же образом отправится на юг. Только так, думал

Джек, можно куда-нибудь попасть и он все останавливал машины... Нед Макнелли и история завели его в такую даль, и теперь все, что ему было нужно — это достаточно удачи, чтобы найти такого водителя, который бы сехал в Чикаго или Денвер, или в Лос-Анджелес, если уж мы заговорили об удаче, Джек, детка, и тогда он сможет добраться домой где-то в середине октября.

Он загорел, в кармане лежало пятнадцать долларов за предыдущую работу — он мыл тарелки в ресторане «Золотая Ложка» в Оберне, а мышцы налились силой. Хотя иногда ему все же хотелось поплакать, но с той первой ночи он не давал волю слезам. Он научился управлять собой, вот что в нем изменилось с тех пор. Теперь он знал, что делать дальше, понимал, что происходит вокруг, и был уверен, что доведет дело до конца, чего бы ему это не стоило. Если следовать указаниям Спиди и передвигаться в основном по дорогам этого мира, то как бы быстро он ни шел, он сможет вернуться в Нью-Хемпшир с Талисманом только через огромный промежуток времени. Это порождало намного больше проблем, чем он мог предположить.

Обо всем этом думал Джек Сойер, когда грязно-голубой «Форд Фэйрлайн» свернул к бордюру и остановился, поджидая, когда он добежит до него, зажмурившись от яркого солнечного света. «Тридцать-сорок миль», — подумал про себя Джек. Он открыл страницу дорожного атласа, которую изучал утром, и прочитал: *Оутли*. Название было коротким, мягким и спокойным, он был на своем пути и ничто не могло теперь ему помешать.

2

Перед тем, как открыть дверь «Фэйрлайна», Джек нагнулся и заглянул в окно. Стопка толстых книг и журналов лежала на заднем сиденье, два необъятных портфеля занимали переднее. Полноватый черноволосый водитель, казалось, подражая позе Джека, склонился над рулем и уставился через открытое окно на подбежавшего мальчика. Явный коммивояжер. Пиджак от его синего костюма висел сбоку на крючке, галстук слегка примят, рукава закатаны. На вид ему было за тридцать. Наверно, он любил поговорить, как все коммивояжеры.

Человек улыбнулся и убрал с переднего сиденья сперва один чемодан, а затем, водрузив первый на стопку бумаг, и второй.

— Прошу садиться, — предложил он.

Джек уже знал, что первый вопрос, который ему зададут, это — почему он не в школе.

Он открыл дверь, сказал «спасибо» и забрался в салон.

— Далеко направляешься? — спросил водитель, поправляя зеркало заднего вида и оглядываясь на дорогу.

— В Оутли, — ответил Джек. — Я думаю, это милях в тридцати отсюда.

— А ты не силен в географии, — сказал коммивояжер. — До Оутли отсюда миль сорок пять.

Он повернул голову и подмигнул Джеку.

— Не обижайся, — сказал он, — но я не люблю, когда дети голосуют на дороге. Поэтому я всегда подбираю их. По крайней мере я знаю, что со мной они в безопасности. Понимаешь, что я имею в виду? Слишком много идиотов вокруг. Ты читаешь газеты? Видел заметки о людоедах? Ты можешь влипнуть в неприятнейшую историю.

— Скорее всего, вы правы, — ответил Джек, — но я стараюсь быть осторожным.

— Ты живешь там, где я тебя подобрал?

Человек смотрел прямо на него, изредка бросая короткие птичьи взгляды на дорогу.

— Нет, я из Пальмиры.

Коммивояжер кивнул.

— Довольно приятное местечко, — сказал он и повернулся к ветровому стеклу. Джек откинулся на мягкую спинку сиденья. Затем человек наконец-то задал вопрос, который должен был прозвучать первым:

— Я надеюсь, ты не прогуливаешь занятия в школе? — и дальше все пошло, как обычно.

Джек рассказал придуманную им историю. Он рассказывал ее так часто, меняя названия городов, через которые он проезжал по пути на запад, что она звучала в его устах как заученный монолог из старой пьесы.

— Нет, сэр. Я еду в Оутли к моей тете Элен, чтобы пожить у нее немного. Элен Воган. Это сестра моей мамы. Она учительница в школе. Мой отец умер прошлой зимой, и с тех пор наши дела совсем плохи. А две недели назад мама сильно заболела. Она даже не может подниматься по лестнице. Доктор сказал, что ей нельзя вставать с постели, и она попросила сестру, чтобы я пожил у нее немного. А так как она учительница, я смогу ходить в школу в Оутли. Тетя Элен никому не позволяет прогуливать уроки, будьте уверены.

— Неужели твоя мама отправила тебя из Пальмиры в Оутли автостопом? — удивленно спросил водитель.

— О, нет. Конечно, нет! Она бы никогда этого не сделала. Она дала мне денег на автобус, но я решил их сэкономить. Ведь пока я буду далеко от дома, я вряд ли еще откуда-нибудь их получу. У тети Элен скорее всего нет никаких денег. Моя мама, наверно, очень бы рассердилась, если б узнала, что я голосовал на дороге. Но для меня это огромные деньги. Конечно, это всего лишь пять баков, но зачем отдавать их водителю автобуса?

Человек снова посмотрел на него.

— Как долго ты собираешься пробыть в Оутли?

— Трудно сказать. Но я думаю, мама скоро поправится.

— Когда будешь возвращаться, не лови больше машин, договорились?

— А нашу машину украли, — сказал Джек, возвращаясь к своей истории. — Вы можете в это поверить? Пришли среди ночи и угнали ее. Грязные воры. Они знали, что все спят. Пришли среди ночи и украли машину прямо из гаража. Но я найду ее, мистер. Она нам очень нужна. Когда мама идет к доктору, ей нужно спуститься с холма и пройти еще пять кварталов, чтобы попасть на автобусную остановку. А сейчас она не в состоянии пройти такое расстояние. Разве они не понимали это, когда угоняли машину? Теперь нам приходится копить деньги на новую. Разве это правильно?

— Со мной тоже такое случалось. Я тебя понимаю, — сказал водитель. — Я надеюсь, что твоя мама очень скоро поправится.

— И я тоже, — искренне ответил Джек.

С этими словами они въехали в Оутли. Коммивояжер остановил машину возле обочины, улыбнулся Джеку и сказал:

— Удачи тебе, малыш.

Джек кивнул в ответ и открыл дверь.

— Я надеюсь ты недолго здесь пробудешь, в любом случае.

Джек вопросительно посмотрел на него.

— Ты знаешь это место?

— Немного. Можно сказать, почти не знаю.

— Это такая дыра! Место, где едят то, что валяется под ногами. Не деревня, а свинарник. Пьют пиво и закусывают стаканом, что-то типа этого.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Джек и выбрался из машины. Коммивояжер нажал на газ, и «Фэйрлайн» сорвался с места. Минуту спустя он превратился в темную точку на фоне оранжевого солнца.

Через милю или около того дорога привела его на окраину деревни. Вдалеке Джек увидел маленькие двухэтажные дома, натканые по краям полей. Поля были коричневые и неухоженные, и домики не могли принадлежать фермерам. Расположенные далеко друг от друга, дома молча взирали на пустынное пространство вокруг. Мертвая тишина нарушалась только шуршанием автомобильных колес по дороге №90. Ни мычания коров, ни ржания лошадей — здесь не было ни животных, ни фермерских орудий. Около одного из домов сгрудилось полдюжины разбитых и искореженных автомобилей. Дома явно принадлежали людям, которые в такой мере возненавидели свой собственный род, что даже сама Оутли присоединилась к ним в этом начинании. Вид пустых полей давал им все, в чем они нуждались, чтобы хорошо себя чувствовать внутри покосившихся жилищ.

Джек пошел дальше. Окрестности местечка словно были взяты из мультфильма: две маленькие узкие дорожки то разбегались, то снова сливались в одну на своем пути в никуда. Из ниоткуда. Джек почувствовал, что опять теряет направление. Поправив рюкзак на спине, он направился к ржавому металлическому указателю, поддерживаемому высокими и такими же ржавыми шестами. Может, он, распрощавшись с водителем, повернул налево, а не направо? Указатель на дороге, расположенной параллельно с трассой, гласил: «Догтаунское шоссе». Догтаун? Джек посмотрел вдоль дороги и увидел только бесконечную плоскость полей, густо поросших сорной травой, и узкую полоску асфальта, убегающую вдаль. Его собственная полоска асфальта согласно указателю называлась Милл-роуд. Примерно через милю она ныряла в тоннель, вход в который был прикрыт склонившимися ветвями деревьев, и, как ни странно, увит плющом. Казалось, что сами ветви поддерживают на весу белый знак. Слова были написаны очень мелко, слишком мелко, чтобы их можно было прочитать. Джек опустил правую руку в карман и в который раз пощупал монету Капитана Фаррена.

Желудок напомнил о себе. Ему очень скоро захочется есть, так что он должен побыстрее уйти с этого места и подыскать город или деревню, где он сможет купить себе еду. Перед ним была Милл-роуд, по крайней мере можно отправится дальше по ней и посмотреть, что находится на другом конце тоннеля. Джек шагнул под свод, образованный ветвями. Темнота вокруг него сгущалась с каждым шагом.

Холодный, сырой, пахнущий землей и пылью тоннель пропустил в себя мальчика и, казалось, сомкнулся вокруг него. На мгновение

Джек испугался мрачной темноты подземелья, впереди не было видно даже слабого света, однако асфальтовая дорожка оказалась на месте, и он немного успокоился. «Включите фары», — гласил знак у входа в тоннель. Джек врезался в кирпичную стену, сильно ушибив при этом руки. «Фары», — сказал он сам себе, жалея, что ему нечего включить. Тоннель не тянулся ровно, он постоянно извивался, и Джеку приходилось идти медленно и осторожно, придерживаясь руками за стену, как слепому. Джек нащупывал свой путь. Он вспомнил, как проделывал подобный путь волк из мультфильма. Не заметив поворота, тот в полном смысле слова размазался, врезавшись в стену.

Что-то шустро прошмыгнуло под ногами, и Джек замер. «Крыса, — подумал он. — Или кролик решил сократить себя путь между полями». Но звук был намного громче, чем могли издать кролик или крыса.

Он снова услышал его, теперь откуда-то спереди, и сделал еще один осторожный шаг вперед. Над головой послышалось чье-то дыхание. Джек остановился. «Животное ли это?» Он стоял, вцепившись пальцами в кирпичи, и ждал, когда вздох повторится. Это не было похоже на животное — по крайней мере ни крыса, ни кролик не могут дышать так глубоко. Он пробрался еще на несколько дюймов вперед, трясаясь от страха.

Из темноты прямо перед ним донесся слабый звук, похожий на хриплое хихиканье. В следующую секунду знакомый, но не узнаваемый запах, сильный, удушливый и едкий, вырвался из глубины тоннеля.

Джек оглянулся через плечо, отверстие входа теперь было видно только наполовину, остальное скрывал изгиб стены. Оно осталось далеко позади, и с этого расстояния выглядело как заячья нора.

— Что здесь происходит? — крикнул он. — Есть здесь что-нибудь, кроме меня? Или кто-нибудь?

В глубине тоннеля ему послышался тихий шепот.

Это не Долины, напомнил он себе. Скорее всего какая-то слабая собака забежала в прохладную темноту, чтобы спокойно вздремнуть. В таком случае ее надо поскорее разбудить, пока не видно ни одной машины и ее жизнь в безопасности.

— Эй, собака! — крикнул он. — Собака!

Ответом на это был звук бегущих по тоннелю лап. Но... в какую сторону они бежали? Прислушиваясь к тихому «топ-топ-топ», он не мог с уверенностью сказать, приближалось животное или удалялось. Ему показалось, что звуки доносятся сзади и, обернувшись, он увидел, что зашел уже довольно далеко, вход в тоннель больше не был виден даже наполовину.

— Собака, ты где? — окликнул он снова.

В двух шагах от него кто-то скреб землю. Джек прыгнул вперед, при этом больно ушибив плечо о стену.

Под рукой было что-то в общем похожее на собаку. Джек сделал еще один шаг вперед и замер. Нет, здесь что-то не так. Ему вдруг очень сильно захотелось вернуться в Долины. Тоннель был полон этого резкого удушливого животного запаха, и то, от чего он исходил, не могло быть собакой.

Холодный воздух вонял салом и спиртным перегаром. Источник запахов приблизился.

На мгновение в крошечной тьме Джек увидел человеческое лицо, светящееся, будто изнутри, болезненным, неровным светом. Худое, длинное лицо, которое могло принадлежать молодому человеку. Дыхание смердело салом, конфетами и перегаром. Джек судорожно вжался в стену и сжал кулаки, ожидая, когда лицо растворится в темноте.

Отгнав страх, он вспомнил, что, входя, слышал быстрые тихие шаги, приближающиеся к тоннелю. Теперь эти же шаги удалялись к выходу. Джек вгляделся в темноту перед собой. Крошечная тьма, тишина. Теперь тоннель был пуст. Джек поправил лямки рюкзака, оперев его о кирпичную стену, и в следующую секунду уже снова двинулся вперед.

Выйдя из тоннеля, Джек оглянулся. Изнутри не доносилось никаких звуков, никакие зловещие сверхъестественные существа не выпрыгивали наружу. Он вернулся к выходу и заглянул внутрь. И тут же его сердце едва не остановилось. Прямо на него двигались два огромных светящихся глаза. Расстояние между ними и Джеком быстро сокращалось. Он не мог сдвинуться с места. Ноги вросли в асфальт. Интуитивно он заслонил лицо руками, чтобы не видеть своей смерти. Глаза уже были прямо перед ним, раздался оглушительный душераздирающий рев. Джек отпрыгнул на обочину... и машина пронеслась мимо, отчаянно сигналила. Водитель с перекошенным багровым лицом показывал ему кулак через открытое окно.

— Идиот!!!

Ошеломленный, Джек обернулся и посмотрел вслед удаляющемуся вниз по склону холма автомобилю, который направлялся к деревне Оутли.

4

Расположенная в низине Оутли, по большому счету, состояла из двух улиц. Первая, продолжение Милл-роуд, позже упиралась в

большую автостоянку перед воротами какого-то огромного строения — фабрики, как решил Джек. За строением улица начиналась снова, заставленная брошенными вдоль обочины машинами — их можно было узнать по разноцветным бантикам на антеннах, с забегаловками с постной пищей — никакого сравнения с «Большой Кормящей Грудью Америки», с площадкой для игры в кегли, бакалейными лавками и автозаправочной станцией. Далее Милл-роуд тянулась по деловой части города, состоящей из пяти-шести кварталов старых двухэтажных кирпичных домов, около которых нос к носу были припаркованы автомашины. Вторая улица, по всей видимости, была местом сосредоточения самых важных зданий Оутли, огромных каркасных строений с балконами и длинными ухоженными газонами. В месте пересечения этих улиц располагался светофор. В то время, как он мигал своим красным глазом, другой светофор, кварталах в восьми от него, около обшарпанного дома с множеством окон, который мог быть одновременно и психиатрической лечебницей, и высшим учебным заведением, зажигал зеленый. Во все стороны от центра разбегались маленькие домики вперемежку с большими безымянными зданиями, обнесенными высоким частоколом.

Большинство окон на фабрике были выбиты. Вдоль дороги также попадались дома, у которых вместо стекол — фанерные щиты. Груды мусора и мятой бумаги валялись почти в каждом дворе. Даже правительственные и важные государственные здания выглядели неряшливо с их заляпанными известкой балконами и широкими трещинами в стенах. Брошенные автомобили только усугубляли впечатление.

Джек уже почти собрался покинуть Оутли и направиться в Догтаун, где бы это ни находилось. Но такое решение означало, что ему снова придется идти через темный тоннель. Просигналила машина, и этот звук наваял Джеку чувство тоски и одиночества.

По дороге от тоннеля до ворот фабрики он ни разу не остановился передохнуть. Только теперь он позволил себе это, рассматривая громаду здания. Около трети окон в даль грязного кирпичного фасада смотрели вдоль пустыми глазницами. Множество других было заделано картоном. Даже здесь, на относительно большом расстоянии, Джек чувствовал запах машинного масла, солидола, нагретой резины и печного дыма. Он сунул руки в карманы и пошел вниз по дороге так быстро, как только мог.

Вблизи местечко выглядело еще мрачнее, чем с холма. Продавцы подержанных машин лениво выглядывали из окошек своих будок, даже не думая о том, чтобы хоть раз за день встать с насиженного кресла. Флажки болтались скучно и уныло. Единственное, что могло вызвать улыбку — это глупые надписи на рекламном щите: «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО! ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОКУПКА! ЛУЧШИЕ АВТОМОБИЛИ ЗА НЕМЫСЛИМО НИЗКИЕ ЦЕНЫ!» Никто никогда не укрывал этот щит от дождя, и краска местами отсырела и облезла. На улицах почти не было людей. По дороге к центру Джек повстречал старика с запавшим щеками и серой кожей, который никак не мог справиться с пустой торговой тележкой. Когда они поравнялись, старик испуганно прокряхтел что-то нелицеприятное, обнажив при этом черные зубы. Вы представляете, он решил, что Джек хочет стащить его тележку!

— Простите, — пробормотал Джек. На душе стало еще пакостней.

Старик попытался лечь на свою тележку сверху, дабы защитить ее от похитителя, продолжая демонстрировать врагу свои мерзкие черные зубы.

— Простите, — повторил Джек. — Я просто иду ми...

— Оштафь мою телешку ф покое! Оштафь! — прошамкал старик, и слезы ручьями потекли по щекам.

Джек поспешил удалиться.

Двадцать лет назад, в середине шестидесятых, Оутли процветал. Относительно хорошее состояние дороги за чертой городка осталось еще с того времени, когда у всех было много денег, горячее стоило недорого и никто не слышал термина «побочные доходы», потому что всем хватало основных. Люди вкладывали свои капиталы в ценные бумаги, покупали маленькие магазинчики и держали нос по ветру. Те несколько кварталчиков, где сейчас находился Джек, выглядели весьма оптимистично и вселяли надежду. Но в фешенебельных ресторанах сидело только несколько ленивых подростков, потягивающих дорогие коктейли, а в широких витринах магазинчиков висели такие же рекламные плакаты, как и на автомобильном рынке: «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО» и т.д. Джек не заметил ни одного дорожного указателя и пошел дальше наугад.

Деловая часть Оутли выглядела еще мрачнее, чем другие районы, несмотря на пестрые цвета, оставшиеся с периода шестидесятых. Проходя через пустынные кварталы, Джек почувствовал, что рюк-

зак становится все тяжелее, а ноги не в состоянии идти. Но здесь оставаться нельзя, он все равно лучше пойдет в Доугтаун, хоть он смертельно устал и дорога опять же проходит через тоннель. Ведь если разобраться, то не было и быть не могло никакого человека-волка, прячущегося в темноте. Никто не рычал и не бросался на него. Просто Долины повредили его рассудок. Сначала полумертвая королева, потом этот мальчик с изуродованным лицом... И еще Морган, деревья. Но ведь он был *здесь*, где ничего сверхъестественного не может случиться. *Здесь*, где жизнь течет своим чередом.

Он стоял у длинного грязного окна, над которым крупно и четко было написано: «МЕБЕЛЬНЫЙ СКЛАД». Джек прижался носом к стеклу, заслонившись руками от солнечного света, и заглянул внутрь. В пятнадцати шагах от двери располагалась софа и несколько кресел, каждое накрыто белой материей. И больше ничего. Джек отправился дальше, надеясь найти себе какую-нибудь пищу.

В нескольких шагах от него стояла машина. В ней было четверо мужчин. Мгновение спустя Джек увидел, что у машины, древнего черного «Де Сото», имеющего такой вид, как будто по нему проехался Бродерик Крофорд, нет колес. К ветровому стеклу была прицеплена карточка, пять на восемь, с надписью: «КЛУБ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ». Люди внутри, двое спереди и двое сзади, играли в карты. Джек подошел поближе.

— Прошу прощения, — начал он, и ближайший к нему игрок обратил на него взгляд своих серых рыбьих глаз. — Вы не знаете, где...

— Отстань, — ответил человек. Его голос звучал давяще и холодно. Лицо, полуповернутое к Джеку было сплошь испещрено прыщами и шрамами и слегка деформировано, как будто в детстве кто-то на него наступил.

— Я только хотел спросить, не знаете ли вы, где можно найти работу на пару дней?

— Попытайся в Техасе, — ответил человек на сиденье водителя, и остальные трое громко заржали, разливая пиво на свою одежду и карты.

— Я сказал тебе, мальчик, отстань! — повторил сероглазый с помятым лицом. — Или мне придется помочь тебе уйти.

Он не шутил. Если Джек останется здесь еще хоть секунду, терпению мужчин придет конец, они выйдут из машины и избыют его до полусмерти. А потом снова сядут на свои места и откроют новые банки с пивом. Ими был усыпан весь пол. «Роллинг Рокс», — прочитал Джек. Пустые банки валялись как попало, полные были еще в пластиковых упаковках. Джек отступил назад, и рыбы глаза отвернулись от него.

— Ну что ж, попробую поискать в Техасе, — сказал он. Ему показалось, что дверь «Де Сото» скрипнула, открываясь, и он ускорил шаг. Но это всего-навсего один из игроков откупорил новый «Роллинг Рокс».

Хлоп! Пиш!

Джек шел, не останавливаясь.

Он дошел до конца квартала и оказался на второй улице Оутли, у увядающего газона с желтой травой. Стекланные фигурки оленей, расставленные среди мертвых травинки, попали сюда как будто из Диснейленда. Пожилая бесформенная женщина с мухобойкой в руках уставилась на него с балкона.

Джек отвернулся от ее подозрительного взгляда и увидел перед собой последнее из безжизненных кирпичных зданий Милл-роуд. Три широких шага, и он у полуоткрытой двери. Длинное темное окно с непонятной вывеской «Будвейзер». Тут же, немного правее, еще одна вывеска: «ДИСКОТЕКА АПДАЙКА». А на несколько дюймов ниже, на такой же карточке, как и на «Де Сото», пять на восемь, от руки были написаны слова: «ТРЕБУЕТСЯ РАБОТНИК». Джек снял с плеч рюкзак, повесил его на руку и поднялся по ступеням. Мгновенная смена яркого солнечного света на темноту помещения напомнила ему тоннель на Милл-роуд и увитые плющом деревья.

Глава 9 ДЖЕК В ЛАБИРИНТЕ

1

Примерно трое суток спустя Джек Сойер, нервы которого были окончательно расшатаны после недавнего похода через тоннель, сидел в холодной кладовой дискотеки, пряча свой рюкзак за грудой винных бочек в дальнем углу комнаты. Через два часа, когда танцы закончатся, Джек убежит отсюда. То, что он думал об этом таким образом — не *уйдет*, не *покинет это место*, а именно *убежит*, — показывало, каким безнадежным считал он свое теперешнее положение.

Мне было шесть. Джону Б. Сойеру было шесть. Джеку было шесть. Шесть.

Эта мысль, казалось бы, совершенно не имеющая смысла, пристала к нему этим вечером и крутилась в голове, не давая покоя.

Он предположил, что она явилась откуда-то из глубин подсознания, чтобы показать, как больно сознание и как изранена душа. Он не знал, что эта мысль может означать — она просто крутилась и крутилась, словно деревянная лошадь на карусели.

Шесть. Мне было шесть. Джеку Сойеру было шесть.

Снова и снова. Опять и опять.

Кладовая имела общую стену с танцевальным залом, и сегодня вечером эта стена гулко вибрировала, словно кожа на барабане. Двадцать минут назад была пятница... Дискотека была забита людьми до предела и даже сверх его. Большой плакат в левом углу бара гласил: «НАХОЖДЕНИЕ ОДНОВРЕМЕННО БОЛЕЕ 220 ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПУНКТ 331.» Очевидно, действие пункта 331 временно прекращалось на выходные дни, потому что сейчас не менее трех сотен человек танцевало под музыку кантри-группы, именовавшейся «Дженни Велли Бойз». Это была кошмарная группа, зато они играли на электрогитарах с примочками.

«Вот увидишь, как эти ребята лабают на гитарах», — сказал Смоуки.

— Джек! — услышал он голос Лори.

Лори была женщиной Смоуки. Джек до сих пор не знал ее полного имени. Он едва слышал ее голос за грохотом магнитофона, который подхватил инициативу, пока группа отдыхала. Все пятеро стояли за стойкой бара и пили большими глотками русскую водку.

Лори просунула голову в дверь кладовой. Ее светлые пушистые волосы, убранные назад и поддерживаемые белыми детскими пластмассовыми заколками, блестели и переливались в электрическом свете.

— Джек, если ты быстренько не притащишь эту бочку, я думаю, он тебя накажет.

— Ладно, скажи ему, что я сейчас приду.

Джек покрылся «гусиной кожей», и причиной этому была не прохлада кладовой. Со Смоуки Апдайком шутки плохи. Смоуки, который носит самодельные бумажные шапки на своей длинной голове, Смоуки с огромными пластиковыми вставными зубами, с проседью в волосах и с каким-то гробовым спокойствием, Смоуки со страшными коричневыми глазами, Смоуки Апдайк, который до сих пор был в какой-то степени неизвестен Джеку — и это пугало его, — явно собрался сделать его своим пленником.

Магнитофон зазвучал тише, или может быть это рев беснующейся толпы заглушил его. Какой-то ковбой с озера Онтарио рвал глотку в громком пьяном «Йе-Хуу!». Женщины визжали. Стаканы разби-

вались. Магнитофон снова набирал обороты, грохоча, как взлетающая ракета.

Место, где едят то, что валяется под ногами...

Даже не отряхнув.

Джек склонился над одной из бочек и протащил ее шага на три. Рот скривился от натуги, пот тек со лба в три ручья, дыхание сперло, спина протестовала. Бочка лязгала и скрежетала по неровному цементному полу. Он остановился, тяжело хватая ртом воздух. Глаза готовы были выскочить из орбит.

Он прикатил тележку, поставил ее около винной бочки и снова схватился за последнюю. Он собирался слегка приподнять ее и забросить в тележку. Но не тут то было — огромная емкость весила немногим меньше, чем он сам. Он уронил ее на дно телеги, которое покрывал мягкий коврик, специально положенный туда на случай таких падений. Джек постарался поправить бочку, думая о том, чтобы вовремя убрать руки. Работа продвигалась медленно. И руку он все же не успел убрать. Бочка притерла его пальцы к борту тележки. Невыносимая боль пронизала Джека с ног до головы, и он забежал по комнате, отчаянно тряс пострадавшей рукой. Потом Джек засунул все пальцы левой руки себе в рот и горько заплакал.

Но было кое-что и похуже, чем придавленные пальцы: Джек услышал шипение газов, выходящих из-под пробки в дне бочки. Если Смоуки вытащит пробку и вино потечет, нет, брызнет ему в лицо...

Лучше об этом не думать.

Вчера вечером, в четверг, пытаясь притащить Смоуки такую же бочку, только с пивом, он уронил ее на бок. Пробка пролетела через всю комнату. Золотисто-белая пена заструилась по полу кладовой, стекая в канализационное отверстие. Джек стоял ошеломленный, покрывшись холодным потом и не обращая внимания на крики Смоуки. Это было не просто пиво. Даже совсем не пиво. Это был эль. Королевский эль.

Тогда Смоуки первый раз его побил — сильный резкий удар отбросил Джека на одну из шершавых стен кладовой.

— Это твой сегодняшний заработок, — сказал Смоуки. — Чтобы неповадно было сделать такое еще раз. Никогда, Джеки.

Что больше всего испугало Джека в этих словах: «неповадно было сделать так еще раз, никогда», так это то, что они предполагали: ему придется быть здесь очень долгое время.

— Джек, давай быстрее!

— Стараюсь... — он, отдуваясь, подтащил тележку к двери, нащупал ручку, повернул ее и ногой толкнул дверь от себя. Она ударилась о что-то большое, мягкое и упругое.

— Извините, — сказал Джек.

— Я тебя сейчас как извиню, ослиная задница!

Джек подождал, пока тяжелые шаги удалятся в смежную с кладовой уборную, и снова толкнул дверь.

Стены туалета находились очень близко друг к другу и были выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Внутри резко воняло мочой и испражнениями. В каждой из деревянных дверей кабинок зияла по крайней мере одна дыра, стены покрывали неровные надписи, оставленные здесь пьяными придурками, которым больше нечем было заняться. Самая длинная из них, расположенная рядом с рисунком, изображающим чернокожего человека, казалось, излучала всю тупую и беспредметную ярость Оутли. Она гласила: «НЕГРЫ И ЕВРЕИ! ПРОЧЬ ИЗ АМЕРИКИ! УБИРАЙТЕСЬ В ИРАН!»

Шум, доносящийся из танцевального зала, эхом отдавался в кладовой. Мощная волна звука, по-видимому, не собиралась прерываться ни на секунду. Джек еще раз посмотрел назад, выглядывая из-за катающейся в тележке бочки, чтобы убедиться, что его рюкзак не виден с этого места.

Он должен отсюда выбраться. *Должен*. Холодная сырая кладовка — это еще ничего. Намного хуже Рэндалф Скотт. Нет, не *тот* Рэндалф Скотт, знаменитый актер, снявшийся более чем в пятидесяти фильмах. Просто парень очень похожий на него. Джек считал Апдайка самым страшным человеком на земле до тех пор, пока не увидел (или решил, что увидел) глаза того парня. Глаза Скотта, поменявшие цвет.

Но хуже всего само это место. Сам Оутли. В этом Джек был полностью уверен.

Оутли, штат Нью-Йорк, расположенный в самом центре округа Дженни, оказался ловушкой, расставленной специально для него... Что-то вроде провинциального Лабиринта. Одно из чудес света — Лабиринт. Легко войти, Почти невозможно выйти.

2

Высокий мужчина с обвислым животом ожидал своей очереди у двери в мужской туалет. Он ковырялся в зубах пластмассовой зубочисткой и с ненавистью смотрел на Джека. Видимо, его живот и был тем препятствием, которое помешало двери открыться с первого раза.

— Ослиная задница! — повторил мужчина. В этот момент дверь туалета отворилась и оттуда вывалилась спортивного вида фигура. На какой-то момент его глаза и глаза Джека встретились. Это был

парень, похожий на Рэндальфа Скотта. Он не был кинозвездой. Он был всего-навсего фабричным рабочим, пропивающим свою зарплату. Чуть позже он уедет отсюда на купленном за полцены «Мустанге» или старом разбитом «Харлей Дэвидсоне» с прикрепленной на козырек надписью «НАСТОЯЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПАРЕНЬ».

Его глаза светятся изнутри... Желтым светом... Нет, Джек, это только твое воображение, ведь он всего-навсего...

...всего лишь фабричный работник, который смотрит на него, потому что Джек здесь новичок. Он ходил в школу, играл в футбол, познакомился с молодой стройной девушкой, женился на ней, и девушка растолстела от шоколада и мороженых консервов «Штоуффер». Он всего-навсего деревенский дурачок, всего лишь...

Но у него желтые глаза!

Ты с ума сошел. Двинулся на этом желтом свете, нормальные у него глаза.

Что-то было в парне такое, что заставило Джека вспомнить, как он шел в Оутли. Как он шел через тоннель...

Толстяк отпрянул от Скотта, одетого в джинсы «Левис» и чистую белую рубашку. Рэндальф Скотт шел прямо на Джека. Длинные волосатые руки болтались по бокам.

Глаза, до этого синие, как лед, сверкнули и начали менять цвет...

— Мальчик, — сказал он, и Джек поспешно удалился, толкнув дверь собственной задницей и совершенно не заботясь о том, что он может кого-нибудь ударить.

Шум окружил его. Для какого-то красномордого человека, назвавшегося Робинотом Джеймсом, выл из магнитофона Кенни Роджерс.

«Подставь свою вторую ще-е-е-еку! — учил Кенни находящихся в зале алкашей с заплывшими лицами. — Жизнь в раю смиренных жде-е-е-еет!»

Джек не видел здесь ни одного человека, который бы выглядел хоть капельку смиренным. «Дженни Велли Бойз» уже вернулись на свое место и взяли инструменты. Все, кроме гитариста, были пьяны и растеряны... потому что не вполне понимали, где находятся. Гитарист же был абсолютно трезв и скучал в одиночестве. Слева от Джека какая-то женщина оживленно беседовала по платному телефону — телефону, заковавшему Джека в непроницаемую ледяную капсулу, телефону, к которому Джек не подошел бы теперь даже за миллион долларов. Пока она разговаривала, ее пьяный приятель пытался залезть к ней под полурасстегнутую ковбойскую рубашку.

В зале прыгало и дергалось около семидесяти пар. Во время медленных танцев они просто топтались на месте, улыбаясь, облапив

друг друга. Губы сливались в долгом поцелуе, пот ручьями тек со лбов и рисовал большие темные пятна под мышками.

— Слава тебе, Господи, — сказала Лори, когда Джек наконец подошел, и приоткрыла дверцу справа от стойки бара. Смоуки стоял здесь же, наполняя бокалы танцующих прохладительными напитками, джином и тем единственным, что могло составить конкуренцию пиву, любимому напитку жителей Оутли — русской водкой.

Джек снова увидел Рэндалфа Скотта. И тот его тоже увидел. Он сверкнул ледяной голубизной своих глаз и едва заметно кивнул, как бы желая сказать: *«Мы поговорим. Чуть попозже. Я пока еще точно не решил, о чем. Может, о том, что произошло и что могло произойти в тоннеле на Милл-роуд. Или об Осмонде и его плетке. Или о больных матерях. А может, о том, сколько ты проторчишь в этом месте... Или о беззубых стариках, плачущих над торговыми тележками. А может, ты сам что-нибудь предложишь? А, Джеки?»*

Джек вздрогнул.

Рэндалф Скотт улыбнулся, увидев эту дрожь (или почувствовав?) и углубился в толпу, в плотный прокуренный воздух.

А секунду спустя тонкие пальцы Смоуки вцепились в плечо Джека, разыскивая болевую точку и, как всегда, найдя ее. Опытные чувствительные пальцы.

— Джек, ты мог бы шевелиться быстрее, — сказал Смоуки. Его голос при этом звучал дружелюбно, почти ласково, однако пальцы сжимались все сильнее и сильнее. От него пахло канадскими леденцами, он сосал их постоянно. Вставные зубы равномерно пощелкивали, время от времени изо рта доносились неприятные звуки — Смоуки втягивал на место соскользнувший протез. — Ты должен шевелиться быстрее или мне придется приложить к твоей заднице раскаленную сковородку. Понял?

— Да, — ответил Джек. Только бы не расплакаться.

— Ну вот и хорошо. — На какое-то мгновение пальца Смоуки еще глубже вонзились в маленькое плечо, изо всей силы сдавив болевую точку. Джек все-таки расплакался. Смоуки которому именно это и было нужно, отпустил его.

— Помоги мне открыть бочку, Джек. И постарайся сделать это побыстрее — вечер пятницы, людям хочется выпить.

— Утро субботы, — тупо пробормотал Джек.

— Неважно, давай.

Джек помог Смоуки задвинуть бочку в пустое пространство под баром. Натренированные мускулы Смоуки вздувались и перекаты-

вались под тонкой тканью рубашки. Бумажная шляпа, похожая на поварской колпак, сидела на его узкой, как у хорька, голове своим обычным образом: передний угол почти касался левой брови, придавая лицу глуповатое выражение. Джек, затаив дыхание, следил, как Смоуки вытаскивает красную пластмассовую пробку. Раздался хлопок, намного громче, чем должно было быть... Джек облегченно вздохнул — пены не было. Смоуки выдвинул пустую бочку.

— Отнеси эту в кладовую и залей водой. Не забывай, что я говорил тебе днем.

Джек не забыл. Дело было так: в три часа пополудни неожиданно раздался громкий свист, похожий на сигнал воздушной тревоги. Джек едва не выскочил из кожи. Лори тогда засмеялась и сказала:

— *Успокой нашего Джека, Смоуки. А то мне кажется он сейчас сделает «пи-пи» в штанишки.*

Смоуки наградил ее строгим взглядом и подошел к Джеку. Рассказал, что этот свист означает начало выдачи зарплаты на «Оутли Текстилз», Рассказал, что сейчас такой же свисток заработал на «Догтаун Раббер» — фабрике, выпускающей игрушечных зверей, резиновых кукол и презервативы с названием «Веселая ночь». Рабочие получают зарплату, сказал он, и вскоре все будут здесь.

— И ты, и я, и Лори, и Глория должны шевелиться как можно быстрее, — говорил Смоуки, — потому что за один вечер пятницы, после этого свистка, мы можем выжать из этого места намного больше, чем за воскресенье, понедельник, вторник, среду и четверг, вместе взятые. Когда я говорю тебе, что ты должен прикатить бочку — это значит, что бочка должна быть у меня еще до того, как я успею договорить. И еще — каждые полчаса ты должен быть в мужском туалете со шваброй. По ночам пятницы эти ребята достают свои предметы каждые пятнадцать минут, а блюют каждые десять.

— Я беру на себя женский, — подходя, сказала Лори.

Волосы золотыми волнами стекали с плеч, обрамляя белое, как у вампира из книги комиксов, лицо. Она либо простудилась, либо имела вредную привычку — постоянно шмыгала носом. Джек больше склонялся к мысли, что это простуда — такая женщина, как Лори, не могла иметь дурных привычек.

— Женщины не такие противные, как мужчины, ненамного, но получше.

— Заткнись, Лори!

— Сам заткнись! — сказал она, и Смоуки тут же занес руку. Раздался звонкий шлепок, и все пять пальцев Смоуки красными полосками отпечатались на одной из бледных щек Лори, словно детский румянец.

— Мужик! — сказала Лори и захныкала... но в ее глазах Джек с ужасом и удивлением разглядел счастливое выражение. Взгляд женщины, считающей побой знаком внимания.

— Сейчас вы начнете работать, и все будет в порядке, — сказал Смоуки, — Ты, Джек, не забывай, что должен шевелиться быстрее, когда мне нужна бочка. И не забывай каждые полчаса убирать блевотину в сортире.

Потом Джек снова сказал Смоуки, что хочет уйти, а Смоуки повторил свои лживые обещания насчет утра воскресенья. Но какого черта ему ждать столько времени?

Теперь в зале было шумно. Со всех сторон раздавались громкие крики и почти лошадиное ржание. Треск ломающихся стульев... крики боли... В центре танцевального зала завязалась драка — третья за ночь.

Смоуки толкнул Джека:

— Ты идешь или нет?

Джек закинул пустую бочку на тележку и повез ее к двери кладовой, оглядываясь по сторонам в поисках Рэндалфа Скотта. Он увидел его стоящим в толпе, которая наблюдала за «поединком», и слегка успокоился. В кладовой пустая бочка присоединилась к куче других — Дискотека Апдайка за одну ночь «вырабатывала» их около шести. Сделав свое дело, он вернулся к рюкзаку. На какое-то мгновение ему показалось, что тот исчез, и сердце провалилось в пятку. В рюкзаке — «магическая жидкость» и монета Капитана Фаррена! Он кинулся вправо, с ног до головы покрывшись холодным потом, и обыскал другую грудку бочек. Рюкзак был там: цел и невредим. Джек чувствовал изгиб бутылки через тонкий нейлон. Сердце вернулось в грудную клетку, но ноги остались такими же ватными. Так чувствует себя человек, секунду назад бывший на волосок от гибели.

Мужской туалет был просто ужасен. То, что видел Джек ранним вечером, не шло ни в какое сравнение с тем, что там было сейчас... Самое худшее — пол был густо заблеван. Джек принес горячей воды, плеснув ее на пол и принялся орудовать шваброй, стараясь на смотреть под ноги. Он вернулся в мыслях на несколько дней назад, думая о них то же самое, что думает волк о попавшей в капкан лапе.

Когда Джек первый раз вошел в Дискотеку Апдайка, она открылась ему холодной, мрачной и пустой. Магнитофон, автоматический

кегельбан и компьютерная игра «Космические пираты» — все стояло выключенным. Единственный свет в этом месте исходил из-за стоек бара — электронные часы, зажатые между вершинами двух гор, выглядели как самый причудливый НЛО, какой только можно было себе представить. Слегка улыбнувшись, Джек подошел к бару. В этот момент громкий ровный голос за его спиной произнес:

— Это бар, а не кинотеатр... Ты что, тупой?

Джек едва не сел от неожиданности. Еще секунду назад, вертя в кармане волшебную монету, он думал, что все пойдет так же, как было в «Золотой ложке» — он сядет за столик, закажет что-нибудь, а затем справится насчет работы. Конечно, незаконно предоставлять работу такому ребенку, как он, без согласия родителей или опекунов, и как следствие, он может получать только минимальный заработок. Но другого выхода не было. Переговоры обычно начинались с истории №2: «Джек и злой отчим».

Он резко обернулся и увидел человека, в одиночестве сидящего за одним из столиков. Он смотрел на Джека холодным настороженным взглядом. Человек был худой, но из-под тонкой белой рубашки просвечивали горы мускулов. На нем были надеты белые мешковатые штаны, бумажная шляпа сползла вперед, закрыв левую бровь. Голова узкая, как у хорька, волосы коротко подстриженные, сидящие на концах. На столе перед ним лежала пачка счетов и микрокалькулятор производства «Тексас Инструментс».

— Я увидел ваше объявление «ТРЕБУЕТСЯ РАБОТНИК» и подумал, может быть здесь найдется работа для меня, — сказал Джек безо всякой надежды. Этот человек вряд ли вообще захочет с ним разговаривать, а уж тем более не захочет взять его к себе на работу. Парень выглядел очень привередливым.

— Ты прочитал? Ха! Ты умеешь читать? Должно быть выучился за один из тех дней, когда не прогуливал уроки?

Начало обычное. Человек вытащил сигару из лежавшей на столе пачки «Филлис Черут», не спуская глаз со стоящего перед ним мальчика.

— Я не знал, что это бар, — сказал Джек, отступая к двери.

Солнечный свет с трудом пробивался сквозь грязные стекла и замертво падал на пол.

— Я, конечно, предполагал, что это может быть... ну, бар там или кафе... Извините, я уже ухожу.

— Подойди ко мне, — сказал человек, глядя на него своими карими глазами.

— Нет-нет, все... — промямлил Джек, — Я уже...

— Подойди. И сядь.

Человек чиркнул спичкой о крышку стола и прикурил сигару. Муха, неосторожно приземлившаяся на его бумажную шляпу, ужужжала в темноту. Его глаза вернулись к Джеку.

— Я не причиню тебе вреда.

Джек медленно подошел и опустился на стул с другой стороны стола, аккуратно, по-школьному сложив перед собой руки. А шестьдесят часов спустя, в первом часу ночи драя мужской туалет, Джек думал — нет, он даже знал наверняка, — что это его собственная тупая доверчивость и самомнение захлопнули за его спиной двери ловушки, в которую он сам же и влез (захлопнули в тот момент, когда он сел напротив Смоуки Апдайка. Тогда он, к сожалению, еще ничего не понял). Ловушка, капкан, лабиринт с неприятным запахом и грязными стенами, ждущий, когда же какая-нибудь ослиная задница, вроде него, сунется внутрь и затеряется там, блуждая среди луж с холодной дождевой водой. В Оутли Лабиринт был полон пива вместо воды — но это единственное отличие.

Если не убежит...

«А зачем убежать? — думал Джек, стараясь не смотреть в ледяные глаза человека, — может, здесь все-таки найдется для меня какое-нибудь дело?» Минетта Бенберри, хозяйка и управляющая «Золотой Ложки» в Оберне, была достаточно благосклонна к Джеку. Она его даже обняла и поцеловала, а кроме этого дала три толстых сэндвича, но ей не удалось его обдурить. Благосклонность и даже некоторое подобие доброты не в состоянии скрыть корыстные цели, а тем более жадность.

Минимальный заработок в Нью-Йорке составлял три доллара сорок центов в час. Эта информация была написана на красивом розовом листе размером с киноафишу на кухне «Золотой Ложки». Но повар, парень с Гаити, почти не знающий английского языка и скорее всего находившийся в стране незаконно, получал только два. Готовил он просто замечательно, никогда не позволяя картофелинам, мясу или рыбе пребывать на сковородке хоть одну лишнюю минуту. Девушка, работавшая у миссис Бенберри официанткой, была прелестна, но глупа. Она тоже попала в Америку нелегально, и все ее документы остались в Риме. Естественно, в таких случаях минимум не соблюдался, и эта шепелявая заторможенная девушка с неподдельным восторгом рассказывала Джеку, что получает доллар двадцать центов *каждый час, и это все ей!*

Сам Джек получал доллар пятьдесят центов. Он долго торговался за эту сумму, хотя и знал, что если бы миссис Бенберри не находилась в затруднительном положении — ее старая судомойка сбежала накануне, ушла на обеденный перерыв и так и не верну-

лась, — она не стала бы даже разговаривать с ним по этому поводу. Сказала бы просто: или бери бак с четвертью, малыш, или пойди-ка погуляй. Америка — свободная страна.

Сейчас, с нескрываемым цинизмом, который являлся частью его самоуверенности, Джек думал, что перед ним вторая миссис Бен-берри. Пусть не женщина, а мужчина, не толстая и дряблая, а подтянутая и мускулистая, но во всех других отношениях — никакой разницы с хозяйкой «Золотой Ложки».

— Ищешь работу? Ха! — мужчина в белых штанах и бумажной шляпе положил свою сигару в старенькую пепельницу с надписью «КЭМЭЛ» на дне. Муха прекратила умыться и удалилась.

— Да, сэр, но ведь вы сказали, что это бар и все такое...

В сердце вновь зашевелилась тревога. Эти карие глаза под желтоватыми веками пугали его — они были похожи на глаза старого голодного кота, случайно наткнувшегося на жирную непорочливую мышь.

— Это все мое, — перебил его человек, — Меня зовут Смоуки Апдайк. — Он протянул руку. Удивленный Джек пожал ее, но тут же оказался в крепких объятиях и едва не вскрикнул от резкой боли. Вскоре объятия ослабли, но Апдайк не отпускал его. — Ну?

— А? — спросил Джек, понимая что это должно прозвучать глупо. Но он чувствовал себя глупо и испуганно. Ему было больно, он хотел вырваться из лап Апдайка.

— Родители не научили тебя представляться?

Это прозвучало столь неожиданно, что Джек чуть было не выпалил свое настоящее имя, вместо того, которое он называл в «Золотой Ложке», того, которое он называл всем людям, желающим его знать. Это имя — Джек про себя называл его своим «походным именем» — было Льюис Фаррен.

— Джек Со... а... Сойтель, — сказал он.

Апдайк, не сводя с него насмешливых глаз, задержал руку еще на мгновение, потом отпустил.

— Джек Со-а-Сойтель. — задумчиво повторил он. — Должно быть, самое длинное и дурацкое имя в телефонной книге — да, малыш?

Джек покраснел, но решил промолчать.

— Ты не очень-то большой, — сказал Апдайк, — Как ты думаешь, ты в состоянии поднять двенадцатифунтовую пивную бочку и закинуть ее на тележку?

— Думаю, в состоянии, — ответил Джек, хотя и не был в этом уверен, Это не выглядело большой проблемой, тем более в таком пустынном месте, как это. Ему вряд ли придется менять бочки чаще, чем раз в день.

Словно прочитав его мысли, Апдайк сказал:

— Да, сейчас здесь никого нет. Но к четырем-пяти часам тут будет достаточно народу, а уж по выходным это место переполняется через край. Вот тогда-то ты и сможешь заработать.

— Ну, я не знаю, — протянул Джек. — А сколько я буду получать?

— Доллар в час, — ответил Апдайк, — Я, честное слово, платил бы тебе больше, но... — Он похлопал рукой по массивной пачке счетов и слегка улыбнулся, как бы говоря: *«Ты видишь, как все в Оутли дорожает, как ветер гуляет в карманах. С 1971 года все вокруг приходит в упадок...»* Но глаза не улыбались. Глаза смотрели на Джека с той же кошачьей сосредоточенностью.

— Но это не так много, — сказал Джек. Он говорил медленно, но мысли бешено крутились в голове. В дискотеке пусто и тихо, как на кладбище. Днем, похоже, она служит забегаловкой для старых опустившихся алкашей. Но сейчас ни один из них не стоял, прислонившись к стойке бара, не потягивал пиво и не смотрел телевизор. В Оутли все пили в своих машинах и почему-то называли их «клубами». В Оберне доллар с полтиной в час давался ему тяжелым трудом. В таком месте, как это, один бак за такое же время не будет ему стоить ровным счетом ничего.

— Да, — согласился Смоуки, возвращаясь к калькулятору. — Немного.

Тон его голоса утверждал, что Джек должен либо согласиться на такую сумму, либо выйти вон. Торговля неуместна.

— Ну, что ж, я согласен, — сказал Джек.

— Вот и хорошо. Теперь нам остается выяснить только один вопрос — от кого ты бежишь и кто за тобой гонится? — Карие глаза сверлили Джека насквозь. — Если кто-то сидит у тебя на хвосте, то я не хочу иметь с ним никаких проблем.

Это ничуть не пошатнуло самоуверенности Джека. Он, конечно, не был самым одаренным ребенком на земле, но имел достаточно фантазии, чтобы сочинить рассказ, который не позволил бы ему умереть с голоду на дороге. Итак, настало время Истории №2 «Жестокий отчим».

— Я из маленького города в штате Вермонт, — начал Джек, — из Фендервилла. Мои мама и папа разошлись два года назад. Папа хотел забрать меня к себе, но суд отдал меня маме. Они и так все время ругаются и ругаются, только этим и занимаются...

— Херней они занимаются, извини меня. — Смоуки говорил, не отрываясь от своих подсчетов, так сильно уткнувшись носом в калькулятор, что со стороны казалось — он нажимает им на

кнопки. Однако, заметил Джек, он не перестает его внимательно слушать.

— Так вот, мой папа уехал в Чикаго и там устроился работать на завод, — продолжал Джек, — Он пишет почти каждую неделю, но за последний год так ко мне и не приезжал, потому что Обри его побил. Обри — это ...

— Твой отчим, — закончил вместо него Апдайк. Джек прищурился. Его обуяли сомнения — в голосе Апдайка не было никакого участия. Напротив, Апдайк просто смеялся над ним и его Историей, как будто знал, чего на самом деле стоит эта сказка.

— Да, — продолжал Джек как можно спокойней. — Моя мама вышла замуж полтора года назад. Он злой и много меня бьет...

— Ай-я-яй! Бедный Джек, — Смоуки поднял на него свои насмешливые и недоверчивые глаза. — И теперь ты направляешься в этот солнечный город, где вы с отцом будете жить долго и счастливо?

— Да, — сказал Джек. — Я надеюсь. — И тут на него нашло неожиданное вдохновение. — Все знают, что мой *настоящий* отец никогда не хватал меня за шею и не тыкал головой в унитаз! — Он расстегнул ворот рубашки, показывая ссадину на шее. Она уже начала заживать. Еще когда он работал в «Золотой Ложке», рана болела и была устрашающе ярко-бордовой. Но в «Золотой Ложке» ему не представился случай показать ее. Рана, конечно же, была нанесена злым корнем, едва не оборвавшим его молодую жизнь в лесах параллельного мира.

Не без гордости Джек заметил, как изменилось выражение глаз Смоуки Апдайка. Похоже, он был шокирован. Смоуки приподнялся со стула, уронив при этом на пол несколько желтых и розовых листов.

— *Боже мой*, малыш, — прошептал он, — Это сделал твой отчим?

— Вот потому-то я и решил удрать.

— Скажи честно — он может здесь нарисоваться, разыскивая свою машину, мотоцикл или бумажник, на худой конец?

Джек отрицательно мотнул головой. Смоуки еще раз заглянул ему в глаза, словно чтобы удостовериться в правдивости его слов, и щелкнул выключателем на калькуляторе.

— Пойдем со мной в кладовую, малыш, — сказал он.

— Зачем?

— Я хочу убедиться, что ты справишься с работой.

Джек, к удовлетворению Смоуки, продемонстрировал, что в его силах поставить на ребро тяжелую алюминиевую бочку и приподнять ее на достаточную высоту, чтобы она перевалилась через борт тележки. Ему даже удалось проделать это с видимой легкостью. За уроненную бочку он получит в нос только день спустя.

— Ну, что же, неплохо, — сказал Смоуки. — Ты достаточно силен для такой работы, хотя и недостаточно велик. Скорее всего, ты заработаешь себе грыжу, но это уже твои проблемы.

Он объяснил Джеку, что тот должен приступать к работе в полдень и заканчивать ее в час ночи. («Даже если выдохнешься»). Зарплата будет выдаваться каждую ночь, сразу же после окончания работы. Деньги на бочку.

Они вернулись в зал и застали там Лори. Она была одета в голубые спортивные шорты, такие короткие, что даже не полностью скрывали ее шелковые трусики, и теннисную кофту без рукавов, как будто сшитую на слона. Ее светлые волосы были убраны назад, а в пальцах дымился «Пэлл-Мэлл» с широкой полосой губной помады на фильтре. Между двух аккуратных грудей висело большое распятие.

— Это Джек, — представил Смоуки, — можешь снять объявление с окна.

— Привет, козленок, — сказала она. — Ты появился как раз вовремя. У нас тут... — Лори затараторила, не давая никому вставить слово. В конце концов Смоуки рассвирепел.

— Заткни свою глотку!

— Ты не поможешь мне, милый? — подзадорила она, за что тут же и поплатилась. Широкая ладонь Апдайка щелкнула ее по подбородку совсем даже не любя и не шутливо, а с достаточной силой, чтобы Лори отлетела к стойке бара. Джек моргнул и вспомнил звук, издаваемый плеткой Осмонда.

— Противный мужик! — крикнула Лори. Ее глаза наполнились слезами, но на лице появилось довольное выражение, словно все было в порядке вещей. Тревога в сердце Джека начала расти и в конце концов превратилась в страх.

— Не обращай на нас внимания, козленок, — сказала она, глядя куда-то сквозь него, — с тобой будет все в порядке.

— Его зовут Джек, а не козленок! — рявкнул Смоуки. Он вернулся за столик, где недавно «допрашивал» Джека, и принялся собирать раскиданные бумаги. — Не смей больше повторять это слово! Козлята — это дети козы, или тебе этого не говорили в

школе? Дай ему пару гамбургеров. Сегодня он приступит к работе в четыре часа.

Лори сняла с окна объявление и бросила его за магнитофон таким привычным жестом, словно проделывала это уже не одну сотню раз. Проходя мимо Джека, она подмигнула ему.

Зазвонил телефон.

Все трое резко повернулись к нему, испуганные внезапным звуком. На мгновение аппарат показался Джеку большой черной улиткой, ползущей по стене. Это было долгое мгновение, почти бесконечное. Он успел разглядеть жесткие черты лица Смоуки Апдайка, вздувшиеся вены на длинных волосатых руках, успел прочесть черную надпись на желтой табличке, висящей над аппаратом: «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАЗГОВОРА НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ МИНУТ».

Телефон все звонил и звонил, разрывая мертвую тишину зала.

В голову Джека неожиданно пришла устрашающая мысль: *«Это меня. Меня. Звонят издалека. Очень большое расстояние»*.

— Ответь же, Лори, — сказал Апдайк, — ты что, оглохла?

Лори подошла к телефону.

— Алло? Дискотека Апдайка, — сказала она слабым дрожащим голосом, — Алло! Алло! Твою мать! — Она с грохотом бросила трубку.

— Опять какие-нибудь дети. Вчера спрашивали, не сидит ли у нас в туалете принц Альберт. Будешь гамбургеры, козленок?

— *Джек!* — проревел Смоуки.

— Да. Джек, конечно. *Джек*. Ты хочешь гамбургеров, Джек?

Джек не стал отказываться, и вот они были перед ним — аппетитные, горячие, с горчицей и луком. Он быстро их проглотил и запил стаканом молока. Тревога и страх исчезли вместе с голодом. Ускакали, как козлята. Козлята...

5

Наступило четыре часа, и словно мертвая тишина дискотеки-пивной была лишь умно подстроеной сценой, поставленной для того, чтобы заманить его, дверь, как по команде, распахнулась и около дюжины красномордых мужиков в рабочей одежде ввалилось внутрь. Лори тут же включила магнитофон и кегельбан, и «Космических пиратов». Несколько человек поздоровались со Смоуки. От ответил им своей скупой улыбкой, обнажая два ряда вставных зубов. Большинство заказывало пиво. Двое или трое — русскую водку. Один — Джек узнал в нем члена «Клуба хорошей погоды» —

подошел к музыкальному автомату и принялся бросать в него двадцатипятицентовые монеты, наслаждаясь голосами Микки Гиллея, Эдди Рэббита, Уайлона Джейннингса и прочих. Смоуки подозвал Джека, велел ему взять ведро, швабру и веник из кладовой и вымыть пол перед сценой, которая пустовала в ожидании вечера пятницы и «Дженни Велли Бойз». А после того, как он будет вымыт, Джек должен посмотреть себе под ноги.

— Ты узнаешь, что работа сделана, когда увидишь внизу свою собственную сияющую физиономию.

6

Итак, его работа в Дискотеке Апдайк началась.

«К четырем-пяти часам тут будет достаточно народу».

Никто не посмеет сказать, что Смоуки обманул Джека. До того, как он отодвинул тарелку и приступил к зарабатыванию денег, дискотека-пивная была пуста. Но к шести вечера сюда набилось уже около пятидесяти человек, и темнокожая официантка Глория приступила к своим обязанностям под одобрительные возгласы толпы. Глория присоединилась к Лори, и они вместе принялись лить реки вина, моря русской водки и океаны пива.

За бочками в несколько рядов выстроились баночное и бутылочное пиво. Здесь были и «Будвейзер», и другие всеми любимые сорта, такие как «Дженези», «Ютика Клуб» и «Роллингс Рокс». Джек только успевал таскать. Руки покрылись волдырями, спина ныла.

Между походами в кладовую за банками и бутылками и по зову «Кати бочку, Джек!» (фраза, от которой у Джека с некоторых пор начали пробегать мурашки по коже), он возвращался к швабре, ведру и венику. Однажды в нескольких дюймах над его головой просвистела пустая пивная бутылка. Он увернулся и услышал, как она разбилась о стену. Сердце едва не выскочило из груди. Смоуки выставил пьяного нарушителя спокойствия за дверь, скалясь, как крокодил. Выглянув в окно, Джек увидел, как выставленный в истоплении избивает ограду автостоянки.

— Подойди, ко мне, Джек, — беспокойным голосом подозвал его Смоуки. — Она тебя не задела?! Ну и слава Богу!

И через секунду:

— Тогда почему ты до сих пор не убрал это безобразие?!

Полчаса спустя Смоуки отправил его драить мужской туалет. Человек средних лет, с прической под Дика Пайна, стоял, склонившись над одним из писсуаров. Одной рукой он опирался о стену, в

другой держал огромный необрезанный член. Между широко расставленных ног растекалась лужа блевотины.

— Закрой дверь, малыш, — сказал человек, — Старику нехорошо.

Не в силах сдерживать свое отвращение, Джек повернулся к ближайшему унитазу. Его вырвало чем-то, отдаленно напоминающим сегодняшним обед. Он успел только пару раз судорожно глотнуть воздух, когда началась следующая схватка. Трясущейся рукой Джек дотянулся до веревки и спустил воду. Уайлон и Уилли надрывались за стеной, воспевая прекрасный город Линенбах в штате Техас.

Внезапно перед его глазами всплыло лицо матери — намного более красивое, чем оно когда-либо было даже на экране. Он увидел, как она в одиночестве сидит в их номере в отеле «Альгамбра». Рядом с ней, в пепельнице на столе, дымится забытая сигарета. Она плакала. Сердце так сильно сжалось, что Джек даже испугался — как бы не умереть. Не умереть от любви к ней. Как хотел бы он, чтобы ничего не было — не было тоннелей, не было женщин, которым нравится быть постоянно битыми, не было мужчин, которые мочатся и блюют одновременно. Как хотел он сейчас быть рядом с ней и как ненавидел он Спиди Паркера за то, что ступил на этот ужасный путь.

В эти секунды мало что осталось от его самомнения — оно рассыпалось в прах раз и навсегда. Голос рассудка был заглушен отчаянным детским плачем: *«Я хочу к маме! Господи, Боже мой! Молю тебя! Я ХОЧУ К МАМЕ!»*

На трясущихся ватных ногах от отошел от унитаза и подумал: *«Все к черту! Я возвращаюсь домой! Я ненавижу тебя, Спиди! Зачем я с тобой встретился? Зачем?»* Сейчас он совершенно не заботился о том, что мама может умереть. В этот момент немой боли он был «Джеком для Джека», эгоистом, движимым только бессознательным чувством самосохранения, как маленький зверек, подверженный любой опасности, зубам любого хищника — как олененок, заяц, белка или бурундук. В этот момент он мог позволить ей умереть от раковой опухоли, захватившей ее легкие, лишь бы она могла сейчас обнять его перед сном, поцеловать и пожелать спокойной ночи, запретить всю ночь слушать приемник или читать с фонариком под одеялом.

Он оперся о стену и попытался взять себя в руки. Это было даже не сознательное действие, а скорее движение души. Чувство самоконтроля, которое он унаследовал от Фила Сойера и Лили Кевинью. Да, он сделал ошибку. Большую ошибку. Но он не пойдет на попятную. Долины существуют — значит, существует и Талисман.

Как он может заживо хоронить свою маму из-за какой-то там трусости!

Джек наполнил ведро горячей водой из-под крана и отправился убирать нечистоты. Справившись со всеми делами, он обнаружил, что уже половина одиннадцатого и толпа начинает потихоньку рассасываться. Оутли — рабочий город, и его пьяницы-рабочие по будним дням возвращаются домой пораньше.

— С тобой все в порядке? — спросила Лори, — Ты бледный, как простынка.

— Я хочу пить. Ты можешь налить мне виноградного сока?

Она подала ему стакан, он выпил и снова принялся намыwać полы в танцевальном зале. В четверть двенадцатого Смоуки послал его в кладовую «катить бочку». Джек едва справился. А в четверть первого Смоуки начал потихоньку выгонять засидевшихся посетителей. Лори щелкнула выключателем на магнитофоне, даже не позаботившись о том, чтобы его перед этим остановить. Дик Кэрлесс умер с протяжным загробным ревом — еще несколько протестующих криков, и он затих. Глория повыключала игры, одернула свитер (такой же розовый, как канадские леденцы, которые регулярно сосал Смоуки, такой же розовый, как пластмассовые десны его зубных протезов) и удалилась. Смоуки погасил все лампы, кроме одной, и выставил за дверь оставшихся четверых или пятерых алкашей.

— А ты молодец, Джек, — сказал он, когда они остались одни. — Хорошо работаешь. Конечно, можно было бы и лучше, но ведь ты только начал. Теперь можешь отправляться спать.

Вместо того, чтобы спросить о деньгах (которые Смоуки и не думал предлагать), Джек молча кивнул и на полусогнутых ногах побрел в кладовую. Он насколько устал, что в своей усталости был похож на маленькое подобие пьяниц, позже всех покинувших свое излюбленное место.

В кладовой он застал Лори, сидящую в углу на корточках. Ее спортивные шортики приподнялись до кошмарного уровня. Сначала Джек с тревогой и страхом подумал, что она роется в его рюкзаке, но, подойдя поближе, увидел, что Лори стелит одеяло поверх нескольких широких мешков. Затем она положила сверху маленькую атласную подушку с надписью «Нью-йоркская Всемирная Выставка».

— Я свила тебе маленькое гнездышко, птенчик, — проворковала Лори.

— Спасибо, — ответил ей Джек. Это было лишь маленькое проявление доброты, но Джек почувствовал, что ему приходится

бороться с подступившими слезами. Он выдал из себя улыбку. — Большое тебе спасибо, Лори.

— Не за что. С тобой все будет хорошо, Джек. Смоуки не такой плохой, каким пытается себя показать. — Ее голос прозвучал с глубокой тоской. Похоже, она сама не верила в то, что говорила.

— Я верю, — сказал Джек, и неожиданно для себя добавил, — но утром я уйду. Оутли, к сожалению, не для меня.

— Может, уйдешь... — сказала она, — А может, ос... решишь остаться здесь надолго. Почему ты не ложишься? — Что-то натянутое, ненатуральное проскользнуло в тоне ее голоса. Джек вспомнил, какой неискренней была ее улыбка, когда она «вила гнездышко». Он просто отметил это — он слишком устал, чтобы делать какие бы то ни было выводы.

— Видно будет, — сказал Джек. — Утро вечера мудренее.

— Мудренее, — согласилась Лори. Она подошла к двери и оттуда грязной ладошкой послала ему воздушный поцелуй, — Спокойной ночи, Джек!

— Спокойной ночи, Лори.

Он принялся стаскивать с себя рубашку, но тут же натянул ее назад. Пожалуй, снять следует только кроссовки. Кладовая была холодной и сырой. Джек сел на грудку мешков и снял носки — сначала один, потом второй. Он уже собирался упасть на сувенир со всемирной выставки и заснуть мертвым сном, когда снова зазвонил телефон в баре, разрывая тишину на части, *винчиваясь* в нее и заставляя Джека вспомнить мерзкие серые корни, плетку Осмонда и двухголовую лошадь.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» В тишину. В мертвую тишину.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» «Дети, спрашивающие принца Альберта, давно уже спят».

«Дзинь-дзинь-дзинь!» *«Привет, Джеки, это Морган, Я учуял тебя в своем лесу, маленький кусок дерьма! Я унюхал тебя в своем лесу, и зря ты думаешь, что можешь спастись от меня в другом мире! Твой мир — это тоже мой лес. Последний раз говорю — отправляйся домой, иначе умрешь. У тебя нет выбора, Джеки. У тебя нет никаких шансов...»*

Джек вскочил и на цыпочках подбежал к двери. Холодный пот прошиб его с ног до головы.

«Дзинь-дзинь-дзинь!»

И наконец

— Алло! «Дискотека Апдайк». Я слушаю. Кого вам нужно? — голос Смоуки.

Тишина.

— Алло!

Опять тишина.

— ...Вашу мать!!!

Смоуки бросил трубку, и Джек услышал, как скрипит под его ногами сначала пол танцевального зала, а потом ступеньки, ведущие в маленькую комнату на втором этаже, где жили они с Лори.

7

Джек, не веря своим глазам, смотрел то на полоску зеленой бумаги в его левой руке, то на пачку счетов на столе. Было одиннадцать часов следующего утра — утра четверга, и он решился спросить о деньгах.

— Что это? — спросил он, все еще не в состоянии поверить в то, что увидел.

— Ты же умеешь читать, — сказал Смоуки. — Умеешь считать. Ты не так быстро шевелишь руками и ногами, как бы мне хотелось, но, я думаю, с мозгами у тебя все в порядке.

Теперь в одной руке Джек держал все ту же зеленую полоску бумаги, а в другой — деньги. Тупая злость подступила к горлу, вены пульсировали на висках. «СЧЕТ ЗА ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТА» — прочитал Джек. Точно такие же счета приносила миссис Бенберри посетителям «Золотой Ложки». Ниже было написано:

Гамбургер 1 шт. 1.35

Гамбургер 1 шт. 1.35

Молоко 1 ст. 0.55

Сок виногр. 1 ст. 0.55

Наценка 0.30

Внизу большими цифрами: 4.10 и обведено в кружок.

С четырех дня до часу ночи Джек заработал девять долларов. Безжалостная рука Смоуки отчеркнула почти половину этого. То, что она протянула, было четырьмя долларами девяноста центами.

Джек яростно взглянул — сперва на Лори, которая смущенно отвернулась, затем на Смоуки, который и до этого на него не смотрел.

— Это обман, — сказал он тонким голосом.

— Джек, здесь все правильно. Посмотри на цены в меню...

— Я не об этом говорю, и вы прекрасно понимаете!

Лори слегка вздрогнула, решив, что эти слова ему даром не пройдут... Но Смоуки лишь терпеливо смотрел на Джека.

— Я не взял с тебя за ночлег.

— За ночлег?! — выпалил Джек, чувствуя, как кровь подступает к лицу. — За ночлег? На грязных драных мешках прямо на полу?

Ночлег! Хотел бы я посмотреть, как ты попытаешься высчитать с меня за это! Грязный *мошенник!*

Лори что-то пискнула и бросила короткий взгляд на Смоуки. Но Смоуки только присел на стул напротив Джека. Сизый дым «Черутс» заструился между ними. Шляпа из свежей газеты сползла на узкий лоб.

— Мы говорили о том, что ты здесь будешь ночевать, — сказал Смоуки. — Ты спросил, есть ли для тебя работа. Я сказал, что есть. Ни слова не было сказано о том, чем ты будешь питаться. Если бы ты поднял вопрос, может быть, что-нибудь изменилось. А может, и нет. Но как бы то ни было, мы этот вопрос не оговаривали. Какие могут быть ко мне претензии?

Джека колотила дрожь, слезы ненависти застыли на глазах. Он пытался что-то сказать, но из горла вылетало нечто нечленораздельное. Он был слишком взбешен, чтобы разговаривать.

— Конечно, если ты хочешь теперь обсудить эту проблему...

— Пошел ты к *черту!* — вырывая свои четыре бака и мелочь, прокричал Джек. — Учи следующего дурака, который придет сюда, о чем ему нужно спрашивать сначала! *Я ухожу!*

Он демонстративно направился к двери... Несмотря на свою злость, он знал — не думал, а именно *знал*, — что ему не удастся уйти далеко.

— Джек!

Он уже повернул ручку, но голос прозвучал неоспоримо, как приказ. Он был полон угрозы. Джек отпустил ручку и обернулся, чувствуя, как ярость покидает его. Он внезапно показался себе старым и бессильным. Лори вернулась за стойку бара и принялась наводить там порядок. Раз Смоуки не собирался давать волю кулакам, значит, все нормально и дальнейшее не заслуживает внимание.

— Неужели ты хочешь поставить меня в затруднительное положение, Джеки? Скоро выходные — здесь будет тьма народу...

— Нет, я хочу уйти отсюда. Вы меня обманули.

— Нет, сэр, — сказал Смоуки. — Я же тебе все объяснил. Если кто тебя и обманул, так это ты сам. А теперь давай обсудим вопрос твоего питания. Я предлагаю — пятьдесят процентов стоимости за еду, а напитки даже бесплатно. Я раньше никогда не заходил так далеко, когда время от времени прибежал к детскому труду. Но грядущие выходные обещают быть особенно сложными для нас. Сейчас пора сбора яблок. Все рабочие Оутли и окрестных деревень будут здесь. К тому же ты мне *понравился*, Джек. Потому я и не побил тебя, когда ты повысил голос. Хотя, возможно, это еще случится. Пойми, ты мне нужен на эти выходные.

Джек почувствовал, как ярость на мгновение вернулась к нему, но тут же снова исчезла.

— А если я все-таки уйду? — спросил он. — Я получил свои пять долларов, а оказаться подальше от этого Богом забытого городишка будет мне лучшей премией.

Глядя на Джека и продолжая улыбаться, Смоуки сказал:

— Ты помнишь, как вчера убирал в нужнике за одним парнем, который облевал свои ботинки?

Джек кивнул.

— Запомнил, как он выглядит?

— Стрижка ежиком. В хаки. А что?

— Это Отуэлл Землекоп. На самом деле его зовут Карлтон, но он десять лет заведовал городским кладбищем, и люди прозвали его Землекопом. Это было... двадцать или тридцать лет назад. Когда Никсона избрали президентом, он записался в «фараоны». Теперь он шеф полиции.

Смоуки глубоко затянулся сигарой и снова перевел взгляд на Джека.

— Я слишком хорошо знаю Отуэлла, — продолжал Смоуки, — и если ты все же уйдешь, я не могу гарантировать, что ты не будешь иметь неприятностей и с Землекопом. Для тебя это может закончиться по-разному. Может, ты отправишься домой. Может, тебя пошлют собирать яблоки в городском саду в Оутли... о, я думаю, около сорока акров превосходных деревьев. Может, тебя побьют. Или... я слышал, что старина Землекоп равнодушен к маленьким детям. Особенно к мальчикам.

Джек вспомнил огромный член. Его едва не стошнило. По коже пробежали мурашки.

— А здесь, если можно так выразиться, ты под моим кровом. Откуда ты знаешь, с кем можно столкнуться на улице? Может случиться, что ты покинешь Оутли безо всяких проблем. А может, ты успеешь выйти за дверь, а он тут как тут на своем «плимуте». Землекоп не слишком умен, но иногда ему помогает чутье. Или... или кто-нибудь может ему позвонить.

Лори потянулась за баром. Она вытерла руки, включила радио и принялась подпевать старой песенке про степного волка.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал Смоуки. — Оставайся здесь, Джек. Поработай до конца выходных. Затем я посажу тебя в свой грузовик и сам выведу за черту города. Подумай — ты уйдешь отсюда в воскресенье в полдень, имея в кармане тридцать баков, которых не было, когда ты пришел сюда. Ты уже не будешь считать Оутли мерзким и Богом забытым местом. Что ты на это скажешь?

Джек заглянул в эти карие глаза, полуприкрытые желтыми сетью кровеносных сосудов веками, посмотрел на эту широкую искреннюю улыбку, на два ряда вставных зубов. Он даже заметил с неприятным пугающим чувством *дежавю*, что муха снова сидит на верхушке его бумажной шляпы и намывает свои мохнатые лапки.

Он предположил, что Смоуки *знал*, что *он* знал, что все сказанное Апдайком — чистейшая ложь. К тому же хорошо продуманная. После работы в ранние часы утра субботы, а затем утра воскресенья Джек проспит по крайней мере часов до двух. Смоуки скажет, что не может сейчас никуда его отвезти, потому что Джек встал слишком поздно, а теперь он, Смоуки, очень занят. У него дела. У него посетители. И Джек не сможет уйти — не столько из-за того, что очень устанет после работы, сколько из-за того, что будет бояться, как бы Смоуки вдруг не потерял интереса к своим делам и посетителям и не позвонил своему другу Отуэллу Землекопу, чтобы сказать: «Он идет по Милл-роуд. Землекоп, старина, почему бы тебе не поймать его? Поймай и приезжай ко мне. Я угощу тебя пивом. Бесплатно. Только не блюй в моем туалете, пока не привезешь мальчишку».

Это один сценарий. Были и другие — каждый в деталях отличался от остальных, но суть оставалась одна.

Смоуки Апдайк улыбнулся еще шире.

Глава 10 ЭЛРОЙ

1

Когда мне было шесть...

Дискотека, которая две прошлых ночи затихала к этому часу, сегодня ревела сотнями голосов, как будто все посетители решили хором встретить рассвет. Джек заметил, что два стола исчезли. Драчуны, послужившие причиной этому, были выставлены за дверь еще до начала его последней экспедиции в сортир. Теперь на вновь появившемся пустом пространстве танцевали люди.

— Гляди-ка, быстро, — сказал Смоуки Апдайк, когда Джек, шатаясь, вошел в бар и поставил ящик с пивом в холодильную камеру. — Оставь это здесь и иди за этим чертовым «Будвейзером». Тебе следовало принести сначала его.

— Но Лори не говорила...

Резкая горячая боль пронизала ногу — Смоуки наступил своим тяжелым сапогом на его кроссовку. Джек пронзительно вскрикнул. Слезы заструились по щекам.

— Заткнись, — тихо сказал Смоуки, — Лори не знает этих говнюков из «Шинголы». Их лучше не нервировать. Дуй за «Будвейзером»!

Джек вернулся в кладовую, прихрамывая на отдаленную Смоуки ногу. Как бы не перелом. А что? Бар гудел от сигаретного дыма, шума и неровного пьяного ритма «Дженни Велли Бойз» (двое из них уже заметно пошатывались и спотыкались о ровную сцену). Нет, он не выдержит до закрытия. Он просто не в состоянии больше тут оставаться. Если Оутли был тюрьмой, а «Дискотека Апдайк» — тюремной камерой, то сам Смоуки Апдайк — самый жестокий на свете тюремщик. Эта мысль доводила его до изнеможения.

Несмотря на то, что Джек не знал, как могут выглядеть Долины в этом месте — и боялся этого, он все более и более склонялся к мысли, что «магическая жидкость» — единственный возможный выход из создавшегося положения. Он сделает глоток, перенесется туда, пройдет там мило — от силы две — на запад, сделает еще один глоток и снова очутился в Соединенных Штатах, достаточно далеко от этого ужасного места. Возможно, в Бушвилле или даже в Пембруке.

Когда мне было шесть, когда Джеку было шесть. Когда...

Джек поднял ящик с «Будвейзером», подошел к двери и пнул ее ногой... высокий мускулистый ковбой с длинными руками, похожий на Рэндалфа Скотта, стоял в проеме и смотрел прямо на него.

— Привет, Джек, — сказал он, и Джек с неопределимым ужасом заметил, что его глазные яблоки желтые, как цыплячий пух. — Разве тебе никто не говорил, что ты должен вернуться? Или у тебя проблемы со слухом?

Джек стоял с ящиком «Будвейзера» в дрожащих руках и, не отрываясь, смотрел на ковбоя. Внезапно страшная мысль ударилась о стенки его сознания — именно он, этот человек, это существо с мертвыми желтыми глазами повстречался ему в тоннеле на Милл-руд.

— Оставь меня в покое, — сказал он.

Человек подошел поближе.

— Тебе ведь сказали, что ты должен вернуться.

Джек отодвинулся назад. Но теперь за его спиной была холодная стена. Ковбой, похожий на Рэндольфа Скотта, склонился над ним, и Джек почувствовал мертвенный запах могилы.

Во вторник между полуднем, когда Джек приступил к работе, и четырьмя часами, когда «Дискотека Апдайка» наполнялась пьяной толпой, телефон с надписью «продолжительность разговора не более 3 минут» звонил дважды. Когда он звонил в первый раз, Джек не испугался — звонил всего-навсего агент по распространению заказов Объединенного Фонда. Два часа спустя, когда Джек выносил пустые бутылки, телефон начал трезвонить снова. На этот раз Джек вскинулся, как зверь, почувствовавший в сухом лесу запах гари. Только почуял Джек не огонь, а лед. Он повернулся к телефону, который был в четырех шагах от него, и услышал, как хрустнули шейные позвонки. Ему показалось, что сейчас он увидит телефон, покрытый корочкой льда. Лед, искрящийся на черном пластике корпуса, лед, голубой и тонкий, острый, как нож, сосульками свисающий с диска и монетоприемника... Но телефон выглядел, как все нормальные телефоны. Холод и Смерть таились внутри него.

Джек стоял и смотрел на телефон, как загипнотизированный.

— Джек! — крикнул Смоуки. — Да подойди же к этому долбаному телефону! За что я тебе деньги плачу?

Джек обернулся на голос Смоуки, дрожа, словно загнанный конь. Но Смоуки смотрел в сторону с таким же безразличным выражением лица, какое было у него, когда он ударил Лори. Джек подошел к телефону, не чувствуя под собой ног, все глубже и глубже погружаясь в море ледяного мрака, чувствуя, как руки покрываются гусиной кожей, как замирает и останавливается сердце.

Он снял трубку — рука онемела.

Он приложил ее к уху. Ухо онемело.

— «Дискотека Апдайка», — сказал он в мертвую пустоту, и губы онемели тоже. Голос на том конце провода был хриплым и скрипучим, будто принадлежал кому-то, кто давно умер, кого никто никогда не видел живым. Его вид мог свести любого с ума, его холодное дыхание и взгляд слепых ледяных глаз.

— Джек, — прошептал из трубки этот голос, и лицо Джека онемело, как будто он провел день в зубоврачебной клинике и врач ввел ему огромную дозу новокаина.

— *Отправляйся домой, Джек. Уноси ноги.*

Откуда-то издалека, с расстояния в несколько световых лет, как ему показалось, Джек слышал свой собственный голос, повторявший:

— Алло! Алло! «Дискотека Апдайка», говорите! Вам кого?

Холодно. Очень холодно. Онемела шея. Джек вдохнул воздух, и легкие его покрылись корочкой льда. Скоро замерзнет сердце, и

он упадет мертвый, оледеневший. Холодный голос продолжал шептать:

— *Очень неприятные вещи случаются с маленькими мальчиками на дороге, Джек. Спроси, кого хочешь...*

Джек встрепенулся, повесил трубку, отпустил руку и стоял, не сводя глаз с телефона.

— Что за кретин звонил? — спросила Лори.

Голос ее был таким далеким... Но все же ближе, чем его собственный голос был несколько секунд назад. Мир постепенно возвращался к привычным очертаниям. На трубке телефона Джек увидел отпечаток своей руки, очерченный тонкой полоской инея. Иней таял и стекал маленькими капельками по черной пластмассе.

3

Была ночь — ночь четверга. Толпа была не намного меньше, чем накануне. Обычная толпа тех, что бывают в баре за день до получки, — но людей было достаточно для того, чтобы заполнить зал, переворачивая столы и стулья. Все они приехали в город из деревни, где забытые плуги ржавели в тени деревьев. Люди, которые хотели бы работать на земле, но забыли как. В зале мелькало много кепок с надписью «Джон Дир», но немногие из владельцев были похожи по виду на трактористов. Это были люди в серых, коричневых и зеленых штанах, люди с именами, вышитыми золотыми нитками на воротниках голубых рубашек, люди в ботинках «динго» с квадратными носами и в тяжелых сапогах. Люди с ключами на брелках, люди с лицами, изрезанными морщинами, никогда не улыбающиеся, суровые люди. Многие из них носили ковбойские шляпы, и в густом табачном дыму Джек, заглянув в бар, увидел не менее восьми Чарльзов Дэнизлсов. Только они не жевали табак, они курили сигареты в огромном количестве.

Джек протирал блестящую панель музыкального автомата, когда в дверь вошел Отуэлл Землекоп.

Автомат орал во всю мощь, изрыгая кантри, но люди возле стойки замерли в молчаливом ожидании. Прошлой ночью Отуэлл был одет в модное в Оутли подобие спортивного костюма — трико, рубашка цвета хаки со множеством ручек в одном из больших нагрудных карманов, рабочие ботинки со стальными подковами. Сегодня же на нем была синяя полицейская форма. На кожаном ремне болталась кобура с пистолетом.

Он взглянул на Джека, который вспомнил вдруг слова Смоуки: *«Я слышал, что старина Землекоп равнодушен к маленьким*

детям. К мальчикам особенно». Джек отпрянул назад, как будто от внезапного толчка. Отуэлл Землекоп расплылся в широкой улыбке:

— Решил немного подработать, парень?

— Да, сэр, — пролепетал Джек и брызнул «Уиндекс» на полированную панель автомата, хотя она и без того уже давно была чиста. Джек просто тянул время, надеясь, что Землекоп уйдет. И верно, через некоторое время тот повернулся и двинулся дальше. Джек смотрел вслед толстому полицейскому, подходящему к стойке. И тот же маленький человек в дальнем углу зала обернулся и посмотрел на него. «Рэндольф Скотт, — подумал Джек, — вот на кого он похож».

Но несмотря на свою мускулистую фигуру и непроницаемые черты лица, у настоящего Рэндольфа Скотта был взгляд героя и губы умели улыбаться. Взгляд же этого человека был скучающим, тоскливым и слегка сумасшедшим.

И со страхом Джек понял, что этот человек смотрит прямо на него. Он обернулся не просто так — он обернулся, чтобы посмотреть на Джека. Джек был уверен в этом.

Телефон. Зазвонил телефон.

Борясь со страшным внутренним напряжением, Джек выпустил газы. Он снова повернулся к музыкальному автомату и увидел между пластинок свое дрожащее, испуганное лицо. Телефон на стене просто разрывался. Человек в левом углу перевел взгляд на Джека, который примерз к автомату с бутылкой «Уиндекса» в одной руке и тряпкой в другой. Волосы Джека встали дыбом, по телу пробежали мурашки.

— Если это опять какой-то идиот, я пошлю его прямо в задницу, Смоки! — сказала Лори, подходя к телефону. — Ей-богу!

Она казалась актрисой, играющей свою роль, а все остальные — статистами. В баре было только два человека — Джек и этот страшный ковбой с длинными руками и глазами, в которые Джек никак ... не мог... взглянуть...

Внезапно ковбой открыл рот и губами произнес: «Отправляйся домой, Джек! Уноси ноги, пока цел».

Телефон смолк, как только Лори протянула к нему руку.

Рэндольф Скотт отвернулся, допил свой стакан и крикнул:

— Принеси-ка мне еще болтушки!

— Будь я проклята, — сказала Лори. — По этому телефону звонят привидения.

Позже в кладовой Джек спросил Лори, кто такой этот парень, похожий на Рэндольфа Скотта.

— *На кого?* — переспросила она.

— На старого актера. Он играл ковбоев. Этот парень сидел слева в углу.

Лори пожала плечами.

— Для меня они все на одно лицо. Как китайцы. Ты же знаешь, сколько их тут бывает каждый вечер.

— Он еще называет пиво болтушкой.

— А, этот! — Лори улыбнулась. — На вид такое фуфло.

Последнюю фразу она произнесла так, словно оценивала его по длине носа или блеску его улыбки.

— Кто он такой?

— Я не знаю, как его зовут. Он крутится здесь уже неделю или две. Проматывает кучу денег. Он ...

— *Джек, черт возьми, ты забыл, я сказал тебе притащить еще одну бочку?*

Джек быстро принялся укладывать одну из пивных бочек на тележку. Бочка весила немногим меньше его самого, и работа эта требовала огромных усилий и сосредоточенности. Смоуки вдруг заорал прямо из-за двери. Лори взвизгнула, и невольно Джек подпрыгнул от неожиданности. Бочка выскользнула и упала на пол. Затычка вылетела как пробка из бутылки с шампанским, и золотисто-белая пена вырвалась наружу. Смоуки все еще кричал, а Джек не мог оторвать глаз от пены... Пока Смоуки не ударил его.

Когда минут двадцать спустя Джек вернулся в зал, прижимая платок к кровоточащему носу, Рэндольфа Скотта нигде не было.

5

Мне шесть лет.

Джону Бенджамину Сойеру шесть лет.

Шесть...

Джек тряхнул головой, пытаясь отогнать эту навязчивую повторяющуюся мысль, а мускулистый рабочий, который вовсе не был рабочим, склонялся над ним все ниже и ниже. Его глаза, желтые и окруженные чешуйчатыми веками... Он — *оно* — быстро моргнуло по-лягушачьи, Джек увидел, что его глазные яблоки закрываются шторками, как у птиц.

— Тебе же было сказано вернуться! — прошипел он снова и протянул к Джеку руки, которые на глазах сжимались, расплющивались и отвердевали.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кладовку ворвался хриплый рев «Оукриджских парней».

— Джек! Мне, конечно, очень жаль, но, кажется, я уволю тебя и выгоню без цента в кармане! — раздался голос Смоуки за спиной Рэндольфа Скотта.

Скотт отступил назад. Никакой шерсти, никаких когтей. Его руки были самыми обычными руками, большими и сильными, с сетью синих вен. Он снова быстро моргнул, и глаза его были уже не желтыми, а бледно-голубыми. Он еще раз бросил взгляд на Джека и отправился в мужскую уборную.

— Не заставляй меня по сто раз повторять одно и то же! — сказал Смоуки. — Это последнее предупреждение, и не думай, что я шучу.

Так же как это было тогда, перед Осмондом, ярость Джека внезапно перехлестнула через край — та ярость, которая происходит из чувства отчаянной несправедливости, та ярость, что сильнее всего в двенадцать лет. Студенты в колледжах иногда чувствуют нечто похожее, но это, как правило, не более чем отголоски детских впечатлений. Время стирает все.

— Я человек, а не животное! Не смейте обращаться со мной, как с собакой! — выпалил Джек и шагнул к Смоуки на все еще ватных от страха ногах.

Удивленный, даже пораженный неожиданной вспышкой, Смоуки отступил:

— Джек, я предупреждаю тебя...

— Нет, Смоуки, это я предупреждаю *тебя*, — услышал Джек свой собственный голос. — Я не Лори, мне не нравится, когда меня бьют. Если ты ударишь меня еще раз, я отвечу тем же.

Замешательство Смоуки Апдайка длилось всего несколько секунд. Он схватил Джека за шиворот.

— Ты на меня не кричи, парень! — сказал он, притягивая его к себе. — Пока ты в Оутли, ты мой пес. Пока ты в Оутли, я могу погладить тебя, если захочу, и побить, если захочу.

Смоуки сильно встряхнул Джека, так что тот прикусил язык и вскрикнул от боли. Красные пятна злости выступили на щеках Смоуки.

— Мне плевать, что ты там думаешь по этому поводу, Джек. Но пока ты в Оутли, ты будешь моим псом. И ты будешь в Оутли, пока я не решу тебя отпустить. Я думаю, ты достаточно хорошо соображаешь, чтобы понять, что я имею в виду. И запомни это хорошенько, а чтобы до тебя быстрее дошло...

Смоуки занес кулак. Три голые 60-ватные лампочки бешено сверкнули в алмазах браслета. Кулак впечатался в лицо Джека. Джек отлетел к шершавой бетонной стене. Правая щека сперва вспыхнула от боли, но тут же онемела. Джек почувствовал кровь во рту.

Смоуки смотрел на него спокойным оценивающим взглядом человека, размышляющего о покупке коровы или лотерейного билета. Должно быть, он не увидел в глазах Джека того, чего хотел, потому что снова подтащил ошеломленного мальчика за шиворот и приготовился нанести еще один удар.

В этот момент из танцевального зала донесся женский крик:

— *Hem! Hem! Hem!*

Затем гомон множества голосов, встревоженных и испуганных. Еще один женский визг, тонкий и пронзительный, — и выстрел.

— *Твою мать!* — выругался Смоуки с выражением актера на сцене бродвейского театра.

Он отшвырнул Джека к стене, повернулся и выбежал в открытую дверь. Раздался еще один выстрел, и крик боли после него.

Джек знал только одно — пора. Ждать конца сегодняшней ночи, а тем более завтрашней или воскресенья нет никакого смысла. Время пришло. Прямо *сейчас*.

Шум начал постепенно затихать. Сирен не было слышно, значит, никого не убили... Но рабочий, который вовсе не рабочий, похожий на Рэндольфа Скотта, все еще сидел в уборной.

Оставшись один в кладовой, заваленной пивными и винными бочками, Джек принялся разыскивать свой рюкзак. Когда его пальцы не нащупали ничего, кроме пыли, грязи и голого пола, вернулась убийственная уверенность, что кто-то из них, Смоуки или Лори, видели, как он прячет рюкзак, и перепрыгали его. Они сделали все, чтобы задержать тебя в Оутли, дружок. Затем Джек почувствовал облегчение и радость, такую же сильную, как отчаяние, когда пальцы наткнулись на нейлон.

Джек поднял рюкзак и задумчиво посмотрел на дверь в дальнем конце кладовой, через которую загружали товар. Он бы с гораздо большим удовольствием воспользовался этой дверью — ему совсем не хотелось спускаться по пожарной лестнице в углу зала, к тому же этот путь проходил близко от мужской уборной, но эта дверь была под сигнализацией. Как только он откроет ее, на панели за стойкой загорится красная лампочка. Даже если Смоуки все еще собирает осколки с пола, то уж Лори непременно заметит огонек и поднимет тревогу. Значит...

Джек подошел к двери, ведущей в коридор, приоткрыл ее и прищелкнул глазом. Коридор был пуст. Значит, все в порядке.

Скотт облегчился и вернулся в зал, пока Джек разыскивал рюкзак. Отлично.

Да, все отлично, если не считать того, что он все-таки здесь. Ты хочешь столкнуться с ним в зале, Джеки? Хочешь снова увидеть, как желтеют его глаза? Подожди, пока не будешь уверен!

Но он не мог этого сделать. Потому что Смоуки скоро заметит его отсутствие, заметит, что он не помогает Лори и Глории ставить на место перевернутые столы и не моет грязную посуду. Он придет сюда и продолжит учить Джека своему пониманию места его заведения в Системе Вещей. Поэтому...

Что «поэтому»? Нужно уходить?

А вдруг он только и ждет тебя там? Вдруг он готовится к прыжку, словно тигр в чаше?

Лев или тигр? Рабочий — не рабочий или Смоуки? Джек замер в нерешительности. Мысли в голове кружились и скакали. То, что человек с желтыми глазами все еще в уборной — возможно. Но то, что Смоуки вернется с минуты на минуту — это точно.

Джек открыл дверь и шагнул в узкий коридор. Рюкзак, казалось, прибавил в весе, напоминая Джеку о необходимости скрываться от любых глаз. Он шел на цыпочках, несмотря на оглушительный грохот музыки и рев толпы. Сердце паровым молотом бухало в груди.

Мне было шесть. Джеку было шесть.

Господи, ну что же это такое? Почему эта мысль постоянно крутится в голове?

Шесть...

Коридор казался длиннее, чем был на самом деле. Джек шел, словно по самодвижущейся дорожке. Дверь, выходящая на пожарную лестницу, приблизилась всего на несколько дюймов. Пот застилал глаза, соленый и холодный. Взгляд Джека скользнул вправо: на стене под черной полоской была нарисована собака и подпись «Пойнтеры».

В конце коридора — дверь, выкрашенная в бледно-красный цвет. Надпись на ней гласила: «Использовать только при крайней необходимости! Под сигнализацией!» На самом деле сигнализация не работала уже два года — Лори рассказала ему об этом, и он выносил мусор через эту дверь.

Ну вот. Уже почти на месте. Как раз напротив «Пойнтеров».

Он здесь, я знаю... и если он прыгнет, я закричу... я... я буду...

Джек протянул дрожащую руку, взялся за металлическую ручку пожарной двери, и в этот миг он почти поверил, что выбрался из лабиринта, и перед ним ночь и свобода...

Но вдруг дверь *за его спиной* с грохотом распахнулась, дверь с надписью «Сеттеры». Тяжелая рука схватила рюкзак. Джек испустил тонкий визг зверя, попавшего в капкан, и рванулся к двери, позабыв и про рюкзак, и про бутылку магической жидкости в нем: если бы лямки порвались, он бы просто убежал по грязной лестнице и оказался бы на большой пустой автостоянке сбоку от здания, и не думал бы ни о чем больше.

Но лямки рюкзака оказались прочными и не порвались. Дверь слегка приоткрылась, впустила внутрь непроглядную тьму и тут же с треском захлопнулась. Джек очутился в женском туалете — его втащили внутрь, развернули и бросили в сторону. Если бы он ударился о стену, бутылка магической жидкости непременно бы разбилась, оросив одежду и старого доброго Неда Макнелли виноградной вонью. Но Джек врезался в один из умывальников, сильно ушибив при этом бок. Боль была мучительная.

Длиннорукий медленно надвигался на Джека, поглаживая себя по джинсам руками, которые на глазах искривлялись и утолщались.

— Я думал, тебя уже здесь нет, — произнес он голосом, с каждой секундой все более грубым, похожим на рычание зверя.

Джек начал отползать влево, не сводя глаз с лица человека. Глаза того казались уже совсем прозрачными — не желтыми, а светящимися изнутри, как у черепа на Хэллуин.

— Но старому Элрою ты можешь верить, — проговорил ковбой, и, улыбнувшись, показал полный рот мелких зубов, выщербленных и гнилых. Джек вскрикнул. — Да, старому Элрою ты можешь верить. — Слова его было уже трудно отличать от собачьего лая. — Я не сделаю тебе *слишком* больно. Все будет нормально, — говорило оно, но Джек уже почти не разбирал слов в его рычании.

Нога Джека уперлась в высокий мусорный бачок у двери, как только ковбой протянул к нему руки, Джек, недолго думая, схватил бачок и швырнул его. Бачок попал в подбородок Элроя. Джек распахнул дверь туалета и бросился влево, к пожарному выходу. Он дернул ручку, слыша, как Элрой гонится за ним, и нырнул в темноту. Несколько секунд спустя Джек выскочил из «Дискотеки Апдайк».

Перед дверью рядами стояли перевернутые мусорные баки. Джек сослепу снес три из них, они прогремели за его спиной, и яростно взревел споткнувшийся о них Элрой.

Джек обернулся как раз вовремя, чтоб увидеть, как оно падает. Хватило одной секунды, чтобы разглядеть (*О, Боже, у него хвост, это же хвост!*), что оно окончательно превратилось в зверя. Два тонких лучика золотистого цвета пробивались из зрачков его глаз, как сквозь замочные скважины.

Джек бросился прочь от него, на бегу снимая рюкзак со спины, пытаясь одеревеневшими пальцами скинуть с плеч лямку. В голове стучало

(Джеку было шесть Господи спаси Спиди Джеки было ШЕСТЬ Господи...)

бессвязно и бессмысленно. Чудовище рычало и лаяло, поднимаясь, спотыкаясь и падая снова, догоняя Джека. Его лицо, нет, его морда уже почти полностью покрылась шерстью. Временами сквозь рев и лай Джек разбирал слова:

— Теперь разговором ты от меня не отделаешься, цыпленок. Теперь я тебя убью... *потом.*

Слышал ли он это *на самом деле*? Или эти слова звучали *только в его голове*?

Какая разница? Расстояние между тем миром и этим, бывшее длиной в целую вселенную, сжалось до толщины тонкой пленки.

Элрой взревел снова и ринулся за Джеком, шатаясь и неуверенно держась на задних лапах. Вся одежда на нем перекосилась, из клыкастой пасти вывалился язык. За «Дискотекой Апдайк» должна быть заброшенная автостоянка. Вот она, заваленная обрывками бумаги и мусора, вот ржавая спинка кровати, вот решетка от «Форда» 1957 года. В небе тускло светила луна, похожая на череп, следящий за землей мертвыми глазами. И не в Нью-Хемпшире все это началось, нет, и не тогда это началось, когда заболела мама, и не тогда, когда появился Спиди Лестер Паркер. Это началось тогда, когда

Джеку было шесть. Когда мы все жили в Калифорнии и никто не убегал никуда, а Джеку было...

Оно вцепилось в лямки рюкзака.

Все началось сначала, казалось, что человек и чудовище танцуют какой-то танец, на мгновение Джеку вспомнились диснеевские мультфильмы. Джек истерически рассмеялся. Монстр зарычал и потянулся к нему. Джек отпрянул назад, перепрыгнув через мусорную кучу — пять острых когтей резанули воздух в считанных дюймах от него. Элрой упал на пружинную кровать и каким-то образом запутался в ней. Завывая, разбрызгивая клочья пены, он скакал, дергался и извивался, пытаясь высвободить лапу, застрявшую между пружин.

Джек лихорадочно рылся в рюкзаке, разыскивая бутылку. Он выкинул последние носки, грязную майку, вонючие джинсы... Наконец его рука схватила узкое горлышко бутылки и вытащила ее наружу.

Освободившись от сетки, Элрой огласил воздух диким торжествующим ревом.

Джек оттолкнулся от поросшей травой кучи мусора и побежал вперед, держа в руке бутылку и свинчивая пробку большим и указательным пальцами. Наконец крышка поддалась.

«Может ли оно отправиться за мной? — размышлял Джек, поднося бутылку к губам. — Когда я переносюсь, не открываю ли я дыру между мирами и не может ли оно последовать за мной и прикончить меня на той стороне?»

Рот Джека наполнился вкусом гнилого винограда. Он икнул, некоторое время он не мог заставить себя проглотить жидкость. Теперь этот отвратительный вкус наполнил все его нутро — Джек протяжно застонал. Он все еще слышал рев Элроя, но уже откуда-то издалека, как будто оно было на одном конце оутлийского туннеля, а он стремительно падал к другому. Джек ощутил падение, и в голове мелькнула мысль: *«О, Господи, что если я перенесся на край обрыва или на вершину горы?»*

Он прижал рюкзак и бутылку к груди, закрыл глаза в отчаянии, и мысль, которая терзала его весь день и весь вечер, помчалась вокруг него, словно карусель, словно Серебряная Леди или Элла Спид... Он поймал ее и помчался на ней, в облаке отвратительного запаха магической жидкости, ожидая всего, что угодно, и чувствуя, как на нем меняется одежда.

Шесть да шесть когда нас было шесть и больше никого не было и мы были в Калифорнии кто это играет на саксофоне папа это Декстер Гордон или это почему мама говорит что мы живем на краю пропасти и куда ой куда ты уходишь с дядей Морганом о папа он так иногда на тебя смотрит как будто у него в голове край пропасти и в его глазах землетрясение и ты умираешь в нем Папа!

Падающему, кружащемуся, вращающемуся в центре пурпурного облака запаха Джеку Сойеру, Джону Бенджамину Сойеру, Джеку, Джекки

...было шесть, когда все это началось, и кто же играл на том саксофоне, папа. Кто же играл на нем, когда Джекки было шесть, когда Джекки...

Глава 11 СМЕРТЬ ДЖЕРРИ БЛЕДСО

1

Было шесть, когда все это на самом деле началось, когда завертели колеса той машины, которая сейчас притащила его в Оутли, а потом вынесла оттуда. Громко пел саксофон. *Шесть. Джеку было шесть.* Сперва его внимание было приковано к игрушке, которую подарил ему отец — маленькой модельке лондонского такси. Машинка была тяжелой, как кирпич, и на гладком деревянном полу нового офиса хороший толчок мог заставить ее катиться через всю комнату. Середина августа, дело к вечеру, машинка катается по гладкому полу, хорошо дышать в кондиционированном воздухе офиса. Кончилась работа, кончились люди на том конце телефонных проводов, дела которых не могут подождать до завтра. Джек толкнул тяжелое игрушечное такси вдоль лакированной деревянной плашки паркета, слушая шуршание твердых резиновых шин в саксофонном соло. Черная машина ударилась о ножку кресла, крутанулась и остановилась. Папа сидел, положив ноги на стол, а дядя Морган пристроился в кресле в углу. Оба они потягивали что-то из бокалов. Скоро они опустят их, выключат проигрыватель и усилитель, спустятся по лестнице и разъедутся на своих машинах.

Когда нас было шестеро и все были такими, как были, и это было в Калифорнии.

— Кто это играет на саксофоне? — услышал Джек голос дяди Моргана. Где-то в глубине сознания этот знакомый голос звучал как-то по-новому, что-то тихое и скрытое послышалось Джеку. Он взял игрушечное такси за крышу, и пальцы его почувствовали такой холод, словно это был лед, а не сталь.

— Декстер Гордон, — ответил отец. Но голос был дружеским и чуть ленивым, как всегда. Джек зажал игрушку в руке.

— Хорошая пластинка.

— «Папа играет на трубе». Старая прекрасная вещица, не правда ли?

— Я постараюсь ее достать.

И Джеку показалось, что он понял, что странного в голосе дяди Моргана, — ведь он никогда не любил джаз, он только притворяется для отца. Джек заметил это давно, в раннем детстве, и ему казалось странным, что отец этого не замечает. Дядя Морган вовсе не собирался искать пластинку «Папа играет на трубе», он просто льстил Филу Сойеру, и, возможно, причиной тому, что Сойер не

замечал этого, было то, что он, как и все остальные, мало внимания уделял Моргану Слоуту. Дядя Морган, сильный и честолюбивый («отважный, как росомаха, и трусливый, как присяжный заседатель», — говорила Лили), старый добрый дядя Морган не притягивал к себе взоров. Взгляды не останавливались на нем. Джек был готов спорить, что в детстве учителя вечно не помнили его имени.

— Представь себе, каким станет там этот парень! — сказал дядя Морган, впервые за весь день обратив на себя внимание Джека. Фальшивые нотки не исчезли из его голоса, но не лицемерие и притворство Слоута заставило Джека поднять голову и крепко сжать в руках тяжелую игрушку. Слово «там» влетело в его голову и теперь звенело в ней как колокол. Потому что «там» означает страну Грез Джека. Он наверняка прекрасно это знал. Отец и дядя Морган забыли о том, что он здесь, под диваном, и теперь они будут говорить о Стране Мечты.

Отец знает о Стране Мечты. Джек никогда ничего не говорил о ней ни отцу, ни матери, но отец знал о ней. Потому что должен был знать, вот и все. И еще: не ум, а сердце подсказало Джеку, что его отец хранит Мечту, охраняет ее.

Но язык сердца почему-то трудно переводить на другие языки.

По какой-то причине, такой же сложнообъяснимой, как перевод с языка сердца на язык ума, сочетание Слоута и Мечты обеспокоило мальчика.

— Да, — добавил Морган Слоут. — Этот парень просто там все перевернет, правда? Они даже, наверно, сделают его Герцогом Сожженных Земель. Или еще кем-нибудь.

— Ну, думаю, все-таки нет, — возразил Фил Сойер. — Только если они будут любить его так же, как мы.

«Но дядя Морган не любит его, папа, — подумал Джеки, вдруг поняв, что это очень важно. — Он совсем его не любит, нисколько, он считает, что эта музыка слишком громкая, ему кажется, что она что-то у него отбирает».

— О, ты знаешь об этом гораздо больше, чем я, — дядя Морган сказал голосом легким и спокойным.

— Да, я чаще там бывал. Но и ты не стоишь на месте, — отец улыбнулся.

— Да, я узнал несколько вещей, Фил. Но на самом деле, ты же знаешь, я никогда не перестану благодарить тебя за то, что ты мне все показал.

На первый слог слова «благодарить» пришлась глубокая затяжка, ставшая облаком дыма, а на последний — звон разбитого бокала. Все эти знаки ничего не значили по сравнению с радостным,

блаженным удовольствием Джека. Они говорили о Мечте. Это просто волшебство, что она существует. Что они говорили, Джек не понимал, их разговор был слишком взрослым, но шестилетний Джек ощущал и познавал чудо и радость Страны Мечты и был уже достаточно взрослым сам, чтобы вникать в направление их разговора. Волшебная страна существовала, и Джеки разделял ее со своим отцом. Одно это было уже половиной всей его радости.

2

— Итак, я попытаюсь четко оговорить то, что мы знаем, — сказал дядя Морган, и Джеки представил себе слово «четко» в виде двух змеящихся линий. — Они пользуются волшебством, как мы пользуемся физикой. Мы говорим об аграрной монархии, пользующейся колдовством и магией вместо науки.

— В точности так, — сказал Фил Сойер.

— Предположительно, они живут так на протяжении многих веков. Их жизнь никогда не менялась значительно.

— Если не считать некоторых политических перемен, да?

Тут голос дяди Моргана напрягся, и волнение, которое он пытался скрыть, начало прорываться петушиними нотками.

— Ладно, оставим политику. Поговорим о тех изменениях, которые можем внести мы. Ты сказал, Фил, и я с тобой совершенно согласен, что мы немало уже сделали для Долин, и что все перемены нам приходилось вводить очень осторожно. Я полностью согласен с этой позицией. Моя точка зрения не расходится с этим.

Отец промолчал. Джек чувствовал его напряжение.

— Хорошо, — продолжал Слоут. — Давай исходить из той концепции, что в ситуации, в основном для нас благоприятной, мы можем принести выгоду всем, кто встанет на нашу сторону. Мы не можем пожертвовать своим капиталом, но и жадничать не следует, принимая во внимание немалые выгоды, которые это нам сулит. Мы в долгу перед этими людьми, Фил. Вспомни, сколько они для нас делали. И мне кажется, мы можем очень многого добиться. Наша энергия подпитает их энергию и вернется к нам с такой отдачей, что мы и представить себе не можем, Фил. И мы будем выглядеть благодетелями, а нам это практически ничего не будет стоить. — Он наклоняется вперед, сцепив руки в замок, и продолжает: — Конечно, я не имею полного представления о ситуации, но мне кажется, что само объединение наше уже стоит того, чтобы взяться за это. Но Фил, можешь ли ты себе представить, какую грандиозную

оплеуху мы можем получить, если дадим им электричество? Если мы дадим этим дикарям современное оружие? Представь себе, что может случиться? Я думаю, это будет ужасно. *Ужасно!* — он всплеснул руками. — Я не хочу застать тебя врасплох, но я думаю, что, может быть, настало время нам хорошенько обдумать эти моменты — обдумать с точки зрения Долин расширение нашей деятельности.

Фил Соьер до сих пор не произнес ни слова. Дядя Морган еще раз громко хлопнул в ладоши, и тут Фил невинно спросил:

— Ты хочешь поговорить о расширении нашей деятельности?

— Я думаю, что это наш путь. Я могу разложить все по пунктам и параграфам, но, Фил, не стоит этого делать. Просто вспомни, как это все было, пока мы не начали отправляться туда вместе. Мы, конечно, можем сделать все сами, и так оно, наверно, и будет, но что касается меня, то мне не хотелось бы снова походить на разжалованного офицера.

— Продолжай. — сказал отец Джека.

— Самолеты, — сказал дядя Морган. — Подумай о самолетах.

— Продолжай, продолжай, Морган. У меня есть масса идей, которые, вероятно, еще не приходили тебе в голову.

— Я всегда рад новым идеям. — сказал Морган, и снова голос его стал тусклым.

— Хорошо. Мне кажется, надо быть предельно осторожным со всем, что мы там делаем, дорогой партнер. Мне кажется, что все большое — все те перемены, что мы несем с собой, могут извернуться и укусят нас самих за задницу. Ничто не проходит без последствий, и некоторые из этих последствий могут оказаться не из приятных.

— Как например? — спросил Морган.

— Например, война.

— Это чепуха, Фил. Мы не видели ничего... Если не считать Бледсо...

— Я именно его и имею в виду. Что это — простое совпадение?

Бледсо. Джек задумался. Он слышал и раньше это имя, но не помнил его смысл.

— Но до войны это все-таки далеко, и я не вижу никакой связи.

— Ладно же. Ты не помнишь, как Иноземец совершил покушение на старого Короля давным-давно? Ты не слышал об этом?

— Да, припоминаю, — сказал дядя Морган, и Джек опять услышал фальшь в его голосе.

Стул, на котором сидел отец, угрожающе скрипнул: тот снял ноги со стола и наклонился вперед.

— Покушение спровоцировало небольшую войну. Сторонники старого Короля подняли мятеж, возглавленный двумя нетерпеливыми дворянами. Эти ребята увидели шанс захватить власть и все, что с этим связано: землю, собственность, богатство, возможность бросить своих недругов в тюрьму...

— Ну давай по-честному! — вмешался Морган. — Я тоже слышал об этом деле. Они тоже хотели внести подобие политического порядка в свою маразматическую систему. Иногда поначалу приходится быть грубым. По себе это знаю.

— Не наше дело судить их политику, я согласен. Но вот моя точка зрения. Та небольшая война длилась три недели. Погибло около сотни человек. Может быть, меньше. Кто-нибудь говорил тебе, когда началась эта война? В каком году? Какого числа?

— Нет, — растерянно промолвил дядя Морган.

— Это было первого сентября 1939 года. В этот день здесь Германия напала на Польшу, — отец умолк, и Джек, сжимая свой черный игрушечный автомобильчик в руке, зевнул беззвучно, но широко.

— Чушь какая-то, — сказал наконец дядя Морган. — Их войны начинают *наши*? Ты сам в это веришь?

— Я в это верю. Я верю, что трехнедельная потасовка там как-то отразилась на шестилетней войне с миллионами жертв здесь. Да.

— Ну... — произнес дядя Морган, и Джек увидел, что он начинает выходить из себя.

— Это еще не все. Я говорил со многими людьми там об этом, и у меня сложилось впечатление, что тот чужестранец, что покушался на Короля, был настоящим Иноземцем. Ты понимаешь, что я имею в виду? Тем, кто видел его, казалось, что одежда Долин ему непривычна. Он вел себя как несведущий в местных обычаях. Он толком не знал, что такое деньги.

— Так...

— Вот так. Если бы его разорвало на куски после того, как он вонзил кинжал в Короля, мы могли бы проверить все это, но я уверен, что он был...

— Таким же, как мы.

— Таким же, как мы. Гостем. Морган, я не думаю, что нам стоит постоянно ошиваться там. Мы просто не знаем, каковы будут последствия. По правде говоря, я думаю, что вся наша жизнь связана с тем, что происходит в Долинах. А сказать тебе еще одну мою сумасшедшую идею?

— Скажи, — ответил Слоут.

— Долины — не единственный параллельный мир.

— Чушь собачья! — сказал Слоут.

— Я уверен в этом. Когда я был там, у меня раза два или три было такое чувство, что я нахожусь на пороге чего-то *еще* — Долин Долин.

«Да, — думал Джек, — *все верно. Так и должно быть. Мечта Мечты, место еще красивее и волшебнее. А еще дальше есть Мечта Мечты Мечты, и дальше, и дальше, все прекраснее и прекраснее...*» — Джек почувствовал, что хочет спать. Он так и заснул с этой мыслью и с маленьким черным автомобильчиком в руке на светлом теплом паркете.

Разговор, должно быть, продолжался. Джек, наверно, многое пропустил. Разговор накалялся и остывал, стихал и ожесточался всю вторую сторону пластинки. Морган Слоут сначала отстаивал — аккуратно, но как он сжимал кулаки, как хмурил брови! — свой план, затем, видимо, притворился, что Фил уговорил его. Под конец разговора, который припомнился двенадцатилетнему Джеку Сойеру на полпути между Оутли, штат Нью-Йорк, и безымянной деревушкой в Долинах, Морган казался не только *убежденным* доводами Фила, но и благодарным ему за те уроки, которые тот ему преподнес. Первым, что услышал Джек, когда проснулся, был голос отца:

— Куда пропал Джек?

А потом донесся голос Моргана:

— Черт побери, я думаю, ты прав, Фил. Ты умеешь смотреть прямо в корень. У тебя талант в этом.

— Да куда же Джек запропастился? — повторил отец, и Джек зашевелился под диваном, окончательно проснувшись. Черная машинка стукнулась об пол.

— Ага! — протянул дядя Морган. — Маленькие ножки, да длинные ушки! *Попался!*

— Что ты там делал, сынок? — спросил отец. Раздался шум отодвигаемых стульев. Собеседники встали.

— У-у-у! — протянул Джек и поднялся на ноги. Ноги его затекли и не слушались его — он с трудом держался на них.

Отец рассмеялся. Красное одутловатое лицо Моргана появилось в просвете между диваном и полом. Джек зевнул и уперся ногами в стену. Вслед за Морганом появилось лицо отца. Отец улыбался.

— Пойдем домой, соня. — сказал отец.

Взглянув в лицо Моргана Слоута, Джек заметил на нем раздумье. Оно тут же покинуло его, будто змея соскользнула со скалы. Теперь он снова был похож на папу Ричарда Слоута, старого

доброе дядю Моргана, который всегда дарит подарки на Рождество и на день рождения, на старого ласкового дядю Моргана, которого так легко было не заметить. Но на кого, на что он был похож до того? *На человека-землетрясение, на человека, переступающего край пропасти, на что-то, сплетенное в клубок и готовое взорваться...*

— Как насчет мороженого по пути домой, Джек? — спросил дядя Морган. — Одобряешь такую мысль?

— Ага, — согласился Джек.

— Мы можем заглянуть в одно местечко тут поблизости, — сказал отец.

— Вот теперь мы действительно говорим о совместных действиях.

Это случилось, когда ему было шесть лет. И посреди невесомого полета между мирами все повторилось — отвратительный пурпурный вкус жидкости Спиди снова оказался во рту, забрался в пазухи носа, и все, что произошло в этот знойный день шесть лет назад, память прокрутила как кинофильм. Он увидел его, как только магическая жидкость проникла в его тело, и произошло это с такой бешеной скоростью, что за несколько долей секунд он прожил заново этот августовский вечер. Джека снова начало подташнивать.

Затуманенные глаза дяди Моргана и в глубине существа Джека — тоже туманный вопрос, снова и снова требовавший ответа.

Кто это сыграл?

Кто меняет, что меняет?

Кто сыграл на этих переменах, папа?

Кто?

...убил Джерри Бледсо? Магическая жидкость вернулась в рот мальчика, покалывая тошнотой в пазухах носа, и как только Джек почувствовал под ногами твердую землю, он не выдержал и выблевал больше, чем проглотил.

Что убило Джерри Бледсо? Мерзкая багровая жижа хлынула изо рта Джека, он закашлялся, невольно отодвинулся назад — руки и ноги его запутались в высоких сухих травах. Джек приподнялся на руках и терпеливо, как мул, с открытым ртом, стал ждать следующего приступа. Желудок его судорожно сжимался, и в промежутках между волнами вонючей жижи, горевшей в груди и в горле и выплескивающейся изо рта, он не успевал даже стонать. Розовые слюни повисли на его губах, и он вытирал их рукавом. Джерри Бледсо... *Джерри*, который умер, когда... Мальчик снова помотал головой и вытер губы рукавом. Джерри, который всегда писал свое имя на своей одежде — как служащий бензозаправки.

Наконец Джек без сил опустился на ковер дикой травы. Какой-то смутный звериный инстинкт заставил его забросать травой и землей грязно-розовую лужу блевотины. Другой рефлекс заставил его вытереть ладони о штаны. Наконец он огляделся.

Он стоял на коленях у края грязной растоптанной тропинки в последних лучах вечернего солнца. Никаких Элроев поблизости не было. Собаки, сидящие в огромной многоместной конуре, лаяли на него, высовывая сквозь решетку кончики носов. Неподалеку от конуры стояла другая деревянная постройка, и оттуда в сереющее небо неся шум, тоже немного похожий на собачий лай и вой. В этом шуме Джек безошибочно угадал шум пьяных мужчин — то же самое он несколько дней подряд слышал в заведении Апдайка. Бар — то есть пивная или постоялый двор, трактир, понял Джек, сейчас, когда его уже не мучило от магической жидкости, он мог разобрать вездесущие одуряющие запахи пива и солода. Нет, этим людям в трактире не стоило показываться на глаза.

На мгновение Джек представил, как бежит от всех этих собак, сорвавшихся со своих железных цепей, и поднялся на ноги.

А что сейчас творится в его мире? В центре Оутли? Небо нависло над головой, темнея. Джек тихо, на цыпочках отошел от трактира и побрел напрямик по густой высокой траве. Пройдя ярдов шестьдесят, он увидел свет множества свечей в окнах другого дома — второго из двух, стоявших здесь. Откуда-то справа пахло свинарником.

Джек прошел половину пути между трактиром и домом. Собак уже не было, и он медленно пошел по направлению к Западной Дороге. Ночь была темна и безлунна

Джерри Бледсо

4

Вокруг были еще дома, но Джек не видел их, пока не подходил вплотную. Здесь, в Долинах, если не считать шумных пьяниц, оставленных далеко позади, люди ложились спать вместе с солнцем. Ни одна свеча не светила в маленьких квадратных окошках. Дома, тоже темные и квадратные, по обеим сторонам Западной Дороги стояли в странном отдалении — что-то было не так, как на неправильной картинке в детском журнале, но Джек никак не мог понять, что именно. Ничего не разваливалось, ничто не горело, все вроде бы стояло на своих местах. Большинство домов венчали толстые мохнатые крыши, похожие на стога сена, подстриженные под ежик. Джек решил, что это тростник. Он слышал о нем раньше, но никогда

не видел. *Морган*, внезапно подумал он, *Морган Орриса*, и представил себе их обоих, длинноволосого человека в высоких сапогах и потного работягу, партнера отца *Моргана Слоута*, с пиратской прической, прихрамывающего на одну ногу. Но *Морган* — здешний *Морган* — не выглядел лишним на этой картинке.

Джек как раз проходил мимо маленького приземистого одноэтажного домика, похожего на увеличенную кроличью нору, со странным украшением в виде черного деревянного косого креста. Пушистая крыша покрывала и это строение. Если бы он уходил из *Оутли* — вернее, убегал бы от *Оутли*, если говорить правду, — то что он увидел бы в темноте дома? Равномерное мерцание телевизионного экрана. Но в *Долинах* не могло быть никаких телевизоров, и отсутствие этого голубого мерцания не удивило его. Было еще что-то, что-то более важное, что-то в каждом доме, приткнувшемся к дороге, отсутствие чего делало дырку в привычном пейзаже. Ведь можно заметить дырку, даже не зная, что должно быть на ее месте?

Телевидение, телевизоры... Джек миновал маленький увенчанный косым крестом домик и увидел за ним еще одно такое же жилище гнома, почти наступающее на край дороги. Крыша этого домика была выложена из самана, и Джек улыбнулся: эта карликовая деревня напомнила ему *Хоббитанию*. *Хоббит-кабельщик* приходит сюда и спрашивает хозяйку норы?.. конуры?.. ну, в общем, предлагает: «Мадам, мы подключим ваш дом к кабелю, и за небольшую ежемесячную плату вы сможете смотреть пятнадцать новых каналов, вы получите «Полуночный экран», все спортивные программы и о погоде...»

И вдруг понял, в чем дело. Перед домами не было столбов! Не было проводов! Не было телевизионных антенн, нацеленных в небо, не было столбов, марширующих вдоль Западной Дороги, ведь в *Долинах* не знали электричества. Вот почему он никак не мог понять, чего же не хватает: *Джерри Бледсо* был, по крайней мере, одно время инженером-электриком компании «*Сойер и Слоут*».

5

Когда его отец и *Морган Слоут* называли имя *Бледсо*, он решил, что никогда его не слышал, хотя, немного подумав, он понял, что слышал его раз или два. Но *Джерри Бледсо* почти всегда был просто *Джерри*, что и было написано на кармане его рабочей куртки. «Может *Джерри* посмотреть этот кондиционер?» «Пусть *Джерри* смажет петли на двери: скрип действует мне на нервы!» — и *Джерри* появлялся, в чистых и выглаженных брюках, с аккуратно зачесан-

ными назад пышными волосами, в круглых очках, и спокойно устранял любую неисправность. Была еще некая миссис Джерри, которая стирала и наглаживала его брюки и причесывала ему волосы, было еще несколько маленьких джеррият, которых боссы компании «Сойер и Слоут» никогда не забывали на Рождество. Джек тогда еще был достаточно мал, чтобы Джерри ассоциировался в его сознании только с мультфильмом про кота Тома и мышонка Джерри, и он воображал, что электрик, миссис Джерри и маленькие джерринята живут в огромной мышиной норе, прогрызенной в плинтусе.

Но кто же убил Джерри Бледсо? Его отец и Морган Слоут, которые были так ласковы к его детям на Рождество?

Джек шагал в темноте по Западной Дороге, желая забыть навсегда про электрика и монтера компании «Сойер и Слоут», жалея, что не заснул тогда под диваном. Сон — вот все, что ему сейчас необходимо, — этого он хотел намного больше, продолжал обдумывать то, что смолкшая шесть лет назад беседа подняла в нем. Джек пообещал себе, что, как только он отойдет на пару миль от последнего домика, он сразу найдет себе местечко для сна. Пусть это будет поле или даже канава. Его ноги уже никак не могли передвигаться, все мышцы — да какие там мышцы, кости одни! — удвоили свой вес.

Это случилось сразу после одного из случаев, когда Джек искал своего отца в закрытых комнатах и обнаружил, что Фил Сойер может каким-то образом исчезать. Позднее отец ухитрился улизнуть из ванной, из столовой, из своего кабинета в офисе компании. В тот раз он исполнил таинственный фокус в гараже за домом на Родео-драйв.

Джек, сидевший бесцельно на вершине холма, ближайшего к Беверли Хиллз, увидел, как отец, выходящий из дома через парадный вход, шарит в карманах в поисках ключа или денег и заходит в гараж через боковую дверь. Эта белая дверь в правой стене несколько раз упрямо хлопнула, но спустя несколько секунд закрылась. Потом Джек вдруг вспомнил, что машина отца стоит сейчас там, где он оставил ее этим субботним утром, припаркованная к тротуару перед домом. Машины Лили не было вовсе. Сунув сигарету в зубы, она объявила, что отправляется на съемки «Грязного следа», последней картины режиссера, снявшего «Любимицу смерти», и никто в этом мире не помешает ей в этом. Значит, гараж был пуст. Несколько долгих минут Джек ждал, что же будет дальше. Ни боковая дверь, ни большие ворота не открывались. Наконец Джек соскочил с поросшей травой возвышенности, подошел к гаражу и толкнул дверь. Широкое пространство, хорошо знакомое Джеку,

было совершенно пусто. С серебристых крючков, вбитых в стену, одиноко свисали инструменты. В удивлении Джек позвал: «Папа!» и снова посмотрел по сторонам. Тут что-то прыгнуло в темный угол, и на мгновение Джек почти поверил в существование волшебства и решил, что повстречал какого-то злого колдуна и... Сверчок прополз по стене и забился в невидимую щель. Нет! Его отец не мог превратиться в сверчка. Конечно же, не мог.

— Эй! — позвал мальчик. Или это ему показалось?

Джек вернулся к боковой двери и вышел из гаража. Солнечные лучи играли на солнечной траве садика вдоль Родео-драйв. Надо было кого-нибудь позвать, но кого? Полицию? А что он им скажет? *«Мой папа вошел в гараж, а я не нашел его там, и мне страшно...»*

Два часа спустя Фил Сойер появился в конце улицы. Пиджак был перекинут через плечо, галстук сбился набок — Джеку он показался похожим на человека, возвращающегося из кругосветного путешествия. К этому времени Джек уже сильно беспокоился за отца, поэтому, увидев его, он сразу же побежал ему навстречу.

— Ну не лети так быстро! — сказал отец. — Я-то думал, что ты спишь, маленький путешественник. — Джек обнял отца за ноги.

Подходя к дому, они услышали телефонный звонок, и какое-то желание, может быть, желание, чтобы отец подольше побыл с ним вместе, побудило Джека взмолиться, чтобы звонящий положил трубку до того, как они войдут в дверь.

Отец потрепал волосы на макушке Джека, положил ему на плечо свою загорелую руку, затем открыл дверь и прервал трезвон телефона на пятом звонке.

— Да, Морган, — услышал Джек голос отца. — Что? Плохие новости? Ну, конечно, расскажи, что ты спрашиваешь?

Затем продолжительное молчание, за которым мальчик слышал тонкий искаженный голос Моргана Слоута, пробивающийся из трубки.

— Джерри? Боже мой, бедный Джерри! Кто бы мог подумать! По-моему, нам следует отправиться туда.

Затем отец взглянул на Джека, уже не улыбаясь и не подмигивая, и взял его за руку:

— Я скоро буду, Морган, — произнес он в трубку. — Мне придется взять с собой Джека, но он может подождать в машине.

Джек почувствовал, как все его мышцы расслабились, и настолько растерялся, что не спросил, сколько он должен ждать и чего, что обязательно спросил бы в другой раз. Фил доехал по Родео-драйв до отеля «Бeverли-Хиллз», повернул налево по Сансет-Стрип и повел машину к зданию офиса. Все это время он не произнес ни слова.

Отец ловко проскользнул сквозь поток машин и резко свернул на автостоянку перед офисом. Там уже стояли полицейские машины, одна пожарная, белый маленький «мерседес» дяди Моргана и старый ржавый «плимут» с двумя дверями — автомобиль электрика. У входа дядя Морган разговаривал с полицейским, который покачивал головой с сочувствием. Правой рукой Морган Слоут обнимал за плечи стройную молодую женщину в платье, которое было ей чуть великовато, та уткнулась лицом в его плечо. Миссис Джерри, поняв Джек, увидевший, что лицо она закрывает белым носовым платком, который прижимает к глазам. Пожарный в брезентовом плаще в дальнем конце зала заметал в кучу искореженный металл и пластик, обугленные куски дерева и осколки стекла.

— Посиди здесь пять минут, хорошо, Джек? — сказал отец и пошел к входу.

Молодая китайка разговаривала с другим полицейским, сидя на ограде автостоянки. Рядом с ней валялась какая-то скрюченная железяка, в которой Джек с трудом узнал велосипед. Глубоко вдохнув, Джек почувствовал запах гари.

Лишь через двадцать минут отец и дядя Морган вышли из здания. Все еще обнимая рукой миссис Джерри, дядя Морган помахал другой рукой Сойерам на прощание и открыл перед женщиной дверь своей маленькой машины. Отец Джека вывел их машину со стоянки и снова влился в поток машин на Сансет-Стрип.

— Джерри больно? — спросил Джек.

— Несчастный случай, — ответил отец. — Электричество... Весь дом мог взлететь на воздух.

— Джерри больно? — повторил Джек.

— Этому бедолаге так больно, что ... он умер. — сказал отец.

Два месяца прошло, пока Джек и Ричард Слоут восстановили, как смогли, картину происшествия из обрывков разговоров, слышанных краем уха. Мать Джека и экономка Ричарда добавили недостающих деталей, причем экономка — самых ужасных.

Джерри Бледсо вышел на работу в субботу, чтобы покопаться в охранной системе здания. Если бы он работал в будний день, он обязательно сбил бы с толку окрестных землевладельцев сиреной, если бы она случайно не отключилась. Охранная система была напрямую связана с главным щитом здания, расположенным за двумя съемными деревянными панелями в цокольном этаже. Джерри поставил на пол сумку с инструментами и раздвинул створки панелей, убедившись перед этим, что стоянка пуста и никто не выпрыгнет из штанов, когда завоет сигнал тревоги. Затем он спустился к телефону в своей камере, позвонил в полицейский участок

и предупредил, чтобы они не обращали внимания ни на какие сигналы из офиса «Сойер и Слоут» до следующего звонка. В то время как он поднимался, готовясь распутывать сложную сеть проводов, сходящихся на центральный щит с датчиков на всех окнах и дверях здания, двадцатилетняя Лоретт Чан проезжала мимо автостоянки на велосипеде — она развешивала по улицам рекламу ресторана, который должен был открываться в этом здании через пару недель.

Мисс Чан рассказала полиции, что видела, как рабочий из подвала поднимался в зал. За секунду до того, как электрик дотронулся до рубильника, она почувствовала, как земля дрожит у нее под ногами. Она решила, что это небольшое землетрясение, и не очень встревожилась: за свою небольшую жизнь Лоретт Чан повидала немало сейсмической активности, которая ничего не разрушала и никому не повредила. Она увидела, как Джерри Бледсо переминается с ноги на ногу (значит, он тоже это чувствовал). Затем он тряхнул головой и аккуратно вложил отвертку в переплетение проводов.

Тут же весь первый этаж здания компании «Сойер и Слоут» вспыхнул, словно облитый керосином, языки пламени охватили центральный щит, превратив его в кучу пепла с обугленными скелетами проводов, а затем перекинулись на рабочего. Аварийная сирена завывала со всей мочи. Прямо из стены вывалился огненный шар диаметром в два метра, прокатился по телу уже мертвого Джерри Бледсо и поплыл по коридору к выходу. Парадная дверь взорвалась, разбрызгав осколки стекла и дымящиеся щепки. Лоретт Чан бросилась к телефону-автомату. Пока она объясняла дежурному пожарной команды адрес здания, ее велосипед медленно плавился под мощным потоком огня, вырывающегося через дверь. Изуродованный труп Джерри Бледсо все еще дергался во все стороны — тысячи вольт пробегали через его тело, корежа его в конвульсиях, бросая из стороны в сторону. Волосы его и одежда сгорели дотла, кожа приобрела синевато-серый цвет. Очки — две лужицы коричневой пластмассы — накрыли его нос, как восковые припарки.

Джерри Бледсо... *Кто сыграл на этих переменах, папа?* Целые полчаса Джек шел, не встречая ни одного домика. Незнакомые звезды незнакомых созвездий сверкали в небе над ним, говоря с ним на языке, которого он не понимал.

Глава 12

ДЖЕК ИДЕТ НА РЫНОК

1

Эту ночь Джек провел в мягком благоухающем стогу сена, сперва прорыв в нем глубокую нору, а потом повернувшись лицом к прохладному свежему воздуху Долин. Он настороженно прислушивался к тихим шорохам: кто-то рассказывал ему, и сам он читал, что мыши-полевки — большие любители таких стогов. Если они и водились здесь, то такая большая мышка, как Джек Соьер, наверно, напугала их до смерти. Мало-помалу Джек успокоился. Левой рукой он обхватил горлышко бутылки Спида — по дороге он залепил его кусочком ила из ручейка, возле которого останавливался, чтобы освежиться. Только потом до него дошло, что ил может просочиться внутрь бутылки, а может, и уже просочился. Что же, к букету и без того тонкому добавится еще один пикантный привкус.

Пока он лежал здесь в тепле, в глубоком сне, его переполняло чувство такого облегчения, будто дюжина десятипудовых гирь разом свалилась с его плеч. Или даже с души. Он снова был в Долинах — в месте, которое такие примечательные личности, как Морган, Оррис Осмонд — Погонщик Волон и Элрой, удивительный человек-козел, называли домом, в Долинах, где с ним всякое может случиться-ся.

Но Долины могут быть и доброжелательны. Он знал это с раннего детства, когда они все жили в Калифорнии, и все были такие, как были. Долины могут быть доброжелательны, и сейчас он, казалось, чувствовал сладкую и спокойную, как запах сена, такую же чистую и прозрачную, как воздух вокруг, эту доброжелательность вокруг себя.

Интересно, а чувствует ли облегчение муха или божья коровка, когда внезапный порыв ветра, блуждающего по коридорам лабиринта, выносит заблудшее насекомое наружу? Джек этого не знал, он зато знал, что такое Оутли и «Клубы Хорошей Погоды» и старики, плачущие над своими украденными торговыми тележками вдали от запахов пива и рвоты... Самое главное — он ушел от Смоуки Апдайк и его дискотеки.

В конце концов, он ведь может путешествовать и по Долинам некоторое время...

С этой мыслью он и заснул.

Он прошел две, а может, три мили по Западной Дороге на следующее утро, наслаждаясь солнцем и добрыми земным духом полей, уже готовых к жатве, когда его догнала телега, и усатый селянин в чем-то похожем на тогу с широкими штанами под ней остановил телегу и прокричал:

— На рынок идешь, парень?

Джек застыл с открытым ртом, с ужасом поняв, что этот человек говорит не по-английски. В его речи не было никаких «крошу промещения» или «каваревов подмяски» — *это был вообще никакой не английский.*

За спиной усаха сидела женщина в широком платье. На руках у нее сидел мальчик трех лет, и оба они приветливо улыбались Джеку, время от времени косясь на мужа и отца.

— Э, да он дурачок, Генри! — сказала женщина.

Они говорят не по-английски... но на каком бы языке они ни говорили, я его понимаю. Я даже думаю на этом языке. И даже больше — я вижу на нем... то есть им... то есть не важно.

Джек понял, что и все время в Долинах было то же самое, только он тогда был слишком сбит с толку, чтобы осознать. События протекали быстро, и все вокруг было незнакомым и странным.

Селянин снова поглядел на него:

— Ты — дурачок? — спросил он не без сочувствия.

— Нет! — ответил Джек, улыбаясь в ответ так широко, как только мог, поняв, что на самом деле сказал не «нет», а какое-то местное слово, обозначающее то же самое. Когда он перешел в Долины, изменилась его речь, образ его мысли и его образ воображения (он не мог найти нужного слова, но *понимал*, что имел в виду).

— Я не дурачок, просто моя мама не велела мне разговаривать с незнакомыми людьми, — сказал Джек.

На это раз улыбнулась жена селянина.

— Твоя мама права, — сказала она. — И все-таки, ты идешь на рынок?

— Да, — ответил Джек, — а потом дальше, на запад.

— Тогда полезай в телегу, — сказал селянин Генри. — Солнце уже высоко. Мне еще надо все распродать и вернуться домой засветло. Зерно не ахти какое, но оно последнее в этом году. Зерно в сентябре — это здорово. Любой купит!

— Спасибо, — сказал Джек, забираясь в телегу, заваленную доверху перевязанными мешками. Некоторые зерна просыпались из

мешков. Если эта пшеница считалась плохой, то Джек просто не мог себе представить, какова же здесь хорошая. Он ни разу в жизни не видел таких больших и спелых зерен. Еще в телеге стояли небольшие корзинки с огурцами, патиссонами и чем-то, похожим на тыкву, только не оранжевым, а красным. Джек не знал, что это было, но догадывался, что на вкус они великолепны. В животе его громко урчало. С тех пор как он вышел на дорогу, его не покидало чувство голода — совсем не то чувство, которое, когда задержишься, можно убить в буфете парой бутербродов и стаканом молока. Нет, этот голод, словно верный друг, сопровождает тебя повсюду и не собирается отставать.

Джек пересел вперед и свесил вниз ноги в сандалиях. Они почти касались грязи Западной Дороги. В то утро на дороге было очень оживленное движение — все ехали на рынок, решил Джек. Генри то и дело здоровался с кем-нибудь из своих знакомых.

Джек все еще рассуждал, какой же вкус могут иметь эти тыкво-яблоки и где и когда он ел в последний раз, как вдруг маленькие ручонки вцепились в его волосы и потянули за них с силой, достаточной, чтобы слезы выступили на глазах.

— Джейсон! — крикнула на дитя мать, но это был крик, только потворствующий, а не запрещающий. Она явно избаловала своего малыша. *Подумать только, каков силач!* — Джейсон! Это не дело!

Джейсон, не смутившись, улыбнулся широкой полусонной солнечной улыбкой, такой же сладкой, как запах сена, в котором Джек провел ночь. Джейсон уже не мог ничем помочь Джеку, возвращая вырванные волосы. Но глядя на невинную младенческую улыбку, Джек забыл о боли и простил мальчика.

— Хацю! — сказал Джейсон, раскачиваясь, как старый матрос на палубе корабля, и не переставая улыбаться Джеку.

— Чего?

— Луцьки!

— Я не понимаю.

— Хацю-луцьки!

— Чего?

Тут Джейсон, ребенок для своих трех лет довольно рослый, с той же улыбкой на лице забрался к Джеку на колени.

«*Хочу на ручки! Вот оно что! Это же так просто!*» — подумал Джек, чувствуя тупую боль в паху, распространяющуюся на весь живот.

— Джейсон, ай-яй-яй! — воскликнула мать все с тем же выражением — «ну разве не молодец?!» Джейсон, прекрасно понимая, кто правит телегой, снова расплылся в своей очаровательной улыбке.

Тут Джек обнаружил, что Джейсон — мокрый. Совершенно, в высшей степени, невыносимо мокрый.

С возвращением в Долины, Джеки!

И вот, сидя с ребенком на руках, чувствуя, как теплая влага медленно впитывается в одежду, Джек начал смеяться, глядя в синее-синее небо.

3

Несколько минут спустя жена Генри подобралась к тому краю телеги, где сидели Джек с Джейсоном на коленях, и забрала ребенка.

— О-о-о! Уделался, нехороший мальчишка! — проворковала она все тем же голосом. *«Как уделался! Другим нипочем!»* — подумал за нее Джек и снова рассмеялся. Сперва Джейсон, а потом и миссис Генри присоединились к его смеху.

Меняя Джейсону штаны, миссис Генри задала Джеку несколько вопросов — те, которые он часто слышал и в своем мире. Но надо быть начеку, потому что он иностранец, чужой в этом мире, и мог попасться на любую удочку. Он слышал, как отец говорил Моргану: *«Настоящий Иностранец, ты меня понимаешь»*.

Джек видел, как внимательно его слушают Генри и его жена. Он рассказал им с аккуратными переделками свою Историю — не ту, которую он рассказывал, пытаясь устроиться на работу, а ту, которую рассказывал тем, кто подбирал его на дороге.

Он сказал, что идет из деревни «Сторонки» — мать Джейсона краем уха слышала о такой деревне. Неужели он действительно так издали, хотела она знать. Джек заверил ее. Куда он направляется? — он рассказал ей и молчаливо слушающему Генри, что его послали в деревню с названием Калифорния. Об этом месте они не знали даже понаслышке, ни разу корабейники не упоминали такого названия. Джек ни капли этому не удивился, но обрадовался, что никто из них не воскликнул: «Калифорния? Кто-нибудь слышал о таком месте? Что-то, ты парень, хитришь!» В Долинах было множество всяких местечек и деревенок, о которых жители других населенных пунктов не имели ни малейшего представления. Здесь не было ЛЭП, не было столбов, проводов, электричества, не было кино и кабельного телевидения, которое рассказало бы им о чудесах, творящихся в Малибу или Сарасоте. Не было реклам местной телефонной компании, которая гласила бы, что трехминутный разговор с Заставами после пяти часов вечера стоит всего 5.83 доллара с налогом, цены повышаются в День Господних Благословений и другие праздники. *«Они живут в тайне, — подумал*

Джек. — Когда живут в такой тайне, то не станешь говорить, что такой деревни нет только потому, что ты никогда о ней не слышал. Название «Калифорния» ничуть не лучше «Сторонок».

Они и не спорили. Он рассказал им, что его отец умер год назад, что мать его сильно больна (он хотел еще добавить, что люди Королевы пришли среди ночи и забрали ослика, усмехнулся и решил эту часть истории оставить на потом). Мама дала ему все деньги, которые были в доме (только *деньги* на этом языке звучали как-то странно — *палки*), и послала его в Калифорнию к тетке Хелен.

— Тяжелые времена! — сказал миссис Генри, прижимая к груди уже переодетого Джейсона.

— «Сторонки» ваши неподалеку от летнего дворца, не так ли, парень? — произнес Генри первое слово с тех пор, как Джек залез в телегу.

— Да, — ответил Джек. — Совсем рядом.

— А от чего умер твой отец? Ты так и не сказал!

Он обернулся. Взгляд его был внимателен, доброжелательность исчезла с него, как огонек свечи, задутый ветром. Да, не попасться бы на удочку.

— Может, он заболел? — предположила миссис Генри. — Нынче столько болезней — оспа, чума. Ну и времена!

С губ Джека чуть было не сорвалось: *«Нет, он не заболел, миссис Генри. Он пропустил через себя много вольт, мой папа. Он пошел на работу в субботу и оставил миссис Джерри и всех маленьких джерринят — и меня тоже — дома. Мы жили тогда в норе под плинтусом, и все жили там, где жили. А знаете что? Он засунул отвертку в кучу проводов, и миссис Фини, она работает в доме Ричарда Слоута, слышала, как дядя Морган разговаривал по телефону и сказал, что электричество вырвалось, все электричество, и оно зажарило его, зажарило так, что очки растеклись у него по лицу, только вы не знаете, что такое очки, потому что у вас тут их нет... И очков нет, и электричества, и «Полуночного экрана», и самолетов. Представьте себе судьбу миссис Джерри, а, миссис Генри! Пре...»*

— Ничем он не болел, — сказал фермер. — Он был политический?

Джек посмотрел на него. Губы двигались, но ни один звук не выходил наружу. Он просто не знал, что ответить. Слишком много ловушек открыли перед ним свои двери.

Генри кивнул, как будто получил ответ.

— Слезай с телеги, мальчик. Базар за следующим холмом. Я считаю, что ты в состоянии добраться отсюда до него пешком.

— Да, — сказал Джек. — Конечно, в состоянии.

Миссис Генри выглядела испуганной и подавленной, но теперь она держала Джейсона на руках, далеко от Джека, и ему «ничего не угрожало».

Фермер, все еще глядя на него из-за плеча, сконфуженно улыбнулся.

— Извини. Ты, конечно, хороший парень, но пойми нас — мы простые люди и нам совсем не хочется отправляться за море и строить там поселения для каких-нибудь больших лордов. Умрет королева или не умрет... хотя она скорее всего умрет со дня на день. Бог рано или поздно забирает к себе рабов своих. Но не в этом дело — знаешь, что случается с людьми, с маленькими людьми, когда они суют нос в дела больших? Их жестоко наказывают.

— Но мой отец...

— Не хочу ничего знать о твоём отце! — почти выкрикнул Генри. Его жена попятилась назад, подальше от Джека, все еще прижимая Джейсона к груди. — Хороший он человек или нет, я не знаю о нем ничего и *не желаю* знать. Все, что мне известно, — это то, что он мертв. Я не думаю, что ты в этом солгал. И еще я знаю, что его сын сегодня спал в поле и что все пахнет обманом и еще черт знает чем. А мне не нужно неприятностей, так что слезай. У меня есть свой сын, как видишь.

Джек прыгнул, чувствуя себя виноватым за тот страх, что отразился на лице молодой женщины — страх, который он сам навевал. Фермер прав — маленьким людям нечего соваться в дела больших. Даже если те в беде.

Глава 13 ЛЮДИ В НЕБЕ

1

Открытие, что те деньги, которые он с таким трудом заработал, буквально *превратились* в палки, было шокирующим. Джеку представились игрушечные змеи, изготовленные неумелой рукой. Шок, однако, продлился не более минуты, и Джек печально посмеялся над собой. Конечно же, палки *служили* деньгами. Когда он попал сюда, *изменилось* абсолютно все. Серебряный доллар снова стал монетой с крылатым львом, куртка — камзолом, английская речь — речью Долин, а старые добрые американские доллары — да, палоч-

ками с насечками. Он перенесся сюда с двадцатью двумя долларами в кармане и резонно считал, что теперь имеет такую же сумму в деньгах Долины, хотя на одной монетной палке насчитал четырнадцать насечек, а на другой — более двадцати.

Проблема состояла не в стоимости денег — он имел довольно смутное понятие о том, что дорого и что дешево, и, проходя через базар, Джек чувствовал себя участником соревнования «Правильная Цена», вот только если он проиграет в нем, то здесь уж явно не будет никаких утешительных призов и Боб Баркер не похлопает по спине. Если он проиграет здесь, его могут... нет, он совершенно не знал, что именно они *могут* сделать. Прогнать его? Вполне возможно. Избить? Тоже может быть. Убить? Нет, ну это уж вряд ли. Хотя ... не исключено. Они — маленькие люди, не имеющие ничего общего с политикой. А он — чужак. Он — иностранец.

Джек медленно переходил из одного шумного и суетливого угла базара в другой, борясь с неожиданной проблемой. Все его мысли были сосредоточены на желудке — он был смертельно голоден. Тут он увидел Генри, который, отчаянно жестикулируя, разговаривал с человеком, продающим коз. Миссис Генри стояла рядом, но на небольшом расстоянии, чтобы не мешать мужчинам торговаться. Ее спина была повернута к Джеку, но он увидел, что в руках она держит ребенка. «Джейсон, маленькая копия Генри», — подумал Джек. И Джейсон тоже увидел его. Ребенок протянул к нему свою пухленькую ручку, и Джеки как можно скорей поспешил забраться поглубже в толпу, которая отделила бы его от Генри.

Казалось, со всех сторон доносился запах жареного мяса. Джек увидел шашлычника, медленно поворачивающего вертел с большими кусками мяса над раскаленными углями, другой в это время обслуживал покупателей, продавая им готовые шашлыки вместе с огромными ароматными хлебами. Со стороны все это было похоже на аукцион. Большинство покупателей, видимо, были такими же фермерами, как Генри, и оказалось, что они покупают еду таким же образом, как люди в его мире аукционные лоты: они просто поднимали вверх одну из рук, выставив необходимое количество пальцев. Джек вблизи наблюдал несколько таких торгов, и каждый раз расчет происходил с помощью этих самых палочек... Но сколько насечек будет достаточно? — рассуждал он. Ладно, была не была. Он хочет есть, и ему плевать на то, разузнают в нем иностранца или нет.

Он миновал место, где выступали клоуны, едва бросив взгляд в их сторону, хотя перед ними собралась довольно многочисленная публика — в основном женщины и дети, — то и дело взрывающаяся

веселым смехом и аплодисментами. Джек подошел к прилавку с неровно обтесанными краями, где около вырытой в земле ямки, наполненной дымящимися углями, стоял большой человек с татуировкой на мускулистых плечах и руках. Над углями вращался железный вертел около семи футов длиной. У каждого из его концов стояло по грузному потному мальчику. На вертел было наколото пять огромных кусков, и мальчики вращали его в унисон.

— Прекрасное сочное мясо! — орал мужик. — Прекрасное мясо! Сочное мясо! Покупайте мое прекрасное мясо! У меня сочное мясо! *У меня самое сочное мясо!* — И так без остановки. Только на мгновение он прервался, чтобы сказать ближайшему к нему мальчику: — Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь, черт бы вас побрал! — а затем снова вернулся к своему привычному протяжному крику.

Фермер, проходивший мимо вместе со своей юной дочерью, поднял руку и указал на второй слева кусок мяса. Мальчики прекратили вращать вертел ровно настолько, чтобы их босс успел снять с него указанный кусок и положить его на огромный ломоть хлеба. Один из них подбежал с ним к фермеру, который в это время доставал из кармана палочку. Присмотревшись, Джек заметил, что он отломил от нее кусочек, содержащий две насечки и протянул подбежавшему мальчику. Пока тот бежал обратно к прилавку, покупатель вернул оставшиеся «деньги» в карман механическим, но аккуратным движением любого человека, опускающего в карман сдачу, откусил большой кусок от своего открытого сэндвича и протянул дочери все остальное. Надо сказать, что ее первый укус был не меньше отцовского.

Желудок Джека урчал и возмущался, но он все-таки увидел то, что должен был... вернее, надеялся увидеть.

— Прекрасное мясо! Сочное мясо! Покупайте... — человек перестал кричать и посмотрел вниз, на Джека, сурово сдвинул брови над своими маленькими, но все-таки не совсем тупыми глазами.

— Я слышу, твой живот заливается соловьем, дружок. Если у тебя есть деньги, то я продам тебе свое мясо, и даже помолюсь за тебя Господу. Но если у тебя их нет, тогда уноси отсюда подальше свою тупую баранью морду и иди к черту!

Оба мальчика захохотали, хотя явно устали до смерти. Они смеялись так, как будто не могли контролировать звуки, которые издавали.

Но головокружительный запах, издаваемый медленно поджариваемым мясом, не позволял ему уйти. Он достал из кармана палочку покороче и указал на тот кусок, который теперь оказался вторым

слева. Он не произнес ни слова. Ему казалось, что лучше этого не делать. Шашлычник удивленно хмыкнул, снова достал из-за пояса свой большущий нож и отрезал кусок. Фермеру он дал целый, подумал Джек, но его желудку не было никакого дела до таких мелочей — он радостно заурчал в предвкушении еды.

Шашлычник шлепнул мясо на ломоть хлеба, он не протянул его мальчику, а оставил у себя в руках, пока тот не дал ему свою денежную палочку. Вместо двух насечек он отломил три.

В голове Джека раздался печальный корящийся голос матери: *«Поздравляю тебя, Джеки. Ты опять прошляпил».*

Шашлычник глазел на него, широко улыбаясь. Весь его рот был полон кривых черных зубов. У него было такое выражение лица, что Джек не мог произнести ни слова в свою защиту.

«Ты должен быть благодарен, что я отломил только три насечки, а не забрал все четырнадцать. А я мог, не сомневайся. Тебе следовало бы вытатуировать у себя на лбу: Я ЧУЖОЙ ЭТОМУ МЕСТУ И САМОМУ СЕБЕ. Скажи мне, Баранья Башка, ты собираешься сделать какой-нибудь вывод из моих слов?»

Но то, хотел ли Джек этого, не имело значения — он просто не мог делать никаких выводов. Но он снова почувствовал бессильную злобу.

— Иди отсюда, — сказал шашлычник, поворачиваясь к нему. Он приставил необъятный кулак прямо к его носу. Пальцы были изрезаны, под ногтями запеклась кровь. — Ты получил свою еду. Теперь уходи.

Джек подумал: *«Я могу тебе показать электрический фонарик, и ты побежишь, как будто за тобой гонятся все черти ада. А если ты увидишь самолет, то вообще сойдешь с ума. Ты не такой бесстрашный, каким себя считаешь, дорогой».*

Он улыбнулся, и, видимо, было что-то в его улыбке такое, что совсем не понравилось шашлыčníку, потому что он отшатнулся от Джека, его лицо моментально приняло беспокойное выражение. Затем он снова нахмурил брови.

— Пошел вон отсюда, я сказал! — заорал он. — Пошел вон, черт тебя побрал!

На этот раз Джек выполнил его просьбу.

2

Мясо оказалось бесподобным. Джек быстро умял и его, и хлеб, на котором оно лежало, а затем с удовольствием облизал с пальцев ароматный жир. По запаху мясо было похоже на свинину... но оно

не было свининой. Вкус был намного богаче, даже можно сказать — резче. Но чем бы это ни было, оно прекрасно заполнило дыру, образовавшуюся где-то в центре его тела. Джек подумал, что этого куска хватило бы ему на завтраки перед школой на несколько дней.

Теперь, когда живот был набит и чувство голода оставило его, по крайней мере, надолго, Джек мог с большим интересом оглядываться по сторонам... и незаметно для себя самого он смешался с толпой. Теперь он оказался единственным ротозеем, приехавшим из деревни на базар, медленно бродящим между прилавками и пытающимся смотреть сразу во всех направлениях. Торговцы уже узнавали его, но только как человека более любопытного, чем другие. Они кричали и зазывали его, но когда он проходил мимо, они кричали и зазывали любого, кто шел вслед за ним, — будь то мужчина, женщина или ребенок. Джек свысока глядел на разложенные по прилавкам товары, товары одинаково странные и удивительные, и в глазах окружающих, уставившихся на него, видимо, сам выглядел странным, потому что изо всех сил пытался выглядеть скучающим в месте, где *никто не мог быть таким*. Люди смеялись, спорили, ругались... но никто не скучал.

Базар напоминал ему королевский дворец, если не считать отсутствия напряжения в воздухе и чрезмерного беспокойства и суеты — здесь царил такой же абсурдный букет запахов (в особенности жареного мяса и лошадиного пота), такие же толпы людей, наряженных в яркие одежды (хотя, по правде говоря, даже самые-пресамые яркие одежды не могли и близко сравниться с нарядами тех денди, которых Джек видел внутри дворца), такое же сбивающее с толку, но и каким-то образом веселящее сопоставление несопоставимого, абсолютно нормального с совершенно ненормальным и странным.

Он остановился у прилавка, где человек продавал ковры с вытканым на них портретом Королевы. Джек почему-то подумал о маме Хэнка Скоффлера и улыбнулся. Хэнк был одним из мальчиков, с которыми Джек и Ричард Слоут болтались по Лос-Анджелесу. Миссис Скоффлер имела коллекцию самых причудливых настенных украшений, какие только можно было встретить на земле. Скажите, разве ей не понравились бы эти ковры с портретом Лауры де Луизиан, чьи волосы сплетены из тончайших золотистых нитей? Да в сто раз больше, чем бархатный пейзаж с берегами Аляски или керамическая диорама перед баром с гостиной...

Затем Джек увидел, что вплетенное в ковры и повторенное много-много раз лицо Лауры де Луизиан начало изменяться, превращаясь в лицо его мамы — со слишком темными глазами и слишком белой кожей.

Тоска по дому снова охватила Джека. Тоска по дому, тоска по матери. Она волной прокатилась по его сознанию, и его сердце заныло: «Мама! Мамочка! Господи, что я здесь делаю? Мама!!!» Он с глубокой любовью думал, что она может делать сейчас, именно в данную минуту. Сидит у окна и смотрит на океан, отложив в сторону открытую книгу? Или смотрит телевизор? А может, она в кино? Или спит? Или ... умирает?

«Умерла, — закончил за него злобный голос. — Умерла, Джек. Совсем умерла».

Нет!!!

Он почувствовал, как горячие потоки слез застилают глаза и стекают по щекам.

— Почему такой печальный, малыш?

Он вытер глаза, посмотрел вверх и увидел продавца ковров, беспокойно глядящего на него. Он был такой же большой, как шашлычник, его руки и грудь тоже покрывала татуировка, но у этого человека улыбка была открытой и светлой. В этом была большая разница.

— Нет, ничего, — сказал Джек.

— Если «ничего» заставляет тебя выглядеть таким образом, тогда подумай о «чем-нибудь».

— Неужели я так плохо выгляжу? — спросил Джек, слегка улыбаясь.

Он произнес эти слова совершенно автоматически, в этот момент не осознавая, где он и кто он, — может быть, поэтому продавец ковров не уловил в его речи ничего странного или выбивающегося из ритма.

— Э-э, мальчуган, да ты выглядишь так, как будто потерял своего лучшего друга. Как будто с севера пришел Дикий Белый Волк и сожрал его у тебя на глазах, орудуя серебряным ножом и вилок.

Джек снова улыбнулся. Продавец ковров отвернулся от него и из маленькой коробки справа от самого большого ковра взял какой-то предмет, овальной формы и с короткой рукоятью. Когда он повернул его так, что на него попал луч солнечного света, Джек увидел, что это зеркало. Оно было маленьким и грязным — смотря на него, можно было подумать, что его только что облили молоком и присыпали пеплом.

— Подойди сюда, мальчик, — сказал продавец ковров. — Посмотри на себя и удостоверься, что я прав.

Джек посмотрел в зеркало и открыл рот — он был настолько ошеломлен увиденным, что сердце едва не перестало биться. Это был, несомненно, он, но выглядел он, как житель Острова Развле-

чений в диснеевском варианте «Пиноккио», где некий злой волшебник, стреляющий из водяного пистолета и курящий сигары, превращал мальчиков в осликов. Его глаза, обычно круглые и голубые, какими их сделало англосаксонское происхождение, теперь стали коричневыми и узкими. Волосы, жирные и свалывшиеся, свисали с головы наподобие гривы, неровными прядями спадая на лицо. Он поднял руку, чтобы отбросить их назад, но она нащупала кожу лба — на зеркале же его пальцы все-таки поправили волосы. Он услышал, как смеются вокруг довольные люди. Самое удивительное, что уши Джека-ослика свисли ниже подбородка. Пока он смотрел, одно из них шевельнулось.

Внезапно он подумал: *«У меня было такое!»*

И вслед за этим: *«У меня было такое в моей волшебной стране мечтаний»*. Но в его нормальном мире «оно было... было...»

Ему тогда только что исполнилось четыре года. В нормальном мире (незаметно для себя он перестал думать о нем как о реальном мире) у него был большой стеклянный шарик с розовым нутром. Однажды, когда он сидел и играл с ним, он покатился по цементной дорожке перед домом и, прежде чем Джек успел его поймать, угодил в сточную канаву. Он потерял навсегда, думал мальчик тогда, сидя на бордюрьчике, закрыв лицо грязными руками и плача горькими слезами. Но сейчас эта старая игрушка не казалась ему такой удивительной, как тогда, когда ему было четыре, а может, даже три года. Джек улыбнулся своим воспоминаниям. Изображение в «зеркале» изменилось, и Джек-ослик стал Джеком-котом, лицо его вытянулось от удивления. Глаза из коричневых, как у ослика в зоопарке, превратились в зеленые, как у кота Тома. Теперь уже маленькие, покрытые серой шерстью ушки торчали из макушки — из того же самого места, откуда раньше свисали длинные уши осла.

— Вот так-то лучше, — сказал торговец. — Намного лучше, сынок. Мне нравится, когда дети счастливы. Счастливый ребенок — здоровый ребенок, а здоровым детям легче найти свое место в жизни. Об этом сказано в Библии, и если это не так, то должно быть так. Я, наверно, запишу эти слова в тетрадку, если смогу когда-нибудь наскрести в карманах достаточно денег, чтобы купить ее. Хочешь такое зеркало?

— Да! — крикнул Джек. — Очень хочу!

Он полез за своими палочками, позабыв о бережливости.

— Сколько оно стоит?

Продавец нахмурился и быстро осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— Убери деньги, сынок. Засунь их поглубже, чем они лежали. Начнешь лишь деньги доставать — и тут же их потеряешь. Воров и прочей твари немало на базаре.

— Что-что?

— А ничего. Оно ничего не стоит. Возьми его — я дарю. Половина таких зеркал каждый день разбивается в моем фургоне, когда я трясусь сюда. А матери обычно оттаскивают своих детей от зеркал, потому что они не в состоянии их купить.

— Ну хорошо хоть вы этого не отрицаете, — сказал Джек.

Продавец посмотрел на него с удивлением, а потом, после небольшой паузы, они оба громко рассмеялись.

— Счастливый мальчик с острым язычком, — сказал торговец коврами. — Я хотел бы с тобой встретиться, когда ты будешь повзрослей и посмелей, сынок. Твой язык, мой человечек, мы возьмем с собою и количество насечек быстренько устроим.

Джек хихикнул. Этот парень придумывал стихи намного лучше, чем те рэпмены, записи которых постоянно крутят по «Шугархилл Ганг».

— Спасибо, — сказал он (широкая, просто невозможно широкая улыбка оттопырила усы кота в зеркале). — Большое вам спасибо!

— Благослови тебя Господи, — сказал торговец... затем, немного подумав, добавил: — И смотри за своими деньгами!

Джек двинулся дальше, аккуратно положив волшебное зеркало в карман камзола, рядом с бутылкой Спиди.

И каждые несколько минут он опускал руку во второй карман, чтобы убедиться, что его палочки на месте.

Он полагал, что знает, как выглядят воров.

3

Через два прилавка от щедрого продавца ковров человек с черной повязкой через один глаз, запахом винного перегара изо рта и видом мошенника пытался продать подошедшему фермеру огромных размеров петуха. Он уверял фермера, что если тот сейчас купит этого петуха и пустит его к своим курам, то ближайшие двенадцать месяцев он сможет питаться одними яйцами и у него еще будет оставаться на продажу.

Джек, однако, не присматривался к хваленому петуху и не прислушивался к хвалившему последнего продавцу. Он присоединился к толпе ребятишек, наблюдавших занимательный аттракцион, представленный другим, тоже одноглазым человеком. В руках тот держал плетеную клетку с попугаем, который имел почти такие же

размеры, как глазевшие на него дети, и был темно-зеленый, как бутылка из-под пива «Хейнекен». Глаза отливали золотом... да, все четыре глаза. Так же как и лошадь, которую Джек видел в конюшне королевского дворца, попугай был двухголовым. Обхватив перекладину своими большими желтыми ногами, он смотрел одновременно в двух направлениях, так что оба его хохолка соприкасались.

Попугай разговаривал сам с собой, к шумной радости детишек — Джек с изумлением обнаружил, что несмотря на то, что их внимание было приковано к попугаю, никто не находил в нем ничего странного и даже ни капельки не удивлялся. Они не были похожи на детей, первый раз пришедших в кинотеатр, ерзающих на стульях и уставившихся на экран во все глаза. Они больше напоминали мальчиков и девочек, которые каждое субботнее утро смотрят мультсборники. Конечно, какое-то удивление присутствовало, да, но не такое, какое бывает, когда впервые увидишь что-нибудь необычное. Но скажите — кто должен удивляться больше всех, как не самые маленькие?

— *Оррррк!* Что выше всего? — интересовалась правая голова.

— Цена на такого попугая, как мы, — отвечала левая, и дети хихикали.

— *Крррк!* А какая великая правда дворянства? — снова спрашивала правая.

— Король — он всегда король, а для всех остальных достаточно титула рыцаря, — четко декламировала левая.

Джек улыбнулся, несколько ребят постарше рассмеялись, но младшие только молча наблюдали за происходящим.

— А что такое чулан миссис Спретт? — озадачила на этот раз правая голова.

— Это то, чего не видел ни один мужчина! — выкрутилась левая.

Джек не понимал, о чем идет речь, но дети вокруг просто падали со смеху.

Попугай торжественно вонзил когти в перекладину и несколько раз ляпнул в солому клетки.

— А что до смерти напугало среди ночи Алана Дестри?

— Он увидел свою жену, *гроок*, выходящую из бани!

Фермер уходил, оставляя в руках одноглазого продавца его расхваленного петуха. Продавец с ненавистью уставился на детей и на своего такого одноглазого, но не такого же сильного соседа:

— Пошли все вон отсюда! Пошли вон, пока я не поотбивал ваши задницы!

Толпа разбежалась. Джек тоже побрел дальше, провожая последним прощальным взглядом через плечо исчезающего в толпе замечательного попугая.

У следующего прилавка он отломил еще две насечки за яблоко и кружку молока — сладчайшего молока, лучше которого он никогда не пробовал. Джек подумал, что если бы такое молоко появилось в его мире, то компания «Нест и Хэрши» обанкротились бы в течение недели.

Он уже допивал свою кружку, когда увидел семью Генри, медленно движущуюся в его направлении. Он отдал недопитое молоко женщине за прилавком, которая тут же выплеснула остатки в большую деревянную бочку за спиной. Джек заспешил прочь, облизывая мокрые губы и надеясь, что ни у кого, кто пил из этой кружки до него, не было сифилиса, проказы, холеры или чего-нибудь из этой же оперы. Но потом он немного успокоился, решив, что такие ужасные болезни вряд ли распространены здесь, в этом мире.

Он пошел дальше по главному ряду базара, миновал клоунов, миновал двух толстых женщин, продававших горшки и кастрюли (*Долинный вариант фарфора*, подумал Джек и улыбнулся), миновал этого удивительного двухголового попугая (его хозяин отошел лишь на несколько шагов от того места, с которого был выдворен), прошел мимо одноглазого продавца (он сейчас пил из бутылки с едва очищенным от сургуча горлышком, широко раскачиваясь от одного края прилавка к другому, держа своего любимого петуха за шею, отчего на тупом... лице?.. птицы появилось удивленно-печальное выражение, и свирепо кричал на прохожих в перерывах между глотками — Джек заметил, что его костлявая правая рука украшена желтовато-белыми пятнами гуано, — и строил/страшные рожи), перешел через открытое пространство типа площади, где собирались фермеры. Здесь он любопытства ради остановился на минутку. Многие фермеры курили глиняные трубки, и еще Джек увидел несколько глиняных же бутылок, в большинстве своем таких же, как та, из которой пил крикливый продавец петуха, переходящих из рук в руки. В широком, поросшем травой поле люди толкали громоздкие камни за рослыми косматыми лошадьми с низко опущенными головами и большими глупыми глазами.

Джек подходил к прилавку с коврами-портретами. Торговец увидел его и приподнял руку, чтобы поприветствовать. Джек помахал ему в ответ, ожидая услышать что-то вроде «Играйся, но не увлекайся!» Нет, он не будет злоупотреблять зеркалом. Неожиданно Джек обнаружил, что снова хандрит. Чувство, что он чужой в этой земле, что он никому здесь не нужен, обрушилось на него с новой силой.

Он вышел на перекресток. Путь, соединяющий север с югом был не намного шире, чем деревенские улочки. Западная Дорога же не уступала по ширине любой центральной улице Лос-Анджелеса.

«Старый маленький путешественник, — подумал Джек и улыбнулся неожиданному каламбуру. Он расправил плечи и услышал, как бутылка Спиди тихо звякнула о зеркало. — *Старый маленький путешественник Джек идет по Долинной версии №90. Господи, ноги снова отказываются мне служить!*»

Он снова присел, и вскоре волшебный мир снов поглотил его.

5

Часа четыре спустя, уже не днем, но еще не вечером, Джек сидел в высокой траве в стороне от дороги и наблюдал, как кучка людей — с этого расстояния они казались не больше жуков — взбирается на высокую, неустойчивую на вид, башню. Он выбрал это место для того, чтобы отдохнуть и съесть яблоко, потому что здесь Западная дорога, казалось, подходила на самое близкое расстояние к этой башне. Она была самое меньшее милях в трех отсюда (хотя, кто знает, может быть, и намного дальше — сверхъестественная чистота здешнего воздуха делала практически невозможным определение расстояния), но, на взгляд Джека, путешествие до нее заняло бы около часа с небольшим.

Джек съел яблоко, дал отдохнуть своим уставшим ногам и принялся рассуждать, чем может являться эта башня, стоя в широком море колышущейся травы. И еще его, конечно же, интересовало, зачем все эти люди пытаются на нее забраться. С тех пор как он покинул базар, не переставая, дул ветер; башня находилась по ветру от Джека, но когда ветер стих (а это произошло через несколько минут), он мог слышать голоса людей, окликающих друг друга и смеющихся. Смех постоянно доносился оттуда.

Милях в пяти западнее базара Джек проходил через деревню — если можно считать деревней пять широко разбросанных приземистых домишек и один трактир, который был, очевидно, закрыт в течение долгого-долгого времени. Эта деревенька оказалась последним человеческим поселением, попавшимся ему по дороге сюда. Как раз перед тем, как увидеть башню, Джек решил, что уже вышел за пограничную заставу, даже сам этого не подозревая. Он достаточно хорошо запомнил слова, которые ему сказал Капитан Фаррен: *«Западная дорога... тянется... до Пограничной заставы. Дальше она ведет в никуда... или в ад. Говорят, САМ БОГ не рискует заходить за пограничную линию...»*

Джека слегка передернуло.

Но он не мог до конца поверить, что зашел так далеко. Конечно, здесь не было никакого постоянно нарастающего беспокойства, которое он испытывал перед тем, как вошел в Лес Живых Деревьев, пытаясь укрыться от дилижанса Моргана... Живые деревья теперь казались страшным прологом к тому времени, которое он провел в Оутли.

На самом деле положительные эмоции, которые он испытывал с тех пор, как проснулся в душистом стогу, и до того, как фермер Генри пригласил его в свой фургон, вновь всплыли в его сознании, порождая чувство, что Долины, несмотря на ужасные сюрпризы, которые они могут преподнести, в основе своей были неплохим местом и что он сам может стать частью этого мира в любое время, когда захочет... что он не совсем чужой.

Он даже пришел к выводу, что был частью Долин в течение долгих периодов времени. Пока он медленно брел вдоль Западной дороги, ему в голову пришла странная мысль, мысль наполовину на английском языке, наполовину на том, что служило языком в Долинах: *«Когда я сплю, единственный момент времени, когда я действительно знаю, что это сон, — это момент, когда я просыпаюсь. А если мне снится сон в тот же момент, когда я просыпаюсь, например когда звонит будильник, или что-то такое, когда я просыпаюсь не постепенно, а сразу, — я становлюсь самым удивленным парнем на земле. Сначала, проснувшись, видишь все вокруг себя как во сне ... и я не чужой здесь, где сон становится глубже, — впрочем, что я говорю? Нет, он становится ближе. Я уверен, что мой отец очень часто спал глубоко. И готов биться об заклад, что дядя Морган так не может совсем».*

Он решил, что сделает глоток из бутылки Спида и перенесется назад сразу же, как только заметит что-нибудь, что может быть опасным... даже если ему только покажется. В ином случае перед возвращением в Нью-Йорк он будет весь день идти здесь. Вообще-то говоря, он мог бы себе позволить провести ночь в Долинах, если бы у него были какие-то запасы пищи, кроме одного яблока. Но никаких запасов не было, а вдоль Западной Дороги не стояло указателей с надписями: «Дорожное кафе» или «Бистро».

За старыми деревьями, окружавшими город-базар и его окрестности, открывались широкие луга, полные высокой сочной травы, что Джек и обнаружил, миновав последнее маленькое поселение. У него тогда сложилось такое впечатление, будто он идет по бесконечной косе, уходящей в глубь безграничного океана. В этот день он шел по Западной Дороге в одиночестве, небо над головой было

ясным, светило солнце, но тем не менее было холодно (*«Конец сентября — конечно, должно быть холодно»*, — думал Джек, только вместо английского слова «сентябрь» ему на ум пришло Долинное слово, которое можно перевести как «девятый месяц»). Ни один прохожий не шел ему навстречу, не проезжал ни один фургон, ни пустой, ни груженный. Лишь ветер дул с завидным постоянством, пролетая по травяному океану с низким звуком — одиноким и осенним. Под его дыханием по морям травы пробегала рябь.

Если бы кто-то спросил: «Как ты себя чувствуешь, Джек?», мальчик, не задумываясь, ответил бы: «Спасибо, очень хорошо. Ярко». Это слово — «ярко» — пришло ему в голову, когда он вошел в эти пустынные луга. «Восхитительно» же у него легче ассоциировалось с названием популярной песенки в исполнении группы «Блонди». И он был бы поражен, если бы узнал, что несколько раз плакал, пока стоял и смотрел на эти огромные волны, сменяющие друг друга и уходящие за горизонт, опьянев от этого замечательного вида, какой могли видеть разве что несколько американских детей — огромная пустая дорога под голубым небом ошеломляющей ширины и, да, даже глубины. Под небом, не перечерченным из конца в конец следами реактивных самолетов, не застланным черными грязными облаками городского смога.

Джек получил глубокий чувственный удар, увидев, услышав и ощутив запах вещей, совершенно новых для него, хотя он был здесь уже не первый раз. Просто раньше он не оглядывался по сторонам, и первые впечатления от Долин получил только сейчас. Во многих отношениях он был удивительно чувствительным ребенком — было бы странным, если бы он, родившийся в семье, где мать актриса, а отец продюсер, оказался грубым и невпечатлительным, — но он все же был всего-навсего ребенком, утонченным или нет, и это неоспоримо стало его душевным ростом... по крайней мере, в такой ситуации, как та, в которой он оказался. Путешествие в одиночестве через зеленые луга, естественно, предвосхитило прорыв чувств. Такое даже у взрослого могло вызвать ощущение глубокой галлюцинации и сумасшествия. Взрослый бы сразу схватился за бутылку Спиди — возможно, пальцами слишком одеревеневшими, чтобы схватить ее достаточно крепко — через час ходьбы от базарного города, а может, и еще раньше.

В случае Джека удар полностью поразил и сознание, и подсознание. Поэтому, когда он начал блаженно плакать, то совершенно не понял, что с ним происходит (то, что его зрение на секунду раздвоилось, он назвал потом застилающим глаза), и только думал:

«Черт возьми, мне так хорошо... я, должно быть, чувствую себя как привидение. Хотя, нет, наверно, и привидение себя так не чувствует!»

Вот так, в одиночестве бредя по Западной Дороге, Джек пришел к мысли, что его восторг является не чем иным, как просто хорошим ярким чувством, и не более того. Его собственная тень, тянущаяся вслед за ним, медленно удлинялась. Джека ни на секунду не посещала мысль, что корни его эмоционального прорыва могут произрастать из того факта, что немногим более двенадцати часов назад он был пленником в «Дискотеке Апдайк» в Оутли (под ногтями пальцев еще оставалась запекшаяся кровь после неудачи с последней бочкой), что немногим менее двенадцати часов назад он избежал — едва! — мучительной смерти от лап какого-то чудовища, которое он начал считать не человеко-собакой, а человеко-козлом, что первый раз в своей жизни он очутился на длинной широкой дороге, на которой не было ни единого человека, исключая его самого, нигде вокруг не было табличек с надписью «Кока-кола» или рекламных щитов, на все лады расписывающих всемирно известную Клейдесдельскую породу лошадей, не было проводов, тянувшихся вдоль дороги по обе ее стороны или пересекающих ее, *как было на дорогах, по которым бродил Джек Сойер всю жизнь*; здесь не было даже далекого раскатистого гула реактивного лайнера, оставляющего за собой длинный белый хвост и летящего над Атлантическим океаном, по пути разрезая воздух над «Альгамброй», как плетка Осмонда над его спиной; здесь раздавался только звук его собственных шагов по дороге и его же глубокое дыхание.

«Черт возьми, мне так хорошо», — подумал Джек, незаметно для себя обливаясь слезами, и определил свое состояние словом «ярко».

6

Теперь здесь появилась еще и башня, на которую можно смотреть и о которой можно было думать.

«Да, тебе никогда не забраться туда», — мысленно сказал Джек сам себе. Он сгрыз все яблоко, оставив только косточки и, бездумно вырыв пальцами ямку в сухой рассыпчатой земле, похоронил в ней огрызок.

Башня, как оказалось, была выстроена из деревянных досок с неряшливостью сарая. Джек предположил, что ее высота составляет по крайней мере пятьсот футов. Она имела квадратную форму и,

похоже, была пустой внутри. С каждой стороны вверх поднимались сбитые крест-накрест доски. Наверху возвышался какой-то помост, и, прищурившись, Джек увидел множество людей, толпящихся там.

Джек присел на обочину, прижав колени к подбородку и обняв их руками. Своим движением он всколыхнул спокойный воздух, и еще одна маленькая волна пробежала по траве по направлению к башне. Джек представил себе, как качается эта неустойчивая постройка, и почувствовал, что его желудок готов вывернуться наизнанку.

«Я НИКОГДА не полезу туда, — подумал он. — Даже за миллион баков».

И тут случилась та ужасная вещь, которой он так боялся с тех пор, как обнаружил на башне людей: один из них упал.

Джек вскочил на ноги. Его лицо стало испуганным, подбородок нервно задергался — состояние любого человека, который когда-либо присутствовал на цирковом представлении и на его глазах один из опасных трюков закончился не самым лучшим образом: акробат, который неудачно приземлился, неподвижно лежит на покрытой соломой земле; воздушный гимнаст, не долетевший до трапеции, упал мимо сетки; эквилибрист корчится на арене, разгребая пальцами солому под собой.

«Вот черт! вот...»

Глаза Джека неожиданно расширились. Подбородок упал еще ниже — теперь он почти лежал на груди, — и тут он все понял. Губы расплылись в удивленной недоверчивой улыбке. Человек не упал с башни, и его не сдуло оттуда ветром. По краям помоста торчали похожие на языки выступы — еще они были похожи на трамплин в бассейне, — и человек просто подошел к краю одного из них и прыгнул. На полпути к земле что-то начало раскрываться за его спиной — Джек сначала решил, что это парашют, но парашют не успел бы раскрыться за такое время.

Да это и не был парашют.

Это были крылья.

Падение человека замедлилось, потом и вовсе прекратилось — он тогда находился всего в пятидесяти футах от высокой зеленой травы. Затем начался подъем. Теперь человек взлетал все выше и выше, так сильно размахивая крыльями, что они едва не соприкасались, как хохолки на головах попугая, и тут же снова стремительно бросался вниз, работая руками, как пловец на последних секундах заплыва.

— *Ойе-ей*, — сказал Джек, будучи не в состоянии сказать что-либо еще. Он был до конца и полностью поражен. То, что он увидел,

превосходило все его ожидания. Это был полный бред. — *Ойе-ей! Вот это да! Ойе-ей!*

Следующий человек прыгнул с трамплина на верхушке башни, за ним третий, четвертый... Меньше чем за пять минут в воздухе оказалось около пятнадцати человек, выделяющих сложные, но различимые фигуры: вот они летят прочь от башни, рисуя в воздухе восьмерки, возвращаются, пролетают над вершиной и устремляются дальше, еще одна восьмерка по другую сторону башни, снова к ней, и еще, и еще, и еще...

Они парили, расчерчивали воздух, танцевали. Джек начал весело смеяться. Это все было немного похоже на водный балет в наивных старых фильмах Эстер Уильямс. Эти пловцы, а в особенности сама Эстер Уильямс, конечно же, всегда все проделывали с видимой легкостью, как будто вы сами можете так нырять и кружиться или словно вы и несколько ваших друзей сможете запросто синхронно прыгнуть с противоположных концов трамплина и изобразить что-то похожее на фонтан из людей.

Но все-таки существовало некоторое отличие. Люди, летающие здесь, не пытались произвести впечатление легкости; наоборот, казалось, что они прилагают огромные усилия, для того чтобы оставаться в воздухе. Джек с неожиданной уверенностью подумал, что им должно быть больно — так же, как бывает на уроках физкультуры во время некоторых упражнений, например, таких, как ходьба на полусогнутых ногах, — на мгновение, но все же больно. *«Без боли в спине не станешь сильнее!»* — сказал бы их учитель, если б кто-нибудь застонал во время занятий.

И еще кое-что вспомнилось Джеку — время, когда мама брала его с собой к своей подруге Мирне, которая была настоящей балериной, занимавшейся на верхнем этаже танцевальной студии в конце Бульвара Уилтшир. Мирна была членом балетной труппы, и Джек видел репетицию, в которой она участвовала вместе с другими балеринами и балерунами, — мать очень часто брала его с собой и обычно в самые скучные места вроде церкви или еще чего-нибудь в этом роде. Но он никогда не видел, как Мирна занимается... никогда не видел этого вблизи. Он был поражен и даже слегка напуган тем контрастом между балетом на сцене, где каждый, казалось, без особых усилий бегаёт и подпрыгивает на кончиках пальцев, и балетом с расстояния пяти футов, когда яркий солнечный свет врывается через закрытые окна, когда не играет музыка, только хореограф ритмично хлопает в ладоши и выкрикивает замечания. Никаких похвал, только замечания. Лица, покрытые потом. Костюмы, насквозь пропитанные потом. Большая комната, вся наполнен-

ная запахом пота. Напряженные мышцы дрожат и трясутся на пределе возможности. Натянутые сухожилия похожи на электрические кабели в кожаной изоляции. Пульсирующие вены выступают на шеях и лбах. Не считая хлопков хореографа и его злых грубых окриков, единственный звук, нарушающий тишину, — равномерное «ишшух-ишшух» танцовщиков, на цыпочкахдвигающихся по полу, и их шумное неровное дыхание. Джек неожиданно понял, что эти танцоры не зарабатывают на жизнь — они убивают себя. Лучше всего он запомнил выразительность их чувств — вся эта предельная концентрация, вся эта боль... но переступая через боль или, по крайней мере, обходя ее, он видел радость. Ошибки не могло быть — именно радость, и это ранило маленькую душу Джеки, потому что казалось необъяснимым. Каким должен быть человек, чтобы получать удовольствие от того, что обрекает себя на мучительную, невыносимую боль?

Здесь, по его мнению, он тоже видел боль. Были ли они на самом деле крылатыми, как люди-птицы в старом сериале «Флэш Гордон», или крылья были приделаны, как у Дедала и Икара? Джек решил, что это не имеет значения... по крайней мере, для него.

Радость.

Они живут таинственно. Эти люди окружены тайной.

Радость поднимает их в небо.

Вот это уже имело значение. В небо их поднимала радость, и не важно, растут ли крылья у них за спиной или приделаны как-нибудь с помощью ремней и застежек. Потому что увиденное им — даже с такого расстояния — требовало таких же усилий, как то, что происходило в тот день на Бульваре Уилтшир. Такое же расточительное использование энергии, чтобы получить на мгновение чарующий эффект отмены законов природы. Но это мгновение требовало такой самоотдачи, этот короткий промежуток времени был так ужасен и так прекрасен, что люди шли на это с одинаковым страхом и восхищением.

«И все это только игра», — внезапно подумал он и даже почувствовал в этом уверенность. Игра, а может быть даже... может быть, только *подготовка* к игре, такая же, как весь тот пот и пульсирующее напряжение на верхнем этаже балетной студии. Репетиция перед выступлением, которое, возможно, смогут увидеть всего несколько человек и которое, возможно, пройдет очень быстро.

«Радость», — подумал он снова, теперь уже стоя на ногах и повернувшись в сторону летающих вдалеке людей. Ветер трепал его волосы, заставляя постоянно убирать их со лба. Время его детства подходило — нет, быстро летело — к концу (и если б ему кто-нибудь

об этом сказал, то Джек, пусть с неохотой, но согласился бы, что он чувствует это приближение, — мальчик не может долго идти по дороге, не может пройти через множество испытаний, таких, как на него обрушились в Оутли, и при этом не потерять детской наивности), но в те моменты, когда он стоял, глядя в небо, детство, казалось, вновь окружало его, точно как в поэме Элизабет Бишоп, когда юный рыболов в свой короткий момент прозрения видел вокруг себя только радугу, радугу, радугу.

«Черт с ней, с радостью, но это яркий маленький мирок».

Чувствуя себя даже лучше, чем когда это все началось — и только Бог знает, когда было *то, другое*, — Джек шагал вдоль по Западной Дороге легкими шагами, с лицом, расплывшимся в блаженной, немного глупой улыбке. Он то и дело оглядывался назад через плечо и долго-долго смотрел на летающих людей. В чистом воздухе Долин это выглядело восхитительно. И даже когда он больше не мог на них смотреть, чувство радости не исчезло, переливаясь всеми цветами радуги в его голове.

7

Когда солнце начало садиться, Джек понял, что оттягивает свое возвращение в другой мир — в *американские* Долины — и совсем не из-за отвратительного вкуса «магической жидкости». Нет, он оттягивал его, потому что не хотел уходить отсюда. Между зеленых лугов тихо журчал ручеек (там, где снова начали появляться небольшие рощицы — высокие деревья со странными плоскими кронами, похожие на эвкалипты), он поворачивал вправо и струился куда-то в сторону от дороги, а потом, вдалеке, превращался в огромное водяное пространство. Оно в самом деле было *таким* большим, что вплоть до последних минут Джек думал, что это часть неба, имеющая почему-то более яркий синий цвет, чем все остальное. Но это было не небо, это было озеро. *«Великое озеро»*, — подумал Джек, улыбаясь неожиданной игре слов. Он решил, что в другом мире на этом месте должно быть озеро Онтарио.

Ему было хорошо. Он шел в правильном направлении, может быть, только чуть-чуть уклонившись на север, но не могло быть никакого сомнения, что Западная Дорога достаточно скоро вернется в свое нормальное русло. Чувство почти сумасшедшей радости — которое он определил, как бодрость и «яркость» — преобразилось в приятную спокойную безмятежность, чувство такое же чистое, как воздух Долин.

Лишь одна вещь отравляла его блаженное состояние, и это было воспоминание...

(шесть, было шесть, Джеку было шесть)

...о Джерри Бледсо. И почему его сознание выбрало такое тяжелое время для того, чтобы это воспоминание всплыло?

нет — не воспоминание... два воспоминания. Сначала то, что мы с Ричардом слышали от миссис Фенни, когда она рассказывала своей сестре, что электричество вырвалось наружу и так поджарило его, что очки расплавились на носу — она слышала телефонный разговор Моргана Слоута... и потом, лежа под кушеткой и совершенно не собираясь ничего подслушивать, я слышал голос отца: «Могут сложиться любые непредвиденные обстоятельства, и явно не все они будут благоприятными». И ведь какие-то обстоятельства неблагоприятно сложились для Джерри Бледсо, разве не так? Когда твои очки стекают по носу, я бы не рискнул назвать это «благоприятным обстоятельством», ни за что бы не рискнул...

Джек остановился. Остановился как вкопанный.

Что ты хочешь сказать?

Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, Джек. Твой отец исчезал в тот день, и Морган вместе с ним. Они были ЗДЕСЬ. И знаешь, где именно? Я думаю, ЗДЕСЬ они находились в том же месте, где ТАМ, в Калифорнии, в американских Долинах, стоит здание их офиса. И они что-то делали... по крайней мере один из них. Может, они делали что-нибудь грандиозное, а может, всего-навсего бросали камни... или зарывали яблочные огрызки у дороги. И каким-то образом... это отразилось ТАМ. Это отразилось там и убило Джерри Бледсо.

Джек вздрогнул. О, да, теперь он понял, почему все эти мысли и воспоминания постоянно крутились в его голове — игрушечное такси, приглушенный шум голосов, Декстер Гордон, дующий в свой саксофон. Он не хотел этого понимать. Потому что...

(кто играл на этих изменениях, папочка?)

...это значило, что, пребывая здесь, он представляет собой опасность для другого мира. Может ли он, например, начать Третью Мировую войну? Нет, уж это, по крайней мере, невозможно. Ведь он не покушается ни на каких королей — ни на старых, ни на молодых. Но что нужно было сделать, чтобы вызвать эхо, уничтожившее Джерри Бледсо? Может, дядя Морган убил двойника Джерри (если тот вообще у него был)? Или пытался объяснить какой-нибудь важной персоне принципы электричества? Или это было действие намного меньшей важности... что-нибудь не более глобаль-

ное, чем покупка куска жареного мяса на деревенском рынке? Кто играл на этих изменениях? Кто играл этими изменениями? Кто это все изменил? *Что внесло изменения?*

Что это могло изменить?

Веселенький пожарчик, маленькое наводненьице.

Внезапно рот Джека стал сухим, как песок в пустыне.

Он подошел к маленькому ручейку с краю дороги, опустился на колени и протянул руку, чтобы зачерпнуть воды. Рука замерла на полпути. Спокойно журчащий ручеек переливался всеми красками заката... но сейчас все эти цвета были заглушены красным, так что казалось, что ручей несет вдоль дороги не освежающую воду, а кровь. Затем он стал черным, а мгновение спустя — снова прозрачным, и Джек увидел...

Он тихонько всхлипнул, когда увидел дилижанс Моргана, грохочущий по Западной Дороге, с запряженной в него чертовой дюжиной взмысленных черногривых лошадей. Почти со смертельным ужасом Джек заметил, что кучер, сидящий впереди, уперев свои обутое в сапоги ноги о крылья над передними колесами, небрежно держащий плетку в одной руке — не кто иной, как Элрой. Но то, в чем он держал кнут, не было рукой. Это было что-то наподобие копыта. Элрой управлял кошмарным экипажем, Элрой улыбался во весь рот, полный кривых черных клыков, Элрою не терпелось разыскать Джека Сойера, разорвать ему брюхо и вытащить наружу кишки.

Джек стоял на коленях перед ручьем, глаза вылезли на лоб, губы подергивались от ужаса. Он увидел последнюю часть своего видения, не очень большую, но то, что в ней заключалось, было самым страшным, самым пугающим — глаза лошадей горели. Они горели оттого, что были полны света — полны заходящего солнца.

Дилижанс мчится по той же дороге, по которой иду я... И он гонится за мной!

Онемевший, неспособный подняться, хотя это следовало сделать, Джек оторвал взгляд от ручейка и неуклюже подполз к дороге. Он навзничь упал в пыль; бутылка Спида и зеркало торговца коврами больно вдавились в его бок. Потом повернул голову так, чтобы правые щека и ухо оказались плотно прижатыми к поверхности Западной Дороги.

Сухая притоптанная земля донесла до него легкую дрожь на дороге. Она была далекой, но... приближалась.

Элрой наверху... и Морган внутри. Морган Слоут? Или здешний Морган? Какая разница — это один и тот же человек.

Он сбросил с себя оцепенение дрожащей земли и поднялся. Затем вытащил из кармана бутылку Спида — точно такую же здесь, в

Долинах, как и в США — и счистил с горлышка максимально возможное количество ила, не обращая внимания на то, что его частички осыпаются внутрь, где осталось уже совсем немного жидкости — не больше пары дюймов. Джек резко обернулся влево, как будто ожидая увидеть появляющийся на горизонте черный дилижанс и полные заката глаза лошадей, горящие, словно автомобильные фары. Конечно же, он ничего не увидел. Горизонт в Долинах был ближе, чем в другом мире, как он уже успел заметить. Звуки донесли бы раньше. Дилижанс Моргана сейчас, должно быть, находился милях в двадцати восточнее.

«Ну что ж, пора», — подумал Джек, поднося бутылку к губам. Едва за секунду до того как выпить, он услышал собственный внутренний голос: *«Стой! Стой! погоди минуту, идиот! Ты что, хочешь, чтобы тебя убили? Хочешь, чтобы переехали?»* Действительно — ведь он стоял на середине Западной Дороги, а возвращение в другой мир на середину такой же дороги чревато тем, что он может попасть (а вернее, непременно попадет) под колеса какого-нибудь «мерседеса» или «вольво», или даже грузовика.

Джек подошел к обочине, а затем сделал несколько медленных аккуратных шагов в высокую густую траву, набрал полную грудь воздуха, наслаждаясь запахом этого места, приносящим чувство блаженства... а потом чувство радости.

«Надо постараться запомнить все эти чувства, — подумал он. *— Мне это может понадобится... и скорее всего, я еще долго не смогу сюда вернуться».*

Он окинул взглядом луга, уже потемневшие на востоке, где их не освещали последние солнечные лучи. Дунул ветер, уже холодный, но все такой же ароматный, и всколыхнул его волосы — они торчали дыбом — так же, как колыхал траву.

Ты готов, Джеки?

Джек закрыл глаза и приготовился принять в себя омерзительный вкус жидкости, после чего вполне могла последовать тошнота со всеми вытекающими последствиями.

— Банзай! — прошептал он и выпил.

Глава 14 БАДДИ ПАРКИНС

1

Последствия вытекли в виде небольшой розовой лужицы. Его лицо находилось всего в нескольких дюймах от травы, покрывающей длинный газон, тянущийся вдоль четырехполосной трассы; Джек мотнул головой и откинулся назад. Он стоял на коленях, подставив спину тяжелому серому небу. Мир, этот мир, смердел. Он отполз назад, подальше от рвотной массы, повисшей на стебельках травы, и зловоние уменьшилось, но не исчезло. Выхлопные газы и другие безымянные яды висели в воздухе, и он сам беспредельно, выматываяще вонял. Шум, постоянно доносившийся с дороги, только усиливал впечатление того, что воздух умирает. Обратная сторона дорожного знака, висевшего над его головой, была похожа на гигантский телевизионный экран. Джек с трудом поднялся на ноги. Далеко за дорогой простиралось бесконечное водное пространство, почти такое же серое, как и небо. С его поверхности исходило какое-то болезненное свечение. Повсюду висел запах металлических опилок, затрудняющий дыхание. Озеро Онтарио, и этот маленький задымленный городок, должно быть, Оклотт или Кендалл. Он на много отклонился от своего пути — около сотни миль, если не больше, что означает четыре с половиной дня. Джек обошел знак, надеясь, что его дела не хуже, чем он думает, поднял голову и всмотрелся в черные буквы. «Ангола», — прошептали его губы. Ангола? Где это? Он взгляделся в маленький городок через уже почти терпимый воздух.

Нед Макнелли, его незаменимый помощник, подсказал ему, что впереди не что иное, как озеро Эри. Все потерянные дни и мили на деле оказались приобретенными.

Но перед тем, как мальчик решил, что можно сделать очень ловко — что можно отправиться обратно в Долины, как только он будет уверен, что там безопасно, другими словами, когда дилижанс Моргана будет грохотать намного западнее того места, откуда он только что сбежал, — перед тем, как даже подумать об этом, он сперва должен был отправиться в этот маленький дымный городок Анголу и выяснить, не произвел ли за это время Джек Сойер, Джеки, каких-либо изменений (папочка). Он пошел вдоль газона, двенадцатилетний мальчик в джинсах и куртке-шотландке, слишком высокий для своего возраста, уже начинающий выглядеть самосто-

ятельным и с необычным, слишком беспокойным выражением на лице.

Пройдя уже полпути, Джек обнаружил, что снова думает на английском языке.

2

Много дней спустя и много миль западней.

Человек по имени Бадди Паркинс из Кембриджа, Огайо, который подобрал на дороге высокого мальчика, называющего себя Льюис Фаррен, обнаружил этот беспокойный вид — этот малыш Льюис выглядел так, будто постоянное волнение глубоко впиталось в кожу его лица. *«Ну, улыбнись же, сынок, ради себя самого хотя бы»*, — хотел сказать ему Бадди. Но, согласно истории, мальчик повидал достаточно для своих десяти лет. Отец умер, мать больна, сам он послан к какой-то тете-учительнице на озеро Бакаи... на Льюиса Фаррена бед свалилось в избытке. Он выглядел так, будто у него не было больше пяти долларов с прошлого Рождества. Значит... Бадди решил, что в своем рассказе мальчик чего-то не договаривает.

Во-первых, от него пахло фермой, а не городом. Бадди Паркинс со своими братьями обрабатывали три сотни акров земли недалеко от Аманды, милях в тридцати южнее Колумбии, и Бадди знал, что в этом он не может ошибиться. От мальчика пахло, как в Кембридже, а Кембридж — деревня. Бадди родился и вырос с запахом фермы и конюшен, пшеницы и навоза, и грязные одежды мальчика излучали все эти знакомые ароматы.

Да и что касается самих одежд. Миссис Фаррен должна быть ужасно больна, думал Бадди, если послала своего сына в дорогу в драных джинсах, настолько покрытых грязью, что они казались бронзовыми. А обувь! Кроссовки Льюиса Фаррена едва не падали с ног, шнурки связаны из кусков, а подошва оторвана в нескольких местах на каждой ноге.

— Так значит, Льюис, они украли машину твоего отца?

— Ну да, как я и сказал. Мерзкие воришки — пришли среди ночи и увели ее прямо из гаража. Кто бы мог подумать, что они способны на это! Теперь нам придется много работать, чтобы скопить на новую. Вы меня понимаете?

Честное загорелое лицо мальчика было повернуто к нему, как будто он задал самый серьезный вопрос на свете, и Бадди не мог не согласиться с этим — он соглашался с любым словом мальчика, столь благоухающего запахами фермы.

— Конечно, у каждой медали есть две стороны, — сказал невесело Бадди Паркинс.

Мальчик отвернулся и снова начал смотреть на дорогу. И снова Бадди почувствовал его тревогу, облако волнения, казалось, окутывающее мальчика, и почти пожалел о том, что не оказал ему вовремя моральной поддержки, в которой тот, похоже, так нуждался.

— Я так понял, что твоя тетя преподает в начальной школе там, на озере Бакаи, — сказал Бадди, надеясь хотя бы слегка облегчить страдания Льюиса Фаррена. Не прошлые, будущие.

— Да, сэр, Вы правы. Она учительница в начальной школе. Элен Воган, — выражение его голоса не изменилось.

Но Бадди снова услышал незнакомые нотки — он не считал себя никаким Генри Хиггинсом, профессором музыки, но был абсолютно уверен, что мальчик говорит не так, как любой человек, выросший в Огайо. Речь ребенка была сплошь неправильной, слишком зажатой и полной неверных нюансов и ударений. Нет, в Огайо так не говорят. Это совсем не тамошняя речь. Это *акцент*.

Но ведь возможно, что какой-нибудь мальчик специально учился говорить таким образом? Какая бы сумасшедшая причина этому ни была? Бадди предположил, что возможно.

Но, с другой стороны, газета, которую Льюис Фаррен ни разу не вытащил из-под своего левого локтя, похоже, подтверждала самые худшие подозрения Бадди Паркинса о том, что его благоухающий юный пассажир все время юлит и что каждое его слово — ложь. Газета, как Бадди смог прочитать в зеркале заднего вида, называлась «Вестник Анголы». Не той Анголы, что в Африке, куда отправлялось множество английских и американских наемников, а Анголы, что в штате Нью-Йорк — далеко отсюда, на озере Эри.

— Я хочу спросить у тебя кое-что, Льюис, — сказал он, прокашлявшись.

— Да, — сказал мальчик.

— Откуда у мальчика из Огайо газета из Анголы? Из Нью-Йорка? Ведь это так далеко отсюда, у черта на рогах? Ты не думай, мне просто любопытно.

Мальчик взглянул на газету, распластанную под рукой и посильнее прижал к себе, словно боялся, что ее могут отнять.

— Я ее нашел.

— Да ну?

— Да, сэр, я нашел ее на скамейке у автобусной остановки у себя дома.

— Ты был на автобусной остановке?

— Как раз перед тем, как решил сэкономить деньги и ехать автостопом. Мистер Паркинс, если вам не трудно, довезите меня до поворота на Зейнсвилл. Мне оттуда легче всего добраться. Возможно, я попаду к тете как раз перед обедом.

— Возможно, — сказал Бадди, и следующие несколько миль прошли в неприятном молчании. Потом, не выдержав, тихо спросил: — Сынок, скажи, ты убежал из дому?

Льюис Фаррен ответил на это улыбкой — не ухмыльнулся, не ослабил, а по-настоящему улыбнулся. Представление о побеге из дома было смешным. Оно развеселило его. Мальчик посмотрел в сторону Бадди, и долю секунды спустя тот обернулся к нему. Их глаза встретились.

Секунду, две секунды, три... неизвестно, сколько продолжался этот момент, когда Бадди Паркинс увидел, что невымытый мальчик, сидящий рядом с ним, красив. Он считал для себя непозволительным использовать это слово в описании любого человека мужского пола старше девяти месяцев, но Льюис Фаррен, несмотря на вьевшуюся в кожу дорожную пыль, был красив. Чувство юмора моментально победило тревожения, и то, что увидел в нем Бадди — пятидесятидвухлетний отец трех сыновей-подростков, — была прямая открытая доброта, которая только углублялась множеством необычных переживаний. Этот Льюис Фаррен в свои (по его собственному определению) двенадцать лет в каком-то отношении зашел дальше и видел больше, чем он, Бадди Паркинс, и то, как он видит и понимает, и делает его красивым.

— Нет, мистер Паркинс, я не убежал, — сказал мальчик.

Затем он моргнул, взгляд вновь ушел вглубь, глаза потеряли ясность и перестали светиться, и мальчик откинулся на спинку сидения. Он приподнял колено, уперся им о щиток и подложил под себя газету.

— Нет, я так не думал, — сказал Бадди Паркинс, возвращая свое внимание на дорогу. Он успокоился, хотя и не мог понять почему. — Я верю, что ты не врешь. В некоторой степени.

Мальчик не ответил.

— Ты работал на ферме?

Льюис удивленно посмотрел на него.

— Да. Последние три дня. Два доллара в час.

«И твоя мама не нашла времени, чтобы постирать тебе одежду, прежде чем отправлять тебя к сестре?» — подумал Бадди. Но сказал он совсем другое:

— Льюис, я предлагаю тебе поехать ко мне домой. Я не говорю, что ты сбежал или что-то такое, но если ты из Огайо, то я готов

съесть эту старую машину со всеми потрохами. У меня самого трое сыновей, младший, Билли, только года на три старше тебя, но мы в состоянии прокормить *еще одного мальчика*. Ты можешь пожить у меня, сколько захочешь, в зависимости от того, сколько ты сможешь отвечать на мои вопросы — потому что я их буду задавать, по крайней мере, после первого раза, когда мы преломим хлеб.

Он пригладил рукой свою седеющую прическу и взглянул на Льюиса Фаррена, который теперь был похож просто на маленького мальчика.

— Я приглашаю тебя, сынок.

Улыбаясь, мальчик ответил:

— Это очень любезно с вашей стороны, мистер Паркинс, но я не могу. Мне нужно повидать мою... тетю на...

— На озере Бакаи, — закончил Бадди.

Мальчик сглотнул и снова уставился на дорогу.

— Я помогу тебе, если ты нуждаешься в помощи, — повторил Бадди.

Льюис пожал широкими загорелыми плечами.

— То, что вы меня подобрали — это уже большая помощь, честное слово.

Десять проведенных в молчании минут спустя он увидел, как одинокая фигура мальчика бредет вниз по наклонной дороге в сторону Зейнсвилла. Эмми, возможно, прибила бы его, если б он привел домой странного, грязного, голодного мальчика, но как только б она увидела его и поговорила с ним, то обязательно уронила бы тарелки, которые дала ей мать. Бадди Паркинс не верил, что на озере Бакаи живет женщина по имени Элен Воган. Он даже не был уверен, есть ли мать у таинственного Льюиса Фаррена — ребенок выглядел сиротой, лишенным родительской заботы. Бадди смотрел вслед уходящему мальчику, пока тот не скрылся из виду, а затем переключился на громадную желто-бордовую вывеску придорожного кафе.

На секунду у него возникло желание выпрыгнуть из машины, догнать Льюиса и попытаться вернуть его... а потом он вспомнил шумную дымную сцену в шестичасовых новостях. Ангола, штат Нью-Йорк. Землетрясение, слишком маленькое, чтобы о нем сообщать больше одного раза — вот, что произошло в Анголе. Одна из тех небольших трагедий, которые являются камешками под горами ежедневных событий. Все, что мог вспомнить Бадди — это подъемные краны, как огромные жирафы склонившиеся над глубокой ямой, в которую упало несколько автомобилей. Дыра, которая может служить вратами ада. Бадди Паркинс еще раз взглянул на пустое место на дороге, где недавно был мальчик, и нажал на газ.

Память Бадди Паркинса оказалась более внимательной, чем он себе представлял. Если бы он посмотрел на первую страницу «Вестника Анголы» месячной давности, который этот загадочный мальчик Льюис Фаррен так бережливо и едва не со страхом сжимал в руке, то он смог бы прочесть:

В ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ ПОГИБЛО 5 ЧЕЛОВЕК
сообщает специальный корреспондент «Вестника»

Йозеф Джарган

Работы на Птичьих башнях, предполагавшихся стать высочайшим и роскошнейшим сооружением Анголы, вчера трагически прервались за шесть месяцев до завершения из-за беспрецедентного подземного толчка, пошатнувшего корпус здания и похоронившего под обломками нескольких строителей. Пять трупов уже извлечены из-под руин разрушенной постройки, и еще двое рабочих до сих пор не найдены. Предполагается, что они тоже мертвы. Все семеро строителей являлись сварщиками и монтажниками, нанятыми компанией «Спейсер Констракшн», и в момент инцидента находились на вершине здания.

Вчерашние толчки были первым землетрясением в истории Анголы. Сегодня мы связались по телефону с Армином ван Пелтом из нью-йоркского отделения Университета Геологии, который описал вчерашнюю трагедию как «сейсмический пузырь». Представители Государственной Комиссии по безопасности продолжают выяснять...

Умершими были Роберт Хейдел, 23 года; Томас Тилкер, 34; Джером Уайлд, 48; Брюс Деви, 39; Майкл Хаген, 29; двое пропавших без вести — Теодор Рейсмьюссен, 43 и Арнольд Шалткамп, 54. Джеку не нужно было смотреть на первую страницу газеты, чтобы вспомнить эти имена. Первое землетрясение в истории Анголы, штат Нью-Йорк, произошло в тот же день, когда он перенесся с Западной дороги на границу этого города. Одна часть Джека Сойера желала отправиться в дом большого доброго Бадди Паркинса, сесть за кухонный стол вместе с его семьей, пообедать — жаркое и яблочное варенье! — а затем удобно устроиться на кровати в комнате для гостей, подложив под голову мягкую самодельную подушку. И не двигаться — разве что от кровати к столу — четыре или пять дней. Но другая его часть с ужасом видела этот сосновый кухонный стол,

заваленный надкусанными кусками сыра, а на другом краю стола — огромную мышиную дыру, прогрызенную в массивной столешнице. А через дыры в джинсах трех сыновей Паркинса свисают тонкие длинные мышиные хвосты. Кто повторил случай с Джерри Вледсо, папочка? *Хейдел, Тилкер, Уайлд, Хаген, Деви, Шалтхамп и Рейс-мьюссен*. Кто повторил этот случай, только с более тяжелыми последствиями? Джек хорошо знал кто.

4

Громадный знак с надписью «ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР БАКАИ» постепенно вырастал перед Джеком, пока он заходил на последний поворот дороги, поворачивал вместе с ним и наконец появлялся по другую его сторону, откуда он мог видеть, что знак держится на трех высоких желтых мачтах у ограды автостоянки. Сам Торговый Центр оказался футуристическим сосредоточением коричневатожелтых зданий, которые, казалось, не имели окон. Секунду спустя Джек понял, что Центр был обнесен забором, и то, что он видел, являлось всего лишь иллюзией разделенных зданий. Он опустил руку в карман и нащупал двадцать три однодолларовые банкноты, которые могли принести ему удачу.

В холодных лучах осеннего полуденного солнца Джек направился к автостоянке Торгового Центра, расположенной через дорогу от него.

Если бы не разговор с Бадди Паркинсом, Джек сейчас с большим удовольствием стоял бы на трассе и пытался покрыть следующие пятьдесят миль — он хотел попасть в Иллинойс, где сейчас был Ричард Слоут, в течение ближайших двух-трех дней. Мысль о том, что он снова увидит своего друга Ричарда, поддерживала его в тяжелые дни непрерывной работы на ферме Элберта Паламаунтина: он представлял себе серьезное очкастое лицо Ричарда Слоута в его комнате в школьном городке в Спрингфилде, Иллинойс, который кормит его так же обильно, как миссис Паламаунтин. Джек хотел увидеться с Ричардом, и чем скорее, тем лучше, но приглашение Бадди Паркинса каким-то образом остановило его. Он не мог сейчас забраться в следующую машину и заново приступить к вешанью лапши на уши водителю. (Тем более, что история, как Джек заметил, постепенно теряет свою силу.) Торговый Центр давал ему реальный шанс убить часок-другой, особенно если где-нибудь там есть кинотеатр — сейчас Джек готов был посмотреть даже глупейшую, нуднейшую «Историю любви».

Но перед тем, как пойти в кино, если он будет достаточно удачлив, чтобы найти кинотеатр, ему нужно позаботиться о двух вещах, которые он откладывал уже не меньше недели. Джек заметил, как Бадди Паркинс смотрит на его распотрошенные кроссовки. Но кроме того, что обувь окончательно пришла в негодность, ступни, когда-то мягкие и упругие, теперь стали тверже асфальта. За те дни, когда ему приходилось преодолевать огромные расстояния — или работать, стоя весь день, — подошвы окаменели, а верхняя часть ступней покрылась волдырями, словно облитая кипятком.

Второе задание — позвонить маме — диктовалось чувством, похожим на чувство вины, и вызвало в Джеке бессознательный страх. Он не был уверен, что сможет удержаться от слез, когда услышит ее голос. А что, если он будет грустным? Что, если он будет по-настоящему больным? Сможет ли он продолжать свой путь на запад, если Лили станет слезно умолять его вернуться в Нью-Хемпшир? Поэтому он не был окончательно уверен, что будет ей звонить. Его воображение неожиданно нарисовало перед ним очень ясную картину: ряд телефонов-автоматов под прозрачными пластиковыми колпаками и он, убегающий от них, как будто Элрой или какое-нибудь другое чудовище из Долин могут выскочить из отверстия микрофона и своими когтистыми лапами схватить его за горло.

Три девочки, на год или на два старше Джека, выпрыгнули из «Субару-Брета», бесшумно подкатившего к автостоянке около главного входа в Центр. Несколько секунд они напоминали фотомодели, замершие под ярким светом в удивительно элегантных позах. Затем, приняв более естественный вид, девочки с удивлением посмотрели на Джека и принялись приводить в порядок свои прически. Они были длинноногими, эти самоуверенные маленькие принцессы в узких облегающих джинсах; когда они смеялись, то прикрывали руками свои ротки, доказывая всем своим видом, что сам смех способен смеяться... Джек шел медленно, как во сне. Одна из принцесс взглянула на него и что-то прошептала своей темно-волосой подружке.

«Я отличаюсь от всех здесь, — подумал Джек. — Я ни капельки на них не похож». Это открытие вновь заставило его почувствовать себя одиноким.

Упитанный парень со светлыми волосами в голубой спортивной майке выбрался с водительского кресла машины и тут же был окружен девочками; он смотрел поверх их голов, стараясь обращать на них как можно меньше внимания. Парень, похоже, был намного старше — по возрасту он мог быть студентом университета. Он

бросил беглый взгляд на Джека и затем оценивающе посмотрел в сторону фасада Торгового Центра.

— Тимми, — сказала темноволосая девочка, — я вот думаю, откуда здесь так несет дерьмом?

Парень ответил ей высокомерной улыбкой. Темноволосая девочка смерила Джека взглядом, а затем повернулась и побежала вдогонку своим друзьям, уже переходящим через дорогу. Стеклянные двери Центра открылись, пропуская внутрь самодовольного Тимми и трех его друзей.

Джек подождал, пока четыре фигуры, видимые сквозь двери, не уменьшатся до размеров щенков вдали, и только тогда вступил на площадку, открывающую двери.

Холодный сырой воздух окружил его со всех сторон.

Брызги воды разлетались вокруг окруженного лавочками фонтана высотой с двухэтажный дом. По обеим сторонам располагались магазинчики, чьи желто-коричневые стены были освещены мягким успокаивающим светом прожекторов. Из старого, покрашенного в красное, как пожарная машина, киоска с надписью «ПОПКОРН» на обоих боках, стоящего на первом уровне Торгового Центра, доносился запах воздушной кукурузы, который Джек почувствовал, как только двери захлопнулись за ним. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что здесь нет никакого кинотеатра.

Тимми и его длинноногие принцессы поднимались по эскалатору в дальнем конце аллеи, направляясь, как предположил Джек, в ресторан со смешным названием «Капитанский столик», расположенный на втором уровне. Джек снова опустил руку в карман брюк и потрогал банкноты. Медиатор Спиди и монета Капитана Фаррена покоились на самом дне кармана вместе с горстью мелочи.

Между кондитерской мистера Чипса и магазином спиртных напитков Хайрэма Уолкера с вывеской «САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ» был зажат крохотный магазинчик со сказочным названием «ХРУСТАЛЬНЫЙ БАШМАЧОК», в одном углу которого находился прилавок, заставленный новой обувью, а в другом располагался сапожных дел мастер; стол перед ним также был завален обувью, но уже намного менее новой. Тот даже подался вперед, увидев, что Джек снимает с ног, очень сомневаясь, что здесь можно что-нибудь сделать.

Джек не узнавал ни одного названия кроссовок на прилавке: тут не было ни «Найка», ни «Пумы», они назывались «Спидстер» или «Буллсай», о чем гласила надпись на заднике каждого из связанных

попарно ботинок. Это были, конечно, кроссовки, но кроссовки не для кросса. Они были слишком шикарные для этого.

Он купил самую дешевую пару, подходящую ему по размеру, с голубыми и красными зигзагообразными полосками. Сколько он на них ни смотрел, так и не смог найти никакого названия. Внешне они мало чем отличались от большинства других кроссовок на прилавке. В кассе он оставил шесть долларовых купюр и сказал продавцу, что коробка ему не нужна.

Джек присел на одну из лавочек около высокого фонтана и сташил с себя разодранные «Найк», даже не развязав шнурков. Когда он натянул новые кроссовки, его ноги, если б они могли говорить, непременно рассыпались бы в благодарностях. Джек встал с лавочки и выбросил свою старую обувь в длинную черную урну с контрастно белой надписью: «НЕ БУДЬТЕ СВИНЬЯМИ». Чуть пониже, маленькими буквами: *«Земля — наш дом. Не надо мусорить»*.

Джек вошел под длинную низкую арку, оглядываясь по сторонам в поисках телефона. Он подошел к киоску «ПОПКОРН», протянул пятьдесят центов и получил квадратный стаканчик с воздушной кукурузой, горячей и сверкающей от масла. Человек средних лет в круглой шляпе, с отвисшими как у моржа усами, продававший попкорн, рассказал ему, что телефоны-автоматы — на втором уровне, за углом. Человек указал на ближайший эскалатор.

Набивая рот воздушной кукурузой, Джек поднимался вверх. Выше него стояли две женщины — одна лет двадцати, другая намного старше. Эта вторая имела такие размеры, что своими боками едва не тормозила эскалатор.

А если б Джек перенесся внутрь Торгового Центра Бакаи — или даже на милю или две от него — затряслись бы стены? Обрушились бы потолки? Посыпались бы кирпичи и балки, прожекторы и громкоговорители на головы тем, кто в этот момент был внутри? И принцессы-десятиклассницы, и даже высокомерный Тимми, и многие-многие другие попадали бы с поломанными руками, пробитыми головами, вывернутыми челюстями... За секунду до того, как сойти с эскалатора, Джек увидел, как большие куски гипса и металла падают вниз, услышал страшный грохот того, как они бьются о пол, крики, заглушающие этот грохот...

Ангола. Птичьи Башни.

Джек почувствовал, как вспотели его ладони и вытер их о штанины джинсов.

Наверху, тут же у эскалатора, Джек увидел льющийся слева свет, и, повернув туда, обнаружил длинный кривой коридор, пол и

стены которого были выложены светло-коричневым кафелем. Как только поворот коридора скрыл его из виду всех, находящихся на втором уровне, Джек увидел три автомата под прозрачными пластиковыми колпаками. Напротив телефонов располагались двери с надписями «М» и «Ж».

Забравшись под колпак, Джек набрал 0, потом код местности и номер отеля «Альгамбра».

— Слушаю Вас, — сказала телефонистка.

— Я звоню миссис Сойер из четыреста седьмой или четыреста восьмой. Скажите, пожалуйста, что это Джек.

Телефонистка ответила, и сердце Джека бешено забилося. Она переключила звонок на аппарат в номере. Телефон прозвонил раз, два, три...

Затем, наконец, раздался голос матери.

— Боже мой, сынок, как я рада тебя слышать! Положение покинутой матери слишком тяжело для такой старухи, как я. Мне иногда кажется, что я навсегда тебя потеряла, когда ты не крутишься рядом и не советуешь мне, как поступать с посетителями...

— Ты просто слишком шикарна для большинства посетителей, — сказал Джек и почувствовал, что он сейчас расплатится с облегчением.

— С тобой все в порядке, Джек? Только не ври.

— Все хорошо, правда. — сказал он. — Да, хорошо. Я как раз хотел узнать, как ты... ну ты понимаешь, что я имею в виду.

В трубке раздался тихий электронный шорох, такой звук издает песок, когда ветер гонит его по пляжу.

— У меня все нормально, — ответила Лили. — Мне даже немного лучше. Я совсем не болею, если ты об этом беспокоишься. Мне хотелось бы знать, где ты сейчас?

Джек помолчал секунду, в трубке снова зашуршало.

— Я в Огайо. Очень скоро я буду у Ричарда.

— Когда ты вернешься, Джеки?

— Я не знаю...

— Не знаешь! Клянусь, малыш, если б твой отец не называл тебя этим дурацким именем — Маленький путешественник — и если б ты тогда попросил об этом десятью минутами раньше или двумя минутами позже...

Громкий треск поглотил конец фразы, и Джек вспомнил, как она выглядела в кафе — изможденная, осунувшаяся старая женщина. Когда треск прекратился, он спросил:

— У тебя нет проблем с дядей Слоутом? Он не беспокоит тебя?

— Я плюнула твоему дяде Моргану в морду и послала его ко всем чертям, — сказала мама.

— Он был у тебя? Он приезжал? Он все еще преследует тебя?

— Я отделалась от Слоута дня через два, как ты ушел, сынок. Можешь больше об этом не беспокоиться.

— Он не сказал, куда он собирается? — спросил Джек, но как только эти слова вылетели из его рта, раздался такой телефонный треск, что, казалось, он может насквозь просверлить голову. Джек поморщился и убрал трубку от уха. Ужасный шум был таким громким, что любой проходящий по коридору мог еще слышать.

— МАМА! — крикнул Джек, прижимая микрофон к губам, насколько это позволяла трубка. Но свист, треск и шорох только усилились. Потом раздались какие-то смешанные голоса, обрывки мелодий, как будто между двумя телефонными станциями на полную громкость врубили ненастроенный приемник.

Неожиданно все стихло. Джек поднес трубку к уху, но услышал только черную тишину мертвого воздуха.

— Алло, — сказал он и постучал по корпусу автомата.

Плотная тишина телефонной линии, казалось, давила на голову. Откуда-то издалека раздался длинный гудок, ровный и чистый. Джек опустил правую руку в карман за следующей монетой.

Разыскивая монету, он левой рукой все еще держал телефонную трубку возле уха. Мороз пробежал по коже, когда он услышал, что гудок неожиданно прервался.

Голос Моргана Слоута был близким и чистым, как будто старый добрый дядя Морган разговаривал из соседнего аппарата.

— Уноси свою задницу домой, Джек, — слова резали воздух, словно скальпель. — Уноси свою задницу домой, пока мы тебе не помогли.

— Подождите, — сказал Джек, словно спрашивая времени на раздумье. На самом деле он был слишком напуган, чтобы понимать, что он говорит.

— Чего еще ждать, идиот? Ты — убийца. Скажешь, не так? Ты убийца. Поэтому мы не можем больше ждать. Или ты добровольно возвращаешься в Нью-Хемпшир сейчас же, или ты возвращаешься туда в мешке.

Джек услышал, как щелкнуло в трубке. Он уронил ее. Телефон наклонился вперед и сорвался со стены. На секунду он повис, удерживаемый проводами, потом с грохотом упал на пол.

Дверь с надписью «М» распахнулась за его спиной и раздался громкий крик:

— ТВОЮ МАТЬ!

Джек обернулся и увидел худого, коротко стриженного парня лет двадцати, смотрящего на телефоны. На нем был белый передник и коричневый галстук — продавец в одном из магазинов.

— Это не я, — сказал Джек, — оно само...

— Твою мать, — повторил стриженный продавец, отвернувшись от Джека, как будто для того, чтобы уйти, но потом с силой ударил его по голове.

Джек побежал по коридору. Когда он был на полпути к эскалатору, снова раздался крик продавца, последнее, что он услышал в этом месте:

— Телефон! Мистер Олафсон, телефон!

Снаружи воздух был на удивление влажен и чист. Ошеломленный, Джек шел по дороге. Когда он был в полумиле от автостоянки, черно-белая полицейская машина просвистела мимо него по направлению к Торговому Центру. Джек отошел в сторону и дальше побрел по тротуару. Вдалеке семья из шестерых человек пыталась протолкнуть большое кресло еще через один вход в Центр. Джек увидел, что муж с женой поворачивают его по диагонали, а маленькие дети то пихают его, то прыгают на нем. Наконец в позе знаменосцев на знаменитой картине Иво Джима семья прошествовала через двери. Полицейская машина со скрипом затормозила у стоянки.

Около двери, где недавно семья в суровой борьбе победила кресло, на деревянном ящике сидел старый негр с гитарой в руках. Подойдя ближе, Джек увидел у ног человека металлическую кружку. Его лицо было скрыто под грязными солнечными очками и засаленной фетровой шляпой, надвинутой на лоб. Рукава его кожаной куртки были морщинистыми и напоминали хобот слона.

Джек свернул с тротуара, чтобы дать человеку столько, сколько он заслуживает, и заметил, что на шее у того висит табличка — белая выцветшая дощечка, с большими кривыми буквами. Сделав еще несколько шагов, он смог прочитать:

*СЛЕПОЙ ОТ РОЖДЕНИЯ
ИГРАЮ И ПОЮ
ХРАНИ ВАС ГОСПОДЬ*

Он уже почти прошел мимо негра со старой разбитой гитарой, когда услышал его тихий шепот:

— Мальчик...

Глава 15

ПЕВЕЦ ПО ИМЕНИ СНЕЖОК

Джек резко повернулся к негру. Сердце, уже который раз за сегодняшний день, бешено забилося в груди.

Спиди?

Негр взялся за кружку, поднял ее, потряс ей. Несколько монет звякнули на дне.

Это Спиди. За этими темными очками — Спиди.

Джек был уверен в этом. Но секунду спустя он уже был не менее уверен, что это не Спиди. У Спиди не было квадратных плеч и широкой груди. У Спиди плечи были сглаженные, слегка покатые, а его грудь как следствие имела слегка вдавленный вид. Это здешний Джон Харт... нет, Рэй Чарльз.

Но я не могу быть уверен ни в том, ни в другом, пока он не снимет свои черные очки.

Он уже открыл рот, чтобы громко произнести имя Спиди, но тут старик неожиданно заиграл. Его морщинистые пальцы, черные, как грецкий орех, высушенный неочищенным, с проворностью и даже изяществом бегали по струнам и грифу. Он играл хорошо — пока звучал аккорд, медиатор извлекал мелодию. Секунду спустя Джек узнал эту вещь. Это была одна из старых записей его отца. Из первого альбома, с названием «Джон Харт на Миссисипи». И хотя слепой человек не пел, Джек хорошо знал слова:

*Скажите, милые друзья, иль это не ужасно...
На новом кладбище пустом наш Льюис тихо спит.
И над могилою его лишь ангелы кружатся
С его душою на руках...*

Светловолосый футболист и три его принцессы вышли из главного входа Торгового Центра. Каждая из принцесс лизала мороженое. Мистер Америка в каждой руке нес по сэндвичу. Они направились к тому месту, где стоял Джек. Джек, чье внимание было полностью приковано к старому негру, не заметил их. Он думал, что это Спиди и что Спиди каким-то образом читает его мысли. А что еще можно сказать, если этот человек заиграл «Джона Харта на Миссисипи», как только Джек подумал, что Спиди похож на этого самого Джона. К тому же эта песня содержит в себе его дорожное имя.

Тимми переложил оба сэндвича в левую руку, а правой со всей силы толкнул Джек в спину. Его язык попал меж собственных

зубов, как медведь в капкан. Боль была неожиданной и мучительной.

— Где ты вывалился в навозе, кусок дерьма? — сказал он. Принцессы захохотали.

— Давай-ка переверни ему кружку, — добавил спортсмен.

Джек шагнул вперед и опрокинул кружку слепого музыканта. Монеты посыпались и покатались. Мягкая линия блюза с шумом прервалась. Мистер Америка и Три Маленьких Принцессы уже шли дальше, когда он поднял голову. Джек смотрел им вслед с уже знакомым чувством бессильной ненависти. Так чувствуешь себя, когда ты слишком молод, чтобы всем все прощать и быть при этом жертвой, доступной каждому — от припадочного Осмонда до лишнего чувства юмора старого лютеранина Элберта Паламаунтина, чье представление о правильно спланированном рабочем дне сводилось к хлюпанью по грязи в поле в течение двенадцати часов под холодным проливным октябрьским дождем или к сидению под замком в кабине его грузовика, поеданию сэндвичей и чтению Библии.

Джек не собирался им «отвечать», хотя у него была странная уверенность, что если б он этого захотел, он смог бы, что он приобрел какую-то силу — что-то похожее на электрический заряд. Временами ему казалось, что другие люди знают это — это было написано на их лицах, когда они смотрели на него. Но он *не хотел* никому отвечать. Он хотел остаться один. Он...

Слепой шарил вокруг себя, собирая рассыпанные деньги. Его руки медленно двигались над тротуаром, будто читая его. Вот он наткнулся на десятицентовик, поднес его к кружке и бросил его туда. *Дзинь!*

Издалека Джек услышал голос одной из принцесс:

— Почему ему разрешают здесь стоять? Он такой *грязный!*

И еще дальше:

— Да, *мерзкий!*

Джек встал на колени и принялся помогать слепому собирать монеты и складывать их в кружку. Вблизи от старика он чувствовал кислый запах пота, плесени и еще чего-то вроде воздушной кукурузы. (Продавец попкорна разрешал ему ночевать на полу своего фургона.)

— Благодарю вас, благодарю вас, — монотонно прокряхтел слепой, Джек почувствовал у него изо рта запах сэндвича. — Спасибо вам, да хранит вас Господь, благодарю вас...

Он — *Спиди*.

Он не *Спиди*.

Но в конце концов воспоминание о том, как мало «магической жидкости» у него осталось, заставило его заговорить — и в этом не было ничего странного. Жидкости действительно осталось мало — от силы на два глотка. После того, что произошло в Анголе, он не знал, сможет ли он когда-нибудь снова заставить себя отправиться в Долины, но его цель была все еще спасти жизнь своей матери, а это значило, что ему все равно рано или поздно придется еще хоть раз побывать там.

И чем бы ни был Талисман, но, чтобы его достать, нужно перенестись в другой мир.

— Спиди!

— Спасибо, спасибо, большое спасибо, храни вас Господь... Что, кто-то говорит со мной?

— Спиди, это я, Джек!

— Здесь нет никаких Спиди, мальчик. Нет, сэр, — его руки снова закружились над асфальтом в поисках оставшихся денег. Одной из них посчастливилось найти пять центов, и она бросила монету в кружку. Другая в это время дотронулась до туфельки проходящей мимо роскошно одетой молодой женщины, чье хорошенькое и совершенно глупое лицо скривилось в болезненном отращении.

Джек поднял последнюю монету — серебряный доллар, большую старую монету с Леди Свободой на одной стороне.

Слезы брызнули из глаз. Он плакал по Тилкеру, Уайлду, Хагену, Деви, Хейделу... Он плакал по своей маме. По Лауре де Луизиан. По сыну кучера, лежащему на дороге, мертвому, с вывернутыми карманами. Но больше всего по себе самому. Он устал постоянно находиться в дороге. Конечно, если вы едете в «кадиллаке» — это не дорога, а мечта. Но когда вам еще нужно поймать его, поднимая свой большой палец, а потом рассказывать опостылевшую историю, когда любой может сделать с вами все, что ему заблагорассудится, то это дорога Тяжких Испытаний. Джеку достаточно давно начали приходить в голову такие мысли, но у него не было выхода. Если он откажется от своей цели, злокачественная опухоль убьет его мать. А дядя Морган, скорее всего, убьет его.

— Нет, я не сделаю этого, Спиди, — говорил он сквозь слезы. — Я не сделаю...

Теперь слепой музыкант искал не монеты, а его. Эти аккуратные чувствительные пальцы нащупали его руку и сомкнулись вокруг нее. Джек ощутил мозоль на кончике каждого пальца. Слепой притянул Джека к себе, к запахам пота, плесени и съеденного сэндвича. Лицо Джека оказалось на уровне подбородка Спиди.

— Мальчик, я не знаю никакого Спиди, но ты так о нем говоришь, будто он тебе очень нужен. Ты...

— Я потерял маму, Спиди, — проскулил Джек, — и Слоут меня нашел. Это его голос был в телефоне, *его*. Но самое худшее — это Ангола... Птичьи Башни... Землетрясение... пять человек... я, я *это* сделал, Спиди, я убил этих людей, когда переносился в этот мир. Я убил их так же, как мой отец и дядя Слоут в свое время убили Джерри Бледсо!

Теперь Спиди знал об этом — о самом худшем. Джек проглотил камень в горле, затрудняющий дыхание, и снова расплакался. Но теперь это скорее был плач облегчения, а не страха. Все рассказано. Факт констатирован. Он — убийца.

— Ооооуу! — взвыл старик, казалось, он все понял. — У тебя на душе тяжелый камень, сынок. Ты должен сбросить его.

— Я убил их, — прошептал Джек, — Тилкера, Уайлда, Хагена, Деви...

— Если б твой друг Спиди был здесь, — сказал негр, — *Кем* бы он ни был и *где* бы он ни был в этом огромном старом мире, он бы сказал тебе, что ты не должен нести весь этот мир на своих плечах, сынок. Ты не можешь. Никто не может. У того, кто пытается нести мир на плечах, сначала ломается *спина*, а потом ломается *душа*.

— Но я убил...

— Ты что, поставил их к стенке и выстрелил из ружья?

— Нет... землетрясение... когда я переносился...

— Ничего не понимаю, — сказал негр.

Джек отступил от него на шаг и смотрел с удивлением в лицо старика, но тот повернул голову в сторону автостоянки. Если он был слепой, то он отличил чуть более мощный двигатель полицейской машины от сотни других, проезжавших мимо, потому что он смотрел прямо на нее.

— Единственное, что я понимаю, сынок, — у тебя навязчивая идея насчет того, что ты убийца. Может быть, несколько человек сейчас умерли от сердечного приступа, пока мы тут разговариваем с тобой. Ты что же, тоже будешь думать, что виновен в их смерти? «О, посмотрите, я убил этого человека, когда стоял, или шел, или думал; о, *горе*, о, *несчастье*, о, *судьбааа*... о, *то*... о, *се*...»

Слепой негр рассмеялся, очень довольный своей шуткой.

— Спиди...

— Здесь нет никаких Спиди, — прервал его негр, и обнажил желтые зубы в самодовольной улыбке. — Я удивляюсь, как быстро некоторые люди берут на себя вину за то, что совсем не они могли

сделать. Может, ты от кого-то бежишь? Может, за тобой кто-то несется по пятам?

Се.

— Или, может, ты слегка того?

То.

Остроумное замечание заставило Джека улыбнуться.

— Кто-то охотится за тобой? Кто-то, *готовый на все*?

И то, и се.

Слепой музыкант отложил гитару (А в это время в полицейской машине два фараона спорили о том, кому придется дотрагиваться до старого Снежка, если он не полезет в машину по доброй воле).

— Может, горе, а может, судьба, может, то, а может, се, — он снова рассмеялся, будто страхи Джека были самой смешной вещью, которую он когда-либо слышал.

— Но я не знаю, что может случиться, если я...

— Никто не знает, что может случиться, если они что-либо сделают, верно? — негр, который мог быть, а мог и не быть Спиди Паркером, прервался на секунду. — Нет. *Никто не знает.* А если ты боишься этого, то ты должен весь день находиться дома и никуда носа не показывать! Я не знаю твоих проблем, мальчик. И не хочу их знать. Можно сойти с ума, говоря об этих землетрясениях, и вообще. Но за то, что ты помог мне собрать монеты и не утащил ни одной — я считал каждый «дзинь-дзинь», так что я знаю, — я дам тебе один совет. Есть некоторые вещи, в которых никто не может помочь. Временами люди умирают от того, что кто-то делает что-то... вернее, кто-то *не делает* чего-то. Очень много людей умирают из-за этого. Понимаешь, к чему я клоню, сынок?

Грязные солнечные очки «смотрели» прямо на него.

Джек почувствовал глубокое облегчение. Конечно, он понимал. Слепой негр говорил о бездействии. Есть ли разница между бездействием и преступлением.

И было ли преступление, был ли криминал в данном случае?

Криминал был пять минут назад, когда ему велели уносить свою задницу домой.

— Может случиться, — продолжал слепой, — что некоторые вещи прогневят Бога, как говорила моя мама и, может быть, говорила твоя, если она христианка. Может случиться, если мы будем думать одно, а делать — другое. Библия говорит обо всем, даже об ужасных вещах, способных прогневить Господа. Ты со мной согласен, мальчик?

— Я не знаю, — честно признался Джек.

Все смешалось в его голове. Стрило ему закрыть глаза, и он видел телефон, срывающийся со стены и висящий на проводах, как котенок, запутавшийся в гардине.

— Похоже, ты недавно выпил?

— Что? — спросил ошеломленный Джек и подумал: *«Я предположил, что Спиди похож на Джона Харта, и этот человек начал играть блюз Джона Харта... а сейчас он говорит о магической жидкости. Он очень осторожен, но, клянусь, все, о чем он говорит — было или еще будет!»*

— Ты умеешь читать мысли? — тихо спросил Джек. — Ты умеешь? Ты научился этому в Долинах, Спиди?

— Не знаю ничего о чтении мыслей, — сказал слепой, — но за много лет мои уши и нос научились заменять глаза. Я чувствую запах вина от тебя, сынок. Чувствую его *вокруг тебя*. Такое впечатление, будто ты мыл волосы вином! Ха-ха-ха!

На Джека навалилось странное ощущение виновности — то, что он всегда чувствовал в детстве, когда отец или мать заставляли его за каким-нибудь неприглядным занятием. Но тогда он был младше. Намного младше. А сейчас... Ведь он только прикоснулся — не более того — к почти пустой бутылке с тех пор, как перенесся в этот мир. И даже это короткое прикосновение наполнило его страхом — благоговейным страхом, — каким наполнялись сердца европейцев в четырнадцатом веке при виде солнечного затмения или святых мощей. Это волшебство. *Могущественное* волшебство. И временами оно убивало людей.

— Я не пил, правда, — проговорил он, наконец. — То, что было, уже почти прошло. Я...я... даже *не люблю* его! — Желудок начал нервно подергиваться; Джек даже испугался, что его снова стошнит. — Не мне нужно еще... эта уже почти закончилась...

— Нужны еще выпивки? Боже! Мальчику твоего возраста? — слепой рассмеялся и сделал однозначный жест рукой — мизинец и большой палец растопырены, остальные прижаты в ладони. — Какого черта! Тебе не нужно *этого*! Ни один мальчик не нуждается в *этом* яде, чтобы путешествовать.

— Но...

— Подойди поближе. Я спою песню, чтобы утешить тебя. Послушай...

Он запел. Его поющий голос не имел ничего общего с его говорящим голосом. Он был глубокий, мощный, временами вибрирующий. Без всяких срывов на разговорную речь, вроде «МНЕ — ХОРОШО — ВСЕМ — ХОРОШО — И — ВЕСЕЛО — КРУГОМ!», как у Негра Джима. Это был трепетный, хорошо поставленный и

натренированный голос оперного певца, теперь зарабатывающего на кусок хлеба исполнением популярных песен на панели. Джек почувствовал, как гусиная кожа покрывает его руки и спину, когда он слышит этот богатый, наполненный голос. Прохожие на тротуаре около желтого фасада Торгового Центра поворачивали головы.

*«Малиновка вдаль
Улетает, звеня,
Нет голоса в мире чудесней...
И нет больше слез,
Где мерцание звезд
Подпевает в такт ее песне...»*

Джек вздрогнул от шокирующего чувства, что эта песня ему знакома, что он слышал ее раньше, если не ее, то очень похожую, и когда слепой музыкант расплылся в своей желтозубой широкой улыбке, Джек понял, откуда исходит это чувство. Он понял, что заставило повернуться головы прохожих, как будто они увидели единорога, галопирующего по автостоянке перед главным входом в Торговый Центр. Прекрасная, неземная чистота присутствовала в голосе этого человека — чистота ... как бы сказать... воздуха, в котором можно услышать запах яблока, надкушенного на расстоянии в милю. Это была старая добрая песня «Тин Пэн Эллей», блюзовой группы... но голос был неземной. Он был Долинный.

*Скорее вставай,
Ты, сонный лентяй.
Оторвись поскорей от подушки.
Играй, веселись,
Живи и люби,
И счастлив будь...*

И музыка, и голос неожиданно прервались. Джек, внимание которого было сосредоточено на лице слепого негра (бессознательно пытаясь проникнуть под эти черные очки и увидеть перед собой глаза Спида Паркера), не сразу заметил двух полицейских, стоящих за его спиной.

— Ты знаешь, я ничего не вижу, — сказал слепой гитарист, — но я чувствую...

— Черт бы, тебя побрал, Снежок! Ты разве не знаешь, что тебе запрещено работать у Торгового Центра? — крикнул один из полицейских. — Что тебе говорил судья Галлас, когда мы взяли тебя

последний раз? Забыл? Между Сентрал-стрит и Мьюрал-стрит! И нигде больше!.. Боже, мальчик, сколько ты выпил? От тебя прет, как из винного погребца... Фу! Дышать нечем...

Второй полицейский взглянул на Джека и кивнул, указывая ему на дорогу.

— Иди-ка погуляй, мальчик, — сказал строго первый.

Джек быстро пошел по тротуару. Ему нельзя останавливаться. Если он может что-нибудь сейчас делать — то это идти. Его счастье, что внимание полицейских было занято человеком, которого они называли Снежком. Не было бы Снежка — и Джек не поручился бы за то, что у него не будет никаких проблем с ними. Новые на нем кроссовки или нет, все остальное выглядит потрепанным и окончательно износившимся. Полицейские не любят бродячих детей, а Джек всем своим видом напоминал именно бродячего ребенка, к тому же от него пахло вином.

Он представил себе, как сидит в полицейском участке в Зейнсвилле, а зейнсвиллские полицейские — дюжие парни в синей форме, которые каждый день слушают Пола Маккартни и поддерживают президента Рейгана — склонились над ним и кричат ему в лицо.

Нет, он не хотел, чтобы зейнсвиллские полицейские обратили на него внимание еще раз.

Машина с бешеным ревом пролетела мимо него. Джек поправил рюкзак на спине и взглянул вниз на свои кроссовки, как будто они интересовали его сейчас больше всего на свете. Боковым зрением он увидел, как полицейская машина быстро удаляется по дороге. Слепой был в ней, на заднем сиденье. Гриф гитары торчал около его уха.

Проезжая мимо Джека, старый негр повернул голову и посмотрел прямо на него через заднее окно...

...и хотя под грязным черными очками ничего не было видно, Джек знал, что Лестер «Спиди» Паркер подмигнул ему.

2

Джек снова подумал о своем безвыходном положении, оказавшись под яркой вывеской. Он смотрел на эти знаки, которые казались ему единственной четкой вещью, оставшейся в мире, *(в мирах?)*

...где все остальное подернуто серой дымкой безумия. Он чувствовал, как темнота поглощает все вокруг, впитывается в кожу, пытаясь лишить его разума. Джек понял, что частью его депрессии

была тоска по дому, по маме. Он чувствовал себя плывущим по воле волн в безграничном океане, не имея никакой опоры под ногами.

Стоя под знаками и наблюдая, как машины появляются из-за поворота дороги, Джек подумал, что чувствует себя как человек на грани самоубийства. Совсем недавно он еще мог заставить себя двигаться дальше, поддерживаемый мыслью о скорой встрече с Ричардом Слоутом (и хотя мысль так и не выразилась в словах, представление, что Ричард может отправиться вместе с ним на запад, сделало больше, чем появилось в голове Джека — в конце концов, разве первый раз Сойер и Слоут отправляются вместе в странные путешествия?), но тяжелая работа на ферме Элберта Паламаунтина и необычные события в «Торговом Центре Бакаи» наложили тяжелый отпечаток на его душу.

«Иди домой, Джеки, ты запутался, — прошептал голос, — если ты продолжишь свой путь, всякое может произойти. Кто знает, к чему это приведет? А может, в скором времени погибнут пятьдесят человек? Или пятьсот?»

№70. На запад.

№70. На восток.

Бессознательно он полез в карман за монетой — монетой, которая была в этом мире серебряным долларом. Пусть боги, находящиеся в ней, решат все раз и навсегда. Он слишком запутался, чтобы сделать это самому. Его слишком часто били, слишком часто оскорбляли. Спина все еще болела в том месте, куда пришелся удар Мистера Америки.

Итак, если решка, он переходит через дорогу, идет на восток и возвращается домой. Если орел, он отправляется дальше на запад... и больше никогда не оглядывается назад.

Монета, отразившись тысячей маленьких солнц, вращаясь, взлетела в холодный октябрьский воздух.

Джек проследил ее путь.

Старый фургон затормозил рядом, и люди с любопытством посмотрели на Джека. Водитель — лысеющий ветеран, иногда просыпающийся среди ночи из-за болей в голове и левой руке, выглянул из кабины, и в его голове пробежала серия нелепых и бессвязных мыслей. Приключения. Опасности. Безрезультатные поиски. Страхи. Мечты о славе. Он мотнул головой, как это делает мокрая собака, и взглянул на мальчика в боковое зеркало фургона как раз в тот момент, когда тот наклонился за чем-то за земле.

«Господи, — подумал про себя ветеран, — выбрось ты это из головы, Ларри. Что у тебя за идеи — будто начитался приключенческих романов».

Ларри снова вписался в поток машин, с места разогнав фургон до семидесяти миль в час. Через некоторое время он забыл о мальчике в грязных джинсах. Если он будет дома в три, то еще успеет посмотреть соревнования борцов средней весовой категории.

Монета достигла земли. Джек склонился над ней — решка, но...

Лицо на монете принадлежало не Леди Свободе. Это было лицо Лауры де Луизиан — Королевы Долин. Но, Господи, как отличалось оно от того бледного спящего лица, которое он мельком видел во дворце, от лица женщины, окруженной беспокойными няньками в белых одеждах! Это лицо выглядело мудрым и гордым, прекрасным и благородным. Это была не классическая красота: линия подбородка была недостаточно ровной для этого, и скулы слишком широки. Красота заключалась в царственном повороте ее головы, вызывающем ощущение, что она так же добра, как и могущественна.

И в том, что она была так похожа на его маму.

Слезы подступили к глазам Джека, и он с силой зажмурился, не желая, чтобы они падали. Он достаточно наплакался за сегодняшний день. Не для того он получил ответ на мучивший его вопрос, чтобы снова расплакаться.

Когда он открыл глаза, Лаура де Луизиан исчезла. На монете снова была Леди Свобода.

Но от этого ответ на его вопрос не изменился.

Джек, наклонился, поднял монету из пыли, положил ее в карман и пошел по западной полосе Интерстейт №70.

3

День спустя.

Белый туман над землей пахнул холодным дождем. Граница между Огайо и Индианой — всего лишь формальность. Местность представляла из себя леса низкорослых деревьев по обеим сторонам №70 на окраине Левисбурга. Джек спрятался — по крайней мере, надеялся, что спрятался — среди деревьев и ждал, когда появится большой лысый человек с низким гулким голосом, посадит его в свою «Шеви Нову» и увезет отсюда. Джек надеялся, что это произойдет скоро, до того, как пойдет дождь. И без того было достаточно холодно, не хватало еще и промокнуть. Нос с утра не дышал. Голос охрип. Еще немного, и он окончательно простудится.

Большой лысый человек с низким гулким голосом представился как Эмори У. Лайт. Он подобрал Джека около одиннадцати, севернее Лэйтона, и Джек ощутил устало-гнетущее чувство где-то между грудью и животом. Он уже ездил с Эмори Лайтом. В Вермонте Лайт представился Томом Фергуссоном, продавцом обувного магазина; в Пенсильвании его стали именовать Боб Даррент (как того парня, который поет «Шлеп-шлеп» Ха-ха-ха!), а занимаемая должность изменилась на директора старшей школы. На этот раз Лайт был президентом коммерческого банка в городе Парадиз Фоллз. Фергуссон был тощий и темноволосый, Даррент — полный и розовый, как новорожденный поросенок, а Эмори Лайт — огромный, с глазами, похожими на вареные яйца, под лишенными оправы очками.

Но все это были лишь внешние отличия. Джек заметил, что все эти люди с одинаковым интересом прислушиваются к его Истории. Все они спрашивали, есть ли у него дома подружка. Рано или поздно Джек обнаруживал руку (большую руку с закатанным рукавом) на своем плече и, глядя на Фергуссона (Даррента, Лайта), видел выражение полусумасшедшей надежды вперемежку с полусумасшедшим страхом в их глазах и капельки пота на приоткрытых губах (в случае Даррента пот висел на усах, выглядывая оттуда, как маленькие глазки полевых мышей из травы).

Фергуссон спрашивал, не хочет ли он заработать десять долларов.

Даррент увеличил сумму до двадцати. Лайт низким, гулким голосом, который при этом срывался и дрожал, предложил пятьдесят. У него всегда лежат пятьдесят долларов в левом ботинке, сказал он, и он очень хочет отдать их Льюису Фаррену. Есть очень хорошее тихое место, куда они могут пойти. Недалеко, около Рэндальфа. Пустой амбар.

Джек не находил никакой взаимосвязи между постоянным ростом суммы, предлагаемой Лайтом в различных его перерождениях, и теми изменениями, которые производили над ним его приключения. Он не был интроспективен по натуре и проявлял довольно небольшой интерес к самоанализу.

Он достаточно быстро понял, как следует вести себя с людьми типа Эмори У. Лайта. Первая встреча с ним, когда Лайта звали Томом Фергуссоном, научила его, что храбрость должна быть осторожной. Когда Фергуссон положил ему руку на плечо, Джек, не задумываясь, шутливым тоном дал ответ: «Нет, спасибо, сэр. Я не голубой. Я предпочитаю женский пол».

Он попадал на таких людей и раньше, в особенности в кинотеатрах. Однажды в Северном Голливуде продавец в магазине мужской одежды предложил ему зайти в примерочную (и когда Джек

ответил: «Нет, спасибо, сэр», продавец сказал: «Ну, ладно. Примерь вот эту куртку».)

С этими неприятностями симпатичный двенадцатилетний мальчик в Лос-Анджелесе легко учится справляться таким же образом, как хорошенькая женщина справляется с попытками изнасиловать ее в метро. Постепенно это перестает портить вам настроение на весь день. Осторожные предложения, вроде того, что сделал Фергуссон, это куда меньшее зло, чем внезапное нападение со спины. От них можно было запросто отказаться.

По крайней мере, в Калифорнии можно было. Восточные гомосексуалисты, а особенно здесь, среди лесов, могли совершенно по-другому относиться к отказам.

Фергуссон задохнулся в негодующем вопле и резко затормозил, оставляя сорок ярдов резины за колесами своего «понтиака» и поднимая в воздух облако дорожной пыли.

— Кого ты назвал «голубым»? — воскликнул он. — Кого ты назвал *голубым*? *Я не голубой!* Бог ты мой, подбираешь мальчишку на дороге, чтобы он обозвал тебя *голубым*!

Джек смотрел на него, открыв рот. Не готовый к резкой остановке, он ударился головой о панель. Фергуссон, еще секунду назад смотревший на него своими влажными карими глазами, теперь, казалось, был готов его убить.

— *Пошел вон!* — кричал Фергуссон. — *Это ты голубой, а не я! Пошел вон, маленький пидор! Вон! У меня жена! У меня дети! Возможно, у меня дети по всей Новой Англии! Я не голубой! Ты голубой, а не я! ВОН ИЗ МОЕЙ МАШИНЫ!*

Еще более перепуганный, чем при встрече с Осмондом, Джек выполнил его требование Фергуссон рванул с места, осыпая его потоками гравия. Джек прислонился к каменной стене и тихо, глупо захихикал. Смешки превратились в непрерывный истерический смех, и Джек решил, что пришло время «воспитывать благоразумие». И продолжать это делать нужно, по крайней мере, до тех пор, пока он не вернется домой. «Любая серьезная проблема воспитывает благоразумие», — сказал ему как-то отец. Морган поспешно согласился, но Джек тогда не обратил внимания.

Его БЛАГОРАЗУМИЕ хорошо сработало с Бобом Даррентом, и у него не было никаких причин считать, что оно не сработало с Эмори Лайтом... Он был простужен, из носа текло. Он надеялся, что Лайт подберет его и увезет отсюда. Стоя в тени деревьев, Джек мог видеть его, ходящего взад-вперед, засунув руки в карманы и сверкая своей лысиной под серым предгрозовым небом. Из-за поворота выкатывались тяжелые грузовики, наполняя воздух запахом дизель-

ного топлива и выхлопных газов. Лёса кругом были замусорены так же, как и все другие леса, находящиеся на границе двух штатов. Разбитые бутылки. Пустые коробки. Смятые банки из под «Пепси» с вдавленными внутрь язычками. Разорванные брезентовые брюки с торчащим из ширинки санитарным пакетом. Презерватив на сломанной ветке. Кирпичные стены сортира исписаны множеством остроумных замечаний. Почти все из них можно было отнести к Эмори У. Лайту: «Хочу сосать большой толстый...», «Предоставляю лучшую работу на свете. Жду каждый день в четыре часа» или «Поцелуй меня в задницу», и ниже какой-то веселый поэт написал: «Я хочу, чтоб все... разом кончили мне в рожу».

«Я соскучился по Долинам», — подумал Джек, и это было совсем неудивительно. Он находился на №70, где-то на западной окраине Огайо: стоял, кутаясь в засаленный свитер, купленный в комиссионном магазине за полтора бака, и ожидая большого лысого человека, чтобы запрыгнуть на его лошадь и поскакать.

БЛАГОРАЗУМИЕ Джека выражалось просто: не спорить с большим лысым человеком, у которого большие сильные руки.

Джек вздохнул с облегчением. Оно заработало. Выражение полустраха-полуотвращения появилось на большом потном лице Эмори Лайта. Он вернулся к машине, сел в нее и так резко дал задний ход, что едва не врезался в проезжающий мимо грузовик. (Раздался громкий рев клаксона, водитель грузовика, высовываясь из кабины, показал Лайту средний палец, затем удалился.)

Так что теперь оставалось только стоять на дороге, голосуя появляющимся из-за поворота машинам... и надеясь, что кто-нибудь подберет его, прежде чем пойдет дождь.

Джек снова оглянулся по сторонам. *Скверно, гнусно.* Эти слова сами по себе пришли в голову, пока он вглядывался в эту запущенную местность. Джек чувствовал здесь смерть — не только в этих пустых лесах или на дороге, соединяющей Огайо и Индиану, а смерть, охватившую всю страну, по которой он путешествовал. Джек подумал, что временами он даже может ВИДЕТЬ ее — ужасную темно-коричневую тень, похожую на газ, вылетающий из выхлопной трубы стремительно несущегося «Дженни Пэта».

Вернулась новая Тоска — Джек хотел обратно в Долины, хотел увидеть глубокое темно-синее небо и легкую кривизну горизонта...

«Но это повторяет случай с Джерри Бледсо».

«...Ничего не понимаю в этом... единственное, что я понимаю — у тебя навязчивая идея...»

Джек чихнул три раза подряд, вздохнул и проглотил плотный комок в горле. «Да, это простуда. Я заболел. Сильно. Еще не в

Индиане, десять градусов, собирается дождь, никто не подбирает, и я сейчас...»

Ход мыслей резко прервался. Джек во все глаза смотрел на автостоянку, широко открыв рот. В первую ужасную секунду он едва не намочил штаны. Земля качнулась под ногами. В глазах потемнело. На одной из двух десятков, или около того, площадок автостоянки стоял некогда зеленый, а теперь густо припорошенный дорожной пылью «BMW» дяди Моргана. Ошибки быть не может... Нет, не может. Калифорнийская суетливость сократила Моргана Лютера Слоута до МЛС. Стоящий, он выглядел так, будто стремительно мчался.

«Но если он летал в Нью-Хемпшир, откуда здесь взялась его машина? — вопрошало сознание Джека. — Это какое-то совпадение, Джек...»

Но увидев человека, стоящего к нему спиной у телефона-автомата, Джек понял, что никакого это не совпадение. Человек был одет в куртку, отороченную мехом — одежда, больше подходящая для температуры градусов на десять ниже нуля. Что спереди, что сзади, невозможно было ошибиться в этих широких плечах, в этой массивной, просто громадной грудной клетке.

Человек у телефона обернулся, зажав трубку между плечом и ухом.

Джек спрятался за кирпичную стену туалета.

«Он видел меня?»

«Нет, — отвечал он сам себе. — Я думаю, нет. Но...»

Но Капитан Фаррен говорил, что Морган — другой Морган — учует его, как кот чует мышь. И он учуял. Из своего укрытия в том опасном лесу Джек видел белое лицо в черном окне дилижанса.

Этот Морган тоже учует его, если хватит времени. За углом слышались приближающиеся шаги. С лицом, перекошенным от страха, Джек выскользнул из своего рюкзака и сбросил его, понимая, что опоздал, что Морган сейчас завернет за угол и вцепится ему в горло, улыбаясь: *«Привет, Джеки. Игра окончена, не так ли, маленький негодяй?»*

Длинный человек в куртке с высоким жестким воротником вышел из-за угла уборной, взглянул на Джека и направился к питьевому фонтанчику.

Обратно. Он возвращается обратно. Никакого чувства вины, по крайней мере сейчас, только этот ужасный цепкий страх. Страх, странным образом смешанный с чувством облегчения и удовлетворения. Джек откинул крышку рюкзака. Вот она — бутылка Спиди, в которой осталось уже не больше дюйма пурпурной жидкости,

(ни один мальчик не нуждается в этом яде, чтобы путешествовать... Но я нуждаюсь, Спиди, я нуждаюсь!)

...болтающейся на дне. Не имеет значения. Он возвращается. Его сердце заколотилось при этой мысли. Широкая праздничная улыбка сияла на лице, несмотря на серый день и сковавший его страх.

«Обратно. Он возвращается обратно. Вот так».

Снова слышались шаги — на этот раз шаги дяди Моргана — не тяжелые — семенящие шаги. Страх не было. Дядя Морган его учуял, но когда он повернет за угол, то не увидит ничего, кроме разбитых бутылок и пустых пивных банок.

Джек сделал глубокий вдох — вдохнул жуткую вонь дизельного топлива и холод осеннего воздуха. Поднес бутылку к губам. Один глоток из оставшихся двух. И даже с закрытыми глазами он почувствовал, как...

Глава 16 ВОЛК

1

...яркий солнечный свет ударил в закрытые веки.

Через приторный аромат «магической жидкости» Джек ощущал что-то еще... теплый запах животных. Еще он их слышал. Слышал, как они обходят его с обеих сторон.

Джек открыл глаза, но сперва ничего не увидел — разница в освещении была настолько неожиданной, будто кто-то щелкнул выключателем двухсотваттной лампы в темной комнате.

Что-то живое стремительно пролетело мимо него, но оно не пугало его, как сначала решил Джек, а просто куда-то спешило.

— *Эй! Эй! А ну, отойди! Отойди сказал! Сейчас же!* — Громкий сильный удар сопровождался рассерженным ревом, что-то среднее между «БЭЭ!» и «МУУ!». — *Ах, черт бы тебя побрал! Никаких сил нет на тебя! Отойди, или я вышибу твои проклятые мозги!*

Теперь его глаза достаточно привыкли к яркости этого почти безупречного дня Долин, для того чтобы увидеть молодого великана, стоящего посреди стада толпящихся животных, трущихся боками и шлепающих себя хвостами по спине, что, похоже, доставляло им огромное удовольствие. Джек поднялся, посмотрел на бутылку Спиди, в которой остался теперь лишь один глоток, и положил ее в

карман. Все это время он не сводил глаз с молодого человека, стоящего к нему спиной.

Он был высок — раза в два выше Джека — и имел настолько широкие плечи, что они казались не пропорциональными его высоте. Длинные засаленные черные волосы свисали по спине до лопаток. Его мышцы перекатывались, когда он пробирался между животными, которые были похожи на карликовых коров. Он гнал их прочь от Джека в сторону Западной Дороги.

Даже сзади было видно, какой он жилистый человек, но что больше всего удивило Джека — это его одежда. Все, кого он встречал в Долинах (включая самого себя), носили туники, камзолы и грубые бриджи.

Этот человек был одет в брезентовый рабочий комбинезон.

Он обернулся, и Джек почувствовал, как страх сковывает все его тело, а в горле растет комок, перекрывая дыхание.

Это был Элрой-оборотень.

Погонщик скота — Элрой-оборотень.

2

А может, и нет.

Возможно, если бы Джек не обратил на него внимания или сразу убежал, тогда то, что случилось вслед за этим — кинотеатр, сарай, ад дома Солнечного Света, — так никогда бы и не произошло (или, может, все равно произошло, но по другой причине), но он обратил, и ужас приковал его к земле. Он был не более способен двигаться, чем олень, которому охотник направил в глаза луч своего фонарика.

Когда фигура в комбинезоне приблизилась, Джек подумал: *«Нет, Элрой не такой высокий, и плечи у него не такие широкие, и глаза у него желтые»*. Глаза этого человека имели яркий, неправдоподобно оранжевый цвет. Заглядывать в них было все равно, что заглядывать в глаза хэллуинской тыквы. Но если ухмылка Элроя могла вызвать сумасшествие или смерть, то улыбка на лице этого парня была чистой, яркой и совершенно беззлобной.

Голые ступни. Большие и почти плоские пальцы сгруппированы по два и три, но их едва видно сквозь коричневую мохнатую шерсть. *«Но это не копыта, как у Элроя, — подумал Джек, — это что-то среднее между заячьей и медвежьей лапой»*.

Когда расстояние между ним и Джеком сократилось, глаза...
(человека? чудовища?)

...сверкнули еще ярче, словно глаза затравленного охотниками волка, налетевшего на флажки. Цвет их изменился на красновато-

коричневый. Но тут Джек заметил, что улыбка на его лице остается такой же доброй и дружелюбной, и понял сразу две вещи.

Первое — в этом существе нет никакой злобы, просто ни капельки.

И второе — оно медлительное. Не слабое (возможно!), но медлительное.

— Волк! — крикнул большой волосатый парень, улыбаясь во весь рот.

У него был длинный розовый язык, покрытый темными пятнами, и Джек понял, что Волк — именно тот зверь, на которого он похож. Не козел, а волк. Он надеялся, что не ошибся в дружелюбности существа. *«Если я ошибся в этом, то мне уже не придется волноваться насчет следующих ошибок... никогда больше».*

— Волк! Волк! — оно протянуло руку, и Джек увидел, что, как и ноги, его руки покрыты шерстью, только эта шерсть была светлее и пышнее — можно даже сказать, симпатичнее. Особенно буйно она росла на пальцах, где была уже совсем белой — как пятно на лбу у лошади.

«Боже мой, по-моему, оно хочет пожать мне руку».

Вспомнив слова дяди Томми, что нельзя отводить протянутую руку даже своего злейшего врага (*«Ты можешь убить его потом, если будет нужно, но сперва ты должен пожать ему руку»*, — говорил дядя Томми). Джек осторожно протянул руку в ответ, думая, что не удивится, если она тут же будет сломана... или откушена.

— Волк! Волк! Давай познакомимся! Пожмем друг другу руки! Прямо здесь и прямо сейчас! — кричал человек в комбинезоне. — Прямо здесь и прямо сейчас! Старый добрый Волк, черт бы его побрал! Прямо здесь и прямо сейчас! *Волк!*

Несмотря на эту взбалмошность, рукопожатие Волка было достаточно аккуратным, к тому же смягченным пышной растительностью.

«Приветствие от существа в рабочем комбинезоне, которое выглядит как эскимос-переросток, а пахнет как сеновал после проливного дождя, — думал Джек. — Что дальше — приглашение в церковь в это воскресенье?»

— Старый добрый Волк! Привет! Старый добрый Волк прямо здесь и прямо сейчас! — Волк схватил себя за длинные, торчащие почти из макушки уши и захохотал, очень довольный собой. Затем снова сгреб в свои лапы руку Джека.

На этот раз он тряс ее намного энергичней. Вверх — вниз! Вверх — вниз. Он, казалось, нуждался в этом. Но Джек подумал, что этот чудаковатый, а возможно, просто сумасшедший молодой

человек, вполне может обмениваться с ним рукопожатиями до захода солнца.

— Старый добрый Волк, — сказал Джек. Кажется, эта фраза больше всего нравится его новому знакомому.

Волк засмеялся, как ребенок, и отпустил Джека. Тот вздохнул с облегчением. Рука не поломана, не съедена, но, похоже, с ней приключилась морская болезнь. «Дружелюбная лапа» Волка двигалась быстрее, чем отбойный молоток.

— Иноземец? — спросил Волк. Он скользнул своей мохнатой рукой в брюки и принялся играть в карманный бильярд, совершенно не сознавая, что делает.

— Да, — ответил Джек и подумал, что может означать здесь слово «да». Должно быть, что-то необычное. — Это как раз то слово. Я именно иноземец.

— Черт меня возьми, верно! Я чую это от тебя! Прямо здесь и прямо сейчас! Оу! Врубись, чую! Не уметь нюхать — это плохо! Это так *смешно!* Волк! Это я! Волк! Волк! Волк! — он откинул голову назад и засмеялся. Смех окончился чем-то, похожим на вой.

— Джек, — сказал Джек, — Джек Сой...

Его рука снова попалась и затряслась.

— Сойер, — закончил он, оказавшись на свободе, и улыбнулся, хотя чувствовал себя так, будто был избит бейсбольной битой.

Пять минут назад он стоял, скрючившись, возле кирпичной стены нужника на №70. А сейчас он был здесь и разговаривал с молодым существом, которое больше похоже на зверя, чем на человека.

И будь он проклят, если его простуда не осталась в том мире!

3

— Волк встретил Джека! Джек встретил Волка! Прямо здесь и прямо сейчас! О'кей! Хорошо! Святой Джейсон! Коровы на дороге! Ну разве они не тупые? Волк! Волк!

Голоса, Волк выбежал на дорогу, где уже толпилась добрая половина его стада, оглядываясь вокруг с выражением немого удивления, будто вопрошая, куда, собственно, подевалась вся трава. Джек увидел, что они действительно выглядят как что-то среднее между коровами и овцами, и подумал, как бы можно было назвать подобную помесь. Первое слово, моментально пришедшее на ум, было «коровцы» — и возможно, рассуждал он, следующая фраза больше подойдет к такому случаю: «*Волк пасет отару коров... или стадо овец.*» Вот так. Прямо здесь и прямо сейчас!

Бейсбольная бита снова опустилась на бедную голову Джека. Он сел и захохотал, зажав рот руками, чтобы заглушить звуки.

Даже самая большая коровца едва достигала четырех футов в высоту. У них была пушистая шерсть с тем же мутноватым оттенком, какой имели глаза Волка — по крайней мере, тогда, когда они не горели, как фонари Хэллуина. Головы оканчивались короткими закрученными назад рогами, которые, похоже, абсолютно ни на что не годились. Волк прогонял их с дороги. Они шли степенно, без малейшего намека на страх. *«Если овца или корова боднет этого парня, — думал Джек, — пока он будет приходить в себя, я успею убежать отсюда подальше».*

Но Волк понравился Джеку. Он понравился ему внешне. Точно так же, как Элрой внешне вызвал у него неприязнь и страх. И это противопоставление было совершенно подходящим, потому что как раз внешние различия между этими двумя практически невозможно было уловить. Разве что Элрой слегка покозлистей, а Волк слегка ... поволчистей.

Джек медленно подошел к тому месту, где Волк собирал свое стадо. Он вспомнил, как крался на цыпочках через боковой коридор «Дискотеки Апдайк» к пожарной двери, ощущая близкое присутствие Элроя, чувствуя его запах, как корова, возможно, чувствует запах Волка. Он вспомнил руки Элроя, вытягивающиеся и покрывающиеся шерстью, вспомнил его распухающую шею, его зубы, превращающиеся в желто-черные клыки.

— Волк!

Волк повернул к нему свое сияющее лицо. Его глаза сияли ярким оранжевым огнем и выглядели в этот момент одновременно и дикими, и умными. Затем огонь погас, и они снова стали мутными и красновато-коричневыми.

— Скажи, Волк, ты... оборотень?

— Конечно, — ответил Волк и еще раз улыбнулся. — Ты попал в самую точку, Джек. Волк!

Джек сел на камень, задумчиво глядя на Волка. Ему казалось, что невозможно удивиться больше, чем он уже был удивлен, но Волк без особых усилий разрушил это впечатление.

— Как поживает твой отец, Джек? — спросил он тем небрежным тоном, каким люди обычно спрашивают о здоровье чьих-либо родителей. — Как поживает Фил? Волк!

Джек почувствовал, как ветер вылетает из его мозгов, увлекая их за собой. Несколько секунд он сидел, открыв рот, не имея в голове ни одной мысли, словно ничего не передающая радиостанция. Затем лицо Волка изменилось. Выражения счастья и детской непосредственности то одновременно появлялись на нем, то сменяли друг друга. Джек заметил, что ноздри Волка часто раздуваются.

— Он ведь умер, да? Волк! Прости меня, Джек. Черт бы меня побрал! Я дурак! *Дурак!* — Волк ударил себя кулаком по лбу и на этот раз действительно *взвыл*. Это был звук, холодящий кровь. Стадо коровец беспокойно оглянулось по сторонам.

— Да, это так, — ответил Джек. Он услышал свой голос больше ушами, чем головой, как будто говорил не он, а кто-то другой. — Но... откуда ты знаешь?

— Твой запах изменился, — просто ответил Волк. — Я узнал, что он умер, потому что это было в твоём запахе. Бедный Фил! Такой хороший был парень! Я могу тебе сказать это прямо здесь и прямо сейчас, Джек! Твой отец был хорошим парнем! Волк!

— Да, — согласился Джек. — Он был хорошим. Но откуда ты знаешь его? И откуда ты знаешь, что он — мой отец?

Волк так посмотрел на него, как будто Джек задал настолько простой вопрос, что он даже не требовал ответа.

— Я конечно же помню его запах. Волки помнят все запахи. Ты пахнешь точно как он.

Ба-бах! Бейсбольная бита едва не добила Джека. Он почувствовал странное желание упасть в сырую траву и кататься по ней взад-вперед, схватившись за живот и подвывая. Люди говорили ему, что у него глаза отца, нос отца, рот отца, даже манеры отца, но никто никогда не говорил, что он пахнет, как отец. Это слишком сумасшедшая мысль, чтоб вот так ее принять.

— Откуда ты его знаешь? — снова спросил Джек.

Волк посмотрел в сторону.

— Он приходил с другим человеком, — сказал он наконец. — Я тогда еще был совсем маленьким. Тот, второй, — он плохой. Тот, второй, украл нескольких из нас. Твой отец не знал, — поспешно добавил он, будто боясь, что Джек рассердится. — Волк! Нет! Он был хороший, твой отец. А тот, другой...

Волк медленно покачал головой. На его лице появилось выражение даже более простое, чем его веселье. Это было воспоминание о каком-то детском кошмаре.

— Плохой, — закончил Волк. — Мой отец говорит, что этот человек устраивает себе место в этом мире. В основном он действует через своего двойника, но сам он из твоего мира. Мы знали, что он плохой, мы могли рассказать. Но кто будет слушать волков? Никто. Твой отец знал, что он плохой, но он не умел нюхать так, как это умеем мы. Он знал, что тот плохой, но не знал, *насколько* он плохой.

Волк запрокинул голову и снова протяжно завыл — долгий, холодающий душу звук эхом отзывался в глубоком синем небе.

Интермедия СЛОУТ В ЭТОМ МИРЕ (II)

Из кармана объемистой парки (он купил ее, убежденный в том, что восточнее Скалистых гор Америка превращается в холодную пустыню в первых числах октября, — теперь пот бежал с него ручьями) Морган Слоут вынул небольшую стальную коробочку. Под крышкой находились десять маленьких кнопочек и экран из желтого матового стекла, два дюйма длиной и четверть дюйма шириной. Он аккуратно нажал несколько кнопочек ногтем левого мизинца, и в окошке высветился ряд цифр. Слоут купил эту фигурину в Цюрихе за бешеные деньги. Человек, продавший ее, уверял, что даже неделя, проведенная в крематории, не сможет повредить этой каленой стали.

В коробочке щелкнуло.

Слоут отвернул два тонких лоскутка дорогого черного бархата, открывая то, чем он владел уже добрых двадцать лет, чем он владел еще задолго до того, как родился этот ненавистный маленький ублюдок, из-за которого и начались все неприятности. Это был тусклый оловянный ключ. Когда-то он был вставлен в бок механическому игрушечному солдатику. Слоут увидел этого солдата в лавке старьевщика, в странном маленьком городишке Пойнт-Венути, штат Калифорния, в котором он имел большой интерес. Действуя под влиянием желания, слишком сильного, чтобы его отогнать (да он и не собирался его отгонять, он всегда потакал своим желаниям, этот Морган Слоут), он заплатил пять долларов за пыльного помятого солдата и... в любом случае ему нужен был не он. Ключ притянул к себе его взгляд. Именно ключ заставил его раскошелиться. Слоут вынул его из бока солдата и положил в карман, как только дверь лавки захлопнулась за ним. Сам же солдатик угодил

в мусорный бак около книжного магазина с интригующим названием «Опасная Планета».

Сейчас, стоя перед своей машиной на окраине Левисбурга, Слоут вытащил ключ и посмотрел на него. Так же как и медиатор Джека, оловянный ключ в Долинах превращался во что-то другое. Однажды, возвращаясь оттуда, он обронил ключ в коридоре здания своего старого офиса. И должно быть, немного волшебной силы из Долин осталось в нем, потому что этот идиот Джерри Бледсо поджарился не больше часа спустя. Поднимал ли Джерри ключ? Или, может, просто наступил на него? Слоут этого не знал, да и не очень-то хотел знать. Какое это имеет значение? Ему было совершенно наплевать на Джерри — учитывая, что подручный имел страховой полис, предусматривающий двойную компенсацию за смерть от несчастного случая (эту информацию Слоут получил от управляющего зданием, с которым они время от времени выкуривали косячок). Морган едва не обезумел от своей потери. Нашел ключ Фил Сойер, он протянул его со словами: «Эй, Морган, это твоя игрушка? Пойщи-ка у себя дырку в кармане. Я нашел его в коридоре, после того как вынесли бедного Джерри».

Да, в коридоре. В коридоре, где пахло мотором грузовика, который девять часов подряд гнал на предельной скорости. В коридоре, где все почернело, обгорело и оплавилось.

Все, кроме этого маленького оловянного ключика.

Который в ином мире служил чем-то... ну вроде громоотвода и который Слоут сейчас вешал на шею на блестящей серебряной цепочке.

— Ну вот, Джек, — сказал Слоут почти нежным голосом. — Настало время положить сокрушительный конец всей этой смехотворной истории.

Глава 17 ВОЛК И ЕГО СТАДО

Волк говорил о многих вещах, в то же время пытаясь увести свой скот с дороги и погнать его к ручью в миле западней этого места. Когда Джек спросил его, где он живет, Волк лишь неопределенно махнул рукой на север. Он сказал, что живет со своей семьей. Когда же несколько минут спустя Джек попросил уточнить, Волк удивился и сказал, что у него нет ни жены, ни детей и что он не собирается возвращаться в это место, которое он назвал «большой норой под

луной», по меньшей мере год или два. Потом он посмотрел в сторону «большой норы под луной», и на его лице расплылась похотливая ухмылка.

— Но ведь ты сказал, что живешь со своей семьей?

— О, семья! Они! Волк! — волк рассмеялся. — Конечно же! *Они!* Мы все живем вместе. Чтобы пасти скот. Ее скот.

— Королевы?

— Да. Дай Бог ей многих лет жизни! — Волк замер в смешном подобии салюта — слегка наклонившись вперед и прикоснувшись правой рукой ко лбу.

Дальнейшие расспросы поставили все на свои места — по крайней мере, Джек так считал. Волк был холостяком (хотя это слово едва ли сюда подходит). Семья, о которой он говорил, оказалась огромным сообществом — буквально Семей Волков (а не семей одного Волка). Они были кочевниками и перемещались с места на место по широкому пустому пространству восточнее Пограничных Постов, но западнее «Поселений», под которыми Волк, скорее всего, подразумевал города и деревни на востоке.

Волки (именно Волки, а не волки — когда Джек поинтересовался по этому поводу, Волк рассмеялся до слез) были надежными и дружными работниками. Их сила была воистину легендарна, их отвага неоспорима. Некоторые из них ушли на восток, в Поселения, и теперь служили Королеве в качестве солдат, Охранников или даже личных телохранителей. Для Волков, как понял Джек, существуют только две жизненные цели — Госпожа и Семья. Большинство из них, объяснил Волк, служат Госпоже так же, как он сам, — пасут скот.

Коровцы служили в Долинах главным источником мяса, кожи для одежды, жира и масла для ламп (Волк ничего не сказал об этом, но Джек догадался из его других слов). Весь скот принадлежал Королеве, и Семья Волков пасла его с незапамятных времен. Это была их работа. Во всем этом Джек обнаружил странную связь с отношениями между индейцами и бизонами в Америке... существовавшими до тех пор, пока не пришел белый человек и не нарушил равновесия.

— Лев ест ягненка, а Волк пасет скот, — пробормотал себе под нос Джек и улыбнулся. Он лежал на спине, подложив руки под голову. Блаженное чувство легкости и спокойствия окружило его.

— Что, Джек?

— Ничего, — сказал он. — Волк, а ты превращаешься в животное в полнолуние?

— Ну, конечно, — сказал Волк, он выглядел изумленным, словно Джек задал вопрос наподобие: «Волк, ты одеваешь штаны после

того, как сходишь по нужде?» — А иноземцы не превращаются. Ведь правда, не превращаются? Фил говорил мне об этом.

— А... как же стадо? — спросил Джек. — Когда ты превращаешься, они...

— Мы никогда не подходим близко к скоту в полнолуние, — серьезно ответил волк. — Слава Джейсону, нет! Иначе мы съедем их, разве ты не понимаешь? А Волк, съевший свое стадо, приговаривается к смерти. В Библии сказано что-то похожее. Волк! Волк! У нас есть свои места, куда мы уходим в полнолуние. А у скота — свои. Они тупые, но понимают, что должны уходить, когда приходит время Большой Луны. Волк! Они лучше нас знают, когда приходит это время. Черт бы их побрал! Волк!

— Но ведь *ты ешь мясо*?

— Куча вопросов! Как ты похож на своего отца, — сказал Волк. — Волк! Конечно же! Да, мы едим мясо! Конечно, едим! Мы же Волки, или кто?

— Но если ты не ешь животных из стада, то что же ты ешь?

— Я нормально питаюсь, — сказал Волк и больше не произнес ни слова по этому поводу.

Так же как и все в Долинах, Волк был таинственным. Просто полон таинственности, одновременно великолепной и пугающей. То, что он знает отца Джека и Моргана Слоута — по крайней мере, видел их двойников и больше чем один раз, — способствовало таинственности его образа. Все, что Волк ответил Джеку на добрую дюжину вопросов, — это то, что он, Волк, не может (или не хочет?) ответить.

Первый раз Филипп Сойтель и Оррис появились, когда Волк находился в «маленькой луне» и жил с матерью и двумя «маленькими сестрицами». Они просто проходили мимо — точно так же, как сейчас Джек, — только они направлялись не на запад, а на восток («По правде говоря, ты единственный человек, встреченный мной на этом далеком западе, который идет *еще западней*», — сказал Волк.)

Достаточно веселая была компания — что один, что другой. Проблемы возникли намного позже... проблемы с Оррисом. Это позже компаньон отца Джека начал «устраивать себе место в этом мире». Волк рассказывал об этом снова и снова, только теперь под именем Оррис уже явно угадывался Морган Слоут. Волк рассказал, что Морган украл одну из его маленьких сестер («Моя мама целый месяц заламывала руки и ноги, когда узнала об этом», — говорил он) и уводил время от времени других Волков. Голос Волка дрогнул, и с выражением страха и ненависти на лице он рассказал Джеку,

что «прихрамывающий человек» забрал несколько Волков в другой мир, Туда, Где Живут Иноземцы, и научил их есть скот.

— Это, наверно, ужасно для таких, как ты? — спросил Джек.

— Они прокляты, — ответил Волк.

Джек подумал сначала, что речь идет о похищении детей — слово «Волк» в этой связи употреблялось по отношению к маленькой сестре Волка, — но теперь он начал понимать, что похищение детей здесь и вовсе ни при чем. Просто волк с бессознательным поэтическим чувством пытался рассказать, что Морган похищал некоторых взрослых мужчин из Семьи Волков. Джек понял, что Волк говорит об оборотнях, которых заставили перешагнуть через свою врожденную верность Королеве и Семье и отдать ее Моргану... Моргану Слоуту и Моргану Оррису.

Это вернуло его к мысли об Элрое,

«Волк, который ест свой скот, приговаривается к смерти...»

...о человеке из зеленой машины, который сначала спрашивал у Джека дорогу, потом предлагал «Тутси Ролл», а затем пытался запихнуть его в свою машину. Глаза. Их глаза. Их глаза меняли цвет.

«Они прокляты...»

«Он устраивает себе место в этом мире...»

Вплоть до этой минуты Джек чувствовал необыкновенную радость и спокойствие. Радость от того, что он снова в Долинах, где свежий чистый воздух и нет никакой пыли и угарного газа; а спокойствие от того, что рядом с ним находился большой дружелюбный Волк — и больше никого на несколько миль вокруг.

«Устраивает себе место в этом мире...»

Джек попросил Волка рассказать о его отце Филиппе Сойтеле в этом мире, но Волк только покачал головой. Он был чертовски хорошим малым, и его двойник тоже, но, казалось, это все, что знает о нем Волк. Двойники, сказал он, это что-то такое, что каким-то образом «приводит в порядок» людей, но об этих сложных материях он не осмеливается говорить. Он не мог даже описать Филиппа Сойтеля — просто не помнил. Единственное, что он помнил — это запах. И еще он знал, что, хотя оба иноземца выглядели хорошими, по-настоящему хорошим был только Фил Сойер. Однажды он принес подарки для Волка, его маленьких сестер и маленьких братьев. Одним из подарков из Мира Иноземцев был рабочий комбинезон, одетый сейчас на Волке.

— Я ношу его все время, никогда не снимаю, — сказал Волк. — Моя мама хотела его выкинуть, когда я проносил его лет пять или около того. Сказала, что он скоро разлезется! Сказала, что я вырос

из него! Волк! Сказала, что от него осталась лишь одна нитка и несколько лоскутков и она удивляется, почему они еще держатся на мне! Я никогда его не выкину! Она купила немного материи у бродяги, который шел к Пограничным Поста́м! Я даже не знаю, сколько она заплатила. Волк! По правде говоря, Джек, я боюсь спросить. Она покрасила ее в синий цвет и сшила мне шесть брюк. Я сплю на них теперь! Волк! Волк! Чертовски удобная подушка!

Волк улыбнулся одновременно так открыто и так задумчиво и печально, что Джек не удержался и взял его за руку. С ним никогда раньше не происходило ничего подобного тому, что было сейчас, и Джек почувствовал, как этого ему не хватало. Так приятно было сжимать теплую сильную руку Волка.

— Я так рад, что тебе нравился мой папа, — сказал он.

— Нравился! Нравился! Волк! Волк!

И все тревоги полетели к чертям.

замолчал и настороженно осмотрелся по сторонам.

— Волк, что слу...

— Тшш!

И тут Джек услышал. Более чувствительные уши Волка раньше уловили звук, но он так быстро нарастал, что вскоре, как показалось Джеку, его способен был услышать даже глухой. Животные беспокойно озирались вокруг; некоторые начали двигаться прочь от источника звука, сбившись в тесные кучки. Звук был такой, словно кто-то раздирает кроватную сетку посередине, только в тысячу раз громче. Звук все нарастал, нарастал, нарастал .. пока Джек не почувствовал, что начинает медленно сходить с ума.

Волк вскочил на ноги. Он выглядел ошеломленным, сбитым с толку и испуганным. Раздирающий звук — этакое мурлыканье гигантской кошки — продолжал нарастать. Скот заблеял и замычал еще громче. Кое-кто направился к ручью, и когда Джек посмотрел в ту сторону, одно из животных уже с плеском бросилось в воду. К нему немедленно присоединились его суетливые сотоварищи. Воздух наполнился беспорядочным ревом. Еще одна коровца ринулась к воде, споткнулась, и была тут же затоптана. Другой берег ручья был низким и болотистым, поросшим зеленым камышом. Первая коровца, добравшаяся до него, глубоко завязла.

— *Черт бы его побрал, этот негодный скот!* — воскликнул Волк и помчался к ручью, где затоптанное животное дергалось в предсмертных конвульсиях.

— Волк! — крикнул Джек, но Волк уже не слышал. Да Джек и сам едва мог разобрать свои собственные слова за этим душераздирающим мурлыкающим звуком. Он обернулся направо, в сторону

ручья, и замер от удивления. В воздухе что-то происходило. В трех футах над землей в нем возникла огромная дыра, с пенящимися, будто кипящими, краями. Казалось, она пытается разорвать самое себя. Сквозь дыру Джек видел Западную дорогу, но очень неясно — словно сквозь горячий, колышущийся воздух над обогревателем.

«Что-то пробило воздух, поранило его... Оно влетело с нашей стороны?»

«О, Джейсон, неужели это сделал я, когда переносился сюда?»

Даже сквозь свою растерянность Джек понимал, что это не так.

Джек прекрасно знал, КТО может использовать подобный способ, чтобы проникнуть сюда.

Он побежал к ручью.

Треск нарастал. Волк стоял на коленях около ручья, пытаясь помочь затоптанному животному подняться на ноги. В это время другое продолжало тонуть на противоположном берегу, дрожа и извиваясь всем телом.

— Вставай, черт бы тебя побрал! Вставай! Волк!

Волк изо всех сил хлопал и пинал коровцу, которая только мычала и смотрела на него грустными глазами, затем он схватил животное за шею и потянул вверх.

— ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ СЕЙЧАС ЖЕ! ВОЛК! — кричал он.

Растегнутые рукава его рубашки болтались, обнажая мускулистые руки. Это напомнило Джеку Дэвида Баннера, который под воздействием рентгеновских лучей превратился в невообразимого монстра. Везде вокруг хлюпала вода. Волк взглянул под ноги, сверкнув ярко-оранжевыми глазами. Его комбинезон, когда-то синий, теперь стал черным. Вода вытекала из ноздрей животного, которого Волк прижимал к груди, как щенка-переростка. Глаза коровцы закатились, оголив белые с прожилками кровеносных сосудов яблоки.

— Волк! — крикнул Джек. — Это Морган, это...

— Мое стадо! — кричал Волк в ответ. — Волк! Волк! Черт бы побрал мое стадо! Джек! Не пытайся...

Конец фразы утонул в мощном раскате грома, встряхнувшего землю. На какое-то мгновение гром заглушил даже этот монотонный, сводящий с ума треск рвущегося воздуха. Почти такой же растерянный, как скот Волка, Джек посмотрел вверх и увидел над собой чистое голубое небо без малейшего намека на тучи — лишь несколько пушистых белых облаков медленно плыли вдалеке.

Гром вызвал небывалый переполох в стаде Волка. Животные пытались удрать, но по своей непроходимой тупости делали это

задним ходом. Они спотыкались, сталкивались и падали в воду. Джек услышал хруст ломающейся кости, сопровождающийся отчаянным блеянием пострадавшего животного. Волк вскочил на ноги, уронив голову коровцы, которую он пытался спасти, и бросился к болотистому берегу ручья.

Прежде чем он успел приблизиться, полдюжины коровец налетели на него и сбили с ног. Из-под спины Волка вылетел фонтан брызг. Джек увидел, что теперь сам Волк находится в опасности, рискуя быть растоптанным тупыми бегущими животными.

Джек бросился к ручью, теперь черному от поднятой грязи. Течение тщетно пыталось выправить положение. Блеющие и мычащие коровцы с бешено закатанными глазами пронеслись мимо него, едва не сбивая с ног. Брызги летели в лицо, и Джеку приходилось то и дело вытирать глаза.

Звук, казалось, заполонил весь мир:
«RRRRRRRTTTTTTTTTTЧЧЧЧЧЧ».

Волк. К черту Моргана, по крайней мере, сейчас. Волк в беде.

На какую-то секунду Джек увидел его мокрую лохматую голову. Но в этот момент трое животных пробежали между ним и Джеком; теперь он мог видеть только одну болтающуюся покрытую шерстью руку. Он снова побежал вперед, пробираясь сквозь бегущих и упавших коровец.

— *Джек!* — раздался голос, заглушая все остальные шумы. Джек знал этот голос — голос дяди Моргана.

— *Джек!*

Еще один раскат грома — словно по небу ударили тяжелой дубиной.

Отбросив с глаз мокрые пряди волос, Джек через плечо смотрел на... Интерстейт №70, около Левисбурга, штат Огайо. Он видел ее словно сквозь грязное исцарапанное стекло... но он *видел* ее. Кирпичный угол туалета находился за левым краем этой бесформенной пенящейся дыры. В правом появилось что-то похожее на фургон «шевроле», возвышаясь на три фута над полем, где еще пять минут назад они с Волком сидели и мирно беседовали.

А в центре, точно как в фильме об Адмирале Берде на Северном полюсе, стоял Морган Слоут. Его полное красное лицо подергивалось от ярости. От ярости и чего-то еще. Торжества. Да. Он торжествовал победу. Он стоял посреди ручья, погруженный в него до пояса, не обращая внимания на скот, который, блея и мыча, обходил его с обеих сторон, и вглядывался в это прорубленное им окно между двумя мирами, выпучив глаза и глотая ртом воздух.

«Он нашел меня... Боже мой, он нашел меня!»

— *Вот ты где, маленький кусок дерьма!* — заорал Морган.

Слова дошли до Джека, хотя голос Моргана Слоута исказился, переходя из реальности того мира в реальность этого. Так человек на улице слышит голос другого человека, кричащего в телефонной будке.

— *Теперь посмотрим! Посмотрим!*

Морган наклонился вперед, его лицо, словно сделанное из резины, плыло и колыхалось. У Джека было достаточно времени, чтобы увидеть что-то, зажатое в его руке. И еще что-то, висящее у него на шее. Что-то маленькое и блестящее.

Джек стоял, как парализованный, пока Слоут проходил в дыру между двумя вселенными. Перешагнув через дыру, он проделал свой собственный номер с перевоплощением, превращаясь из Моргана Слоута-инвестора, торговца недвижимостью и, временами, представителя Голливуда — в Моргана Орриса, претендента на трон умирающей королевы. Его толстые красные щеки и двойной подбородок втянулись, краска исчезла с них. Волосы начали расти на глазах, сперва затеняя голый череп, будто кто-то невидимый красил голову дяди Моргана, затем покрывая его. Волосы двойника Слоута были длинными, черными, развевающимися по ветру и какими-то... мертвыми. Они доходили до плеч, оставляя, однако, большие залысины на лбу.

Парка колыхнулась, исчезла на секунду, а затем вернулась в виде черного плаща с капюшоном.

Замшевые ботинки Моргана Слоута превратились в черные кожаные сапоги с отворотами. Из одного из них торчало что-то, что могло быть рукояткой большого ножа.

А маленькая серебряная штучка в его руке обернулась длинным тонким стержнем, окруженным голубоватым электрическим сиянием.

«Громоотвод? О Боже...»

— Джек!

Голос был низким и булькающим, как будто кричавший набрал полный рот воды.

Джек резко повернулся и бросился прочь от ручья, едва не споткнувшись о лежащую в нем мертвую коровцу. Он увидел, как снова падает голова Волка, как беспомощно хватают воздух его руки. Джек побежал к этим рукам, стараясь на бегу увернуться от обезумевших животных. Одно из них боднуло его в бок, Джек потерял равновесие и упал в воду, едва не захлебнувшись. Он поднялся, кашляя и отплевываясь, и испуганно похлопал себя по карману камзола... Бутылка была не месте.

— Эй, ты! Повернись и посмотри на меня!

«Некогда, Морган. Извини, но лучше быть затоптанным стадом Волка, чем попасть тебе в лапы. Я...»

Голубое свечение зависло около плеча Джека. Оно шипело и потрескивало (электрическая дуга?). Одна из коровец на берегу ручья упала замертво в поросшую тростником болотистую почву — несчастное животное дернулось и рухнуло, как будто у него в желудке взорвался динамит. Из тонкой ранки в виске заструилась темная горячая кровь. Джека стошнило. Комки полупереваренной пищи вперемешку с жидкой зловонной массой, хлынули в траву перед ним, разлетаясь вокруг сотней маленьких брызг.

— Повернись и посмотри на меня!

Джек почувствовал всю СИЛУ и МОЩЬ этого окрика, словно невидимые руки вцепились в лицо, пытаясь повернуть его к Моргану.

Волк снова попытался подняться. Мокрые волосы прилипли к лицу, и он удивленно смотрел сквозь этот занавес, словно английская овчарка. Он плевался, кашлял и, казалось не совсем понимал, где он и что с ним.

— Волк! — позвал Джек, но оглушительный гром, потрясший ясное голубое небо, проглотил его крик.

Волк приподнялся. Потoki грязной воды стекали с его спины. Секунду спустя еще одна коровца прыгнула в воду прямо на него, едва не затоптав насмерть.

«Он уйдет, — в отчаянии думал Джек. — Он уйдет, он должен уйти... Пусть он уйдет... Мама, пусть он уйдет отсюда!»

Он бежал к Волку, захлебывающемуся и умирающему, почти затоптанному своими же коровцами.

— Джейсон! — крикнул Морган, и Джек понял, что тот не употребляет местный жаргон, а называет его собственное имя. Здесь, в Долинах, он больше не был Джеком, он был Джейсоном.

«Но сын королевы умер младенцем, умер, он...»

Снова холодный шипящий электрический разряд, едва не опаливший Джеку волосы. Он поразил еще одну коровцу Волка, застрявшую на другом берегу. Но, посмотрев на нее, Джек увидел, что она не сильно пострадала. Животное все так же стояло, завязнув в грязи всеми четырьмя ногами. Но тут они начали наклоняться и в конце концов упали в четыре разные стороны.

— **ПОВЕРНИСЬ И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ!**

«Странно, почему он не окунул это в воду? Тогда он убил бы сразу и меня, и Волка, и всех животных».

Потом к нему вернулись знания, полученные в пятом классе школы. Как только электричество попадает в воду, оно может пойти куда угодно... в том числе и обратно в источник тока.

Изумленное лицо Волка, время от времени появлявшееся из воды, выбило эти мысли из головы Джека. Волк был еще жив, но почти погребен под тушей коровцы, которая, хоть и не была ранена, упала от страха. Руки Волка двигались с умопомрачительной скоростью. Когда Джек пробежал оставшееся расстояние, одна из этих рук бессильно упала, и закачалась на поверхности ручья, как водяная лилия.

Не останавливаясь, Джек выставил левое плечо и врезался в коровцу, как Джек Амстронг из детских спортивных рассказов. Если бы на месте этой уменьшенной модели находилась настоящая корова, то Джеку вряд ли удалось бы сдвинуть ее с места, даже если бы быстрое течение ручья не работало против него. Но это животное было в два раза меньше коровы, и усилия Джека достигли своего результата. Получив толчок, коровца потеряла равновесие, завалилась на бок, не удержавшись на своих тонких ногах, рухнула на берег. Джек схватил Волка за руки и со всей мочи потянул.

Волк поднялся с такой же легкостью, с какой можно перевернуть в воде ствол дерева. Его глаза сверкали из-за полуприкрытых век, вода вытекала из рта, из носа, из ушей. Губы посинели.

Зигзагообразные молнии сверкали то справа, то слева от того места, где стояли Джек с Волком, похожие на пару пьяниц, пытающихся танцевать вальс в плавательном бассейне. На дальнем берегу еще одна коровца разлетелась во всех направлениях — ее голова сейчас как раз катилась к воде. Горячие языки пламени блуждали по болоту — зарослям камыша и тростника, перекидываясь на сухую траву у подножья холма.

— Волк! — закричал Джек. — *Ради всего святого, Волк!*

— О-у-у-у! — простонал Волк, и его вырвало теплой грязной водой прямо Джеку на плечо. — *О-о-о-у-у-у!*

Теперь Джек увидел Моргана, стоящего на другом берегу — высокая тощая фигура в черном плаще. Капюшон с мрачной таинственностью скрывал его бледное вампироподобное лицо. Джек успел удивиться тому, как поработало волшебство Долин в интересах его свирепого дяди. Здесь Морган больше не был отвратительной грузной краснолицей жабой — со злостью в сердце и коварством в голове. Здесь, в Долинах, он приобрел небывалую уверенность в себе; его лицо преобразилось — в нем появилась холодная мужская красота.

Морган взмахнул серебристым шестом, как сказочной волшебной палочкой, и еще одна голубая молния рассекла воздух.

— *Смотрите на меня, ты и твой тупой друг!* — крикнул Морган. Его тонкие губы, вытянувшиеся в торжествующей улыбке, обнажили кривые желтые зубы. Первое впечатление Джека о красоте Моргана разрушилось раз и навсегда.

Волк взвыл и дернулся в руках Джека. Он уставился на Моргана своими оранжевыми глазами, горящими от страха и ненависти.

— *Ты дьявол!* — кричал Волк. — *Ты дьявол! Моя сестричка! Моя маленькая сестричка! Волк! Волк! Ты дьявол!*

Джек вынул бутылку из кармана камзола. Все равно остался лишь один глоток. Он не мог держать Волка одной рукой; он отпустил его, а Волк, похоже, был не в состоянии самостоятельно держаться на ногах. Не имеет значения. В любом случае он не может забрать его с собой в другой мир... или может?

— *Ты дьявол!* — не унимался Волк, стоя на коленях в воде. Он захлебывался в слезах, его мокрое лицо скользило по руке Джека.

Запах горящей травы.

Гром, молния.

В этот момент языки огня полыхнули так близко от Джека, что он едва успел отскочить в сторону, чтобы не превратиться в живой факел.

— *Да, да — вы оба! Оба!* — орал Морган. — *Я покажу тебе, как становиться на моем пути, ты, маленький ублюдок! Я спалю вас обоих! Я УНИЧТОЖУ ВАС!!!*

— Волк! Вставай! — крикнул Джек. Он уже отчаялся поднять его, только крепче сжал руку. — Обопрись о меня! Слышишь?

— *Волк!*

Джек поднял бутылку, и отвратительный вкус гнилого винограда последний раз заполнил его рот. Бутылка была пуста. Когда он глотнул, то услышал, как она разлетелась вдребезги — видимо, одна из молний Моргана попала в нее. Но звон разбитого стекла донесся до него уже издалека... так же, как и электрический треск и даже яростные вопли Моргана...

Он почувствовал, как проваливается в глубокую яму. Или котлован. Волк так сильно вцепился в его руку, что Джек даже вскрикнул от боли. Чувство легкого головокружения (или опьянения?) начало постепенно исчезать... вместе с солнечным светом. Мир вокруг превратился в мрачный пасмурный октябрьский день где-то в сердце Америки. Холодные капли дождя ударили Джеку в лицо, и он с трудом понял, что вода, в которой он стоит, намного холодней, чем была всего несколько секунд назад. Где-то очень недалеко раздавался знакомый грохот грузовиков по автостраде... только сейчас он, казалось, доносился откуда-то сверху.

«Это невозможно, — подумал Джек. — Не может быть!» На какой-то сумасшедший момент он представил себе летящие по воздуху грузовики, управляемые людьми с привязанными к рукам крыльями.

«Вот я и здесь, — подумал он. — Снова здесь. И все по-прежнему».

Он чихнул.

Да, и так же холодно.

Но все-таки кое-что изменилось.

Автостоянка, роща, свободное замусоренное пространство — ничего этого не было. Они стояли по пояс в ледяной воде ручья глубоко под откосом дороги. Это первое отличие.

Волк был с ним. Это второе.

И Волк выл.

Глава 18 ВОЛК ИДЕТ В КИНО

1

Еще один грузовик пронесся по дороге над головой, рыча большим дизельным двигателем. Земля затряслась под ногами. Волк затрясся в руках Джека. Он пошатнулся, едва не свалив их обоих в холодную воду.

— Не бойся, — сказал Джек. — Это всего лишь грузовик. Пойдем.

Он шлепнул Волка по спине. Но Волк никуда идти не хотел. Его ужас был всеохватывающим. Как бы то ни было, а Волк пытался сделать шаг и навалился на Джека всеми своими ста пятьюдесятью фунтами. Если бы Джек его не удержал, то он обязательно свалился бы в эту ледяную воду и, как пить дать, заработал бы себе воспаление легких.

— Волк! Не хочу! Волк! Волк!

Но тут хватка ослабела. Секунду спустя его руки повисли бессильно. Когда еще один грузовик прогрохотал по дороге, Волк вскрикнул и снова попытался вырваться из охвативших его рук Джека. Затем посмотрел на него затравленным мутным взглядом, словно говоря: *«Уведи меня отсюда, пожалуйста, уведи меня отсюда! Лучше б я умер в своем мире!»*

«Я тоже не хотел оттуда уходить, Волк, но там Морган. Если б его не было, я ни за что не выпил бы эту тошнотворную жидкость!»

Он посмотрел вниз на свою левую руку и увидел, что она все еще сжимает зазубренное горлышко бутылки Спида, как бандит, собравшийся совершить какое-нибудь тяжкое преступление. Только по счастливой случайности Волк ничего себе не повредил, когда в ужасе схватился за Джека.

Джек отбросил ее в сторону. *Бульк!*

Еще два грузовика — двойной рев.

Волк завыл и прижал уши руками. Джек заметил, что во время их «переноса» из Долин большая часть шерсти исчезла с ладоней Волка. Большая, но не вся. И еще он заметил, что указательные и средние пальцы на обеих руках совершенно одинаковой длины.

— Пойдем, Волк, — сказал Джек, когда рев грузовиков растаял вдали. — Пойдем отсюда. Мы с тобой похожи на двух парней, которые хотят стать «моржами».

Он протянул Волку руку, и Волк крепко ее сжал. Потом он заметил болезненное выражение на лице Джека и ослабил хватку ... чуть-чуть.

— Не бросай меня, Джек, пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня здесь одного.

— Ну что ты, Волк, конечно, не брошу, — сказал он и подумал: *«И как тебя угораздило вляпаться в такую историю... твою мать? Стоишь в канаве под дорогой где-то на окраине Огайо вместе со своим ручным оборотнем. Как только это у тебя получилось? Ты что, специально тренировался? И, да, кстати говоря, какая у нас сейчас фаза луны? Ты не знаешь случайно, Джеки?»*

Джек не знал. А небо, обложенное серыми облаками и зашторенное холодным дождем, не давало ответа.

И какие у нас шансы? Тридцать к одному в мою пользу? Или двадцать восемь к двум?

Какие бы они ни были, ничего хорошего не предвиделось. Тем более при таком раскладе.

— Не бойся, Волк, я не собираюсь тебя бросать, — повторил Джек и повел Волка к берегу. По ручью плыли вверх животом гниющие останки какой-то детской куклы. Ее синие стеклянные глаза уставились в сгущающуюся темноту. Мышцы рук Джека растянулись от того неимоверного усилия, с которым он вытащил Волка из Долин, и теперь ныли, как расшатавшийся зуб.

Выйдя из воды на замусоренный поросший густой травой берег, Джек начал мелко дрожать от холода.

На этот раз продвижение Джека по Долинам ограничилось одной милей — расстоянием, на которое Волк перегнал свое стадо, чтобы животные могли попить из ручья, возле которого позже сам Волк был ими же и затоптан до полусмерти. Здесь, насколько Джек мог определить, он оказался на целых десять миль западнее. Он выбрался на берег — Волк наконец-то перестал хвататься за Джека, и в последних солнечных лучах Джек увидел указатель, стоявший ярдах в пятидесяти вправо от дороги. На нем светилась надпись: «АРКАНУМ. ПОСЛЕДНИЙ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ ОГАЙО. ГРАНИЦА ШТАТА 15 МИЛЬ.»

— Будем голосовать, — сказал Джек.

— Голосовать? — непонимающе спросил Волк.

— А ну, дай-ка я взгляну на тебя.

Он просто хотел посмотреть, сойдет ли Волк за нормального человека — хотя бы в темноте. Но то, что он увидел, превзошло все его ожидания. На Волке все еще был рабочий комбинезон, только теперь на кармане появился лейбл «ОШКОШ». Домотканая рубашка превратилась в синий фабричного производства батник, чем-то похожий на форменные рубашки военных моряков. Необъятные ноги оказались обуты в белые носки и огромные, промокшие насквозь мокасины.

Но что самое странное — на длинном носу Волка сидели круглые в металлической оправе очки, точно как у Джона Леннона.

— Волк, ты плохо видишь? У тебя были проблемы со зрением? Там, в Долинах?

— Я не знаю, — ответил Волк, — может и были. Но черт возьми, я намного лучше вижу с этими стеклянными глазами! Волк! Прямо здесь и прямо сейчас!

Он посмотрел на дорогу, наводненную ревушими машинами, и на какое-то мгновение Джек тоже увидел то, что видел Волк: огромные стальные чудовища с желтовато-белыми глазами, пролетавшие сквозь ночь на невообразимых скоростях, скребущие дорогу круглыми резиновыми лапами ...

— Я вижу лучше, чем хотелось бы, — закончил Волк печальным голосом.

Два дня спустя двое усталых, валяющихся с ног путников миновали указатель с надписью «МАНСИ. ШТАТ ИНДИАНА». Джек

бредил от температуры 38.5 и почти постоянно кашлял. Лицо Волка было раздутым и бесцветным. Он выглядел как боксер, потерпевший поражение на ринге. За день до этого он пытался сорвать для них с Джеком несколько поздних яблок с дерева, росшего около заброшенного амбара на краю дороги. Он уже сидел на ветке и складывал мягкие осенние яблоки в нагрудный карман комбинезона, когда его обнаружили дикие пчелы, свившие себе гнездо под крышей старого амбара. Волк быстро слез — даже не слез, а просто упал с дерева, окруженный жужжащим коричневым облаком. Потом, с полностью заплывшим глазом и носом, превратившимся в багровый волдырь, Волк уверял Джека, что собрал самые лучшие яблоки на свете. Ни одно из них не было по-настоящему съедобно — все сухие, мягкие и сморщенные, но после того, что перенес бедный Волк, чтобы их достать, Джек просто считал себя не вправе отказаться.

Большой старый «камаро» пронесся мимо них, нарочно прижавшись к обочине.

— Эй, говнюки! — крикнул кто-то и был поддержан дружным пьяным ржанием.

Волк взвыл и вцепился в Джека. До этого Джек был уверен, что страх Волка перед машинами постепенно пройдет, но сейчас он начал в этом сильно сомневаться.

— Все нормально, Волк, — сказал он как можно более ласково, отрывая от себя его руки уже двадцатый или тридцатый раз за день. — Они уехали.

— Так громко! — скулил Волк. — Так громко! Волк! Волк! Волк! Мои уши, Джек, о, мои уши ...

— Они ехали без глушителя, — объяснил Джек, думая ласково: *«Тебе понравятся калифорнийские дороги, Волк. Ты привыкнешь к этому всему, и мы будем вместе путешествовать. Мы будем ехать на машинах, мотоциклах. Ты придешь от них в восторг, я тебе обещаю».*

— Понравится! — пробормотал Волк. — Как это вообще может кому-нибудь нравиться? Джейсон! Эти запахи ...

Джек понимал, что запахи для Волка — самое худшее. Тот даже начал называть Америку «Страной Плохих Запахов». В первую ночь, проведенную в этом мире, Волк несколько раз вскакивал и пил мутную воду из ручья, который бежал через границу в Огайо и там постепенно пересыхал. Волк не мог определить, какие именно запахи его окружают, он только удивлялся тому, как Джек может их выносить, как вообще кто-нибудь может их выносить?

Джек знал, когда возвращаешься из Долин, на тебя сразу наваливается шквал различных зловоний, которые ты раньше не

замечал, живя среди дизельного топлива, угарного газа, заводского дыма, грязной воды и химикалий всех мастей. Потом к этому снова привыкаешь, потому что это окружает тебя с детства. Привыкаешь и перестаешь замечать. Но Волк родился и вырос в Долинах. Он ненавидел машины, он ненавидел их запахи, он ненавидел этот мир. Джек сомневался, что Волк когда-нибудь сможет к нему привыкнуть. Он понял, что если в скором времени не вернет Волка в Долины, тот просто рехнется. *«А впрочем, и я в этом недалеко от него ушел».*

Ревущий фермерский фургон с цыплятами пронесся мимо них, сопровождаемый бесконечным потоком гудящих машин. Волк разве что не прыгнул к Джеку на руки. Пробудившись от своих тяжких раздумий мощным толчком, Джек оказался в замусоренной придорожной канаве и ударился о землю так, что даже клацнули зубы.

— Прости меня, Джек, — смущенно сказал Волк. — Черт бы меня побрал!

— Не твоя вина, — сказал Джек. — Падай рядом. Отдохнем минут пять.

Волк уселся рядом с Джеком, не проронив ни слова, и встревожено заглянул ему в глаза.

Он знал, как тяжело приходится Джеку, знал, что Джеку нужно двигаться быстрее — отчасти из-за того, что его преследует Морган, но в основном по какой-то другой причине. Он слышал, как Джек во сне зовет свою маму, как иногда плачет. Но только один раз он плакал наяву — когда Волк закатил ему небольшую истерику, узнав, что означает слово «голосовать». Когда Волк сказал Джеку, что не может ехать на машинах — по крайней мере, первое время, — тот отошел к обочине, сел, закрыл лицо руками и заплакал. Потом перестал, что уже было хорошо, но ... Но когда он убрал руки от лица, на нем было такое выражение ... Волк был уверен, что после этого случая Джек бросит его одного в этой Стране Плохих Запахов ... А без Джека Волк сойдет с ума.

4

В полном изнеможении они подходили к городской черте Арканума. Волк кричал и хватался за Джека каждый раз, когда в сгущающихся сумерках мимо проезжала машина или грузовик. Джек слышал насмешливый голос откуда-то со стороны ручья: «Эй, вы, педики, где ваш автомобиль?». Джек отмахнулся от него, мотнув головой, как собака, отряхивающаяся от воды, и продолжал идти, крепко держа Волка за руку, потому что он постоянно пытался

отстать или убежать в лес. Самое главное сейчас было покинуть главную магистраль, где голосовать запрещено, и добраться до западной границы Арканума. Некоторые штаты легализовали «автостоп» за городскими чертами (по крайней мере, так говорил один бродяга, с которым Джек однажды коротал ночь в амбаре), но даже в тех штатах, где стоять на дороге с выставленным вверх пальцем считается преступлением, полицейские обычно закрывают глаза, если вы голосуете за знаком, указывающим на границу города.

Так что, во-первых, — добраться до знака. И надеяться, что до этого времени не встретится дорожный патруль. О том, что может случиться с Волком при встрече с полицейскими, Джек даже не хотел думать. А сами полицейские, скорее всего, решат, что столкнулись с современным воплощением Чарльза Мэнсона в ленноновских очках.

Они спустились по склону дороги и перешли через западную границу города. Десять минут спустя старый разбитый «крайслер» со скрипом затормозил возле них. Водитель, дородный человек с бычьей шеей, перегнулся через спинку сиденья и открыл дверь.

— Прыгайте, ребята! Темная ночь сегодня, не правда ли?

— Спасибо, мистер, — бодро сказал Джек. Его голова была забита мыслями о том, как вписать Волка в Историю, и он не заметил выражения, появившегося в глазах его спутника.

А водитель заметил.

Его лицо посуровело.

— Ты почуял что-то плохое, сынок?

Голос человека, такой же суровый, как и его лицо, вернул Джека на землю. Все радушие разом испарилось из него, и сам человек выглядел так, будто только что собирался пропустить кружечку пива и тут ему помешали.

Джек обернулся и посмотрел на Волка.

Ноздри Волка раздувались, словно ноздри медведя, почуявшего запах скунса. Губы были даже не поджаты — они были *сморщены*. Кожа под носом топорщилась множеством маленьких складок.

— Он что, не совсем ... того? — тихим голосом спросил у Джека водитель и поправил на голове кепку с надписью «ФЕРМЕРСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ».

— А? Нет, он просто ...

Волк зарычал.

Именно зарычал.

— Боже, — сказал водитель тоном человека, который не может поверить в происходящее. Он нажал на газ и рванул машину вниз по склону дороги, хлопая открытой дверью. Задние фары отбивали

азбуку Морзе, разрывая дождливую темноту и отражаясь в металлическом щите дорожного указателя, под которым они стояли.

— *Великолепно!* — прошипел Джек, поворачиваясь к Волку, который сжался, пытаясь укрыться от его злости. — Просто *великолепно!* Если б у него была рация, он бы уже орал в Девятнадцатый Канал, вызывая полицейского и рассказывая всем и каждому, что на выезде из Арканума двое полоумных пытаются остановить попутную машину! Джейсон! Или Иисус! Или кто-нибудь, я не знаю! Ты что, хочешь нарваться на неприятности? А, Волк? Если ты еще хоть раз выкинешь что-нибудь подобное, то *будь уверен* — у тебя будут неприятности! У нас! У нас будут неприятности, Волк!

Измученный, расстроенный, сбитый с толку и почти выдохшийся Джек пошел в наступление на Волка, который, если б захотел, мог одним легким движением снять ему голову с плеч; и Волк отступил перед ним.

— Не кричи, Джек, — простонал он, — эти запахи ... которые там ... можно умереть от запахов ...

— Я не слышал *никаких* запахов! — крикнул Джек.

Он уже окончательно сорвал голос, горло болело больше обычного, но он не мог остановиться — он или будет кричать, или сойдет с ума. Мокрые волосы упали на глаза. Он отбросил их назад и ударил Волка в плечо. Раздался громкий хруст, и рука тоже заболела. С таким же успехом можно было ударить камень. Волк жалобно взвыл, и это еще больше рассердило Джека. Но что сильнее всего его злило — это сознание того, что он неправ. Последний раз он был в Долинах менее шести часов назад, но не мог не заметить, что машина того человека пахнет как медвежья берлога. Тяжелый аромат старого кофе и свежего пива (между его ног на сиденье стояла открытая банка «Стро»); освежитель воздуха, болтавшийся на зеркале заднего вида, пахнувший как пропитанная потом сахарная пудра. И что-то еще — намного хуже, намного неприятней...

— *Никаких запахов!* — кричал он совершенно охрипшим голосом.

Он ударил Волка в другое плечо. Волк снова взвыл и вертелся на месте, пригнувшись, как ребенок, которого бьет разозленный отец. Джек принялся лупить его по спине. Его ноющие руки выбивали брызги воды из комбинезона Волка. Каждый раз, когда кулак Джека опускался, Волк выл.

— Ты мог бы *потерпеть!* (*Шлен!*) Потому что *следующая* машина может быть *полицейской!* (*Шлен!*) Или это может быть мистер Морган Блэвут на своем зеленом, как жаба, «BMW» (*Шлен!*), и если все, на что ты способен — это хныкать, как сопливый *ребенок*

(Шлеп!), то у нас не будет ничего, кроме *неприятностей!* (Шлеп!) Ты это понимаешь?!

Волк ничего не ответил. Он стоял, согнувшись под дождем, спиной к Джеку и дрожал. Он плакал. Джек почувствовал, как комок подступает к его горлу, почувствовал, как глаза подергиваются и наполняются горячей влагой. Это только усилило его ярость. Какая-то ужасная его часть больше всего хотела, чтобы он сам себе сделал больно, и знала, что лучший способ этого добиться — сделать больно Волку.

— А ну, повернись!

Волк повернулся. Слезы ручьями бежали из его мутных коричневых глаз, круглые очки запотели, из носа текли сопли.

— Ты понял меня?

— Да, — прохныкал Волк. — Да, я понял, но я не мог с ним ехать, Джек.

— Почему? — Джек смотрел на него со злостью, сжав руки в кулаки. Тупая боль сдавила голову.

— Потому что он умирал, — тихо ответил Волк.

Джек уставился на него. Вся злость мигом улетучилась.

— Неужели ты не понял, Джек, — спокойно спросил Волк. — Волк! Неужели ты не *почуял* это?

— Нет, — тихо прошептал Джек, едва дыша. Потому что он почувствовал *что-то*, ведь так? Запах, который он никогда не слышал раньше. Что-то, похожее на смесь...

Он понял, на что это было похоже, и силы внезапно покинули его. Он тяжело опустился на ограду вдоль дороги и посмотрел на Волка.

Смесь дерьма и гниющего винограда. Вот на что это было похоже. Конечно, не на сто процентов, но очень близко. Пугающе близко.

Дерьмо и гниющий виноград.

— Это самый худший запах, — сказал Волк, — так пахнут люди, которые забыли, как быть здоровыми. Мы называем это Черная Болезнь. Я не думаю, что он подозревает об этом. И... эти Иноземцы не могут почувствовать этот запах, я прав?

— Не могут, — прошептал Джек.

Если б он сейчас случайно оказался снова в Нью-Хемпшире, в номере своей мамы в «Альгамбре», смог бы от *нее* почувствовать эту вонь?

Да. Он услышал бы его от матери — запах, проникающий наружу через все ее поры, запах дерьма и гнилого винограда. Черная Болезнь.

— Мы называем это рак, — прошептал Джек. «Мы называем это рак и он есть у моей мамы».

— Я до сих пор не уверен, что смогу ехать на машине, — сказал Волк. — Я попытаюсь еще раз, если хочешь, но эти запахи... внутри... Их достаточно много и в воздухе, снаружи... Волк! но внутри...

Но Джек уже сидел, закрыв лицо руками, и плакал — отчасти от отчаяния, но в основном от простой усталости. И выражение, которое Волк видел на его лице, все еще было здесь; на мгновение соблазн покинуть Волка, стал больше, чем соблазном, — он стал потребностью. Всяческие ненужные спутники на пути в Калифорнию в поисках Талисмана — где бы он ни находился — попадались Джеку и раньше, но сейчас, казалось, это было так давно, что уже скрылось за линией горизонта времени.

Волк сделал больше, чем просто тормозил его. Джек был уверен, что рано или поздно они оба по вине Волка окажутся в тюрьме. Скорее всего, рано. К тому же, как он объяснит происхождение Волка Ричарду Слоуту, Умному и Рациональному?

То, что увидел Волк на лице Джека, было холодным размышлением. У него подкосились ноги. Он упал на колени и протянул руки к Джеку, словно любовник в плохой мелодраме.

— Не уходи, не оставляй меня одного, Джек! — плакал он. — Не оставляй старого Волка, не оставляй меня здесь! Ты притащил меня сюда, пожалуйста, пожалуйста, не оставляй меня одного...

В его речи не было ни одного осмысленного слова; возможно, он пытался что-то сказать, но, как оказалось, рыдания — это все, на что он был способен в эти минуты. Джек чувствовал, как усталость тяжелым грузом наваливается на него. Это с некоторых пор стало обычным его состоянием. *«Не оставляй меня здесь, ты притащил меня сюда...»*

Да, это так. Он нес ответственность за Волка, не так ли? Так, конечно, так. Это он схватил Волка за руку и выдернул его из Долин в Огайо, его ноющее плечо служило тому подтверждением. Но у него не было выбора — Волк был бы затоптан животными, а даже если б он не был затоптан, то его убил бы Морган своим громоотводом, или что там у него было. Поэтому он мог сейчас повернуться к Волку, мог ему сказать: *«Что ты предпочитаешь, Волк, дружище, — быть испуганным здесь или мертвым там?»*

Да, он мог. И Волк ничего бы ему не ответил, потому что Волк не так уж силен в области мозгов. Но дядя Томми в этом случае произнес свою любимую китайскую поговорку: *«За того, кого ты спас от смерти, ты отвечаешь до конца своей жизни».*

Усталость не имеет значения. Постоянная ходьба — не имеет значения. Он в ответе за Волка.

— Не бросай меня, Джек, — плакал Волк. — Волк, Волк! Пожалуйста, не бросай старого доброго Волка! Я еще пригожусь тебе, я буду охранять тебя по ночам, я много всего могу, я только не... не...

— Кончай ныть и вставай, — сказал Джек ласково. — Я не собираюсь тебя бросать. Но нам нужно поскорее убраться отсюда, потому что этот парень, скорее всего, рассказал про нас полиции. Вставай, пойдём.

5

— Ты знаешь, что делать дальше, Джек? — робко спросил Волк.

Они сидели в замусоренной канаве в получасе ходьбы от города Манси, и когда Джек повернулся в его сторону, Волк с облегчением вздохнул, потому что Джек улыбался. Это была утомленная улыбка. Волку не понравились темные круги под его глазами (равно, как и его запах — больной запах), но тем не менее это была улыбка.

— Мне кажется, я знаю, что нам нужно сделать сначала, прямо здесь, — сказал Волк, — я думал об этом несколько дней назад, когда купил новые кроссовки.

Джек выставил вперед ноги. Несколько минут они с Волком в напряженной тишине разглядывали кроссовки. Они были рваными и грязными. Подошвы истерлись. Левый передок сказал «адью» своей подошве. Джек носил их... он зажмурил глаза и задумался. Жар мешал думать. Три дня. Только три дня прошло с тех пор, как он поднял их с прилавка «Хрустального башмачка». Сейчас же они выглядели старыми. Старыми.

— Да... — вздохнул Джек. Затем его лицо немного посветлело. — Видишь это здание, Волк?

Здание — безвкусное нагромождение углов из серого кирпича — как остров возвышалось посреди огромной автостоянки. Волк знал, чем будет пахнуть асфальт на этой стоянке — мертвыми, разлагающимися животными. Этот запах почти задушил его, а Джек его вряд ли вообще заметит.

— К твоему сведению, эта вывеска обозначает кинотеатр, — сказал Джек. — Кинотеатр, в котором идут одновременно шесть разных фильмов. Я думаю, здесь должен быть хотя бы один, который может нам понравиться. *«К тому же в полдень здесь не должно быть много людей, и это очень хорошо, потому что ты имеешь дурацкую привычку пугаться».* Пойдем.

— А что такое кинотеатр? Что такое фильм? — озадачено спросил Волк.

Он большая обуза для Джека, он знает это — такая большая обуза, что он просто не имеет права ни от чего отказываться или проявлять беспокойство. Но, с другой стороны, страх шептал ему, что «ходить в кино» и «голосовать» может оказаться чем-то очень схожим. Джек называл рычащие повозки и экипажи «машинами», а еще «Шеви», «мерседесами» и «автобусами» (эти «автобусы» — думал Волк — должно быть, похожи на фургоны в Долинах, которые перевозят людей из одной деревни в другую). Могут ли гудящие вонючие повозки называться фильмами? Вполне возможно.

— Тебе легче показать, чем рассказать, — сказал Джек. — Я думаю, тебе понравится. Пойдем.

Выбираясь из канавы, Джек споткнулся и упал на колени.

— С тобой все в порядке, Джек? — беспокойно спросил Волк.

Джек кивнул. Они вышли на автостоянку, которая пахла так плохо, как Волк себе и представлял.

6

Добрую часть расстояния в тридцать пять миль между Арканумом, штат Огайо, и Манси, Индиана, Джек проделал на широкой спине Волка. Волк боялся машин, приходил в ужас от грузовиков и страдал почти от всех запахов. Он шарахался от внезапных громких звуков, но был почти неутомим. *«Судя по тому, сколько это продолжается, — думал Джек, — «почти» можно отбросить. Он неутомим».*

Джек как можно быстрее увел их от границы Арканума, передвигаясь почти бегом на своих отекавших ноющих ногах. Голова пульсировала, мозг словно сжался в кулак и стучал по стенкам черепа. Его бросало то в жар, то в холод. Волк двигался с легкостью. У него был настолько широкий шаг, что он мог обогнать бегущего Джека, не особенно напрягаясь. Джек подозревал, что у него развивается паранойя на почве полицейских, но этот человек в красной шляпе явно не на шутку испугался. Едва не намочил в штаны.

Они не прошли и четверть мили, когда острая режущая боль кольнула Джека в бок. Он остановился и попросил Волка понести его немного.

— Как? — спросил Волк.

— Вот так, — сказал Джек и показал.

Широкая улыбка расплылась по лицу Волка. Он не был уверен, что правильно понял жест Джека, но, по крайней мере, он знал, что *может* выполнить его просьбу.

— Ты хочешь покататься на лошади? — спросил он.

— Да, что-то типа этого...

— Волк! Волк! Прямо здесь и прямо сейчас! Я так любил катать своих маленьких братишек! Прыгай, Джек! — Волк пригнулся, сделал из своих рук за спиной что-то наподобие седла для Джека.

— Когда станет тяжело, ты меня сразу опус...

Прежде чем он успел закончить, Волк поднялся и легко побежал с ним по темной дороге — именно побежал. Холодный влажный ветер трепал волосы Джека, сдувая их с горячего лба.

— Волк, ты надорвешься! — крикнул Джек.

— Нет, я не надорвусь! Волк! Волк! Бежать всегда и везде! Здесь и сейчас!

Первое время Волк казался совершенно счастливым. Он не сбавлял шаг целых два часа, до тех пор, пока они не оказались намного западнее Арканума. Со всех сторон их окружала темнота, в которой видна была лишь белая разделительная черта посреди двухполосной дороги. Джек еще видел закрытый пустынный бар, стоявший в открытом поле, когда они проходили мимо него в своем пути из ночи в ночь.

Волк не хотел связываться с центральными улицами городов, где машины проносятся нескончаемым ревущим потоком, где зловоние поднимается к небу необъятным облаком, и Джек в этом был с ним полностью согласен. Волк слишком много претерпел. Но он все же сделал одну остановку около придорожного магазина. Они уже были в Индиане, где-то около Харрисвилля. Пока Волк беспокоило ожидал его у дороги (то приседал, копаясь в грязи, то снова вставал и ходил взад-вперед или по кругу, то опять садился), Джек купил газету и внимательно изучил страничку с прогнозом погоды. Следующее полнолуние наступит 31 октября — Хэллуин, как нельзя более подходит. Джек перевернул газету на первую страницу, чтобы посмотреть, какое сегодня... вернее, уже вчера... число. 26 октября.

7

Джек открыл одну из стеклянных дверей и вошел в холл кинотеатра «Сиксплекс». Он с беспокойством оглянулся на Волка, но Волк выглядел — во всяком случае, в этот момент — просто замечательно. Волк предупредительно принял оптимистический вид... по крайней мере, на этот момент. Ему не нравилось находиться внутри здания, но... это хотя бы была не машина. Здесь был хороший запах — легкий и даже можно сказать, вкусный. Или может ему казалось после сильного, удушливого зловония улиц. Волк посмот-

рел налево и увидел стеклянный ящик, наполненный белым веществом — источник хорошего легкого запаха.

— Джек, — шепнул он.

— Что?

— Я хочу немного этого белого вещества, пожалуйста. Только без пипи.

— Без пипи? О чем ты говоришь?

Волк поискал более понятное слово и нашел его.

— Моча. — Он указал на предмет, сверху и внутри которого горел свет. Надпись сверху гласила: «АРОМАТИЗИРОВАННОЕ МАСЛО». — Ведь это что-то вроде мочи? Оно пахнет, как моча.

Джек устало улыбнулся.

— Тебе воздушной кукурузы без масла? — сказал он. — Говори потише, ладно?

— Конечно, Джек.

Билетерша жевала большую виноградную жевательную резинку. Теперь она остановилась, переводя взгляд с Джека на его большого, похожего на сказочное чудовище приятеля. Резинка застыла на кончике ее языка, виднеющегося сквозь полуоткрытые губы, словно большой пурпурный волдырь. Потом она снова посмотрела на парня у окошка.

— Два, пожалуйста, — сказал Джек. Он вытащил из кармана пачку банкнот — грязных и помятых — с Джорджем Вашингтоном, одиноко выглядывающим с каждой из них.

— На какой фильм? — Ее глаза двигались туда-сюда, туда-сюда, с Джека на Волка, с Джека на Волка. Она была похожа на женщину, наблюдающую за горячим поединком в настольный теннис.

— А какой ближайший? — спросил Джек.

— Так... — она бросила взгляд на бумагу, прикрепленную к столу, перед ней все той же жевательной резинкой. — В четвертом зале «Летучий дракон». Кун-фу, с Чаком Норрисом.

Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

— А в шестом зале — двойной сеанс. Два мультфильма Ральфа Баки: «Колдун» и «Властелин Колец».

Джек облегченно вздохнул. Волк был всего лишь большим переросшим ребенком, а дети любят мультики. Может, это в конце концов поможет. Может быть, Волк полюбит хотя бы одну вещь в Стране Плохих Запахов. Может, это развлечет его, и Джек сможет спокойно поспать три часа.

— На этот, — сказал Джек. — На мультфильмы.

— Четыре доллара, — сказала кассирша. — Полцены было до двух часов.

Она нажала на кнопку и из отверстия с механическим скрипом вылезли два билета. Волк тихо вскрикнул и подался назад.

Девушка взглянула на него, подняв брови.

— Вы психопат, мистер?

— Нет, я Волк, — сказал Волк. Он улыбнулся, демонстрируя полный рот зубов. У Джека появилось такое впечатление, что зубов стало больше, чем день или два назад. Девушка посмотрела на эти зубы и облизнула свои внезапно пересохшие губы.

— Он нормальный, он просто, — Джек кашлянул, — он просто очень долго не покидал свою ферму, вы знаете, как это бывает. — Он протянул ей пятерку, и она взяла ее так, будто берет змею.

— Пойдем, Волк.

Они повернулись и пошли обратно к ящику с попкорном. Когда Джек засовывал доллар сдачи в карман своих грязных джинсов, он услышал, как девушка сказала сидящему рядом с ней пареньку: *«Посмотри на его нос»*.

Джек посмотрел на Волка и увидел, что его нос ритмично расширяется.

— Перестань, — пробормотал он.

— Что перестать, Джек?

— Делать это своим носом.

— А... я пытаюсь, Джек, но...

— Тшш!

— Вы что-то хотите? — спросил продавец.

— Да, пожалуйста, два мятных напитка и тройную порцию попкорна без масла.

Продавец набрал два с горкой кулечка воздушной кукурузы и протянул их Волку. Волк сразу же схватил их в обе руки и принялся поедать их с громким чавканьем.

Продавец молча смотрел на него.

— Давно не покидал ферму, — сказал Джек.

Часть его размышляла над тем, как бы эти двое не разглядели в поведении Волка достаточно опасных странностей для того, чтобы вызвать полицию. Он думал — и уже не первый раз, что в этом всем заключается настоящий парадокс. В Нью-Йорке или Лос-Анджелесе вряд ли кто-то бросил бы на Волка второй взгляд... ну, если не второй, то третий. Очевидно, что в центре страны уровень... как бы сказать... терпимости к сверхъестественному намного ниже. Но к тому времени, когда они доберутся до Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, Волк уже достаточно сильно изменится.

— Клянусь, что это так, — сказал продавец, — с вас два восемьдесят.

Джек заплатил, с содроганием понимая, что за сегодняшний день лишился доброй четверти своих сбережений.

Волк, все еще поглощая попкорн, улыбнулся продавцу. Джек узнал Дружественную Улыбку Волка номер 1, но он очень сомневался, что продавец поймет ее правильно. Волк обнажил в ней все свои зубы... казалось, сотню зубов.

И нос Волка вытянулся еще больше.

«Ну давай, продолжай в том же духе, пускай они позовут полицейских, если это то, что они хотят сделать, — думал Джек с усталостью, которая была больше взрослой, чем детской. — Это не замедлит наш путь больше, чем он уже замедлен. Он не может ездить в новых машинах, потому что не выносит запаха преобразователей тока, и он не может ездить в старых машинах, потому, что они пахнут потом, маслом и пивом, и, возможно, он не может ехать ни в каких машинах, потому что он... клаустрофоб. Скажи правду, Джеки, хотя бы себе. Ты пытаешься убедить себя, что он пытается перехитрить свою природу. Но этого не случится. Так что же нам делать? Я думаю, идти через Индиану. Маленькая поправка — Волк пойдет через Индиану. А я поеду на его спине. Но сначала я хочу сходить с ним в этот чертов кинотеатр и поспать, пока не закончатся оба фильма. Или пока не придут полицейские. Тут и сказочке конец, сэр».

— Ну, идите, смотрите мультики. Счастливо.

— Спасибо, — ответил Джек.

Он оглянулся и обнаружил, что Волка нет рядом с ним. Волк устоялся на что-то над головой продавца с почти суеверным удивлением. Джек посмотрел вверх и увидел движущуюся рекламу фильма Стивена Спилберга «Неожиданные встречи».

— Пойдем, Волк, — сказал он.

8

Волк понял, что не сможет пробыть здесь и минуты, как только они вошли в зал.

Помещение было маленьким, темным и сырым. Запахи здесь присутствовали просто ужасные. Поэт, который обладал бы таким же нюхом, как Волк, назвал бы это «запахом прокисшей мечты». Волк не был поэтом. Он мог сказать только, что преобладает запах воздушной кукурузы с мочой и что его сильно тошнит.

Затем погасли даже те огни, что горели тусклым светом впереди, и комната медленно погрузилась во мрак.

— Джек! — прохныкал Волк, хватая его за руку. — Джек, давай уйдем отсюда, ладно?

— Тебе понравится, Волк, — пробормотал Джек, сознавая всю глубину страдания Волка. Волк постоянно от чего-то страдал в этом мире. Само слово «страдание» определяло его.

— Попытайся.

— Ладно, — сказал Волк, и Джек услышал согласие безо всякой тени сомнения, что говорило о том, что Волк держался за последнюю ниточку своей воли обеими руками.

Они сели в задний ряд — колени Волка неудобно упирались в спинку кресла впереди, кулечек попкорна (которого ему больше не хотелось) прижат к подбородку. Экран перед ним зажегся ярко-желтым светом. Джек почувствовал острый запах, исходящий из операторской будки, столь обычный для кинотеатров, что его можно было назвать определяющим. Волк почувствовал запах лесного пожара.

— Джек!

— Тшш! Уже началось.

«И я засыпаю».

Джек так никогда и не узнает, каких героических усилий стоили Волку следующие несколько минут. Да и сам Волк не вполне это понимал. Он знал только, что пытается отогнать от себя этот кошмар, пытается перебороть самого себя ради Джека. *«Все должно быть хорошо, — думал он, — посмотри, Волк, Джек собирается спать, собирается спать прямо здесь и прямо сейчас. И ты знаешь, что Джек не желает тебе зла, и поэтому перебори себя... подожди... Волк!.. все будет хорошо...»*

Жизнь Волка протекала по определенному циклу, и сейчас этот цикл приближался к ежемесячной кульминации. Все его инстинкты обострились, и он уже почти не мог с ними справиться. Рассудок говорил ему, что здесь все будет хорошо, что иначе Джек не привел бы его сюда. Но это было похоже на то, как человек, у которого свербит в носу, уговаривает себя не чихать в церкви, потому, что это неприлично.

Он сидел, задыхаясь в воню лесного пожара, в темной смердящей пещере, вздрагивая каждый раз, когда тень пробегала над рядами, с замиранием сердца ожидая, что сверху, из этой тени что-нибудь упадет ему на голову. Потом волшебный ветер разрушил переднюю стену пещеры, и он остался один на один с запахом своего холодного пота. Он сидел с расширенными от ужаса глазами, когда перед ним сталкивались и переворачивались машины, горели дома и один человек убивал другого.

Свет коридора ослепил его, вогнал раскаленные иглы в его глаза. Женщина, вытянувшая маленького мальчика из зала, прижалась к стене, обхватив ребенка руками. Когда она увидела, что Джек выводит все еще воющего Волка через двери Шестого зала, она отпустила сына и вздохнула с облегчением.

Продавец попкорна, кассирша, оператор и высокий человек в спортивной куртке, которая сидела на нем так, будто только что была снята с чужого плеча, сбились в тесную маленькую группку. Джек понял, что человек в спортивной куртке и белых ботинках — директор кинотеатра.

Двери других кинозалов были слегка приоткрыты. Лица выглядели из темноты, пытаясь понять из-за чего весь сыр-бор. Джеку они показались похожими на барсуков, выглядывающих из своих нор.

— Вон отсюда! — крикнул человек в спортивной куртке. — Вон отсюда! Я уже вызвал полицию, они будут здесь с минуты на минуту!

«Хрен ты кого вызвал, — с надеждой подумал Джек, — у тебя не было на это времени. И если мы смоемся прямо сейчас, ты, скорее всего, сразу же забудешь о нашем существовании».

— Мы уже уходим, — сказал Джек, — я очень извиняюсь. Просто... мой брат... Он эпилептик, и у него начался приступ. А мы забыли дома лекарство.

При слове «эпилептик» кассирша и продавец воздушной кукурузы вздрогнули, как будто Джек сказал «прокаженный».

— Пойдем, Волк.

Он заметил, как опустили глаза директора, заметил, как его губы скривились от отвращения, проследил за его взглядом и увидел широкое темное пятно на комбинезоне Волка. Волк надул в штаны.

Волк тоже это увидел. Почти все в этом мире было для него чужим, но этот взгляд говорил сам за себя. Волк пустился в громкие душераздирающие рыдания.

— *Джек, прости! Джек, прости меня, ПОЖАЛУЙСТА!*

— Убери его отсюда, — презрительно сказал директор и отвернулся.

Джек обнял Волка и повел его к двери.

— Пойдем, Волк, — сказал он. Он говорил тихо, с неподдельным раздражением. Он еще никогда не был так зол на Волка, как сейчас.

— Пойдем, это была моя вина, а не твоя. Пойдем.

— Прости меня, я нехороший. Черт бы меня побрал. Я нехороший.

— Ты хороший, — сказал Джек, — пойдем.

Он открыл дверь, и они вышли в один из последних теплых дней октября.

Женщина с ребенком стояла ярдах в двадцати от них, но когда она увидела Джека и Волка, то быстро отступила к своей машине, держа мальчика перед собой, словно закоренелый гангстер с заложником.

— Не подпускай его ко мне! — взвизгнула она. — Не подпуская этого монстра к моему ребенку! Слышишь? *Не подпускай его ко мне!*

Джек подумал, что он должен ее успокоить, но не знал, как это сделать. Он слишком устал.

Они с Волком побрели прочь, перешли автостоянку, и когда они были уже на полпути к дороге, Джек пошатнулся. Мир поплыл перед глазами.

Он даже не заметил, как Волк взял его на руки и понес, будто младенца. Он не заметил и того, что Волк плачет.

— Джек, прости меня, пожалуйста. Не сердись на глупого Волка. Я исправлюсь, я буду хорошим, вот увидишь...

— Я не сержусь на тебя, — сказал Джек, — я знаю, что ты хоро...

Он заснул, даже не успев договорить. Когда он проснулся, уже был вечер, и перед ним лежал город Манси. Волк ушел с оживленной трассы и пробирался фермами и грязными дорогами. Обрадованный чистым свежим воздухом и тишиной, он продолжал свой путь на запад, направляемый инстинктом перелетной птицы.

Они провели эту ночь в заброшенном доме к северу от Кэммэка, и, проснувшись утром, Джек обнаружил, что его жар немного спал.

Было позднее утро — позднее утро 28 октября, когда Джек обнаружил, что пальцы Волка снова покрылись шерстью.

Глава 19

ДЖЕК В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ (Чертик из шкатулки)

1

Они провели эту ночь в развалинах сгоревшего дома, стоявшего между широким полем и небольшой рощицей. На другой стороне поля примостился фермерский домик, но Джек решил, что они с Волком будут в достаточной безопасности, если станут вести себя тихо. После захода солнца Волк ушел в рощу. Он двигался медленно, низко склонившись над землей. Перед тем как потерять его из виду,

Джек подумал, что Волк выглядит как близорукий человек, раз-ыскивающий оброненные очки. Джек уже начал беспокоиться (он представил себе Волка, пойманного в стальной капкан, представил себе его искаженное лицо, когда он молча отгрызает свою собственную ногу...), когда Волк наконец вернулся, идя на этот раз почти прямо. В руках он нес какие-то растения, корни болтались по бокам.

— Что это, Волк? — спросил Джек.

— Лекарства, — мрачно ответил Волк, — правда, эти лекарства не слишком хороши. *Волк!* В этом мире вообще нет *ничего* хорошего!

— Лекарства? Что ты имеешь в виду?

Но Волк больше ничего не сказал. Он вытащил спички из нагрудного кармана своего комбинезона, развел бездымный костер и попросил Джека найти какой-нибудь горшок. Джек нашел в канаве пивную кружку. Волк понюхал и сморщил нос.

— Слишком много плохих запахов. Мне нужна вода, Джек. Чистая вода. Если ты очень устал, я сам схожу.

— Волк, я хочу знать, что ты собираешься делать?

— Я пойду, — сказал Волк, — за полем ферма. *Волк!* Там должна быть вода. Отдыхай.

Джек представил себе, как жена какого-нибудь фермера выглядывает из окна кухни, оторвавшись от мытья посуды, и видит Волка, входящего во двор с пивной кружкой в одной мохнатой лапе и вязанкой веток и корней в другой.

— *Я сам схожу*, — сказал он.

Ферма находилась не более чем в пятистах футах от их пристанища — теплые желтые огни были хорошо видны через поле. Джек добрался до нее и набрал полную кружку воды из крытого колодца безо всяких происшествий. Идя назад, он на полпути через поле обнаружил, что может видеть свою тень, и посмотрел на небо.

Над горизонтом вставала уже почти полная луна.

В расстроенных чувствах Джек вернулся к Волку и протянул ему кружку с водой. Волк немного отхлебнул, снова поморщился, но ничего не сказал. Он поставил кружку на огонь и принялся отламывать кусочки от принесенных им корней и бросать их в воду. Минут пять или чуть больше спустя ужасная вонь — даже трудно определить, на что это было похоже — начала подниматься от костра. Джек поморщился. Он почти не сомневался, что Волк приготовил это «лекарство» для него, и уж совсем не сомневался, что, выпив это, он непременно умрет, причем умирать будет долго и, возможно, в мучениях.

Он закрыл глаза и начала громко и наигранно храпеть. Если Волк подумает, что он спит, он не станет его будить. Ведь никто же не

будит больных людей? А Джек был именно болен — к ночи жар снова вернулся к нему, окутал все его тело и сочился из всех пор; его сильно знобило.

Подглядывая через ресницы, он увидел, как Волк отставил кружку в сторону, чтобы остудить. Волк сидел к нему спиной и смотрел в небо, его волосатые руки лежали на коленях, лицо было задумчивым и даже в какой-то степени красивым.

«Он смотрит на Луну», — подумал Джек, и его передернуло от страха.

«Мы не подходим к стаду, когда меняемся. О, Джейсон, нет! ведь иначе мы съедем их!»

«Волк, скажи мне кое-что — я теперь стадо?»

Джек вздрогнул.

Пять минут спустя — Джек к этому времени уже почти на самом деле уснул — Волк склонился над кружкой, попробовал, кивнул, поднял ее и пошел к тому месту, где у упавшей, обугленной балки лежал Джек, подложив под шею смятую рубашку вместо подушки. Джек еще сильнее зажмурился и захрапел с удвоенной силой.

— Вставай, Джек, — весело сказал Волк. — Я знаю, что ты не спишь. Тебе не удастся обдурить старого Волка.

Джек открыл глаза и посмотрел на Волка с нескрываемым удивлением.

— Как ты узнал?

— У людей есть запах сна и запах бодрствования, — сказал Волк. — Даже Иноземцы должны это знать.

— Вряд ли...

— В любом случае ты должен это выпить. Это лекарство. Выпей, Джек, прямо здесь и прямо сейчас.

— Я не хочу, — сказал Джек. Запах, исходящий из кружки, был резким и удушливым.

— Джек, от тебя пахнет болезнью.

Джек посмотрел на него, ничего не сказал.

— Да, — сказал Волк, — и этот запах становится все хуже. Он еще не совсем плохой, но, *Волк!* — он *станет* совсем плохим, если ты сейчас не выпьешь это лекарство.

— Волк, я ничуть не сомневаюсь, что ты хорошо разбираешься в корнях и травах у себя, в Долинах. Но ведь ты в Стране Плохих Запахов — ты не забыл? А что, если ты наткнулся на амброзию или ядовитый дуб, или на вику, или...

— Здесь то, что нужно, — прервал его Волк. — Правда, не очень сильное лекарство, черт бы его побрал! — Волк задумчиво взглянул на него. — Здесь не только плохие запахи, Джек. Есть и хорошие.

Правда, хорошие запахи — такие же, как эти лекарственные растения — слабые. Я думаю, они когда-то были сильнее.

Волк снова мечтательно посмотрел на луну, и недавнее беспокойство вернулось к Джеку.

— Я клянусь, что это хорошее место, — сказал Волк. — Чистое и полное силы...

— Волк, — тихим голосом спросил Джек. — У тебя снова растет шерсть на руках...

Волк вздрогнул и посмотрел на Джека. Мгновение — может быть, лишь плод горячего бреда, но может быть, и нет, — всего лишь мгновение Волк смотрел на Джека голодными, прожорливыми глазами. Затем он, казалось, одернул себя, словно отгоняя дурное желание.

— Да, — сказал он. — Но я не хочу об этом говорить. Для тебя это не имеет никакого значения. *Волк!* Выпей лекарство, Джек, это все, что от *тебя* требуется.

Волка явно не интересовало его мнение по этому поводу — если Джек не выпьет лекарство добровольно, Волк просто откроет ему рот и силой вольет его туда.

— Запомни, если я от этого умру, ты останешься один, — сказал Джек, забирая у него кружку. Она была еще теплая.

Ужасная мука исказила лицо Волка. Он снял с носа свои круглые очки.

— Я не хочу причинить тебе вред, Джеки. Волк никогда не хотел причинить тебе вред. — Выражение его лица, когда он говорил эти слова, было таким смущенным, что это выглядело бы смешным, если б не было таким искренним.

Джек поднял кружку и выпил ее содержимое. Чувство болезненного страха, который он ощутил в следующий момент, было почти невыносимым. Вкус был ужасен, и Джеку показалось, что он... *Разве не поплыл мир перед глазами? Не плыл ли он точно так же, когда я переносился в Долины?*

— *Волк!* — крикнул он. — *Волк, хватай меня за руку!*

Волк схватил, выглядя одновременно обеспокоенным и заинтересованным.

— Джеки? Джеки? Что случилось?

Вкус лекарства начал покидать его рот. В это же время Джек почувствовал, как приятное тепло — такое же тепло, какое вы испытываете, сделав маленький глоток бренди в тех редких случаях, когда мама позволяет вам сделать это — охватывает его желудок. Мир снова приобрел свои обычные очертания. Может, эти волны перед глазами были всего лишь игрой его воображения... Нет, Джек так не думал.

«Мы почти перенеслись. На какое-то мгновение мы были так близко! Может, я могу и без «магической жидкости»... Может, я могу?!»

— Джек, что с тобой?

— Я чувствую себя лучше, — ответил он и выжал из себя улыбку. — Я чувствую себя лучше, и все. — И он действительно чувствовал себя лучше.

— И запах у тебя стал лучше, — весело сказал Волк. — *Волк!*

2

На следующий день ему снова полегчало, но он был еще слаб. Волк нес его на спине, и таким образом они медленно продвигались на запад. Когда начали сгущаться сумерки, они принялись подыскивать место для ночлега.

Джек обнаружил деревянный сарай в неглубоком грязном овражке. Вокруг был только мусор и голая земля. Волк согласился без разговоров. Он вообще был мрачным и молчаливым весь сегодняшний день.

Джек заснул почти сразу и проснулся около одиннадцати, когда захотел писать. Он осмотрелся и увидел, что Волка нет на месте. Джек подумал, что он, возможно, ушел на поиски новых корней, чтобы окончательно поправить здоровье своего маленького спутника. Джек поморщился, но если Волк захочет, чтобы он снова выпил эту жидкость, Джек выпьет. Как бы то ни было, а каждый раз после этого он чувствует себя все лучше и лучше.

Он обошел вокруг сарая, высокий стройный мальчик в джинсах, кроссовках без шнурков и расстегнутой рубашке. Он писал очень долго, как ему показалось, все это время глядя на небо. Была одна из тех обманчивых ночей, которые время от времени приходят на центральном западе в октябре и начале ноября, незадолго до того, как приходит зима. Было почти по-тропически тепло, и мягкий ветерок ласкал кроны деревьев и увядающие стебельки травы.

Над головой висела Луна — белая, круглая и красивая. Она проливала свой обманчиво нежный свет на все вокруг и казалась одновременно мрачной и чарующей. Джек смотрел на нее, понимая, что она притягивает его, не дает оторвать от себя взгляд.

«Мы никогда не подходим к стаду, когда меняемся. О, Джейсон, нет!»

«Я теперь стадо, Волк?»

Лицо на Луне. Джек не удивился, когда понял, что это лицо Волка... Только не широкое и открытое и слегка изумленное — лицо самой доброты. Это лицо было узким, и... о, да, черным — оно было черным и от шерсти, но шерсть тут была ни при чем. Оно было черным от черных намерений.

«Мы никогда не подходим к ним, потому что мы съедем их, мы съедем их, когда мы меняемся, Джеки, мы...»

Лицо на Луне, словно вырезанное на кости лицо рычащего зверя, изготовившегося к прыжку, открыв полный зубов рот.

«Мы едим, мы убиваем, убиваем, УБИВАЕМ, УБИВАЕМ!»

Чья-то рука легла Джеку на плечо. Сердце провалилось в пятки.

— Я напугал тебя, — сказал Волк. — Прости. Черт бы меня побрал.

Но на мгновение Джеку показалось, что Волк не чувствует себя виноватым.

На мгновение ему показалось, что Волк улыбается.

И еще ему показалось — и он был в этом уверен, — что сейчас будет съеден.

«Каменный дом, — подумал он, вспомнив сказку про трех поросят, — а у меня нет даже дома из соломы».

Теперь пришел страх. Он потек вместо крови по венам и был горячее, чем любой жар.

«Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк...»

— Джек!

«Страшен! Страшен! Господи, я боюсь Волка!»

Он медленно обернулся. Лицо Волка, слегка покрытое пушком, когда они вошли в сарай и легли спать, теперь обросло густой бородой, так высоко поднимающейся по щекам, что казалось — она растет прямо из висков. Глаза горели ярким красно-оранжевым светом.

— Волк, с тобой все в порядке? — спросил Джек сдавленным шепотом. Громче он говорить просто не мог.

— Да, — сказал Волк. — Я бегал наперегонки с луной. Я бежал... бежал... бежал... Но со мной все в порядке, Джек.

Волк улыбнулся, чтобы показать, насколько все в порядке, и обнажил множество огромных острых зубов. Такое впечатление, что Джек заглядывал в рот Алиену из фильма ужасов.

Волк заметил это выражение, и разочарование отразилось на его поглубевшем массивном лице. Но под разочарованием было еще что-то. Что-то, что гримасничало, ухмылялось и скалило зубы. Что-то, что будет преследовать жертву до тех пор, пока кровь не потечет из ее носа от ужаса, до тех пор, пока она не заплачет и не

взмолится. Что-то, что будет смеяться, раздирая кричащую жертву, даже если жертвой станет он, Джек. *Особенно*, если он.

— Джек, прости меня, — сказал Волк. — Время... подходит... Мы... утром. Мы должны... должны. — Он посмотрел вверх, и его глаза затуманились.

Он вскинул голову и завыл.

И Джеку показалось, что он услышал, едва-едва, как волк на луне завыл в ответ.

Ужас пронизал его с ног до головы. Джек больше не спал этой ночью.

3

На следующий день Волк выглядел получше. Немного получше. Он все еще был до предела напряжен. Когда он пытался объяснить Джеку, что следует делать, высоко в небе пролетел реактивный самолет, оставляя за собой длинный белый хвост. Волк вскочил и завыл на него, тряся над головой кулаками. Его волосатые ноги снова были босыми. Они раздулись и больше не влезали в ставшие тесными мокасины.

Он пытался объяснить Джеку, что делать, но не смог продвинуться дальше старых сказок и басен. Он знал, как происходят превращения в его собственном мире, но предполагал, что они могут проходить намного хуже — намного тяжелей и опаснее — в Стране Иноземцев. Он чувствовал, как чудовищная энергия рвется из него наружу, и чувствовал, что в эту ночь, когда взойдет полная луна, она вырвется.

Снова и снова он повторял, что не хочет причинить Джеку никакого вреда, что он скорее убьет себя самого, чем повредит Джеку.

4

Дейлвилл был ближайшим малонаселенным городом на его пути. Джек добрался до него немногим позже, чем башенные часы пробили полдень, и сразу же отправился в скобяную лавку с названием «Истинные ценности». Одна рука лежала в кармане его штанов, сжимая похудевшую пачку банкнот.

— Ты что-то хотел, сынок?

— Да, сэр, — ответил Джек. — Я хотел купить навесной замок.

— Ну давай посмотрим. Выбирай: у нас есть «Ял», «Мосслер», «Лок-Тайт»... Какой ты хочешь?

— Самый большой, — сказал Джек, глядя на продавца уставшими беспокойными глазами. Его изможденное лицо все еще сохраняло странную красоту.

— Самый большой... — задумчиво повторил продавец. — А для чего он тебе нужен, если не секрет.

— Для собаки, — уверенным голосом ответил Джек. Снова сказка. Им всем нужны сказки. Эту он сочинил по дороге от сарая, где они провели две последние ночи. — Он мне нужен для собаки. Я должен посадить ее на цепь. Она кусается.

5

Выбранный Джеком замок стоил десять долларов. И примерно столько же останется у него в кармане после его покупки. Это очень расстроило Джека, и он даже повернулся к выходу из маленького магазинчика... Но тут вспомнил, как выглядел Волк прошлой ночью, воя на луну и сверкая оранжевыми глазами.

Он заплатил десять долларов.

Джек поднимал свой большой палец перед каждой проезжающей мимо машиной — так спешил он вернуться в свой сарай, — но, конечно же, никто не останавливался. Возможно, он выглядел сумасшедшим со своими дико расширенными глазами. Он сам чувствовал себя сумасшедшим, обезумевшим. В газете, которую держал в руках продавец скобяной лавки, Джек случайно прочел, что заход солнца предвидится в шесть часов. Восход луны не был отмечен, но Джек предполагал, что не позже семи. Сейчас был уже час, а Джек не имел ни малейшего понятия о том, где держать Волка эти три ночи.

«Ты должен запереть меня, Джеки, — говорил Волк. — Должен хорошо меня запереть. Потому, что, если я вырвусь, то буду убивать всех, до кого смогу добраться. Даже тебя, Джеки, даже тебя. Поэтому ты должен запереть меня и держать взаперти три дня и три ночи, несмотря на то, что я буду говорить и что я буду делать. Три дня, Джек, пока Луна снова не пойдет на убыль. Даже четыре... на всякий случай».

Да, но где? Это нужно сделать как можно дальше от людей, чтобы никто не мог услышать, если — когда, поправил он себя — Волк начнет выть. И помещение должно быть покрепче, чем тот сарай, в котором они ночевали. Даже если Джек повесит замок на дверь, Волк сможет запросто выйти через стену.

Где?

Этого он не знал. Он знал лишь, что на поиски у него осталось ~~шесть~~ часов... Может, меньше.

Джек прибавил шаг.

6

По дороге сюда они проходили мимо нескольких пустых домов, даже ночевали в одном из них. Возвращаясь из Дейлвилла, Джек оглядывался по сторонам в поисках следов запустения — черных голых окон, табличек «ПРОДАЕТСЯ», травы высотой по пояс и чувства безжизненности, столь обычного для пустых домов. Он не мог надеяться, что ему удастся продержаться Волка в бывшей спальне какого-нибудь фермера все три дня его превращения. Оттуда Волк тоже может выйти через стену. Но в одном из домиков он обнаружил земляной погреб. Вот это, пожалуй, сработает.

Массивная дубовая дверь почти полностью заросла травой, словно дверь из забытой детской сказки. За ней была комната без стен и потолка — подземная комната, из которой никакое страшное чудовище не смогло бы выбраться и за месяц. Подвал удержит Волка на все эти три дня, а мягкие пол и стены не дадут ему покалечить самого себя.

Но этот дом с подвалом находился по крайней мере милях в тридцати-сорока от них. Они ни за что не успеют добраться туда до восхода Луны. Да и захочет ли Волк СЕЙЧАС, так близко от своего превращения, бежать куда-то сорок миль с одной лишь целью — быть посаженным в сырое темное помещение безо всякой пищи?

Что, если прошло СЛИШКОМ много времени? Что, если Волк уже стоит на самом краю и откажется от добровольного заточения? Что, если хищная, прожорливая часть его естества поднялась со дна и взяла над ним верх, и он уже начал озираться вокруг, разыскивая, где в этом странном мире спрячется ПИЩА? В таком случае большой десятидолларовый замок, оттягивающий сейчас карман Джека, окажется бесполезным.

Он, конечно, может повернуть, вернуться в Дейлвилл и спокойно продолжать свой путь. Через день он будет уже около Лейпла, а может, около Сайсеро, в полдень будет сидеть в каком-нибудь кафе. Можно еще пойти на ферму, заработать несколько долларов и обед, а потом снова двинуться в сторону Иллинойса. Без Волка путь туда займет лишь несколько дней.

В Иллинойсе будет проще, подумал Джек. Он не знал еще как следует, но был уверен, что за границей Иллинойса дорога до Спрингфилда займет всего лишь день, от силы два.

Вопрос, пришедший ему в голову в четверти мили от сарая, поставил его в тупик.

Как он представит Волка Ричарду Слоуту? Своему старому другу Ричарду в круглых очках, галстук и кожаном жилете на шнурках? Ричард Слоут имел рациональный склад ума и, несмотря на всю свою образованность, был слегка твердолобым. Если он чего-то не видел собственными глазами, значит, этого не существовало. Ричарда в детстве никогда не интересовали волшебные сказки, он всегда оставался равнодушным к диснеевским фильмам о феях-крестных, обращающих тыквы в кареты, или злых королевах с говорящими зеркалами. Все это было слишком глупым и наивным, чтобы завладеть вниманием шестилетнего (или восьмилетнего, или десятилетнего) Ричарда Слоута, в отличие, скажем, от электронного микроскопа. Единственная игрушка, которая могла заинтересовать Ричарда, это Кубик Рубика, который он собирал менее, чем за девятнадцать секунд. Исходя из всего этого, Джек был уверен, что Ричард не сможет принять огромного шестнадцатилетнего оборотня.

На мгновение Джек в нерешительности замер на дороге. На мгновение он был почти уверен, что сможет бросить Волка и продолжать свой путь в одиночестве — сперва к Ричарду, а затем — за Талисманом.

«Что, если я — стадо?» — спросил он мысленно сам себя и тут же вспомнил, как Волк бежал к берегу ручья за своими бедными, испуганными животными и бросался в воду, чтобы их спасти.

7

Сарай был пуст. Как только Джек увидел открытую настежь дверь, он понял, что Волк куда-то ушел, но тем не менее, он прыгнул в овражек и побежал через мусорные кучи, все еще не веря в это. Сегодня утром Волк не мог самостоятельно сделать и дюжины шагов.

— Я вернулся! — крикнул Джек. — Волк! Я принес замок!

Он знал, что говорит сам с собой, и взгляд внутрь сарая это подтвердил. Его рюкзак лежал на маленькой деревянной лавочке рядом со стопкой старых журналов, датированных 1973 годом. В одном из углов сарая была сложена аккуратная поленница, словно кто-то тщательно подготовился к наступающей зиме. Больше в сарае ничего и никого не было. Джек отвернулся от открытой двери и оглядел края оврага. Здесь и там валялись старые автопокрышки, обрывки газет с политическими памфлетами, содержащими еще имя

Никсона, пивные бутылки с полностью выцветшими этикетками... Волка нигде не было. Джек сложил руки в рупор и поднес их ко рту.

— Эй, Волк! Я вернулся!

Ответа не было. Волк ушел.

— Черт! — сказал Джек и закрыл рот ладонью.

Противоречивые чувства — гнев, беспокойство и облегчение — охватили его. Волк ушел, чтобы спасти Джеку жизнь — вот в чем причина его внезапного исчезновения. Как только Джек отправился в Дейлвилл, его спутник скрылся, он убежал на своих не ведающих усталости ногах и теперь, в милях отсюда, сидит и ждет, когда взойдет Луна. Сейчас он мог быть где угодно.

Именно это больше всего и беспокоило Джека. Волк, конечно, мог уйти в рощу, которая видна на другой стороне ограниченного оврагом поля, поохотиться там на зайцев, полевок — в общем на все, что там живет, будь то барсуки, кроты или прочие твари. Это было бы хорошо. Но, с другой стороны, Волк мог набрести на домашний скот и навлечь на себя настоящую опасность. Он мог проглотить какого-нибудь фермера вместе со всей его семьей. Но, что самое худшее, он мог добраться до любого ближайшего города к северу от них. Джек не был в этом полностью уверен, но подозревал, что Волк может сожрать не менее дюжины человек перед тем, как его кто-нибудь убьет.

— Черт! Черт! Черт, — сказал Джек и взобрался по дальнему склону оврага.

Он уже был почти уверен, что никогда больше не увидит Волка. В одной провинциальной газете Джек несколько дней назад прочел об ужасных злодеяниях огромного волка, который забрел на центральную улицу города в поисках пищи. Там было много имен. В этом случае их может быть еще больше. Намного больше... таких имен, как Тилкер, Хейдел, Хаген...

Сперва он оглядел дорогу, даже сейчас надеясь увидеть неуклюжую фигуру Волка, движущуюся на восток: он вряд ли захотел бы встретиться с возвращающимся из Дейлвилла Джеком. Но длинная дорога была так же пуста, как и сарай.

Конечно.

Солнце — такие же хорошие часы, как и те, что надеты у него на руке, — висело уже намного ниже зенита.

Джек снова посмотрел в сторону поля и кромки леса за ним. Ничто не двигалось, если не считать крон деревьев, качающихся по ветру.

Через несколько дней он прочтет в какой-нибудь газете статью под названием «ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОХОТА НА ВОЛКА-ЛЮДОЕДА».

В этот момент огромный валун, стоявший на дальнем краю поля, неожиданно зашевелился и оказался Волком. Он стоял на коленях и смотрел на Джека.

— Ах ты, сукин сын, — сказал Джек.

Он почувствовал облегчение и радость от того, что Волк нашелся, и шагнул в его сторону.

Волк не шевелился, но его поза неуволимо изменилась, стала напряженной и настороженной. Следующий шаг потребовал от Джека намного больше воли, чем первый.

Пройдя двадцать ярдов, Джек заметил, что Волк еще сильнее изменился. Его волосы стали гуще и пышнее, словно были вымыты и уложены. Борода подступила почти к глазам. Все его тело, казалось, налилось сверхъестественной силой. Глаза, полные жидкого огня, сияли оранжевым светом.

Джек заставил себя подойти еще ближе. Он почти остановился, когда ему показалось, что руки Волка превратились в звериные лапы, но мгновение спустя понял, что ладони и пальцы Волка покрыты густой темно-коричневой шерстью. Волк продолжал смотреть на него своими горящими глазами. Джек еще немного сократил расстояние между ними и окончательно остановился. Первый раз с того времени, как он встретил Волка в Долинах, Джек не мог прочитать выражения его лица. Может, Волк уже слишком сильно для этого изменился, а может, просто шерсть, покрывающая лицо, мешала это сделать. Он был уверен лишь в том, что Волка охватило какое-то сильное чувство, природу которого Джек не мог определить.

За несколько шагов до него Джек заставил себя посмотреть в глаза оборотня.

— Очень скоро, Джек, — сказал Волк, и его рот скривила страшная пародия на улыбку.

— Я думал, что ты убежал, — сказал Джек.

— А я сидел здесь и ждал, когда ты придешь. Волк!

Джек не знал, как следует отнестись к этому заявлению. Ситуация напоминала ему Красную Шапочку. Рот Волка был полон зубов, сильных, длинных и острых.

— Я принес замок, — сказал он и вытащил его из кармана. — Ты придумал что-нибудь, пока меня не было, а, Волк?

Все лицо Волка — глаза, зубы, все — сверкнуло на Джека.

— Ты теперь стадо, Джеки, — сказал Волк.

Он задрал голову и издал долгий холодающий кровь вой.

Если бы Джек был испуган чуть меньше, он бы, возможно, сказал: «Иди ты к черту, дорогой» или «Учти, на тебя спустят всех собак в округе». Но оба этих высказывания замерли у него на языке. Он был слишком испуган, чтобы произнести хотя бы слово. Волк снова одарил его Улыбкой №1 — его пасть выглядела, как телевизионная заставка к фильму ужасов — и с легкостью поднялся на ноги. Ленноновские очки, казалось, заросли бородой. Шерсть длинными прядями свисала с висков. Теперь он был почти втрое больше Джека, такой же громадный, как чучела медведей в задней комнате «Дискотеки Апдайк».

— Как хорошо пахнет в твоём мире, Джеки, — сказал Волк.

Джек понял его настроение — Волк ликовал. Он был похож на человека, который, несмотря на все препятствия, все-таки победил в сложном состязании. Под этим торжеством присутствовала дикая веселость, которую Джек уже видел однажды.

— Хорошо пахнет! Волк! Волк!

Джек сделал осторожный шаг назад, словно его сдуло дыханием Волка.

— Ты раньше не говорил про него ничего хорошего, — сказал Джек не совсем к месту.

— Раньше — это раньше, а сейчас — это сейчас, — парировал Волк. — Хорошо! Все хорошо вокруг! Волк найдет то, что так вкусно пахнет! Он клянется!

Дела стали намного хуже. Теперь Джек мог видеть — даже почти чувствовать — тупую бессознательную прожорливость, неестественный голод, горящий в красных теперь глазах сидящего перед ним существа.

— Я съем все, что смогу поймать и убить, — сказало оно.

Поймать и убить.

— Я надеюсь, что эти вкусные вещи не люди? — тихо спросил Джек.

— Волкам нужно есть, — сказал он, его голос прозвучал весело. — Да, Джеки. Волкам нужно много есть. ЕСТЬ! Волк!

— Я должен запереть тебя в сарае, — сказал Джек. — Ты помнишь, Волк? Я принес замок. Будем надеяться, что он выдержит тебя. Давай сделаем это прямо сейчас. А то я уже боюсь тебя до усеру!

На этот раз Волк по-настоящему рассмеялся.

— Боишься? Волк знает! Волк знает, Джек! От тебя пахнет страхом!

— Ты меня не удивил, — сказал Джек. — Пойдем в сарай, ладно?

— Не хочу я ни в какой сарай, — сказал Волк и высунул свой длинный с темными пятнами язык. — Нет, я не пойду, Джек. Волк не пойдет! Волк не хочет в сарай!

Рот приоткрылся еще шире, и острые зубы сверкнули в лучах заходящего солнца.

— Волк помнит, Джеки! Прямо здесь и прямо сейчас! Волк помнит!

Джек сделал еще один шаг назад.

— Какой сильный запах страха! Даже от твоих туфель! От туфель, Джеки! Волк!

Туфли, пахнувшие страхом, — это, должно быть, очень смешно.

— Ты должен идти в сарай — вот что тебе нужно помнить!

— Нет! Волк! Ты иди в сарай! Джеки пойдет в сарай! Я помню! Волк!

Красно-оранжевое сияние исчезло из глаз оборотня, и они стали темно-пурпурными.

— Из «Книги Благих Советов», Джеки. «Притча о Волке, коий радеет о своем стаде». Помнишь ее, Джеки? Стадо уходит в хлев... Помнишь? Замок повешен на дверь. Когда Волк чувствует, что настало время Перемены, стадо уходит в хлев и замок вешается на дверь. Волк радеет о своем стаде.

Рот снова открылся, и язык свесился оттуда с выражением искренней радости.

— Нет! Нет! Он не повредит своему стаду! Он радеет о своем стаде! Прямо здесь и прямо сейчас!

— Так ты хочешь, чтобы я три дня провел в сарае под замком? — спросил Джек.

— Иначе Волк съест Джеки, — просто ответил Волк, и мальчик увидел, как что-то темное быстро ускользнуло из меняющихся глаз Волка. — Когда Луна позовет меня за собой, я начну есть. Здесь хорошие запахи, Джеки. Очень хорошие для Волка. Когда Луна отпустит меня, Джеки выйдет из сарая.

— А что случится, если я не захочу три дня сидеть под замком?

— Тогда Волк убьет Джеки. А потом Волк будет проклят.

— Это сказано в «Книге Благих Советов»?

Волк кивнул.

— Я вспомнил. Я вспомнил вовремя. Когда сидел и ждал тебя.

Джек все еще пытался переварить идею Волка. Он будет три дня сидеть без еды, а Волк в это время будет на свободе. Он окажется в тюрьме, а у Волка будет весь мир. Возможно, это для него единст-

венный путь пережить превращение Волка. Имея выбор между трехдневным постом и смертью, он выбрал пустой желудок. Но внезапно ему показалось, что эта перестановка — совсем не перестановка. Он будет свободен, запертый в сарае, а Волк, гуляя по свету, будет заключенным. Только его камера будет намного больше, чем у Джека. Да славится в веках «Книга благих советов», потому что он ни разу не подумал о себе.

Волк снова взглянул на него, затем посмотрел на небо с выражением глубокой тоски.

— Уже поздно, Джеки. Ты — стадо. Я должен запереть тебя в хлеву.

— О'кей, — сказал Джек. — Я согласен.

Это тоже показалось Волку ужасно забавным. Он рассмеялся своим воющим смехом, обнял Джека за талию и, как котенка, понес через поле.

— Волк радуется за тебя, Джеки, — сказал он.

Его слова почти потонули в протяжном вое. Он заботливо поставил Джека на землю на краю оврага.

— Волк, — сказал Джек.

Волк широко зевнул и почесал между ног.

— Ты не должен убивать людей, Волк, — сказал Джек. — Если ты запомнил эту притчу, то сможешь запомнить и то, что ты не должен убивать людей, потому что, если ты это сделаешь, они станут охотиться за тобой, будь уверен. Если ты будешь убивать людей, если ты убьешь хотя бы одного человека, то сразу очень многие захотят убить тебя. И они сделают это. Я тебе гарантирую. Они разорвут тебя на части.

— Не буду есть людей. Животные пахнут лучше, чем люди. Не буду людей! Волк!

Они спустились в овраг. Джек вынул замок из кармана и несколько раз закрыл и открыл его, показывая Волку, как обращаться с ключом.

— Потом ты просунешь ключ под дверь, договорились? — спросил он. — Когда ты станешь нормальным, я верну его тебе.

Джек посмотрел под дверь — между ней и землей было пустое пространство шириной в два дюйма.

— Конечно, Джеки, ты вернешь его мне.

— Ладно, что будем делать сейчас?

— Сядь сюда, — сказал Волк, показывая на пятно на полу сарая, в футе от входа.

Джек непонимающе посмотрел на него, затем вошел в сарай и сел. Волк вышел за дверь и, даже не глядя на Джека, протянул руку

в его сторону. Джек взял руку Волка — само по себе волосатое чудовище размером с зайца. Волк схватил его так сильно, что он едва не вскрикнул — но даже если бы это произошло, он не думал, что Волк услышал бы его. Волк смотрел вперед, его лицо было дружелюбным и мечтательным. Секунду или две спустя Джек нашел для своей руки более удобное место в лапе Волка...

— И мы долго будем так стоять? — спросил он.

— До тех пор, — ответил Волк и еще сильнее сжал его руку.

9

Они просидели так, по разные стороны дверной рамы часа четыре, не проронив ни слова. Наконец начало смеркаться. Предыдущие двадцать минут Волка била мелкая дрожь. Когда сгустились сумерки, Волк затрясся уже вовсю. Так же, думал Джек, дрожит лошадь, стоя в стойле перед началом скачек и ожидая, когда раздастся выстрел и откроются ворота.

— Она начинает притягивать меня к себе, — спокойно сказал Волк. — Скоро мы побежим, Джек. Я думаю, ты сможешь.

Он обернулся и посмотрел на Джека, и мальчик увидел, что пока Волк говорил то, что он говорил, его злая часть беззвучно добавляла: *«Я могу бежать за тобой, так же как и рядом с тобой, дружок».*

— Я думаю, пора закрывать дверь, — сказал Джек и попытался освободить свою руку от мертвой хватки Волка, но не смог этого сделать, пока Волк сам его не отпустил.

— Запрет Джеки внутри, запрет Волка снаружи. — Глаза Волка вспыхнули, на мгновение превратившись в глаза Элроя.

— Помни, что ты должен радеть за стадо, — сказал Джек и отступил назад.

— Стадо уходит в хлев. Замок вешается на дверь. Он радуется о своем стаде. — Огонь в глазах Волка угас. Они снова стали обычными, оранжевыми.

— Повесь замок на дверь.

— Черт бы его побрал. Я именно этим сейчас и занимаюсь, — сказал Волк. — Я вешаю чертов замок на эту чертову дверь.

Джек услышал, как щелкает замок на металлических петлях, затем услышал, как Волк дергает его, чтобы удостовериться, что он закрыт.

— Теперь ключ.

— Чертов ключ, прямо здесь и прямо сейчас, — сказал Волк, вынимая ключ из замка. Секунду спустя он очутился на пыльном полу под дверью.

— Спасибо, — выдохнул Джек. Он нагнулся и просунул руку под дверь. Его пальцы сомкнулись вокруг ключа. Он схватил его так крепко, что на мгновение ему показалось — ключ прошел сквозь кожу ладони. Синяк останется дней на пять, или, по крайней мере, до того, как он освободится из-под ареста. Джек аккуратно опустил ключ в карман.

— Ты злишься на меня, Волк, — прошептал он через дверь. Сильный удар кулака.

— Нет! Нет! Не злюсь! Волк!

— Вот и хорошо, — сказал Джек. — Не ешь людей, Волк. Помни это. Иначе они будут охотиться за тобой и убьют.

— НЕ БУДУУУУУУУУУУУУУУУУ! — слово превратилось в протяжный вой.

Тело Волка ударилось о дверь, и его поросшие шерстью длинные ноги проскользнули в пространство под ней. Джек понял, что Волк заставляет себя отойти от сарая.

— Не злюсь, Джек, — прошептал Волк и снова протяжно завыл. — Волк не злится, Волк *хочет*! И это уже скоро! Чертовски скоро!

— Я знаю, — сказал Джек и почувствовал, что готов расплакаться; ему хотелось обнять Волка и еще сильнее ему хотелось, чтобы они провели эти страшные дни в заброшенном фермерском доме и чтобы он сейчас сидел на двери погреба, где Волк пребывал бы в безопасном заточении.

Странная беспокойная мысль сделала второй круг в его голове: «Где Волк пребывал бы в безопасном заточении...»

Нога Волка снова скользнула под дверь, и Джеку показалось, что она стала меньше и тоньше.

Волк упал, поднялся, опять упал. Он даже отошел на достаточное расстояние от двери, издавая звуки, похожие на плач младенца.

— Волк, — сказал Джек.

Оглушительный вой раздался сверху: Волк поднимался по склону оврага.

— Будь осторожен, — закончил Джек, зная, что Волк уже не услышит его, а если бы даже и услышал, то все равно бы не понял.

Немного погодя вой повторился — вой животного, отпущенного на свободу... а может, обнаружившего себя в клетке. Джек не мог понять. Дикий, печальный и странно красивый плач Волка взлетал в небо, к лунному свету. Джек не замечал, что он дрожит, до тех пор пока не прижал руки к груди и не почувствовал, как они трясутся. Сердце бешено колотилось.

Плач таял, удалялся. Волк бежал за Луной.

Три дня и три ночи Волк провел в почти непрерывных поисках пищи. Он спал от захода Луны до позднего вечера в норе, обнаруженной им под стволом упавшего дуба. Конечно же, Волк не чувствовал себя заключенным, как считал Джек. Роща оказалась густой и полной обычной для волков еды. Мыши, зайцы, коты, собаки, белки — все это он нашел без труда. Он блуждал среди деревьев и ел больше, чем достаточно, для того чтобы продержаться до следующего превращения.

Но Волк следовал за Луной, и он не мог долго удерживать себя в лесу, куда он отправился в первую ночь. Луна тянула его за собой через фермы и пастбища, мимо одиноких домов на окраинах городов, по строящимся дорогам, где бульдозеры и паровые катки замерли, как спящие динозавры. Половину всей информации он получал из запахов, и не лишним будет сказать, что нюх Волка, и без того всегда острый, теперь достиг полного совершенства. Он не только чувствовал запах курятника, полного цыплят, и различал его среди запахов свиней, коров и лошадей на той же ферме. Это было элементарно. Он ЧУЯЛ, как двигаются эти цыплята, чуял, что у одной из свиней болит нога, а у одной из коров в хлеву повреждено вымя.

В этом мире (а разве не луна ЭТОГО мира вела его за собой?) больше не было зловония химических соединений и смерти. Вместе с воздухом он вдыхал то, что напоминало ему о всей сладости и мощи земли, о том, что осталось в Долинах. Даже когда он проходил мимо человеческих жилищ, даже когда он убивал какую-нибудь собачонку и превращал ее в грудку обглоданных костей, даже тогда он ощущал журчание холодных ручьев глубоко под землей и яркий белый снег на вершинах гор где-то на дальнем западе. Все здесь казалось светлым и прекрасным перерожденному Волку, и он понимал, что если он убьет хоть одного человека — он будет проклят.

Он не убивал людей.

Возможно, отчасти потому, что их не встречал. За три дня его пребывания волком, Волк убивал и пожирал всех представителей других форм жизни, обнаруженных им в восточной Индиане, включая даже одного скунса и целое семейство рысей, живших в известковой пещере у подножья холма. В первую ночь он поймал летевшую неосторожно низко летучую мышь, откусил ей голову, а остальное проглотил, не жуя. Десятки котов прошли через его глотку, сотни собак. С диким восторгом он перемалывал каждую свинью или корову, попавшуюся ему на пути.

Но дважды Волк чувствовал, как что-то непонятное запрещает ему убивать свою жертву, и это помогало ему чувствовать домом тот мир, в котором он сейчас находился. Все дело было в месте — не в каких-то там абстрактных понятиях — а внешне места мало чем отличались друг от друга. Одно было участком леса, где он гнался за зайцем, другое — задним двором фермерского дома, где хозяйская собака сидела на цепи перед своей конурой. Как только он ставил лапу на эти земли, его шерсть вставала дыбом и мелкая дрожь пробегала по позвоночнику. Это были священные земли, а в священных землях Волк не мог убивать. Не мог, и все. Как и все священные земли, они были выделены среди других очень-очень давно, так давно, что слово «древние» было вполне к ним применимо — это слово в большей или меньшей степени дает нам представление об огромном временном пространстве, которое чувствовал Волк на заднем дворе фермы или на маленьком участке леса, плотной пелене лет, спрессованных в единое целое в маленьком, наполненном живой энергией месте. Волк просто обходил эти земли стороной и направлялся куда-нибудь еще. Как и крылатые люди, которых Джек видел в Долинах, Волк жил среди таинственности и был привычен к такого рода вещам.

И он не забывал обещание, данное Джеку Сойеру.

11

В закрытом сарае все свойства характера и сознания Джека не бывало обострились.

Некоторые из них он обнаружил только сейчас.

Единственным предметом мебели в сарае являлась деревянная скамейка, единственным развлечением — журналы почти десятилетней давности. Но он даже не мог по-настоящему заняться их чтением. В сарае не было окон, и только когда первые лучи восходящего солнца пробивались в пространство под дверью, он с трудом мог рассмотреть в их свете картинки и фотографии. Слова же сливались в сплошные серые полосы. Джек не мог себе представить, как он сможет выдержать здесь целых три дня. Он подошел к скамейке, при этом больно ударившись об нее коленкой, сел и задумался.

Первое, что он обнаружил, это то, что время внутри сарая течет совсем не так, как снаружи. За стенами секунды летели быстро, складываясь в минуты, которые в свою очередь складывались в часы. Целые дни незаметно пролетали мимо, целые недели. Здесь же секунды практически отказывались двигаться — они превращались

в Чудовищные Секунды. В резиновые секунды. Снаружи вполне мог пролететь час, пока в сарае проползали, спотыкаясь и падая, пять секунд.

Второе — это то, что мысли о медлительности времени только усугубляют положение. Как только он начал следить за секундами, они отказались двигаться совершенно. Тогда он решил хоть как-то отвлечься, иначе ему ни за что не пережить эти три дня. Ставя одну ногу за другой и считая свои шаги, он выяснил, что сарай имеет девять футов длины и семь футов ширины. По крайней мере, у него достаточно места, чтобы ночью вытянуться во всю длину.

Обходя сарай по кругу, он проходил тридцать два фута.

Обходя сарай по кругу сто шестьдесят пять раз, он проходил милю.

Ему было нечего есть, но зато было, где ходить. Джек снял часы и положил их в карман, дав себе обещание посмотреть на них только в случае крайней необходимости.

Он уже прошел четверть своей первой мили, когда с ужасом вспомнил, что в сарае нет воды. Нет еды и нет воды. Он предположил, что за три дня умереть от жажды невозможно. Когда Волк придет за ним, он будет жив и здоров... Ну, по крайней мере, жив. А если Волк не придет? Тогда ему придется вышибать дверь.

«В таком случае, — подумал он, — лучше попробовать это сделать сейчас, пока у него еще есть на это силы».

Джек подошел к двери и толкнул ее обеими руками. Он толкнул сильно — петли скрипнули. В порядке эксперимента он ударил ее плечом в районе петель. Плечо заболело, но с дверью ничего не произошло. Тогда он ударил посильнее. Петли снова скрипнули, но не продвинулись ни на миллиметр. Нет, Джек не сможет вышибить эту дверь, а после таких ударов он не смог бы это сделать, даже если б она была из картона. Оставалось только ждать Волка.

К полуночи Джек прошел семь или восемь миль — он уже потерял счет тому, сколько раз он сделал сто шестьдесят пять кругов по сараю, но предполагал, что около семи или восьми. Он был голоден, в желудке урчало. Сарай пропах мочой, потому что Джеку приходилось время от времени поливать дальнюю стену, где щели между досками давали надежду, что по крайней мере какая-то ее часть выйдет наружу. Он устал, но спать не мог. По часам в его кармане, он находился в заточении чуть больше четырех часов, но здесь они превратились в двадцать четыре. Он боялся спать.

Сознание не отпускало его — примерно так он себя чувствовал. Он пытался восстановить в памяти страницы книг, прочитанных им

за последний год, имена всех его учителей и игроков команды «Лос-Анджелес Доджерс»... но страшные видения прерывали его воспоминания. Он видел Моргана Слоута, прорывающего дыру в воздухе, лицо Волка под водой, его руки бессильно колыхались, словно водоросли; Джерри Бледсо, корчащегося перед электрическим щитом со стекающими по носу очками; желтеющие глаза Элроя и его руку, превращающуюся в козлиное копыто; вставные челюсти дяди Томми, падающие в канализационный люк у дороги; снова Моргана Слоута, с покрывающейся волосами головой — только теперь он подходил не к нему самому, а к его маме.

— Песни «Фэтз Уэллер», — сказал он сам себе, делая еще один круг по сараю. — «Твои шаги слишком широки», «Этого не случится...»

Элрой склонился над мамой, злобно шипя. Его рука вцепилась в ее шею.

— Страны Центральной Америки: Никарагуа, Гондурас, Гватемала, Коста Рика...

Даже когда он настолько устал, что ему пришлось лечь и свернуться на полу, положив под голову рюкзак вместо подушки, Элрой и Морган Слоут не оставили его в покое. Осмонд с горящими глазами хлестал по спине Лили Кевинью, Волк, огромный и совершенно непохожий на человека, протягивал когтистую лапу к ее груди и вырывал сердце.

Когда первые солнечные лучи разбудили его, Джек почувствовал запах крови. Тело требовало воды, затем — еды. Джек вздохнул. Три таких ночи почти невозможно пережить. Проникшие внутрь лучи осветили стену и крышу сарая. Сейчас они казались больше, чем прошлой ночью. Ему снова хотелось писать, хотя он никак не мог поверить в то, что его тело еще способно выделять какую бы то ни было жидкость. Наконец, он понял, что сарай кажется больше, потому что он лежит на полу.

Потом он снова почувствовал запах крови, и посмотрел в сторону двери. В щели под ней лежала тушка зайца. Она лежала на грубых досках, истекая кровью. Длинная полоска грязи на полу указывала на то, что останки зайца были с силой заброшены в сарай. Волк старался его подкормить.

— Вот здорово! — крикнул Джек.

Ноги зайца были ужасно похожи на человеческие. Желудок Джека сжался. Но вместо тошноты пришел смех — настолько потешной выглядела ситуация. Волк поступал, как домашнее животное — кошка или собака, — которое каждое утро преподносит

своим хозяевам в качестве подарка мертвую птицу или обезглавленную крысу.

Двумя пальцами Джек поднял остатки ужасного пиршества и бросил их под скамейку. Ему все еще казалось, что он смеется, но глаза были влажными. Волк пережил первую ночь своего превращения, а Джек — своего.

Следующее утро принесло ему почти круглый кусок мяса непонятного происхождения, прикрепленный к ярко-белой кости, отгрызенной с обеих сторон.

12

Утром четвертого дня Джек услышал, как кто-то спускается по склону оврага. Испуганная птица чирикнула и с шумом взлетела с крыши сарая. Тяжелые шаги направлялись к двери. Джек приподнялся на локтях и вгляделся в темноту.

Большое тело подошло к двери и остановилось. Через дыру под дверью Джек увидел пару стоптанных черных мокасин.

— Волк? — спросил Джек. — Это ты?

— Давай ключ, Джек.

Джек опустил руку в карман, достал ключ, бросил его и попал как раз между мокасин. Большая коричневая рука появилась под дверью и подняла его.

— Ты принес воды? — спросил Джек.

Несмотря на то, что ему удавалось получить немного влаги из кровавых подарков Волка, его организм был близок к серьезному обезвоживанию, губы высохли и полопались, язык сморщился и прилип к небу. Ключ вошел в замок, и Джек услышал, как он открылся.

Затем замок был снят с петель.

— Немного, — сказал Волк. — Закрой глаза. У тебя теперь ночные глаза.

Когда дверь открылась, Джек прижал руку к лицу, но свет, ворвавшийся в сарай, прошел сквозь пальцы и ослепил его. Джек вскрикнул от резкой боли.

— Ничего, скоро пройдет, — сказал Волк очень близко от него.

Руки Волка обняли его и приподняли.

— Не открывай глаза, — еще раз предупредил Волк и вышел из сарая.

Когда Джек спрашивал про воду, он понял, почему Волк не зашел в сарай надолго. Воздух снаружи казался невообразимо свежим и сладким, как будто попал сюда прямо из Долин. Джек выпил две

столовые ложки воды, которая показалась ему самым прекрасным напитком на земле. Она проходила сквозь все его тело, журча, как маленькая речка, и оживляя все, к чему прикасалась.

Волк забрал кружку из его рук — Джек не заметил, как кончилась вода.

— Пока хватит, — сказал Волк. — Если я дам тебе еще, тебя обязательно вырвет. Открой глаза, только не сильно.

Джек выполнил указание. Миллионы частичек света вонзились в его глаза. Он закричал.

Волк присел, все еще держа Джека на руках.

— Глотни, — сказал он и снова поднес кружку к его губам. — И открой глаза посильнее.

Теперь боль была намного меньше. Джек с удивлением оглядывался по сторонам, пока следующий глоток чудесной воды тек внутри его тела.

— Ох, — сказал Джек. — Интересно, что сделало воду такой вкусной?

— Западный ветер, — ответил Волк.

Джек еще шире открыл глаза. Мельтешащие пятна света сменились на коричневый деревянный цвет сарая и серо-зеленый — оврага. Его голова лежала на плече Волка, бок прижимался к его животу.

— С тобой все хорошо, Волк? — спросил он. — У тебя было достаточно еды?

— Волк всегда найдет себе достаточно еды, — просто ответил Волк и шлепнул мальчика по спине.

— Спасибо, что ты приносил мне мясо.

— Я обещал. Ты был стадом. Помнишь?

— О, да, я помню, — сказал Джек. — Можно мне еще воды?

Он отодвинул большую руку Волка и слез на землю. Отсюда он мог рассмотреть его.

Волк протянул ему кружку. Ленноновские очки были на месте, борода снова стала легким пушком, покрывающим щеки, его волосы, хотя и засаленные, красиво лежали на плечах. Лицо Волка было мирным и дружелюбным, немного уставшим. Под комбинезоном появилась новая серая рубашка, размера на два меньше, чем нужно, с вышивкой «Индианский Университет».

Он был больше похож на обыкновенного человека, чем когда бы то ни было со времени их первой встречи с Джеком. Конечно, он не мог бы сойти даже за первокурсника того, что было написано у него на рубашке, но за игрока университетской футбольной команды — пожалуйста.

Джек сделал еще один глоток — рука Волка держала чашку, готовая в любой момент ее убрать, если Джека стошнит.

— С тобой действительно все хорошо?

— Прямо здесь и прямо сейчас, — сказал Волк. Он погладил себя рукой по животу, заметно выдающемуся из под рубашки. — Немного устал, Джеки. Надо поспать. Прямо здесь и прямо сейчас.

— Где ты взял рубашку?

— Она болталась на веревке, — ответил Волк. — Холодно, Джеки.

— Ты не убивал людей?

— Нет-нет! Волк! Пей воду помедленней, — его глаза на секунду сверкнули веселым оранжевым огнем, и Джек понял, что Волк в любом состоянии не был способен причинить вред человеку. Волк протяжно зевнул.

— Надо немного поспать. — Он поудобнее устроился на земле, подложил руку под голову и немедленно уснул.

Часть третья
ПРОТИВОСТОЯНИЕ
МИРОВ

Глава 20 ПРИВЛЕЧЕННЫЙ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1

К двум часам пополудни они были уже сотней миль западнее; похоже, даже луна не могла с такой легкостью проделать этот путь. Несмотря на изнуряющий голод, Джек решил подождать, когда Волк проснется. Наконец он открыл глаза, потянулся, сказал: «Я готов, Джек», посадил мальчика к себе на спину и потрусил по направлению к Дейлвиллу.

Пока Волк тихо сидел на обочине дороги и со всех сил пытался казаться незаметным, Джек вошел в кафе «Королевский Гамбургер». Первым делом он заставил себя зайти в душевую и разделся по пояс. Даже здесь, в душевой, головокружительный аромат жареного мяса заполнил слюной весь его рот. Джек помыл руки, грудь, шею, лицо. Затем сунул голову под теплую струю и вымыл волосы жидким мылом. Скомканные бумажные полотенца одно за другим падали на пол.

Теперь он был готов к завтраку. Девушка в белом переднике смотрела на него в упор, пока он делал заказ. «Наверное, это из-за моих мокрых волос», — подумал Джек. Когда заказ был сделан, девушка отступила назад и, прежде чем уйти, остановилась на несколько секунд, не сводя с него глаз.

Он вгрызся в первый громадный бутерброд и повернул голову к стеклянным дверям. Жир стекал по подбородку. Джек был настолько голоден, что даже не мог как следует пережевывать его. Три огромных укуса — и большого сэндвича почти нет. Он уже широко открыл рот, чтобы сделать четвертый, когда увидел через двери, что Волк окружен толпой детей. Зубы замерли, так и не сомкнувшись вокруг остатка бутерброда.

Джек поспешил наружу, пытаясь целиком проглотить смесь мяса цыпленка, жареного хлеба, соленых огурцов, салата, помидоров и соуса. Дети стояли с трех сторон от Волка, глаза на него точно

таким же образом, как официантка глазела на Джека. Волк отполз от обочины так далеко, как только мог, выгнув спину и вытянув шею наподобие черепахи. Уши так прижались к голове, что их почти не было видно. Комок непережеванной пищи застрял у Джека в горле, как мяч для игры в гольф. Джек судорожно глотнул, и мяч провалился ниже, так, однако, и не достигнув желудка.

Волк посмотрел в его сторону краем глаза и заметно расслабился. Высокий, затянутый в синий джинсовый костюм молодой человек лет двадцати открыл дверь потрепанного красного пикапа футах в пяти-шести от обочины, высунулся из кабины и, улыбаясь, наблюдал за происходящим.

— Возьми гамбургер, Волк, — сказал Джек самым заботливым голосом, на какой был способен.

Он протянул Волку бутерброд. Волк понюхал, затем вытянул голову и откусил большой кусок. Начал методично жевать. Пораженные и зачарованные дети подошли поближе. Кто-то хихикнул.

— Кто это? — спросила маленькая девочка с белыми косичками, в которые были вплетены смешные розовые бантики.

— Это чудовище, — сказал коротко подстриженный мальчик лет семи или восьми, заслоняя девочку спиной. — Он, наверное, такой неуклюжий? Вот потеха-то! Ха-ха-ха!

Волк наклонился к бумажной тарелочке и доел то, что осталось от огромного гамбургера. Он пропихнул его в рот рукой; листья салата упали между его торчащими вверх коленями, жир и майонез потекли по шее. Все остальное превратилось в коричневую массу, хлюпающую между его огромных зубов. Проглотив последние кусочки, Волк принялся вылизывать тарелку.

Джек забрал ее из рук Волка.

— Нет, он всего-навсего мой кузен. Он не чудовище и не оборотень. Почему бы вам, детишки, не разойтись и не оставить нас одних? Уходите. Оставьте нас!

Но они продолжали смотреть. Волк теперь облизывал пальцы.

— Если вы будете продолжать на него глазеть таким образом, он может рассвирепеть. Я даже не знаю, что может случиться, если он рассвирепеет.

Коротко стриженный мальчик достаточно часто смотрел фильмы ужасов, чтобы знать, чем может обернуться злость этого ужасного Пожирателя Королевских Гамбургеров. Он отступил назад. Большинство других детей последовало за ним.

— Пожалуйста, уходите, — сказал Джек, но дети как будто примерзли к земле.

Волк вырос, как гора, сжав кулаки.

— ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ! НЕ СМОТРИТЕ НА МЕНЯ! — крикнул он. — НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ МЕНЯ ПОСМЕШИЩЕ! КАЖДЫЙ ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ ИЗ МЕНЯ ПОСМЕШИЩЕ!

Дети разбежались. Тяжело дыша, вытирая пот с разгоряченного лица, Волк смотрел, как они несутся по главной улице Дейлвилла и исчезают за углом. Когда никого не осталось вокруг, Волк сел, оперся подбородком на ладони и бросил стремительный взгляд на Джека. Он выглядел жалким в своем смущении.

— Волк не должен был кричать, — сказал Волк. — Они ведь такие маленькие...

— Хороший испут пойдет им на пользу, — сказал голос. Джек увидел, что молодой человек из красного пикапа все еще высовывается из кабины и улыбается.

— Никогда не видел ничего подобного тому, что сейчас передо мной. Так значит, вы кузены?

Джек кивнул.

— Нет, я не хочу никого обидеть, — он шагнул вперед — легкий, темноволосый молодой человек в жилетке и фланелевой рубашке. — А уж тем более я не хочу ни из кого сейчас делать посмешище.

Он прервался. Его руки были приподняты, пальцы прижаты один к одному.

— Но у вас такой вид, ребята, как будто вы уже не один месяц в дороге.

Джек посмотрел на Волка, который все еще смущенно бормотал себе под нос и разглядывал стоящего перед ним человека через круглые очки.

— Я здесь один, — сказал человек. — Представляете, целый год я не был в старом добром Дейлвилле. Хай! Я проехал от Северной Калифорнии и назад. Ну, это не важно... Если вы направляетесь на запад, то нам по пути.

— Не нужно, Джеки, — сказал Волк громовым шепотом.

— А как далеко на запад? — спросил Джек. — Мы пытаемся добраться до Спрингфилда. У меня там друг.

— Ооо! Нет проблем, сеньор! — он щелкнул пальцами. — Я как раз собираюсь в ту часть Кайюги — справа от границы Иллинойса. Сейчас съем гамбургер, и поедем. Здесь уже недалеко — часа полтора, а может, и меньше, и вы на полпути к Спрингфилду.

— Не надо, — снова выдохнул Волк.

— Только одна проблема, ребята — у меня занято переднее сидение. Кому-то из вас придется ехать в кузове. А я веду с ветерком.

— Это так мило с вашей стороны, — сказал Джек совершенно искренне. — Мы присоединимся, когда вы будете выходить.

Волк затанцевал вокруг Джека, пытаясь его образумить.

— Мы будем здесь, мистер, спасибо вам большое...

Он обернулся к Волку и что-то прошептал ему на ухо. Молодой человек в это время входил в стеклянные двери кафе.

Итак, когда человек по имени Билл «Бак» Томпсон вернулся к пикапу, он обнаружил Волка, степенно разлегшегося в открытом кузове, обхватив руками борта; его рот был приоткрыт, нос подергивался. Джек восседал на пассажирском месте, окруженный кучей пластиковых кульков, плотно набитых и крепко перевязанных. Сквозь прозрачные стены кульков были видны ветки деревьев зеленого цвета. Из них уже пробивались молодые тонкие веточки с гроздьями почек.

— Я заметил, что ты выглядишь голодным, — сказал Билл и протянул Волку еще один гамбургер. Затем забрался на сидение водителя, закрытое от Джека грудой мешков.

— Боится, что сломает зубы. Он неотразим, твой кузен. Возьми этот. Он свой уже проглотил.

И так они проехали сотню миль. Волк просто обезумел от того радостного ощущения, когда ветер дует в лицо и треплет волосы, от быстрой смены запахов, которые ловил его нос во время этого чарующего полета. Глаза ярко горели, отмечая малейшее изменение ветра, когда он высовывался из кабины, подставляя нос стремительно несущемуся навстречу воздуху.

Бак Томпсон рассказал, что он фермер. Он говорил, не останавливаясь, все семьдесят пять минут их совместного пути и за это время не задал Джеку ни одного вопроса. Он притормозил на узкой, пыльной дороге, прямо перед въездом в Кайюгу, на краю пшеничного поля, которое, казалось, тянулось на несколько миль, покопался в кармане своей рубашки и извлек на редкость помятую сигарету, свернутую из обычной папиросной бумаги.

— Твой кузен такой смешной, — сказал он и уронил сигарету в руку Джека. — Когда в следующий раз он будет чувствовать себя настолько подавленным, пусть примет немного этого. Советую.

Джек с отсутствующим лицом опустил сигарету с марихуаной в карман и выбрался из кабины.

— Спасибо, Бак, — сказал он водителю.

— Слушай, мне кажется, я что-то заметил, когда он ел. Как ты ходишь с ним по улицам? Он не говорит «гав-гав»?

Как только до Волка дошло, что поездка окончена, он выбрался из кузова машины.

Красный пикап тронулся с места, оставляя за собой облако пыли.
— Давай еще так ездить! — почти пропел Волк. — Джеки, хочешь так еще!

— Конечно, еще поездим, — сказал Джек. — А сейчас давай немного пойдем пешком. Нас обязательно кто-нибудь догонит.

Джек шел и думал, что удача вновь вернулась к нему, что еще совсем немного времени, и они с Волком доберутся до Иллинойса. А уж в том, что, как только они попадут в Спрингфилд к Ричарду Слоуту, дела окончательно пойдут на лад, он ни капельки не сомневался. Но все мысли Джека снова крутились вокруг того времени, которое он провел в сарае, где наяву наблюдал самые нереальные события, когда начали случаться всяческие неприятности. Они случались так часто, что Джек даже не успевал за ними следить. Прошло довольно много времени, прежде чем Джек увидел Иллинойс, и все это время он ощущал себя запертым в сарае.

2

События, сменявшие друг друга с головокружительной быстротой и в конце концов приведшие к «Дому Солнечного Света», начались через десять минут после того, как двое путешественников прошли мимо маленького, едва заметного дорожного указателя, который сообщил им, что они находятся в Кайюге с населением 23568 человек. Самой же Кайюги нигде не было видно. Справа были бесконечные поля пшеницы, волнующиеся под дуновением ветра, слева — голый пустырь, уходящий куда-то за линию горизонта. Как только Джек подумал, что им, возможно, придется проделать весь путь до города, чтобы найти какую-нибудь попутку, вдалеке показалась машина, едущая навстречу.

— Давай остановим ее, — крикнул Волк, радостно размахивая руками над головой. — Волк остановит ее! Прямо здесь и прямо сейчас!

— Она едет в обратном направлении, — сказал Джек. — Успокойся, пускай она проедет мимо. И опусти руки, а то он подумает, что ты голосуешь.

Волк неохотно выполнил его требование. Машина уже подъехала к повороту дороги и почти поравнялась с Волком и Джеком.

— А мы разве не поедem назад? — почти по-детски спросил Волк.

Джек покачал головой. Он смотрел на овал герба, нарисованный на пыльной белой двери машины. Он мог обозначать Государственный Совет Охраны природы или местную Службу чистоты окружающей среды. Он мог обозначать что угодно — от представителя

сельскохозяйственной промышленности до директора какой-нибудь строительной компании. Но когда машина въехала на поворот, Джек увидел, что это — полиция.

— Это фараон, Волк. Полицейский. Улыбаемся и делаем вид, что мы гуляем. Нам совсем не нужно, чтобы он остановился.

— Что за фарицейский? — голос Волка дрогнул и провалился куда-то в желудок: он увидел, что машина на полной скорости мчится прямо на него. — Фарицейские убивают Волков?

— Нет, — сказал Джек, — они *никогда* не убивают Волков.

Это не помогло. Волк вцепился в Джека дрожащей рукой.

— Отцепись от меня, Волк, — взмолился Джек. — Он будет смеяться над тобой.

Рука Волка немедленно упала.

Когда полицейская машина совсем приблизилась, Джек взглянул на фигуру за рулем и сделал несколько шагов назад, чтобы видеть Волка. То, что он увидел, не радовало. Лицо полицейского, ведущего машину, было широким, массивным и властным, со слоями подкожного жира на тех местах, где раньше были скулы. А на лице Волка отразился ужас — глаза горели, ноздри трепетали. Волк оскалил зубы.

— Тебе действительно понравилось ехать в кузове грузовика? — спросил Джек.

Часть ужаса улетучилась, и Волк изобразил что-то, похожее на улыбку. Полицейская машина проревела мимо — Джек заметил, как водитель повернул голову и изучил их.

— Все в порядке, — сказал Джек, — он едет по своим делам, Волк.

Он услышал, что гул двигателя полицейской машины снова приближается, и оглянулся.

— Фарицейский возвращается!

— Наверное, едет обратно в Кайюгу, — сказал Джек. — Повернись и делай все как я. Не смотри на него.

Волк и Джек пошли дальше, изо всех сил стараясь не замечать полицейскую машину, которая, похоже, села им на хвост. Волк издал что-то среднее между плачем и воем.

Полицейская машина объехала их, зажгла задние огни и срезала дорогу перед ними по диагонали. Офицер открыл дверь и поставил ногу на землю. Затем поднял свое грузное тело с сидения. Ростом он был с Джека, и весь его вес содержался в лице и животе. Ноги у него были, как говорится, кожа да кости, а руки и плечи — нормально развитого человека. Живот, колышущийся под коричневой униформой, словно пятнадцатифунтовый индюк, с двух сторон нависал над широким коричневым ремнем.

— У меня нет времени, — сказал он. Затем вытянул руку и поднялся, опираясь об открытую дверь. — Кто такие? Куда идете? Выкладывайте!

Волк пригнулся за спиной Джека, поджав плечи и глубоко засунув руки в карманы комбинезона.

— Мы идем в Спрингфилд, офицер, — сказал Джек. — Мы голосуем. Нам, наверное, нельзя это делать?

— Вам, наверное, нельзя это делать. Черт! Что это за парень пытается спрятаться за тобой?

— Это мой кузен. — Джек замаялся на мгновение.

История должна быть достаточно сильно изменена, чтобы вместить в нее Волка.

— Мне нужно отвести его домой. Он живет в Спрингфилде со своей тетей Элен, вернее, с моей тетей Элен. Она учительница. В Спрингфилде.

— Он что, сбежал из дому?

— Нет-нет! Ничего подобного. Просто он...

Полицейский равнодушно посмотрел на него. Его лицо скривилось.

— Имена.

Перед мальчиком возникла проблема: Волк все равно будет называть его Джеком, какое бы имя он ни назвал полицейскому.

— Джек Паркер, — сказал он. — А он...

— Стоп! Я хочу, чтобы он сам сказал. Подойди сюда. Ты помнишь свое имя, ты, кочан капусты?

Волк еще сильнее съехался за спиной Джека, вдавив подбородок в грудь. Он что-то пробормотал.

— Я не слышу.

— Волк, — прошептал он.

— Волк... Можно предположить, что это фамилия. А как тебя зовут? Или тебе дали номер вместо имени?

Волк зажмурил глаза и поджал ноги.

— Пойдем, Фил, — сказал Джек, исходя из того, что это из нескольких имен, которые Волк помнит наверняка.

Но не спел он договорить, как Волк выпрямил спину, задрал голову и выпалил:

— ДЖЕК! ДЖЕК! ДЖЕК ВОЛК!

— Мы иногда называем его Джеком, — вставил мальчик, понимая, что уже поздно, — потому что он очень меня любит. Иногда я — единственный, кто может справиться с ним. Я даже, наверное, задержусь в Спрингфилде на несколько дней, прежде чем отправиться домой, чтобы убедиться, что с ним все будет в порядке.

— Меня, кажется, сейчас стошнит от звука твоего голоса, Джек. Почему бы тебе и старому доброму Филу-Джеку не присесть на заднее сидение моей машины и вместе со мной не отправиться в город, чтобы все там выяснить?

Увидев, что Джек не двигается с места, полицейский изменил тон и положил руку на кобуру огромного пистолета, висевшую у него на ремне.

— В машину. Он первый. Я хочу выяснить, почему вы в сотнях миль от дома в учебный день. В машину. Живо.

— Офицер, — начал Джек, и Волк за его спиной выдохнул:

— Нет. Не могу. Нет.

— У моего кузена есть проблема на этот счет, — сказал Джек. — Он клаустрофоб. Маленькие помещения, особенно салоны машин, сводят его с ума. Он может ездить только на грузовиках, забравшись в кузов.

— В МАШИНУ! — сказал полицейский. Он шагнул вперед и открыл заднюю дверь.

— НЕТ! — заорал Волк. — ВОЛК НЕ МОЖЕТ! Воняет, Джеки, там воняет!

Его нос и губы скривились от отвращения.

— Посади его в машину, или это сделаю я, — сказал Джеку фараон.

— Волк, это ненадолго, — сказал Джек, беря Волка за руку. Волк неохотно последовал за ним. Когда Джек запихивал его на заднее сидение, Волк буквально вцепился ногами в поверхность дороги.

Секунды две казалось, что все идет нормально. Волк достаточно близко подошел к полицейской машине, чтобы дотянуться до двери. Затем все его тело задрожало. Он вцепился в дверь обеими руками. Это выглядело так, будто он пытается приподнять машину, словно силач в цирке, на толщину телефонной книги.

— Пожалуйста, — тихо сказал Джек. — Это нужно.

Но Волк был напуган. К тому же, его тошнило от всех запахов в машине. Он бешено затряс головой. Слюни из его рта потекли на крышу машины.

Полисмен подошел к Джеку и что-то извлек из-за пояса. Джек только успел заметить, что это не пистолет, когда фараон обрушил на голову Волка резиновую дубинку. Тело Волка сперва скользнуло по крыше машины, затем грациозно упало на пыльную дорогу.

— Бери его с другой стороны, — сказал полицейский, вешая дубинку на место. — забросим этот мешок с дерьмом на сиденье.

Спустя две или три минуты, за которые они успели пару раз уронить тяжелое бездыханное тело на дорогу, они уже мчались в сторону Кайюги.

— Я знаю, что будет с тобой и твоим больным кузеном, если он тебе, конечно, кузен, в чем я сомневаюсь, — Полицейский взглянул на Джека через зеркало заднего вида. Его глаза были похожи на измазанный в дегте изюм.

Казалось, вся кровь застыла в венах Джека. Сердце провалилось в пятки. Он вспомнил про сигарету в кармане рубашки. Джек протянул было к ней руку, но тут же отдернул ее, пока полицейский ничего не заметил.

— Я поправлю ему туфли, — сказал Джек. — Они спадают.

— Забудь об этом, — сказал фараон, но промолчал, когда Джек все-таки нагнулся. Вне видимости полицейского он сперва поправил один из мокасин на огромной ноге Волка, затем быстро вытащил сигарету из кармана и бросил ее в рот. Она развернулась и сухие мелкие частички со странным травяным вкусом налипли на его язык. Он принял ее быстро их пережевывая. Что-то попало в горло, и он конвульсивно наклонился вперед, зажав рот рукой и стараясь не закашляться. Прочистив горло, он поспешно проглотил оставшиеся во рту отсыревшие, вязкие частички марихуаны. Затем пробежался языком по зубам, собирая последние следы сигареты.

— Тебя ждет несколько сюрпризов, — сказал полицейский. — Ты получишь маленькое солнце в душу.

— Маленькое солнце в душу? — спросил Джек, думая, что фараон видел, как он пережевывает сигарету.

— И несколько волдырей на руки, — сказал фараон и довольно улыбнулся растерянному и виноватому лицу Джека.

Здание муниципалитета Кайюги представляло из себя темный лабиринт неосвещенных коридоров, узких лестниц, поднимающихся, казалось, в бесконечные высоты, и таких же узких комнат. Было слышно, как журчит по трубам вода.

— Я хочу вам кое-что объяснить, парни, — сказал полицейский, поворачивая направо на самой верхней лестничной площадке. — Вы не под арестом. Я привез вас сюда, чтобы расспросить. Понимаете, не допросить, а расспросить. Я не хочу слышать никакую чушь. Вы будете здесь до тех пор, пока честно не расскажете, кто вы такие и куда идете. Вы меня слышите? Мы сейчас пойдем к судье Фэйрчайлду. Это главный городской судья, и если вы не скажете правды, то — честное слово — можете попасть в очень неприятную историю. Вперед!

Через несколько шагов полицейский открыл перед ними дверь. Женщина средних лет в тонких очках и черном платье бросила на них взгляд из-за печатной машинки у дальней стены.

— Бродяги, — сказал полицейский. — Скажи ему, что мы здесь.

Женщина кивнула, подняла трубку телефона и сказала несколько слов.

— Можете идти, — ответила она им, быстро переводя взгляд с Джека на Волка и обратно.

Полицейский провел их через «предбанник» и открыл дверь в комнату раза в два больше, со стенами, завешанными книжными полками, фотографиями в рамках, дипломами, свидетельствами и еще много чем. Высокие окна покрывали плотные гардины. Художавый человек в черном костюме, помятой белой рубашке и узком галстуке с едва различимым рисунком поднялся из-за деревянного стола футов шести длиной. Лицо человека, испещренное морщинами, было похоже на рельефную карту, волосы имели настолько неестественно черный цвет, что не могло быть никаких сомнений в том, что они подкрашены. Дым от сигареты в его руке пластами стлался по комнате.

— Ну, и что мы имеем, Фрэнки? — его голос звучал натянуто, почти по-театральному.

— Бродяги. Я нашел их на Френч-Лик-Роуд.

Судья Фэйрчайлд посмотрел на Джека, и его морщинистые губы сложились в улыбку.

— У тебя есть какие-нибудь документы, сынок?

— Нет, сэр, — ответил Джек.

— Ты рассказал офицеру правду обо всем? Мне кажется, что нет, иначе ты не был бы здесь.

— Да, сэр, — сказал Джек.

— Тогда расскажи мне, — он обошел вокруг стола, оставляя за собой шлейф табачного дыма, и оперся о его передний край. Он затаился сигаретой — Джек увидел, что печальные, глубоко посаженные глаза судьи изучают его сквозь дым, и заметил, что в них нет ни капельки милосердия.

Он снова оказался в ловушке.

Джек глубоко вдохнул и выпалил на одном дыхании:

— Меня зовут Джек Паркер. А это мой кузен, он тоже называет себя Джек. Джек Волк. Но на самом деле его зовут Филипп. Он жил у нас в Дейлвилле, потому что его отец умер, а мама заболела. Я везу его обратно в Спрингфилд.

— Он что, полудурок?

— Слегка сумасшедший, — сказал Джек и взглянул на Волка. Его друг, казалось, не вполне сознавал, что происходит вокруг.

— Как зовут твою мать? — спросил судья Волка. Волк никак не отреагировал на вопрос. Его глаза были закрыты, руки засунуты в карманы.

— Ее зовут Элен, — ответил за него Джек, — Элен Воган.

Судья оторвал себя от стола и медленно подошел к Джеку.

— Ты пьян, сынок? По моему, ты немного не в себе.

— Нет.

Судья Фэйрчайлд подошел вплотную и склонился над Джеком.

— А ну-ка, дыхни.

Джек открыл рот и выдохнул.

— Нет, не пил, — судья снова выпрямился. — Но, по-моему, это единственное, в чем ты не соврал. Кого ты хочешь обвести вокруг пальца, мальчик?

— Я виноват, мы голосовали на дороге, — сказал Джек, понимая, что дальше нужно говорить с особой осторожностью. И не только из-за того, что от этого зависела его и Волка свобода, а еще и потому, что слова никак не хотели складываться в связные фразы — все вокруг, казалось, происходило очень медленно. Так же, как и в сарае, секунды стали резиновыми.

— На самом деле мы очень редко останавливаем машины, потому что Волк-Джек боится их. Честное слово, мы больше не будем этого делать. Мы не будем делать ничего плохого, сэр, и это правда.

— Ты не понял меня, сынок, — сказал судья. Его глаза снова устались на него. «Ему это нравится», — понял Джек. Судья Фэйрчайлд медленно вернулся за стол.

— Дело не в голосовании. Вы дети, которые ходят по дорогам без родителей. Вы идете неизвестно откуда и неизвестно куда. Может случиться любая беда. — Его голос струился, как мед. — Теперь здесь, в нашем городе, есть заведение, кстати говоря, одобренное и санкционированное государством, куда помещают таких бродячих детей, какими вы являетесь. Оно называется «Дом Солнечного Света для беспризорных детей мистера Гарднера». Мистер Гарднер просто превосходно работает с молодыми людьми. Мы недавно посылали ему нескольких подростков, и очень скоро все они стояли на коленях и молили Иисуса Христа о спасении души. Так что я могу сказать, что он специалист в своем деле.

Джек глотнул. Во рту пересохло еще сильнее, чем это было в сарае.

— О, сэр, но нам очень нужно попасть в Спрингфилд. Все будут волноваться...

— Я очень в этом сомневаюсь, — сказал судья и снова улыбнулся, — но вот что я вам скажу. Как только вы отправитесь в «Дом Солнечного Света», я позвоню в Спрингфилд и попытаюсь узнать номер этой Элен... Волк?

— Воган, — сказал Джек, и горячая краска выступила на его лице.

— Да, — сказал судья.

Волк мотнул головой, моргнул и положил руку Джеку на плечо.

— Так, займемся тобой, — сказал судья, глядя на него. — Ты можешь сказать, сколько тебе лет?

Волк снова моргнул и посмотрел на Джека.

— Шестнадцать, — сказал Джек.

— А тебе?

— Двенадцать.

— Я думал, ты на несколько лет старше. Тем более нужно тебе помочь, пока ты не попал в настоящую беду. Как ты думаешь, Фрэнки?

— Аминь, — сказал полицейский.

— Мы пригласим вас сюда через месяц, — сказал судья. — И посмотрим, не улучшилась ли ваша память. Почему у тебя такие красные глаза?

— Просто им весело, — сказал Джек, и полицейский залаял. Секунду спустя Джек понял, что он смеется.

— Уведи их, Фрэнки, — сказал судья. Его рука потянулась к телефону. — Через тридцать дней вы станете совсем другими. Можете мне поверить.

Когда они спускались по ступеням кирпичного здания муниципалитета, Джек спросил Фрэнки Уильямса, почему судья интересовался их возрастом. Полицейский замер на нижней ступеньке и повернулся на пол-оборота к Джеку.

— «Дом Солнечного Света» обычно принимает двенадцатилетних детей и держит их под своим попечением до девятнадцати. — Он улыбнулся. — Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о нем по радио? Это сейчас самое известное заведение в округе. Я уверен, что о старом Гарднере известно далеко за пределами Дейвилла.

Он сверкнул своими маленькими неравномерно посаженными зубами.

Двадцать минут спустя они снова были на улице.

Волк с удивительной покорностью забрался на заднее сидение полицейской машины. Фрэнки Уильямс снял дубинку с пояса, потряс ей перед носом Волка и спросил.

— Ты хочешь этого снова? Мне показалось, это хорошо на тебя влияет!

И Волк задрожал, сморщил нос и последовал в машину за Джеком. Там он зажал нос двумя пальцами и стал дышать через рот.

— Мы выберемся оттуда, — прошептал Джек ему на ухо. — Пара дней — и станет ясно, как это сделать.

— Не болтать! — раздалось с переднего сидения.

Джек чувствовал странную слабость. Он был уверен, что они найдут способ убежать. Он повернулся к окну, взял Волка за руку и принялся смотреть на проплывающие мимо поля.

— Это он, — сказал Фрэнки Уильямс с переднего сидения. — Ваш будущий дом.

Джек увидел ограду из толстого кирпича, стоящую посреди поля. Слишком высокие, чтобы заглянуть за них, стены вокруг «Дома Солнечного Света» заканчивались тремя рядами колючей проволоки и замешанными в цемент осколками битого стекла. Машина теперь ехала прямо по полю, вдоль изгороди, так же, как и стены «Дома», обтянутой колючей проволокой.

— Занимает шестьдесят акров, — сказал Уильямс. — И вся обнесена стенами или оградой. Мальчики сами все здесь делали.

Массивные металлические ворота прервали казавшуюся бесконечной стену. Как только полицейская машина подъехала к ним вплотную, ворота автоматически открылись.

— Телевизионная камера, — объяснил полицейский. — Они уже ждут вас.

Джек наклонился вперед и прижал лицо к окну. Мальчики, все в грубых хлопчатобумажных куртках, работали в полях с каждой стороны. У одних в руках были мотыги, у других — грабли, третьи возили тачки.

— Вы — два мешка с дерьмом — принесли мне двадцать баков, — сказал Уильямс. — Плюс еще двадцать судье Фэйрчайлду. Разве это не по-божески?

Глава 21 ДОМ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

1

«Дом», как сначала казалось Джеку, был словно выстроен из детских кубиков — он беспорядочно достраивался, когда требовалось расширение жилой площади. Но потом Джек заметил, что большинство окон зарешечены, и «Дом» сразу стал похож на тюрьму.

Почти все мальчики, работавшие в полях, отложили свои инструменты и следили за приближением полицейской машины.

Фрэнки Уильямс затормозил на широком закругленном конце дорожки. Как только стих шум двигателя, из передней двери выступила высокая фигура и замерла на верхней ступеньке, сложив руки на груди и глядя на них в упор. Несмотря на седые, почти белые, волнистые волосы, длинными прядями стекавшие по его плечам, лицо человека казалось неестественно молодым, как будто эти строгие, истинно мужские черты были произведены или, по крайней мере, исправлены, путем пластической операции. Это было лицо человека, способного продать что угодно, вплоть до своей собственной матери, кому угодно. Его одежды были такими же белыми, как волосы: белый костюм, белые туфли, белая рубашка и белый же галстук-удавка на шее. Когда Джек с Волком выбрались с заднего сидения, человек в белом вынул темно-зеленые солнцезащитные очки из кармана пиджака, надел их, посмотрел на двух мальчиков и улыбнулся — длинные глубокие морщины прорезали его щеки. Затем он снял очки и вернул их в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Очень-очень хорошо. Чтобы мы без вас делали, офицер Уильямс!

— Добрый день, ваше преподобие, — сказал полицейский.

— Обычный случай, или эти двое молодых людей совершили что-нибудь противозаконное?

— Бродяги, — сказал фараон. Скрестив руки на груди, он, прищурившись, смотрел на Гарднера, словно белый цвет резал ему глаза. — Отказались назвать Фэйрчайлду свои настоящие имена.

— Вернее, вот этот, большой, — сказал он, указывая на Волка. — Он вообще не может говорить. Мне пришлось треснуть его по голове, потому что он не хотел садиться в машину.

Гарднер трагически покачал головой.

— Почему ты сразу не привез их сюда? Они бы сразу представились, а потом мы уладили бы необходимые формальности. Есть

какая-либо причина тому, почему эти двое выглядят такими... ну, скажем, «одурманенными»?

— Разве что я огрел этого большого между ушей?

— Ммммм, — Гарднер шагнул вперед, шевеля пальцами перед грудью.

Когда Уильямс проводил мальчиков до дверей длинного крыльца, Гарднер поднял голову и снова посмотрел на своих новых подопечных. Джек и Волк поднялись и, понурив головы, побрели к дверям. Уильямс отер пот со лба и, тяжело отдуваясь, последовал за ними. Гарднер туманно улыбался, но его глаза так и бегали по ним. Секунду спустя в них появилось тяжелое, холодное и откуда-то знакомое Джеку с Волком выражение, и Гарднер снова вынул из кармана очки и надел их. Улыбка оставалась такой же загадочной, но даже уверенный в своей безопасности Джек похолодел от этого взгляда — потому что он видел его раньше.

Преподобный Гарднер сдвинул очки на кончик носа и игриво посмотрел на них поверх оправы.

— Имена. Имена. Могу я надеяться услышать от вас, джентльмены, хотя бы одно имя?

— Я Джек, — сказал мальчик и замолчал. Он не хотел говорить больше ни слова до тех пор, пока его не спросят. На мгновение мир завертелся и поплыл перед его глазами: он почувствовал, что снова переносится в Долины, только теперь Долины злые и угрожающие, их воздух наполняли облака дыма, языки огня и крики раненых животных.

Сильная властная рука взяла его за локоть и толкнула вперед. Вместо грязи и дыма Джек ощутил тяжелый запах одеколона. Печальные серые глаза смотрели прямо ему в лицо.

— Ты был дрянным мальчишкой, Джек? Ты был очень дрянным мальчишкой?

— Нет, мы только голосовали...

— Мне кажется, ты немного заторможен, — сказал преподобный Гарднер. — Мы уделим тебе особое внимание.

Рука отпустила его локоть, Гарднер отступил в сторону и вернул очки на глаза.

— У тебя есть фамилия?

— Паркер, — сказал Джек.

— М-да, — Гарднер сдвинул очки на лоб, сделал танцевальный полуоборот и принялся внимательно изучать Волка. Не было понятного, поверил он Джеку или нет.

— По-моему, — сказал он, — ты сильный и здоровый, по крайней мере, физически. Довольно крепкий. Мы здесь, конечно, найдем

применение такому большому сильному мальчику, как ты. Во служение Богу. Могу я попросить тебя последовать примеру Джека Паркера и назвать свое имя?

Джек с беспокойством посмотрел на Волка. Его голова болталась, он тяжело дышал. Блестящая струйка слюны появилась из угла его рта и стекла по подбородку. На университетской рубашке расплылось пятно. Волк мотнул головой, но этот жест не означал отказ говорить — Волк просто отогнал муху.

— Имя, сынок? Имя? Может тебя зовут Билл? Или Поль? Арт? Сэмми? Нет, должно быть что-нибудь посложнее, я уверен. Возможно, Джордж?

— Волк, — сказал Волк.

— Ах, как это *красиво*! — Гарднер улыбнулся им обоим. — Мистер Паркер и Мистер Волк. Может быть, вы проводите их внутрь, офицер Уильямс? Разве мы не рады тому, что мистер Баст уже здесь? Присутствие мистера Гектора Баста — он, кстати говоря, один из управляющих — означает, что нам, возможно, удастся снабдить обмундированием мистера Волка.

Он снова посмотрел на мальчиков поверх очков.

— Одно из убеждений в нашем Священном «Доме» — это что солдаты Господа маршируют лучше, если они маршируют в форме. А Гек Баст почти такой же большой, как твой друг, Джек Паркер. Так что с точки зрения одежды и дисциплины вы обеспечены. Хорошо я придумал?

— Джек, — тихо сказал Волк.

— Что?

— У меня болит голова, Джек. Очень болит!

— Вас беспокоят головные боли, мистер Волк? — Преподобный Гарднер подплыл к Волку и нежно взял его за руку. Волк выдернул руку назад, его лицо инстинктивно скривилось от отвращения. Одеколон, понял Джек. Тяжелый, удушливый запах, должно быть, казался хуже аммиака чувствительному носу Волка.

— Не обращай внимания, сын мой. — сказал Гарднер, казалось, задетый поведением Волка. — Мистер Баст и мистер Зингер, второй управляющий, посмотрят, что у тебя с головой. Фрэнк, по-моему, я просил вас проводить их в «Дом».

Офицер Уильямс отреагировал на это так, словно его кольнули булавкой пониже спины. Его лицо еще больше покраснело, и он поволок свое грузное тело к двери.

Гарднер снова перевел взгляд на Джека, и мальчик увидел, что вся эта щегольская внешность и поведение — только результат чистейшего самолюбия; человек в белом был холодным и сумасшед-

шим внутри. Тяжелая золотая цепочка свисала с его рукава, обвивая большой палец. Джек услышал свист плетки, разрезающей воздух, и в этот момент узнал эти темные серые глаза.

Гарднер был двойником Осмонда.

— Входите, дети мои, — сказал Гарднер и с легким поклоном открыл перед ними дверь.

2

— Кстати, мистер Паркер. — сказал Гарднер, как только они вошли, — Мы не могли с Вами встречаться раньше? Ваше лицо мне очень знакомо.

— Не знаю, — сказал Джек, со странным интересом оглядывая интерьер «Дома».

Длинные диваны, покрытые темно-синей материей, стояли около стены на зеленом ковре. У стены напротив располагалось два массивных, с кожаным верхом, стола. Прыщавый подросток сидел за одним из столов, тупо уставившись на них, затем отвернулся к экрану телевизора, стоящего перед ним, где телевизионный священник проклинал рок-н-ролл. Мальчик, сидевший за соседним столом, резко выпрямился и агрессивно посмотрел в сторону Джека. Он был худощав и темноволос, его узкое лицо говорило об уме и скверном характере. К карману его белого, под горло, свитера была прикреплена именная табличка, как у солдата, «ЗИНГЕР».

— Но мне все-таки кажется, что мы с тобой где-то уже встречались. Я уверяю тебя, я помню, я никогда ничего не забываю, лицо любого мальчика, с которым я хоть раз встречался. Ты раньше был здесь, Джек?

— Я никогда вас раньше не видел.

В другой стороне комнаты с синего дивана поднялся здоровый парень. Он стоял и внимательно наблюдал за происходящим. Его руки нервно блуждали с пояса в карманы джинсов и обратно. Он был ненамного ниже Волка, а веса в нем было, пожалуй, не менее трехсот фунтов. На щеках и на лбу горел яркий румянец. По всей видимости, это и был Баст.

— Ладно, может быть, я вспомню позже, — сказал Гарднер. — Гек, подойди сюда и помоги нашим новичкам разобраться, что к чему.

Баст, отдуваясь, шагнул в их сторону. Он почти врезался в Волка, но прямо перед его носом сделал шаг в сторону, пыхтя при этом еще сильнее, если бы Волк открыл глаза, чего он не сделал, то увидел бы похожий на лунную поверхность лоб Баста и маленькие мед-

вежьи глазки, смотрящие на него из-под густых бровей, Баст повернулся к Джеку, сказал «привет» и протянул ему руку. Затем он указал в сторону стола.

— Регистрация. Ее проходят для стирки белья, — объяснил Гарднер. Его лучезарная улыбка обратилась к Джеку.

— Джек Паркер, — сказал он спокойно, — мне интересно, кто ты на самом деле, Джек Паркер. Баст, выверни ему карманы.

Баст ухмыльнулся.

Гарднер повернулся и зашагал через комнату к притихшему Фрэнку Уильямсу, он резким движением вытащил из кармана длинный кожаный бумажник. Джек увидел, что он отсчитал деньги и вложил их в руку полицейского.

— Эй, сопляк! — сказал мальчик за столом, и Джек обернулся к нему. Мальчик играл с карандашом. Улыбка на его лице скрывала под собой что-то, что показалось Джеку настоящей злостью — врожденной яростью, уходившей далеко вглубь его. — Он умеет писать?

— Сомневаюсь, — сказал Джек.

— Тогда распишись за него, — Зингер придвинул к нему два бланка. — Вверху печатными, внизу прописными. Там, где галочки.

Он откинулся на спинку кресла, засунул карандаш в зубы и отсутствующе уставился в угол. Джек предположил, что эту позу он перенял у преподобного Гарднера.

«ДЖЕК ПАРКЕР», — изобразил он, затем нацарапал что-то подобное внизу. «ФИЛИПП ДЖЕК ВОЛК». Еще одна закорючка, еще меньше похожая на его настоящую роспись.

— Теперь вы находитесь под опекой штата Индиана и будете в таком положении ближайшие тридцать дней... Если не решите остаться здесь подольше, — Зингер убрал бумаги. — Вы...

— Решим? Что ты имеешь в виду — решим?

На щеках Зингера выступил румянец. Он наклонил голову и попытался улыбнуться.

— Вы, наверное, не знаете, что большинство, около шестидесяти процентов, детей находится здесь по собственному желанию. Это возможно. Вы можете остаться здесь, если захотите.

Джек пытался не придавать своему лицу никакого выражения.

Зингер слишком широко открыл рот и проглотил крючок. Теперь нужно осторожно тянуть.

— Это очень хорошее место, и если я от кого-нибудь услышу хоть одно плохое слово о нем, я выверну ему на голову ведро с дерьмом. Это самое лучшее место на свете. И еще я тебе скажу, что

у тебя нет выбора. Ты должен полюбить «Дом» Солнечного Света. Ты меня понимаешь?

Джек кивнул.

— А он? Он понимает?

Джек посмотрел на Волка, который только моргал и дышал через рот.

— Думаю, да.

— Вот и хорошо. Вы будете спать на соседних койках. Подъем в пять утра, в это время у нас молитва. Работа в поле до семи, затем завтрак в столовой. Потом снова в поле до полудня, в полдень — чтение Библии. Каждый потом должен все пересказать, так что получше вдумывайся в то, что читаешь. Никаких развлечений до тех пор, пока все не усвоишь. И побольше работай после завтрака.

Он строго посмотрел на Джека.

— Ты не думай, что сможешь бездельничать в «Доме Солнечного Света». Ты в долгу перед государством за свое местонахождение здесь. Оно дает нам одежду, еду, электричество, тепло и многое другое. Пребывание здесь одного человека стоит государству пятьдесят центов в час. Это значит, что ты должен отрабатывать пять долларов в день — за то время, что ты здесь находишься — тридцать долларов в неделю. Воскресенье мы проводим в молитвах, кроме одного часа — когда Преподобный Гарднер читает проповедь.

Краска снова вспыхнула под кожей его лица, и Джек кивнул, чувствуя, что он должен это сделать.

— Если ты станешь на путь истинный и сможешь разговаривать как разумный человек, чего не могут большинство людей, то получишь категорию «С» — свободный. У нас уже есть таких двое — один продает на улице цветы и книги с проповедями Преподобного Гарднера, другой работает в аэропорту. В любом случае у вас есть тридцать дней, чтобы повернуть свои мысли в правильном направлении и осознать, какой грязной, пустой и бессмысленной была ваша жизнь до тех пор, пока вы не пришли сюда. И это время началось с этой минуты.

Зингер встал, при этом его лицо приняло багровый цвет осеннего листа, и красноречиво уперся пальцами в крышку стола.

— Выверни карманы. Прямо сейчас.

— Прямо сейчас и прямо здесь, — пробормотал Волк, как будто заучивая наизусть.

— *Выверни карманы!* — крикнул Зингер. — Я хочу видеть, что в них лежит!

Баст подошел к Волку. Преподобный Гарднер, проводив взглядом машину Фрэнки Уильямса, направился к ним.

— Личные сбережения тянут наших мальчиков назад, — объяснил Гарднер Джеку. — Разрушают душу. Но мы нашли одно действенное средство.

— *Выверни свои карманы!* — заорал Зингер теперь в самой настоящей ярости.

Джек вынул все, что приобрел за время пребывания на дороге. Красный носовой платок жены Элберта Паламаунтина, который она дала ему, увидев, что он вытирает нос рукавом, две коробки спичек, несколько долларов и мелочь — все деньги, которые были у него, шесть долларов и сорок два цента, ключ от номера в «Альгамбре». Еще в его кармане осталось три предмета, которые он надеялся сохранить.

— Я думаю, мой рюкзак тоже вас интересует?

— Конечно, — ответил Зингер, — Конечно, нас интересует твой грязный рюкзак. Но сперва я хочу убедиться, что ты ничего не утаил. Доставай, что осталось.

Джек неохотно вытащил гитарный медиатор Спиди, стеклянный шарик и серебряный доллар и положил все это на носовой платок.

— Просто они мне очень дороги.

Зингер схватил медиатор.

— Что это?

— Медиатор.

Зингер покрутил его в руках, понюхал. Если б он его укусил, Джек дал бы ему по морде.

— Медиатор... где ты его взял?

— Мне подарил его друг, — сказал Джек и внезапно ощутил такую тоску и одиночество, какие никогда не чувствовал за все время своего путешествия. Он вспомнил Снежка, сидящего у входа в Торговый центр и смотрящего на него глазами Спиди. Он в какой-то степени и был Спиди Паркером, чье имя он только что сделал своим собственным.

— Клянусь, ты это где-то спер, — сказал Зингер, ни к кому не обращаясь, и бросил медиатор на платок рядом с шариком и монетой. — Теперь рюкзак.

Когда Джек снял рюкзак, Зингер покопался в нем несколько минут, морщась от брезгливости и усмехаясь себе под нос. Брезгливость была вызвана некоторыми вещами, лежащими в рюкзаке, насмешливость — рассуждением о том, зачем таскать на своей спине подобный мусор.

«Спиди, где ты сейчас?»

— Все, — заключил Зингер. — Обыскать под одеждой? Гарднер покачал головой.

— Лучше посмотрим, что есть у мистера Волка.

— У него ничего нет в карманах, — сказал Джек.

— *Вывернуть!* — крикнул Зингер. — *На стол! На стол!*

Волк вдавил подбородок в грудь и еще сильнее зажмурился.

— У тебя ведь ничего нет в карманах? — спросил Джек.

Волк медленно кивнул.

— Он врет! Он нагло врет! — снова заорал Зингер. — А ну, подойди сюда, ты, идиот, и вытаскивай весь хлам из карманов на стол!

Он крепко сжал руки.

— Нет, Уильямс ничему его не научил. И Фэйрчайлд тоже! Ты посмотри на него — сонная муха!

Баст прижал свое лицо к лицу Волка и зашептал:

— Если ты сейчас же не wygrебешь все из своих карманов на стол, я разобью тебе харю.

Джек спокойно сказал:

— Сделай это, Волк.

Волк вздохнул. Затем опустил правую руку в передний карман комбинезона. Он наклонился над столом, протянул руку вперед и разжал пальцы. Три спички и два разноцветных отполированных водой камешка-голыша упали на кожу. Когда же он разжал левую руку, то еще два камешка покрасивее присоединились к остальным.

— Шарики, — сказал Зингер.

— Не будь идиотом, сын мой, — ответил ему Гарднер.

— Ты выставил меня ничтожеством, — сказал Зингер Джеку тихим, но угрожающим голосом, когда они поднимались по лестнице на верхний этаж. Ступеньки были покрыты розовой дорожкой. Комнаты наверху «Дома Солнечного Света» в основном напоминали больничные палаты, только некоторые из них были украшены, а в других не было даже мебели.

— Ты еще пожалеешь об этом, я тебе обещаю. *Никто* в этом месте не может делать дурака из отрока Зингера! Я можно сказать, *управляю* этим местом, вы, два идиота! Боже! — он повернул свое пылающее от злости лицо к Джеку. — Я давно занимаю это место, вы, тупорылые овцы. Я его занимал еще тогда, когда вы и не знали об этом месте!

— Я не знал, что у него что-нибудь есть в карманах, — сказал Джек.

Зингер замер на ступеньку ниже Джека с Волком. Его глаза сузились, все лицо закипело, Джек понял, что случится дальше за

секунду до того, как рука Зингера распрямилась и врезалась в его лицо.

— Джек, — прошептал Волк.

— Все в порядке, — сказал он.

— Если меня задевают, я бью очень сильно, — сказал Зингер Джеку. — Но если меня выставляют дураком перед Преподобным Гарднером, я бью беспощадно. Ты понял меня?

— Да, — сказал Джек, — Я понял. Когда нам выдадут одежду?

Зингер молча повернулся и пошел дальше. Джек постоял еще секунду, наблюдая, как худое тело мальчика поднимается по ступенькам.

«Ты тоже... — подумал он. — Ты и Осмонд... Когда-нибудь».

Затем он последовал за ним, таща за руку Волка.

В длинной, заставленной шкафами, коробками и ящиками, комнате, в которую Зингер открыл дверь, высокий мальчик с бледным отсутствующим лицом лунатика обследовал полки и выбрал одежду для них.

— И туфли, выдай им рабочие туфли, в которых можно ходить весь день, — сказал Зингер, повернувшись к двери и принципиально не глядя на мальчика. Холодное отвращение — еще одна вещь, перенятая у Преподобного Гарднера.

Наконец мальчик выставил огромные черные ботинки тринадцатого размера в центр комнаты, и Джек натянул их на ноги Волка. В этот момент Зингер отправил их обоих на пол кладовой. Вся внутренность «Дома Солнечного Света» была налицо. Узкий коридор прорезал верхний этаж здания на всю его длину. В нем было около пятидесяти футов. Ряды узких дверей с врезанными глазками тянулись по каждой из его сторон. Для Джека этот как называемый «Дом» с каждым минутой все больше и больше был похож на тюрьму.

Зингер остановился у одной из дверей.

— В первый день никто не работает. Для вас все начнется завтра. Так что пока оставайтесь здесь и читайте свои Библии до пяти часов. Я приду за вами и поведу на исповедь. И переоденьтесь в нашу одежду!

— Ты хочешь сказать, что собираешься запереть нас здесь на три часа? — спросил Джек.

— А ты хочешь, чтобы я водил тебя за руку? — спросил Зингер, и его лицо снова покраснело. — Суди сам — если б ты попал сюда по своей воле, то я мог бы позволить тебе ходить вокруг и знакомиться с местом. Но так как ты бродяга и доставлен сюда из полицейского управления, значит, ты можешь быть преступником. Может, через тридцать дней вы и станете добровольными жителями

нашего «Дома», если вам здесь понравится. А сейчас идите в комнату и молитесь во славу Господа, как должен делать любой человек.

Он вставил ключ в дверь и отошел в сторону.

— Заходите. У меня еще много дел.

— А что будет со всеми нашими вещами?

Зингер вздохнул.

— Вы, тупоголовые бараны, неужели вы думаете, что нам нужен этот хлам?

Джек удержал себя от ответа на эту выходку. Зингер вздохнул снова.

— Хорошо, мы сохраним это все для вас в мешочке с вашим именем. В кабинете преподобного Гарднера. Там мы храним наши деньги. Ваши вещи будут лежать там, пока вас не отпустят. О'кей? А теперь заходите, пока я не сообщил, что вы не подчиняетесь. А я могу это сделать.

Волк и Джек вошли в маленькую комнатку. Когда Зингер закрыл дверь, над головой автоматически загорелась лампочка, освещая лишенную окон камеру с двухэтажной металлической кроватью, маленьким столиком и одним металлическим стулом. Больше ничего. Желтые пятна на белых стенах отмечали места, где раньше находились картинки, оставленные предыдущими обитателями. Замок щелкнул. Джек и Волк обернулись как раз в тот момент, чтобы увидеть лицо Зингера, появившееся в круглом дверном окошке.

— Ведите себя хорошо, — сказал он, ухмыляясь, и исчез.

— Нет, Джеки, — сказал Волк. Потолок был лишь в дюйме от его головы. — Мы не можем здесь оставаться.

— Ты бы лучше присел, — сказал Джек. — Ты будешь спать на верхней полке?

— Что?

— Ладно, садись. Мы попали в переделку.

— Волк знает, Джеки. Волк знает. Это плохое место. Нельзя оставаться.

— Почему плохое место? Вернее, откуда ты это знаешь?

Волк тяжело сел на нижнюю полку, бросил свои новые одежды на пол и лениво взял со стола лежавшую там книгу и две брошюры. Книга оказалась Библией в синтетическом переплете, похожем на синюю кожу, брошюры же, как Джек мог видеть с верхней полки, назывались «ДОРОГА К ВЕЧНОМУ СПАСЕНИЮ» и «БОГ ЛЮБИТ ВАС!»

— Волк знает. И ты тоже знаешь, Джеки, — Волк задрал голову и посмотрел на него. Он почти плакал. Затем он перевел взгляд на книги в его руках и принялся перелистывать страницы. Первая книга, как показалась Джеку, была знакома Волку.

— Белый человек, — сказал Волк намного спокойнее, чем Джек ожидал.

— Белый человек?

Волк поднял одну из брошюр и показал Джеку обложку. На ней красовался во весь рост Преподобный Гарднер. Его красивые волосы развеваются по ветру, руки воздеты к небесам. Человек навечно спасенный, любимый Богом.

— Он, — сказал Волк, — Он убивает, Джеки. Плетками. Это одно из его мест. Нет, Волку нечего делать в *его* местах. И Джеку Сойеру тоже. Никогда. Мы должны выбраться отсюда, Джеки.

— Мы выберемся, — сказал Джек, — Я тебе обещаю. Не сегодня и не завтра — я еще не знаю как. Но скоро.

Ноги Волка вытянулись перед койкой.

— Скоро...

3

«Скоро», обещал он, и Волк поверил его обещанию. Волк был испуган, Джек сомневался, что Волк сам когда-нибудь видел Осмонда, но он явно про него слышал. Репутация Осмонда в Долинах, по крайней мере, среди членов семьи Волка, была даже хуже, чем у Моргана. Но хотя они оба — Волк и Джек — узнали Осмонда в Преподобном Гарднере, сам Гарднер не узнал их, и этому могло быть две причины: либо Гарднер просто смеялся над ними, притворяясь равнодушным, либо он был двойником, как мама Джека, связанным с конкретной личностью в Долинах, но не подозревающим об этой связи.

Если это было так, как думал Джек, ему и Волку остается только ждать удобного случая для побега. У них было время все рассмотреть, все изучить.

Джек надел новые грубые одежды. Каждый из черных квадратных ботинок весил несколько фунтов и тянул ногу к земле. С большим трудом ему удалось уговорить Волка надеть форму «Дома Солнечного Света». Затем они улеглись. Джек услышал, как Волк захрапел, и спустя некоторое время задремал сам.

Ему приснилась мама, окутанная непроницаемой темнотой. Она звала его помочь ей. Спасти ее.

Глава 22 ПРОПОВЕДЬ

1

В пять часов в дальнем конце коридора задребезжал электрический звонок — долгий, противный звук. Волк приподнялся с нижней койки и боднул металлическую сетку верхней, достаточно сильно, чтобы разбудить Джека, который спал беспокойно, постоянно стонал и ворочался.

Звонок прекратился секунд через пятнадцать, Волк окончательно встал.

Пошатываясь, он направился в угол комнаты, обхватив голову руками.

— Это плохое место, Джек! — завыл он. — Плохое место, прямо здесь и прямо сейчас! Мы должны выбраться отсюда! Должны выбраться! ПРЯМО ЗДЕСЬ И ПРЯМО СЕЙЧАС!

Он ударил кулаком по стене.

— Заткнись, ты, чучело!

С другой стороны раздалось громкое издевательское ржание.

— Теперь вы получите немного солнечного света в ваши души! И это большое огородное пугало скоро будет светиться изнутри!

Снова злорадное хихиканье, больше похожее на истерический вопль.

— Плохое место, Джек! Волк! Джейсон! Плохое! Плохое! Плохое!

Вдоль всего коридора открывались двери. Джек услышал шарканье множества ног, обутой в грубые форменные ботинки «Дома Солнечного Света».

Джек с трудом заставил себя прыгнуть с кровати. Чувство реальности медленно возвращалось к нему, он еще не проснулся, но уже и не спал. Ему казалось, что весь воздух вокруг превратился в малиновый сироп... или кисель, так тяжело давался каждый шаг.

Он так устал... очень устал.

— Волк, — сказал он. — Волк, перестань.

— Не могу, Джеки, — хныкал Волк. Он все еще держался руками за голову, словно боясь, что она лопнет.

— Ты должен, Волк. Нам скоро выходить.

— Не могу, Джеки, — заскулил Волк. — Плохое место! Плохие запахи!

Из коридора кто-то, Джек предположил, что Гек Баст, крикнул:

— Все на исповедь!

— Все на исповедь! — отозвался кто-то еще, а затем к этим двум присоединилось множество голосов: «Все на исповедь! Все на исповедь! Все на исповедь!». Было похоже, что все они болеют за футбольную команду со странным названием.

— Если мы хотим унести отсюда ноги живыми и невредимыми, то мы должны вести себя спокойно и быть послушными.

— Не могу, Джеки! Не могу быть спокойным! Не могу быть послушным! Плохие...

Их дверь должна была открыться с минуты на минуту, впустив в комнату Баста или Зингера... а может, и того, и другого. Они не шли «на исповедь», что бы здесь под этим не подразумевалось, и пока новичкам в «Доме Солнечного Света» позволялись некоторые вольности во время их «карантинного периода», Джек решил, что их шансы на побег намного возрастут, если они как можно более тесно смешаются с общей массой... как только смогут. С Волком это дело не обещало быть легким.

«Господи! Прости меня, друг, это я втянул тебя в эту историю, — думал Джек. — Но что случилось, то случилось. И теперь я должен найти выход из создавшегося положения, придумать, как нам отсюда убежать. А если я временами слишком строг с тобой, то это для твоей же пользы...»

Он подумал и добавил мысленно: «Я надеюсь».

— Волк, — прошептал Джек. — Ты хочешь, чтобы Зингер снова меня побил?

— Нет, Джек. Нет...

— Тогда лучше иди со мной в коридор, — сказал Джек, — Ты должен помнить, что из-за любого твоего слова или поступка Баст и Зингер могут меня сильно побить. Зингер свалил меня на пол, потому что твоя дурья...

— Кто-нибудь может и *его* свалить на пол, — сказал Волк, его голос звучал мягко и кротко, но в сузившихся глазах вспыхнул ярко-оранжевый огонь. На мгновение Джек увидел, как сверкнули зубы у него во рту, но не потому, что Волк улыбался, — казалось, его зубы начали расти.

— Никогда больше об этом не думай, — строго сказал Джек. — Ты никому этим лучше не сделаешь.

Волк убрал руки с головы.

— Джек, но я не могу...

— А ты пытался? — спросил Джек и бросил еще один быстрый взгляд на дверь.

— Я попытаюсь, — дрожащим голосом сказал Волк. На его глазах выступили слезы.

Коридор, по идее, должен был освещаться светом вечернего солнца, но этого не было. На окнах в обоих его концах стояло что-то вроде светофильтров, так чтобы мальчики могли выглядывать наружу, туда, где был *настоящий солнечный свет*, но чтобы сам этот свет не мог проникнуть внутрь. Он, казалось, умирал на подоконниках этих высоких окон.

Напротив двадцати дверей, по десять с каждой стороны, стояло сорок мальчиков. Волк и Джек сильно запоздали со своим появлением, но их временное отсутствие не было замечено. Зингер, Баст и еще два других мальчика нашли кого-то другого, на ком можно было потренировать глотки и кулаки, и не удосужились проверить присутствие всех остальных.

Их жертвой стал щуплый мальчик лет пятнадцати, в очках и с узким подбородком. Он стоял с виноватым выражением на лице, опустив голову и разглядывая свои черные ботинки. Штанов на нем не было. Трусов тоже.

— Ты прекратил или нет? — спрашивал Зингер.

— Я...

— Заткнись! — крикнул один из тех других, что были с Зингером и Бастом. На всех четырех были надеты голубые джинсы вместо грубых форменных штанов и белые свитера под горло. В скором времени Джек узнал, что того, кто кричал последним, звали Уорвик. Четвертый, толстый, был Кейси.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — снова заорал Уорвик. — Ты все еще продолжаешь драть? Продолжаешь, Мортон?

Мортон задрожал и ничего не сказал.

— ОТВЕЧАЙ! — взвизгнул Кейси. Это был толстый коротконогий мальчишка, слегка похожий на злобного хоббита.

— Нет, — прошептал Мортон.

— ЧТО? ГОВОРИ ГРОМЧЕ! — крикнул Зингер.

— Нет! — расплакался Мортон.

— Если ты не будешь драть всю неделю, тогда получишь свои трусы обратно, — сказал Зингер властным голосом. — Одевай свое рваньё, ты, овца тупорылая! — он бросил ему под ноги штаны.

Мортон, хныкая, наклонился, поднял их и натянул на себя.

Мальчики направились на исповедь и на ужин.

Исповедь проводилась в большой комнате с голыми стенами, как раз напротив столовой. Головокружительные запахи вареной фасоли и сосисок долетали до них, и Джек видел, как ноздри Волка ритмично расширяются. Первый раз за весь сегодняшний день мрачное выражение покинуло его лицо, и он начал выглядеть заинтересованным.

Джек настороженно относился к предстоящей исповеди и боялся за Волка. Лежа на своей верхней койке, подложив руки под голову, он заметил в углу комнаты что-то маленькое и черное. Секунду или две он думал, что это мертвый жук или клоп, в общем, какое-то насекомое. Он думал, что если подойдет поближе, то может увидеть паучьи сети и попавшую в них жертву. Впрочем, можно сказать, что это и было насекомое, только не природного происхождения. «Клоп». Старый маленький микрофон, намертво встроенный в стену. Тонкий проводок, извиваясь, уходил сквозь заделанную гипсом дыру. Его даже не пытались замаскировать. Часть сервиса, мальчики. У Преподобного Гарднера Большие Уши.

Увидев «клопа», а затем маленькую неприятную сцену с Мортонем, Джек предположил, что исповедь должна быть мрачным и, возможно, болезненным процессом. Кто-нибудь, может быть, сам Преподобный Гарднер, но скорее всего, Гектор и Баст будут пытаться выбить из него признание, что он употреблял наркотики, что он вламывался в чужие квартиры по ночам и грабил честных людей, что он плевал прямо на тротуар, что он играл в карманный бильярд каждую ночь, еще в чем угодно. И даже если он никогда ничего этого не делал, они будут мучить его, пока он все равно не признается во всех своих «злодеяниях». Они, возможно, будут сильно его бить. Джек знал, что сможет выдержать подобную пытку, но вот насчет Волка он был не уверен.

Но что было самым ужасающим в этой исповеди — это то, с какой страстью ее приветствовали все мальчики в «Доме».

«Внутренняя дружина» — парни в белых свитерах — сидела впереди. Джек осмотрелся по сторонам и увидел, что остальные смотрят на открытую дверь с выражением тупого ожидания. Он решил, что они ждут ужина — пахло чертовски приятно, честное слово, особенно после этих недель дорожных гамбургеров и ничего больше. Но затем в проеме появился Преподобный Гарднер, и Джек увидел, что выражение ожидания сменилось благоговением. Нет, стало очевидно, что они ждали совсем не еды. Даже Мортон, который не далее, чем пятнадцать минут назад стоял с голой задницей в коридоре на верхнем этаже, теперь выглядел почти восторженным.

Мальчики встали. Волк остался сидеть, его нос подергивался, и сам он выглядел подавленным и испуганным. Джек схватил его за ворот рубашки и поднял.

— Делай то, что они, — пробормотал он.

— Садитесь, дети, — улыбаясь, сказал Гарднер. — Садитесь, пожалуйста.

Они сели. Гарднер был одет в синие протертые джинсы и ослепительно белую шелковую рубашку с расстегнутым воротником. Он посмотрел на них и снова милостиво улыбнулся. Джек увидел, как один мальчик с темными волнистыми волосами, густыми прядями спадавшими ему на лоб, скошенным подбородком и руками, такими же бледными, как фаянсовые фигурки в доме у дяди Томми Вудбайна, отвернулся в сторону и прикрыл рот рукой, чтобы скрыть зевок; и он, Джек, почувствовал странную бодрость. По крайней мере, не все головы были одурманены тем, что здесь происходило, что бы это ни было, хотя, к сожалению, последних было большинство. Они отупели до предела — или, может, просто делали вид. Мальчик с большими кривыми зубами смотрел на Преподобного Гарднера с обожанием.

— Помолимся. Гек, ты начнешь?

Гек начал. Он молился быстро и механически. Было похоже, что молится робот, у которого сломался блок речи. Попросив Бога сохранить их до конца дней, отпустить им грехи, спасти их души и помочь им стать лучшими людьми, Гек Баст протараторил «воимя-отцаисынаисвятогодухааминь» и сел.

— Спасибо, Гек, — сказал Гарднер. Он взял стул, развернул его задом наперед и оседлал, словно ковбой в Джон-Фордовском вестерне. Теперь он выглядел обворожительно — самолюбие и явное сумасшествие, которые Джек увидел утром, исчезли с его лица. — Ну, а теперь выслушаем десять-двенадцать исповедей. Не больше. Ты поможешь мне, Энди?

Уорвик с выражением ироничной почтительности на лице, занял место Гека.

— Благодарю тебя, Преподобный Гарднер, — сказал он и обратил свой взгляд к «аудитории».

— Исповедь, — продолжил он. — Кто начнет?

Раздался шорох и бормотание... и руки начали подниматься. Две... шесть... девять рук.

— Рой Оудерсфелт, — сказал Уорвик.

Рой Оудерсфелт, высокий мальчик с бородавкой размером с хороший волдырь на кончике носа, поднялся и сложил свои худые руки перед грудью.

— Я украл десять долларов из кошелька моей мамы в прошлом году! — объявил он высоким, пронзительным голосом. Одна расчесанная, прыщавая рука потянулась к носу и с пугающей силой ущипнула бородавку. — Потом я пошел в парк, поменял их на жетоны и играл во все игры подряд: в «Звездные Войны», в «Космических пиратов» и другие, пока они не кончились. Это были деньги, которые она отложила заплатить за газ, и поэтому у нас его отключили!..

Он моргнул и посмотрел вокруг.

— ...и мой брат заболел и попал в больницу в Индианаполисе с воспалением легких! Потому что я украл эти деньги! Это моя исповедь.

Рой Оудерсфелт сел.

— Может ли Рой быть прощен? — спросил Гарднер.

— Рой может быть прощен, — ответили мальчики в унисон.

— Может ли кто-нибудь из вас простить его, мальчики? — спросил Преподобный.

— Никто из нас не может его простить, — ответил хор.

— А кто может его простить?

— Бог силой единокровного своего сына Иисуса.

— Ты помолишься Иисусу за спасение своей души? — спросил Гарднер Роя Оудерсфелта.

— Конечно, помолюсь! — крикнул Рой Оудерсфелт срывающимся голосом и снова ущипнул бородавку. Джек заметил, что Рой Оудерсфелт плачет.

— Когда в следующий раз твоя мама приедет сюда, готов ли ты признаться ей, что грешен перед ней и своим маленьким братом и перед лицом Господа, и что ты так же раскаиваешься в содеянном, как любой из твоих товарищей?

— Клянусь!

Преподобный Гарднер кивнул Энди Уорвику.

— Исповедь, — сказал Уорвик.

К тому времени, как в шесть часов исповедь подошла к концу, почти все, исключая Джека и Волка, подняли свои руки, желая покаяться в содеянных грехах. Несколько человек сознались в мелком воровстве. Другие рассказывали, как стащили у родителей спиртное и пили его под кроватью. И, конечно же, было много историй про наркотики.

Называл их Уорвик, но именно на Преподобного Гарднера смотрели они во время своих рассказов, именно от него ожидали поддержки. И говорили... говорили... говорили...

«Он заставляет их *полюбить* свои грехи, — с ужасом думал Джек. — Они любят его. Они ждут его поддержки и, видимо,

думают, что получают ее, если исповедуются. Клянусь, что некоторые из этих остолопов выдумали свои преступления!»

Запахи, доносящиеся из столовой, стали более ощутимыми. Желудок Волка яростно урчал, и он постоянно оглядывался на Джека. Во время одной из слезных исповедей о просмотривании журнала «Пентхауз», где мальчик рассматривал эти порнографические фотографии, которые он назвал: «женщины с голым сексом», желудок Волка заурчал так громко, что Джеку пришлось пнуть его локтем.

Вслед за последней исповедью в этот вечер Преподобный Гарднер прочитал короткую певучую молитву. Пока дети выходили из комнаты, он стоял у двери, такой домашний и великолепный в своих джинсах и белой шелковой рубашке. Когда Джек с Волком подошли к выходу, он положил руку Джеку на плечо.

— Я встречал тебя раньше, — сказал Гарднер.

«Исповедуйся», — говорили его глаза.

И Джек почувствовал побуждение сделать это прямо сейчас.

«Конечно же мы знаем друг друга, да. Ведь это ты в кровь разбил мне спину».

— Нет, — сказал он.

— Да, — сказал Гарднер. — Да. Мы встречались раньше. В Калифорнии? В Мэне? В Оклахоме? Где?

«Исповедуйся».

— Я не знаю Вас, — сказал Джек.

Гарднер захохотал. Где-то в глубине своего сознания Джек знал, что это именно Гарднер гримасничал, танцевал и орудовал плеткой.

— Точно таким же голосом говорил Питер, когда я просил рассказать о Иисусе Христе. Но Питер лгал. Поэтому я думаю, что и ты врешь. Мы встречались в Техасе, Джек? В Эль-Пасо? В другой жизни, в Иерусалиме? На Голгофе? На Лобном Месте?

— Я же сказал Вам...

— Да, да, я знаю: мы встретились только сегодня, первый раз, — еще один смехок. Джек заметил, что Волк отодвинулся от Преподобного Гарднера, насколько это позволял дверной проем. Причиной этому был острый удушливый запах одеколона, исходящий от этого человека. И, в добавок ко всему, запах сумасшествия.

— Я никогда не забываю лица, Джек. Я никогда не забываю ни лица, ни места. Я вспомнил, где мы с тобой встречались.

Его глаза бегали с Джека на Волка, с Волка на Джека. Волк тихо всхлипнул и отступил назад. Потом снова вернулся к Джеку.

— Приятного аппетита, Джек, — сказал Гарднер. — Приятного аппетита, Волк. Ваша настоящая жизнь в «Доме Солнечного Света» начнется завтра.

На полпути к лестнице он оглянулся.

— Я никогда не забываю ни лица, ни места. Я помню.

Похолодев, Джек подумал: «Нет, только не это. Господи, нет, пока я не окажусь в двух тысячах миль от этой чертовой тюрьмы...»

Что-то с силой врезалось в него. Джек полетел на пол, отчаянно размахивая руками в надежде удержать равновесие. Он сильно ударился головой о голый бетонный пол и увидел перед собой мерцание множества звезд.

Когда он смог подняться, то увидел перед собой Зингера и Баста. Оба презрительно усмехались. Рядом ними стоял Кейси, его толстый живот выпирал из-под белого свитера. Волк смотрел на Зингера и Баста, и что-то в его напряженной позе встревожило Джека.

— Волк, нет! — сказал он строго.

Волк пригнулся.

— Иди-иди, чуело! — смеясь, сказал Баст. — Не слушай его! Подойди ко мне и ударь меня, если хочешь! Я всегда люблю размяться перед ужином.

Зингер взглянул на Волка и сказал:

— Оставь этого идиота в покое. Это всего лишь тело, — он кивнул на Джека. — А это — голова. Это голова, которую мы должны *изменить*.

Он снова посмотрел на сидящего на полу Джека, положив руки на колени — так взрослый наклоняется к очень маленькому ребенку, чтобы сказать пару ласковых слов.

— И мы изменим ее, мистер Джек Паркер. Можете нам поверить.

Джек медленно и четко произнес:

— Обоссешься, жирная жопа.

Зингер отшатнулся, словно от пощечины. Краска медленно поднялась по шее и залила лицо. Гек Баст с воплем рванулся вперед.

Зингер схватил Баста за руку. Все еще глядя на Джека, он сказал:

— Не сейчас. Позже.

Джек поднялся на ноги.

— Что, хотите меня подкараулить? Исподтишка? — тихо сказал он, и Гектор Баст покраснел, а отрок Зингер... похоже, испугался. Казалось, он на мгновение увидел в лице Джека что-то сильное и угрожающее, что-то, чего не было в нем всего два месяца назад, когда маленький мальчик Джек оставил за спиной тихий курортный городок Аркадия и отправился на запад.

Джек подумал, что дядя Томми описал бы ужин, без преувеличения, как составную часть кухни «Гранд-Холл-Американ». Мальчики сидели за длинными столами, и их обслуживали четверо из их числа, которых после исповеди переодели в белые одежды официантов.

Сразу же после надлежащей молитвы принесли еду. Большие стеклянные чаши, полные вареной фасоли, словно по мановению волшебной палочки, появились на четырех столах, потеснив тарелки с горячими розовыми сосисками, блюда с сочными ломтями свежих холодных ананасов и картонные пакеты молока с надписями «В ДАР ЦЕРКВИ» и «МОЛОКО ШТАТА ИНДИАНА».

Волк ел со зловещей сосредоточенностью, опустив голову, зажав в руке кусок хлеба, чтобы помогать себе накладывать еду на вилку. Не успел Джек оглянуться, как он проглотил пять сосисок и три куса ананаса. Вспоминая маленькую комнату с закрытым окном, Джек думал, что на ночь ему потребуется противогаз. Он предположил это по одной простой причине: Волк вывалил всю чашку фасоли себе в тарелку.

После еды все мальчики встали, задвинули стулья и убрали со столов. Когда Джек нес грязную посуду, надкушенный Волком кусок хлеба и два пустых молочных пакета на кухню, его глаза вдруг расширились сперва от удивления, потом от радости. Печати на картонных коробках из под молока навели его на кое-какие мысли.

Это место не было тюрьмой, оно не было и трудовым лагерем. Скорее всего это было что-то вроде закрытой школы или чего-нибудь подобного, и по закону его постоянно должны держать под контролем всяческие государственные инспекции. Кухня — это такое место, куда правительство штата Индиана, по идее, заглядывает чаще всего. Решетки на окнах второго этажа? Ладно. Решетки на окнах в кухне? Джек так не думал, инспектора стали бы задавать слишком много вопросов.

Кухня могла стать прекрасной отправной точкой для их побега, и Джек тщательно ее изучил.

Она была очень похожа на кухню их школьного буфета. Пол и стены выложены кафелем, раковины и столы из нержавеющей стали. Полки для посуды размерами напоминали теплицы. Старый аппарат для мойки посуды приткнулся к одной из стен. Трое мальчиков уже колдовали над этим антикварным сооружением под присмотром человека в белом поварском костюме. У него было узкое, бледное и почти крысиное лицо. В зубах торчала сигарета без фильтра, что

позволило Джеку видеть в нем возможного союзника: он сомневался, чтобы Преподобный Гарднер позволял своим людям курить.

На одной из стен в рамке висела официальная бумага, гласящая, что эта кухня признана отвечающей стандартам, выставленным штатом Индиана и Правительством США.

Как он и предполагал, на чистых прозрачных окнах не было решеток.

Человек с крысиным лицом вынул истлевшую сигарету изо рта и кинул ее в одну из раковин.

— Что, новый улов — ты и твой приятель? — спросил он. — Ничего, вы быстро проявитесь здесь. В «Доме Солнечного Света» рыба быстро вялится, согласен со мной?

Он нагло ухмыльнулся в лицо отроку Зингеру. Было очевидно, что Зингер не знает, как отнестись к такого рода улыбке, он сконфуженно отвел глаза, пригнулся и стал обычным ребенком.

— Вы же знаете, что вам запрещено разговаривать с мальчиками, Рудольф, — сказал он.

— Не твое собачье дело! В твоём возрасте надо... под одеялом гонять, а не обращаться к взрослым таким тоном, — сказал Рудольф и лениво скосил глаза куда-то поверх головы Зингера. — Понял меня?

Зингер в упор уставился на него. Его губы сначала задрожали, потом скривились и в конце концов крепко сжались.

Неожиданно он отвернулся.

— Вечерняя проповедь! — выкрикнул он со злостью. — Вечерняя проповедь! Все вставайте и выходите! Убирайте со столов и выходите в зал! Мы уже опаздываем! Вечерняя проповедь!

5

Мальчики спустились по узкой лестнице, освещенной тусклыми лампочками, закрытыми проволочными сетками вместо абажуров. На гипсовых стенах выступила вода. Джеку не понравилось это место. Глаза Волка бешено вращались.

После всего этого часовня предстала для них сюрпризом. Все подземное пространство «Дома», а оно было немалым, оказалось оборудованным под современную часовню. Воздух здесь был просто прекрасным, не слишком теплым и не слишком холодным. И свежим. Джек слышал где-то поблизости знакомый шорох кондиционеров. В зале стояло пять рядов длинных скамеек со спинками, разделенных широким проходом, ведущим к высокому помосту с

аналоем и простым деревянным распятием, подвешенным к потолку на красной шелковой нити.

Где-то играл орган.

Мальчики тихо заполнили скамейки. За аналоем стоял большой профессиональный микрофон с круглой черной заглушкой. Джек часто бывал в студиях звукозаписи вместе с мамой, обычно читая книжку или делая домашние задания, в то время как она давала телевизионные интервью или участвовала в какой-нибудь передаче, и он знал, что такие заглушки не дают микрофону «заводиться». Ему показалось странным увидеть подобную вещь в часовне церковного «Дома» для беспризорных детей. С двух сторон аналоя стояло по кинокамере: одна — чтобы снимать Преподобного Гарднера в профиль, другая — с левого бока. Ни одна из них не заработала в этот вечер. Стены были завешены тяжелыми бордовыми занавесами. Справа они были сплошными. Слева — разделены стеклянным прямоугольником. Джек увидел, как Кейси подошел к многоканальному микшерному пульта и правой рукой вывел громкость на магнитофоне, затем взял с пульта наушники и надел их.

Джек взглянул вверх и увидел массивные деревянные балки, выполненные в форме арок. Между ними проглядывали белые пористые плиты... Звукоизоляция. Место выглядело как церковь, но на самом деле являлось одновременно телевизионной и радиостудией. Джек неожиданно вспомнил о Джимми Сваггерте, Рексе Хамберде, Джеке Ван Аймпе.

«Люди, положите руку на телевизор и вы сразу *исцелитесь!*».

Джек почувствовал, что едва удерживается от смеха.

Маленькая дверь слева от возвышения приоткрылась, и вошел Преподобный Гарднер. Он был одет во все белое, от головы до пят. Джек увидел выражение от простого восхищения до воистину религиозного поклонения на лицах многих мальчиков, и ему снова пришлось сдерживать накатившую волну смеха. Вид человека в белом, приближающегося к аналою, напомнил ему старые телесериалы, которые он часто смотрел в детстве.

Он подумал, что Преподобный Гарднер похож на Человека Радости.

Волк повернулся к нему и прошептал на ухо:

— Что случилось, Джек? От тебя пахнет весельем...

Джек так сильно фыркнул, что на руке, которой он прикрывал рот, появилось красное пятно.

Преподобный Гарднер с пышущим здоровьем лицом переворачивал страницы большой Библии на аналое и, очевидно, никак не мог найти нужное место. Джек увидел полное бугристое лицо Баста, узкое злобное лицо отрока Зингера и быстро пришел в себя.

Кейси сидел в стеклянной будке, наблюдая за действиями Гарднера. И как только Гарднер оторвал свое миловидное лицо от Библии и поднял задумчивые туманные глаза на аудиторию, Гек врубил питание. Катушки на большом магнитофоне завращались.

6

«Не обращайтесь внимания на своих завистников, — сказал Преподобный Гарднер. Его голос прозвучал глубоко и музыкально.

...Погрызших в пороке,

Не злитесь на грешников,

Ибо они в скором времени будут сжаты, как зеленая трава,

И завянут и превратятся в сено сухое.

Бог есть единственная правда.

Живите в добродетели

И да попадете вы в Долины...

(Джек почувствовал, как сердце подскочило в груди).

...и будете истинно счастливы.

Очистите свою Душу перед Господом

И Он вложит радость в ваши сердца.

Найдите свой путь к Господу.

Уверуйте в него,

и Он примет ваши души...

Освободитесь ото всякого зла и гнева:

Ибо это тяжкий грех.

Путь грешным закрыт в Его мир.

Те же, кто смиренен — те войдут в Его Долины».

Преподобный Гарднер закрыл Библию.

— Бог, — сказал он, — благословляет нас на чтение Его Священного слова.

Он долго-долго смотрел на свои руки. Катушки на магнитофоне в стеклянной будке продолжали вращаться. Затем он снова поднял глаза, и Джек услышал где-то в глубине своего сознания, как кричит этот человек: «Случайно, не королевский? Только не говори мне, что ты перевернул целый фургон с королевским элем! Ты, хрен собачий! Ты это мне хочешь сказать? Дерьмоооо!!!!».

Преподобный Гарднер внимательно изучал своих молодых прихожан. Их лица были обращены на него в ответ, круглые лица, длинные лица, прыщавые лица, лица, покрытые густым румянцем, сияющие, открытые и любящие.

— Что это значит, мальчики? Как вы понимаете эти слова? Вы понимаете эту добрую, наполненную любовью песню?

«Нет», — сказали их лица, сияющие и открытые, чистые и красивые, румяные и прыщавые.

«Нет, не понимаем, Мы закончили только пять классов, мы бродили по дорогам, мы были в беде. Расскажи нам... расскажи нам... расскажи нам...»

Внезапно Гарднер заорал в микрофон:

— Это значит: НЕ ГНЕВИТЕ ЕГО!!!

Волк вздрогнул и тихо завыл.

— ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ НИ О ЧЕМ БЕСПОКОИТЬСЯ! Теперь вы понимаете, что значат эти слова? Вы слышали это, мальчики?

— Да! — крикнул кто-то за спиной Джека.

— ДА-ДА! — повторил за ним Преподобный Гарднер. — НИ О ЧЕМ НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ! ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ! Это великие слова, да, мальчики? Это очень хороооошие слова! ДААААА!

— Да! ДААААА!

— Эта песня говорит о том, что вы не должны беспокоиться о грешниках! НЕ ДОЛЖНЫ БЕСПОКОИТЬСЯ! ДАА! В ней говорится, что вы не должны БЕСПОКОИТЬСЯ о людях греха и порока! ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ! Эта песня говорит, что если вы ИДЕТЕ к Богу, если вы ГОВОРИТЕ с Богом, вы должны быть ко всему ХЛАДНО-КРОВНЫМИ! Вы поняли это, мальчики? У вас есть мозги, чтобы это понять?

— Даааа!

— Аллилуйя! — крикнул Баст.

— Аминь! — поддержал его мальчик с большими ленивыми глазами под огромными очками.

Преподобный Гарднер привычным движением снял микрофон со стойки. Джек снова вспомнил известного телегероя. Гарднер быстрыми нервными шагами заходил по сцене. Временами он делал легкие танцевальные движения — то он был Диззи Гилеспи, то Джерри Ли Льюисом, то Стэном Кентоном, то Джином Винсентом... он был в горячке, в припадке сумасшествия.

— Вы не должны ничего бояться! Не должны! Вы не должны бояться того мальчишку, который хочет показать вам картинки из грязного журнала! Вы не должны бояться того мальчишку, который уверяет, что одна затяжка марихуаной не в состоянии вам повредить, а если вы сделаете ее, то будете на седьмом небе! Не должны! ПОТОМУ ЧТО ВЫ ПРИШЛИ К БОГУ И ГОВОРИТЕ С БОГОМ! Я ПРАВ?

— ДААААААА!

— ДААААААА! И КОГДА ВЫ ПРИХОДИТЕ К БОГУ, ВЫ ИДЕТЕ ЗА БОГОМ! Я ПРАВ?

Гарднер поднял свои сумасшедшие глаза. Теперь в них блестели слезы.

— Да, у нас есть враги, — повторил он. — Уже дважды правительство Индианы пыталось сместить меня. Вы знаете об этом? Эти гуманисты не выносят даже мысли о том, что я здесь, в «Доме Солнечного Света», учу детей любить Иисуса и свою страну. Это сводит их с ума. Вы знаете об этом, мальчики? Вы хотите узнать большую и темную тайну?

Он вытянулся вперед, не сводя глаз с Преподобного Гарднера.

— Мы не будем сводить их с ума, — сказал он заговорщическим шепотом. — Мы их напугааем! Дооо смерти!

— Аллилуйя!

— Оу-йе!

— Аминь!

В очередном порыве Гарднер снова схватил микрофон и запыгал. Вверх-вниз! Влево-вправо! Взад-вперед! Временами он выделял чечетку! Он что-то кричал, протягивая одну руку сперва к мальчикам, потом к небесам, где, по его мнению, сидел Бог, развалившись в своем кресле, и слушал его.

— Мы напугаем их! Да-да! Мы напугаем их так, что им потребуется спирт, что им потребуется марихуана, что им потребуется кокаин в вену! Мы напугаем их, потому что даже сброд этих богоотступников, этих богохульников, этих богоненавистников, таких как эти радикалы и гуманисты, могут слышать запах любви к Богу! Они услышат этот запах, и он им не понравится! Они почувствуют, как камни лезут изо всех наших пор! Им это тоже не понравится! Нет, НЕТ! ААААА!

— Они присылали сюда инспекторов, им донесли, что я бью своих детей! Мальчики, я бью вас? Кто-нибудь бьет вас?

— Нет! — раздался дружный рев. Джек увидел, что Мортон, надрываясь, во все горло кричит противоположное, и подтверждением его словам служил вздувшийся на щеке синяк.

— Тогда почему они посылают сюда этих чертовых корреспондентов из этих чертовых радикальных газет? — кричал Гарднер с выражением, похожим на отвращение. — Они приехали сюда и сказали: «Ну, что у нас тут имеется? Мы, вообще-то, уже приняли по сто пятьдесят. Мы — эксперты. Вы не обращайтесь на нас внимания, только дайте пару косяков и бутылку ликера и направьте нас в правильном направлении». Но они остались в дураках! Да, мальчики?

Шумное согласие.

— Ведь они же не нашли ни одного мальчика, прикованного цепями к стене в темном сарае? Они не нашли ни одного мальчика

в смирительной рубашке? Не нашли того, что они слышали в городе от этих шакалов из Отдела Народного Образования? Они не нашли ни одного мальчика с вырванным ногтями или волосами? Ничего этого! Единственное, что они нашли, это несколько мальчиков, которые сказали, что я их отшлепал, и я их действительно отшлепал, и на то были причины! Потому что даже в Библии сказано, если вы ЖАЛЕЕТЕ ребенка, то вы БАЛУЕТЕ ребенка, ПОРТИТЕ его. И если вы с этим согласны, скажите «аллилуйя»!

— АЛЛИЛУЙЯ!

— Даже эти идиоты из Отдела Образования, которые хотят сместить меня и предоставить дьяволу спокойно совершать злодеяния, даже они поняли, что если я кого-то шлепаю, то Закон Божий и Закон Индианы говорят об этом одно и то же: «Если вы ЖАЛЕЕТЕ ребенка — вы ПОРТИТЕ ребенка».

Они нашли СЧАСТЛИВЫХ детей! Они нашли ЗДОРОВЫХ детей! Они нашли детей, которые ИДУТ к Богу и ГОВОРЯТ с Богом. Вы можете сказать «аллилуйя?».

Они могли.

— А вы можете сказать «оу-йе!»?

Это они тоже могли.

Преподобный Гарднер вернулся за аналой.

— Бог хранит тех, кто любит Его! И Богу не понравится, что эти коммунисты-гуманисты пытаются отобрать это место у усталых, измученных детей. Несколько мальчиков рассказали лживые истории этим так называемым журналистам. Я слышал, как повторялась эта ложь по телевидению. Хотя эти мальчики смыли грязь со своих лиц, им никогда не удастся смыть ее со своих душ! Как они могли показать свои лица всей стране? Как они не умерли со стыда? Я узнал их! Я помню даже голос каждого из вас, я могу узнать вас по дыханию! По тому, как вы по ночам кричите «мама»... Я знаю, кто это был. Этих мальчиков сейчас здесь нет. Бог, возможно, простит их, я надеюсь, что простит. Но Гарднер — всего лишь человек.

Он опустил голову, чтобы показать, каким позором для него это являлось. Но когда он снова поднял ее, его глаза сверкали от ярости.

— Преподобный Гарднер не может их простить. Поэтому Гарднер снова выгнал их на дорогу. Они не попадут в Долины, но они не должны расстраиваться. Там даже деревья могут их съесть, как дикие звери, которые ходят по ночам.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Даже лицо Кейси за стеклом стало бледным.

— В Библии сказано, что Бог послал Каина на восток от Эдема. Быть оставленным на дороге после пребывания в этом «Доме» — очень на это похоже. Здесь у вас надежная защита от всех невзгод.

Он обвел за взглядом.

— Но вы ослабнете... если солжете... это грех. Ад ожидает лжеца, кем бы он ни был — мальчиком или взрослым человеком. Ад...

Помните это, мальчики!

Помните!!

Помолимся.

Глава 23 ФЕРД ДЖАНКЛАУ

1

Меньше недели потребовалось Джеку на то, чтобы понять, что возвращение в Долины — единственная возможность покинуть «Дом Солнечного Света». Он очень хотел поскорее испытать этот способ, но, понимая, с каким риском это сопряжено, понимая, через что ему придется пройти, Джек всячески избегал мысли о побеге из «Дома» путем отправления в другой мир.

На то не было никакой определенной причины, только внутренний голос то и дело нашептывал: то, что плохо здесь, может быть во сто крат хуже там. Возможно, это место одинаково во всех мирах... как гниль на яблоке, которая пронизывает его насквозь, от кожуры и до самой сердцевины. В любом случае, «Дом Солнечного Света» достаточно скверен, и Джеку совсем не хотелось увидеть то, что он представляет из себя в Долинах, до тех пор, пока это не станет на самом деле необходимо.

Но там может быть освобождение.

Волк, Джек и много других мальчиков, которым не посчастливилось работать за пределами «Дома» — и таких было большинство — практически все время проводили в том месте, которое давние обитатели сей «цитадели» называли «Дальним Полем». Оно располагалось в полутора милях от дороги, на границе владений Гарднера, и вот именно там и трудились сейчас мальчики, с утра до вечера собирая камни. Никакой другой работы в это время года на поле быть не могло. Остатки урожая были убраны в середине октября, и теперь, как повторял каждое утро в своих проповедях Преподобный Гарднер, «настало время собирать камни».

И каждое утро, сидя в кузове одного из двух принадлежащих «Дому» полуразвалившихся грузовиков, Джек изучал Дальнее Поле, в то время как Волк за его спиной сидел, низко опустив голову, точно с похмелья. На Среднем Западе в это время года почти постоянно шли проливные дожди, и Дальнее Поле превратилось в вязкую слякотную массу. Два дня тому назад один из мальчиков, пересекавших его, сказал, с трудом переводя дыхание, что оно засасывает, как болото.

«Ну, допустим, мы пошли, — в четвертый раз подумал Джек, допустим, я крикнул Волку «Вперед», и мы отправились... Куда? На северный край, там деревья и каменная стена. И там кончаются его владения».

И там может быть забор.

«Мы перелезем через него. В конце концов, в случае необходимости Волк может перебросить меня».

Там может быть колючая проволока.

«Пролезем под ней. Или...»

Или Волк просто разорвет ее своими могучими руками. Джеку не хотелось об этом думать, но он знал, что Волк очень силен... и что Волк сделает все, о чем он попросит. Проволока сильно поранит руки его друга, но зато они будут сразу же освобождены из этого места, где провели худшие дни своей жизни.

Ну а что дальше?

В Долины, конечно же. А что может быть еще? «Если удастся покинуть земли, принадлежащие «Дому Солнечного Света», — шептал внутренний голос, — то, вполне возможно, им уже ничто и никто не сможет помешать».

Зингер и Баст (Джек предположил, что они — двойники каких-нибудь разбойников и убийц) не смогут догнать их на грузовике, ни один грузовик не в состоянии проехать через Дальнее Поле, пока трескучие декабрьские морозы не сделают его поверхность более-менее твердой.

«Это будет своего рода состязание по ходьбе. Чистый спорт. Приготовься. Не стоит пытаться попасть в Долины прямо отсюда...»

Джеком двигала вовсе не растущая день ото дня депрессия Волка. Он безумно горевал, думая о том, что мать, остающаяся в Нью-Хемпшире, тает, как свеча, пока он сидит в этой тюрьме и поет «аллилуйя».

«Вперед! Есть у тебя магическая жидкость или нет — какая разница? Попробуй».

Ферд Джанклау попробовал до того, как Джек был готов.

Великие умы думают об одном и том же. Можно сказать «аминь».

Все произошло очень быстро. Только что Джек слушал обычную для Ферда Джанклау собачью чушь, сопровождавшуюся разного рода циничными высказываниями, а мгновение спустя Ферд уже неся на север, через мрачное грязное поле, по направлению к каменной стене. Пока Ферд бежал, день казался самым обычным, таким же, как и все остальные дни, проведенные в «Доме Солнечного Света». Он был холодным и сумрачным, воздух пах дождем, а может быть, даже снегом. Джек разогнулся, чтобы дать отдохнуть своей ноющей спине, а также затем, чтобы посмотреть, нет ли поблизости Отрока Зингера. Отроку нравилось изводить Джека. Большинство приемов, которыми он для этого пользовался, не отличались особым разнообразием. Он или наступал Джеку на ноги, или толкал его на лестнице, или выбивал у него из рук тарелку с едой и оставлял таким образом голодным на весь день — до тех пор, пока Джек не научился одновременно предугадывать его выходы и держать себя в руках.

Джек не мог с уверенностью сказать, почему Зингер не организовал его всеобщую травлю. Возможно, причина состояла в том, что Преподобный Гарднер был заинтересован в новичке. Джек не хотел так думать, эти мысли ранили его душу, но все же создавалось такое впечатление. Отрок Зингер не позволял себе с ним особых вольностей, потому что Преподобный Гарднер запретил его травить, и это была еще одна причина, по которой нужно было выбираться отсюда как можно скорее.

Джек посмотрел вправо. Волк, с налипшими на лицо волосами, собирал камни ярдах в двадцати от него. Чуть ближе стоял худой, как жердь, мальчик с кривыми зубами, его звали Дональд Киган. Донни бросил на Джека воинственный взгляд и оскалил свои на удивление кривые зубы. С кончика его трепещущего языка упала капелька слюны. Джек поспешил отвернуться.

Ферд Джанклау работал слева от него, это был парень с худыми хрупкими руками и скорбным взглядом. За неделю, которая прошла с того момента, как Джек и Волк были доставлены в «Дом Солнечного Света», они с Фердом стали хорошими приятелями.

Ферд расплылся в наглой улыбке.

— Донни тебя любит, — сказал он.

— Выбрось это из головы, — ответил Джек, чувствуя, как краска выступает на его щеках.

— Клянусь, что Донни выбросит это из головы, если ты попросишь его об этом, — сказал Ферд Джанклау. — Правда, Донни?

Донни Киган омерзительно захихикал, не имея ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— Пожалуйста, успокой его, — сказал Джек. Он чувствовал себя еще более неловко, чем обычно.

«Донни любит тебя».

Хуже всего то, что бедный, сумасшедший Донни Киган скорее всего действительно влюблен в него... и даже, возможно, не один Донни. Как ни странно, Джек обнаружил, что думает о том красивом мужчине, который приглашал его домой и который подвез его ко входу в Торговый Центр недалеко от Зейнсвилла. «Он первым это заметил, — подумал Джек. — Что бы ни изменилось во мне, тот человек заметил это первым».

— Ты остановишься очень популярен здесь, Джек, — сказал Ферд. — Мне кажется, даже старина Гек Баст сделает для тебя все, что ты захочешь.

— Но это же... нездорово, — сказал Джек, краснея. — То есть, я хочу сказать...

Внезапно Ферд бросил только что поднятый им камень и выпрямился. Он быстро огляделся по сторонам, не увидел ни одного из надсмотрщиков в белых свитерах и снова повернулся к Джеку.

— А сейчас, мой дорогой, — сказал он, — ты увидишь очень глупый поступок. В общем, мне нужно идти.

Ферд послал Джеку воздушный поцелуй, и на его худом бледном лице заиграла широкая ослепительная улыбка. А мгновение спустя он уже почти летел, он неся к каменной стене, ограничивающей Дальнее Поле, двигаясь широкими страусиными прыжками.

Еще чуть-чуть — и он попался бы прямо в руки надзирателей. Педерсен с Уорвиком в стороне разговаривали о девочках, мальчик с лошадиным лицом по прозвищу Стручок присоединился к ним. Он был «свободным», работал за пределами «Дома», но на некоторое время его снова поместили туда. Гек Баст на это время отсутствовал — ему выпала большая честь сопровождать Преподобного Гарднера в Манси по какому-то делу. Ферд взял хороший разгон и был уже довольно далеко, когда раздался тревожный крик:

— Эй, смотрите, кто-то убегает!

Джек обернулся в сторону Ферда, который был уже достаточно высоко и продолжал прыгать, как черт. Вместо того, чтобы увидеть срыв своего собственного плана, Джек мгновенно почувствовал радостное удивление, он почти торжествовал. «Беги! Беги, ты, сукин сын! Беги, ради Джейсона!»

— Это Ферд Джанклау, — крикнул Донни Киган и снова разразился своим мерзким плаксивым смехом.

В этот вечер, как и во все другие вечера, мальчики собрались в общей комнате на исповедь. Все шло как обычно, если не считать того, что исповедь не состоялась. Энди Уорвик вошел, с невозмутимым видом коротко объявил, что у них есть час свободного времени до обеда, в течении которого они могут «пообщаться», и вышел.

Джеку показалось, что Уорвик, несмотря на свое кажущееся спокойствие, выглядит испуганно.

И еще, Ферда Джанклау в комнате не было.

Джек оглянулся по сторонам и с мрачным юмором подумал, что если бы они в самом деле дружили или хотя бы общались друг с другом, то ему совсем не хотелось бы видеть, что бы произошло, объяви сейчас Уорвик «час свободного времени». Они сидели вдоль стен большой длинной комнаты, тридцать девять мальчиков в возрасте от девяти до семнадцати, смотрели на свои руки, выдавливали прыщи, отдирали струппы и угрюмо грызли ногти. Они все имели одинаковый вид — вид наркоманов, лишенных обычной «дозы». Они хотели слушать исповедь, даже более того, они хотели *исповедаться*.

Никто ни словом не упомянул о Ферде Джанклау. Создавалось такое впечатление, что Ферда, с его вечными гримасами во время проповедей Преподобного Гарднера и хрупкими бледными руками, никогда не существовало.

Джек почувствовал, что едва сдерживает себя, чтобы не встать и не наорать на них на всех. Он принялся усиленно думать — думать, как никогда раньше.

«Его здесь нет, потому что они убили его. Они все сумасшедшие. Вы думаете, сумасшествие не заразно? Тогда посмотрите, что произошло в этом идиотском месте в Южной Америке — когда человек в зеркальных очках попросит их выпить пурпурный виноградный напиток, они скажут «Есть, сэр!» и выпьют».

Джек оглядел эти печальные, усталые, изможденные, тупые лица и представил себе, как изменились бы они, как бы они засияли, если бы в эту минуту сюда вошел Преподобный Гарднер. Ах, если б он вошел прямо сюда и прямо сейчас!

«Он может заставить их, а может просто попросить — они все равно это сделают. Они выпьют его сами, а затем схватят нас с Волком и, как пить дать, вольют его нам в глотки. Ферд был прав, они видят что-то на моем лице или в моем лице. Что-то такое, что я привез из Долин. Возможно, они все меня немного любят... Похоже, даже Гек Баст, а этот тип явно не создан для того, чтобы

любить кого-либо и что-либо. Да, конечно, они все немного меня любят... но его они любят намного сильнее. Они сделают это. Они сумасшедшие».

Все это мог сказать ему Ферд, и, сидя здесь, в этой комнате, Джек предполагал, что Ферд и в самом деле *говорил* об этом.

Он рассказывал Джеку, что в «Дом Солнечного Света» его сдали родители, новоиспеченные христиане, которые падали на колени в гостиной каждый раз, когда очередной умник из телепередачи «Клуб 700» начинал читать молитву. Никто из них не понимал Ферда, не разделяющего их взгляды. Они считали его исчадьем ада, дьявольским отродьем-коммунистом, радикальным гуманистом, в общем, неисчерпаемым источником зла. Когда он четвертый раз убежал из дому и был пойман ни кем иным, как Фрэнки Уильямсом, его родители приехали в «Дом Солнечного Света» (а Ферд, как вы, наверное, поняли, был доставлен именно туда), и с первого взгляда влюбились в Преподобного Гарднера. В нем заключалось решение всех проблем, доставленных им трудным непослушным ребенком. Преподобный Гарднер наставит их сына на путь истинный, научит его любить Бога. Преподобный Гарднер укажет ему на все его ошибки. Преподобный Гарднер уведет его из мира сказок Андерсена... И он, наконец, снимет этого несносного ребенка с их шей!

— Они видели репортаж о «Доме Солнечного Света» в «Воскресных новостях», — рассказывал Ферд Джеку. — Они послали мне открытку, в которой написали, что лжецы и клятвопреступники горят в геенне огненной. Я написал им ответ. Рудольф, который работает на кухне, тайком переправил мое письмо. Руди — он очень хороший парень.

Ферд немного помолчал.

— Ты знаешь, что на языке Ферда Джанклау означают слова «хороший парень», Джек?

— Нет.

— Это тот, кого можно подкупить, — сказал Ферд и засмеялся своим одновременно наглым и печальным смехом. — Услуги Руди стоят два бака. Так вот, я написал им письмо, в котором сказал, что если Бог наказывает лжецов тем путем, какой они указали, то я надеюсь, что от Преподобного Гарднера в другом мире не останется даже кучки пепла, потому что он об этом самом другом мире врет, как дышит. Все, что они слышали в «Воскресных новостях», различные слухи о смиренных рубашках и карцере, вот это и есть чистейшая правда. Только никто не может это подтвердить. Этот человек сумасшедший, Джек, и, к тому же, он очень хитер. Любая ошибка может многого стоить и тебе самому, и твоему другу — Бесстрашному Филу Волку.

— Этим ребятам из «Воскресных новостей» обычно быстро удастся разоблачать людей, у которых рыльце в пушку. По крайней мере, так говорит моя мама, — сказал Джек.

— Да, они его здорово напугали. Видел Хамфри Богарта в фильме «Мятеж Каина?» Так вот, у него целую неделю было такое лицо, до тех пор, пока они здесь не появились. К этому времени тут царили спокойствие и порядок, тогда как за неделю до этого был крошечный ад. Мистер Мороженщик наложил в штаны, он как раз столкнулся с Бенни Вудраффа с третьего этажа за то, что застал его за чтением «Робинзона Крузо». Бенни три часа был без сознания и вплоть до того самого дня не мог точно понять, кто он и где он.

Ферд помолчал.

— Он знал, что они придут. Так же, как он всегда знает, когда государственные инспектора собираются нанести неожиданный визит. Он спрятал смиренные рубашки на чердаке, а карцер замаскировал под сарай для сушки сена.

Ферд снова печально усмехнулся.

— Знаешь, что сделали мои предки, Джек? Они отксерили мое письмо и послали его Преподобному Гарднеру. «Для твоей же пользы», — написал мой папочка в следующем письме. Представляешь? Ферд снова возвращается в карцер благодаря своим собственным родителям!

Еще одна печальная усмешка.

— Я хочу тебе еще кое-что рассказать. Он не врал в своей вечерней проповеди. Все дети, которые разговаривали с корреспондентами «Воскресных новостей», исчезли — это были те, с которыми он уже не мог совладать.

«Точно так же, как теперь исчез сам Ферд», — думал Джек, глядя, как Волк бродит по комнате. Он вздрогнул и почувствовал, как сильно похолодели руки.

«Твой друг, Бесстрашный Фил Волк».

Не начал ли Волк снова покрываться шерстью? Так скоро? Чушь, не может быть. Но рано или поздно это все равно наступит — так же неотвратимо, как океанская волна, накатывающая на берег.

«Да, кстати, Джек, пока мы сидим здесь и рассуждаем об опасностях, к которым это может привести, как там поживает твоя мама? Как поживает дорогая Л. или, Королева вторых ролей? Теряет вес? Чувствует боли? А может, она начинает ощущать, как болезнь вгрызается в нее своими маленькими, но острыми зубами, пока ты торчишь здесь и пускаешь корни в этой проклятой тюрьме? Может быть, Морган Слоут помогает раку задуть последний огонек ее жизни?»

Его просто ошеломил рассказ о смиренных рубашках, и хотя он и раньше видел карцер — большое мрачное металлическое строение, расположенное на заднем дворе «Дома» и похожее на огромный поломанный холодильник — он никак не мог поверить, что Гарднер может держать там детей. Ферд медленно убеждал его в этом, тихим голосом рассказывая обо всем, что происходит в стенах «Дома», пока они собирали камни на Дальнем Поле.

— У него здесь есть мощный передатчик, — говорил Ферд. — Хорошая возможность делать деньги. Его религия медленно распространяется по всему Среднему Западу через радио и почти по всей стране через кабельное телевидение и спутники. Мы — его подневольные слушатели. Мы хорошо звучим по радио и хорошо выглядим по телевидению, конечно, когда Рой Оудерсфелт не щипает свою чертову бородавку на кончике носа. Он приручил Кейси, неплохого теле-радио-оператора. Кейси делает видеозапись каждой утренней проповеди и звуковую запись каждой вечерней. Затем сводит вместе звук и картинку и подчищает все до тех пор, пока Гарднер не начнет выглядеть как Билли Грэм, а мы — звучать как толпа на стадионе во время чемпионата на Кубок мира. Но Кейси занимается не только этим. Он своего рода гений. Видел «клопа» в своей комнате? Это Кейси рассказывает их. Вся информация поступает в контрольную комнату, единственный вход в которую лежит через офис Гарднера. «Клопы» реагируют на голос, и поэтому лента не тратится зря. Особо интересные записи он сохраняет для Преподобного Гарднера. Я слышал, Кейси вставил в телефон Гарднера какую-то синюю коробочку, и теперь тот может бесплатно звонить в другие города. Будь я проклят, если он не подключился к телевизионному кабелю, что проходит перед фасадом «Дома». Представь себе: мистер Мороженщик сидит, откинувшись в кресле и смотрит длинный двухсерийный боевик, отдыхая после тяжелой работы несения Иисуса в массы. Тебе нравится? Лично мне — да. Этот человек — такой же американец, как ты — эскимос, и здесь, в Индиане его любят не больше, чем университетский баскетбол. Ферд откашлялся, поморщился, опустил голову и сплюнул в грязь под ногами.

— Ты все врешь, — сказал Джек.

— Ферд Джанклау никогда не врет, когда рассказывает об идиотских порядках «Дома Солнечного Света», — торжественно ответил Ферд. — Он богат, с него не взимаются никакие подоходные налоги, он прибрал к рукам эту так называемую «закрытую школу». Я хочу сказать, они все боятся его до смерти; здесь есть одна женщина, которая то ли защищает его от дурного глаза, то ли делает

что-то наподобие, так вот, когда она выходит из этого «Дома», она становится похожа на птицу, вырвавшуюся из клетки. И, как я уже говорил, он, похоже, всегда знает, когда кто-нибудь из Государственной комиссии по Образованию собирается нанести неожиданный визит. Мы вычищаем это место от подвала от крыши, этот ублюдок Баст прячет смиренные рубашки на чердаке и забивает карцер сеном из амбара. И когда они, наконец, появляются здесь, все выглядит по высшему классу. А мы сидим и учим уроки. Скажи, Джек, сколько уроков ты получил в тех пор, как попал в этот Индианский вариант «Дома Презрения»?

— Ни одного, — ответил Джек.

— Ни одного! — Он снова горестно засмеялся, и в его смехе Джек услышал: «Знаешь, что я понял, когда мне исполнилось восемь или около того? Я понял, что жизнь для меня превратилась в сущий ад и что дела в ближайшее время не собираются меняться к лучшему. А возможно, они вообще не собираются меняться. И хотя это все на редкость отвратительно, оно имеет и свою веселенькую сторону. Понимаешь, что я имею в виду, приятель?»

3

Как раз обо всем этом думал Джек, когда чьи-то сильные пальцы сомкнулись вокруг его шеи, впились в болевые точки под ушами и подняли его со стула. Джек обернулся, почувствовал смердящее дыхание и, если так можно выразиться, поимел удовольствие лицезреть потное прыщавое лицо Гектора.

— Я и Преподобный еще были в Манси, когда твоего друга-бедокура доставили в больницу, — сказал он. Пальцы дрожали и сжимались, дрожали и сжимались. Боль стала невыносимой. Джек застонал, и это порадовало Гека. Мерзкая улыбка добавилась к зловонному дыханию, и нет слов, чтобы описать, как он был гадок в этот момент. — Преподобный получил это известие по своему портативному телеприемнику. Джанклау выглядел так, будто провел сорок пять минут в микроволновой печи. Вероятно, врачам не скоро удастся собрать его по частям.

«Он говорит это не мне, — вдруг понял Джек. — Он говорит это всем, кто находится в комнате. И мы, стало быть, должны поверить, что Ферд еще жив».

— Ты, вонючий лгун, — сказал он. — Ферд...

Гек Баст ударил его. Джек кубарем полетел на пол. Мальчики отступили подальше от него. Откуда-то сбоку донеслось плаксивое хихиканье Донни Кигана.

И тут раздался яростный рев. Джек удивленно посмотрел вверх, приподнялся и потряхнул головой, чтобы прийти в себя. Гек обернулся и увидел Волка, заслонившего собой Джека. Он выгнулся вперед, его верхняя губа подрагивала, обнажая острые зубы, а лоб был освещен сверхъестественным оранжевым сиянием, отраженным от круглых очков.

— Что, дубье, хочешь потанцевать? — спросил Гек, снова расплываясь в своей омерзительной улыбке. — Ну так давай! Я очень люблю танцевать. Иди сюда, ты, сопляк! Иди сюда, и давай танцуем.

Продолжая рычать и брызгать слюной, ее плотный сгусток свисал с его нижней губы, Волк двинулся вперед. Гек выступил ему навстречу. По покрытому линолеумом полу зашкрипели стулья: люди в спешке расступались, освобождая им место для драки.

— Что здесь проис...

Голос со стороны двери. Отрок Зингер. Ему не пришлось заканчивать вопрос, он своими глазами увидел, что тут происходит. Улыбаясь, он замкнул дверь, облокотился об нее и приготовился наблюдать, скрестив руки на своей узкой груди. Его обычно хмурое лицо теперь радостно сияло.

Джек снова перевел взгляд на Гека и Волка.

— Волк, будь осторожен! — крикнул он.

— Я буду осторожен, Джек, — сказал Волк. Его голос сейчас мало отличался от воя. — Я буду...

— Ну, давай же танцевать, ты, жопа собачья! — рявкнул Гек Баст и нанес скользящий профессиональный удар. Он попал Волку в правую скулу и заставил его отступить на три или четыре шага. Донни Киган снова разразился своим пронзительным воющим смехом, который, как понял недавно Джек, являлся скорее признаком испуга, чем радости.

Удар был хорош, тут ничего не скажешь. При других обстоятельствах поединок окончился бы в эту же минуту. К несчастью для Гектора Баста, обстоятельства сложились именно так, как они сложились, и это оказался единственный удар, который ему удалось нанести.

Он уже приготовился для следующего, сжав кулаки на уровне груди. Вот уже его рука рванулась вперед. В этот момент рука Волка поднялась и двинулась ей навстречу. Волк поймал кулак Гека.

У Гека были большие руки. У Волка — еще больше.

Кулак Гека исчез в кулаке Волка.

Кулак Волка намертво сжал кулак Гека.

Изнутри этого «замка» донесся звук, похожий на хруст маленьких сухих палочек, когда на них случайно наступаешь в лесу.

Самодовольная улыбка Гека сперва скривилась, а затем окончательно исчезла с его лица. Секунду спустя он закричал.

— Не вреди стаду, ты, ублюдок, — прошептал Волк. — Если тебя этому не учит твоя Библия, тогда послушай шесть стихов из Книги Благих Советов, чтобы ты знал, что ты никогда...

Хррусть!

— ...никогда...

Хррьсь!

— ...никогда не должен вредить своему стаду!

Гек Баст упал на колени, завывая и хныча. Волк все еще держал его кулак в своем, и рука Гека торчала вверх. В этот момент он был похож на солдата немецкой армии, салютующего Адольфу Гитлеру, стоя на коленях. Рука Волка была тверда, как камень, но на его лице не отражалось никаких видимых усилий. Оно, если не считать горящих глаз, выглядело абсолютно спокойным.

Сквозь пальцы Волка проступила кровь.

— Волк, прекрати! Достаточно!

Джек быстро обвел взглядом комнату и обнаружил, что Отрок Зингер исчез, оставив дверь открытой. Почти все мальчики теперь стояли. Они отодвинулись от Волка настолько, насколько позволяли стены, и жались к ним перекошенными, исполненными страха лицами. А в центре комнаты застыла скульптурная группа — Гек Баст на коленях с поднятой вверх вывернутой рукой и склонившийся над ним Волк с кулаком Баста в своей ладони, сквозь пальцы которой сочится и капает на пол кровь.

В дверях появилось несколько человек: Кейси, Уорвик, Отрок Зингер, три здоровенных парня. И Преподобный Гарднер с черной коробочкой, похожей на футляр для очков, в руке.

— Достаточно, я сказал! — Джек бросил взгляд на вошедших и подбежал к Волку. — Достаточно! Прекрати сейчас же! Слышишь? Сейчас же прекрати!

— Ладно, — спокойно сказал Волк. Он отпустил руку Гектора, и Джек увидел нечто ужасное, похожее на искореженное велосипедное колесо. Пальцы Гека торчали под самыми неестественными углами. Гек всхлипнул и прижал свою искалеченную руку к груди.

— Ладно, Джек.

Сразу шесть человек набросилось на Волка. Он развернулся вполоборота, высвободил одну руку, и секунду спустя Уорвик оказался распластанным по стенке. Кто-то закричал.

— Держите его! — скомандовал Гарднер. — Держите его! Держите, ради всего святого!

Он открыл плоскую черную коробочку.

— Не надо, Волк! — крикнул Джек. — Остановись!

Еще несколько секунд Волк продолжал сражаться, но потом отступил назад и дал прижать себя к стене. Со стороны это было похоже на то, как лилипуты связывали Гулливера. Отрок Зингер, по всей видимости, боялся Волка.

— Держите его, — повторил Гарднер, доставая из коробочки одноразовый шприц. Такая знакомая, добрая и почти застенчивая улыбка заиграла на его губах. — Держите его, ради Христа.

— Зачем это? — воскликнул Джек.

— Джек? — теперь Волк выглядел испуганно. — Джек? ДЖЕК?

Джек попытался преградить Гарднеру дорогу к Волку, но тот просто отшвырнул его в сторону. Немалая сила таилась в этом худощавом человеке. Джек отлетел в сторону Мортонa, который вскрикнул и отстранился от него, как будто Джек был прокаженным. Волк снова начал вырываться, но было уже слишком поздно — один против шести, это слишком даже для Волка. Возможно, во время полнолуния все могло бы сложиться по-другому.

— Джек! — выл Волк. — Джек! Джек!

— Держите его, ради Бога, — прошептал Преподобный Гарднер. Затем он закусил губы и вогнал шприц в вену Волка.

Волк вздрогнул, вскинул голову и завыл.

«Убью тебя, сволочь, — беспомощно думал Джек. — Убью! Убью! Убью!»

Волк отбивался из последних сил. Гарднер стоял в стороне и спокойно наблюдал за происходящим. Волк приподнял колено и ударил Кейси в низ живота. Тот несколько раз судорожно глотнул воздух, покачнулся и упал. А минуту или две спустя Волк сперва пошатнулся... а затем стал медленно оседать.

Джек поднялся на ноги, рыдая от бессильного гнева. Он попытался прорваться сквозь плотную стену схвативших его друга людей в белых свитерах, когда увидел, что Кейси бьет Волка по беспомощно опущенному лицу и кровь струится из его разбитого носа.

Но его снова отшвырнули. Он поднялся, огляделся по сторонам и увидел испуганные лица тех мальчиков, с которыми он собирал камни на Дальнем поле.

— Он будет сидеть в карцере, — сказал Гарднер, когда колени Волка окончательно согнулись, — до тех пор, пока...

Он медленно перевел взгляд на Джека.

— Возможно, пока вы не решите рассказать мне, где мы с Вами раньше встречались, мистер Паркер.

Джек стоял и смотрел себе под ноги, не говоря ни слова. Его глаза медленно наполнялись горячими, полными ненависти слезами.

— В карцер, — сказал Гарднер. — Возможно, вы что-нибудь вспомните, когда он заговорит, мистер Паркер.

С этими словами Гарднер вышел.

5

Когда Джек и остальные мальчишки стройными рядами шагали на утреннюю проповедь, Волк все еще завывал в карцере. Насмешливые глаза Преподобного Гарднера остановились на бледном осунувшемся лице Джека. «Может быть, сейчас, мистер Паркер?»

«Волк, пойми, она — моя мама, моя мама, моя мама...»

Волк продолжал кричать и когда Джек и остальные мальчишки, отобранные для работы в поле, разделились на две группы и разошлись по грузовикам. Каждый раз, проходя мимо карцера, Джек едва сдерживался от того, чтобы не закрыть уши руками. Этот вой, эти душераздирающие вскрипы...

И каждый раз Отрок Зингер подходил к нему вплотную.

— Преподобный Гарднер сейчас в своем офисе, и он желает сию минуту выслушать твою исповедь. Слышишь ты, сопляк? — говорил он. — И еще он просил меня передать тебе, что выпустит этого придурка из карцера, как только ты расскажешь то, что он хочет знать.

Голос Отрока действовал на нервы, а его лицо пугало.

Волк стонал, кричал и выл, желая быть выпущенным на свободу; металлическая обшивка стен карцера гудела и содрогалась от яростных ударов.

«Волк, она — моя Мама...»

— Я не могу рассказать ему того, что он хочет, — сказал Джек. Он резко обернулся в сторону Отрока и сообщил ему всю ту силу, которую получил в Долинах. Зингер сделал два больших шага в сторону. Удивление и страх одновременно отразились на его лице. Он споткнулся о свою собственную ногу и рухнул на один из грузовиков. Если бы его здесь не оказалось, Отрок непременно упал бы в грязь.

— Ну, ладно, — сказал Зингер. Его голос прозвучал почти жалобно. — Ладно, ладно. Забудь это.

Его худое лицо снова приобрело надменный вид.

— Преподобный Гарднер попросил меня, в случае если ты не ответишь на его вопрос, напомнить, что твой друг в карцере взывает к тебе. Ты понимаешь это?

— Я знаю, к кому он взывает.

— Быстро в грузовик! — сказал, проходя мимо Педерсен, даже не удостоив их взглядом... Только поравнявшись с Отроком Зингером, он поморщился, словно почувствовал запах тухлятины.

Джек слышал завывания Волка даже после того, как грузовики тронулись с места, хотя оба тарахтели, как пустые бочки и давно не видевшие ремонта двигателя бешено ревели. Ничто не могло заглушить этот плач. Казалось, между Волком и Джеком пролегла невидимая связь — он слышал его крики даже когда рабочие бригады достигли Дальнего Поля. Но даже понимание того, что этот вой звучит только в его голове, не утешало Джека. Это не могло устранить причины.

Ко времени ленча Волк затих, и Джек внезапно понял, хотя и не был до конца в этом уверен, что Преподобный Гарднер приказал убрать его из карцера, пока его крики и завывания не начали вызывать нездоровый интерес. После того, что произошло с Фердом, ему не хотелось привлекать ничьего внимания к «Дому Солнечного Света».

Когда во второй половине дня мальчики вернулись с поля, дверь карцера была открыта, а сам карцер пустовал. Зато наверху, в той комнате, где они проживали, Волк возлежал на нижней полке. Он приветливо улыбнулся вошедшему Джеку.

— Как твоя голова, Джек? Синяки уже не такие страшные!

— Волк, с тобой все в порядке?

— Я кричал, кричал... и уморил их всех.

— Волк, прости меня, — сказал Джек. Волк выглядел очень странно: его лицо было слишком белым, каким-то сморщенным.

«Он умирает», — подумал Джек и тут же поправил себя: Волк умирает еще с тех пор, как они перенеслись из Долин в этот мир, спасаясь от Моргана. Но сейчас он умирает быстрее. Слишком белый... сморщенный... но...

Джек почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

Голые руки и ноги Волка не были голыми на самом деле, они были сплошь покрыты легким пушком. Джек мог поклясться, что два дня назад этого пушка не было и в помине.

Ему захотелось немедленно подойти к окну, выглянуть наружу и посмотреть на луну, чтобы убедиться, что семнадцать дней никак нельзя просто так вот взять и потерять.

— Не волнуйся, Джеки, время для превращения еще не настало, — сказал Волк. Его голос был сухим и надтреснутым. Это был голос тяжело больного.

— Но я начал меняться в этом темном вонючем месте, куда они меня посадили. Волк! Да, я начал. Потому что я чуть не сошел с ума от испуга. Потому что я долго кричал и выл. Если Волк достаточно долго кричит и воет, он может вызвать внеочередное Превращение. — Волк пригладил волосы на ногах. — Они скоро исчезнут.

— Гарднер назначил мне цену за твою свободу, — сказал Джек, — но я не смог ее заплатить. Я очень хотел, но... Волк... моя мама...

Его голос дрогнул, на глазах выступили слезы.

— Тшшш, Джеки. Волк знает. Прямо здесь и прямо сейчас, — Волк снова улыбнулся своей ужасной изнуренной улыбкой и взял Джека за руку.

Глава 24 «МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ НА ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ»

1

Еще одна неделя, проведенная в «Доме Солнечного Света» за молитвами во славу Господа. Луна продолжала расти.

В понедельник сияющий Преподобный Гарднер обратился к мальчикам с просьбой преклонить свои головы и поблагодарить Господа за то, что он исцелил грешную душу их брата Фердинанда Джанклау. Перед выздоровлением в госпитале Паркленда Ферд покаялся в своих грехах перед Иисусом Христом, объявил Преподобный, и его улыбка засияла еще ярче. Ферд позвонил своим родителям и сказал им, что принял решение всей душой служить Богу, и они помолились на разных концах телефонной линии. И вот сегодня, в этот радостный день, они приезжают за ним в больницу, чтобы забрать его домой.

«Он мертв и похоронен в холодном грязном поле в Индиане... или, возможно, в Долинах, куда не смогут добраться ни полиция, ни Государственные инспекции».

Вторник выдался слишком холодным и дождливым для работы в поле. Большинству мальчиков было разрешено остаться в своих комнатах и спать или читать, но для Джека с Волком началось тяжелое время, начались травля и издевательства. Волк под проливным дождем должен был выносить мусор из амбара и сараев на обочину дороги. Джека же послали чистить туалеты. Он предположил, что Уорвик и Кейси, которые придумали для него это занятие, были уверены, что нашли самую грязную и отвратительную работу. Но ведь они никогда не видели мужскую уборную небезызвестной Дискотеки Апдайк!

Итак, шла еще одна неделя в «Доме Солнечного Света». Да-да...

Гектор Баст вернулся в среду. Его правая рука была по локоть закована в гипс, а лицо стало таким бледным, что прыщи и бородавки на его фоне казались нарисованными яркой губной помадой.

— Доктор говорит, что я, возможно, больше никогда не смогу ей пользоваться, — сказал Гек Баст. — Ты и твой шизанутый приятель жестоко поплатитесь за это, Паркер.

— Ты хочешь, чтобы то же самое случилось и с твоей второй рукой? — насмешливо спросил его Джек... но в душе он был сильно испуган. Не только жажду мести прочел он в глазах Гека, там была жажда смерти.

— Я не боюсь его, — сказал Гек. — Отрок Зингер говорит, что он достаточно наслаждался карцером. Отрок говорит, что он будет делать все, чтобы больше никогда туда не попасть. А что касается тебя...

Сжатая в кулак левая рука Гека рванулась вперед. Надо сказать, он всегда лучше владел левой рукой, чем правой. Джек, загипнотизированный тупой яростью, отразившейся на широком бледном лице Баста, не заметил ее приближения. Его губы как раз собирались расплываться в улыбке, когда твердый сильный кулак превратил их в кровавое месиво. Джек отлетел к стене.

Дверь отворилась, и в проеме появилось лицо Билли Адамса.

— Закрой дверь с той стороны или будешь валяться рядом! — рявкнул Баст, и Адамс, не блещущий силой и телосложением, поспешно удалился.

Гектор шагнул в сторону Джека. Тот неуверенно оттолкнулся от стены и сжал кулаки. Гек остановился.

— А тебе это нравится, не правда ли? — сказал Гек. — Драться с человеком, у которого работает только одна рука?

Краска залила его лицо.

С лестницы послышался топот поднимающихся ног. Гектор взглянул на Джека.

— Это Зингер. Иди. Уходи отсюда. Мы еще поговорим. С тобой и с этим идиотом. Преподобный Гарднер разрешил нам это делать, пока ты не расскажешь ему то, что он хочет знать.

Гек ухмыльнулся.

— Сделай мне одолжение, сопляк. Не рассказывай ему ни о чем.

2

«Да, верно, карцер что-то забрал у Волка», — думал Джек. Шесть часов прошло с момента его столкновения в коридоре с Гексом Бастом. Скоро прозвенит звонок на исповедь, но Волк пока еще

глубоко спит на койке под ним. А снаружи дождь продолжает омыwać стены «Дома Солнечного Света».

Нет, карцер отнял у него не рассудок. Карцер не может это отнять. Даже «Дом» в целом не может этого. Но он может сделать больше — отнять весь мир. Волк просто скучал по дому. Он потерял большинство своей жизненной силы. Он все реже и реже улыбался, а смеяться перестал и вовсе. Когда Уорвик прикрикнул на него за завтраком за то, что он облизывал пальцы, Волк только съежился.

«Это произойдет очень скоро, Джеки. Потому что я умираю. Волк умирает».

Гек Баст тоже сказал, что не боится Волка, и действительно, казалось, тут больше нечего бояться. Похоже, что сломанная рука Гека — это последний серьезный поступок, на который Волк был способен.

Прозвенел звонок на исповедь.

Этим вечером, вернувшись после исповеди, ужина и проповеди в свою комнату, Джек и Волк обнаружили свои постели мокрыми и воняющими мочой. Джек бросился к двери, распахнул ее и увидел Отрока Зингера, Уорвика и еще одного здорового придурка по имени Ван Зандт, стоящих в конце коридора. Они стояли и самодовольно улыбались.

— Должно быть, мы ошиблись комнатой, — сказал Отрок. — Мы решили, что это туалет по количеству дерьма, которое мы обычно там видим.

Ван Зандт чуть не надорвал живот, смеясь над этой остротой.

Джек укоризненно посмотрел на него, и Ван Зандт перестал смеяться.

— Ну, чего лыбишься, ты, кусок дерьма? Или ты ждешь, когда мы расквасим твой уродливый нос?

Джек закрыл дверь и обернулся. Волк спал на своей мокрой кровати, не снимая одежды. Он снова начал обрастать бородой, но его лицо все еще оставалось таким же бледным. Кожа выглядела тонкой и хрупкой, как пергамент. Это было лицо тяжело больного, умирающего человека.

«Оставь его в покое, — утомленно думал Джек. — Если он так устал, что даже лег на *это* спать, то пусть спит».

«Нет, ты не можешь позволить ему спать на обоссаной кровати! Ты не можешь!»

С трудом раздирая слипающиеся глаза, Джек подошел к Волку, стащил его полусонного с мокрого вонючего матраса и помог снять комбинезон. В эту ночь они спали, свернувшись калачиком прямо на полу.

А в четыре утра отворилась дверь, впустив в комнату Зингера и Гека. Они схватили сонного Джека и потащили его в офис Преподобного Гарднера.

Гарднер восседал, положив ноги на край стола. Несмотря на ранний час, он был полностью одет. За его спиной висела картина — Иисус, гуляющий по воде, и его апостолы, с удивлением вззирающие на это. Справа от него находилось окно, выходящее в затемненную студию, где Кейси работал над своими идиотскими идеями. К одной из подтяжек брюк Гарднера была пристегнута массивная цепочка, служившая брелоком для ключей. Сами же ключи, большая тяжелая связка, лежали на его ладони. Он непрерывно играл с ними все время разговора.

— Ты ни разу не выступил с исповедью с тех пор, как попал сюда, Джек, — сказал Преподобный Гарднер с оттенком порицания в голосе. — Нехорошо. Исповедь полезна для твоей души. Без исповеди она не может быть спасена. О, нет, я не имею в виду эту идолопоклонническую извращенную исповедь католиков! Я имею в виду исповедь перед своими братьями и перед Спасителем.

— Ну, если Вам все равно, тогда я уйду исповедоваться лично перед Спасителем, — спокойно ответил Джек и даже несмотря на весь свой страх и на то, что он был окончательно сбит с толку, он не мог не заметить, как ярость исказила черты лица Преподобного Гарднера.

— Нет! Мне не все равно! — крикнул он, и Джек почувствовал резкую боль в области почек. Он упал на колени.

— Думай всегда, прежде чем что-нибудь сказать Преподобному Гарднеру, ты, сопляк, — сказал Отрок. — Кое-кто из присутствующих здесь стоит за него горой.

— Да хранит тебя Господь за твою искренность и твою любовь, отрок Зингер, — торжественно произнес Гарднер и снова сосредоточил свое внимание на Джеке.

— Поднимись, сын мой.

Джек попытался встать, опираясь на край светлого деревянного стола Преподобного Гарднера.

— Итак, твое настоящее имя?

— Джек Паркер.

Джек увидел, как Гарднер кивнул кому-то за его спиной и попытался увернуться, но момент был упущен. Свежая волна нестерпимой боли пронизала его с головы до ног. Джек вскрикнул и снова упал, ударившись лбом, на котором еще не успели рассосаться вчерашние синяки, об острый угол стола.

— Откуда ты родом, лживое и глупое исчадие ада?

— Из Пенсильвании.

На этот раз удар пришелся в левое бедро. Джек катался по белому Хорасанскому ковру в позе эмбриона — втянув голову и прижав ноги к груди.

— Поднимите его.

Зингер и Баст с живостью выполнили приказание.

Гарднер опустил руку в карман своего ослепительно белого пиджака и вынул оттуда газовую зажигалку. Он крутанул колесико, извлекая длинный язык желтого пламени, и начал медленно приближать его к лицу Джека. Девять дюймов. Он уже мог ощущать слабый усыпляющий запах горящего газа. Шесть дюймов. Теперь он мог чувствовать жар. Три дюйма. Еще дюйм или хотя бы половина — и неприятные ощущения превратятся в боль. Глаза Преподобного Гарднера радостно сверкали. Губы подрагивали, готовые в любой момент сложиться в улыбку.

— Да! — дыхание Гека Баста было обжигающим и пахло заплесневелой горчицей. — Да! Продолжайте!

— Откуда я тебя знаю?

— Мы никогда раньше не встречались, — выдохнул Джек.

Пламя приблизилось. Глаза Джека наполнились слезами, он почувствовал, что кожу начинает печь. Он попытался отстраниться, но его голова тут же была схвачена руками Отрока Зингера.

— Где мы встречались? — повторил Гарднер. Пламя зажигалки плясало в его черных зрачках, каждый отблеск — повторение всех остальных. — Последний раз тебя спрашиваю!

«Скажи ему, ради Бога, скажи ему!»

— Если мы и встречались, то я этого не помню, — простонал он. — Может быть, в Калифорнии...

Огонь погас. Джек вздохнул с облегчением.

— Уведите его, — сказал Гарднер.

Они толкнули Джека к двери.

— Ты не думай, что это все, — сказал Преподобный Гарднер. Он отвернулся и, казалось, принялся рассматривать ходящего по воде Христа. — Я все равно вытяну это из тебя. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Почему бы не облегчить свою участь, а, Джек?

Джек ничего не ответил. А секунду спустя его рука была заломлена за спину. Он всхлипнул.

— Рассказывай! — прошептал Зингер.

Какая-то часть Джека хотела это сделать. Не потому, что было больно, а потому что... «потому что исповедь полезна для души».

Он вспомнил грязный двор, вспомнил такого же человека, использовавшего немного другой способ пытки, чтобы узнать, кто он

такой, вспомнил свои тогдашние мысли: «Я расскажу Вам все, что Вы хотите знать, если только Вы перестанете смотреть на меня так, я расскажу, потому что я всего-навсего ребенок, а что делают дети — они рассказывают, рассказывают все...»

А потом он вспомнил голос своей матери, укоризненный голос, вопрошавший, неужели он собирается открыть свои карты ЭТОМУ человеку.

— Я не могу рассказать того, чего не знаю, — сказал он.

Уголки губ Гарднера слегка приподнялись в сухой улыбке.

— Отведите его назад, — сказал он.

3

Еще одна неделя в «Доме Солнечного Света». Аминь, братья и сестры. Еще одна длинная-длинная неделя.

Когда закончился завтрак и все вышли из столовой, Джек отправился на кухню. Он прекрасно понимал, что для него это может закончиться очередным избиением и очередными издевательствами... но сейчас это меньше всего его волновало. Ведь только три часа назад Преподобный Гарднер собирался опалить ему губы. Он видел это в его сумасшедших глазах, чувствовал это в его сумасшедшем сердце. После чего-нибудь подобного риск лишний раз быть избитым — это меньше, чем ничего.

Когда-то белый поварской халат Рудольфа теперь был таким же серым, как ноябрьское небо за окнами. Когда Джек шепотом назвал его имя, Рудольф обернулся и обратил на него насмешливый взгляд своих красных глаз. От него сильно разило виски.

— Тебе лучше уплыть отсюда, свежий улов. Они держат твою персону под зорким наблюдением.

«Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю».

Джек беспокойно взглянул в сторону древнего посудомоечного аппарата. Он разевал пасть, чихал, кашлял и обдувал своим драконьим дыханием обслуживавших его мальчиков. Казалось, они не обращали внимания на Джека и Рудольфа, но Джек точно знал, что слово «казалось» как нельзя более применимо в данном случае. Считай, слухи уже пошли. О, да. В «Доме Солнечного Света» слухи распространяются со скоростью ураганного ветра.

— Мне нужно выбраться отсюда, — сказал Джек, — мне и моему больному другу. Сколько вы хотите за то, чтобы проследить за главным входом, пока мы будем выходить через боковую дверь?

— Больше, чем вы могли бы заплатить, даже если бы они не отняли у вас все деньги, дружище, — ответил Рудольф. Он произнес это очень резко, но его глаза смотрели на Джека с добротой.

А ведь действительно, у него ничего не осталось, ни-че-го. Ни гитарного медиатора, ни серебряного доллара, ни большого стеклянного шарика, ни шести баков... они забрали все. И сейчас все это лежит в кулечке в каком-нибудь недосыгаемом месте. Возможно, внизу, в офисе Гарднера. Но...

— Послушайте, я могу написать расписку.

Рудольф улыбнулся.

— Расписка? От кого-нибудь в этом «Доме»? Это просто смешно, — сказал он. — Потом ищи-свищи тебя по свету. А твоей распиской можно будет подтереться в сортире.

Джек попытался использовать всю силу своего убеждения. Сперва он хотел обойтись без этого, он надеялся повернуть все просто и красиво, но теперь ничего другого не оставалось. Он хлопнул Рудольфа по плечу и увидел, как изменилось его лицо, как удивление наполняет его глаза.

— Моя расписка будет иметь силу. Вы знаете это, — тихо сказал Джек. — Дайте мне адрес, и я вышлю вам деньги. Сколько? Ферд Джанклау говорил, что за два бака вы переправляете письма. Будет ли достаточно десяти, чтобы вы достаточное для нас время постояли у выхода?

— Не десять, не двадцать и не сто, — так же тихо ответил Рудольф. Теперь он смотрел на мальчика с такой печалью в глазах, что Джек не на шутку испугался. Этот взгляд, а может, что-то еще, дал ему понять, в какую запутанную ловушку попали они с Волком. — Я делал это раньше. Иногда за пять баков. Иногда, хотите верьте, хотите нет, за так. Для Ферда Джанклау я сделал бы это бесплатно. Он был хорошим парнем. Эти ублюдки...

Рудольф поднял над головой покрытый мыльной пеной кулак и потряс им в сторону выложенной зеленым кафелем стены. Он заметил, что Мортон, сегодняшний дежурный по кухне, смотрит на него, и метнул в ответ такой зловещий взгляд, что Мортон поспешно отвел глаза.

— Но тогда почему? — в отчаянии спросил Джек.

— Потому что я боюсь, — ответил Рудольф.

— Что вы имеете в виду? В тот день, когда я появился здесь, Зингер начал делать Вам пакости?

— Зингер! — Рудольф небрежно махнул рукой. — Я не боюсь Зингера. И не боюсь Баста, каким бы большим он ни был. Я боюсь его.

— Гарднера?

— Он суший дьявол, — сказал Рудольф. Он немного помолчал, затем продолжил. — Сейчас я расскажу тебе то, чего еще никому не рассказывал. Как-то раз он не заплатил мне вовремя деньги, и я решил сходить к нему в офис. Вообще-то, я стараюсь этого не делать, просто не люблю туда ходить, но в тот раз мне было очень нужно... да. Я должен был его увидеть. Мне срочно нужны были деньги... понимаешь, о чем я говорю? И я видел, как он спускается, то есть, я знал, что он там. Я спустился и постучал в дверь. Она тут же открылась, потому что он неплотно прикрыл ее за собой. И знаешь что, малыш? Его там не было!

Рассказывая эту историю, Рудольф еще более понизил голос, так что Джек едва мог его слышать за скрипом и тархтеньем посудомоечной машины. В то же время его глаза были широко открыты, словно у ребенка, очнувшегося после кошмарного сна.

— Я подумал, что он может быть в этой дурацкой студии, но его не было и там. В «церковь» он тоже не мог пойти, потому что у нее нет прямого сообщения с офисом. Есть только одна дверь, через которую он мог выйти, но она оказалась запертой на замок и на засов *изнутри*. Так куда же он делся, а, приятель? Куда он делся?

Джек, который знал ответ на этот вопрос, только молча смотрел на Рудольфа.

— Я думаю, что он дьявол и что он использует какие-то потусторонние силы, чтобы опускаться в ад и подниматься обратно, — сказал Рудольф. — Я рад бы тебе помочь, но не могу. Никакие деньги не спасут меня от этого Препоганого. А теперь уходи. Будем надеяться, никто не заметил твоего отсутствия.

Но отсутствие, конечно же, заметили. Как только он вышел из дверей кухни, сзади появился Уорвик и ударил его по спине обеими руками, сжатыми в один большой кулак. Когда Джек, спотыкаясь, полетел вперед по опустевшему залу столовой, неизвестно откуда, словно злобный чертик из шкатулки, появился Кейси и подставил ему ногу. Джек не мог остановиться. Он зацепился одной ногой за ногу Кейси, а второй за свою собственную и рухнул вниз, раскидывая стулья. Затем он поднялся, вытирая с глаз слезы злости и стыда.

— Ты должен побыстрее убирать за собой посуду, — сказал Кейси. — Если в следующий раз будешь так медлить, получишь в сто раз больше.

Уорвик ухмыльнулся.

— А теперь бегом наверх. Грузовики ждут одного тебя.

На следующее утро его снова разбудили в четыре часа и повели в офис Преподобного Гарднера.

Гарднер оторвал взгляд от Библии и посмотрел на Джека так, будто был искренне удивлен его появлением.

— Готовы исповедаться, Джек Паркер?

— Мне не в чем...

И снова зажигалка. Пламя, танцующее менее, чем в дюйме от кончика носа.

— Говори. Где мы встречались? — пламя еще немного приблизилось. — Я все равно вытяну это из тебя, Джек. Где? Где?

— На Сатурне! — выкрикнул Джек. Это все, что он мог придумать. — На Уране! В метеоритном потоке! На Ио! На Ганиমেде! На...

Боль, тупая и тягучая, сковала низ живота — Гек Баст просунул руку между ног Джека и сдвинул его яйца.

— А если так? — сказал Гек, широко улыбаясь. — Ты никогда раньше не испытывал такого сладостного чувства? Ты, хрен собачий?

Джек медленно опустился на пол, не переставая скулить.

Преподобный Гарднер так же медленно склонился над ним. Его лицо побледнело и стало почти бесцветным.

— В следующий раз на этом месте окажется твой друг, — тихо произнес Гарднер. — Уж с ним-то я не буду церемониться. Подумай об этом, Джек. У тебя есть время до следующего утра.

Но Джек твердо решил: к следующему утру ни его, ни Волка здесь не будет. Если остались только Долины, значит, пусть будут Долины...

...Если только получится туда попасть.

Глава 25 ВОЛК И ДЖЕК ПОПАДАЮТ В АД

1

Отправляться нужно было с первого этажа. Джек сосредоточился на этом больше, чем на том, смогут ли они вообще перенестись в Долины. Конечно, проще всего было исчезнуть прямо из комнаты, но тот жалкий маленький бокс, который занимали они с Волком,

располагался на третьем этаже, в сорока футах над землей. Джек не имел никакого понятия о том, как география и топография Долин соотносятся с географией и топографией Индианы, и ему совсем не улыбалась перспектива в первое же мгновение свободы сломать себе шею.

Он объяснил Волку порядок действий.

— Ты понял?

— Да, — отсутствующим голосом ответил Волк. Похоже он ничего не слушал.

— Повтори.

— После завтрака я иду в душевую из общей комнаты. Я захожу в крайнюю кабинку. Если никто не замечает моего отсутствия, ты идешь следом. И мы возвращаемся в Долины. Все правильно, Джек?

— Правильно, — ответил он. Затем положил руку на широкое плечо Волка и крепко пожал его. Волк устало улыбнулся. Джек еще немного помедлил и добавил:

— Прости. Это я втянул тебя в эту историю. Все из-за меня.

— Нет, Джек, — ласково ответил Волк. — Мы попробуем. Может быть...

Легкая призрачная надежда зажгла свой огонек в его глазах.

— Да, — сказал Джек. — Может быть.

2

Джек был слишком поглощен своими мыслями и слишком напуган, чтобы есть. Но он понимал, что отказом от пищи может привлечь ненужное внимание. Поэтому он упорно давился пахнущими резиной яйцами и картошкой, и даже заставил себя пожевать жирный кусок бекона.

Погода, наконец-то, восстановилась. Прошлой ночью ударил мороз, и камни на дальнем поле, должно быть, выглядели, как частички шлака в море оплавленного пластика.

Вот уже первые тарелки понесли на кухню.

Пока Отрок Зингер, Гектор Баст и Энди Уорвик наслаждаются своими персональными порциями, мальчикам разрешено посидеть в общей комнате.

Они расселись вдоль стен, уставившись в пол ничего не выражающими глазами. Педерсен листал свежий номер издаваемого Гарднером журнала «Свет Господа». Он лениво переворачивал страницы, каждый раз при этом поднимая глаза и оглядывая мальчиков.

Волк вопросительно посмотрел на Джека. Джек кивнул. Волк встал и на цыпочках вышел из комнаты. Педерсен поднял глаза,

проследил за тем, как Волк пересекает коридор и входит в длинную узкую душевую, затем вернулся к своему журналу.

Джек сосчитал до шестидесяти, затем заставил себя повторить это. Так прошли две самые долгие и томительные минуты его жизни. Он ужасно боялся, что в любую минуту в комнату могут войти Зингер и Баст и позвать мальчишек на грузовики. Но Педерсен не дурак. Если Джек так быстро последует за Волком, Педерсен может что-нибудь заподозрить.

Наконец Джек поднялся и направился к двери. Казалось, она находится на недосягаемом расстоянии, сколько он ни переставлял свои отяжелевшие ноги, она не приближалась ни на дюйм. Это было похоже на оптический обман зрения.

Педерсен оторвал глаза от журнала.

— Ты куда?

— Я хочу принять душ, — ответил Джек, чувствуя как пересох его язык. Он слышал, что у людей от страха пересыхает во рту, но как может пересохнуть язык?

— Они придут с минуты на минуту, — сказал Педерсен, кивая в конец коридора, где находилась лестница, ведущая в часовню, в студию и офис Гарднера. — На Дальнем поле достаточно воды.

— Но я хочу принять душ, — в отчаянии повторил Джек.

«Конечно. А еще вы с твоим здоровенным тупым другом хотите немного потрахаться перед началом тяжелого дня. Чтобы слегка взбодриться. Сядь и сиди».

— Ладно, иди, — Педерсен лениво махнул рукой. — Только не торчи там долго, а то как бы не пришлось пожалеть.

И он снова уставился в свой журнал. Джек пересек коридор и вошел в душевую.

3

Волк, конечно же, вошел не в ту кабинку, он стоял как раз напротив двери, и его большие грязные рабочие ботинки ни с чем нельзя было спутать. Джек вошел внутрь. Кабинка была слишком мала для двоих. Он оказался вплотную прижатым к Волку и был очень обеспокоен его странным, почти животным запахом.

— Ну, ладно, — сказал Джек. — Давай попробуем.

— Джек, я боюсь.

Джек судорожно засмеялся.

— Я тоже боюсь.

— Как мы...

— Не знаю. Давай мне руки. — Вроде бы неплохо для начала.

Волк положил свои волосатые руки, почти лапы, на ладони Джека, и Джек почувствовал, как какая-то сверхъестественная сила потекла в него через них. Значит, Волк несмотря ни на что не растерял ее. Просто его сила затаилась на время, как иногда прячется весна, застигнутая врасплох невыносимой жарой.

Джек закрыл глаза.

— *Пожелай* попасть туда, — сказал он. — *Пожелай* попасть туда, Волк. *Помоги* мне. **ПОМОГИ!**

— Я стараюсь, — выдохнул Волк. — Я помогу, если смогу!

— Здесь и сейчас.

— Прямо здесь и прямо сейчас!

Джек сильно сжал руки-лапы Волка. Он чувствовал запах шампуня. Слышал, как где-то проехала машина. Зазвонил телефон. Он подумал: «Я пью «магическую жидкость». Я пью свою воображаемую «магическую жидкость» прямо здесь и прямо сейчас. Я пью ее, я слышу ее запах, такой сильный и неприятный, я чувствую ее вкус, чувствую, как она заполняет мой рот...»

Он на самом деле почувствовал, как знакомый вкус появляется во рту, и в этот момент мир поплыл перед их глазами, земля ушла из-под ног.

— Джеки! Сработало! — крикнул Волк.

Это сбило Джека с мыслей, и он на мгновение испугался того, что все происходящее — не более, чем самообман, вроде того, как некоторые люди считают своих овец, чтобы заснуть. Мир снова принял свои очертания. Вернулся запах шампуня. Кто-то подошел к телефону: — «Да, я слушаю. Кто Вам нужен?»

«Что за ерунда! Тут нет самообмана. Никакого самообмана, только волшебство. Это волшебство. Я умел так делать раньше, когда был совсем маленьким. И сейчас у меня тоже получится, так говорил Спиди, и этот слепой певец Снежок тоже так говорил. *Магическая жидкость у меня в голове!*»

Он собрал все силы, всю свою волю... и легкость, с которой все произошло, была просто ошеломляющей. Представьте себе, что вы со всего размаху ударяете по тому, что кажется Вам неприступной гранитной стеной, а она на самом деле оказывается искусно выполненной декорацией из папье-маше, и удар, нанося который при других обстоятельствах вы сломали бы себе пальцы, не встречает никакого сопротивления!

Джеку, чьи глаза были крепко зажмурены, показалось, что пол пошатнулся под ногами... а мгновение спустя он исчез совсем.

«Вот черт! Мы все равно падаем», — с досадой подумал Джек.

Но они не падали, они медленно скользили вниз. Секунду спустя Джек и Волк уже стояли на ногах, только не на твердом кафельном полу ванной, а в грязи.

В их ноздри ворвался запах серы вперемешку со зловонием гниющих нечистот. Это был запах смерти, и Джек подумал, что он означает конец всех их надежд.

— О, Джейсон! Этот запах! — взвыл Волк. — Джейсон! Плохой запах! Здесь нельзя оставаться, Джек, здесь нельзя...

Джек открыл глаза. В эту же секунду Волк вырвался из его рук и бросился вперед. Его глаза все еще были плотно зажмурены. Джек увидел, что форменные штаны и куртка Волка исчезли, уступив место тому самому рабочему комбинезону, в котором Джек впервые встретил рослого пастуха. Ленноновские очки тоже испарились. А...

...а Волк с закрытыми глазами приближался к краю обрыва. Еще четыре шага, и...

— Волк! — он бросился в его сторону и схватил Волка за пояс. — Волк, нет!

— Джеки, здесь нельзя оставаться, — хныкал Волк. — Это Яма. Одна из Ям. Их делает Морган. Да, я слышал, что Морган делает такие места, я даже чувствую его запах...

— Волк, здесь обрыв, ты упадешь!

Волк открыл глаза. Его нижняя челюсть отвисла, когда он увидел струйки дыма, вырывающиеся у них из-под ног. А в глубине огромного дымного облака перед ними бушевало пламя. Казалось, оно смотрит на них своим злым красным глазом.

— Яма, — простонал Волк. — Да, Джеки, это Яма. Адская печь прямо перед нами. Черное Сердце мира. Нам нельзя здесь оставаться, Джеки. Это самое худшее зло из всех, какие только бывают на свете.

Первое, о чем подумал Джек, когда они с Волком стояли на краю Ямы и смотрели прямо в Ад или в Черное Сердце Мира, было то, что география и топография Долин отличаются от географии и топографии Индианы — в «Доме Солнечного Света» не было места, соотносящегося с этим обрывом, с этой ужасной Ямой.

«Четыре шага вправо, — подумал Джек с внезапным леденящим ужасом. — Это было бы достаточно, всего четыре шага вправо. И если бы Волк сделал все так, как я ему сказал...»

Если бы Волк сделал все так, как ему сказал Джек, они отправились бы сюда из первой кабинки. А если бы они отправились из первой кабинки, то очутились бы в Долинах прямо над этим обрывом.

У Джека подкосились ноги. Он снова вцепился в Волка, на этот раз чтобы не упасть самому.

Волк не обратил на это никакого внимания. Его глаза были широко открыты и сверкали оранжевым светом. Лицо исказили страх и отвращение.

— Это Яма, Джеки.

Она была похожа на тот карьер, где велась открытая разработка молибдена и на который они с мамой ездили смотреть года три назад, когда отдыхали в Колорадо. Была зима, и они каждый день катались на лыжах. Но однажды ударил такой мороз, что катание на лыжах пришлось отменить. И тогда они решили поехать на автобусную экскурсию в маленький городок Сайдуиндер, недалеко от которого велась разработка молибденовой руды.

— Именно так я представляю себе Геенну Огненную, Джеки, — сказала тогда мама, и ее лицо, когда она выглядывала наружу сквозь замороженное окно автобуса, было задумчивым и печальным. — Я надеюсь, что эти места когда-нибудь закроют — все подобные места. Ведь они же жгут и разрушают землю. Да, это настоящая Геенна.

Большие и плотные клубы дыма вырывались из глубины Ямы. Ее края были покрыты толстыми слоями какой-то ядовито-зеленой металлической пыли. Яма имела около полумили в диаметре. Ведущая вниз дорога кружила по спирали вдоль ее краев. Глубоко внизу Джек увидел фигурки людей, снующих взад-вперед по этой дороге.

Видимо, это была своего рода тюрьма, вроде «Дома Солнечного Света», а эти люди внизу — заключенные и их надсмотрщики. Заключенные были впряжены по двое в тележки наподобие рикш, тележки наполненные большими кусками этой зеленой, маслянистой на вид руды. Их лица были искажены от боли. Их лица были черны от пота и грязи. Их лица были красны от напряжения и крови.

Солдаты шагали за ними по пятам, и Джека передернуло от отвращения — это были не люди. Их даже приближенно нельзя было назвать людьми. Они все были горбатыми и сморщенными, на их руках росли когти, их длинные заостренные уши торчали вверх, как у мистера Спока. «Да это же тролли! — подумал Джек. — Тролли и горгульи. Все эти кошмарные монстры из французских соборов. У мамы была книжка, и она читала мне про них каждый вечер и показывала картинки. Я думал, что узнаю про всех чудовищ, какие только водятся на земле, но она перестала читать, когда мне

однажды приснился кошмар и я намочил кровать. Так значит, они являются отсюда? Интересно, кто-нибудь видел их здесь? Кто-нибудь из взрослых, путешествовавших в Долины, добирался ли он сюда? Видел ли это место? Думал ли о том, что ему мерещится ад?»

Но ад не мерещился.

Каждый тролль держал в руках плетку, и сквозь скрип колес и треск крошащегося под ударами молотов камня Джек слышал свист разрезаемого ими воздуха и звонкие удары. Пока они с Волком смотрели вниз, одна из этих человеческих упряжек остановилась почти у самой вершины спиральной дороги. Люди стояли, низко опустив головы, тяжело переводя дыхание, натянутые до предела сухожилия выступили на их шеях, ноги дрожали от напряжения.

Подгонявшее их чудовище — отвратительное морщинистое существо в странной одежде (длинная полоска грязной ткани, крепко обернутая вокруг ног) с неровными клочками редких жестких волос, растущих вдоль позвоночника — достало из-за пояса свою плетку и опустило ее сперва на одного, затем на второго человека, прикрикнув на них на непонятном языке таким высоким и пронзительным голосом, что Джек испугался за свои барабанные перепонки. Он увидел такие же колечки из серебристого металла, какие украшали плетку Осмонда, и прежде, чем он успел моргнуть, рука одного из заключенных бессильно повисла, а на шею другого лег ярко-красный рубец.

Люди застонали и двинулись вперед даже еще быстрее, чем прежде. Их кровь казалась черной в желтоватой мгле. Чудовище визжало, тараторило, и его плоская серая правая рука извивалась, как телефонный шнур, когда оно крутило свою плетку над головами рабов. Последним судорожным усилием они выкатили тележку на ровное место. Один из них в изнеможении упал на колени, и движущаяся по инерции тележка ударила его по спине, заставив растянуться в грязи. Одно ее колесо переехало через него. Джек услышал хруст ломающегося позвоночника. Это было похоже на выстрел стартового пистолета.

Тролль взвизгнул от ярости, когда тележка сперва покачнулась, а потом перевернулась, вываливая свое содержимое на грязную потрескавшуюся землю у самого края ямы. Он в два прыжка приблизился к упавшему и занес над ним свою плетку. В этот момент умирающий человек поднял голову и посмотрел прямо в глаза Джеку Сойеру.

Это был Ферд Джанклау.

Волк тоже его увидел.

Они схватились друг за друга.

И перенеслись назад.

Они снова находились в узком закрытом пространстве, в кабине душевой, и Джек едва мог дышать, потому что Волк прижимал его к себе с чудовищной силой. И один его ботинок почему-то был мокрым. О, Бог ты мой! Вернувшись из Долин, он каким-то образом умудрился метко попасть ногой в унитаз. «С Конаном Варваром, наверное, такого никогда не случилось», — раздраженно подумал Джек.

— Джек! Нет! Джек, нет! Яма! Это Яма! Нет, Джек! Нет...

— Успокойся! Успокойся, Волк! Мы вернулись!

— Нет, нет, не...

Волк оборвал свои причитания на полувзвук и медленно открыл глаза.

— Вернулись?

— Клянусь тебе, прямо здесь и прямо сейчас, так что отпусти меня. Ты переломашь мне все косточки, и к тому же, моя нога застряла в этом чертовом...

Дверь душевой с грохотом распахнулась. Она с достаточной силой ударилась о внутреннюю кафельную стену, чтобы узорчатые стекла разлетелись вдребезги.

Затем с такой же силой распахнулась дверь кабинки. Энди Уорвик бросил внутрь презрительный взгляд и произнес два злых, обидных слова:

— Вонючие педерасты.

Он схватил ничего не понимающего Волка за ткань рубашки и вытащил его наружу. Штаны Волка зацепились за металлический стержень, на котором висела туалетная бумага, и вся конструкция сорвалась со стены. И разлетелась вдребезги. Освобожденный рулон бумаги, разматываясь, покатился по полу. Уорвик с силой толкнул Волка в сторону раковин, которые находились как раз на высоте его яич. Волк взвыл от боли и опустился на пол, зажав руку между ног.

Уорвик повернулся к Джеку, и в это же время в дверях показался Отрок Зингер. Он подошел к Джеку и схватил его за шиворот.

— Ну что же, чертов пида... — начал было Зингер, но продолжить ему не удалось.

С тех пор, как они с Волком попали в это место, Отрок Зингер постоянно крутился у Джека перед глазами. Отрок Зингер со своим хитрым темным лицом, так хотевший стать похожим на Преподобного Гарднера (хотя бы настолько, насколько это возможно), Отрок Зингер, который прикрепил к нему это прелестное прозвище «сопляк». Отрок Зингер, которому, несомненно, принадлежала идея помочиться в их постели.

Джек выбросил вперед свой правый кулак, не закручивая удар в манере Гека Баста, а двигая сильно и точно, с локтя. Кулак встретился с носом Зингера. Раздался довольно громкий хруст. На мгновение Джек почувствовал удовлетворение: его надменный противник наконец-то потерпел поражение.

— Вот так-то, — крикнул Джек, вынимая ногу из унитаза. Широкая улыбка расплылась по его лицу, он повернулся к Волку и попытался мысленно сказать ему: «Мы не делаем ничего плохого, Волк, — ты сломал руку одному ублюдку, я разбил нос другому».

Зингер со стоном отступил назад. Кровь сочилась сквозь его прижатые к лицу пальцы.

Джек шагнул из кабинки, держа кулаки на уровне груди, ну просто вылитый Джон Салливан.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты оставил меня в покое, Зингер. А сейчас я собираюсь научить тебя произносить «аллилуйя».

— Гек! — закричал Отрок. — Энди! Кейси! Кто-нибудь!

— Ты выглядишь испуганно, Зингер, — сказал Джек. — Не знаю даже почему...

И в этот момент что-то, что-то, похожее на мешок кирпичей, опустилось ему прямо на шею, впечатав лбом в одно из зеркал над раковинами. Будь это стекло, оно непременно бы разбилось, больно поранив Джека. Но все зеркала были сделаны из полированной стали. В «Доме Солнечного Света» все было предусмотрено для того, чтобы сократить количество самоубийств.

Джек успел выставить вперед одну руку и этим немного смягчить удар, но у него еще кружилась голова, когда он обернулся и увидел перед собой ухмыляющуюся физиономию Гектора Баста. Гек Баст нанес ему удар своей закованной в гипс правой рукой.

При взгляде на Гектора, Джека неожиданно посетила безумная догадка. *«Это был ты!»*

— Должно быть, адская боль, — сказал Гек, придерживая правую руку левой. — А может, и хуже. Да, сопляк?

Он сделал шаг вперед.

«Это был ты! Ты стоял над Фердом в том мире, избивая его до смерти! Это был ты, ты был троллем, он твой двойник!»

Ярость, прокатившаяся сквозь Джека, была настолько горячей, что даже слегка походила на стыд. Когда Гек приблизился на досягаемое расстояние, Джек стал спиной к раковине, отклонился назад, крепко сжав руками ее край, и резко выбросил вперед обе ноги. Они попали Геку Басту прямо в грудь, и он, потеряв равновесие, влетел в открытую дверь кабинки. Ботинок, которому было суждено материализоваться в унитазе, оставил четкое мокрое пятно

на белом форменном свитере Гека. Он с глухим стуком опустился на пол; на его лице появилось выражение искреннего удивления. Гипс звякнул об кафель.

Остальные тоже пришли в движение. Волк пытался подняться. Его волосы спадали на лицо. Зингер приближался к нему, все еще прижимая руку к расквашенному носу, с явным намерением еще на некоторое время вывести Волка из игры.

— Ну, подойди, прикоснись к нему, Отрок, — насмешливо сказал Джек, и Зингер попятился в сторону.

Джек протянул Волку руку и помог ему подняться. Словно во сне он увидел, что Волк еще сильнее оброс шерстью. «Все, что творится вокруг — это слишком большой стресс для него. Он начинает превращаться в волка, и, Господи, он никогда не сможет повернуть это вспять... никогда... никогда...»

Они с Волком отвернулись от всех остальных — Уорвика, Кейси, Педерсена, Стручка и Зингера — и посмотрели в сторону душевых кабинок. Гек как раз вылезал из той, в которую его отправил Джек... И Джек заметил кое-что еще. Отправляясь в Долины, они заходили в четвертую кабинку. Гек Баст выходил из пятой. В другом мире они прошли как раз столько, чтобы здесь очутиться в соседней кабинке.

— Они здесь трахались! — крикнул Зингер. Слова прозвучали приглушенно и гнусаво. — Этот шизофреник и этот красавчик! Мы с Уорвиком видели, как они прятали свои причиндалы!

Джек прислонился спиной к холодному кафелю. Бежать некуда. Он отвернулся от Волка, который сидел в углу, такой удивленный, испуганный и жалкий, и сжал кулаки.

— Ну, подходите, — сказал он, — кто первый?

— Ты что, собираешься всех нас вырубить? — спросил Педерсен.

— Если придется, я вырублю, — уверил его Джек. — А ты что собираешься делать? Наставлять меня на путь истинный? Подходи!

Беспокойно мелькнуло на лице Педерсена, нескрываемый страх искажил лицо Кейси. Они замерли... Они именно замерли. На мгновение к Джеку вернулась легкая надежда. Они смотрели на него с таким видом будто на его месте находилась бешенная собака, которую можно убить... но которая перед этим может кого-нибудь сильно искушать.

— Отойдите, мальчики, — сказал властный певучий голос, и они отошли. Они отошли с готовностью, и облегчение отразилось на их лицах. Это был Преподобный Гарднер. Преподобный Гарднер, который знает, как справиться с этим придурком.

Он подошел к сгрудившимся мальчикам, одетый в это утро в строгие черные брюки и ослепительно белую рубашку с широкими,

почти Байроновскими рукавами. В руках он держал все ту же черную коробочку.

Он посмотрел на Джека и вздохнул.

— Джек, ты знаешь, что говорит Библия про гомосексуализм?

Джек оскалился.

Гарднер печально кивнул, будто только этого и ожидал.

— Да, все мальчишки дрянные, — сказал он. — Это аксиома.

Он открыл коробочку. Игла ярко заблестела в электрическом свете.

— Я думаю, что ты и твой друг занимались чем-то даже худшим, чем просто педерастия. — Гарднер снова перешел на свой властный певучий голос.

— Вы ходили туда, куда открыта дорога только старшим... и по возрасту, и по званию.

Отрок Зингер и Гектор Баст бросили на него испуганный, беспокойный взгляд.

— Я думаю, что это зло... этот порок... целиком моя собственная вина. — Он достал шприц, посмотрел на него, затем из той же коробочки вынул ампулу, передал коробочку Уорвику и наполнил шприц. — Я никогда не заставлял мальчиков исповедоваться, но без исповеди не может произойти очищение души перед Христом. А без очищения души зло продолжает расти. И посему, хотя мое сердце противится этому, я считаю, что время просить подошло к концу, и настало время принуждать... во имя Господа. Педерсен, Уорвик, Кейси, все. Держите его!

По его команде мальчики рванулись вперед, как хорошо обученные собаки. Джек успел разок ударить Стручка, но секунду спустя его руки были заломлены за спину.

— Тайге я еву вдежу, — завопил Зингер новым гнусавым голосом. Он растолкал локтями толпу схвативших Джека парней. Его глаза сверкали от ненависти. — Я хочу хорошенько еву вдежать!

— Не сейчас, — сказал Гарднер. — Чуть попозже. Мы потом замолим этот грех, не правда ли, Отрок?

— Та, — сверкание глаз Зингера стало лихорадочным. — Я готов хоть весь тень стоять да коледях и забаливать этот гдех!

Словно проснувшись после очень долгого сна, Волк закричал и оглянулся по сторонам. Он увидел руки, державшие Джека, словно это был младенец. На удивление громкий и мощный рев сотряс стены комнаты.

— Нет! Отпустите его!

Гарднер с кошачьей грацией приблизился к не видящему его Волку, что напомнило Джеку, как в том далеком грязном дворе

Осмонд подходил к несчастному кучеру. Волк изогнулся колесом и вскрикнул, словно был уколот... что, впрочем, с ним и случилось. Он попытался схватить шприц другой рукой, но Гарднер ловко остановил его и отвел руку, так и не введя снотворное.

Мальчики, имевшие обычный для «Дома Солнечного Света» изумленно-испуганный вид, теперь начали медленно отступать к двери. Никто из них не хотел связываться с таким большим дураком, как Волк, а тем более, в такой ярости.

— ОТПУСТИТЕ ЕГО! Отпустите... его... отпустите...

— Волк!

— Джек... Джеки...

Волк посмотрел на него своими недоумевающими глазами, которые меняли цвет, словно калейдоскопы странной конструкции, от светло-коричневого до оранжевого, от оранжевого до темно-красного. Он протянул к Джеку свои мохнатые руки, но в этот момент за его спиной появился Гектор Баст, и Волк, как подкошенный, рухнул на пол.

— Волк! Волк! — Джек смотрел на него полными слез и ярости глазами. — Если ты убил его, ты, сукин сын...

— Тшш, тихо, мистер Паркер, — прошептал Гарднер прямо ему в ухо, и Джек почувствовал, как холодный металл иглы входит в его руку. — Успокойся. Мы всего лишь собираемся зажечь маленький солнечный свет в твоей душе. А затем, возможно, мы поглядим, нравится ли тебе таскать тележки по спиральной дороге. Аллилуйя.

С этим словом Джек провалился в небытие.

Аллилуйя... аллилуйя... аллилуйя...

Глава 26 ВОЛК В КАРЦЕРЕ

1

Джек проснулся задолго до того, как это заметили, но он с трудом сознавал, кто он, что с ним случилось, и каково его положение в данный момент — он чувствовал себя, как солдат, переживший яростный и продолжительный артиллерийский обстрел. Рука ныла в том месте, куда Гарднер вогнал металлическое жало шприца. Голова раскалывалась — казалось, пульсируют даже глазные яблоки. И еще ему очень хотелось пить.

Понимание происходящего начало возвращаться к нему в тот момент, когда он попытался левой рукой потереть больное место на

локтевом сгибе правой руки. Он не мог этого сделать. А не мог он этого сделать по той причине, что его руки были словно связаны одна за другую, заплетены в косичку. Джек ощутил запах старой отсыревшей брезентовой ткани — запах палатки бойскаутов, несколько лет провалявшейся на чердаке. И только тогда (хотя он уже минут десять тупо рассматривал себя сквозь полуприкрытые веки) он понял, что на нем одето.

Это была смиренная рубашка.

«Ферд понял бы это быстрее, Джеки» — подумал он, и мысли о Ферде заполнили все его сознание несмотря на мучительную головную боль. Он немного расслабился, и эта пульсирующая боль, соединившись с жжением в руке, вылилась наружу протяжным стоном. Джек не успел вовремя опомниться.

Гек Баст:

— Он просыпается.

Преподобный Гарднер:

— Не может быть. Я влил ему дозу, достаточную для того, чтобы свалить с ног огромного слона. Он очнется самое раннее часов в девять. А сейчас он просто немного бредит. Гек, я хотел тебя попросить: сходи наверх и проведи исповедь. Да, и еще скажи, что сегодня вечерней проповеди не будет. Я должен встретить самолет, и это только начало того, что, возможно, станет Очень Длинной Ночью. Зингер, сынок, останься здесь и помоги мне разобраться с бумагами.

Гек:

— Но я уверен, что он проснулся...

Преподобный:

— Иди, Гек. И скажи Бобби... Ну, этому, Стручку, чтобы он присматривал за Волком.

Отрок (насмешливо):

— Не думаю, что ему там сильно нравится!

«Ах, Волк, они снова посадили тебя в карцер, — горевал Джек. — Прости меня... это моя вина... все из за меня...»

— Очищение душ грешников редко происходит беззвучно, — услышал Джек голос Гарднера. — Когда изгоняешь дьявола, он выходит наружу с криками и стонами. А теперь иди, Гек.

— Слушаюсь, Преподобный Гарднер!

Джек слышал голос Баста рядом с собой, но не видел его. Он не мог позволить себе открыть глаза.

Помещенный в грубо сделанный, сваренный из ржавых металлических листов карцер, словно заживо похороненный в железном гробу, Волк выл весь день напролет, разбивая в кровь свои руки и ноги о стены и крепкую, запертую на двойной засов дверь темницы, пока жуткая нестерпимая боль не заставила его остановиться. Он понимал, что, калеча кулаки и отбивая ноги, он не сможет выбраться отсюда, так же как понимал и то, что никто не собирается выпускать его на свободу только потому, что он громко воет и кричит. Но он не мог ничего с собой поделать. Он был Волком, а Волки больше всего на свете не выносят замкнутого пространства. И больше всего на свете они не любят сидеть под замком.

Его крики разлетались по внутреннему двору «Дома Солнечного Света» и даже доносились до близлежащих полей. Мальчики беспокойно смотрели друг на друга и молчали.

— Я утром видел его в душевой, и он выглядел как сумасшедший, — сообщил Рой Оудерсфелт Мортону тихим срывающимся голосом.

— А они правда трахались, как говорит Зингер? — спросил Мортон.

Еще один вопль Волка донесся из тесного металлического карцера, и оба мальчика обернулись в его сторону.

— Еще как! — выпалил Рой. — Правда, я сам не видел, потому что я очень маленького роста, но впереди меня стоял Бастер Ротс, и он сказал, что этот большой долбанутый парень засунул свою членяру прямо в задницу этому красавчику! И еще он сказал, что член у него размером с водопроводную трубу!

— О, Господи! — полным почтения голосом сказал Мортон. Скорее всего, он думал в этот момент о своей собственной (и, надо сказать, не маленькой) «членяре».

Волк провыл весь день, но когда солнце начало садиться, он затих. Восстановившаяся тишина показалась мальчикам зловещей. Они стали чаще, намного чаще и с большим беспокойством поглядывать в сторону металлического сооружения, расположившегося в центре пустынного заднего двора «Дома». Карцер имел шесть футов в длину и три в высоту, если не считать грубого скоса с одной стороны, с прорезанным в нем и закрытым тяжелой стальной сеткой отверстием, служившим в карцере окном. «Железный гроб». Пожалуй, лучшего названия для него не придумаешь. Это именно то, на что он был похож. «Что там происходит?» — думали мальчики. Даже во время исповеди, когда обычно забываются все остальные дела,

когда обычно один с упованием кается в своих вымышленных грехах, а остальные с упоением его слушают, даже тогда головы поворачивались к единственному окну общей комнаты... хотя оно выходило на противоположную той, где стоял карцер, сторону двора.

«Что там происходит?»

Гектор Баст видел, что их мысли сосредоточены вовсе не на исповеди, и это бесило его, но он был не в состоянии что-либо изменить, потому что не понимал, что происходит. Чувство леденящего ожидания неизвестно чего охватило всех мальчиков в «Доме». Их лица были бледнее, чем обычно, глаза лихорадочно блестели, словно у наркоманов.

«Что там происходит?»

А происходила очень простая вещь.

Волка захватила Луна.

Он почувствовал, что это происходит, как только лучи солнца, проникавшие внутрь сквозь вентиляционное окно, начали изменять угол, поднимаясь все выше и выше по стене, и приобрели красноватый оттенок. Было слишком рано отдаваться во власть Луны — она еще не стала достаточно полной и могла повредить ему, даже убить. Но *это* случилось, как всегда случается с Волками — пришло для этого время или нет, — когда они слишком долго и слишком сильно страдают. Волк *очень* долго держал себя в руках, потому что так хотел Джек. Ради Джекa он проявил великий героизм в этом мире. Джек, возможно, понимает это или когда-нибудь поймет, но ему не дано постигнуть всю его недостижимую глубину.

Но сейчас Волк умирал, и Луна захватила его, а поскольку смерть прекращает страдания и переносит душу в другой, лучший мир, такой спокойный и священный, Волк чувствовал облегчение и даже радость. Как это прекрасно — ни с кем больше не бороться!

Его рот неожиданно наполнился острыми клыками.

3

После того, как Гек Баст ушел, комнату наполнили обычные для офиса звуки: скрип отодвигаемых стульев, звяканье ключей на поясе Преподобного Гарднера, скрип открываемой и закрываемой дверцы сейфа.

— Абельсон. Двести сорок долларов тридцать шесть центов.

Пальцы Зингера пробежались по кнопкам компьютера.

Питер Абельсон был одним из счастливчиков, принадлежавших к категории «С». Как и все «свободные», он был сияющим, представительным и не имел физических дефектов. Джек видел его всего

несколько раз, и ему показалось, что Абельсон похож на Донди — этого всеми покинутого, одичавшего ребенка, смотрящего со страниц комиксов своими большими бездонными глазами.

— Кларк. Шестьдесят два доллара семнадцать центов.

Снова шелест кнопок. Пауза. Затем Зингер нажал красную кнопку с надписью «Стоп». Машина еще немного поурчала и затихла.

— Все меньше и меньше, — заключил Зингер.

— Не волнуйся, я поговорю с ним. А теперь, пожалуйста, не отвлекай меня, Санни. Мистер Слоут прилетает в Манси в десять-пятнадцать, а дорога далека. Я не хотел бы опаздывать.

— Прошу прощения, Преподобный Гарднер.

Гарднер сказал что-то еще, но Джек его уже не слышал. На слове «Слоут» сильнейший шок сковал его по рукам и ногам. Однако, часть его не была удивлена. Часть его давно знала, что в колоде может оказаться и эта карта. Гарднер заподозрил его с самого начала. Он не хотел беспокоить своего босса по пустякам, предположил Джек. Или, возможно, не хотел признаваться в том, что не может без его помощи добиться правды от Джека. Но, наконец-то, он решился и позвал его... откуда? С востока? С запада? Джек много бы отдал за то, чтобы это узнать. Откуда вылетел Морган — из Лос-Анджелеса или из Нью-Хемпшира?

«Здравствуйте, мистер Слоут. Я не хотел Вас беспокоить, но дорожный патруль доставил мне одного мальчика... вернее, двух мальчиков, но меня интересует только один из них. Мне кажется, я его знаю. Или, возможно, это мой... гм... мое второе «Я» его знает. Он назвался Джеком Паркером, только... Что? Описать его? Хорошо, сейчас попробую...»

И самолет взлетел.

«Пожалуйста, не отвлекай меня, Санни. Мистер Слоут прилетает в Манси в десять-пятнадцать...»

Время остановило свой бег.

«Я ведь велел тебе убраться домой, Джек... теперь слишком поздно».

«Все мальчишки дрянные. Это аксиома».

Джек слегка приподнял голову и оглядел комнату. Гарднер и Отрок Зингер сидели за светлым деревянным столом. Санни снова нажимал на кнопки компьютера, а Гарднер сыпал цифрами. Каждую цифру сопровождало имя «свободного» работника, которые были аккуратно расположены в алфавитном порядке. На столе перед Гарднером лежала Книга Книг, длинная стальная коробка с дисками и довольно массивная пачка почтовых открыток и конвертов. Когда Гарднер приподнял одну из открыток, чтобы прочитать

написанное, Джек увидел ее лицевую сторону. На ней были изображены два счастливых ребенка, прижимающих к груди свои Библии, которые, взявшись за руки, бегут вприпрыжку по дороге к церкви. Надпись внизу гласила: «Я ОЗАРЕН СВЕТОМ ИИСУСА».

— Темкин. Сто шесть долларов ровно. — Открытка опустилась в корзину, где присоединилась к предыдущим.

— Мне кажется, он опять лодырничает, — сказал Санни.

— Бог видит истину, но выжидает, — спокойно ответил Гарднер. — Победитель всегда прав. А теперь заткнись. Нам нужно успеть закончить работу до шести.

Снова застучали клавиши.

Картина, изображавшая Иисуса, ходящего по воде, теперь была отодвинута в сторону. За ней оказался сейф. И сейф был открыт.

Джек заметил, что на столе Преподобного Гарднера находятся и другие не менее интересные вещи: два пакета, подписанные «ДЖЕК ПАРКЕР» и «ФИЛИПП ДЖЕК ВОЛК». И его старый добрый рюкзак.

Третьей вещью была связка ключей Преподобного Гарднера.

С ключей взгляд Джека скользнул на замкнутую дверь в левой стене комнаты. Личный выход Гарднера, как он теперь знал. Если это — единственный путь...

— Иеллин. Шестьдесят два доллара девятнадцать центов.

Гарднер вздохнул, опустил последнюю открытку в корзину и положил руку на Библию.

— Возможно, Гек был прав. Мне тоже кажется, что наш дорогой друг, мистер Джек Паркер, проснулся. — Он поднялся, обошел вокруг стола и подошел к Джеку. Его сумасшедшие глаза ярко сверкнули. Он опустил руку в карман и достал зажигалку. Джек почувствовал, как при виде ее внутри него закипает ужас. — Только ведь твоя фамилия совсем не Паркер? Я прав, мой милый мальчик? Твоя фамилия *Сойер*. О, да, Сойер. И кое-кто, сильно заинтересованный в тебе, появится здесь очень-очень скоро. И мы сможем рассказать ему много-много интересных-преинтересных вещей. Не так ли?

Преподобный Гарднер снял крышку с зажигалки, открывая черное ребристое колесико и закопченный фитиль.

— Исповедь полезна для души, — прошептал он и зажег огонь.

4

БУМ!

— Что это было? — спросил Рудольф, поднимая глаза от плиты. Ужин — пятнадцать огромных кастрюль, красиво выстроившихся в ряд — был почти готов.

— Что это? — спросил Джордж Ирвинсон.

Донни Киган, чистивший картошку над раковиной, разразился своим громким мерзким смехом.

— Я ничего не слышал, — сказал Ирвинсон.

Донни снова засмеялся.

Рудольф метнул на него сердитый взгляд.

— Ты что, собираешься счистить эту чертову картошку до ничего, ты, идиот?

Чик-чик-чик!

БУМ!

Ирвинсон только покачал головой.

Внезапно Рудольф испугался. Эти звуки доносились из карцера, который он до этой минуты наивно считал обычным сараем для просушки сена. Нельзя верить людям на слово. Так значит, этот большой парень в карцере — один из тех, кого, по словам этого Зингера, утром застукали за «гомосексуальным контактом» со своим другом, и один из тех, кто днем раньше хотел убежать отсюда. Еще говорят, что большой парень показал огромную силу, прежде чем Баст его вырубил... А кое-кто даже говорит, что большой парень не сломал Басту руку, а *раздавил* ее в кашу. Ну, это уже, конечно, брехня чистой воды, хотя...

БУМ!

На этот раз Ирвинсон оглянулся по сторонам. А Рудольф неожиданно решил, что ему нужно сходить в душевую. И что, возможно, ему придется подняться на третий этаж. И вернуться только часа через два, а может, даже через три. Ему предстоит черная работа, очень черная работа.

БУМ! БУМ!

К черту кастрюли.

Рудольф снял свой фартук и швырнул его на стол поверх кусков мяса, которое он собирался приготовить на завтрашний ужин, и вышел из кухни.

— Куда ты? — крикнул Ирвинсон ему вдогонку. Его голос стал неожиданно высоким. И он дрожал. Донни Киган принялся яростно стачивать картошку, размером с хороший футбольный мяч до размера шарика для игры в пинг-понг. Его засаленные волосы прилипли ко лбу.

БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ!

Рудольф не ответил на вопрос Ирвинсона, и к тому времени, как он добрался до площадки второго этажа, он уже почти бежал. Для Индианы настали тяжелые времена, работы на всех не хватало, а Преподобный Гарднер хорошо платил.

Но Рудольф, тем не менее, начал подумывать о том, не настало ли время подыскать себе другую работу. Он не мог здесь дольше оставаться.

5

БУМ!

Верхний засов разлетелся надвое. На мгновение между дверью и стеной карцера появился темный проем.

На некоторое время воцарилась тишина. Затем:

БУМ!

Нижний засов скрипнул, согнувшись.

БУМ!

Он отлетел.

Дверь карцера со скрипом открылась на своих огромных ржавых петлях. Две большие, покрытые коричневой шерстью лапы выступили вперед. Длинные когти вонзились в пыльную землю.

Волк делал первые шаги к свободе.

6

Пламя зажигалки качалось прямо перед глазами Джека: туда-сюда, туда-сюда. Преподобный Гарднер выглядел как нечто среднее между гипнотизером и актером старых времен, игравшим главную роль Великого Ученого в фильме «Старая-старая сказка». Кажется, Полом Мани. Довольно потешный вид — если бы Джек не был так испуган, он бы непременно рассмеялся. Впрочем, может быть, он еще рассмеется.

— Итак, у меня к тебе есть несколько вопросов. И ты мне на них ответишь, — сказал Гарднер. — Мистер Морган, конечно, может и сам получить их от тебя, и с легкостью, можешь не сомневаться! Но я предпочел бы не доставлять ему лишних хлопот... Как давно ты научился Мигрировать?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Как давно ты научился Мигрировать в Долины?

— Не понимаю.

Пламя приблизилось.

— Где негр?

— Кто?

— Негр! НЕГР! — заорал Гарднер. — Паркер, Паркус, или как он там еще себя называет! Где он?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Санни, Энди! — Крикнул Гарднер, — развяжите его левую руку. Дайте ее мне. Уорвик склонился над плечом Джека и что-то сделал. Секундой позже он вытянул его руку из-за спины. Будучи связанной в течение нескольких часов, она теперь словно покрылась иголками. Джек попытался вырваться, но это было бесполезно. Они держали его крепко.

— Раздвиньте ему пальцы.

Отрок схватил его за безымянный палец и мизинец, Уорвик — за средний и указательный. В ту же секунду, Гарднер направил пламя зажигалки в основание образованной ими буквы «v». Нестерпимая, адская боль пронизала сперва всю руку, а затем, казалось, все тело. Запахло жарящимся мясом. Кожа. Горит. Его кожа.

Как только Джек закричал, Гарднер отпустил язычок зажигалки и вернул крышку на место. Блестящие капельки пота покрывали его лоб. Он дрожал всем телом.

— Дьявол покидает тело с криками и стонами, — сказал он. — О, как он кричит! Вы слышали, мальчики?

— Да, Преподобный, — сказал Уорвик.

— Вы выгнали его, — сказал Зингер.

— Да, я знаю. Конечно, я его выгнал. Я знаю поход и к мальчикам, и к дьяволам. — Гарднер вытер пот со лба, затем склонился вперед, так что его лицо оказалось в дюйме от лица Джека. Удушливый запах одеколona ворвался в его ноздри. Он был ужасен, этот запах, но запах его собственной горящей плоти был во сто крат хуже.

— Ну, что, Джек? Ты вспомнил, когда научился Мигрировать? Где негр? Что знает твоя мать? Кому ты еще рассказывал? Чему тебя научил негр? Пожалуй, начнем с этого.

— Я не понимаю, о чем вы говорите!

Гарднер оскалился в злорадной ухмылке.

— Мальчики, — сказал он. — Мы должны зажечь маленькое солнце в темной душе вашего заблудшего брата. Завяжите ему левую руку и развяжите правую.

Святейший Гарднер снова открыл свою зажигалку и замер в ожидании.

Его большой палец покоился на черном колесике.

Джордж Ирвинсон и Донни Киган все еще были в кухне.

— Там кто-то есть, — беспокойно сказал Джордж.

Донни промолчал. Он уже закончил чистить картошку и теперь грелся у плиты. Он не знал, что делать дальше. Единственное, что

он знал — в комнате напротив идет исповедь, и ему хочется быть там. Исповедь это спасение, а здесь, на кухне, он чувствует себя очень-очень тревожно. Зато Рудольф не надоедает. Так что пока можно побыть и здесь.

— Я слышал какие-то звуки, — повторил Джордж.

Донни засмеялся: «Гы-гы-гы!»

— Боже, твой смех меня пугает, — сказал Джордж. — Слушай, у меня под матрасом лежит одна очень интересная книга «Капитан Америка». Я дам тебе ее почитать, если ты выглянешь и посмотришь, кто там.

Донни мотнул головой и снова разразился своим ослиным смехом.

Джордж посмотрел в сторону двери. Шорох. Царапанье. Вот на что это похоже. Кто-то царапает дверь. Как собака, которая хочет войти. Брошенный бездомный щенок. Только какой брошенный бездомный щенок может царапать самую верхушку двери, футов семь высотой?

Джордж подошел к окну и выглянул наружу. В сгустившейся тьме почти ничего не было видно. Карцер стал всего лишь более темным пятном на менее темном фоне.

Джордж направился к двери. Джек вскрикнул так громко и так сильно, что едва не порвал голосовые связки. Теперь к его мучителям присоединился Кейси, Кейси с большим отвислым животом, и это их взбодрило, потому что троим — Кейси, Уорвику и Санни Зингеру — было проще неподвижно удерживать его руку над огнем.

Когда Гарднер погасил его на этот раз, между пальцами Джека налился и чернел огромный, размером с горошину волдырь.

Гарднер поднялся, взял со стола пакет с надписью «Джек Паркер» и вместе с ним вернулся назад. Он вынул оттуда медиатор.

— Что это?

— Медиатор, — простонал Джек. Руку зверски пекло.

— Что он представляет из себя в Долинах?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— А это что?

— Стекланный шарик. Вы что, слепой?

— В Долинах это игрушка?

— Я не...

— Зеркало?

— ...знаю...

— Это волчок, который исчезает, когда его быстро вращаешь?

— ...о чем...

— ЗНАЕШЬ! ЗНАЕШЬ, ТЫ, ЧЕРТОВ ПИДОР!

— ...вы говорите.

Гарднер поднес руку прямо к лицу Джека. В ней он держал серебряный доллар. Его глаза горели.

— Что это?

— Это подарок моей тети Элен.

— Чем он становится в Долинах?

— Музыкальной шкатулкой.

Гарднер достал зажигалку.

— Твой последний шанс, мой милый мальчик.

— Она становится музыкальной шкатулкой и играет «Сумасшедшие ритмы».

— Держите ему руку, — сказал Гарднер.

Джек сопротивлялся, но он был один, а их трое.

9

Ужин в кастрюлях на плите начал подгорать.

Джордж Ирвинсон неподвижно стоял у двери почти пять минут, не находя в себе достаточно сил и духа, чтобы открыть ее. Царапающие звуки повторились.

— Здесь ровным счетом нечего бояться, — убеждал скорее себя, чем Донни, Джордж. — Когда ты чист перед Богом, тебе нечего бояться на земле.

И с этим великим высказыванием на устах он открыл дверь. Нечто огромное, темное и косматое стояло в проеме, сверкая из темноты ярко-красными глазами. Взгляд Джорджа скользнул по огромной лапе, появившейся из мрака ветреной осенней ночи. Длинные когти блеснули в свете кухни. Они сняли голову Джорджа Ирвинсона с плеч, и она полетела, брызгая кровью, через всю комнату прямо к ногам истерически смеющегося Донни Кигана. Бедного сумасшедшего Донни Кигана.

Волк опустил на все четыре лапы и вошел в кухню. Он бросил беглый взгляд на Донни Кигана и выбежал в коридор.

10

«Волк! Волк! Прямо здесь и прямо сейчас!»

Да, это именно голос Волка звучал в его голове, но он был более глубоким, более сильным и более властным, чем Джек когда-либо слышал. Он врзался в его сознание, словно хороший финский нож.

«Волка захватила Луна», — думал он. Эта мысль навевала чувства торжества и печали.

Гарднер стоял, приподняв голову. Его глаза сузились. Сейчас он был похож скорее на животное, чем на человека. Он был похож на животное, почуявшее опасность.

— Преподобный? — спросил Санни. Он мелко трясся, зрачки его глаз были сильно расширены. «Он наслаждается, — подумал Джек. — Если я заговорю, Санни, вероятно, будет глубоко разочарован».

— Я что-то слышал, — сказал Гарднер. — Кейси! Сходи и посмотри на кухне и в общей комнате.

— Хорошо.

Кейси вышел.

Гарднер снова посмотрел на Джека.

— Я очень скоро отбываю в Манси, — сказал он, — и когда я увижу мистера Моргана, мне хотелось бы немедленно сообщить ему некоторую информацию. Так что лучше отвечай мне, Джек. Не заставляй меня делать тебе больно.

Джек смотрел на него, надеясь, что бешенный стук его сердца не отражается ни на лице, ни, что более заметно, в пульсации сонных артерий на шее. Если Волк вырвался из карцера...

Гарднер держал в одной руке медиатор Спида, в другой — монету Капитана Фаррена.

— Чем они становятся?

— Когда я Мигрирую, они превращаются в черепашины яйца, — сказал Джек и громко, истерически захохотал.

Лицо Гарднера почернело от злости.

— Свяжите ему руки, — сказал он Санни и Энди. — Свяжите этому ублюдку руки и спустите ему штаны. Посмотрим, как он запоеет, когда мы поджарим *его* яйца.

11

Гек Баст смертельно скучал, выслушивая исповеди. Он уже знал их наизусть, эти дурацкие выдумки. «Я стащил деньги из сумочки моей мамы, я курил марихуану в школьном дворе, я опустил спичку в почтовый ящик и он сгорел, я сделал то, я сделал это...» Чушь собачья. Ничего интересного. Ничего, что могло бы отвлечь его от постоянной ноющей боли в руке. Гек так хотел сейчас быть внизу и обрабатывать этого чертова Сойера. А потом они могли бы заняться этим здоровым идиотом, который искалечил... нет, уничтожил его любимую правую руку. Да, он с огромным удовольствием похитался бы с ним. Отрезать бы ему яйца...

Мальчик по имени Вернон Скарда монотонно продолжал свое повествование.

— ...и мы с ним, мы увидели, что ключи торчат в ее... ну вы понимаете, о чем я говорю? И тогда он сказал: «Давай сядем в нее и покатаемся». Вот что он сказал. Я понимал, что это плохо, и так ему и сказал. А он говорит: «Ты просто трусишь, дерьмо куриное». Я говорю: «Я не дерьмо куриное» или что-то типа этого. А он мне говорит: «Докажи это». Я говорю: «Я никогда не сидел за рулем», а он мне говорит...

«О, Господи», — подумал Гек. Его рука уже не просто ныла — она вопила во весь голос, и он ненавидел всех этих малолетних придурков. В дальнем углу комнаты Гек увидел Стручка, который кривил рот, пытаясь подавить зевок.

— ...и мы сели и поехали. А потом он мне говорит...

Внезапно дверь с такой силой открылась внутрь, что едва не слетела с петель. Она ударилась о стену и срикошетила от нее, сметая на своем пути мальчика по имени Том Кэссиди. Он упал на пол и остался лежать так без сознания. Что-то ворвалось в комнату, сперва Гек Баст решил, что это самая большая и самая уродливая собака, какую ему только приходилось видеть в своей жизни. Мальчики закричали и повскакивали со стульев... И замерли, словно заворуженные, глядя широко раскрытыми обалдевшими глазами на то, как темно-серый зверь, в которого превратился Волк, пытается освободиться от форменных брюк и куртки, все еще болтавшихся на нем.

Вернон Скарда запнулся на полуслове с отвисшей челюстью. Волк выгнулся и осмотрелся по сторонам. Мальчики отступили от него. Педерсен рванулся к двери. Волк поднялся во весь рост, едва не стукнувшись головой о потолок. Он молниеносно выбросил вперед лапу толщиной с железнодорожную шпалу и пропахал на спине Педерсена четыре глубоких борозды. На мгновение стал виден его позвоночник — белая струна, натянутая в кровавом месиве. Темно-красные брызги заляпали стены. Педерсен сделал еще один широкий неуверенный шаг, затем рухнул на пол коридора и затих.

Волк развернулся... и взгляд его пылающих глаз остановился на Геке Басте. Гек попятился на внезапно окаменевших ногах, глядя не отрываясь на этот мохнатый красноглазый Ужас. Он понял, кто это... или, по крайней мере, кем это могло быть.

Геку больше не пришлось скучать в этом мире.

Джек снова сидел на стуле, и снова его руки были крепко прижаты к спине. Санни как можно туже завязал рукава смири-тельной рубашки, затем расстегнул и стащил его штаны.

— Ну, вот, — сказал Гарднер, держа зажигалку перед глазами Джека. — А теперь слушай меня, Джек. Слушай меня внимательно. Сейчас я буду снова задавать тебе вопросы, и если ты не ответишь мне на них немедленно и правдиво, то больше никогда не сможешь заниматься ни педерастией, ни даже онанизмом.

Отрок Зингер отреагировал на эту остроту громким хохотом. В его глазах опять зажегся этот мутный мертвенный огонек вождельничья. С нездоровой страстью глядел он в лицо Джека.

— Преподобный Гарднер! Преподобный Гарднер! — это был Кейси, и Кейси был до смерти напуган. Джек снова открыл глаза. — Там какое-то чудовище наверху!

— Мне некогда отвлекаться на глупые шутки.

— Донни Киган на кухне смеется, как чайка, и...

— Преподобный Гарднер сейчас не в настроении шутить, — сказал Санни. — Или ты плохо слышишь?

Но Кейси был слишком напуган, чтобы обращать внимание на слова.

— ...и из общей комнаты доносятся такие звуки, будто там идет война! Вопли! Стоны! И еще такие звуки...

Неожиданно, в голове у Джека громко и четко зазвучал призыв неопикуемой силы:

«Джеки! Где ты? Волк! Где ты, черт побери?!»

— ...словно там рычит свора бешеных собак!

Теперь Гарднер, наконец-то, взглянул на Кейси. Его глаза сузились, губы были плотно поджаты.

«В офисе Гарднера! В самом низу! Где мы были раньше!»

«В СТАРОМ низу, Джеки?»

«В САМОМ низу, Волк!»

«Прямо здесь и прямо сейчас!»

Голос Волка перестал звучать в его голове. Сверху донесся топот множества ног и крики.

— Преподобный Гарднер... — прошептал Кейси. Его обычно красное лицо стало белым, как мел. — Преподобный Гарднер, что это? Что...

— Заткнись! — оборвал Гарднер, и Кейси вздрогнул, словно получил пощечину. Он стоял с широко раскрытыми от ужаса глазами, его зубы отбивали мелкую дробь. Гарднер отвернулся от него и подошел к сейфу. Оттуда он достал огромный пистолет и опустил его в карман. Первый раз за все время Преподобный Сияющий Гарднер выглядел сбитым с толку и испуганным.

Сверху послышался слабый скребущий звук, сопровождаемый сдавленным стоном. Глаза Зингера, Уорвика и Кейси одновременно поднялись к потолку. Сейчас они были похожи на людей, захвативших пороховой склад и услышавших сверху нарастающий свист.

Гарднер взглянул на Джека. На его лице играла страшная улыбка. Уголки губ нервно подергивались, будто к ним были привязаны нити, за которые дергал не очень хороший кукловод.

— Он ведь придет сюда? — сказал Святейший Гарднер и кивнул, как будто Джек ответил на его вопрос. — Он придет... Но я не думаю, что он уйдет.

Волк прыгнул. Гек Баст попытался заслониться правой рукой в гипсовом панцире. Все смешалось: горячая волна боли, громкий хруст, облако гипсовой пыли... И панцирь вместе с запакованной в него рукой, остался в зубах у Волка. Гек тупо уставился на то место, где они только что были. Из плеча рекой лилась кровь. Она насквозь пропитала белый свитер и Гек всем телом ощущал ее горячее течение.

— Не надо, — шептал он, — прошу тебя, пожалуйста, не надо...

Волк выплюнул руку. Его голова рванулась вперед со скоростью разящей змеи. Гек, словно в замедленной съемке, увидел, как Волк разевает пасть, ощутил его влажное теплое дыхание... И больше ничего не чувствовал.

14

Войдя в общую комнату, Бобби Стручок первым делом поскользнулся в крови Педерсена и упал на одно колено. Он тут же вскочил и со всех ног помчался на первый этаж. Его рвало на бегу. Все дети разбегались, кто куда мог, крича и визжа от ужаса. Бобби не дал страху окончательно победить себя. Он вспомнил, что ему следует делать в экстремальных ситуациях, хотя и не думал, чтобы кто-нибудь мог даже предположить вероятность ситуации настолько экстремальной, как *эта*. Он был уверен, что Преподобный Гарднер мыслит больше такими терминами, как «один мальчик изнасиловал другого мальчика», что-то типа этого.

Рядом с тем боксом, в который помещали всех новых мальчиков, как только они попадали в «Дом Солнечного Света», находился маленький «кабинет», куда направлялись только малолетние убийцы. Гарднер, по его словам, использовал его в «учебных целях».

Бобби заперся в этой комнате, подошел к телефону и набрал номер полицейского участка. Секунду спустя он говорил с Фрэнки Уильямсом.

— Это Боб Пибоди, из «Дома Солнечного Света», — сказал он. — Вам нужно немедленно приехать сюда, офицер Уильямс, и возьмите с собой как можно больше полицейских. Весь Ад...

Снаружи услышал пронзительный крик, сопровождаемый треском ломающегося дерева. Затем раздался раскатистый рев, и крик резко оборвался.

— ...свалился на это место, — закончил он.

— Какой еще Ад? — лениво спросил Уильямс. — Дай мне Гарднера.

— Я не знаю, где сейчас Преподобный, но вы очень нужны здесь как можно скорее. Здесь мертвые люди. Мертвые *Дети*.

— ЧТО?!

— Немедленно приезжайте сюда с большим отрядом людей. И возьмите с собой побольше оружия.

Снова крик. Оглушительный грохот — свалилось что-то тяжелое, возможно, перевернулся старый комод в конце коридора.

— И тяжелую артиллерию, если сможете найти.

Послышался звон разбиваемого хрусталя — видимо, обрушилась висевшая в коридоре большая люстра. Бобби вздрогнул. Было похоже, что этот монстр голыми руками раздирает на куски весь «Дом».

— Ад, исчезни, — сказал Пибоди, начиная креститься.

— Что...

Он бросил трубку, не дав Уильямсу договорить. Потом залез под стол. Закрыв голову руками. И принялся усердно молиться, чтобы все, что происходит вокруг, оказалось не больше, чем сном — самым худшим и самым страшным ночным кошмаром, какой ему только доводилось видеть.

15

Волк пробежал по коридору первого этажа от общей комнаты до парадной двери, остановившись только для того, чтобы перевернуть комод, а затем, забравшись на него, оборвать хрустальную люстру. Он повис на ней, как Тарзан, и раскачивал до тех пор, пока металлический крюк не выскочил из потолка, и осколки хрусталя разлетелись по всему коридору.

«В старом низу. Джек в старом низу. Теперь... А, впрочем, где это?»

Мальчик, который был не в силах более выдержать мучительного ожидания того, когда чудовище наконец-то уйдет, распахнул дверь туалета, где до этого прятался, и рванул к лестнице. Волк поймал его и швырнул вдоль коридора. Мальчик ударился о закрытую дверь кухни с глухим хрустящим звуком и упал замертво.

Волк вскинул голову, почувствовав пьянящий запах свежей крови. Слипшаяся шерсть торчала темно-красными клочками вокруг его пасти. Он попытался думать, но это было тяжело. Очень тяжело.

И ему нужно было найти Джека. Как можно скорее. Прежде чем он окончательно потеряет способность мыслить.

Он снова кинулся к кухне и вошел туда уже на четырех лапах, потому что так было быстрее и проще... И внезапно, пробегая мимо закрытой двери, он вспомнил. Узкое место. Похожее на могилу. Сырой и тяжелый запах...

В СТАРОМ низу. За этой дверью. Прямо здесь и прямо сейчас!

— Волк! — крикнул он, но мальчики, дрожащие в своих укрытиях на первом и втором этажах, услышали только громкий торжествующий вой. Он приподнял оба тяжелых сильных тарана, что недавно были его руками, и направил их на дверь. Она переломилась посередине, брызнув щепками на лестницу. Волк вошел в открывшийся проем, и... Да, это было то самое узкое место, со спертым могильным воздухом, и здесь был путь в ту комнату, где Белый Человек произносил свои лживые речи, в то время как Джек и еще не вполне пришедший в себя Волк должны были сидеть и слушать все это.

Джек сейчас был там. Волк чувствовал его запах.

Но кроме этого, он чувствовал запах Белого Человека... и пороха.

«Будь осторожен...»

О, да. Волки знают, что такое осторожность. Волки могут бежать напролом, разрывая в клочья всех, кто попадется на их пути, но когда нужно... Волки умеют быть осторожными.

Он сбежал по ступеням на всех четырех, бесшумный как ветер, сверкая красными, похожими на сигнал светофора, глазами.

16

Гарднер постепенно становился все более и более взволнованным. Он смотрел на Джека взглядом человека, попавшего во взрывоопасную зону. Его глаза нервно бегали: с окошка студии, где Кейси в больших наушниках с ужасом прислушивался ко всем звукам, доносимым до него миниатюрными микрофонами, на закрытую дверь, ведущую в коридор.

Шум наверху некоторое время назад прекратился.

Отрок Зингер направился к двери.

— Я поднимусь наверх и посмотрю, что там...

— Ты НИКУДА не пойдешь! Вернись и сядь!

Санни застонал, будто Гарднер ударил его.

— Что случилось, Преподобный Гарднер? — спросил Джек. — У Вас немного встревоженный вид...

Зингер отпустил ему тяжелую затрепину.

— Как ты разговариваешь, сопляк?! Думай, что говоришь!

— У тебя тоже встревоженный вид, Санни. И у тебя, Уорвик. И у Кейси в его дурацкой...

— Пусть он заткнется! — неожиданно визгливым голосом воскликнул Гарднер. — Вы способны хоть на это? Или мне нужно делать все самому?

Санни снова ударил Джека, на этот раз намного сильнее. Кровь заструилась из его носа, но он только улыбнулся. Волк уже рядом... и Волк осторожен. У Джека появилась безумная надежда, что им удастся выпутаться из этой истории живыми.

Внезапно, Кейси вскочил, сорвал с головы наушники и включил внутреннюю связь.

— Преподобный Гарднер! Я слышу сирены!

Дико расширенные зрачки Гарднера метнулись на Кейси.

— Что? Сколько? На каком расстоянии?

— Судя по звуку, довольно много, — сказал Кейси, — правда, еще далеко. Но вы не беспокойтесь, они приближаются.

В этот момент нервы Гарднера сдали окончательно. Джек даже увидел, как это произошло. Преподобный неуверенно опустился на стул, замер на мгновение, а затем вытер губы рукавом пиджака.

«Это не из-за того, что случилось наверху. И не из-за сирен. Он тоже знает, что Волк близко. Он чувствует его по-своему... И ему это не нравится. Волк, мы еще можем спастись! У нас есть шанс!»

Гарднер протянул свой пистолет Санни Зингеру.

— У меня нет времени разбираться с полицией. Равно как и с тем, что творится наверху, — сказал он. — Морган Слоут для меня сейчас важнее. Я отправляюсь в Манси. Ты, Санни, и ты, Энди, вы едете со мной. Я пойду выгонять машину из гаража, а ты пока что направь эту пушку на нашего общего друга Джека. Как только услышите сигнал, оба выбегайте во двор.

— А как же Кейси? — поинтересовался Энди Уорвик.

— Ах, да-да, конечно. И Кейси тоже, — тут же согласился Гарднер, и Джек подумал: «Он же просто удирает от вас, чертovsky тупицы! Он рвет когти, и это написано у него на лбу, черным по белому, как в газете. А ваши скудные умишки неспособны это понять. Вы будете десять лет ждать этого сигнала, если, конечно, у вас хватит на такое время жратвы и туалетной бумаги».

Гарднер встал. Отрок Зингер с исполненным важности лицом занял его место за столом и направил на Джека дуло пистолета.

— Если здесь появится его недоделанный друг, — сказал Гарднер, — стреляй.

— Как он может здесь появиться? — спросил Санни. — Он же в карцере.

— Как бы не так, — ответил Гарднер. — Он — порождение греха. Они оба — порождение греха. Это несомненно. Это аксиома. Так что, если этот идиот появится здесь, застрели его. Застрели их обоих.

Он брякнул связкой ключей и выбрал среди них нужный.

— Когда услышите сигнал, — повторил он. Затем отпер дверь и вышел. Джек напряг весь свой слух, пытаясь уловить рев сирен, но ничего не услышал.

Дверь за Преподобным Гарднером закрылась.

17

Время замедлило свой ход.

Минута казалась двумя, две казались десятью, четыре казались часом. Три головореза Гарднера, оставленные наедине с Джеком, выглядели так, словно играли в «Море волнуется раз...» Санны застыл за столом Преподобного Гарднера, за столом, который он боготворил, которым наслаждался и за которым мечтал в будущем занять прочное место. Дуло пистолета смотрело, не отрываясь, прямо в лицо Джеку. Уорвик стоял у двери, ведущей в коридор. Кейси сидел в своей ярко освещенной будке, снова надев на голову наушники, и тупо глядел сквозь небольшое квадратное окошко в темноту модернизированной часовни, ничего там не видя, только слушая.

— Вы что, до сих пор не поняли, что он не собирается брать вас с собой? — неожиданно спросил Джек. Звук собственного голоса слегка удивил его. Он был самым обычным, совершенно спокойным и ни капельки не испуганным.

— Заткнись, сопляк, — бросил Зингер.

— Если ты собираешься вот так сидеть, затаив дыхание, пока не услышишь сигнал, то рискуешь посинеть, — сказал Джек.

— Энди, если он скажет еще хоть одно слово, разбей ему нос, — сказал Санны.

— Это правильно, — согласился Джек, — разбей мне нос, Энди. Выстрели в меня, Санны. Гарднер сбежал. А полицейские уже едут. Им будет очень приятно видеть вас троих, склонившихся над трупом в смиренной рубашке...

Он помолчал секунду и поправил:

— ...над трупом в смиренной рубашке и с расквашенным носом.

— Врежь ему, Энди, — сказал Зингер.

Энди Уорвик двинулся от двери к тому месту, где сидел Джек со связанными за спиной руками и спущенными штанами и трусами.

Джек с готовностью подставил Уорвику свое лицо.

— Он правильно говорит, Энди, — сказал он, — врежь мне. Я стерплю. Смотри, какая широкая мишень. Ты не промахнешься.

Энди Уорвик сжал руку в кулак, занес его... и замер в этом положении. В его глазах появилась нерешительность.

На столе Гарднера стояли электронные часы. Джек на секунду скосил глаза в их сторону, Затем вновь посмотрел на Уорвика.

— Прошло четыре минуты, Энди. Как ты думаешь, сколько времени требуется человеку на то, чтобы вывести машину из гаража? Особенно если он спешит?

Санни Зингер вскочил с кресла Преподобного Гарднера, обошел вокруг стола и приблизился к Джеку. Его узкое скрытое лицо пылало от ярости. Кулаки были крепко сжаты. Он замахнулся на Джека, но Уорвик, который был намного больше, остановил его. Теперь на лице Уорвика отразилась печаль. Глубокая печаль.

— погоди, — сказал он.

— Я не желаю это слушать! Я не...

— Почему вы не спрашиваете Кейси, насколько приблизились полицейские машины? — спросил Джек, и Уорвик еще сильнее помрачнел. — Вас бросили на тонущем корабле, вы понимаете это? Или мне объяснить? Или мне объяснить? Здесь скоро будет совсем скверно. Он знал это, он учуял это! Он бросил вас в беде. Судя по звукам, которые были там, наверху...

Зингер вырвался из объятий Уорвика и со всего размаху ударил Джека по щеке. Его голова упала на бок, затем медленно вернулась на место.

— ...вы в большой и страшной беде — закончил Джек.

— Или ты заткнешься, или я убью тебя, — прошипел Зингер.

Цифры на часах изменились.

— Пять минут, — констатировал Джек.

— Санни, — сказал Уорвик заискивающим голосом, — давай снимем с него эту штуку.

— Нет! — В крике Зингера смешались боль и ярость, непреклонность и страх.

— Вспомни, что говорил Преподобный, — выпалил Уорвик, — перед тем, как приехали люди с телевидения. Никто не должен видеть смиренных рубашек. Они не поймут. Они...

ЩЕЛК! Включилась внутренняя связь.

— Санни! Энди! — в панике завопил Кейси. — Они приближаются! Полицейские! Что нам делать?

— Сейчас же сними с него ЭТО! — лицо Уорвика было бледным, если не считать красных пятен на щеках.

— Преподобный Гарднер еще сказал...

— Мне плевать, что он там еще сказал! — голос Уорвика дрогнул. Теперь в нем звучал глубочайший детский страх. — Мы пропали, Санни! Мы пропали!

Джеку показалось, что теперь и он сам слышит сирены. А может, это было только его воображение.

Зингер бросил на Джека ужасный, полный страха и ненависти взгляд. Он поднял пистолет, и на мгновение Джек поверил, что Санни действительно собирается выстрелить в него.

Но прошло уже шесть минут, а никакого сигнала, оповещающего, что *машина* готова к отправлению в Манси, так и не было слышно.

— Сам снимай, если хочешь, — мрачно сказал Зингер Энди Уорвику. Мне противно к нему даже прикасаться. Он грешник. И еще он — голубой.

Зингер вернулся за стол, а пальцы Энди Уорвика тем временем принялись развязывать узлы на смирительной рубашке.

— Лучше молчи, — прошептал он. — Лучше молчи, или я сам тебя убью.

Правая рука свободна.

И левая свободна.

Они беспомощно повисли по бокам. Иголки и булавки вновь воткнулись в них.

Уорвик сдернул с него ненавистный чехол — ужасную конструкцию из темно-коричневого брезента и крепких шелковых веревок. Повертел его в руках и поморщился. Затем он пересек комнату и принялся запихивать смирительную рубашку в сейф Преподобного Гарднера.

— Подними штаны, — сказал Санни. — Или ты думаешь, что нам приятно смотреть на твои причиндалы?

Джек с трудом натянул трусы, взялся за пояс штанов, выронил их, снова попытался одеть...

ЩЕЛК! Внутренняя связь.

— Санни! Энди! — голос Кейси. — Я что-то слышу!

— Они уже подъехали? — Санни почти кричал. Уорвик с удвоенной силой принялся засовывать смирительную рубашку в сейф. — Они въехали во двор?

— НЕТ! В ЧАСОВНЕ! Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ, НО СЛЫШУ ЧТО-ТО В...

Раздался звон разбитого стекла, и Волк, выпрыгнув из мрака часовни, оказался в студии.

Крики Кейси, откатившегося от пульта управления в своем кресле на колесиках, были многократно усилены.

В студии бушевал стеклянный ураган. Волк опустил все четыре лапы на покатую панель красных глаз. Его длинные когти по пути поворачивали ручки и щелкали тумблерами. На большом студийном магнитофоне завращались катушки.

— ...КОММУНИСТЫ! — прогремел голос Преподобного Гарднера. Он был выведен на полную громкость, заглушая вопли Кейси и крики Уорвика: «Стреляй в него, Санни! Стреляй в него!» Но голос Гарднера был не одинок. На заднем плане раздалось нарастающее завывание множества сирен: расставленные снаружи микрофоны Кейси уловили приближение целого каравана полицейских машин, поворачивающих на дорогу, ведущую к «Дому Солнечного Света».

— О, ОНИ РАССКАЖУТ ВАМ, ЧТО ЭТО НЕ ТАК УЖ ПЛОХО — СМОТРЕТЬ В ЭТИ ГЯЗНЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ! ОНИ СКАЖУТ ВАМ, ЧТО НЕТ НИЧЕГО СТРАННОГО В ТОМ, ЧТО ДЕТЯМ В ШКОЛАХ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ МОЛИТЬСЯ! ОНИ СКАЖУТ ВАМ, ЧТО НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ ДАЖЕ ТО, ЧТО ШЕСТНАДЦАТЬ КОНГРЕССМЕНОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ДВОЕ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ — АКТИВНЫЕ ГОМОСЕКСУАЛИСТЫ! ОНИ СКАЖУТ ВАМ...

Кресло Кейси откатилось к стеклянной стене между студией и офисом Преподобного Гарднера. Он повернул голову, и на мгновение они увидели его широко раскрытые, полные отчаяния глаза. И тут Волк прыгнул. Его голова ударилась о толстый живот Кейси... и почти вся исчезла в нем. Челюсти начали открываться и закрываться со скоростью хлебoreзной машины. Кровь брызнула кверху фонтаном и сплошным потоком стекла по окну, заслонив от них предсмертные конвульсии Кейси.

— Стреляй в него, Санни, стреляй в это чертово чудовище! — орал Уорвик.

— А ты думал, я собираюсь стрелять в него? — сказал Зингер, указывая головой на Джека. Он говорил тоном человека, наконец-то решившегося на героический поступок. Затем Санни кивнул, и уголки его губ слегка приподнялись в улыбке.

— ...ГРЯДЕТ ДЕНЬ, МАЛЬЧИКИ! О, ДА, ЭТО БУДЕТ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ, И В ЭТОТ ДЕНЬ КОММУНИСТЫ-ГУМАНИСТЫ, ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ АТЕИСТЫ ОБНАРУЖАТ, ЧТО КАМЕНЬ НЕ ДАЕТ ИМ ЗАЩИТЫ И ЧТО МЕРТВОЕ ДЕРЕВО НЕ ДАЕТ ИМ

ПРИЮТА! ВОТ ЧТО С НИМ ПРОИЗОЙДЕТ! АЛЛИЛУЙЯ! А ЕЩЕ ИХ ЖДЕТ...

Волк рычал и терзал плоть.

Преподобный Гарднер продолжал проклинать «коммунистов-гуманистов, этих политических наркоманов и моральных уродов, которые мечтают лишь о том, чтобы раз и навсегда запретить преподавание в школах Закона Божьего».

Снаружи ревели сирены, хлопали двери автомобилей, кто-то кому-то говорил, что надо действовать быстрее — у мальчика был очень испуганный голос.

— Это ты! Ты один во всем виноват!

Зингер поднял пистолет. Дуло 45-го калибра казалось таким же большим, как пасть тоннеля на Милл-Роуд.

Стеклопанель между студией и офисом с оглушительным грохотом обвалилась. Темно-серая косматая тень влетела в комнату. Морда Волка была почти надвое рассечена осколками стекла, с его лап капала кровь. Он проревел что-то, почти по-человечески, и это прозвучало настолько властно, что даже Джек отпрянул назад:

— ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ВРЕДИТЬ СТАДУ!

— Волк! — крикнул Джек. — Оглянись! Оглянись назад, у него пис...

Санни дважды нажал на спусковой крючок. Выстрелы прозвучали оглушительно в таком маленьком пространстве. Пули были предназначены не Волку — они предназначались Джеку. Но попали они все же в Волка, потому что он в этот момент находился в прыжке между двумя мальчиками. Джек увидел, как в боку у Волка, в тех местах, откуда вышли пули, появились огромные рваные кровавые дыры. Траектории обоих кусков смертоносного металла сильно изменились, пройдя сквозь тело Волка и сокрушив по пути его ребра, так что ни один из них не попал в Джека, хотя он и почувствовал легкий ветерок у левой щеки.

— Волк!

Ловкий рассчитанный прыжок обернулся падением. Правая передняя лапа Волка неестественно вывернулась и он, обливаясь кровью, ударился о стену, уронив обрамленную фотографию Гарднера на вилле Шрайнера.

Смеясь, Санни Зингер повернулся к Волку и снова выстрелил в него. Он держал пистолет обеими руками, и его плечи дрогнули от отдачи. Пороховой дым повис плотной неподвижной пеленой. Волк встал сперва на все четыре лапы, затем поднялся во весь рост. Раскатистый рев боли и ярости заглушил даже громовой голос Преподобного Гарднера.

Санни выстрелил в четвертый раз. Пуля прошла сквозь левую переднюю лапу. Снова кровь и осколки костей.

«ДЖЕКИ! ДЖЕКИ, ОХ, ДЖЕКИ! БОЛЬНО! КАК МНЕ БОЛЬНО...»

Джек прыгнул вперед и схватил электронные часы Гарднера — первое, что попало под руку.

— Санни, осторожно, — крикнул Уорвик. — Огля...

Волк всем своим телом, теперь превратившимся в сплошной комок слипшейся от крови шерсти, навалился на него. Уорвик выставил вперед руки, и на мгновение могло показаться, что они с Волком попросту танцуют.

— ...В МОРЕ ОГНЯ НАВЕКИ! КАК СКАЗАНО В БИБЛИИ...

Прежде чем Зингер успел обернуться, Джек опустил ему на голову свое электронное оружие со всей силой, на какую только был способен. Пластик треснул. Цифры на передней панели часов беспорядочно замигали.

Санни развернулся, пытаясь поднять пистолет. Джек часами нари-совал в воздухе дугу, которая окончилась ртом Зингера. Санни стал похож на собственное отражение в кривом зеркале. Послышался влажный хруст ломающихся зубов. Санни сжал кулаки от боли, указательный палец нажал на курок. Пуля ушла в пол между его ног.

Он со злостью пнул стену и оскалился на Джека своим окровавленным ртом. Широко расставив ноги, поднял пистолет.

— Проклятый...

Волк швырнул Уорвика. Уорвик с необыкновенной легкостью пролетел по воздуху через всю комнату и ударился о спину Зингера как раз в тот момент, как он выстрелил. Пуля ушла в сторону, попала в одну из вращающихся бобин магнитофона и разнесла ее вдребезги. Страстный, убеждающий голос Преподобного Гарднера затих. В колонках начал расти низкий фоновый гул.

Рыча и хромая, Волк направился к Санни Зингеру. Тот направил на него дуло пистолета и снова нажал на курок. Раздался тихий сухой щелчок. Улыбка исчезла с лица Зингера.

— Нет, — умоляюще пробормотал он и нажал еще раз. И еще... и еще... и еще. Когда Волк приблизился, он бросил пистолет и попытался спрятаться за большим столом Гарднера. Пистолет попал Волку по голове, и он, собрав последние остатки сил, перепрыгнул через стол, сметя все, что на нем было. Зингер рванул в сторону, но Волк успел схватить его за руку.

— НЕТ! — вскрикнул Санни. — Нет, не надо, иначе ты снова отправишься в карцер! У меня здесь большое влияние, я... я... АААААААААА!!!!!!!

Волк заломил его руку за спину. Раздался звук рвущихся тканей — звук, какой издает жареная курица, раздираемая чересчур энергичным ребенком. В следующую секунду рука Зингера беспомощно болталась в одной из передних лап Волка. Санни отшатнулся в сторону. Несколько тонких фонтанчиков крови забили из его плеча. Джек увидел белую головку кости. Он резко отвернулся и его вырвало.

На мгновение весь мир окутался серой пеленой.

19

Когда он снова поднял глаза, Волк, покачиваясь, стоял в центре скотобойни, которую сейчас напоминал офис Гарднера. Его глаза теперь слабо светились бледно-желтым, словно огоньки догорающих свеч. Что-то произошло с его лицом, с его руками и ногами — он снова становился обычным Волком; Джек увидел это... и понял с достаточной ясностью, что это означает. Старые легенды врут о том, что оборотня можно убить только серебряной пулей, но кое-какая доля правды в них все-таки есть. Волк снова превращается в человека, потому что он умирает.

— Волк, нет! — воскликнул он, вскакивая на ноги. Он бросился к Волку, поскользнулся в луже крови, упал, поднялся. — НЕТ!

— Джеки... — голос был низким, утробным, больше похожим на рычание... но это был человеческий голос.

И, невероятно, Волк попытался улыбнуться.

Уорвик приоткрыл боковую дверь. Он медленно попятился в образовавшийся проем, не сводя с них вытаращенных от ужаса глаз.

— Иди! — крикнул Джек. — Иди, уходи отсюда!

Энди Уорвик исчез, как испугнутый заяц.

Сквозь монотонный фоновый гул динамиков внутренней связи прорезался голос — голос, принадлежавший Фрэнки Уильямсу. Он звучал испуганно, но был полон ужасного, нездорового возбуждения: «Боже, вы только посмотрите на это! Такое впечатление, что здесь поработала сотня свихнувшихся мясников! Ребята, осмотрите кухню!»

— Джеки...

Волк замер и стал похож на ствол поваленного дерева.

Джек опустил на колени, перевернул его. Шерсть исчезла с щек Волка со сверхъестественной скоростью — это было похоже на комбинированные съемки в кино. Его глаза снова стали карими. И они смотрели на Джека с выражением смертельной усталости.

— Джеки... — Волк приподнял окровавленную руку и прикоснулся к щеке Джека. — Он... стрелял... в тебя? Он... попал...

— Нет, — ответил Джек, прижимая голову друга к груди. — Нет, Волк, он не попал в меня. Ни разу.

— Я... — глаза Волка закрылись, затем медленно открылись. Он с радостным удовлетворением улыбнулся и произнес, тщательно выговаривая каждое слово, явно чувствуя потребность сказать это, если не что-то большее:

— Я... сберег... свое... стадо.

— Да, Волк, — сказал Джек, и слезы брызнули из его глаз. Они обожгли. Он еще крепче прижал к себе лохматую усталую голову Волка и зарыдал во весь голос. — Да, ты сберег. Старый добрый Волк спас...

— Старого... старого доброго Джеки.

— Волк, нужно подняться наверх... здесь полиция... и санитары...

— Нет! — Волк сделал еще одну отчаянную попытку подняться. — Не уходи... не бросай меня...

— Нет, конечно! Я не пойду без тебя! — Свет лампочек раздвоился, растроился в его глазах. Он держал голову Волка в своих обожженных руках. — Я не брошу тебя, ни за что...

— Волк... не хочет жить в этом мире. — Он глубоко, судорожно, вздохнул и снова попытался улыбнуться. — Запахи... здесь слишком плохие запахи.

— Волк... послушай, Волк...

Волк осторожно взял его за руки. Джек мог чувствовать, как шерсть исчезает с ладоней Волка. Это было страшное, призрачное ощущение.

— Я люблю тебя, Джеки.

— Я тоже люблю тебя, Волк, — сказал Джек.

Волк улыбнулся.

— Я ухожу, Джеки... Я чувствую это. Возвращаюсь...

Неожиданно, Джек почувствовал, что держит в руках пустоту.

— ВОЛК! — закричал он.

— Возвращаюсь домой...

— Волк, нет! — Сердце бешено заколотилось в груди. Казалось, оно неминуемо разорвется на части — сердца могут разрываться, он знал это. — Волк, не уходи! Я люблю тебя!

Теперь Волк светился изнутри. Казалось, он состоит лишь из тонкой неосязаемой оболочки и потустороннего мерцающего сияния. Волк превратился в призрака. В видение.

— ...прощай...

Волк стал совсем прозрачным. Он таял... таял...

— ВОЛК!

— ...люблю тебя, Дже...

Волк исчез. Только кровавое пятно на полу указывало на место, где он только что лежал.

— О, Боже, — простонал Джек. — Боже мой, Боже мой.

Он вскочил и принялся носиться взад-вперед по разгромленному офису, обливаясь горючими слезами.

Глава 27 ДЖЕК СНОВА В ПУТИ

1

Прошло время. Много или мало — Джек не имел никакого понятия. Он снова сидел на стуле, обхватив себя руками, словно опять был завернут в смирительную рубашку, качал головой и рыдал, не в силах поверить, что Волка больше нет.

«Он исчез. Да, он исчез. Ты подумал, кто убил его, Джек? Подумал, кто».

Гул в динамиках, дойдя до какой-то точки, перешел на скрежет. В следующую секунду раздался многократно усиленный статический треск, заглушавший все — и этот гул, и топот ног наверху, и урчание автомобильных двигателей за дверью. Джек не обратил на него никакого внимания.

«Иди. Ты должен идти».

«Я не могу. Не могу. Я устал, и все, что я ни делаю, все не так. Люди погибают...»

«Прекрати себя жалеть, ты, паршивый эгоист! Подумай о своей матери!»

«Нет, я устал, отстань от меня!»

«И о Королеве».

«Пожалуйста, оставь меня в покое...»

В конце концов Джек услышал, как скрипнула дверь на лестницу, ведущую в офис, и это подстегнуло его. Он совсем не хотел, чтобы его нашли здесь. Лучше пусть они поймают его снаружи, на заднем дворе, чем в этой смердящей, залитой кровью дымной комнате, где пытали его самого и где был убит его друг.

Почти автоматически, Джек подошел к столу и взял с него пакет с надписью «ДЖЕК ПАРКЕР». Он заглянул внутрь и увидел там гитарный медиатор, серебряный доллар, потрепанные банкноты и Дорожный атлас Неда Макнелли. Вывернув пакет, нашел и

стеклянный шарик. Джек, чувствуя себя так, словно находился под гипнозом, затолкал все это в рюкзак и перебросил его через плечо.

Спотыкавшиеся шаги на лестнице медленно приближались.

— ...включается этот чертов свет...

— ...запах как в зоопарке...

— ...ребята, посветите сюда...

Взгляд Джека остановился на ящике стола, куда Преподобный Гарднер складывал деньги, полученные «свободными работниками». Он протянул руку и вынул оттуда два конверта, с такой же надписью «Я ОЗАРЕН СВЕТОМ ИИСУСА» как и на валяющихся в корзине открытках.

«Если они поймают тебя теперь, ты будешь обвинен не только в убийстве, но и воровстве».

Не важно. Сейчас им двигала только сама потребность движения, ничто больше.

Задний двор оказался совершенно пустынным. Джек стоял на крыльце и оглядывался по сторонам, не в силах поверить в это. Он слышал голоса со стороны парадной двери, беспорядочные всплески статических шумов, треск и бормотание полицейских раций, уловленные микрофонами и усиленные все еще работающей акустической системой студии... но задний двор был пуст. Это не укладывалось в голову, но Джек предположил, что если их в достаточной мере испугало и сбilo с толку то, что они нашли внутри...

— О, Господи! Ты веришь своим глазам? — произнес приглушенный голос менее чем в двадцати футах слева от Джека.

Он резко обернулся на звук. Там, откуда он доносился, в притоптанной пыли примостился похожий на металлический гроб карцер. Внутри него медленно двигался огонек фонарика. Снаружи Джек разглядел подошвы чьих-то ботинок. Неясная фигура прохаживалась у входа в карцер, изучая дверь.

— Ты посмотри, она просто сорвана с петель, — обратился человек, смотревший на дверь, к тому, который был внутри карцера. — Я не могу себе даже представить, кто способен на такое... Петли стальные, но они... РАЗВОРОЧЕНЫ.

— Да при чем тут петли! — снова раздался первый голос. — Эта чертова штука... они держали здесь *детей*, Полли! Я просто уверен в этом! Представляешь, *ДЕТЕЙ*! Здесь на стенах их инициалы...

Свет фонарика переместился дальше.

— ...и строки из библии...

Снова движение света.

— ...и рисунки. Маленькие рисунки. Человечки: мужчины и женщины... явно детские рисунки... Боже мой! Как ты думаешь, Уильямс знал об этом?

— Должен был знать, — сказал Полли, все еще продолжая осматривать искореженные стальные петли двери карцера.

Затем Полли шагнул внутрь, его коллега в это время только начал выходить. Даже не пытаясь как-то спрятаться, Джек пробежал через открытое пространство двора. Потом пробрался вдоль стены гаража и оказался на дороге. Отсюда ему был виден бесполозный караван полицейских машин у фасада «Дома Солнечного Света». Пока Джек стоял и смотрел, на дороге показались кареты Скорой Медицинской Помощи — огни бешено вращаются, сирены заывают.

— Я любил тебя, Волк, — пробормотал Джек и провел рукой по влажным глазам. Он двинулся вперед, в густую темноту, полностью уверенный в том, что его поймут прежде, чем он успеет пройти мило на запад от «Дома Солнечного Света».

Но три часа спустя он все еще шел — видимо, у полиции было более чем достаточно других дел, кроме как ловить беспризорных мальчиков.

2

За следующим подъемом должно было быть шоссе. Или чуть дальше: Джек уже мог видеть оранжевые огни противотуманных фар, мог слышать грохот больших грузовиков.

Он остановился у замусоренного оврага и умыл лицо и руки под стружкой воды, которая била из пролежавшей там водопроводной трубы. Вода была холодной, как лед, но она, по крайней мере, немного успокоила жгучую боль в руках. Старый, забытый кашель не замедлил вернуться.

Джек еще немного постоял, глядя в черное небо Индианы, прислушиваясь к шуму автомобильных двигателей.

Ветер шелестел листвой деревьев, трепал его волосы. Но на сердце было тяжело из-за потери Волка.

Спустя час водитель грузовика притормозил возле усталого бледного мальчика, стоявшего на обочине дороги с направленным вверх большим пальцем. Джек забрался в кабину.

— Куда направляешься, сынок? — спросил водитель.

Джек слишком устал и слишком истосковался, чтобы рассказывать Историю. К тому же, он почти не помнил ее. Ну, ничего, он вспомнит ее позже; или придумает новую.

— На запад, — сказал он. — Как можно дальше.
— Я еду только до границы штата.
— Ну, это прекрасно, — сказал Джек и тут же уснул.
Огромный «Даймонд Рео» несся сквозь холодную ночь Индианы, магнитофон тихо напевал голосом Чарли Дэнниелса.
Он несся на запад, направив лучи своих фар в сторону Иллинойса.

Глава 28 ДЖЕКУ СНИТСЯ СОН

1

Конечно же, он путешествовал вместе с Волком. Волк вернулся домой, но его большая преданная тень ехала позади Джека во всех грузовиках и фургонах, и роскошных «фольксвагенах», и в пыльных дребезжащих развалюхах, грохочущих по дорогам штата Иллинойс. Этот улыбающийся призрак ранил сердце Джека. Временами он видел — почти видел — огромную мохнатую фигуру Волка, легкими широкими прыжками несущуюся вдоль дороги среди зеленых волнующихся полей и лугов. Свободный Волк смотрел на него добрыми карими глазами. Когда он отворачивался, Джек чувствовал, как теплая мохнатая лапа исчезает из его ладони. Сейчас, когда он безвозвратно потерял своего друга, память о том, как плохо обращался он с Волком, стыдила его, заставляла краснеть. Он предавал Волка больше раз, чем мог сосчитать. Стыдно, стыдно. Волк был таким... Джек потребовалось достаточно много времени, чтобы найти нужное слово, и это слово было «благородным». И это благородное существо, так и не нашедшее себе места в этом мире, погибло ради него.

«Я сберег свое стадо». Джек Сойер больше не был стадом. «Я сберег свое стадо». Много раз водители грузовиков или страховые агенты, подбиравшие этого странного, не похожего на других мальчика — подбиравшие его, хотя мальчик был грязнее самой грязи, хотя он был оборванным, подбиравшие даже несмотря на то, что никогда раньше не обращали внимания на голосующих у дороги, — замечали, как он борется с подступающими слезами.

Путешествуя по дорогам Иллинойса, Джек горевал по Волку.

Он каким-то образом знал, что у него в этом штате не будет никаких проблем с продвижением. И действительно, стоило ему поднять руку и посмотреть в глаза проезжающего водителя, и спустя

несколько секунд он уже сидел в машине. Большинство водителей даже ни о чем не спрашивали, так что ему не приходилось заново сочинять Историю. Все, что от него требовалось — это дать какое-либо более-менее удовлетворительное объяснение тому, что он путешествует в одиночестве. «Я еду навестить друга в Спрингфилде». «Я пытаюсь добраться домой». «Да, да», — отвечали водители. Слушали ли они его?! Джек этого не знал. Перед его глазами проплывал бесконечный ряд видений: Волк бросается в воду, пытается спасти своих несчастных животных, Волк вылизывает пустую тарелочку из-под гамбургера, Волк приносит ему еду под дверь сарая, врывается в студию звукозаписи, дергается под пулями, растворяется в воздухе... Джек не хотел видеть это снова и снова, но ему все же приходилось, и его глаза наполнялись слезами.

Недалеко от Дэнвилла его подобрал невысокий человек лет пятидесяти со стальным ежиком волос и одновременно веселым и строгим выражением лица человека, уже два десятка лет ведущего уроки в пятом классе. Он несколько раз смущенно посмотрел в его сторону из-за руля, затем, наконец, спросил:

— Слушай, тебе не холодно? Тебе не нужно что-нибудь потеплее, чем эта тоненькая накидка.

— Так, немного, — ответил Джек. Преподобный Гарднер считал хлопчатобумажные куртки достаточно теплой вещью для полевой работы даже зимой. Но сейчас заметно похолодало, и Джек чувствовал, как ветер насквозь продувает тонкую ткань.

— У меня на заднем сиденьи лежит куртка, — сказал водитель. — Возьми ее. Нет, и не пытайся отказываться. Эта куртка теперь твоя. Поверь мне, я-то не замерзну.

— Но...

— Никаких «но», я сказал. Теперь это твоя новая куртка. Одевай ее.

Джек перегнулся через спинку сидения и потянул на себя тяжелую грудку материала. Сперва она была бесформенной. Затем показался огромный карман, а следом — продолговатая деревянная пуговица. Куртка была слежавшейся, пропитанной табачным дымом.

— Это моя старая, — продолжал водитель, — я вожу ее с собой в машине, потому что не знаю, куда ее девать. В прошлом году дети подарили мне новую, на гусином пуху. Так что теперь она твоя.

Джек закутался в огромную куртку, надев ее прямо поверх пиджака.

— Ух ты! — сказал он, сразу почувствовав себя так, будто его обнял куращий медведь.

— Вот, — сказал водитель, — теперь, когда ты снова будешь стоять на дороге под холодным ветром, ты можешь поблагодарить Майлса П. Кайгера из города Огдена за то, что он спас твою кожу. Твою...

Майлс Кайгер, похоже, собирался сказать что-то еще: слова на мгновение повисли в воздухе, он продолжал улыбаться, затем на его лице отразилось глупое смущение, и Кайгер отвернулся. В сером утреннем свете Джек увидел, как на щеках человека появляются красные пятна.

«Твою какую кожу?»

О, нет! Только не это...

Твою красивую кожу. Твою прелестную кожу, которую так приятно гладить, ласкать, целовать... Джек глубоко засунул руки в карманы куртки, плотно обернул ее вокруг себя и втянул голову в плечи. Майлс П. Кайгер из города Огдена не оборачиваясь смотрел на дорогу.

— Гм, — сказал он, совсем как человек из книги комиксов.

— Спасибо за куртку, — сказал ему Джек. — Я правда, буду очень благодарен вам, пока буду носить.

— Не стоит благодарности, — ответил Кайгер. — Забудь это.

Но на мгновение его лицо приобрело такое же выражение, какое было у бедного, обделенного умом Донни Кигана в «Доме Солнечного Света».

— Здесь неподалеку есть одно местечко, — продолжал Кайгер. Его голос был полон ложного спокойствия, но тем не менее дрожал и срывался. — Мы можем там перекусить, если хочешь.

— У меня совсем нет денег, — сказал Джек, отступив от истины на два доллара тридцать восемь центов.

— Не беспокойся об этом. — Кайгер включил поворотные огни.

Они въехали на почти пустую, продуваемую всеми ветрами, автостоянку перед приземистым серым строением, напоминавшим железнодорожный вагон. Над его дверьми горела новая вывеска: «ВАГОН-РЕСТОРАН». Кайгер затормозил напротив одного из длинных окон, и они вышли из машины. Джек обнаружил, что куртка хорошо сохраняет тепло. Казалось, его грудь и руки защищены шерстяным покрывалом. Он направился к двери, но, обернувшись назад, увидел, что Кайгер все еще стоит, облокотившись о машину. Седой пожилой человек, всего на дюйм, от силы на два, выше самого Джека, стоял и смотрел в его сторону.

— Послушай, — начал Кайгер.

— Если хотите, я отдам вам вашу куртку, — прервал его Джек.

— Да нет, я не о том. Куртка твоя. Просто я подумал, что еще совсем не голоден, а если я сейчас поеду дальше, то смогу пораньше попасть домой.

— Конечно, — подтвердил Джек.

— Здесь ты сможешь поймать другую машину. Запросто. Я обещаю. Если бы я не был в этом уверен, то ни за что не бросил бы тебя здесь.

— Верю.

— Подойди ко мне. Я сказал, что накормлю тебя, и я это сделаю. — Он опустил руку в карман брюк, затем перегнулся через крышу машины и протянул Джеку зеленую бумажку. Холодный ветер трепал его короткие седые волосы. — На, возьми.

— Нет, спасибо, — сказал Джек. — Не нужно. У меня есть пара долларов.

— Купи себе чего-нибудь мясного.

Кайгер еще сильнее перегнулся через крышу, протягивая банкноту. Он выглядел как человек, подающий руку утопающему.

Джек неуверенно подошел к машине и взял деньги. Десять долларов.

— Спасибо вам большое. Я никогда этого не забуду.

— Послушай, а почему бы тебе не взять и газету? У тебя ведь нет ничего почитать? Чтобы ты не скучал, если придется немного подождать, — Кайгер открыл дверцу, нагнулся и достал с заднего сидения свернутую вдвое бульварную газету. — Я уже прочитал ее.

Карманы куртки оказались на редкость вместительными, — газета без труда поместилась в один из них.

Майлс Кайгер еще на секунду задержался возле открытой дверцы своей машины, скосив глаза на Джека.

— Если не возражаешь, я скажу тебе кое-что: у тебя впереди очень интересная жизнь.

— Она и сейчас уже достаточно интересна, — с горечью в голосе ответил Джек.

Бифштекс с жареным картофелем стоит пять долларов сорок центов. Джек присел за дальний столик и открыл газету. Статья находилась на второй странице. Днем раньше — еще в Индиане — он видел ее на первой странице другой газеты. **«ШЕСТЬ УЖАСНЫХ СМЕРТЕЙ. ПРОИЗВЕДЕНЫ АРЕСТЫ.** Верховный судья Эрнст Фэйрчайлд и офицер полиции Фрэнк Б. Уильямс обвинены в присвоении государственных денег и получения взяток во время расследования по делу о трагической гибели шестерых мальчиков в «Доме Солнечного Света» Преподобного Гарднера, находящегося в г. Кайюга, штат Индиана. Популярный евангелист Роберт «Солнечный» Гарднер скрылся с территории дома для беспризорных детей незадолго до прибытия полиции, и хотя ордер на его арест пока не выдан, его поиск продолжается».

«ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОН ВТОРЫМ ДЖИМОМ ДЖОНСОМ?» — вопрошала надпись под фотографией Гарднера, где он был во всей своей красе: руки воздеты к небесам, волосы волнами стекают на плечи. Собаки привели полицейских к тому месту, где под забором из находящейся под напряжением колючей проволоки были без всяких погребальных церемоний похоронены тела мальчиков. Пять трупов, большинство из них настолько разложившиеся, что не поддаются опознанию.

Возможно, им еще удастся опознать Ферда Джанклау. Его родители смогут похоронить его по-настоящему, не переставая думать о том, что же они делали неправильно, не переставая задавать себе один и тот же вопрос: «Как могла их любовь к Христу привести к смерти их любимого, ненаглядного сына?»

Бифштекс оказался недожаренным и пересоленным, но Джек съел все до последнего кусочка. И проглотил всю насквозь попорченную картошку. Он уже собирался уходить, когда к нему подошел водитель грузовика, здоровенный детина с бородой, в кепке с надписью «ДЕТРОЙТ ТАЙГЕРС» и парке, которая, как показалось Джеку, была сшита из волчьей шкуры. Его длинные черные волосы были зачесаны назад, в уголке рта торчала толстая сигара.

— Тебе нужно на запад? — спросил он. — Я еду до Декатара. Полпути до Спрингфилда. Что-то около того.

2

В эту ночь в трехдолларовой гостинице, про которую ему рассказал водитель грузовика, Джеку приснилось два отдельных сна, или, может, он просто запомнил только два из великого множества, или наоборот — разделил пополам то, что на самом деле одним длинным сном. Он замкнул за собой дверь, сходил в грязный зловонный туалет, подложил рюкзак под тощую подушку и заснул, зажав в руке большой стеклянный шарик, который в другом мире превращался в волшебное зеркало. Откуда-то доносилась музыка, почти как в кино — волшебные, тревожные аккорды. Они звучали очень тихо, и Джек не мог понять даже того, что солируют труба и альт-саксофон.

«Ричард, — подумал Джек, засыпая. — Завтра я увижу Ричарда Слоута». Эта мысль захватила его и, покачивая в такт далекой музыки, понесла в небытие.

Волк бежал ему навстречу по горящей дымящейся земле. Их разделяли несколько рядов колючей проволоки, на глазах превращающиеся в фантастический лабиринт. Глубокие траншеи пересе-

кали выжженную местность. Волк с легкостью перепрыгнул через одну из них и чуть не напоролся на колючую проволоку.

— Осторожно, — крикнул Джек.

Волк остановился в полете и плавно опустился на землю. Он поднял лапу, показывая Джеку, что он не ранен, а затем с невиданной легкостью перепрыгнул через проволоку.

Джек почувствовал, как его наполняют радость и облегчение. Волк не умер. Волк снова с ним.

Перепрыгнув через забор, Волк снова заспешил вперед. Расстояние между ним и Джеком каким-то загадочным образом увеличилось вдвое. Серый дым, поднимающийся их многочисленных трещин в земле, почти полностью закрывал большую мохнатую фигуру Волка.

— Джейсон! — звал Волк. — Джейсон! Джейсон!

— Я здесь! — отвечал Джек.

— Я не могу, Джейсон! Волк не может этого сделать!

— Попробуй еще! — кричал Джек. — Не падай духом!

Волк остановился перед новым, непреодолимым забором, и сквозь завесу дыма Джек увидел, как он опускается на все четыре лапы и рыщет взад-вперед, пытаясь найти какой-нибудь лаз. Волк рыскал взад-вперед, и с каждым шагом отодвигался на огромное расстояние, с каждой секундой становился все более и более обеспокоенным. Наконец Волк поднялся, налег всем телом на колючую проволоку, набрал побольше воздуха и громко закричал, пытаясь преодолеть разделявшее их расстояние:

— Волк не может, Джейсон, Волк не может!

— Я люблю тебя, Волк! — зывал Джек.

— ДЖЕЙСОН! — кричал Волк в ответ. — БУДЬ ОСТОРОЖЕН! Они ИДУТ за тобой! Их БОЛЬШЕ!

— Больше чего? — хотел спросить Джек, но не мог. Он знал это.

Затем либо характер сна полностью изменился, либо начался другой сон. Он снова был в разгромленной студии «Дома Солнечного Света». Запах пороха и паленой плоти наполнял комнату. Изуродованное тело Зингера истекало кровью на полу, а сквозь разбитую стеклянную стену был виден труп Кейси... И Джек снова сидел на корточках перед Волком, прижимая к груди его голову, и снова знал, что Волк умирает. Только Волк не был Волком.

Джек держал в руках дрожащее тело Ричарда Слоута, и умирал тоже Ричард Слоут. За толстыми линзами очков в черной пластмассовой оправе были видны его закатившиеся от боли глаза.

— Нет, нет, нет! — в ужасе выдохнул Джек. У Ричарда была оторвана рука, а грудь представляла из себя страшное месиво из

разодранной плоти и залитой кровью белой рубашки. Переломанные ребра торчали оттуда, словно зубы древнего чудовища.

— Я не хочу умирать, — сказал Ричард. Каждое слово требовало от него нечеловеческих усилий. — Джейсон, ты не должен был...

— Ты не можешь тоже умереть, — рыдал Джек. — Не можешь!

Ричард дернулся в руках Джека, долгий клокочущий звук вырвался из его горла. Затем Ричард снова посмотрел на Джека своими чистыми спокойными глазами.

— Джейсон, — слово повисло в зловонном воздухе.

— Ты убил меня, — выдохнул Ричард, или «Ты уил ея» — губы Ричарда потеряли способность произносить некоторые буквы. Его глаза снова закатились, а тело внезапно отяжелело в руках Джека. В этом теле больше не было жизни.

Джейсон Де Луизиан в ужасе огляделся по сторонам...

3

...а Джек Соьер вскочил с холодной чужой кровати клоповника в Декатаре и в желтоватом свете уличного фонаря увидел облако пара, вырывающееся у него изо рта — такое огромное, словно у Джека был не один, а по крайней мере, два рта. Он с трудом удержался от крика и в отчаянии заломил руки. Еще одно громадное белое облако медленно растворилось в воздухе.

Ричард.

Волк, бегущий по мертвой земле этого мертвого мира...

Кого он зовет?..

«Джейсон!»

Сердце мальчика подпрыгнуло с резвостью скаковой лошади, преодолевающей препятствие.

Глава 29 РИЧАРД В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА

1

Следующим утром, часов около одиннадцати, обессиленный Джек Соьер брел, перекинув свой рюкзак через плечо, по кромке длинного волнующегося поля, крытого сухой и ломкой коричневой травой. Вдалеке виднелись кучки опавших листьев с газонов, окружавших дальние строения. Слева от Джека, напротив красной

кирпичной стены библиотеки, располагалась стоянка для машин преподавателей. Ворота у фасада Тэйера открывались на широкую трехполосную дорогу, внутри двора превращавшуюся в несколько более узких, геометрически правильно расположенных дорожек. Если что-то и выбивалось из общего порядка, то это библиотека — похожее на древний пароход сооружение из стали, стекла и кирпича.

Джек увидел, как открылись вторые ворота, сбоку от библиотеки. Эта другая дорога тянулась на две трети длины школьного двора, пока не упиралась в мусорные баки, расположенные на маленьком круглом пятачке, как раз на том месте, где земля начинала постепенно подниматься вверх, образуя чуть дальше площадку футбольного поля.

Джек спустился вниз и пошел по направлению к учебным зданиям Школы. Когда все учащиеся уйдут на обед, он сможет найти комнату Ричарда: домик Нельсона, пятый подъезд.

Сухая зимняя трава хрустела под ногами. Джек посильнее завернулся в превосходную куртку Майлса Кайгера — уж если не он сам, то по крайней мере куртка выглядит достаточно прилично. Он прошел между клубом Тэйера и зданием старшей школы под названием Домик Спенса и направился в центр двора. Из окон Домика Спенса донеслись ленивые сонные голоса.

2

Джек посмотрел вперед и увидел слегка сутулого пожилого человека из позеленевшей бронзы, стоящего на пьедестале, высотой с плотницкий верстак и изучающего обложку тяжелой книги. Старый Тэйер — догадался Джек. На нем был одет сюртук новоанглийского трансценденталиста, из-под застывшего воротника которого стекал вниз серо-зеленый галстук. Блестящая, чрезмерно начищенная голова Старого Тэйера указывала в сторону учебных зданий.

Джек повернул направо и вышел на асфальтовую дорожку. Внезапно из окон над его головой раздался шум — мальчики выкрикивали по слогам имя, звучавшее примерно так: «Эйзеридж! Эйзеридж!» Затем послышался бессвязный и бессмысленный гам голосов, сопровождаемый грохотом передвигаемой по деревянному полу тяжелой мебели. И снова: «Эй-зе-ридж!»

Джек услышал, как скрипнула дверь за его спиной, обернулся через плечо и увидел высокого мальчика с грязно-желтыми волосами, сбегающего по ступенькам крыльца Домика Спенса. На нем была надета тонкая спортивная куртка, галстук и охотничьи сапоги «Л.Л. Бин Мейн». Только длинный желто-синий шарф, несколько

раз обернутый вокруг шеи, защищал его от холода. Его узкое продолговатое лицо каким-то образом выглядело одновременно высокомерным и диловатым, и сейчас это было лицо человека, старшего по возрасту и положению, находящегося во вполне обоснованной ярости. Джек натянул на голову капюшон куртки и двинулся дальше.

— Я сказал, чтобы никто не носился! — закричал высокий мальчик в сторону закрытого окна. — Успокойтесь, вы, малолетки!

Джек направился к следующему зданию.

— Вы двигаете стулья! — бушевал за его спиной высокий мальчик. — Я слышу, что вы это делаете!

Затем негодующий старшекурсник обратился к нему.

Джек обернулся. Его сердце бешено заколотилось в груди.

— Кто бы ты ни был, сейчас же отправляйся в Домик Нельсона, двойным аллюром, переходящим в галоп! Немедленно! Иначе мне придется разговаривать с заведующим пансионом!

— Да, сэр, — сказал Джек и поспешно повернулся в указанном направлении.

— ТЫ УЖЕ ОПОЗДАЛ НА СЕМЬ МИНУТ! — заорал ему вслед Эйзеридж, и Джек чуть не проглотил язык от страха. — ДВОЙНЫМ АЛЛЮРОМ, Я СКАЗАЛ!

Джек перешел на бег.

Спустившись вниз (он надеялся, что избрал правильный путь, по крайней мере, Эйзеридж, казалось, смотрел именно в эту сторону), Джек увидел, как через главные ворота въезжает длинная черная машина-лимузин и начинает медленно разворачиваться во дворе. Он подумал, что кто бы ни скрывался за затемненными окнами лимузина, это вряд ли лицо столь обыкновенное, как родитель какого-либо из учащихся Школы Тэйера.

Черный автомобиль продолжал медленно шелестеть колесами по двору.

«Нет, — подумал Джек. — Я сам себя пугаю».

Но двигаться он все же не мог, только стоял и смотрел, как лимузин проплывает вглубь двора и останавливается. Его мотор продолжает работать.

Чернокожий шофер с необъятными плечами поднялся со своего сиденья и открыл заднюю дверь. Оттуда, тяжело отдуваясь, появился пожилой человек с почти белыми от времени волосами, по виду иностранец. Он был одет в черное пальто, из-под которого виднелись воротник ослепительно белой рубашки и жесткий темный галстук. Человек кивнул шоферу и направился в направлении административного здания. Он ни разу не посмотрел в сторону Джека. Шофер

поднял голову и самым тщательным образом изучил небо, словно оценивая его на возможность снегопада. Джек сделал осторожный шаг вперед и увидел, как пожилой человек поднимается по ступеням Домика Тэйера. Шофер продолжал разглядывать небо. Джек быстро отступил назад, туда, где его скрывала стена здания, затем повернулся и побежал.

Домик Нельсона представлял из себя трехэтажное кирпичное строение на другом конце прямоугольного двора. Через два окна первого этажа было видно человек пятнадцать старшекурсников, пользовавшихся своими привилегиями: читавших в кровати, игравших в азартные карточные игры на кофейном столике или лениво уставившихся в угол комнаты, где, скорее всего, находился невидимый сквозь окна телевизор.

Где-то невдалеке громко хлопнула дверь, и Джек, обернувшись, снова увидел высокого светловолосого «блюстителя порядка» Эйзериджа, который, разобравшись с преступлениями первокурсников, возвращался в Домик, служивший ему на время учебы собственным домом.

Джек пробежал вдоль стены здания и завернул за угол. В эту же секунду сильный порыв холодного ветра едва не сбил его с ног. За углом находилась узкая дверь с табличкой (на этот раз деревянной, окрашенной в белый цвет, с черными готическими буквами), гласящей: «5-ый подъезд». От двери и до следующего угла тянулся длинный ряд окон.

Вот оно — третье окно. Джек вздохнул с облегчением. Ричард Слоут был здесь. Его очки аккуратно пристроились на носу, галстук туго завязан, руки слегка испачканы чернилами. Он прямо сидел за столом и читал какую-то толстую и, по всей видимости, интересную книжку. Стол располагался боком к окну, и Джек, прежде чем постучать, успел хорошо рассмотреть такой знакомый задумчивый профиль Ричарда.

Услышав стук, Ричард оторвал голову от книги. Он удивленно и испуганно посмотрел на Джека.

— Ричард, — тихо позвал Джек и был вознагражден еще одним недоумевающим взглядом своего друга. Удивление придало лицу Ричарда глуповатое выражение.

— Открой окно, — сказал Джек, тщательно выговаривая слова, чтобы Ричард мог прочитать их по его губам.

Ричард встал из-за стола, двигаясь с медлительностью глубоко потрясенного человека. Джек, отчаянно жестикулируя, повторил свою просьбу. Подойдя к окну, Ричард оперся руками на подоконник и несколько секунд смотрел вниз, на Джека — в этом непродолжи-

тельном оценивающем взгляде Джек прочитал осуждение по поводу грязного лица, невымытых засаленных волос, своего необычного появления и еще много чего. «Во что ты превратился?» — говорили его глаза. Наконец, он распахнул створки окна.

— Заходи, — сказал Ричард, — хотя большинство людей пользуются для этой цели дверь.

— Ладно, — почти смеясь, ответил Джек, — когда я стану похож на большинство людей, я тоже буду так делать. Отойди, пожалуйста.

Ричард, с таким видом, будто делает что-то непристойное, отступил на несколько шагов назад.

Джек вскочил на подоконник и соскользнул в комнату.

— Фух!

— О'кей, — сказал Ричард. — Я, если можно так выразиться, некоторым образом рад тебя видеть. Но мне очень скоро нужно будет идти на обед. Ты пока можешь принять душ. В это время все будут в столовой.

Он резко замолчал, словно испугавшись, что сказал лишнее.

Джек заметил, что Ричард не подает ему руки.

— Ты не мог бы принести мне чего-нибудь поесть? Я страшно голоден.

— Это ты хорошо придумал, — сказал Ричард. — Сперва ты сводишь всех с ума, включая моего отца, тем, что убегаешь из дома, затем врываешься сюда, как монголо-татарин, и после всего этого ты хочешь, чтобы я воровал для тебя еду. Отлично. Прекрасно. Превосходно.

— Нам нужно о многом поговорить, — сказал Джек.

— Если, — прервал его Ричард. Он опустил руки в карманы и слегка наклонился вперед. — Если ты сегодня же отправишься в Нью-Хемпшир или если ты позволишь мне позвонить своему отцу и вызвать его сюда, чтобы он забрал тебя, я попытаюсь прихватить с собой что-нибудь съестное из столовой.

— Мне нужно поговорить с тобой о многом, Ричи, — повторил Джек. — О многом. И об этом тоже.

Ричард кивнул.

— Где ты шатался столько времени? — Его глаза сверкали за толстыми линзами очков. Но вдруг они неожиданно прищурились. — И как ты можешь объяснить то, что ты и твоя мать изводите моего отца?! Черт бы тебя побрал, Джек! Я думаю, ты должен немедленно вернуться в Нью-Хемпшир.

— Я вернусь, — сказал Джек. — Обещаю тебе. Но сперва я должен кое-что сделать. Мне можно куда-нибудь сесть? Я смертельно устал.

Ричард кивнул на кровать, но тут же спохватился и указал рукой на стул, который стоял ближе к Джеку.

По всему коридору захлопали двери. Раздались громкие голоса, топот множества ног.

— Ты читал что-нибудь про «Дом Солнечного Света»? — спросил Джек. — Я был там. В этом «Доме» умерло двое моих друзей, и второй из них, постарайся поверить в это, Ричард, был оборотнем.

Лицо Ричарда посуровело.

— Да, это поразительное стечение обстоятельств, потому что...

— Я действительно был в «Доме Солнечного Света», Ричард.

— Ладно, я пошел, — сказал Ричард. — Я вернусь через полчаса и, так уж и быть, принесу тебе поесть. А потом расскажу, кто живет в соседней комнате. Но скажи мне правду: то, о чем ты сейчас говорил, — ведь это Чушь Острова Сибрук?

— Да, наверное, — Джек повел плечами, давая куртке Майлса Кайгера соскользнуть с них, затем повесил ее на спинку стула.

— Я скоро вернусь, — сказал Ричард, выходя из комнаты, и уже за дверь обернулся, чтобы помахать ему рукой.

3

Разговор, который Ричард определил, как «Чушь Острова Сибрук», и который Джек, равно как и его друг, запомнил на всю жизнь, состоялся в последнюю неделю их последнего посещения курорта с этим названием.

Пока был жив Фил Сойер, их семьи отдыхали там вместе почти каждый год. И тем летом, после его смерти, Морган Слоут и Лили Сойер вместе со своими детьми тоже попытались сохранить традицию и отправились вчетвером в старый отель на остров Сибрук в Южной Калифорнии, который помнил их самые счастливые дни. Эксперимент не удался.

Мальчики привыкли друг к другу. Привыкли они и к таким местам, как остров Сибрук. Все детство Джека Сойера и Ричарда Слоута прошло в курортных отелях и на длинных песчаных пляжах, но теперь все настроение, вся атмосфера непостижимым образом изменились. Неожиданная серьезность вошла в их жизни, какая-то неловкость.

Смерть Фила Сойера изменила взгляд на будущее. В это последнее лето на Сибруке Джек начал чувствовать, что он, возможно, больше не хочет сидеть в кресле за столом отца, а ведь раньше он хотел этого больше всего на свете. Больше чего? Он знал, это была одна из тех немногих вещей, которые он знал наверняка, что это

могущественное «больше» связано с его Видениями. Когда он начал замечать это в себе, его сразу же стала беспокоить и другая мысль: что его друг Ричард не только не способен почувствовать это «больше», а даже наоборот — он хочет совершенно противоположного. Ричард хотел «меньше». Ричард не хотел ничего такого, что не мог понять.

В это вялотекущее время, проводимое на хороших курортах, Джек и Ричард часами были предоставлены самим себе, примерно между ленчем и коктейлем. Конечно же, им не позволялось уходить далеко, самое большее до подножья поросшего соснами холма, который был виден со стороны отеля. За их спинами плескалась вода огромного прямоугольного бассейна, в котором с удивительной гибкостью и легкостью плавала Лили. Рядом с бассейном, за одним из столиков, повернувшись к ней спиной, сидел отец Ричарда, одетый в смешной цветастый пляжный костюм и шлепанцы. В одной руке он держал надкушенный сэндвич, другой, не переставая, крутил диск радиотелефона.

— Это и есть та чушь, которой ты хочешь заниматься? — спросил Джек Ричарда, который развалился рядом с ним на песке и читал книгу под названием (не удивляйтесь) «Жизнь Томаса Эдисона».

— Которой я хочу заниматься? Когда вырасту, ты имеешь в виду? — вопрос, похоже, поставил Ричарда в тупик. — Ну, по крайней мере, мне это интересно. Я не знаю, хочу я этим заниматься или нет...

— А ты вообще знаешь, чего хочешь, Ричард? Ты всегда говорил, что мечтаешь стать химиком-исследователем, — сказал Джек. — Почему ты это говорил? Что это значит?

— Это значит, что я хочу стать химиком-исследователем, — улыбнулся Ричард ему в ответ.

— Ты знаешь, что я имел в виду. Я спрашивал, почему ты хочешь стать химиком-исследователем. Какая у тебя *цель*? Думаешь, это будет весело? Или, может, ты думаешь, что изобретаешь лекарство от рака и спасешь миллионы людей?

Ричард посмотрел на него широко раскрытыми глазами, кажу-щимися слегка увеличенными за линзами очков, которые он начал носить четыре месяца назад.

— Я не думаю, что когда-нибудь смогу победить рак. Да это даже и не цель. Цель — это понять, как устроено все на свете. Цель в том, что вещи устроены и работают одинаково, несмотря на то, как они выглядят и ты можешь это доказать.

— Логично.

— Тогда почему ты улыбаешься?

Джек расплылся еще сильнее.

— Ты, наверное, думаешь, что я сошел с ума. Я хочу понять, хочу найти то, что заставляет их, всех-всех этих богатых людей, играющих в гольф и орущих в телефоны, что заставляет их всех выглядеть болезненно?

— Это уже само по себе выглядит болезненно, — сказал Ричард без малейшего намека на смех.

— Тебе никогда не приходило в голову, что жизнью управляют не только законы природы? — он взглянул на кажущиеся наивным лицо Ричарда. — А как насчет волшебства?

— Знаешь, я иногда начинаю думать, что ты во всем любишь хаос, — сказал Ричард, немного покраснев. — Или что ты смеешься надо мной. Если допустить существование волшебства, то это разрушает все, во что я верю. Мало того, это уничтожает реальность.

— Но ведь реальность может быть и не одна.

— Ну, да — «Алиса в Зазеркалье», — Ричард начал выходить из себя.

Он вскочил и зашагал к соснам, и только тут до Джека дошло, что разговорами о своих видениях и фантазиях он разозлил друга. Длинные ноги в несколько секунд донесли его до Ричарда.

— Я не смеялся над тобой, — сказал он. — Я просто... Мне хотелось узнать, почему ты всегда говоришь, что хочешь стать химиком.

Ричард остановился и спокойно посмотрел на Джека.

— Тогда перестань морочить мне голову этой чушью, — сказал он. — Эти разговоры как раз в стиле острова Сибрук. И так достаточно сложно быть одним из шести или семи нормальных людей в Америке, а тут еще оказывается, что твой лучший друг окончательно свихнулся.

И с тех пор Ричард Слоут, заметив в Джеке какие-нибудь признаки ненормальности, каждый раз определял их как «Чушь Острова Сибрук».

Когда Ричард вернулся из столовой, Джек, чисто вымытый и с мокрой головой, лениво переворачивал страницы книг на его столе. В тот момент, когда Ричард входил в дверь, неся в руках пропитанную жиром бумажную салфетку, аккуратно обернутую вокруг некоего съестного продукта, Джек как раз рассуждал о том, что предстоящий разговор мог бы пройти намного легче, будь на столе

«Властелин колец» или «Последний ковчег» вместо «Органической химии» и «Задачника по математике».

— Что было на обед? — спросил Джек.

— Тебе повезло. Жареный цыпленок. Это одна из тех немногих вещей, которые здесь готовят, не вызывающая чувства сострадания к бедному животному, умершему под пыткой после недельного голодания. — Он протянул Джеку промасленную салфетку. Четыре толстых, хорошо прожаренных куска цыпленка источали почти неправдоподобный аромат. У Джека потекли слюнки.

— Сколько ты уже не ел? — Ричард поправил очки и сел на свою узкую кровать. Под легкую спортивную куртку на нем был одет коричневый свитер, с вырезом на горле в виде буквы «V». Внизу он был заправлен под брюки с широким кожаным поясом.

Джек с беспокойством подумал о том, возможно ли вообще разговаривать о Долинах с человеком, настолько закомплексованным, что заправляет свои свитера под ремни.

— Последний раз, — сказал он тихо, — я ел вчера около полудня. Я немного проголодался. Ричард. Спасибо тебе большое за цыпленка. Он просто прекрасен. Это лучший цыпленок из всех, что я когда-либо ел. Ты хороший друг. Пошел ради меня на риск, а ведь тебя могли исключить из Школы, если б поймали...

— Ты считаешь, что удачно пошутил? — Ричард поправил свитер и нахмурился. — Если кто-нибудь увидит тебя здесь, то меня, возможно, действительно исключат. Так что здесь нет никакого повода для смеха. А теперь нам нужно разобраться, как ты собираешься вернуться в Нью-Хемпшир.

На секунду воцарилась тишина. Джек оценивающе смотрел на Ричарда, Ричард строго смотрел на Джека.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, зачем я все это делаю, — сказал Джек с набитым ртом. — Но, поверь мне, это будет совсем не просто.

— Ты выглядишь не так, как раньше, — сказал Ричард. — Ты выглядишь... старше. Но это еще не все. Ты вообще изменился.

— Я знаю, что я изменился. Ты бы тоже стал немного другим, если бы был со мной с сентября.

Джек улыбнулся, посмотрел на хмурого Ричарда в его одеждах «хорошего мальчика» и понял, что никогда не сможет рассказать ему о его отце. Если предстоящие события сделают это за него, значит так тому и быть но сам он просто не способен на это. Он не сможет заставить себя открыть Ричарду эту страшную тайну.

Его друг тем временем продолжал хмуриться, терпеливо ожидая начала рассказа.

Возможно, для того, чтобы оттянуть момент, когда ему придется убеждать Рационального Ричарда в неправдоподобных вещах, Джек спросил:

— А мальчик из соседней комнаты, он уходит из школы? Я с улицы видел чемодан на его кровати.

— Да-да, это интересно. Я имею в виду, интересно в свете того, что ты говорил. Он действительно уходит, вернее, он уже ушел. Я думаю, кто-нибудь должен приехать за его вещами. Бог знает, какие дурацкие выводы ты можешь сделать из этого, но соседа звали Руэл Гарднер. Сын того священника, который сбежал из дома, где ты был, если тебе можно верить.

Он продолжал:

— Руэл, я бы сказал, во всех отношениях был кем угодно, только не нормальным человеком. И вряд ли кто-нибудь здесь станет сильно о нем скучать. Как раз в тот день, когда открылась вся эта история с умершими детьми, он получил телеграмму, в которой говорилось, чтобы он срочно покинул Школу Тэйера.

Джек, наконец, освободился от душившей его кости цыпленка.

— Сын Солнечного Гарднера? У этого человека есть сын? И он был *здесь*?

— Он появился в начале этого семестра, — сказал Ричард. — Именно об этом я хотел тебе рассказать.

Неожиданная опасность замаячила над Джеком в Школе Тэйера, но Ричард сейчас еще не мог этого понять.

— КАК ОН ВЫГЛЯДЕЛ?!

— Как садист, — ответил Ричард. — Временами я слышал недвусмысленные звуки, доносившиеся из комнаты Руэла. А однажды я увидел на помойке дохлого кота с переломанным позвоночником, без глаз и без ушей. Достаточно один раз посмотреть на Руэла, чтобы понять, что такой человек вполне мог замучить кота. И пахло от него чем-то вроде протухшей рыбы.

Ричард ненадолго замолчал, затем спросил:

— Джек, ты действительно был в «Доме Солнечного Света»?

— Тридцать дней. Это был суший ад. Гарднер обращался с детьми похлеще, чем его отпрыск с котами, — он перевел дух и вгляделся во все еще хмурое, но теперь, по крайней мере наполовину, заинтересованное лицо Ричарда. — Тебе очень трудно будет это переварить, Ричард, я знаю, но парень, который был со мной — оборотень. И если б он не погиб, спасая мне жизнь, то был бы сейчас здесь.

— Оборотень. С шерстью на ладонях. Который превращается в кровожадного монстра в каждое полнолуние, — Ричард задумчиво оглядел свою маленькую комнату.

Джек подождал, пока способность слушать вернется к Ричарду.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал, зачем все это делать? Хочешь узнать, почему я рыщу по всей стране на попутных машинах?

— Я сейчас просто закричу от нетерпения, — сказал Ричард.

— Тогда слушай, — начал Джек. — Я пытаюсь спасти свою маму.

Когда он произносил эту фразу, она показалась ему наполненной удивительной прозрачной чистотой.

— А какого, спрашивается, черта ты это делаешь?! — взорвался Ричард. — У твоей матери, скорее всего, рак. Мой отец часто указывал ей на то, что она нуждается во врачебном уходе... А ты бродишь по дорогам? Что ты собираешься использовать для ее спасения? Волшебство?

Глаза Джека загорелись.

— Ты понял это, Ричард, старина, — Джек протянул руку и вцепился в материал его куртки в районе локтя.

— Ну, послушай, что ты в самом деле... — сказал Ричард, неистово одергивая свитер. — Не кричи, Джек, пожалуйста, я прошу тебя, Я знаю, что это страшно. Я совсем не имел в виду... не хотел... просто...

Ричард быстро и бесшумно пересек комнату, и теперь уже он держал Джека за локоть.

— Со мной все в порядке, — сказал Джек, отводя его руку. — Это не сумасшедшая фантазия, Ричард, неважно, веришь ты или нет.

Он распрямил плечи.

— Мой отец называл меня «Маленьким путешественником», и точно так называл меня один старик на пляже Аркадия.

Джек надеялся, что эти слова приоткроют внутренние двери сознания Ричарда, и, заглянув затем в его лицо, понял, что не ошибся. Его друг выглядел взволнованным, сочувствующим, искренне верящим.

И Джек начал свой рассказ...

5

Жизнь в Домике Нельсона текла своим чередом, одновременно спокойная и шумная, как и во всех остальных школах закрытого типа, давая о себе знать криками, грохотом и смехом, и не обращающая никакого внимания на двух мальчиков. Шаги за дверью сделались тише, но не прекратились. Откуда-то сверху доносились равномерные глухие удары, и в случайно долетевшей музыкальной

фразе Джек узнал композицию «Блю Оустер Калт». Он начал с рассказа о своих Видениях. От Видений он перешел к Спиди Паркеру. Затем описал голос, говоривший с ним из отверстия в песке. А в заключении поведал Ричарду о том, как получил от Спида «магическую жидкость» и первый раз отправился в Долины.

— Но теперь я думаю, что это было просто плохое вино, — сказал Джек. — Позже, когда оно кончилось, я обнаружил, что оно мне не нужно. Я могу все делать сам, без его помощи.

— О'кей, — уклончиво ответил Ричард.

Тогда Джек приступил ко второй части своего рассказа. Он попытался как можно полнее и правдивее познакомить Ричарда с Долинами: вспомнил и проселочную дорогу, и вид Летнего дворца, и чувство безвременья... Вспомнил капитана Фаррена; умирающую Королеву, мать его умершего двойника; Осмонда и происшествие у деревни Сторонки; Подъездную дорогу, которая когда-то была Западной дорогой. Он показал Ричарду свою маленькую коллекцию священных предметов: гитарный медиатор, шарик и монету. Ричард повертел их в руках и вернул назад, ничего не сказав. Затем Джек описал время, проведенное в Оутли. Ричард слушал страшную сказку об Оутли молча, но с широко открытыми глазами.

Джек тщательным образом обошел обоих Морганов в повествовании о событиях около Льюисбурга и дороги №70 в западной части Огайо.

После этого настало время рассказать о его первой встрече с Волком, этим лучезарно улыбающимся великаном в рабочем комбинезоне «ОШКОШ» и Джек почувствовал, как слезы вновь наворачиваются на глаза. Он не на шутку напугал Ричарда, разрыдавшись во время рассказа о том, как пытался заставить Волка садиться в машины. Покаялся в своем плохом обращении с несчастным товарищем, снова борясь со слезами, затем довольно долгое время был спокоен. Ему удалось добраться до истории о первом Превращении Волка без рыданий и без кома в горле. Но на этом месте он опять сорвался. Злость дала ему возможность говорить свободно вплоть до описания гибели Ферда Джанклау, затем вновь — бесконечные потоки слез.

Ричард долго ничего не говорил. Потом встал, подошел к комоду и вытащил из ящика чистый белый платок. Джек вытер лицо и шумно, судорожно высморкался.

— Вот все, что со мной произошло, — сказал он. — Или, по крайней мере, почти все.

— Скажи, каких ты книжек начитался? Или каких фильмов посмотрел?

— Да пошел ты!.. — сказал Джек. Он встал и пошел в угол комнаты за своим рюкзаком, но Ричард остановил его, положив ему руку на плечо.

— Я не думаю, что ты выдумал все.

— Не думаешь?

— Нет. По правде говоря, я не знаю, что я думаю, но уверен, что ты не рассказываешь мне отборные байки, — он опустил руку. — Я верю, что ты действительно был в «Доме Солнечного Света». Да, я верю в это. Так же как и в то, что у тебя был друг по имени Волк, который там умер. Ты уж прости меня, но я не могу серьезно воспринимать Долины и не могу даже допустить, что твой друг был оборотнем.

— Значит, ты думаешь, что я сошел с ума? — сказал Джек.

— Я думаю, что ты просто переутомился. Но я не собираюсь звонить отцу, и тем более я не собираюсь выгонять тебя отсюда. Ты можешь здесь переночевать. Если мы услышим, что мистер Хэйвуд пришел с обходом, ты спрячешься под кровать.

Ричард глубоко зевнул, прикрыл губы рукой и критически осмотрел комнату.

— Тебе нужно немного отдохнуть. Я уверен, что это часть твоей проблемы в отсутствии регулярного отдыха. Тебя довели до полусмерти в этом ужасном месте, твое восприятие мира исказилось, и теперь ты нуждаешься в отдыхе.

— Да, нуждаюсь, — подтвердил Джек.

Ричард поднял глаза.

— Мне скоро нужно будет уходить, но ты пока можешь здесь спрятаться, а я попозже принесу тебе еще чего-нибудь поесть. Самое важное сейчас, чтобы ты хорошо отдохнул и поскорее вернулся домой.

— Нью-Хемпшир — это не дом, — сказал Джек.

Глава 30 СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА

1

Через окно Джек видел мальчишек в куртках, спящих взад и вперед по морозному двору между библиотекой и всеми остальными школьными зданиями. Вот мимо пробежал Эйзеридж, старшекурсник, с которым Джек уже успел пообщаться сегодня утром. Его длинный шарф развевался по ветру сзади него.

Ричард достал из узкой ниши под кроватью спортивный костюм.

— Ничто не заставит меня подумать, что ты должен отправиться куда-либо, кроме как в Нью-Хемпшир. Мне сейчас нужно идти играть в баскетбол, потому что если я не пойду, наш тренер Фрейзер заставит меня сделать десять штрафных отжиманий, как только вернется. Сегодня с нами будет заниматься какой-то другой тренер, но Фрейзер сказал, что впечатает нас в землю, если мы будем прогуливать. Ты не хочешь сменить одежду? У меня есть, по крайней мере рубашка, которая должна тебе подойти — отец прислал мне ее из Нью-Йорка, а «Брукс Бразерс» указали неправильный размер.

— Покажи, — сказал Джек. Его одежда пришла в полную негодность, стала настолько грязной и потрепанной, что каждый раз, когда Джек обращал на нее внимание, он чувствовал себя Свиньеном, героем книги «Политиканы», жившим среди грязи и всеобщего неодобрения. Ричард подал ему белый сверток, еще в пластиковой упаковке.

— Спасибо тебе большое, — сказал Джек. Он вынул рубашку из упаковки и принялся расстегивать пуговицы. — Она должна быть почти впору.

— Можешь примерить и куртку, — сказал Ричард. — Вон та, яркую, самую последнюю на вешалке. Примерь ее, ладно? И если хочешь, можешь взять один из моих галстуков. Да, кстати, если кто-нибудь войдет, говори, что ты из газеты «Сент-Луис Кантри Дэй» и что ты пишешь репортаж о нашей школе. Так бывает раз два или три в год: дети оттуда идут сюда, а отсюда — туда, и собирают материалы для школьных газет.

Он направился к двери.

— Я зайду провести тебя после занятий.

Джек заметил, что две шариковые ручки, которые Ричард сунул в карман куртки, аккуратно уложены в пластмассовую коробочку, а сама куртка застегнута на все кнопки.

Домик Нельсона опустел в считанные минуты. Сквозь окно комнаты Ричарда Джек видел мальчиков, сидящих за большими, длинными столами библиотеки. Никто не ходил по дорожкам, никто не хрустел сухой коричневой травой. Зазвенел длинный настойчивый звонок, объявляющий о начале четвертого урока. Джек потянулся и зевнул. Спокойствие снова вернулось к нему — вокруг него школа со всеми знакомыми обычаями: звонки, уроки, занятия баскетболом. Может быть, ему удастся остаться здесь еще на один день, может быть, ему удастся даже позвонить своей маме с одного из телефонов Домика Нельсона. А уж в том, что ему удастся хорошенько выспаться, Джек даже не сомневался.

Джек подошел к вешалке и нашел яркую спортивную куртку на том самом месте, где, по словам Ричарда, она и должна была висеть. На одном из рукавов до сих пор болталась этикетка: Слоут прислал куртку из Нью-Йорка, но Ричард так ни разу и не одел ее. Так же как и рубашка, куртка оказалась на размер меньше, чем нужно было Джеку, и сильно давила в плечах, но в остальном была достаточно просторной, а рукава позволяли манжетам белой рубашки выступать вперед примерно на полдюйма.

С крючка внутри ниши Джек снял галстук — красный с синими якорями. Он затянул его вокруг шеи и старательно поправил узел. Затем увидел свое отражение в зеркале и громко рассмеялся. По крайней мере, увидел, что рассмеялся. Представьте себе картину — красивая новая куртка, строгий галстук, белоснежная рубашка и драные джинсы. Да, это был он. И он выглядел вполне прилично.

2

Ричард, как заметил Джек, стал поклонником творчества Джона Макфи, Льюиса Томаса и Стивена Джей Гулда. С одной из его книжных полок Джек достал «Одобряющую Панду», только из-за того, что ему понравилось название, и вернулся на кровать.

Ричард, как ему показалось, отсутствовал невозможно долгое время. Джек ходил из угла в угол по маленькой комнате. Он не мог себе представить, что мешает Ричарду вернуться в Домик Нельсона, и воображение рисовало перед ним картины, одну страшнее другой.

В пятый или шестой раз посмотрев на часы, Джек обнаружил, что нигде вокруг не видно ни одного учащегося.

Значит, то, что случилось с Ричардом, случилось и со всей школой.

День умер. Ричард, думал он, тоже был мертв. Возможно, умерли все, кто находился в Школе Тэйера — и он был Черным Ангелом, несущим с собой смерть. Кроме цыпленка, которого Ричард принес ему из столовой, Джек весь день ничего не ел, но он не был голоден. Немое страдание разрывало его сердце. Он приносил с собой разрушение.

3

Затем снова слышались шаги в коридоре.

Из комнаты сверху Джек теперь слышал невнятные «дум-дум-дум» басовой партии, а потом опять узнал в них запись «Блю Оустер Калт». Шаги остановились перед дверью. Джек вскочил.

А. А. Мухомов 93

Дверь открылась и в комнату вошел Ричард. Двое мальчиков с соломенного цвета волосами и небрежно повязанными галстуками заглянули внутрь и пошли дальше по коридору. Через открытую дверь музыка была слышна намного громче.

— Где ты был полдня? — спросил Джек.

— Знаешь, это было что-то ненормальное, — сказал Ричард. — У нас отменили все уроки, но мистер Даффри не разрешил никому вернуться в комнату. Потом мы все пошли на тренировку по баскетболу, и там началось нечто еще более странное.

— Кто такой мистер Даффри?

Ричард посмотрел на него так, будто он только что родился на свет.

— Кто такой мистер Даффри? Он директор. Ты разве ничего не знаешь о нашей школе?

— Нет, но кое о чем догадываюсь, — сказал Джек. — Что было странного на тренировке?

— Помнишь, я говорил тебе, что тренер Фрейзер попросил какого-то своего друга подменить его сегодня? И еще он сказал, что мы будем наказаны, если прогуляем занятия, поэтому я подумал, что его друг — это что-то вроде Альмагура, знаешь, такой отчаянный парень. В Школе Тэйера не очень хорошие спортивные традиции, так что я думал, этот заместитель Фрейзера настоящий специалист.

— А этот новый человек выглядел так, словно не имеет ничего общего со спортом. Я угадал?

У Ричарда отвисла челюсть.

— Да, — подтвердил он. — Ничего общего.

Ричард задумчиво посмотрел на Джека и продолжал.

— Он все время курил. И волосы у него длинные и грязные. Он ни капельки не похож на тренера. По правде говоря, он похож на такого человека, который у большинства тренеров может вызвать отвращение. У него даже глаза ненормальные. Готов спорить на что угодно, что он курит траву. — Ричард одернул свитер. — Не думаю, что он имеет какое-нибудь понятие о баскетболе. Он даже не занимался с нами гимнастикой, что мы обычно делаем после игры. Да и во время игры, если это можно назвать игрой, мы бегали по полю и кидали мячи в корзину, а он кричал на нас. Смеялся. Как будто дети, играющие в баскетбол, это самая смешная вещь, какую он когда-либо видел. Ты можешь себе представить тренера, которому спорт кажется смешным? Вообще все было странно. Он сел, сказал: «Можете немного поиграть» и закурил сигарету. Ни счета, ни свистков — мы все делали сами. А потом он сказал: «О'кей,

теперь немного побегайте вокруг». Он выглядел... как бы сказать... диким. Настоящий дикарь. Я собираюсь завтра поговорить с Фрейзером.

— А я бы не стал разговаривать ни с ним, ни с директором, — сказал Джек.

— О, я кажется, понял, — сказал Ричард. — Ты хочешь сказать, что мистер Даффри — один из них? Из людей Долин?

— Или работает на них, — уточнил Джек.

— А тебе не кажется, что ты пытаешься *все* подогнать под одну эту причину? Все, что идет не так, как надо? Ведь это так просто — объяснить Долинами все непонятное. Именно так протекает шизофрения. Ты делаешь неверные выводы и находишь несуществующие связи.

— И наблюдаю непроисходящие события.

Ричард пожал плечами, но, несмотря на этот безразличный жест, его лицо исполнилось страдания.

— Это сказал не я.

— Погоди, — оторвал его от раздумий Джек. — Помнишь, я рассказывал тебе про задание, которое разрушилось в Анголе? В штате Нью-Йорк?

— Птичьи Башни?

— Вот это память! Да, так вот, я думаю, что это произошло по моей вине.

— Джек, ты...

— Сошел с ума, я знаю. Послушай, как ты думаешь, кто-нибудь обратит на меня внимание, если мы выйдем в холл и посмотрим «Вечерние Новости?»

— Не думаю. Сейчас почти все готовят уроки. А зачем?

«А затем, что я хочу знать, что происходит вокруг, — подумал Джек, но ничего не сказал. — Веселенькие пожарчики, легенькие землетрясеньица — все это знаки того, что они идут. За мной. За нами».

— Я ведь должен быть в курсе событий, старина Ричард, — сказал Джек, и они с Ричардом вышли в зеленый, как речная вода, коридор.

Глава 31

ШКОЛА ТЭЙЕРА ПРОВАЛИЛАСЬ К ЧЕРТЯМ, ЧЕРТИ СВАЛИЛИСЬ НА ШКОЛУ ТЭЙЕРА

1

Джек первый заметил, как что-то изменилось вокруг, и понял, что стало так же тихо, как и раньше, когда Ричард отправился на занятия.

Визжащий и грохочущий хэви-метал «Блю Оустер Калт» затих. Погас экран телевизора в холле, который вместо новостей показывал очередную серию «Героев Хогана».

Ричард повернул голову к Джеку и открыл рот, собираясь заговорить.

— Мне не нравится это, Гридли, — опередил его Джек. — Туземцы больше не стучат в там-тамы. Здесь слишком тихо.

Ричард почти беззвучно засмеялся.

— Ричард, можно я кое-что у тебя спрошу?

— Да, конечно.

— Ты не боишься?

Лицо Ричарда приобрело такое выражение, будто он собирался сказать: «Нет, конечно, нет. К вечеру в Домике Нельсона всегда становится так тихо». Но Ричард, к несчастью, совершенно не умел лгать. Старый добрый Ричард. Джек почувствовал накатившую волну нежности.

— Да, — сказал Ричард. — Я немного боюсь.

— А можно у тебя еще кое-что спросить?

— Спрашивай.

— Почему мы с тобой разговариваем шепотом?

Ричард долго смотрел на него, не произнося ни слова. Затем двинулся дальше по коридору.

Двери большинства комнат были либо распахнуты настежь, либо хотя бы наполовину приоткрыты. Джек почувствовал очень знакомый запах, исходящий из комнаты №4. Он подошел к двери и трясущимися пальцами толкнул ее внутрь.

— Кто из них наркоман? — спросил он Ричарда.

— Что? — очнулся Ричард.

Джек шумно втянул носом воздух.

— Чувствуешь запах?

Ричард подошел к нему и тоже заглянул в комнату. Обе настольные лампы горели. На одном столе лежал учебник истории, на другом — вырезка из какой-то газеты о хэви-метале. Стены укра-

шали плакаты: Солнечный Берег; Фродо и Сэм, бредущие по выжженной дымящейся земле Мордора к обители Саурона; Эдди ван Хален. Тут же, на статье о хэви-метале лежали наушники, из которых доносились тоненькие пискливые звуки музыки.

— Если тебя могут исключить за то, что ты разрешаешь другу спать под своей кроватью, то я глубоко сомневаюсь, что здесь позволено курить траву, — сказал Джек.

— Конечно, нет. За это тоже исключают, — Ричард, словно замороженный, глядел на дымящуюся сигарету, и Джеку показалось, что он сейчас даже более шокирован и сбит с толку, чем тогда, когда увидел черные волдыри между его пальцами.

— Дом Нельсона пуст, — сказал Джек.

— Не будь смешным! — голос Ричарда прозвучал очень резко.

— Тем не менее, это так, — Джек указал на длинный пустой коридор. — Мы остались здесь одни. И ты не можешь отрицать того, что тридцать с чем-то мальчиков не могут бесшумно пройти мимо твоей двери. Значит, они не выходили. Они исчезли.

— И, конечно же, в Долины.

— Не знаю, — сказал Джек, — может быть, они даже здесь, но в каком-то другом измерении. Может быть, в Кливленде. Но, по крайней мере, они не там, где мы.

— Закрой дверь, — неожиданно сказал Ричард, и, поскольку Джек не сдвинулся с места, закрыл ее сам.

— Ты не хочешь выкинуть эту...

— Я не хочу к ней даже прикасаться, — сказал Ричард. — Мало того, я обязан доложить об этом. Я должен доложить о них обоим мистеру Хэйвуду.

— И ты это сделаешь? — ошеломленно спросил Джек.

Ричард выглядел огорченным.

— Нет... наверное нет, — сказал он. — Но мне это не нравится.

— Да, это плохо. Но не нужно доносить.

— Да, — Глаза Ричарда сверкнули из под очков, говоря Джеку, что он абсолютно прав, что он попал в самую точку и что, даже если Ричарду это не нравится, то он сможет смириться.

Он пошел дальше по коридору.

— Я хочу выяснить, что здесь происходит, — сказал он. — И, поверь мне, я это выясню.

«Эх, Ричи, это может намного хуже сказаться на твоём здоровье, чем запах марихуаны», — подумал Джек и последовал за другом.

Они стояли в холле и смотрели в окно. Ричард указал в сторону центра двора. В последних лучах заходящего солнца Джек увидел нескольких мальчиков, сбившихся в тесную кучку у зеленоватой статуи Старого Тэйера.

— Они курят! — гневно закричал Ричард. — Они курят прямо во дворе!

Джек тут же подумал о терпком запахе в коридоре.

— Да, они курят, — сказал он Ричарду. — И я уверен, что в их сигаретах совсем не то, что туда забивают на фабрике.

Ричард нервно забарабанил пальцами по стеклу. Джек заметил, что его друг забыл и о таинственным образом опустевшем здании, и об одетом в кожаную куртку курящем поддельном тренере, и о явном умственном сдвиге самого Джека. Ричард смотрел на это грубое нарушение так чтимых им законов, и его лицо словно говорило: «То, что мальчики стоят таким вот кружком и курят марихуану прямо под памятником основателю Школы, для меня выглядит так же, как уверения в том, что земля плоская или что причины идут за следствиями, или еще что-нибудь, столь же нелепое и смехотворное».

Сердце Джека трепетало от жалости к другу, но все же, с другой стороны, он искренне восхищался его складом ума, который был полностью противоположен складу ума его школьных товарищей. Он снова подумал о том, сможет ли Ричард выдержать все потрясения, ожидающие его на пути.

— Ричард, — сказал Джек, — ведь эти мальчики не из Школы Тэйера?

— Боже, а ты и вправду сошел с ума, Джек. Это старшекурсники. Я узнаю каждого из них. Вон тот, в дурацкой кожаной шляпе — Норрингтон. А который в зеленых штанах — Бакли. Еще я вижу Гарсона... Литтлфилда... а вот и Эйзеридж в своем шарфе, — закончил он.

— А ты *уверен*, что это именно Эйзеридж?

— *НУ КОНЕЧНО ЖЕ УВЕРЕН!* — закричал Ричард. Неожиданно он повернул задвижку на окне, распахнул его створки и перегнулся через подоконник.

Джек втащил его обратно.

— Ричард, пожалуйста, послушай...

Ричард не хотел ничего слушать. Он вырвался из рук Джека и снова высунулся в холодные сумерки.

— Эй!

«Нет, Ричард, ради Бога, не привлекай их внимания...»

— Эй, вы, там! Эйзеридж! Норрингтон! Литтлфид! Какого черта вы там делаете?!

Ответом ему был взрыв хохота. Мальчик в шарфе Эйзериджа обернулся на голос Ричарда. Он только слегка повернул голову, чтобы посмотреть на них. Свет, падающий из окон библиотеки, и зловещий кроваво-красный отблеск зимнего заката осветили его лицо. Рука Ричарда взлетела ко рту.

Правая половина лица действительно принадлежала Эйзериджу, только повзрослевшему... нет, постаревшему Эйзериджу, Эйзериджу, который бывает во многих местах, куда хорошие послушные мальчики не ходят, и делает много того, чего хорошие послушные мальчики не делают. Другая же половина представляла из себя один сплошной шрам. Блестящий полумесяц, который, возможно, когда-то был, а возможно, и не был, глазом, выглядывал из кратера в бугристой массе чуть ниже лба. Он был похож на стеклянный шарик, глубоко вдавленный в грудь полурастаявшего жира. Из левого уголка его рта торчал длинный загнутый клык.

«Это его двойник, — убежденно подумал Джек. — Это двойник Эйзериджа в том мире. И что, все они двойники? Двойник Литтлфилда, двойник Норрингтона, двойник Бакли и так далее, и так далее, и так далее? Но ведь этого не может быть?!»

— Слоут! — крикнул «Эйзеридж». Он сделал два шага в сторону Домика Нельсона. Свет от фонарей, расставленных вдоль дорожки, теперь падал прямо на его изуродованное лицо.

— Закрой окно, — шепнул Ричард. — Закрой окно, я был не прав. Он немного похож на Эйзериджа, но это не он. Может быть, это его старший брат. Наверное, кто-то плеснул серную кислоту или что-нибудь аналогичное в лицо брату Эйзериджа, и теперь он такой. Но это не Эйзеридж, поэтому ЗАКРОЙ ОКНО, ДЖЕК, ЗАКРОЙ ЕГО ПОСКО...

Тем временем, «Эйзеридж» приблизился к ним еще на шаг. Он улыбнулся, если, конечно, так можно выразиться. Его невероятно длинный язык вывалился изо рта, словно развернувшийся флаг.

— Слоут! — повторил он. — Отдай нам своего пассажира!

Джек и Ричард переглянулись и увидели перекошенные от ужаса лица друг друга.

Вой пронизал темноту ночи... Да, сейчас была ночь, солнце уже полностью исчезло за горизонтом.

Ричард снова посмотрел на Джека, и он увидел, как самая настоящая ненависть на мгновение блеснула в глазах его друга — взгляд Ричарда вдруг стал взглядом его отца. «Какого черта ты

пришел сюда, Джек? А? Зачем ты втравил меня в эту историю? Зачем рассказывал всю эту проклятую Чушь Острова Сибрук?»

— Ты хочешь, чтобы я вышел?

Тупая злость еще на одно долгое мгновение появилась в глазах Ричарда, затем ее сменила обычная доброта.

— Нет, — сказал он, нервно поправляя волосы дрожащими руками. — Нет, ты никуда не пойдешь. Там... там дикие собаки. Дикие собаки, Джек, во дворе Школы Тэйера. Я имею в виду... ты хорошо их рассмотрел?

— Да, Ричи, хорошо, — спокойно ответил Джек. Ричард снова поправил свои и без того аккуратно лежащие волосы, разделив их на несколько широких прядей. После такой процедуры всегда аккуратный и серьезный друг Джека начал слегка походить на полоумного героя мультфильмов про Дональда Дака — Зигзага Маккрэка.

— Надо позвонить Боинтону из Службы Безопасности, вот, что нужно сделать, — сказал Ричард, — позвонить Боинтону или в полицию, или...

Из тени деревьев в дальнем конце двора снова раздался вой. Долгий заунывный вой, и он был почти человеческим. Ричард взглянул в его сторону. Его подбородок трясся, как у немощного старика. Затем он умоляюще посмотрел на Джека.

— Закрой окно, Джек, пожалуйста. Меня всего трясет. Наверное, я простудился.

— Наверное, — сказал Джек и выполнил просьбу друга, отгородившись, насколько это было возможно, от ледящего кровь воя.

Глава 32 «ОТДАЙ НАМ СВОЕГО ПАССАЖИРА!»

1

— Помоги мне, Ричард, — прокричал Джек.

— Я не хочу двигать бюро, — сказал Ричард детским поучающим голосом. Черные круги под его глазами стали намного больше, чем были в холле. — Ему там не место.

Протяжный вой уже который раз разорвал тишину двора.

Кровать стояла теперь перед дверью. Вся комната Ричарда постепенно стягивалась в одну точку. Сам же Ричард стоял в стороне и, часто моргая, смотрел на все это. Затем он подошел к кровати и

сталил с нее простыни. Одну из них он молча протянул Джеку, другую расстелил на полу. Вынул из карманов несколько бумажных долларов и мелочь и аккуратно сложил все это на бюро. Затем он лег на середину своей простыни, обернул ее концы вокруг себя и застыл. Очки все еще были на нем, лицо выражало немое страдание.

— Я не хочу говорить о том, что происходит снаружи, — сказал Ричард. — Давай попробуем этого не замечать.

— Ладно, Ричард, — успокаивающим тоном ответил Джек. — Мы не будем об этом говорить.

Тишина снаружи была плотной, словно во сне. Ее нарушал только отдаленный грохот больших автомобилей, проезжающих по дороге. И сам Домик Нельсона был неправдоподобно, пугающе тих.

— Спокойной ночи, Ричард, — сказал Джек.

— Спокойной ночи.

Ричард подарил ему улыбку — вымученную и ужасно усталую. В ней было столько теплоты и дружелюбия, что она одновременно согрела и заставила сжаться сердце Джека.

— Я все равно рад, что ты пришел, — сказал Ричард. — Мы поговорим обо всем утром. Я уверен, что тогда в этом будет больше смысла. Эта небольшая температура должна спастись к утру.

Ричард перевернулся на правый бок и закрыл глаза. Через пять минут, несмотря на эту жесткую «постель», он уже глубоко спал.

Джек еще долго сидел, вглядываясь в темноту за окном. Временами он видел огни проезжающих по Спрингфилд-Авеню машин, иной раз ему чудилось, что во дворе погасли огни и даже исчезли сами фонари, словно вся Школа Тэйера, медленно скользящая за пределы реальности, остановилась на мгновение и повисла в пустоте, прежде чем начать обратный путь.

Ветер крепчал. Джек слышал, как он шелестит последними замерзшими листьями деревьев во дворе, как он заставляет хрустеть старые кости ветвей, как он завывает в узких пространствах между зданиями.

2

— Он опять идет, — прошептал Джек. Было около часа ночи. — Двойник Эйзериджа.

— Фффхтоидет?

— Не обращай внимания, — сказал Джек, — спи дальше. Ты не захочешь его видеть.

Но Ричард уже сидел. Сперва его сонные глаза ничего не видели, но потом взгляд остановился на расплывчатой и каким-то образом

искореженной фигуре, приближающейся к Домику Нельсона. Он был глубоко потрясен и не на шутку испугался.

Плющ перед домом, который еще утром был по-весеннему зеленым, теперь полностью засох.

— Слоут! Отдай нам своего пассажира!

Неожиданно Ричард почувствовал, что единственное, чего он сейчас хочет — это снова заснуть и спать до тех пор, пока его грипп полностью не пройдет (проснувшись, он решил, что у него именно грипп, не какая-то там простуда, а самый настоящий грипп), грипп и жар, которые вызывают у него эти чудовищные галлюцинации. Ему не следовало стоять у открытого окна... вернее, не следовало пускать Джека через окно. Ричард подумал об этом, и ему стало очень-очень стыдно.

3

Джек бросил косой беглый взгляд на Ричарда, и его бледное лицо и блестящие глаза сказали Джеку, что Ричард все дальше и дальше уходит в Волшебную Страну Бреда.

Страшное существо было уже близко. Оно стояло в заиндевевшей траве, похожее на тролля, выбравшегося из-под какого-то моста, его длинные когтистые руки свисали почти до колен. Оно было одето в армейскую байковую куртку с надписью «ЭЙЗЕРИДЖ», вышитой на левом кармане. Она была расстегнута и распахнута. Под ней Джек увидел порванную грязную рубашку «Пендлтон». Темное пятно на ней могло в равной степени быть либо кровью, либо блевотой. С шеи свисал небрежно повязанный помятый синий галстук с тоненькими золотыми буквами «Э», вытканными на репсовом материале. Несколько колючек репейника воткнулись в него и висели, словно головки экстравагантных булавок.

Новый Эйзеридж сверкал на них своим единственным глазом. В его волосах торчали ветки, на одежду налипли листья.

— Слоут! Отдай нам своего пассажира!

Джек снова посмотрел на кошмарного двойника Эйзериджа. В ту же секунду он был крепко пойман его взглядом, который, казалось, вибрировал, словно усики ударенного об стол камертона. Джеку пришлось приложить немалые усилия, чтобы отвести глаза.

— Ричард, — выдавил он из себя, — не смотри на него.

Ричард не отвечал — он уже смотрел прямо в глаза этой чудовищной пародии на Эйзериджа с легким болезненным интересом.

Джек испуганно потряс друга за плечо.

— Ох, — вздохнул Ричард. Неожиданно он схватил Джека за руку и прижал ее к своему лбу. — Я сильно горячий?

Джек убрал руку со лба Ричарда, который был разве что немного теплее чем обычно, не более того.

— Очень, — соврал он.

— Я знаю, — сказал Ричард с заметным облегчением. — Утром я пойду к врачу. Я думаю, мне нужны антибиотики.

— ОТДАЙ НАМ ЕГО, СЛОУТ!

— Давай придвинем бюро к окну, — предложил Джек.

— СЛОУТ, ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ ГРОЗИТ! — крикнул Эйзеридж. Он уверяюще улыбнулся, вернее, правая половина его лица уверяюще улыбнулась, левая же сохраняла свой трупный оскал.

— Почему он так сильно похож на Эйзериджа? — спросил Ричард с жутким, неуместным спокойствием. — Как мы можем так четко слышать его голос через стекло? Что с его лицом?

Его голос слегка дрогнул и заново обрел недавние испуганные нотки, когда он задавал последний вопрос — вопрос, который в эту минуту казался самым жизненно важным из всех остальных, по крайней мере, Ричарду Слоуту.

— И ГДЕ ОН ВЗЯЛ ГАЛСТУК ЭЙЗЕРИДЖА, ДЖЕК?

— Не знаю, — ответил Джек.

«Мы с тобой снова на Острове Сибрук, Ричи, и мне кажется, что нам придется здесь загорать до тошноты».

— ОТДАЙ ЕГО НАМ, СЛОУТ, ИЛИ МЫ САМИ ВОЙДЕМ И ЗАБЕРЕМ ЕГО!

«Эйзеридж» обнажил свой загнутый клык в свирепой кровожадной ухмылке.

— ОТДАЙ НАМ СВОЕГО ПАССАЖИРА, СЛОУТ, ОН МЕРТВ! ОН МЕРТВ, И ЕСЛИ ТЫ В СКОРОМ ВРЕМЕНИ НЕ ОТДАШЬ ЕГО НАМ, ТЫ ПОЧУВСТВУЕШЬ, КАК ОН НАЧИНАЕТ ВО-НЯТЬ!

— Помоги же мне сдвинуть это чертово бюро! — прошипел Джек.

— Да, — сказал Ричард. — Да, конечно. Мы придвинем бюро к окну, потом я лягу, а попозже пойду к врачу. Как ты думаешь, Джек? Что ты скажешь? Это хороший план? — Его лицо умоляло Джека сказать, что план действительно хорош.

— Посмотрим, — сказал Джек, — первым делом... бюро. Они могут швырять камни.

Ричард снова лег и вскоре начал стонать и бормотать во сне. Это уже было достаточно плохо, но вскоре из уголков его глаз потекли слезы, и это было еще хуже.

— Я не могу его бросить, — стонал Ричард тонким плаксивым голосом пятилетнего ребенка. Джек с замиранием сердца смотрел на него. — Я не могу его бросить, где мой папа, пожалуйста, кто-нибудь, скажите, где мой папа, он пошел в туалет, но сейчас его нет в туалете, где мой папа, он скажет, что нужно делать, пожалуйста...

Разбилось стекло. Джек закричал.

Камень ударился о заднюю стенку придвинутого к окну бюро. Несколько крупных осколков стекла упали на пол и разлетелись на мелкие кусочки.

— ОТДАЙ НАМ СВОЕГО ПАССАЖИРА, СЛОУТ!

— Нет, — простонал Ричард, корчась в простыне.

— ОТДАЙ ЕГО НАМ! — прокричал снаружи другой, насмешливый голос. — МЫ ОТВЕЗЕМ ЕГО НАЗАД НА ОСТРОВ СИБРУК! НА ОСТРОВ СИБРУК, ГДЕ ЕМУ И МЕСТО!

Еще один камень влетел в окно. Джек инстинктивно пригнулся, хотя и этот камень отскочил от бюро. Снаружи завывали, захохотали, зарычали.

— Не надо острова Сибрук, — бормотал Ричард во сне. — Где мой папа? Пусть он выйдет из туалета! Пожалуйста, пожалуйста, не надо острова Сибрук, пожалуйста, не надо...

Джек упал на колени перед Ричардом и принялся со всех сил трясти его, уговаривая: «Проснись, Ричард, проснись, ради Бога, прошу тебя, ПРОСНИСЬ!»

— Радибога! Радибога! Радибога! — повторил хриплый нечеловеческий хор. Голоса звучали так, словно под окном стояла толпа людведей с Уэллсовского Острова Доктора Моро.

— Прась-нись! Прась-нись! Прась-нись! — подхватил второй хор. И снова жуткий вой.

Посыпался град камней, сбивающих с окна остатки стекла, стучащих о бюро, разбивающих вдребезги его заднюю стенку.

— ПАПА В ТУАЛЕТЕ! — закричал Ричард, — ПАПА, ВЫХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫХОДИ! Я БОЮСЬ!

— Радибога! Радибога!

— Прась-нись! Прась-нись!

Руки Ричарда хватали воздух.

Камни все летели, врезаясь в бюро; Джек был уверен, что вскоре будет брошен камень, достаточно большой для того, чтобы пробить насквозь это непрочное препятствие или просто свалить его им на головы.

А снаружи продолжали доноситься крики, вопли, злорадный смех троллей. Где-то невдалеке раздался захлебывающийся лай собак.

— ПАПАААА!!!! — кричал Ричард тонким простуженным голосом.

Джек шлепнул его по щеке.

Ричард открыл глаза. Несколько секунд от тупо таращился на Джека, делая усиленные попытки узнать его, словно сон отнял у него способность соображать. Затем он глубоко, судорожно вздохнул.

— Мне снился кошмар, — сказал он, — из за жара, наверное. Ужасный.

— Но я ничего не помню! — резко закончил он, как будто боясь, что Джек в любую секунду может об этом спросить.

— Ричард, я хочу, чтобы мы ушли из этой комнаты, — сказал Джек.

— Ушли из этой?.. — Ричард посмотрел на Джека как на сумасшедшего. — Я не могу, Джек. У меня жар... по крайней мере, тридцать восемь и пять, а может даже тридцать девять. Я не...

— Ты слишком завысил свою температуру, Ричард, — спокойно сказал Джек. — Она, должно быть, не больше...

— Я весь горю! — протестовал Ричард.

— Ричард, они кидают камни.

— Галлюцинации не могут швырять камни, Джек, — сказал Ричард, словно объясняя простую, но важную истину умственно неполноценному. — Чушь острова Сибрук. Это...

Окно подверглось очередному обстрелу.

— Слоут! Отдай нам своего пассажира!

— Пойдем, Ричард, — сказал Джек, поднимая мальчика на ноги. Он разобрал баррикаду у двери и вывел друга в коридор. Сейчас ему было ужасно жалко Ричарда — возможно, не так сильно, как когда-то Волка... но ведь он родился здесь.

— Нет... плохо... жар... я не могу...

Бюро за их спинами продолжало трещать под ударами камней.

Ричард вскрикнул и вцепился в Джека, как утопающий.

Дикий гогот снаружи. Собаки выли и лаяли взахлеб.

Джек увидел, как и без того бледное лицо Ричарда постепенно становится еще блей, увидел, как он начал оседать и поспешно бросился к нему. Но он не успел, Ричард упал и замер у двери Руэла Гарднера.

5

Это был просто легкий обморок, и Ричард довольно быстро пришел в себя, после того как Джек помассажировал ему точки между большими и указательными пальцами. Джек решил не

разговаривать с ним о том, что происходит снаружи — в таком состоянии Ричард все равно не поймет, о чем он говорит.

Они неуверенно продвигались по коридору к лестнице. Проходя мимо холла, Джек покачал головой и присвистнул.

— Ричард, ты только посмотри!

Ричард неохотно обернулся. В холле царил полный кавардак. Стулья были перевернуты. Диванные подушки разодраны в клочья. Масляный портрет Старого Тэйера на стене — изуродован. Кто-то намалевал пару чертовых рогов на его седой голове. Еще кто-то добавил в композицию кошачьи усы, а некто третий, используя для своей цели гвоздь или другой подобный ему инструмент, нацарапал огромный грубый фаллос между его ног. Стекло в раме было разбито.

Джека не сильно беспокоило выражение тупого неопишемого ужаса на лице Ричарда. Ричарду, в какой-то мере, было легче поверить в сказочных эльфов, марширующих по коридорам и дорожкам двора сияющими неземным светом колоннами, чем в это внезапное разрушение Школы Тэйера, в которую он пришел получать знания и которую пришел любить... Школы Тэйера, которую он всегда считал незыблемой крепостью, ограждающей его от всего остального мира, где постоянно происходят какие-нибудь несчастья и где, думал Джек, отцы не выходят из туалетов, в которые перед этим зашли.

— Кто это сделал? — с дрожью в голосе спросил Ричард и сам же ответил. — Эти сволочи во дворе. Вот кто.

Он посмотрел на Джека и на его лице начала появляться туманная догадка.

— Это, должно быть, Колумбийцы, — неожиданно сказал он. — Да, это скорее всего, Колумбийцы, а то, что здесь происходит — своего рода «наркотическая война». Ты понимаешь, о чем я говорю?

Джеку пришлось задержать дыхание, чтобы не разразиться громким сумасшедшим смехом. Да, пожалуй, никто, кроме Ричарда Слоута, не смог бы выдвинуть такое предположение. Это были Колумбийцы. И они вели «кокаиновую войну» в Спрингфилде, в Школе Тэйера. Это элементарно, мой дорогой Ватсон, вопрос содержится в себе семь с половиной десятых ответа.

— Все может быть, — сказал Джек. — Давай поднимемся наверх.

— Зачем, скажи на милость?

— Ну... может, мы найдем там кого-нибудь еще, — ответил Джек. На самом деле он, конечно же, в это не верил, но ведь нужно было хоть что-то сказать. — Может быть, там кто-то прячется. Кто-нибудь нормальный, такой как мы.

Ричард посмотрел на Джека, затем снова на руины холла. Выражение нестерпимой боли вновь появилось на его лице. Оно словно говорило: «Я не хочу смотреть на все это, но по какой-то причине мне кажется, что я *должен* на это смотреть. Что-то принуждает меня к этому — словно кто-нибудь царапает доску или скребет по дну тарелки».

— Наркомания сильно распространилась по стране, — сказал Ричард тоном профессора, читающего лекцию. — Я видел статью о действии наркотиков в «Нью Рипаблик», вот только на прошлой неделе. Джек, все эти люди снаружи могут находиться в состоянии наркотического опьянения! Они неспособны контролировать свои действия! Они...

— Ричард, пойдем, — тихо сказал Джек.

— Я не уверен, что смогу подняться по лестнице, — сказал Ричард. — У меня слишком сильно кружится голова, чтобы ходить по лестницам.

— А ты попытайся! Ты мужчина или кто? — сказал Джек, продолжая вести его в прежнем направлении.

6

Когда они поднялись на площадку второго этажа, звуки со двора снова нарушили почти звенящую тишину Домика Нельсона.

Снаружи рычали и надрывались собаки, теперь казалось, что их не единицы и не десятки, а сотни. Со звонницы стоящей неподалеку церкви доносился нестройный звон колоколов.

Этот звон привел бедных дворняжек в полное замешательство, заставив их носиться взад-вперед по двору. Они налетали друг на друга, катились по траве, которая постепенно начала приобретать довольно жалкий и потрепанный вид, и кусали все, что попадало им под зубы. Пока Джек смотрел, одна из них атаковала вяз. Другая набросилась на ногу Старого Тэйера. Когда ее челюсти сомкнулись вокруг твердой бронзы, из ее рта на пьедестал брызнула кровь.

Джек отвернулся. Его тошнило.

— Идем, Ричард, — сказал он.

Ричард не стал противиться.

Второй этаж целиком состоял из перевернутой мебели, разбитых окон, распотрошенных подушек, магнитофонных катушек, которые явно использовали вместо метательных дисков, разорванных на клочки тетрадей и разбросанной повсюду одежды.

Третий встретил их облаком пара и влажным теплом тропического леса. Когда они подошли к двери с надписью «ДУШЕВАЯ»,

тепло превратилось в жару. Они сразу же почувствовали себя как в сауне. Легкая дымка, тонкими струйками сползавшая по ступеням, теперь стала плотным непроницаемым туманом.

— Стой здесь, — сказал Джек. — Жди меня.

— Конечно, Джек, — ответил Ричард спокойно, но достаточно громко, чтобы быть услышанным за шумом падающей воды. Его очки запотели, но у него не было сил их протереть.

Джек толкнул дверь и вошел внутрь. Его тут же окружила сырая плотная жара, одежда мгновенно промокла от пота и влаги.

Отделанная кафелем комната ревела и грохотала от воды. Краны всех двадцати душей были откручены до предела, и бурные ручейки из всех кабинок стекались в кучу спортивной одежды в центре комнаты. Вода, конечно, просачивалась сквозь эту дурацкую кучу, но очень медленно, так что ей был залит почти весь пол. Джек снял туфли и пошел вдоль стены вокруг комнаты, уворачиваясь от струй воды, чтобы, насколько это возможно, остаться сухим и чтобы не обвариться — потому что, кем бы ни был тот, кто откручивал краны, он явно пренебрегал холодной водой. Джек закрутил один за другим все, закрутил и тут же поругал себя за то, что зря потратил драгоценное время на столь бесполезное занятие, тогда как ему нужно было думать о том, каким образом они смогут выбраться отсюда, из Домика Нельсона и вообще с территории Школы Тэйера, прежде чем на их шеи опустится топор'палача.

Да, у него не было никакой необходимости заниматься этим, если не считать того, что Ричард был не единственным человеком, в котором жила потребность создавать порядок из хаоса... создавать порядок и поддерживать его.

Когда он вышел в коридор, Ричарда там не было.

— Ричард? — Он почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди.

Ответа не последовало.

— РИЧАРД!

В воздухе висел тяжелый запах разлитого одеколona.

Ричард, где ты, черт бы тебя побрал?!

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Джек закричал.

8

— Не понимаю, зачем так громко орать, — сказал Ричард, — это всего лишь я.

— Прости, я просто весь на нервах, — ответил Джек измученным голосом.

Некоторое время спустя они сидели в комнате мальчика со странным созвучным именем Альберт Хамберт. Ричард рассказал ему, что Альберт Хамберт, которого все называли Альберт Колобок, был самым толстым мальчиком во всей школе. Джек без труда поверил в это — комната была заставлена поразительным количеством разнообразной пищи. Альберт принадлежал к тому типу детей, для которых самой ужасной вещью в жизни было не проиграть в баскетбольном матче и не получить плохую отметку за контрольную по тригонометрии, а проснуться среди ночи и не найти на столе сэндвича или сдобной булочки. Вокруг было разбросано множество всяческого хлама. На полу валялся стеклянный кувшин, когда-то содержавший в себе ананасовый сок. Джек не сильно расстроился — ананасовый сок он никогда особенно не любил. Еще он увидел целую коллекцию этикеток от различных ликеров, Альберт Колобок обклеил ими всю дверь туалета. На одной из них было написано: «Дорогому сыночку в день рождения от любящей мамы».

«Любящие матери посылают своим дорогим детям этикетки от ликеров, а любящие отцы — спортивные куртки от «Брукс Бразерс», — устало думал Джек. — Один Джейсон знает, какая между ними разница».

В комнате Альберта Колобка они нашли достаточно продуктов, чтобы устроить себе нечто вроде Ужина Идиота: «Готовый Завтрак», перец и соленые картофельные чипсы. Сейчас они приканчивали пакет печенья. Джек сидел на стуле у окна, Ричард — на кровати Альберта.

— Да ты действительно весь на нервах, — подтвердил Ричард, отрицательно качнув головой, когда Джек протянул ему последнее печенье. — Самая настоящая паранойя. И причина этого в том, что ты провел два последних месяца на дороге. Ты поправишься, Джек, когда вернешься домой к маме.

— Ричард, — сказал Джек, отбрасывая в сторону опустевший пакет из под печенья, — перестань городить ерунду. Разве ты не видишь, что происходит вокруг?

Ричард вытер губы.

— Я уже объяснял все это, — сказал он. — У меня жар. Возможно, сейчас вообще ничего не происходит, а если что-то и происходит, то это самая обычная вещь, которую искажает мое воспаленное сознание. Это первый вариант. А второй... гм... наркоманы.

Ричард снова опустился на кровать Колобка.

— А ты не пробовал наркотики, Джек? Пока был в дороге? — Ричард неожиданно бросил на него острый язвительный взгляд.

«Да, это самое вероятное объяснение и тому, что происходит, и его сумасшествию, — сказали его глаза. — Джек попал в дурную

компанию наркоманов, и теперь все эти люди пришли за ним сюда».

— Нет; — спокойно ответил Джек, — я всегда считал тебя убежденным реалистом, Ричард. И я никогда не думал, что доживу до того, что ты — Ты! — станешь использовать свои мозги на то, чтобы исказить факты.

— Джек, я просто... брежу. Ты знаешь это.

— «Наркотические войны» здесь, в Спрингфилде?! — спросил Джек. — Кто из нас теперь несет Чушь с Острова Сибрук?

И в этот момент о окно комнаты Альберта Хамберта попал камень, осколки разбитого стекла рассыпались по всему полу.

Глава 33 РИЧАРД В ТЕМНОТЕ

1

Ричард закричал и прикрыл руками лицо. Его очки упали на кровать.

— Отдай его нам, Слоут!

Джек поднялся. Его охватила тупая ярость.

Ричард схватил его за руку.

— Джек, нет! Не подходи к окну!

— Отстань, — почти прорычал Джек. — Мне надоело, что обо мне говорят так, как будто я пицца!

«Эйзеридж» стоял на перекрещении дорожек, в одном из углов образуемого ими прямоугольника, и смотрел наверх.

— Уходи отсюда! — крикнул ему Джек. И в этот момент его осенила блестящая идея. Он немного поколебался, затем громко и властно произнес:

— Я приказываю вам уйти отсюда! Всем вам! Приказываю вам покинуть это место именем моей матери, Королевы!

«Эйзеридж» отступил назад и скорчился, словно кто-то со всего размаху ударил его плеткой по лицу.

Но затем это выражение боли у удивления исчезло, и «Эйзеридж» ухмыльнулся.

— Она мертва, Сойер! — крикнул он, но глаза Джека в какой-то мере стали зорче за то время, которое он провел в дороге, и они увидели сильное беспокойство под деланным триумфом. — Королева

Лаура умерла, и твоя мать тоже умерла... там, в Нью-Хемпшире... умерла и воняет!

— ВОН! — воскликнул Джек, и ему показалось, что «Эйзеридж» снова отступил назад под напором его ярости.

Ричард, бледный и окончательно сбитый с толку, тоже подошел к окну.

— О чем вы с ним говорите? — спросил он, и вгляделся в ухмыляющееся внизу чудовище. — И откуда Эйзеридж знает, что твоя мама в Нью-Хемпшире?

— Слоут! — крикнул «Эйзеридж». — Где твой галстук?

Виноватое выражение мелькнуло на лице Ричарда. Рука дернулась к расстегнутому воротнику рубашки.

— Я прошу тебя на этот раз, если ты выдашь нам своего пассажира, Слоут! Если ты выдашь его нам, все станет таким, как раньше! Ты ведь хочешь этого, не правда ли?

Ричард смотрел вниз, на поддельного Эйзериджа и кивал, Джек был уверен в этом, совершенно бессознательно. Его лицо превратилось в сплошной плотный сгусток жалости и отчаяния, глаза блестели от слез. Да, он хотел чтобы все стало таким, как раньше.

— Ты любишь свою школу, Слоут? — кричал «Эйзеридж» в разбитое окно комнаты Альберта.

— Да, — пробормотал Ричард и громко всхлипнул. — Да, конечно, я люблю ее.

— Ты знаешь, что мы делаем с маленькими негодяями, которые не любят свою школу? Отдай его нам! И забудь, что он когда-нибудь появлялся здесь!

Ричард медленно обернулся и посмотрел на Джека страшными, совершенно пустыми глазами.

— Решай, Ричи, — спокойно сказал Джек.

— Он распространяет наркотики, Ричард! — не унимался «Эйзеридж». — Четыре или пять различных сортов! Кокаин, хэш, «белый»! Он продавал их, чтобы заработать деньги на свое путешествие на запад! Как ты думаешь, где он взял эту красивую куртку, в которой сюда пришел?

— Наркотики, — сказал Ричард дрожащим голосом, в котором, однако, чувствовалось облегчение, — я знал это.

— Но ведь ты не веришь в это, — сказал Джек, — наркотики не могут изменить твою школу до неузнаваемости, Ричард. И собаки...

— Отдай его нам, Сло... — голос «Эйзериджа» начал таять.

Когда мальчики посмотрели вниз, его там уже не было.

— Где был твой отец, как ты думаешь? — тихо спросил Джек, — куда он делся, когда исчез из туалета, а, Ричард?

Ричард медленно поднял на него глаза, и вдруг все его лицо, обычно такое спокойное и задумчивое, перекошилось от страха. Подбородок мелко задрожал. Неожиданно, Ричард упал в руки Джека и в слепом ужасе вцепился в него.

— Оно п-п-прикоснулось ко м-м-мне! — панически закричал он. Все его тело тряслось под руками Джека, словно он сидел на электрическом стуле. — Оно прикоснулось ко мне, оно п-п-прикоснулось ко м-м-мне! Что-то здесь при-прикоснулось ко м-мне, Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО... ЧТО ЭТО Б-БЫЛО!

2

Прижавшись горячим лбом к плечу Джека, Ричард начал свой рассказ о том, что хранил в себе все эти годы. Слова с трудом слетали с его языка, словно деформированные пули. Слушая, Джек поймал себя на том, что вспоминает, как его собственный отец зашел в гараж... и вернулся два часа спустя совершенно с другой стороны. На Джеке тогда это сказалось очень плохо, но то, что произошло с Ричардом, было намного хуже. Это объясняло его железную, безоговорочную приверженность Реальности — только Реальности и ничему, кроме Реальности. Это объясняло и его реакцию на любое проявление фантазии, и, в особенности, на научную фантастику... По собственному школьному опыту Джек знал, что такие исследователи, как Ричард, обычно просто проглатывают научную фантастику... даже сухую пищу, вроде Хайнлайна, Азимова, Артура Кларка, Ларри Нивена — избавьте нас от Робертов Сильвербергов и Барри Малзбергов, говорили они, а мы будем читать эту чушь, где смелые люди достигают звездных пределов, и пусть логарифмы пролетают мимо наших ушей. Но Ричард был не таков. Его отвращение к фантастике заходило так далеко, что он не прикасался *ни* к одному роману, даже если это было положено по школьной программе. Будучи ребенком, Ричард позволял Джеку подбирать ему книги для «свободного чтения» и пережевывал их, если они были ему по вкусу. Для Джека стоило огромных трудов подыскать книгу — хотя бы одну книгу! — которая бы восхитила Ричарда, захватила Ричарда, как хорошие рассказы и романы иногда захватывали самого Джека... они, думал он, почти так же хороши, как его Видения, и каждый из них в какой-то мере отражает его собственное представление о Долинах. Но ему никогда не удавалось добиться ни восхищения, ни даже малейшего интереса — вообще никакой реакции. Вернее, реакция-то, конечно, была. И на «Красного коня», и на «Ленивого Демона», и на «Ловца» или на повесть

«Я — легенда» она всегда была одинаковой — сдвинутые брови и скучающий взгляд, пока он читал, затем те же сдвинутые брови и тот же скучающий взгляд, пока рассказывал о прочитанном на уроке, а за этим следовала либо тройка, либо, если учитель литературы был особенно великодушен в этот день, четверка. После каждой тройки Ричард пропускал несколько занятий.

Когда Джек прочел «Повелителя мух» Уильяма Голдинга, он очень долго чувствовал, что его бросает то в жар, то в холод, чувствовал, как дрожит все у него внутри. Он был одновременно восхищен и испуган; и всей душой, всем сердцем желал того, чего всегда желал, когда книга оказывалась по-настоящему хорошей — чтобы она никогда не кончалась, чтобы продолжалась и продолжалась, как жизнь. (К сожалению, жизнь намного более скучна и неопределенна, чем книги). Он знал, что скоро подходит очередь Ричарда делать выступление по «свободному чтению», и он дал ему эту потрепанную, зачитанную книгу, будучи полностью уверен, что *должен* это сделать: это сломает каменную стену, Ричард просто не может не отреагировать на этот рассказ о бездомных одичавших детях. Но Ричард пролистал «Повелителя мух» так же, как раньше пролистывал все остальные романы, и написал очередной отчет о результатах патологоанатомического обследования жертвы дорожно-транспортного происшествия.

«Что с тобой? — взорвался тогда доведенный до отчаяния Джек. — Скажи мне, ради Бога, что ты имеешь против этой книги, Ричард?» Ричард удивленно посмотрел на него, явно не понимая причины его злости и ответил: «Но ведь этого же всего не было на самом деле, разве не так?»

Джек ушел в этот день, окончательно подавленный этим полным неприятием Ричардом какого бы то ни было вымысла. Но он кое-что понял и, возможно, даже лучше понял, чем хотел. Для Ричарда открывать каждую фантастическую книгу было равносильно тому, что открывать дверь туалета. Возможно, каждая красиво иллюстрированная обложка, изображающая никогда не происходившие события так, словно они совершенно реальны, напоминала Ричарду то утро, когда необъяснимого ему хватило Раз и Навсегда.

3

Ричард видит, как его отец заходит в туалет, расположенный около его спальни, и закрывает за собой дверь. Ричарду пять... или шесть... по крайней мере, семи ему еще нет. Он ждет пять минут,

потом десять, и, когда отец все еще не выходит из туалета, ему становится немного страшно. Он начинает звать. Он зовет...

(своего курящего... он зовет своего пьющего... он зовет своего)

...отца, и когда отец не отвечает, он начинает звать громче и громче и подходить все ближе и ближе к туалету. В конце концов, когда прошло уже пятнадцать минут, а отец так и не вышел, Ричард потянул на себя дверь и вошел... в темноту.

И кое-что произошло.

В спертom воздухе туалета появился другой запах — горячий, странный запах. Ричард снова принялся выкрикивать имя отца, ему в голову пришла сумасшедшая идея, что, должно быть, здесь был пожар и его отец сгорел в нем, потому что здесь пахло пожаром... и вдруг он обнаружил, что пол исчез из-под его ног и он стоит в черной грязи. Странные крупные насекомые с круглыми глазами на длинных усиках сновали вокруг его тапочек. «Папа!» — закричал он. Стены исчезли, пол исчез, но под ногами не было чистого снега, а была эта зловонная грязь, которая явно служила родным домом этим мерзким черным насекомым. Это место, где они жили, при всем воображении нельзя было назвать Нарнией. На крик Ричарда ответили другие крики и дикий, полоумный смех. Темный ревущий ветер доносил до него клубы дыма... Ричард повернулся и бросился назад, в ту сторону, откуда он пришел, выставив вперед руки, как слепой. Он снова вдохнул душный спертый воздух...

И чья-то рука схватила его за пояс.

«Папа?» — спросил он, но, опустив глаза, увидел, что его держит не человеческая рука, а нечто зеленое и чешуйчатое, покрытое редкими жесткими волосками. Это зеленое «нечто» тянулось в сторону огромного, сокрытого в темноте тела и пары желтых горящих глаз, смотрящих на него с выражением животного голода.

Ричард закричал, вырвался и слепо бросился в темноту... и как только его руки снова нащупали висевшую на стене спортивную куртку отца, как только он услышал тихое звяканье крючка, на котором она висела, эта зеленая чешуйчатая рука снова схватила его, на этот раз за шею... и исчезла.

Целых три часа он стоял, дрожа, бледный как зола в остывшей печи, у этого проклятого туалета, боясь войти, боясь зеленой руки и желтых глаз, все более и более склоняясь к мысли, что его отец мертв. И когда к концу четвертого часа отец, наконец-то, появился... из двери между спальней и гостиной — из двери за спиной Ричарда — в этот момент Ричард возненавидел фантастику. Он отказался иметь с ней какие-либо дела, верить ей, допускать существование описываемых в ней вещей. Все очень просто — ему хватило ее *Раз и Навсегда*.

Он подпрыгнул, побежал навстречу своему отцу, к любимому Моргану Слоуту, и так крепко обнял его, что после этого у него целую неделю болели руки. Морган, смеясь, приподнял его, спросил, почему он такой бледный. Ричард улыбнулся и сказал, что, должно быть, съел что-то не то на завтрак, но сейчас он чувствует себя намного лучше. Он поцеловал отца в щеку и услышал любимый сладкий запах одеколона и леденцов. В тот же день он собрал все свои приключенческие книжки — «Золотые книжечки», «Самые любимые сказки», «Читаю сам», «Книги Доктора Сосса», «Волшебные истории для самых маленьких» — сложил их в коробку, а коробку отнес в подвал. Сделав все это, он подумал: «Я не буду жалеть, если сейчас случится землетрясение и все эти книги провалятся в трещину в полу. Я только буду рад. Правда буду рад и буду смеяться несколько дней подряд».

Этого не произошло, но Ричард все равно чувствовал огромное облегчение от того, что ненавистные книги оказались в двойной темноте — темноте коробки и темноте подвала. Он больше никогда не вспоминал о них, так же как и о зеленой чешуйчатой руке, хотя иногда ему и чудилось, что под его кроватью или в его шкафу прячется кто-то с голодными желтыми глазами, до тех пор, пока не начались все эти странные события в Школе Тэйера и пока он не расплакался горючими, непривычными ему слезами на плече своего друга Джека Сойера.

...Раз и Навсегда...

4

Джек надеялся, что, рассказав свою историю и вдоволь наплакавшись, Ричард вновь обретет способность здраво рассуждать. Он уже не думал о том, что Ричард захочет присоединиться к нему в пути на запад, но если он заставит себя поверить в настоящую причину всего того сумасшествия, что происходит вокруг, то он, по крайней мере, направит всю силу своего ума на то, чтобы помочь Джеку уйти... Уйти из школы Тэйера и из жизни Ричарда, пока Ричард окончательно не свихнулся.

Но этого не произошло. Когда Джек попытался рассказать ему о том, как его собственный отец, Фил, зашел в гараж и не вышел оттуда, Ричард отказался слушать. Старая тайна того, что произошло в тот день в туалете, была раскрыта (хотя Ричард все еще продолжал упрямо считать, что все случившееся — не более, чем галлюцинация), и с Ричардом было довольно. Раз и Навсегда.

На следующее утро Джек спустился вниз. Он забрал все свои вещи и те вещи, которые, по его мнению, могли пригодиться Ричарду: зубную щетку, учебники, тетради и чистую одежду. Он решил, что это день они тоже проведут в комнате Альберта Колобка. И будут наблюдать за двором и главными воротами. Когда спуститься ночь, можно будет попробовать бежать.

5

Джек порылся в столе Альберта и в одном из ящиков обнаружил бутылочку с детским аспирином. Несколько секунд он молча смотрел на нее, думая, что эти маленькие оранжевые таблетки почти так же много говорят о любящей маме исчезнувшего Альберта, как и этикетка от ликера на двери туалета. Джек вытряс на ладонь с полдюжины таблеток и протянул их Ричарду. Ричард отсутствующим жестом взял их.

— Отойди от окна и ложись, — сказал Джек.

— Нет, — ответил Ричард. Его голос казался тревожным и ужасно несчастным. — Я должен продолжать наблюдение, Джек. Если происходят подобные вещи, нужно сохранять бдительность. И наблюдать, чтобы потом можно было дать полный отчет перед... перед... государством.

Джек пощупал Ричарду лоб, и хотя он был холодным — почти ледяным — сказал:

— У тебя еще сильнее поднялась температура, Ричард. Лучше лежи, пока не подействует аспирин.

— Еще сильнее? — Ричард посмотрел на него с трогательной благодарностью. — Разве?

— Да, — серьезно сказал Джек. — Иди и ложись.

Ричард лег и пять минут спустя уже глубоко спал. А Джек сел на стул Альберта Колобка. Его сидение было почти такой же ширины, как и кровать. Бледное восковое лицо Ричарда тихо светилось в лучах восходящего солнца.

6

Таким образом прошел день, и около четырех часов Джек уснул. Проснулся он уже в темноте и не имел никакого понятия, сколько времени прошло с того момента, как он отключился. Единственное, что он знал — ему ничего не снилось. И был благодарен за это. Ричард беспокойно ворочался, и Джек подумал, что он тоже скоро проснется. Он встал и потянулся, разминая затекшую спину. Затем

выглянул в окно и замер с широко открытыми глазами. Первой мыслью было: «Ричард не должен это видеть. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы он не увидел».

«Боже, нам нужно убираться отсюда, и как можно скорей, — с ужасом думал он дальше. — Даже если по какой-то причине они боятся напасть на нас в открытую».

Но собирался ли он на самом деле забирать отсюда Ричарда? Он знал — *они* так не думают. Они рассчитывают на то, что он не станет подвергать друга еще большей опасности, чем эта.

«В Долины, Джеки. Ты должен отправиться в Долины, и ты сам это знаешь. И еще ты должен забрать с собой Ричарда, потому что это место медленно, но верно проваливается в Ад».

«Но я не могу. В Долинах у Ричарда крыша может съехать окончательно».

«Неважно. Ты обязан это сделать. Это самый лучший, если не единственный, выход, потому что они этого не ожидают».

— Джек? — Ричард сел на кровати. Без очков его лицо выглядело странным и незащищенным. — Джек, все закончилось? Это был сон?

Джек присел рядом с Ричардом и положил руку ему на плечо.

— Нет, — сказал он тихим спокойным голосом. — Нет, Ричард, еще не закончилось.

— Мне кажется, мой жар опять усилился, — объявил Ричард, отстраняясь от Джека. Он подошел к окну; аккуратно держа очки за дужку большим и указательным пальцами правой руки. Затем нацепил их на нос и посмотрел вниз. По двору взад-вперед сновали расплывчатые тени каких-то существ с горящими глазами. Ричард стоял так долгое время, после чего сделал нечто настолько «неричардовское», что Джек сначала даже не поверил своим глазам. Он снова снял очки и нарочно уронил их. Одна линза с ледяным хрустом разбилась. Потом он так же нарочно наступил на них и растер обе линзы в порошок.

Несколько секунд спустя он нагнулся, поднял их, осмотрел и равнодушно кинул в корзину для мусора. И, конечно же, сильно промахнулся. Теперь на лице Ричарда было написано какое-то тихое упрямство, и еще что-то, говорящее: «Я не хочу больше ничего видеть. И я не буду ничего видеть. Я позаботился об этом. Раз и Навсегда».

— Смотри, — сказал он Джеку совершенно безразличным голосом, — я разбил свои очки. У меня были еще, но я их тоже разбил, нечаянно, две недели назад. Теперь я почти слепой.

Джек знал, что это так, но он был слишком поражен, чтобы что-нибудь говорить. Он не знал, как следует относиться к этому,

совершенно несвойственному Ричарду поступку, который он только что совершил — уж слишком это было похоже на последний бой разума с побеждающим сумасшествием.

— И еще мне кажется, что мой жар опять усилился, — сказал Ричард. — У тебя еще есть аспирин?

Джек открыл ящик стола и молча протянул Ричарду бутылочку. Ричард проглотил шесть или восемь таблеток и снова отправился спать.

7

Когда ночь сгустилась, Ричард, который постоянно обещал обсудить с Джеком сложившуюся ситуацию, опять не сдержал своего слова. Он не может разговаривать о побеге, сказал он, и вообще не может ни о чем разговаривать, температура опять поднялась, он чувствует себя намного хуже, у него должно быть, уже тридцать девять и восемь, а может, даже сорок. И поэтому он должен спать, спать и только спать.

— Ну, Ричард, ради Бога! — кричал Джек. — Ты выводишь меня из себя. Ведь я никогда не просил тебя ни о чем таком...

— Не будь дураком, — оборвал его Ричард, снова падая на кровать Альберта. — Я болен, Джек. И ты не можешь просить меня, чтобы я разговаривал обо всех этих идиотских вещах, когда я болен.

— Ричард, ты хочешь, чтобы я ушел и оставил тебя?

Ричард посмотрел на Джека через плечо и медленно закрыл глаза.

— Нет, — сказал он и уснул.

8

Около девяти часов Школа Тэйера вошла в один из таинственных тихих периодов, и Ричард, возможно чувствуя, что сейчас нагрузка на его расшатанную психику должна быть меньше, проснулся и свесил ноги с кровати. Пока он спал, на стенах появились коричневые пятна, и он, не отрываясь, смотрел на них, пока к нему не подошел Джек.

— Я чувствую себя намного лучше, Джек, — необдуманно сказал он и тут же поспешно добавил, — но еще не настолько, чтобы говорить о побеге. Сейчас темно и...

— Мы должны уйти сегодня, — твердо сказал Джек. — Все, что им приказано делать, это стоять и ждать, когда мы выйдем. А на стенах начала появляться плесень. И не говори мне, что ты этого не видишь!

Ричард улыбнулся так, словно разговаривал с идиотом. Джек любил Ричарда, но сейчас он готов был грохнуть его об любую покрытую плесенью стену.

В этот самый момент в комнату Альберта Колобка начали влетать большие, толстые, белые жуки. Они сразу же бросились на эти заплесневелые пятна, словно плесень каким-то неведомым образом давала им жизнь. Они с жужжанием ползали по стенам, падали на пол и слепо ползли к кровати.

Джек еще раньше думал о том, осталось ли зрение Ричарда таким, как было, или намного ухудшилось с тех пор, как он видел его последний раз. Теперь он понял, что первая версия была правильной. Ричард видел достаточно хорошо. Ему явно не доставляло никаких проблем рассмотреть этих мерзких созданий, падающих со стен. Он закричал и прижался к Джеку. Его лицо скривилось от отвращения.

— Жуки, Джек! О, Господи, жуки! Жуки!

— Все будет в порядке, Ричард, — сказал Джек. Он поднял Ричарда на кровать и подивился своей силе, о которой никогда не подозревал. — Мы только подождем до утра, правильно? Все хорошо?

Теперь они ползли десятками, сотнями, эти жирные белесые твари, похожие на мокриц-мутантов. Одни из них лопались, падая на пол, другие ползли в сторону мальчиков.

— Жуки! Господи! Нам нужно уходить отсюда! Нужно...

— Слава Богу! Ребенок, наконец-то, открыл глаза! — сказал Джек.

Он перекинул рюкзак через левое плечо, а правой рукой схватил Ричарда за локоть. Они пошли к двери. Белые жуки превращались в мокрые лепешки под их ногами. Казалось, они тысячами появляются из коричневых пятен: зарождение этой новой жуткой формы жизни охватило всю комнату Альберта. Дождь из белых жуков падал с потолка и оседал на волосах и плечах Джека. Он отмахивался от них, как только мог, увлекая за собой безумно вопящего Ричарда.

«Я думаю, мы на правильном пути, — подумал Джек, когда они оказались за дверью. — Бог нам поможет».

9

Они снова были в холле. Ричард, как выяснилось, не имел ни одной мало-мальски разумной идеи насчет того, как незаметно выбраться с территории Школы Тэйера, и Джеку пришлось думать самому. Одно он знал наверняка: он не собирается поверить в эту

обманчивую тишину и спокойствие и выходить через двери Домика Нельсона.

Вглядевшись в темноту за широким окном холла, Джек увидел приземистое восьмиугольное кирпичное строение.

— Что это, Ричард?

— А? — Ричард смотрел на липкие потоки грязи, бегущие по дорожкам темного двора.

— Вон то маленькое кирпичное здание? Его почти не видно отсюда.

— А! Станция.

— Какая станция?

— Да название-то само по себе ничего не значит, — сказал Ричард, продолжая с беспокойством смотреть на эти селевые потоки. — Взять хотя бы наш медпункт. Его все называют Молочником, потому что раньше на его месте находился молокозавод. Года до 1919, по крайней мере. Традиции, Джек. Это очень важно. Это одна из причин, почему я люблю Школу Тэйера.

Ричард снова с грустью оглядел грязный двор и поправился:

— Почему я любил Школу Тэйера.

— Ну, ладно, с Молочником разобрались. А откуда взялась Станция?

Ричард с упоением предался воспоминаниям о Традициях Тэйера.

— Весь Спрингфилд сплошь покрыт железными дорогами, — начал он. — В старые времена...

— О каких старых временах ты говоришь, Ричард?

— Э... Тысяча восемьсот восьмидесятые... и девяностые. Так вот...

Ричард замолчал. Его близорукие глаза медленно скользили по стенам холла. В поисках жуков, предположил Джек. Их не было... по крайней мере, пока. Зато коричневые пятна уже начали появляться. Да, жуков пока нет, но они не замедлят явиться.

— Продолжай, Ричард, — попросил Джек. — Мне очень интересно.

Ричард слегка улыбнулся. Его взгляд вернулся на Джека.

— Спрингфилд был одной из трех или четырех крупнейших железнодорожных станций Америки на протяжении последних двух десятилетий девятнадцатого века. Он был географически связан со всеми точками земного шара, — Он поднял правую руку к лицу, собираясь привычным движением поправить очки на носу, обнаружил, что их там больше нет, и опустил ее, выглядя немного смущенным. — Ну вот, значит, железные дороги связывали Сприн-

гфилд со многими другими городами. Эта школа существует, потому что Эндрю Тэйер увидел открывающиеся за этим большие возможности. Он сделал упор на то, чтобы связать процесс обучения с путешествиями на запад. Преимущественно, на Западное Побережье. Он был первым, кому пришла в голову идея...

Внезапно словно яркий свет зажегся в голове Джека, озарив собой все его мысли.

— Западное Побережье? — В желудке заурчало. Он все еще не мог узнать те странные очертания, которые высветил для него этот свет, но вдруг в его сознании четко и ясно зазвучало волшебное слово:

«Талисман!»

— Ты сказал — Западное Побережье?

— Да, я сказал именно это, — Ричард как-то странно посмотрел на Джека.

— У тебя что, появились проблемы со слухом?

— Нет, — сказал Джек. «Спрингфилд был одной из трех или четырех крупнейших железнодорожных станций Америки...» — Нет, я все хорошо слышу.

«Он был первым, кому пришла в голову идея...»

— Ты только что выглядел чертовски смешно.

«Он был, можно сказать, первым, кому пришла в голову идея использовать железную дорогу для того, чтобы добраться до Пограничных Постов...»

Джек понял, со всей определенностью понял, что Спрингфилд был, и, возможно, остается отправной точкой, точкой наибольшего соприкосновения двух миров. И в этом может заключаться причина того, что здесь Морган имеет наибольшую силу.

— Здесь были кучи угля, сортировочные станции, товарные вагоны и много миль путей, — говорил Ричард. — Все это находилось на том месте, где сейчас находится Школа Тэйера. Если в любом месте копать землю на несколько футов вглубь, можно наткнуться на шпалы, куски рельс и все виды руды. Но все, что осталось здесь от тех времен — вот это маленькое здание — Станция. Конечно же, это здание не могло быть настоящей станцией, как мы понимаем это слово: оно слишком мало для этого, любой так скажет. Здесь находилась главная железнодорожная контора, где управляющий делами дороги и ее хозяин обсуждали организационные вопросы.

— А ты чертовски много об этом знаешь, — сказал Джек почти автоматически — его голова все еще была полна этим новым ярким светом.

- Это тоже в традициях Тэйера, — просто ответил Ричард.
- А для чего оно сейчас используется?
- Там маленький театр. По идее, там должен работать драматический кружок, но он не давал о себе знать последнюю пару лет.
- Как ты думаешь, оно на замке?
- Кому нужно вешать замок на Станцию? — сказал Ричард. — Разве что кто-нибудь решит поискать там вагоны, или спереть декорации, которые выцвели еще в 1979 году.
- Значит, мы можем туда попасть?
- Я думаю, да. Но зачем...
- Джек указал на дверь около теннисного столика.
- Что там?
- Торговые автоматы. И микроволновая печь, чтобы подогревать закуски и остывшие обеды. Джек...
- Пойдем.
- Джек, у меня опять поднимается температура, — Ричард измученно улыбнулся. — Может, мы останемся здесь ненадолго? Ночью можно будет спать на диванах...
- Ты видишь эти коричневые пятна на стенах? — раздраженно спросил Джек.
- Конечно же, нет! Я ничего не вижу без очков!
- Так вот, они здесь. И менее чем через час сюда доберутся, и белые жуки...
- Ладно, — быстро согласился Ричард.

10

Торговые автоматы жутко воняли.

Джек предположил, что все продукты, находившиеся внутри них, протухли. И он тут же убедился, что был прав. Голубая корочка плесени покрывала ломтики сыра и кружочки ветчины, липкие струйки растаявшего мороженого стекали по корпусу мертвой холодильной установки.

Джек потянул Ричарда к окну и выглянул наружу. Отсюда здание Станции было видно уже довольно хорошо. За ним Джек увидел перекрытый цепочкой проем в заборе и служебную дорогу, ведущую за пределы Школы Тэйера.

— Через несколько секунд мы будем снаружи, — прошептал Джек. Он поднял шпингалет и открыл окно.

«Эта школа существует потому, что Эндрю Тэйер увидел... А ты видишь какие-нибудь возможности, Джеки?»

Он решил, что, возможно, видит.

— Там есть кто-нибудь из этих людей? — с беспокойством спросил Ричард.

— Нет, — ответил Джек, ограничившись только мимолетным взглядом по сторонам. Сейчас не было никакой разницы — есть они там или нет.

Одной из крупнейших железнодорожных станций Америки... сделал упор на то, чтобы... в особенности на Западное Побережье... он был первым, кому пришла... на запад... на запад... на запад...

В окно пахло тошнотворной смесью свежего ветерка и зловония помойки. Джек перекинул одну ногу через подоконник и схватил Ричарда за руку.

— Пойдем, — сказал он.

Ричард подался назад. Его лицо вытянулось и сделалось жалким от страха.

— Джек... я не знаю...

— Это место приходит в упадок, — сказал Джек. — И очень скоро его полностью заполнят эти мерзкие жуки. Пойдем. А то кто-нибудь увидит, как я сижу на этом окне, и мы потеряем единственный шанс тихо, как мыши, исчезнуть отсюда.

— Я ничего не понимаю! — простонал Ричард. — Я не понимаю, что за чертовщина здесь происходит?

— Заткнись и иди за мной, — сказал Джек. — А то я брошу тебя, Ричард. Ей-Богу, брошу. Я люблю тебя, Ричард, но моя мать умирает. И тебе придется выбираться отсюда самому.

Ричард посмотрел Джеку в лицо и увидел, даже без очков, что он говорит правду. Он взял Джека за руку.

— Прости, я боюсь, — прошептал он.

— За мной, в театр, — скомандовал Джек и прыгнул. Секунду спустя его ноги ударились о мягкую траву. Рядом с ним опустился Ричард.

— Сейчас мы побежим к Станции, — шепнул Джек. — Я думаю, до нее не больше пятидесяти ярдов. Если она открыта, мы войдем внутрь, если нет — попытаемся спрятаться со стороны Домика Нельсона. Как только мы убедимся, что нас никто не видел и вокруг так же тихо...

— Мы пойдем к забору.

— Правильно. Или нам придется улетать в Долины. Но уж никак не сейчас. Служебная дорога. Мне думается, что если мы покинем территорию Школы, все будет в порядке. Как только мы отойдем на четверть мили отсюда, ты сможешь обернуться и увидеть свет в комнатах и библиотеке. Все станет таким, как обычно, Ричард.

— Как бы это было хорошо, — сказал Ричард с неизмеримой тоской.

— Ладно, ты готов?

— Думаю, да, — ответил Ричард.

— Беги к Станции. Прижмись к стене с этой стороны. И пригнись, а то поцарапаешься о ветки. Видишь их?

— Да.

— Хорошо... тогда вперед!

Они оторвались от стены Домика Нельсона и плечом к плечу побежали к Станции.

11

Они уже были меньше чем в полпути от нее, выдыхая из ртов белые облака пара и скользя по скользкой земле, когда с церкви раздался внезапный ужасающий звон колоколов. Ему ответил нестройный хор завывших собак.

Они снова были здесь — все эти оборотни-«старшекурсники». И не только. Джек схватил Ричарда, но Ричард уже и сам вцепился в него. Их руки крепко сжались.

Ричард закричал и попытался потянуть их влево. Он так сильно сдвигал ладонь Джека, что у того онемели пальцы. Из-за Станции появился стройный Белый Волк — Глава всех Волков — и теперь он бежал им навстречу. Джек предположил, что это тот пожилой человек из лимузина. Другие волки и собаки последовали за ним... и Джек обнаружил, что некоторые из них не были собаками. Одни были полутрансформировавшимися мальчиками, другие — взрослыми людьми, по всей видимости, учителями.

— Мистер Даффри! — закричал Ричард, показывая на кого-то свободной рукой. («О, да ты видишь достаточно хорошо для того, кто потерял свои очки, Ричи», — мелькнула у Джека неуместная сумасшедшая мысль). — Мистер Даффри! О, Боже! Это мистер Даффри! Мистер Даффри! Мистер Даффри!

Так Джек первый и единственный раз увидел директора Школы Тэйера — тощего седого старика с длинным кривым носом и волосатым обезьяньим телом. Он бежал на четвереньках, вместе с собаками и мальчиками, и его квадратная профессорская шляпа болталась из стороны в сторону, каким-то непостижимым образом удерживаясь на голове. Он оскалился на Джека и Ричарда, и из рта у него выпал длинный, пожелтевший от сигаретного дыма язык.

— Мистер Даффри! О, Господи! Боже мой! Мистер Даффри! Мистер Да...

Он все сильнее и сильнее тянул Джека влево. Джек был больше, но Ричард просто обезумел от страха. Грохотал гром. Удушливый помоечный запах усилился. Джек слышал тихое хлюпанье отрываемой от земли грязи. Белый волк, возглавлявший свою стаю, сокращал расстояние между ними, и Ричард рвался прочь от него, в сторону забора. Это было, с одной стороны, правильно, а с другой — нет. Неправильно потому, что им нужно было к Станции, а не к забору. Там безопасная зона, там точка, потому что Спрингфилд был одной из трех или четырех крупнейших железнодорожных станций Америки, потому что Эндрю Тэйер был первым, кому пришла в голову идея, потому что Эндрю Тэйер увидел возможность, а теперь и он, Джек Соьер, увидел свою возможность. Конечно, все это — только интуиция, но Джек был склонен ей верить: при таких обстоятельствах интуиция зачастую становится единственным чувством, на которое можно положиться.

— Отдай нам своего пассажира, Слоут! — провыл Дафри. — Отдай нам своего пассажира! Отдай!

«А собственно, что такое пассажир?» — подумал Джек в эти несколько секунд, в течение которых Ричард пытался увести его влево, а он тянул Ричарда назад — к этой смешанной своре собак, мальчиков и учителей, бегущих за большим белым волком. «Я расскажу вам, кто такой пассажир. Пассажир — это тот, кто едет. А откуда начинается путь пассажира? Со станции...»

— Джек, он укусит! — вскрикнул Ричард.

Волк обогнал Дафри и прыгнул. Его челюсти открылись, как заряженный капкан. Сзади раздался оглушительный хлопок — Домик Нельсона лопнул, как прогнившая дыня.

Теперь уже Джек до боли сдавил ладонь Ричарда и продолжал сжимать все сильнее и сильнее, не обращая внимания на взбесившиеся колокола, взрывы и пожары вокруг.

— Держись! — закричал он. — Держись Ричард, мы уходим!

Он успел подумать: «Теперь носок на другой ноге. Теперь Ричард — и стадо, и мой пассажир. Боже, помоги нам!»

— Джек, что случилось? — вопил Ричард. — Что ты делаешь? Перестань! ПЕРЕСТАНЬ! ПЕРЕСТАНЬ!

Ричард продолжал кричать, но Джек его больше не слышал — неожиданно он ощутил это торжественное чувство: словно цыпленок пробивает стенку темного яйца и его голова наполняется светом. Светом и воздухом — настолько чистым и прозрачным, что можно услышать запах яблока, которое надкусили в миле от тебя. Внезапно Джек почувствовал, что может просто подпрыгнуть вверх и перелететь через весь двор, как те люди с привязанными к рукам крыльями.

О да, свет и чистый воздух сменили эту пропахшую помойкой и гарью темноту. На мгновение все внутри Джека превратилось в сияние, а все вокруг него — в радугу, радугу, радугу...

Так Джек Сойер снова оказался в Долинах, на этот раз убегая из двора разгромленной Школы Тэйера, наполненной звоном колоколов и рычанием собак.

И на этот раз он притащил с собой Ричарда — сына Моргана Слоута.

Интермедия СЛОУТ В ЭТОМ МИРЕ / ОРРИС В ДОЛИНАХ (III)

В тот день, когда Джек и Ричард исчезли из Школы Тэйера, немного позже семи утра Морган Слоут подъехал к ее главным воротам и затормозил у обочины дороги. Место, куда он припарковал свой автомобиль, было отмечено знаком «СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА». Слоут равнодушно взглянул на него, опустил руку в карман, достал оттуда пакетик с кокаином и отправил по шепотке в каждую ноздрю. Несколько секунд спустя весь мир вокруг изменился, наполнился новыми сочными красками. Превосходный порошок. Он подумал о том, нельзя ли его поставлять в Долины и будет ли он там действовать.

В два часа ночи, в Спрингфилде в это время была полночь, Слоута в его доме в Беверли Хиллз разбудил Гарднер и сбивчиво, дрожащим голосом рассказал, что случилось. Гарднер явно боялся, что Моргана жутко разозлит сообщение о том, что он меньше чем за час упустил Джека Сойера.

— Этот мальчишка... этот гадкий дрянной мальчишка...

Слоут не разозлился. Наоборот, он был необычной спокоен. И это поистине королевское спокойствие, как он предполагал, шло от его второго «Я», которое он про себя называл «Оррисовостью».

— Не суетись, — успокоил его Слоут. — Я скоро приеду. Все, вешай трубку.

Гарднер хотел еще что-то сказать, но Слоут уже оборвал связь и снова лег в кровать. Он скрестил руки на животе и закрыл глаза. Затем последовал момент невесомости, всего лишь момент, и он почувствовал себя в движении, услышал щелчки кнута, звон металлических колечек, крики своего кучера.

Открыл глаза уже Морган Оррис.

Как всегда, первым ощущением было полное наслаждение: этим кокаин похож на детский аспирин. Грудь стала уже, вес — меньше. Пульс Моргана Слоута колебался от восьмидесяти пяти ударов в минуту до ста двадцати в момент, когда он сильно трусил; пульс Орриса редко поднимался выше шестидесяти пяти или около того. Хотя зрение Моргана Слоута было оценено врачами как стопроцентное, Морган Оррис видел несравненно лучше. По стенам дилижанса он в любую минуту мог определить его малейшее отклонение от прямого курса, он даже мог видеть сквозь непроницаемые занавески на окнах. Кокаин разрушил нос Слоута, притупив его обоняние, нос Орриса был совершенно чист и мог ощущать запахи пыли, земли и воздуха... казалось, он чувствовал и обонял каждую молекулу.

За его спиной осталась пустая двуспальная кровать, все еще примятая его большим грузным телом. Здесь же он сидел на скамейке, которая была мягче и удобней сидения любого «Роллс-Ройса», и мчался на запад, к концу пограничной зоны, в место с названием Станция. К человеку по имени Андерс. Он знал все это наверняка, так же как и то, где он сейчас находится, потому что Оррис был здесь, в его голове, и он говорил с ним примерно таким же образом, как правое полушарие мозга, воспринимающее ощущения, общается с левым, которое их обрабатывает. Слоут точно таким же тихим и ясным голосом разговаривал с Оррисом в тех случаях, когда Оррис Мигрировал в тот мир, который Джек называл Американскими Долинами.

Когда один из Мигрантов входил в тело своего двойника, он, некоторым образом, овладевал им. Слоут много читал об ужасных случаях такого овладения, и хотя этот вопрос его не сильно интересовал, он подумал, как наверное страдают несчастные жертвы, захваченные сумасшедшими пришельцами из других миров... хотя пришельцев, скорее всего, сводит с ума Американская действительность. Да, это более чем возможно, он сам проделывал это с бедной старой головой Орриса, когда сваливался на нее первые два-три раза, хотя и сам был едва жив от страха.

Дилижанс сильно качнуло, в Пограничной Зоне вы едете по дорогам только в том случае, если их находите, и благодарите Бога за то, что они вообще есть. Оррис подпрыгнул на сидении, и его колено заныло от тупой боли.

— А ну везите ровно, черт бы вас побрал! — кричал снаружи кучер. Его плетка свистела и хлопала. — Пшли, дети дохлых кобыл! Пшли!

Слоут улыбнулся от удовольствия. Ему нравилось быть здесь, даже если это продолжалось очень недолго. Он уже знал то, что

должен был знать, голос Орриса нашептал ему это. Дилижанс появится на Станции (Школа Тэйера в другом мире) задолго до наступления утра. И он, может быть, еще успеет их поймать... Если нет, то их ждут Проклятые Земли.

Его злила и ранила мысль о том, что Ричард сейчас вместе с этим вырожденком Сойером, но если потребуются жертва... ведь Оррис потерял своего сына, и ничего, живой.

Единственное, что так долго спасало жизнь Джеку — это невероятный факт его одиночества. Когда одиночка покидал один мир, в другом он оказывался в аналогичном месте. Слоут же появлялся там, где в этот момент был Оррис, а это могло находиться за много миль от того места, где ему нужно было оказаться — вот как и на этот раз. Слоут был достаточно удачлив, но Сойер — еще удачливей.

— Твоя удачливость очень скоро закончится, мой маленький друг, — сказал Оррис. Дилижанс снова ужасно качнуло. Он скорчился, затем улыбнулся. Ситуация сама себя упрощает, даже несмотря на то, что противостояние приобретает более глубокие формы.

Достаточно упрощает.

Он закрыл глаза и скрестил руки. Еще на какое-то мгновение он почувствовал новый приступ боли в несчастливой коленке... открыв глаза, Слоут увидел потолок своей квартиры. Как всегда, ему пришлось пережить неприятное ощущение, как лишние фунты падают на него болезненным весом, как заходится при этом сердце.

Он поднялся и позвонил в Западную Коммерческую Авиакомпанию. Семнадцать минут спустя он уже сидел в кресле реактивного лайнера. Нешадные перегрузки при взлете заставили его почувствовать себя обычным для таких случаев образом — будто брови привязаны к заднице. Он будет в Спрингфилде в пять-пятнадцать по центральному времени, как раз когда Оррис будет приближаться к Станции в Долинах.

Слоут арендовал «седан», и вот он был здесь. Да, жизнь полна приключений.

Он вышел из машины и, как раз в тот момент, когда начали звонить первые утренние колокола, вошел во двор Школы Тэйера, которую его сын слишком поздно покинул.

Все вокруг было точно таким же, как и в любое другое утро Школы Тэйера. Церковные колокола звонили обычную заутреннюю, исполняя какую-то классическую, но неузнаваемую мелодию. Учащиеся проходили мимо него, каждый спешил по своим делам: кто в столовую, а кто — делать зарядку. Разве что они стали немного более молчаливыми, чем обычно, и их лица были бледны и слегка ошарашены, словно у людей, проснувшихся после долгого беспокойного сна.

Который, подумал Слоут, им и снился. Он остановился на секунду у Домика Нельсона и задумчиво посмотрел на него. Они просто не знают, насколько они были нереальны, в общем-то, как и положено любым живым существам, живущим в зоне наибольшего соприкосновения миров. Он прошелся вдоль стены и за углом увидел дворника, собирающего разбитое стекло, которое лежало на земле, словно поддельные алмазы. Через его сгорбленную спину Слоут заглянул в холл Домика Нельсона, где необычно тихий Альберт Колобок смотрел Диснеевские мультфильмы.

Слоут зашагал к Станции, возвращаясь в мыслях к тому времени, когда Оррис первый раз попал в этот мир. Он поймал себя на том, что вспоминает об этом с ностальгией, хотя само по себе это было нелепо — ведь он тогда едва не умер. Они оба тогда едва не умерли... Но это было в середине пятидесятых, а сейчас он сам добрался до середины *своего* пятого десятка — вот и все, что изменилось в мире.

Он возвращался из офиса, когда солнце опускалось над Лос-Анджелесом, раскрашивая его в желто-пурпурные краски: это был один из тех дней, когда Лос-анджелесский смог еще не начал сгущаться. Он медленно ехал по Бульвару Сансет и просматривал газету, в которой объявлялось о выходе новой пластинки Педжи Ли, как вдруг почувствовал холод в своей голове — будто где-то в глубине его подсознания забил источник, извергающий нечто чужое и странное, похожее на... на...

(на сперму)

...в общем Слоут не мог с уверенностью сказать, на что это было похоже. Холод быстро прошел, уступив место обволакивающей теплоте, и он успел только понять, что Оррис — это теперь он сам. Затем все закружилось перед глазами, полетело в разные стороны... и вот уже Оррис сидел за рулем востроного «форда» 1952 года, Оррис был одет в коричневую куртку с двойной подкладкой и галстук под Джона Пински, Оррис сжимал рукой деликатное место между ног — не от боли, а от отвращения — ведь Оррис никогда не носил нижнего белья.

Он хорошо запомнил один момент, когда «форд» едва не въехал на тротуар, и когда Морган Слоут — теперь в основном подсознательный — на мгновение взял верх, чтобы выправить положение. Он едва не сошел с ума от радости. Это была та самая радость, которую испытывает человек, показывающий свой новый дом лучшему другу и замечаящий, что другу дом нравится не меньше, чем ему самому.

Оррис притормозил у забегаловки «Толстячок» и, поорудовав с незнакомыми бумажными деньгами Моргана, приобрел гамбургер,

картофель фри и горячий шоколад. Слова без затруднений слетали с его губ, струясь из подсознания, словно вода из родника. Первый раз он укусил гамбургер с большой осторожностью... а затем проглотил оставшееся с такой же скоростью, как это делал Волк. Одной рукой запихивая в рот картофель, другой он включил радиоприемник, послушав сперва Перри Комо, затем какой-то биг-бэнд и ранний ритм-н-блюз. Потом Оррис высосал чашечку горячего шоколада и тут же попросил повторить весь свой заказ.

Где-то посередине второго гамбургера его — как Слоута, так и Орриса — начало подташнивать. Неожиданно и картошка показалась слишком промасленной, и запах машины вездесущим и удушливым. Руки затряслись. Он стянул с себя куртку (вторая порция шоколада, лишившись поддержки, опрокинулась и залила сидение «форда») и посмотрел на руки. На них появились и на глазах продолжали разрастаться красные пятна. Желудок свело. Он высунулся в окно, и даже когда его рвало, он еще продолжал чувствовать Орриса, покидающего его и возвращающегося в свой собственный мир...

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

— Гммм! — испуганный своей задумчивостью, Слоут осмотрелся по сторонам. Рядом с ним стоял высокий светловолосый мальчик, по виду — старшеклассник. Он был довольно прилично одет: синяя фланелевая куртка поверх рубашки со стоячим воротником и выцветшие джинсы «Левис».

Он убрал волосы со лба, открыв глаза, которые имели все то же удивленное сонное выражение.

— Я Эйзеридж, сэр. Я спросил вас, не могу ли я быть чем-нибудь полезен? Вы выглядите... растерянным.

Слоут улыбнулся. Он хотел сказать: «Нет, это ты так выглядишь, мой дорогой друг», но подумал и промолчал. Все было в полном ажуре. Джек все еще не нашелся, но Слоут знал, куда он собирался. А это значило, что Джек на цепи. На невидимой, но прочной цепи.

— Да, потерял в прошлом, — сказал он. — Старые времена. Я не чужой здесь, мистер Эйзеридж, если вы об этом волнуетесь. Мой сын здесь учится. Ричард Слоут.

Взгляд Эйзериджа на мгновение стал еще более сонным. Затем он прояснился.

— Аааа! Да, конечно, Ричард Слоут! — воскликнул он.

— Мне нужно поговорить с директором. Но перед этим я хочу немного прогуляться.

— Это очень неплохая мысль, — Эйзеридж посмотрел на часы. — Сегодня мое дежурство, так что будьте уверены, все будет в порядке...

— Я и так уверен.

Эйзеридж кивнул, улыбнулся ради приличия и удалился.

Слоут проводил его взглядом и принялся исследовать пространство между собой и Домиком Нельсона. Снова отметил взглядом разбитые стекла. Какое маленькое расстояние! Страшно, даже больше, чем страшно, поверить в то, что где-то между Домиком Нельсона и этим кирпичным восьмиугольником двое мальчиков Мигрировали в Долины. Если он захочет, он сможет последовать за ними. Всего лишь шаг внутрь — и его нет. А мгновение спустя, он окажется в теле Орриса, где бы оно ни находилось. Оррис должен быть где-то неподалеку. Возможно, даже прямо здесь, у дверей Станции. По крайней мере, он не очутится в сотнях миль от интересующей его точки, и ему не придется добираться оттуда на фургоне, или, что еще хуже, на том, что его папа называл «Свои Двой».

Мальчики, несомненно, ушли достаточно далеко. Возможно, в Проклятые Земли. Если так, то они уже мертвы. А двойник Преподобного Гарднера более чем способен выжать из Андерса все, что ему известно. Осмонд и его прелестный сынишка. Совершенно незачем туда мотаться.

Разве что просто так, ради освежения ума и удовольствия снова побыть Оррисом. Да и то всего на несколько секунд.

И чтобы *убедиться*, конечно. Вся его жизнь, с детства и до сегодняшнего дня, построена на принципе «Доверяй, но Проверяй».

Он оглянулся по сторонам — опять же для того, чтобы *убедиться*, что Эйзеридж не подглядывает — и вошел внутрь Станции.

Он сразу ощутил старый, пыльный и такой ностальгический Запах — запах театральных кулис. На мгновение его посетила сумасшедшая идея: он сделал что-то даже большее, чем Миграция. Возможно, ему как-то удалось прорвать пелену времени, и он вернулся в студенческие годы, когда они с Филом так любили театр.

Но потом его глаза привыкли к темноте, и он увидел незнакомые и почти безвкусные предметы: чей-то гипсовый бюст для спектакля «Равин», экстравагантная птичья клетка, книжный шкаф, забитый поддельными корешками... — и вспомнил, что в Школе Тэйера есть свой «маленький театр».

Он немного постоял так, вдыхая пыль, затем поднял глаза к потолку, к солнечному лучу, проникающему сквозь маленькое окно. Луч дрогнул и неожиданно стал золотистым. Он был в Долинах. Все очень просто. Он в Долинах. Слоут почувствовал радостное возбуждение от скорости произошедшей перемены. Раньше всегда была пауза, а потом скольжение из одного места в другое. Видимо,

скорость перемещения прямо пропорциональна физическому расстоянию между телами обоих, Слоута и Орриса.

Однажды, мигрируя из Японии, где он решал с братьями Шоу вопрос о постановке страшного боевика о звездах Голливуда, уничтожаемых сумасшедшим «ниндзя», пауза затянулась на такое время, что он даже испугался, что навсегда потерялся в этом пустом бесчувственном пространстве между двумя мирами. Но на этот раз они были близко... и как близко!

Это похоже, думал он...

(думал Оррис)

...на то, когда мужчина и женщина одновременно испытывают оргазм и вместе наслаждаются сексом.

Запах холстов и сухой краски сменился на приятный аромат горящего масла. Лампа на столе тихо светила, выпуская из себя целые пласты черного дыма. Слева от него находился еще один стол когда-то накрытый на три порции. Остатки еды были размазаны по грязным тарелкам.

Три порции...

Оррис шагнул вперед, как всегда слегка волоча за собой ногу, поднял одну из тарелок и подставил ее под свет лампы.

— Кто ел из этой тарелки? Ты, Андерс? Или Джейсон? А может, Ричард... мальчик, которого звали бы Раштон, если б мой сын был жив?

Раштон утонул в пруду недалеко от Великого Дома. Оррис и его жена выпили достаточно много вина, в тот день был пикник. Солнце немилосердно припекало. Мальчик, разве что не младенец, остался без присмотра. Оррис с женой занялись любовью, а затем уснули под горячими солнечными лучами. Орриса разбудил детский крик. Раштон, заскучав, полез в воду. Плавать он умел только по-собачьи, и когда заплыл достаточно далеко, чтобы не чувствовать опоры под ногами, бросился в панику. Оррис доковылял до пруда, прыгнул в воду и попытался как можно быстрее доплыть до сына. Все его нога, его проклятая нога. Она мешала ему и, возможно, стоила жизни ребенку. Когда Оррис добрался до него, он уже достаточно наглотался воды, и хотя отец быстро вытащил его за волосы на берег, Раштон был весь синий. Он был мертв.

Шесть недель спустя Маргарет наложила на себя руки.

Через семь месяцев после этого маленький сын Моргана Слоута едва не утонул в бассейне во время урока плавания. Его достали оттуда таким же синим и таким же мертвым, как Раштона... но сперва искусственное дыхание, а затем современная медицина вернули Ричарда к Жизни.

«Бог карает грешников», — подумал Оррис и протяжно зевнул. Андерс, охранник Станции, лежал на соломенной постели в углу комнаты, натянув на колени свою шотландскую юбку, и словно спал. Рядом с ним валялся опрокинутый кувшин. Почти все вино вылилось ему на голову.

Андерс тоже зевнул, затем застонал, словно ему приснился дурной сон.

«Ни один плохой сон не может сравниться с твоим будущим», — подумал Оррис. Он подошел еще ближе, туго завернувшись в плащ, и безо всякого сожаления посмотрел на Андерса.

Слоут мог продумать любое убийство, но каждый раз его осуществлял Оррис. Именно Оррис в теле Слоута прижимал подушку к личику младенца Джека Сойера, пока у того не остановилось дыхание. Оррис осуществил убийство Фила Сойера в Юте (равно как и убийство его двойника, Принца Филиппа Сойтеля, в Долинах).

Слоут любил кровь, но у него, можно сказать, была на нее аллергия. Так же, как у Орриса на американскую пищу и американский воздух. Зато Оррис с упоением воплощал в жизнь кровавые планы Слоута.

«Мой сын умер, а его еще живет. Сын Сойтеля умер, а сын Сойера Жив. Но эту несправедливость можно легко устранить. И она будет устранена. Не видать вам никакого Талисмана, мои маленькие друзья. У каждого из вас на чаше весов — смерть. Бог карает».

— А если не Бог, то я, — сказал он громко.

Человек на полу застонал, словно услышал. Оррис сделал в его сторону еще один шаг, словно собираясь ударить, но остановился и вскинул голову. Вдалеке он услышал стук копыт, тихий скрип, звон колокольчиков и крики кучера.

Наверное, это Осмонд. Что ж, хорошо. Пусть Осмонд заботится обо всех делах — у него не было ни малейшего желания допрашивать пьяного, зная наперед все, что он скажет.

Оррис подошел к двери, толкнул ее и взгляделся в великолепный персиковый восход. Солнце вставало с той же стороны, с которой и раздавались крики кучера. Он позволил себе насладиться этим ласкающим светом, затем снова повернулся на запад — туда, где небо сохраняло цвет свежего синяка. Земля была темна..., кроме двух параллельных линий, проведенных первыми лучами солнца.

«Вы идете навстречу своей смерти», — с удовлетворением подумал Оррис...

А потом его посетила мысль, которая принесла еще большее удовлетворение: возможно, они ее уже нашли.

— Хорошо бы, — сказал он и закрыл глаза.

Секунду спустя Морган Слоут уже открывал глаза, брался за ручку двери «маленького театра» и обдумывал дальнейшие планы по поводу возвращения на Западное Побережье.

Сперва, подумал он, нужно совершить маленькое путешествие в памяти. Сначала в Калифорнию, в город Пойнт-Венути, возможно, придется немного вернуться на восток — нанести визит Королеве — а затем...

— Морской воздух, — сказал он гипсовому бюсту, — поправит мое здоровье.

Он достал из кармана заветный пакет, принял еще две небольшие щепотки (теперь уже совсем не ощущая запахов ткани и краски) и спустился по склону холма к своей машине.

Часть четвертая

ТАЛИСМАН

Глава 34 АНДЕРС

I

Джек внезапно понял, что, хоть он по-прежнему бежал, он бежал по воздуху, как герой мультфильма, у которого есть время, чтобы удивленно оглядеться, прежде чем нырнуть вниз с высоты двух тысяч футов. Но здесь не было двух тысяч футов. У него было время, во всяком случае, чтобы понять, что земли больше не было, после чего он падал четыре или пять футов, по-прежнему продолжая бежать. Он вильнул и сохранил бы вертикальное положение, но на него налетел Ричард, и они оба полетели кувырком.

— *Берегись, Джек!* — кричал Ричард. Сам он явно не собирался прислушиваться к своим собственным советам — глаза его были крепко зажмурены. — *Берегись Волка! Берегись мистера Даффи! Берегись!..*

— Прекрати, Ричард!

Эти задыхающиеся крики пугали его больше, чем что-либо другое. Ричард звучал безумно, совершенно безумно.

— Прекрати, мы в порядке! Их нет!

— *Берегись Эйзериджа! Берегись жуков! Берегись, Джек.*

— Ричард, их больше *нет!* Оглянись вокруг, ради Джейсона!.. Джек не мог сделать это сам, но он знал, что это сделали они — воздух был тих и сладок, ночь исключительно тиха, только легкий ветерок, который был благословенно теплым.

— *Берегись, Джек! Берегись, Джек! Берегись, берегись...*

Как эхо в его голове, он вспомнил мальчиков-собак около Ньютон-хауса, кричащих хором *Вей-ган, вей-ган, вей-ган! Плиз, плиз, плиз!*

— *Берегись, Джек!* — вопил Ричард. Он уткнулся лицом в землю и выглядел как фанатичный мусульманин, решивший достичь добра через Аллаха. — **БЕРЕГИСЬ! ВОЛК! ПРЕФЕКТЫ! ДИРЕКТОР ШКОЛЫ! БЕРЕ...**

Запаниковав от мысли о том, что Ричард в самом деле сошел с ума, Джек рванул своего друга за воротник и шлепнул его по лицу.

Крики Ричарда сразу прекратились. Он уставился на Джека, и Джек увидел контур своей собственной руки, проступающий на бледной щеке Ричарда, слабая красная татуировка. Его стыд сменился живым желанием узнать, где они были. Здесь был свет, иначе он не смог бы видеть этот знак.

Частичный ответ на вопрос пришел изнутри — он был прост и безусловен... во всяком случае так казалось.

Заставы, Джек. Ты пересекаешь Заставы.

Но прежде чем тратить время на обдумывание этого, нужно было привести в порядок Ричарда.

— Ты в порядке, Ричи?

Он смотрел на Джека, оцепенев от удивления.

— Ты ударил меня, Джек.

— Я дал тебе пощечину. Это то, что нужно делать с людьми, у которых истерика.

— У меня не было истерики! У меня никогда в жизни не было исте... — Ричард оторвался и встал на ноги, дико оглядываясь вокруг. — Волк? Мы должны опасаться Волка, Джек! Если мы сможем перебраться через забор, он нас не достанет!

Он умчался бы прочь в темноту, чтобы преодолеть циклонный забор, который был теперь в другом мире, если бы Джек не сгреб его в охапку и не остановил.

— Нет больше Волка, Ричард.

— А?

— Мы сделали это.

— О чем ты говори...

— Долины, Ричард! Мы в Долинах! Мы проскочили!

«И ты чуть было не вырвал мою проклятую руку из сустава, ты, неверующий, — подумал Джек, растирая свое пульсирующее плечо. — Когда в следующий раз я буду пробовать кого-нибудь перетащить, я поищу себе действительно маленького ребенка, чтобы он верил в Санта-Клауса и Пасхального Кролика».

— Глупости, — медленно произнес Ричард. — Нет никаких Долин, Джек.

— Если нет, — мрачно сказал Джек, — то как получается, что большой белый Волк не кусает тебя за задницу? Или твой чертов директор школы?

Ричард посмотрел на Джека, открыл рот, чтобы сказать что-то, потом снова закрыл его. Он огляделся на этот раз более внимательно (во всяком случае Джек надеялся, что это так). Джек сделал то же самое, наслаждаясь теплотой и прозрачностью воздуха в этот момент. Морган и его толпа сумасшедших могут ворваться сюда в любую секунду, но сейчас нельзя было не расслабиться в чисто животной радости пребывания здесь снова.

Здесь было поле. Высокая желтоватая трава с лохматыми верхушками — не пшеница, но что-то вроде пшеницы, во всяком случае какое-то съедобное зерно, — раскинулась в ночи во всех направлениях. Теплый ветерок колыхал ее загадочными, но довольно приятными волнами. Справа было деревянное здание, стоящее на небольшом холме, лампа, прикрепленная на столбе перед домом. Желтое пламя, такое яркое, что было почти невозможно на него смотреть, светилося внутри стеклянного шара лампы. Джек увидел, что здание было восьмиугольным. Два мальчика попали в Долины на самом краю круга света, излучаемого лампой, и было что-то на дальнем краю круга, что-то металлическое, что отражало свет лампы ломаными отблесками. Джек покосился на это слабое серебристое сияние... и понял. То, что он чувствовал, было не более чем чувство исполненной надежды. Это было как если бы два огромных куска головоломки, один в Американских Территориях и один здесь, прекрасно подошли друг к другу.

Это были железнодорожные рельсы. И хотя в темноте определить направление было невозможно, Джек подумал, что он знает, куда они ведут:

— На запад.

2

— Пойдем, — сказал Джек.

— Я не хочу идти туда, — сказал Ричард.

— Почему нет?

— Слишком много странного происходит. — Ричард облизал губы. — В этом доме может быть что-нибудь не то. Собаки. Сумасшедшие. — Он снова облизал губы. — Жуки.

— Я же тебе сказал, сейчас мы в Долинах. Все безумие исчезло — здесь чисто. Черт, Ричард, ты что, не чувствуешь это?

— Нет никаких *Долин*, — тихо произнес Ричард.

— Посмотри вокруг себя.

— Нет, — сказал Ричард. Его голос был тоньше, чем обычно голос разъяренного упрямого ребенка.

Джек сорвал пучок лохматой травы.

— Посмотри на это!

Ричард повернул голову.

Джеку пришлось энергично подавить в себе желание встряхнуть его.

Вместо этого он выбросил траву, сосчитал про себя до десяти и отправился к холму. Он посмотрел вниз и увидел, то на нем теперь было что-то вроде кожаных сандалий. Ричард был тоже одет подобным образом, кроме того на шее у него был повязан красный

платок, выглядевший как нечто с картины Фредерика Ремингтона. Джек протянул руку к своей шее и почувствовал похожий платок. Он провел руками вниз по своему телу и открыл, что превосходное теплое пальто Майлса П. Кайгера теперь было чем-то очень похожим на мексиканское серапе. *«Готов спорить, я выгляжу как реклама Тако Белл»*, — подумал он и ухмыльнулся.

Выражение крайней паники появилось на лице Ричарда, когда Джек начал подниматься на холм, оставляя его одного внизу.

— Куда ты идешь?

Джек посмотрел на Ричарда и вернулся. Он положил руки на плечи Ричарду и твердо взглянул в его глаза.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал он. — Кто-нибудь из них мог нас заметить. Может быть, они последуют за нами, может быть, нет. Я не знаю. Я знаю о законах, управляющих всем этим, не больше, чем пятилетний ребенок знает о магнетизме — все, что об этом знает пятилетний ребенок, это то, что иногда магниты притягиваются, а иногда они отталкиваются. Если не считать того, что время существует, это все, что я должен знать. Нам нужно убираться отсюда. Вот и вся история.

— Мне все это снится, я знаю, что я сплю.

Джек кивнул в сторону ветхого деревянного строения. — Ты можешь пойти или остаться здесь. Если ты хочешь остаться, я вернусь за тобой, после того как проверю это место.

— Ничего на самом деле не происходит, — сказал Ричард. Его глаза без очков были большими и плоскими, немного пыльными. Он быстро посмотрел вверх, на черное небо Долин, на его странный и незнакомый развал звезд, вздрогнул и отвернулся. — Меня лихорадит. Это простуда. Кругом полно простуды. Это бред. Ты выступаешь как приглашенный актер в моем бреде, Джек.

— Ладно, я пошлю кого-нибудь в Гильдию Бредовых Актеров со своей карточкой, когда будет возможность, — сказал Джек. — Между прочим, почему бы тебе просто не остаться здесь, Ричард? Если ничего на самом деле не происходит, тебе не о чем беспокоиться.

Он снова отправился прочь, подумав, что иначе ему не избежать еще нескольких фраз в стиле Алисы на безумном чаепитии, чтобы доказать ему, что *он* тоже безумен.

Он был на полпути к вершине Холма когда Ричард присоединился к нему.

— Я должен был вернуться за тобой, — сказал Джек.

— Я знаю, — сказал Ричард. — Я просто подумал, что я тоже могу пойти. Во всяком случае пока все это сон.

— Ладно, держи рот закрытым, если там кто-нибудь есть, — сказал Джек. — Я думаю кто-то есть, кажется я видел, как кто-то смотрел на меня из окна.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ричард.

Джек улыбнулся.

— Играть по слуху, малыш Ричи, — сказал он. — Это то, что я все время делал с тех пор, как покинул Нью-Хемпшир. Играл это по слуху.

3

Они добрались до крыльца. Ричард сжал плечо Джека с панической силой. Джек утомленно повернулся к нему; патентованный Канзасский зажим Ричарда был не из тех вещей, которые быстро устаревают.

— Что? — спросил Джек.

— Это сон, все в порядке, — сказал Ричард, — и я могу доказать это.

— Как?

— *Мы больше не говорим по-английски, Джек! Мы говорим на каком-то языке и говорим прекрасно, но это не английский!*

— Ага, — сказал Джек. — Странно, не правда ли?

Он снова начал подниматься по ступенькам, оставив Ричарда, изумленно открывшего рот, внизу.

4

Через пару секунд Ричард собрался и стал карабкаться по ступенькам следом за Джеком. Доски были кривыми, незакрепленными и растрескавшимися. Стебли лохматого злака проросли через некоторые из них. Вокруг, в глубокой темноте оба мальчика слышали сонное гудение насекомых, это было не травяное стрекотание кузнечиков, а более приятный звук, гораздо более приятный здесь, подумалось Джеку.

Наружная лампа была теперь сзади, их тени ложились впереди них поперек крыльца и потом поворачивали под прямым углом, чтобы подняться на дверь. На этой двери была старая стертая надпись. В какой-то момент Джеку показалась, что она написана какой-то странной кириллицей. Потом буквы прояснились и в слове не оказалось ничего удивительного. ДЕПО.

Джек поднял руку, чтобы постучаться, но потом покачал головой. Это было не частное жилище. Надпись гласила «ДЕПО», и это было слово, которое он связывал с общественными зданиями — места для ожидания автобусов «Грейхаунд» и поездов «Амтрак», зоны погрузки авиакомпании «Френдли Скайс».

Он открыл дверь. Дружелюбный свет лампы и определенно недружелюбный голос вышли на крыльцо одновременно.

— *Уходи прочь, дьявол!* — провизжал надтреснутый голос. — *Убирайся, я приду утром! Я клянусь! Поезд в сарае! Уходи! Я обещал, и я приду, а сейчас ТЫ уходи... уходи и оставь мне немного покоя!*

Джек нахмурился. Ричард изумился. Комната была чистой, но очень старой. Доски были такими кривыми, что стены казались волнистыми. Картина, изображающая почтовый дилижанс, который, казалось, был размером с китобойное судно, висела на стене. Старинная стойка, ее плоская поверхность была почти такой же волнистой как и стены, проходила через середину комнаты, деля ее пополам. Позади нее, на дальней стене, находилась грифельная доска с надписью ПРИБЫТИЕ ДИЛИЖАНСА над одной колонкой и ОТПРАВЛЕНИЕ ДИЛИЖАНСА над другой. Глядя на древнюю доску Джек решил, что прошло уже порядочно времени с тех пор, как там было что-нибудь написано, он подумал, что, если бы кто-нибудь попытался писать на ней даже мягким мелом, доска развалилась бы на кусочки и упала на подгнивший пол.

На краю стойки стояли самые большие песочные часы из всех, какие Джек когда-либо видел. Они были размером с большую бутылку шампанского и наполнены зеленым песком.

— *Оставь меня в покое! Я обещал тебе, что я приду, и я приду! Пожалуйста, Морган! Пощади меня! Я обещал тебе, и если ты мне не веришь, загляни в сарай! Поезд готов, клянусь, поезд готов!*

Бормотание и кудахтанье в том же духе безнадежно продолжалось. Крупный пожилой мужчина, издававший эти звуки, стоял, забившись в дальний правый угол комнаты. Джек прикинул, что его рост был не меньше шести футов трех дюймов — даже при его нынешней рабской позе низкий потолок депо был всего дюйма на четыре выше его головы. Он мог быть семидесятилетним, мог быть неплохо сохранившимся восьмидесятилетним. Снежно-белая борода начиналась у него под глазами и падала водопадом ему на грудь потоком прекрасных волос, похожих на детские. Его плечи были широкими, несмотря на то, что сейчас он весь ссутулился, как будто его заставляли таскать тяжести на протяжении многих лет. Глубокие морщины, похожие на вороньи лапы, расходились от уголков его глаз; глубокие волны пролегали по его лбу. Лицо его было цвета воска. На нем была белая шотландская юбка, прошитая ярко-алыми нитями, и он был явно испуган почти до смерти. Он размахивал палкой, но совершенно неубедительно.

Джек резко повернулся к Ричарду, когда старик упомянул имя отца Ричарда, но в тот момент Ричард был далек от того, чтобы замечать такие интересные вещи.

— Я не тот, что вы думаете, — сказал Джек, направляясь к старику.

— *Убирайся!* — завизжал старик. — *Не верю ни одному твоему слову! Похоже, дьявол надел приятное лицо! Убирайся! Я сделаю это! Поезд готов, но все будет только утром! Я сказал, что я все сделаю, это я и имел в виду, а теперь убирайся, понятно?*

Рюкзаки превратились в сумку, свисавшую у Джека с руки. Когда Джек подошел к стойке, он начал рыться в ней, отталкивая в сторону зеркало и деньги. Его пальцы ухватили то, что он искал и он вытащил это наружу. Это была монета, которую капитан Фаррен дал ему так давно, монета с королевой на одной стороне и грифоном на другой. Он положил ее на стойку, и мягкий свет комнаты осветил прекрасный профиль Лауры де Луизиан. Он снова был поражен удивительным сходством этого профиля с профилем его матери. Были ли они больше похожи вначале? Может быть, я вижу больше сходства, потому что я больше об этом думаю? Или я как-то сопоставляю их, делая из них единое целое?

Старик забился в угол еще дальше, когда Джек направился к стойке; было похоже, что он мог продавить собой стену. Его слова потекли истерическим потоком. Когда Джек кинул монету на стойку как Плохой Парень из вестерна, требующий выпивки, старик вдруг перестал говорить. Он уставился на монету, глаза его начали расширяться, уголки рта подергивались. Расширившиеся глаза поднялись на лицо Джека и впервые по-настоящему увидели его.

— Джейсон, — прошептал он дрожащим голосом. Его слабое неистовство исчезло. Теперь он дрожал не от страха, а от восторга. — Джейсон!

— Нет, — сказал Джек. — Меня зовут... — Он остановился, поняв, что слово, которое получилось бы на этом странном языке, было бы не *Джек*, а...

— *Джейсон!* — воскликнул старик и упал на колени.

— Джейсон, ты пришел! Ты пришел, и все будет хорошо, о, все будет хорошо, все будет хорошо, и все будет в порядке!

— Эй, — сказал Джек, — Эй, в самом деле...

— *Джейсон! Джейсон явился, и Королева будет в порядке, о, все будет в порядке!*

Джек, готовый к этому слезному восхищению еще меньше, чем к злой агрессивности старого хранителя депо, повернулся к Ричарду... но там помощи не было. Ричард растянулся на полу слева от двери и либо уснул, либо чертовски хорошо притворялся спящим.

— О, черт, — простонал Джек.

Старик стоял на коленях, бормоча и плача. Ситуация превращалась из просто смешной в воистину комичную. Джек нашел проход в стойке и прошел за нее.

— О, встань, хороший и верный слуга, — сказал Джек. Он подумал, что Христос или Будда все время сталкивались с подобными проблемами. — Встань, приятель.

— *Джейсон! Джейсон!* — рыдал старик. Его белые волосы закрыли сандалии Джека, он обвился вокруг его ног и начал целовать их — это были не маленькие поцелуи, а старые добрые огромные чмоки. Джек начал беспомощно хихикать. Они выбрались из Иллинойса, они были в ветхом депо в центре большого поля, заросшего колосьями, которые были не совсем пшеницей, где-то на заставах, Ричард спал около двери, а этот странный старик целовал его ноги и щекотался бородой.

— *Встань!* — воскликнул Джек, хихикая. Он попытался шагнуть назад, но наткнулся на стойку. — *Встань, о, добрый слуга! Встань на свои чертовы ноги, поднимайся, хватит!*

— *Джейсон!*

Чмок!

— Все будет хорошо!

— Чмок-чмок!

— *...и все будет хорошо...* — подумал Джек, хихикая, в то время как старик целовал его ноги через сандалии. — Не знаю, читали ли они здесь, в Долинах, Роберта Бернса, но думаю, что читали...

Чмок-чмок-чмок.

О, не надо больше, я действительно больше не могу.

— **ВСТАНЬ!** — заревел он на пределе своего голоса, и старик наконец встал перед ним, дрожа и плача, будучи не в состоянии взглянуть Джеку в глаза, но его удивительно широкие плечи начали распрямляться, исчезла их надломленность, и Джек был несказанно рад этому.

5

Прошло не меньше часа, прежде чем Джек смог достичь нормального хода беседы со стариком. Они начинали говорить, но затем Андерс, который был извозчиком по натуре, снова перескакивал на свое «О-Джейсон-мой-Джейсон-как-велик-ты» и Джеку приходилось останавливать его, прежде чем он снова начинал целовать его ноги. Джеку понравился старик, он симпатизировал ему. Чтобы симпатизировать ему, было достаточно представить себе, что было бы, если бы Иисус или Будда появился на местной автомойке или в школьной столовой во время завтрака. Он также отметил, что в нем была какая-то часть, которая совершенно не удивлялась поведению Андерса. Хотя он и чувствовал себя Джеком, он все больше ощущал себя еще и кем-то... кем-то другим.

Но он умер.

Это было правдой, неоспоримой правдой. Джейсон умер, и Морган из Орриса имел какое-то отношение к его смерти. Но ребята вроде Джейсона могут возвращаться, не правда ли?

Когда-то, сказал он, это было последнее депо дилижансов во всем знакомом мире — оно было известно под звучным именем Заставного Депо. В других местах, сказал он, мир стал чудовищным местом.

— В каком смысле чудовищным? — спросил Джек.

— Я не знаю, — сказал Андерс, зажигая свою трубку. Он выглянул наружу, в темноту. Лицо его было бледным. — Есть истории о Проклятых Землях, но каждая из них несколько отличается от других. Все они начинаются с чего-то вроде «я знаю человека, который встречал человека, который пропадал на краю Проклятых Земель три дня и он сказал...» Но я никогда не слышал историю, которая начиналась со слов «я пропадал на краю Проклятых Земель три дня и я хочу сказать...» Понимаешь разницу, господин мой Джейсон?

— Понимаю, — медленно произнес Джек. *Проклятые Земли.* Одно лишь звучание этих слов заставляло встать дыбом волосы у него на руках и на затылке. — Никто не знает, что они представляют собой, да?

— Не совсем, — сказал Андерс. — Но если даже четверть из того, что я слышал, правда...

— Что ты слышал?

— Там встречается такое, что вещи, происходящие в шахтах Орриса, кажутся почти нормальными. Что там есть огненные шары, которые катятся через холмы и пустоши, оставляя за собой длинные черные следы — следы черные днем, но я слышал, что они светятся по ночам. И если человек окажется слишком близко к одному из этих шаров, он заболевает ужасной болезнью. Он начинает терять волосы, и язвы покрывают все его тело, потом его начинают рвать, иногда он чувствует себя лучше, но чаще его рвет и рвет, пока у него не разрывается живот или горло, а потом...

Андерс встал.

— Господин мой! Почему ты так смотришь? Ты увидел что-то за окном? Ты увидел привидение на этих трижды проклятых рельсах?

Андерс испуганно посмотрел в сторону окна.

«Лучевая болезнь», — подумал Джек. — Он не знает этого, но он очень точно описал симптомы лучевой болезни».

Они изучали и ядерное оружие, и последствия радиоактивного заражения на физическом факультативе год назад, потому что его мать была связана с антиядерным движением и движением против распространения атомных электростанций, а Джек проявлял ко всему этому живой интерес.

«Как хорошо, — подумал он, — как хорошо лучевая болезнь соответствует всей идее Проклятых Земель!» Потом он понял еще кое-что: запад был местом, где проходили первые испытания, где прототип хиросимской бомбы был подвешен на башне, а затем взорван, где некоторое количество пригородов, населенных только манекенами, было уничтожено для того, чтобы армия получила более или менее точную картину ядерного взрыва и последующей взрывной волны. А когда все это закончилось, они вернулись в Юту и Неваду, на настоящие Американские Территории, и закончили испытания под землей. Там было, он знал, полно государственной земли, в этих огромных пустошах, в этой мешанине гор, полигонов и изрытых воронками бросовых земель, и то, что они там испытывали, не ограничивалось только бомбами.

Сколько подобного дерьма принес бы сюда Слоут, если бы Королева умерла? Сколько подобного дерьма он уже принес? Была ли эта железнодорожная станция частью транспортной системы для этого?

— Ты плохо выглядишь, господин мой, совсем плохо. Ты белый как полотно, готов поклясться, что это так!

— Я в порядке, — медленно произнес Джек. — Сиди. Продолжай рассказ. И зажги свою трубку, она погасла.

Андерс вынул трубку из рта, зажег ее и перевел взгляд с Джека снова на окно... И теперь его лицо было не просто бледным, оно осунилось от страха.

— Но довольно скоро я узнаю, правдивы ли эти истории.

— Как это?

— Потому что я отправлюсь через Проклятые Земли завтра утром, с первыми лучами солнца, управляя адской машиной Моргана из Орриса, стоящей в сарае, и везя одному только Богу известную тайную дьявольскую работу.

Джек уставился на него, его сердце тяжело билось, кровь гудела у него в голове.

— Куда? Как далеко? К океану? К большой воде?

Андерс медленно кивнул.

— Да, — сказал он, — К воде и...

Его голос сорвался, стал слабым шепотом. Его глаза повернулись к темным окнам, как будто он боялся чего-то безымянного, что могло заглядывать, наблюдать, подглядывать.

— И Морган встретит меня, и мы должны взять его вещи.

— Куда? — спросил Джек.

— В черный отель, — закончил Андерс тихим, дрожащим голосом.

Джек почувствовал желание снова залиться смехом. *Черный Отель* — это звучало как название мрачного мистического романа. Да и... да и вообще... все это началось в отеле, не так ли? «Альгамбра» в Нью-Хемпшире, на Атлантическом побережье. Был ли какой-нибудь другой отель, возможно, еще один монстроидный вариант старого викторианского отеля на Тихоокеанском побережье? Был ли он тем местом, где должно было кончиться его долгое странное путешествие? В каком-нибудь аналоге «Альгамбры» с занюханным парком аттракционов поблизости? Эта идея была ужасно убедительна, странно но точно, кроме того она перекликалась с идеей Двойников и Двойственности...

— Почему ты смотришь на меня так, господин мой?

Андерс говорил взволнованно и расстроено. Джек быстро перевел взгляд.

— Я извиняюсь, — сказал он, — я просто думал.

Он обезоруживающе улыбнулся, и извозчик неуверенно улыбнулся в ответ.

— И я хочу, чтобы ты перестал называть меня так.

— Называть тебя как, мой господин?

— Моим господином.

— Моим господином? — Андерс выглядел озадаченным. Он не повторил слова Джека, а переспросил для ясности. У Джека возникло чувство, что если бы он настоял на своем, все бы закончилось сценкой типа «Кто сначала, что потом».

— Не бери в голову, — сказал Джек. Он наклонился вперед. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне все. Можешь ли ты?

— Я попробую, мой господин, — сказал Андерс.

Сначала он выдавливал слова медленно. Он был одиноким человеком, который провел всю свою жизнь на Заставах и не привык говорить много в лучшие времена. Сейчас ему было приказано говорить мальчику, которого он считал как минимум царственной особой и, возможно, даже кем-то вроде бога. Понемногу он стал говорить быстрее и под конец нескончаемого, но интригующего рассказа слова почти текли рекой. Джеку было нетрудно следить за его рассказом, несмотря на его акцент, который разум Джека преобразовывал в некий эрзац шотландского говора Роберта Бернса.

Андерс знал Моргана, потому что Морган был, ни много ни мало, Хозяином Застав. Его настоящий титул — Морган из Орриса звучал

не так громко, но на практике оба имени имели почти одно и то же значение. Оррис был самым восточным поселением на Заставах и единственным действительно цивилизованным местом этой большой, заросшей травой области. Из-за того что он правил Оррисом целиком и полностью, Морган правил и остальными Заставами по определению. Кроме того, плохие Волки начали притягиваться к Моргану в течение последних пятнадцати лет или около того. Сначала это не имело значения, потому что было мало плохих (слово, используемое Андерсом, в ушах Джека звучало похоже на «бешеных») Волков. Но в последние годы их становилось все больше и больше, Андерс сказал, что он слышал истории о том, что с тех пор как заболела Королева, больше половины племени пастухов сгнило от болезни. Но они были не единственными тварями в команде Моргана из Орриса, сказал Андерс, были еще другие, еще хуже, некоторые из них, как говорили, могли свести с ума человека одним взглядом.

Джек подумал об Элрое, кучере из Оутли, и содрогнулся.

— Имеет ли имя эта часть Застав? — спросил Джек.

— Что, мой господин?

— Часть, в которой мы сейчас.

— Настоящего имени нет, мой господин, но я слышал, что люди называют ее Эллис-Брейкс.

— Эллис-Брейкс, — повторил Джек. Картина географии Долин, смутная и, вероятно, во многом неправильная, наконец начинала приобретать очертания в голове у Джека. Были Долины, которые соответствовали американскому Востоку, Заставы, соответствующие американскому Среднему Западу и Большим равнинам (Эллис-Брейкс? Иллинойс? Небраска?), и Проклятые Земли, которые соответствовали американскому Западу.

Он посмотрел на Андерса таким пристальным и долгим взглядом, что в конце концов извозчик снова начал беспокойно ерзать.

— Я извиняюсь, — сказал Джек. — Продолжай.

Его отец, сказал Андерс, был последним кучером дилижансов, ездивших «на восток» из Заставного Депо. Андерс был его помощником. Но даже в те дни, сказал он, была большая смута и сдвиги на востоке; убийство старого Короля и короткая война, последовавшая за этим, послужили началом этих действий, и хотя война закончилась воцарением Доброй Королевы Лауры, сдвиги с тех пор продолжались, похоже, прокладывая свой путь неизменно на восток, за пределы испорченных и исковерканных Проклятых Земель. Были некоторые, сказал Андерс, которые верили в то, что зло началось на самом западе.

— Я не уверен в том, что понимаю тебя, — сказал Джек, хотя в душе он думал, что понимал.

— На краю суши, — сказал Андерс, — на краю большой воды, там, куда я должен отправиться.

Другими словами, это началось в том же месте, откуда пришел... мой отец, и я, и Ричард... и Морган. Старый Пузырь.

Беды, сказал Андерс, пришли на Заставы, и теперь племя Волков было частично сгнившим — насколько сгнившим, никто не мог сказать, но извозчик сказал Джеку, что гниение может означать для них конец, если скоро не прекратится. Сдвиги пришли сюда, и теперь они почти достигли востока, где, как он слышал, Королева лежала больная и была близка к смерти.

— Это неправда, да, мой господин? — спросил Андерс, почти умоляя.

Джек посмотрел на него.

— Могу ли я знать, что ответить? — спросил он.

— Конечно, — сказал Андерс, — разве ты не ее сын?

На миг Джеку показалось, что весь мир вдруг притих. Приятное гудение жуков снаружи стихло. Ричард, похоже, сделал паузу между тяжелыми, резкими вдохами.

Даже его сердце, казалось, приостановилось...

Потом его голос, удивительно ровный, сказал:

— Да... Я ее сын. И это правда... она очень больна.

— Но не умирает? — настаивал Андерс, его глаза открыто умоляли. — Она умирает, мой господин?

Джек слегка улыбнулся и сказал:

— Ну это мы еще посмотрим.

8

Андерс сказал, что, прежде чем начались несчастья, Морган из Орриса был малоизвестным пограничным властителем и не более того, он унаследовал свое опереточное имя от отца, который был жирным, дурно пахнущим шутом. Отец Моргана был посмешищем при жизни, продолжал Андерс, и стал также посмешищем умирая.

— Его одолела икота после того, как он целый день пил персиковое вино, от нее он и умер.

Люди собрались было сделать посмешище и из его сына, но смех прекратился вскоре после того, как в Оррисе начались казни. Когда начались беды в годы после смерти старого Короля, Морган стал гораздо более значимой фигурой, как звезда злого знамения восходит на небе.

Все это мало значило на Заставах — эти большие пустые пространства, сказал Андерс, делали политику малозначительной. Только смертоносное изменение в племени Волков имело какое-то значение для них, а когда многие из плохих Волков ушли в Другое

Место — и это стало для них безразличным. («Это нас мало волнует, господин мой», — на такой фразе настаивали уши Джека).

Потом, вскоре после того как новости о болезни Королевы достигли дальнего запада, Морган послал команду гротескных, уродливых рабов, с ними были пропавшие Волки и другие, более странные твари. Их вожаком был ужасный человек с кнутом, он был здесь постоянно с тех пор, как все началось, но потом он пропал. Андерс, проводивший большую часть этих ужасных недель и месяцев, скрываясь в своем доме, который был в пяти милях к югу отсюда, был рад увидеть, что его нет. Он слышал разговоры о том, что Морган отозвал человека с кнутом обратно на восток, когда события достигли своего апогея; Андерс не знал, было ли это правдой или нет, да и не желал знать. Он просто радовался, что человек, которого иногда сопровождал костлявый, отвратительно выглядевший маленький мальчик, наконец исчез.

— Его имя, — потребовал Джек. — Как его звали?

— Господин мой, я не знаю. Волки называли его Он С Плетками. Рабы называли его просто дьяволом. Я сказал бы, что все они правы.

— Он одевался как денди? Бархатные куртки? Туфли с пряжками наверху, может быть?

Андерс утвердительно кивал.

— От него сильно пахло духами?

— Да! Да, пахло!

— И кнут состоял из сыромятных ремней с металлическими колпачками.

— Да, господин мой. Злой кнут. И он здорово с ним обращался, да, это так.

Это был Осмонд. Это был Солнечный Гарднер. Он был здесь, руководя каким-то проектом Моргана... потом Королева заболела и Осмонд был отозван в летний дворец, туда, где я впервые с ним повстречался.

— А его сын, — сказал Джек, — Как он выглядел?

— Тощий, — сказал Андерс медленно. — Один глаз выбит. Это все, что я могу вспомнить. Он... Господин мой, сына Человека С Кнутом было трудно увидеть. Похоже, Волки боялись его больше, чем его отца, хоть сын и не носил кнута. Они говорили, что он был тусклым.

— Тусклым, — задумался Джек.

— Да. Этим словом они называют тех, кого трудно увидеть, как бы ты его ни искал. Невидимость невозможна, — так говорят Волки, — но можно сделаться тусклым, если знаешь как. Многие Волки умеют это, и этот маленький сукин сын умел это тоже. Так что все, что я помню, это то, что он был худым, и его выбитый глаз, и то, что он был гадок, как черный, сифилитический грех.

Андерс помолчал.

— Ему нравилось причинять боль животным. Маленьким. Он обычно затаскивал их под крыльцо, и я мог слышать ужасные крики... — Андерс содрогнулся. — В частности и из-за этого я старался отсидеться дома, ты понимаешь. Я не люблю слушать, как звери кричат от боли. Это в самом деле ужасно.

Все, что говорил Андерс, рождало у Джека сотню новых вопросов. Отчасти ему хотелось бы узнать все, что Андерс знал о Волках — рассказы о них вызывало у него одновременно удовольствие и глубокую, глупо болезненную нехватку *его* Волка в его сердце.

Но времени было мало; этот человек должен был ехать утром на запад, в Проклятые Земли, когдa сумасшедших школяров, ведомая Морганом, могла прорваться из того, что извозчик называл Другим Местом, в любой момент, Ричард мог проснуться и спросить, о каком это Моргане они говорили и кем был этот *тусклый* парень — этот *тусклый* парень, который был подозрительно похож на парня, который жил по соседству с ним в Нельсон-Хаусе.

— Они пришли, — отметил он. — Эта команда пришла, и Осмонд был у них главным — во всяком случае, пока его не отозвали или ему не понадобилось проводить ночные покаяния в часовне в Индиане...

— Мой господин? — Лицо Андерса снова стало озадаченным.

— Они пришли и построили... что? — Он был уверен, что он уже знал ответ на этот вопрос, но он хотел услышать ответ от Андерса.

— Рельсы, — сказал Андерс. — Рельсы, ведущие на запад, в Проклятые Земли. Рельсы, по которым я сам должен отправиться в путешествие.

Он содрогнулся.

— Нет, — сказал Джек. Горячее, ужасное волнение взорвалось в его груди, как солнце, и он поднялся на ноги. Снова был щелчок в его голове, это ужасное, убедительное чувство того, что великие вещи собираются воедино.

Андерс пал на колени с грохотом, когда прекрасный свет озарил лицо Джека. Ричард заворочался от шума и сонно сел.

— Не ты, — сказал Джек. — Я. И он.

Он указал на Ричарда.

— Джек? — Ричард смотрел на него с сонным, близоруким смущением. — О чем ты говоришь? И почему этот человек обнюхивает пол?

— Господин мой... воля твоя, конечно... но я не понимаю...

— Не ты, — сказал Джек. — Мы поведем поезд вместо тебя.

— Но господин мой, почему? — Андерс уже не осмеливался взглянуть вверх.

Джек Сойер выглянул в темноту.

— Потому что, — сказал он, — я думаю, что есть кое-что в конце рельсов, в конце рельсов или около конца, одна вещь, которую я должен получить.

Интермедия СЛОУТ В ЭТОМ МИРЕ (IV)

Десятого декабря Морган Слоут сидел на маленьком неудобном деревянном стуле около кровати Лили Сойер — ему было холодно, и он укутался в тяжелое кашемировое пальто и засунул руки глубоко в карманы, но ощущал он себя гораздо лучше, чем подсказывал его вид. Она уходила прочь, туда, откуда не возвращаются, даже если ты Королева, лежащая на кровати размером с футбольное поле.

Кровать Лили не была такой большой, и сама она совсем не напоминала королеву. Болезнь поглотила ее хороший вид, покрыла морщинами ее лицо и состарила ее на двадцать лет. Слоут позволил своим глазам насладиться глубокими впадинами вокруг ее глаз и кожей на лбу, ставшей похожей на черепаховый панцирь. Ее истощенное тело казалось комком под простынями и одеялами. Слоут знал, что «Альгамбре» хорошо платили за то, что Лили Кевинью Сойер никто не беспокоил, он как раз и был тем, кто платил. Ее комната больше не обогревалась. Она была единственным постояльцем отеля. Кроме клерка и повара, единственными служащими отеля были три португальских горничных, которые непрестанно убирали вестибюль — похоже, что именно горничные завалили Лили одеялами. Себе Слоут заказал номер-люкс напротив и приказал клерку и горничным присматривать за Лили.

Чтобы увидеть, откроет ли она глаза, он сказал:

— Ты выглядишь лучше, Лили. Я действительно вижу признаки улучшения.

Двигая только ртом, Лили сказала:

— Я не знаю, зачем ты прикидываешься гуманным, Слоут.

— Я твой лучший друг, — ответил Слоут.

Теперь она открыла глаза, они были не настолько мутными, насколько хотелось ему.

— Убирайся отсюда, — прошептала она. — Ты отвратителен.

— Я пытаюсь помочь тебе, и я хочу, чтобы ты помнила об этом. У меня с собой все бумаги, Лили. Все, что ты должна сделать — это подписать их. Сделай это, и ты со своим сыном будешь обеспечена на всю жизнь. — Слоут взглянул на Лили с выражением довольного

уныния. — Мне не удалось выяснить, где Джек, между прочим. Что, ты уже поговорила с ним?

— Ты же знаешь, что нет, — сказала она. И не заплакала, как он на это надеялся.

— Я думаю, что ему не мешало бы быть здесь, а?

— Обойдешься, — сказала Лили.

— Я воспользуюсь твоей ванной, если ты не возражаешь, — сказал он и встал. Лили закрыла глаза, игнорируя его.

— Я надеюсь, что с ним все в порядке, — сказал Слоут, медленно продвигаясь вдоль края кровати. — Ужасные вещи случаются с мальчиками на дорогах.

Лили не реагировала.

— Вещи, о которых страшно подумать.

Он добрался до края кровати и направился в ванную. Лили лежала под своими простынями и одеялами как смятый кусок папиросной бумаги. Слоут вошел в ванную.

Он потер руку об руку, мягко закрыл дверь и открыл оба крана над раковиной. Из кармана пиджака он достал маленький двухграммовый пузырек, из внутреннего кармана — маленькую сумочку, в которой были зеркальце, лезвие и короткая латунная трубочка. На зеркальце он насыпал примерно одну восьмую грамма самого чистого перуанского кокаина, какой он только мог найти. Потом он ритуально разделил его лезвием на две полоски. Он втянул в себя обе полоски через латунную трубочку, резко вдохнул и задержал дыхание на пару секунд. «Аах». Его носовые проходы открылись широко, как туннели. Где-то в глубине кокаин начинал действовать. Слоут сунул руки под струю воды, потом он увлажнил ноздри большим и указательным пальцами. Он вытер руки и лицо.

«Этот прекрасный поезд, — позволил он подумать себе, — этот прекрасный прекрасный поезд, я горжусь им больше, чем собственным сыном».

Морган Слоут упивался видением его прекрасного поезда, который был одним и тем же в обоих мирах и был первым воплощением его давно вынашиваемого плана импорта современных технологий в Долины, прибывающего в Пойнт-Венути и нагруженного полезным грузом. Пойнт-Венути! Слоут улыбнулся, когда кокаин взорвался в его мозгу, принося обычное известие, что все будет хорошо, все будет хорошо. Маленькому Джеки Сойеру очень повезет, если он вообще когда-нибудь сможет выбраться из Пойнт-Венути. На самом деле ему очень повезет, если он вообще сможет сначала туда попасть, учитывая, что для этого ему нужно пересечь Проклятые Земли. Но наркотик напомнил Слоуту, что он все же предпочел бы, чтобы Джек добрался до опасного маленького Пойнт-Венути, он предпочел бы, чтобы Джек пережил пребывание в черном отеле,

который не был просто досками и гвоздями, кирпичами и камнями, а был также и чем-то живым... потому что было возможно, что он мог выйти оттуда с Талисманом в его маленьких воровских ручках. А если бы это случилось...

Да, если бы это абсолютно чудесное событие произошло, все было бы действительно хорошо. .

И Джек Сойер и Талисман были бы разрублены пополам.

И он, Морган Слоут, наконец получил бы то, что он заслуживает. На секунду он увидел себя простирающим руки над безбрежным океаном звезд, над двумя мирами, обвинившимися вокруг друг друга как любовники в постели, над всем, что защищал Талисман, всем, чего он так жаждал, когда он купил Эйджинкорт, много лет назад. Джек мог бы добыть все для него. Силу. Славу.

Чтобы отпраздновать эту мысль, Слоут опять вынул пузырек из кармана, но не стал тратить время на ритуальные манипуляции с лезвием и зеркалом, а просто использовал прилагаемую маленькую ложечку, чтобы поднять белый порошок сначала к одной ноздре, потом к другой. Сила и слава, да.

Фыркая, он вернулся в комнату. Лили казалась более живой, но его настроение теперь было настолько хорошим, что даже это доказательство ее продолжающейся жизни не могло омрачить его. Ее ясные и неестественно светящиеся глаза следовали за ним.

— Дядя Пузырь завел новую отвратительную привычку, — сказала она.

— А ты умираешь, — сказал он. — Что же лучше?

— Побольше занимайся этой дрянью, и ты тоже умрешь.

Раздраженный ее словами, Слоут вернулся на расшатанный деревянный стул.

— Ради Бога, Лили, будь взрослой, — сказал он. — Все сейчас нюхают кокаин. Ты отстала от времени — отстала на многие годы. Хочешь попробовать?

Он достал пузырек из кармана и покачал его на цепочке, прикрепленной к маленькой ложечке.

— Убирайся отсюда.

Слоут приблизил пузырек к ее лицу.

Лили приподнялась, резко, как атакующая змея, и плюнула ему в лицо.

— Сука!

Он отскочил, хватаясь за носовой платок, в то время как плевок стекал по его щеке.

— Если это дерьмо так прекрасно, зачем прятаться в туалете для того, чтобы принять его? Не отвечай, просто уйди. Я больше не хочу тебя видеть, Пузырь. Уноси свою жирную задницу отсюда.

— Ты умрешь в одиночестве, Лили, — сказал он, наполняясь холодной, жестокой радостью. — Ты умрешь одна, а этот дурацкий городок оплатит твои похороны, а сына твоего убьют, потому что он не понимает, что его ждет, и никто никогда не узнает ничего ни о тебе, ни о нем.

Он ухмыльнулся. Его толстые руки сжались в белые волосатые кулаки.

— Помнишь Ашера Дондорфа, Лили? Нашего клиента. Он снимался сериале «Фланаган и Фланаган». Я читал о нем в «Голливуд Репортер» — в номере, вышедшем несколько недель назад. Стрелял в себя в своей комнате, но безуспешно: вместо того, чтобы убить себя, он только прострелил себе небо, и теперь он в коме. Может быть, на долгие годы. — Он наклонился к ней, наморщив лоб. — Вы со старым добрым Ашером имеете много общего, как мне кажется.

Она безразлично отвернулась. В этот момент она напоминала крепко сложенную женщину из поселения с ружьем для охоты на белок в одной руке и Писанием в другой.

— Мой сын спасет мне жизнь, — сказала она. — Джек спасет мне жизнь, и ты не сможешь его остановить.

— Ну-ну, посмотрим, — ответил Слоут. — Это мы еще увидим.

Глава 35 ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ

1

— Но будешь ли ты в безопасности, мой господин? — спросил Андерс, вставая на колени перед Джеком. Подол его красно-белой шотландской юбки раскинулся по полу вокруг него.

— Джек? — позвал Ричард, его голос звучал жалобно и беспомощно.

— А сам ты будешь в безопасности? — спросил Джек.

Андерс повернул свою большую белую голову в сторону и покосился на Джека, словно тот только что загадал ему загадку. Он был похож на большую озадаченную собаку.

— Я имел в виду, что я буду в не меньшей безопасности, чем ты был бы сам. Это все, что я имею в виду.

— Но господин мой...

— Джек? — снова жалобно заявил о себе Ричард. — Я уснул, а теперь я должен бы был проснуться, но мы по-прежнему в этом

странном месте, значит, я еще сплю... но я хочу проснуться, Джек, я больше не хочу видеть этот сон. Нет. Я не хочу.

«И поэтому ты разбил свои проклятые очки», — сказал Джек про себя. Вслух он сказал другое:

— Это не сон, Ричи. Мы отправляемся в путь. Мы поедем на поезде.

— А? — сказал Ричи, протирая глаза и садясь. Если Андерс напоминал большую белую собаку в юбке, то Ричард выглядел просто как только что проснувшийся младенец.

— Господин мой Джейсон, — сказал Андерс.

«Теперь он, похоже, начал соображать», — с облегчением подумал Джек.

— Это твоя воля? Это твоя воля проехать на этой дьявольской машине через Проклятые Земли?

— Вне всяких сомнений, — ответил Джек.

— Где мы? — спросил Ричард. — Ты уверен, что они не гонятся за нами?

Джек повернулся к нему. Ричард сидел на волнистом желтом полу, глупо моргая, ужас по-прежнему витал над ним как туман.

— Хорошо, — сказал он. — Я отвечу на твой вопрос. Мы находимся в Долинах, в части, которая называется Эллис-Брейкс...

— У меня болит голова, — сказал Ричард. Он закрыл глаза.

— И, — продолжал Джек, — мы собираемся вести поезд этого человека через Проклятые Земли, к черному отелю, или хотя бы подъехать к нему как можно ближе. Вот такие дела, Ричард. Хочешь — верь, хочешь — нет. И чем раньше мы это сделаем, тем раньше мы избавимся от тех, кто нас преследует.

— Эйзеридж, — прошептал Ричард. — Мистер Даффри.

Он оглядел мягкий интерьер Депо, словно полагая, что люди, находившиеся здесь только что, просочились сквозь стены.

— Это опухоль в мозгу, ты знаешь, — сказал он исключительно рассудительным тоном. — Вот откуда эта головная боль.

— Господин мой Джейсон, — говорил Андерс, наклоняясь так низко, что его волосы ложились на кривой пол. — Как добр ты, о Великий, как добр ты к своему нижайшему слуге, как добр ты к тем, кто не заслуживает твоего благословенного присутствия...

Он пополз вперед, и Джек с ужасом увидел, что он снова собирается начать свое безумное целование ног.

— Ну и дела, — сказал Ричард.

— Пожалуйста, встань, Андерс, — сказал Джек, отступая. — Встань, давай, хватит.

Старик продолжал ползти вперед, бормоча благодарности, что ему не нужно отправляться в Проклятые Земли.

— **ВОССТАТЬ!** — проорал Джек.

Андерс посмотрел вверх, наморщив лоб.

— Да, мой господин.

Он медленно поднялся.

— Пошевели-ка своей мозговой опухолью, Ричард, — сказал Джек. — Мы должны выяснить, как управлять этим проклятым поездом.

2

Андерс зашел за длинную, кривую стойку и попытался выдвинуть ящик.

— Похоже, его держат черти, — сказал он, — странные черти, летающие стаей. Их на самом деле нет, но сейчас они есть. Да.

Он вытащил из ящика самую длинную и толстую свечу из всех когда-либо виденных Джеком. Из коробки, стоящей на стойке, он достал полоску довольно мягкого дерева длиною примерно в фут, затем наклонил один ее конец к горящей лампе. Деревяшка загорелась, и Андерс воспользовался ею, чтобы зажечь свою огромную свечу. После этого он стал размахивать «спичкой» до тех пор, пока пламя не превратилось в дым.

— Черти? — спросил Джек.

— Странные квадратные штуки — я считаю, что внутри них сидят эти черти. Иногда они плюются и искрят! Я покажу их тебе, господин Джейсон.

Не говоря больше ни слова, он направился к двери. Теплый свет свечи на момент стер морщины с его лица. Джек последовал за ним наружу, в свежесть и размах Долин.

Он вспомнил фотографию на стене в офисе Спида Паркера, фотографию, наполненную необъяснимой силой, и понял, что он был действительно недалеко от того места, где был сделан снимок. Вдалеке возвышалась гора, казавшаяся знакомой. От подножия маленького бугра расходились пшеничные поля, колышущиеся от ветра. Ричард Слоут застенчиво двигался рядом с Джеком, потирая лоб. Серебристые полосы металла, диссонирующие с остальной частью пейзажа, неумолимо тянулись на запад.

— Сарай сзади, господин мой, — тихо произнес Андерс и почти смущенно отвернулся к Депо. Джек еще раз взглянул на далекую гору. Теперь она казалась менее похожей на гору на фотографии Спида — новее, западная, а не восточная гора.

— Что это за болтовня про Господина Джейсона? — прошептал Ричард ему прямо в ухо, — Он думает, что знает тебя.

— Это трудно объяснить, — сказал Джек.

Ричард потянул себя за платок, потом схватил Джека за бицепс. Старый канзасский зажим.

— Что случилось со школой, Джек? Что случилось с собаками? Где они?

— Пойдем, — сказал Джек, — ты, вероятно, еще спишь.

— Да, — сказал Ричард с облегчением, — да, это так, верно? Я еще сплю. Ты наговорил мне всякой всячины о Долинах, и теперь мне все это снится.

— Ага, — сказал Джек, и последовал за Андерсом. Старик поднял огромную свечу как факел и двигался вниз по заднему склону холма к другому, немного большему восьмиугольному деревянному строению. Мальчики пошли следом за ним, через высокую желтую траву. Свет растекался во все стороны от другого светящегося шара, показывая, что это второе здание было открыто с противоположных сторон, словно две соответствующие стороны восьмиугольника были аккуратно срезаны. Серебристые железнодорожные рельсы проходили через эти открытые края. Андерс добрался до большого сарая и обернулся, ожидая мальчиков. С мерцающей, поднятой вверх свечой, Андерс напоминал создание из легенды или сказки, волшебника или колдуна.

— Он стоит здесь с тех пор как он появился, и, наверное, черти воведут его отсюда.

Андерс хмуро посмотрел на мальчиков, и морщины его углубились.

— Исчадие ада. Скверная штука, знаете ли, — он оглянулся, когда мальчики оказались впереди него. Джек заметил, что Андерсу не нравилось находиться в сарае с поездом. — Половина груза уже погружена, и пахнет она адом.

Джек прошел через открытый конец сарая, увлекая за собой Андерса. Ричард плелся следом и тер себе глаза. Маленький поезд стоял головой в сторону запада — забавно выглядящий локомотив, крытый вагон, платформа, покрытая мятым брезентом. Из этого вагона и исходил запах, который так не нравился Андерсу. Это был чужой запах, не из Долин, запах металла и смазки.

Ричард сразу прошел к одному из внутренних углов сарая, сел на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза.

— Ты знаешь, как оно работает, мой господин? — спросил Андерс приглушенным голосом.

Джек кивнул и пошел вдоль путей к голове поезда. Да, там были «демоны» Андерса. Они были электрическими батареями, как и предполагал Джек. Их было шестнадцать, связанных в два ряда в металлическом контейнере, поддерживаемом первыми четырьмя колесами локомотива. В целом передняя часть поезда выглядел как усовершенствованный вариант велосипеда мальчика-разносчика, но там, где должен быть сам велосипед, было что-то знакомое, но Джек не мог вспомнить что.

— Демоны понимают торчащую палку, — сказал Андерс сзади. Джек поднялся на локомотив. «Палка», которую упомянул Андерс, была рычагом передач, вставленным в щель с тремя прорезями. Теперь Джек понял, что напоминал ему этот механизм. Весь поезд действовал по тому же принципу, что и тележка на поле для игры в гольф. Он работал от батарей и имел всего три передачи: переднюю, нейтральную и реверс. Только такой поезд мог действовать в Долинах, и Морган Слоут специально сконструировал его.

— Демоны в коробках плюются и искрят, они слушаются палку, палка движет поезд, мой господин.

Андерс испуганно топтался около локомотива, лицо его казалось сморщенным.

— Ты собирался отправиться утром? — спросил Джек старика.

— Да.

— Но поезд готов уже сейчас?

— Да, мой господин.

Джек кивнул и прыгнул вниз.

— А что за груз?

— Дьявольские штуки, — мрачно произнес Андерс, — для плохих Волков. Надо отвезти в черный отель.

«Я был бы обскакал Моргана Слоута, если бы отправился сейчас», — подумал Джек и беспокойно посмотрел на Ричарда, который снова уснул. Если бы не этот свиноголовый, ипохондричный Рациональный Ричард, он никогда бы не залез на Слоутов паровоз, и Слоут смог бы воспользоваться «дьявольскими штуками» — наверняка каким-то оружием — против него сразу, как только он добрался бы до черного отеля. В том, что отель был целью его поисков, он уже не сомневался. И то, что с ним сейчас был Ричард, оказалось гораздо важнее, чем Джек мог себе представить. Сын Сойера и сын Слоута: сын принца Филиппа Сойтеля и сын Моргана из Орриса. Интуиция подсказывала Джеку, что Ричард мог играть существенную роль в том, что он должен был делать в черном отеле. Ричард заворочался, рот его открылся, и чувство внезапного озарения слетело с Джека.

— Давай посмотрим на дьявольские штуки, — сказал он. Он развернулся и пошел вдоль поезда, по пути впервые замечая, что пол восьмиугольного сарая состоял из двух частей — большая из них была массивным кругом, как большая обеденная тарелка. За ней в полу была прорезь, и то, что шло за прорезью, простиралось до стен. Джек никогда не слышал о поворотном круге, но он понял концепцию: круглая часть пола могла поворачиваться на сто восемьдесят градусов. Поезда или кареты прибывали с востока и возвращались в том же направлении.

Брезент был привязан над грузом толстым коричневым шнуром, таким лохматым, что он казался шерстяным. Джек вытянулся, чтобы поднять край, заглянул под него и увидел только темноту.

— Помоги мне, — сказал он, поворачиваясь к Андерсу.

Старик шагнул вперед, нахмурился и одним сильным, резким движением развязал узел. Брезент освободился и обмяк. Теперь, подняв его край, Джек увидел, что половина платформы была заставлена деревянными ящиками, на которых было написано ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ. «Ружья, — подумал он: — *Морган вооружает своих мятежных Волков*». Другая половина пространства под брезентом была занята объемистыми упаковками какой-то кашеобразной субстанции, завернутой в пластик. Джек не имел понятия о том, что это могло быть, но было ясно, что это не церковный хлеб. Он опустил брезент и отступил, а Андерс потянул толстую веревку и обратно завязал ее.

— Мы отправляемся сегодня ночью, — сказал Джек, только что решив это.

— Но господин мой Джейсон... Проклятые Земли... ночью... знаешь ли ты...

— Я знаю, все в порядке, — сказал Джек. — Я знаю, что должен действовать с внезапностью, какой только смогу достичь. Морган и тот человек, которого Волки называют Он с Кнутом, будут подкарауливать меня, и если поезд появится на двенадцать часов раньше, чем его ожидают, мы с Ричардом сможем выбраться живыми.

Джек посмотрел на Ричарда — спит, сидя с открытым ртом. Если бы Андерс знал, что в голове у Джека, он бы тоже посмотрел на спящего Ричарда.

— Был ли сын у Моргана из Орриса? — спросил Джек.

— Да, мой господин. Короткая семейная жизнь Моргана имела плод — мальчика по имени Раштон.

— И что с ним случилось?

— Он умер, — просто ответил Андерс. — Морган из Орриса не мог быть отцом.

Джек содрогнулся, вспомнив, как его враг продвигался по воздуху и чуть не убил всю стаю Волков.

— Мы отправляемся, — сказал он. — Пожалуйста, помоги мне положить Ричарда в кабину.

— Господин мой... — Андерс склонил голову, затем поднял ее и взглянул на Джека с почти родительской заботой. — Путешествие потребует не меньше двух дней, может быть, трех, прежде чем вы доберетесь до западного побережья. У вас есть еда? Не разделите ли вы со мной ужин?

Джек покачал головой, сгорая от нетерпения приступить к последнему отрезку его путешествия к Талисману, но в его животе

вдруг заурчало, напоминая о том, сколько времени прошло с тех пор, как он ел что-нибудь кроме черствых булочек в комнате у Альберта.

— Ладно, — сказал он, — я думаю, еще полчаса ничего не изменят. Спасибо, Андерс. Помоги мне поставить Ричарда на ноги, ладно? — И, может быть, как ему показалось, он не очень стремился пересечь Проклятые Земли.

Они резко подняли Ричарда. Как Ореховая Соня, он открыл глаза, улыбнулся и снова попытался уснуть.

— Еда, — сказал Ричард, — настоящая еда, Ты проснешься ради этого, а?

— Я никогда не ем во сне, — ответил Ричард с нереальной рациональностью. Он зевнул, потом протер глаза. Он уже стоял на ногах и больше не опирался на Андерса и Джека. — Я довольно голоден, но, по правде говоря, я вижу длинный сон, не так ли, Джек?

Казалось, что он почти гордился этим.

— Ага, — сказал Джек.

— Скажи, это тот поезд, на котором мы поедem? Он похож на карикатуру.

— Ага.

— Ты можешь управлять этой штукой? Это мне снится, я знаю, но...

— Управлять ею не труднее, чем моей старой игрушечной железной дорогой, — сказал Джек, — я могу управлять ею, и ты тоже можешь.

— Я не хочу, — сказал Ричард, и в его голосе снова появились капризные нотки, — я вообще не хочу забираться на этот поезд. Я хочу вернуться в свою комнату.

— Пойдем лучше поедим, — сказал Джек, выводя Ричарда из сарая, — а потом мы отправимся в Калифорнию.

Так Долины показали себя с одной из лучших сторон, непосредственно перед тем, как мальчики пересекли границу Проклятых Земель. Андерс дал им толстые сладкие куски хлеба, явно сделанного из злака, растущего вокруг Депо, шашлыки из нежных кусков мяса и незнакомые сочные овощи, острый розоватый сок, который чем-то напомнил Джеку плоды папайи, хотя он знал, что это не папайя. Ричард жевал в счастливом трансе, сок тек у него по подбородку, пока Джек не вытер его.

— Калифорния, — сказал он один раз. — Я должен был знать.

Понимая, что это состояние было близко к безумию, Джек не стал переспрашивать. Его больше беспокоило, что они вдвоем должны были делать с предположительно ограниченной кучей еды, предлагаемой Андерсом, но старик продолжал копаться за стойкой,

где он или его отец установили небольшую деревянную плиту, и возвращался со все большим количеством еды. Кукурузные оладьи, желе из телячьей ноги, штуки, выглядевшие как куриные ноги, но имевшие вкус... чего? Ладана и мирры? Цветов? Вкус просто взрывался на его языке, и он подумал, что он тоже скоро начнет засыпать.

Они сидели втроем вокруг маленького стола в теплой и приятной комнате. Под конец пира Андерс почти смущенно выставил тяжелую чашу, наполовину наполненную красным вином. Чувствуя, будто он следует чьему-то предписанию, Джек выпил полный маленький стаканчик.

3

Два часа спустя, чувствуя себя сонным, Джек подумал, что такое большое количество еды могло быть большой ошибкой. Во-первых, намечалось отправление из Эллис-Брейкс и Депо, которое не обещало быть легким; во-вторых, был Ричард, который, похоже, серьезно тронулся; а в-третьих, и это было самым главным, были Проклятые Земли, которые были безумнее Ричарда в любом случае и требовали абсолютной концентрации внимания.

После еды они втроем вернулись в сарай, и тут начались неприятности. Джек боялся того, что ждало его впереди, и теперь он понял, что страхи его прекрасно оправдались, и, возможно, именно тревога толкнула его на неправильные поступки. Первые трудности возникли, когда он попытался заплатить Андерсу монетой, которую ему дал капитан Фаррен. Андерс отреагировал так, как будто его возлюбленный Джейсон ударил его в спину. Оскорбление! Оскорбление! Предложив монету, Джек не просто обидел старого извозчика: он, образно говоря, облил грязью его религию. Сверхъестественным образом воскресшие божественные создания явно не должны были предлагать монеты своим последователям. Андерс был настолько расстроен, что был готов сунуть руку в «дьявольскую коробку», как он называл контейнер с батареями, и Джек знал, что Андерса искушала еще одна цель, кроме поезда. Джек чувствовал в глубине души, что Андерсу извинения были нужны не больше, чем деньги. Старик в конце концов успокоился, почувствовав смущение мальчика, но он не мог до конца прийти в себя до тех пор, пока Джек не стал рассуждать во весь голос о том, что монета капитана Фаррена может играть иную роль для него.

— Ты не совсем Джейсон, — опечалился старик, — но монета Королевы может помочь тебе, — он тяжело покачал головой. Его прощание было уже не совсем добрым.

Но хорошая порция всего этого заметно повлияла на Ричарда. Все, что началось обычной детской паникой, быстро расцвело полнейшим ужасом. Ричард отказался садиться в поезд. До этого он слонялся по сараю, не глядя на поезд, пребывая в беззаботном удивлении. Потом он понял, что Джек не шутит и начал капризничать, и, как ни странно, мысль о том, что их целью является Калифорния, беспокоила его больше всего. «НЕТ! НЕТ! Я НЕ МОГУ!» — кричал Ричард, в то время, как Джек тащил его к поезду. «Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ В МОЮ КОМНАТУ!»

— Они могут преследовать нас, Ричард, — слабо возразил Джек, — нам нужно двигаться дальше, — он схватил Ричарда за руку. — Все это сон, помнишь?

— О, Господи, О, Господи, — причитал Андерс, бесцельно ходя вокруг большого сарая, и Джек понял, что впервые извозчик обращался не к нему.

— МНЕ НАДО ВЕРНУТЬСЯ В МОЮ КОМНАТУ! — визжал Ричард. Его глаза были зажмурены так крепко, что между веками появилась глубокая складка.

Снова вспоминая о Волке, Джек попытался затащить Ричарда на поезд, но Ричард уперся как баран. «Я НЕ МОГУ ЕХАТЬ ТУДА!» — кричал он.

— Но ты все равно не можешь остаться здесь, — сказал Джек. Он предпринял еще одну решительную попытку подтащить Ричарда к поезду, и на этот раз ему удалось продвинуть его на пару футов. — Ричард, — сказал он, — это несерьезно. Ты хочешь остаться один? Ты хочешь остаться один в Долинах? — Ричард отрицательно покачал головой. — Тогда пойдем со мной. Пора. Через два дня мы будем в Калифорнии.

— Плохи дела, — пробормотал себе под нос Андерс, глядя на мальчиков. Ричард просто продолжал мотать головой, что можно было понять только в негативном смысле.

— Я не могу ехать туда, — повторил он, — я не могу сесть в этот поезд, и я не могу ехать туда.

— В Калифорнию?

Ричард прикусил губы и снова закрыл глаза.

— О, черт, — сказал Джек. — Андерс, помоги мне, пожалуйста.

Огромный старик взглянул на него испуганно, почти с отвращением, потом пересек комнату и сгреб Ричарда в охапку, будто тот был размером со щенка. Мальчик издал отвратительно щенячий визг. Андерс опустил его на скамейку в кабине.

— Джек! — позвал Ричард, испугавшись, что ему придется ехать через Проклятые Земли одному.

— Я здесь, — ответил Джек, действительно появляясь с другой стороны кабины.

— Спасибо, Андерс, — сказал он старому извозчику, который в ответ уныло кивнул и отступил в угол сарая.

— Берегите себя, — Ричард начал плакать и Андерс посмотрел на него без жалости.

Джек нажал на кнопку зажигания, и две огромные искры вылетели из «дьявольской коробки», как только машина ожила.

— Порядок, — сказал Джек и потянул рычаг вперед.

Поезд начал медленно выплывать из сарая. Ричард захныкал и уронил голову на колени. Произнеся что-то вроде «чепуха» или «невозможно», Джек слышал только шипение, он спрятал лицо между коленей. Казалось, что он хотел стать кругом. Джек помахал Андерсу, который помахал в ответ, после чего они оказались вне сарая, над ними было только безбрежное темное небо. Силуэт Андерса появился в проеме, через который они проехали, словно он собирался бежать за ними следом. Поезд не мог ехать быстрее тридцати миль в час, как считал Джек, а в этот момент он делал не более восьми или девяти. Это казалось мучительно медленным. На запад, сказал себе Джек, на запад, на запад, на запад. Андерс отступил обратно в сарай, его борода лежала на массивной груди, напоминая изморозь. Поезд, покачиваясь, набирал скорость, вверх вылетела еще одна голубая искра, и Джек перевел свой взгляд на скамейку, чтобы посмотреть, что происходит.

— НЕТ! — кричал Ричард, почти выталкивая Джека из кабины, — Я НЕ МОГУ! НЕ МОГУ ЕХАТЬ ТУДА! — Он поднял голову с коленей, но его глаза ничего не видели, они были по-прежнему зажмурены и все его лицо напоминало кулак.

— Тихо, — сказал Джек.

Рельсы впереди поезда простирались через бескрайние поля пшеницы, колышимой ветром; туманные холмы, высокие горы, покрытые западными облаками. Джек в последний раз обернулся и увидел маленький оазис тепла и света, которым были Депо и восьмиугольный сарай, медленно исчезающий позади. Андерс теперь был высокой тенью в освещенном дверном проеме. Джек помахал в последний раз, и высокая тень помахала тоже. Джек снова повернулся и оглядел необъятность полей. Если это было похоже на Проклятые Земли, следующие два дня определенно обещали быть спокойными. Конечно это было не так, совсем не так. Даже в лунном свете он видел, что колосья становились тоньше и реже — изменения начались примерно через полчаса пути от Депо. Даже цвет казался теперь неправильным, почти искусственным, уже не прекрасный органичный желтый цвет, какой он видел раньше, а желтый цвет чего-то находившегося слишком близко к сильному источнику тепла, какой-то поблекший желтый цвет. Ричард тоже изменился. Сначала он проветривался, потом плакал, молча и бесстыдно, как

девчонка, потом его одолел беспокойный сон. «Не могу вернуться», — бормотал он во сне, или так показалось Джеку. Казалось, что он уменьшается во сне.

Весь характер ландшафта начал меняться. Из широких равнин в Эллис-Брейкс земля мутировала в маленькие ложбины, темные маленькие долины, заросшие черными деревьями. Кругом лежали огромные валуны, черепа, яйца, гигантские зубы. Сама земля изменилась, став более песчаной. Дважды стены долин вырастали прямо вдоль дороги, и Джек мог видеть, что на обеих сторонах были невысокие рыжеватые скалы, покрытые низкими ползучими растениями. Ему показалось, что он видел какое-то животное, стремительно убегающее от поезда, но свет был слишком слабым, а животное слишком быстрым, чтобы опознать его. Но у Джека было жуткое чувство, что если бы даже это животное замерло в полдень в середине Родео-драйв, он все равно бы не узнал его — похоже, что голова была раза в два больше, чем положено, и этому животному было лучше скрыться от человеческих глаз.

По прошествии девяноста минут, Ричард стонал во сне, а ландшафт изменился в сторону полной странности. Когда они во второй раз вышли из одной из клаустрофобичных долин, Джек был поражен внезапным ощущением открытости — сначала было чувство, будто он снова оказался в Долинах, стране мечты. Потом он заметил, несмотря на темноту, как искорежены были деревья; после этого он почувствовал запах. Вероятно, он медленно нарастал в его сознании, но ощутил он его только увидев, что редкие деревья на черной равнине скрючены, словно замученные звери. Воздух пах чем-то испорченным, отвратительным. Долины воняли.

Запах давно увядших цветов покрывал равнину; кроме него, как и в случае с Осмондом, присутствовал более резкий и сильный запах. *«Если Морган так или иначе был причастен к этому, то это он принес смерть в Долины», — подумал Джек.*

Загадочные долины и ложбины кончились, теперь земля казалась бескрайней красной пустыней. Скрюченные деревья точками покрывали ее. Впереди Джека пара серебристых рельсов бежала сквозь затемненную красноватую пустоту, вокруг него пустыня тоже неслась сквозь тьму.

Красная пустыня казалась пустой. За несколько часов глаза Джека не поймали ничего крупнее деформированных маленьких животных, скрывавшихся около железнодорожных путей, но были моменты, когда ему казалось, что он заметил краем глаза какое-то движение, он поворачивался, чтобы посмотреть, но оно исчезало. Сначала он подумал, что его преследуют. Потом, на некоторое время, не более двадцати или тридцати минут, он представил себе, что за ним гонятся люди-собаки из школы Тэйера. Когда бы он ни

смотрел, что-то сразу же прекращало движение и пряталось за одним из кривых деревьев или зарывалось в песок. В течение этого времени широкая пустыня Проклятых Земель казалась не пустой или мертвой, а наполненной ускользающей, скрытой жизнью. Джек потянул вперед рычаг переключения передач (как будто это могло помочь) и попытался заставить поезд ехать еще и еще быстрее. Джек сполз со своего сиденья, хныкая. Джек представил себе, что все эти существа, которые не были ни собаками, ни людьми, бегут за ними, и порадовался, что глаза Ричарда по-прежнему закрыты.

«НЕТ!» — закричал Ричард во сне. Джек чуть не выпал из кабины. Он *видел* Эйзериджа и мистера Дафри, несущихся за ними. Они нюхали землю, их языки были высунуты, плечи работали. Секунду спустя он понял, что видел только тени, движущиеся рядом с поездом. Несущиеся вприпрыжку школяры и их директор погасли, как свечи на праздничном торте.

«НЕ ТУДА!» — зарыдал Ричард. Джек осторожно вдохнул. Они были в безопасности. Опасность Проклятых Земель была преувеличена. Через несколько часов взойдет солнце. Джек поднял свои часы к глазам и увидел, что они ехали меньше двух часов. Он зевнул и почувствовал, что съел слишком много мучного в Депо.

«Кусочек пирожного, — подумал он, — это будет...» И как только он собрался закончить свой парафраз на строчку из Бернса, которую поначалу декламировал Андерс, он увидел первый из огненных шаров, который уничтожил его благодущие раз и навсегда.

4

Световой шар, минимум десяти футов в диаметре, перевалил через линию горизонта, обдавая жаром, и поначалу направился прямо навстречу поезду. «О черт», — пробормотал Джек, вспомнив, что Андерс говорил об огненных шарах. *Если человек подходит слишком близко к одному из этих шаров, он заболевает ужасной болезнью... теряет волосы... язвы покрывают все тело... его начинает рвать... рвет и рвет, пока у него не разрывается живот и горло...* Он сглотнул, трудно, как будто проглотил фунт гвоздей. «Пожалуйста, Господи», — сказал он громко. Гигантский световой шар мчался прямо на него, как будто мог мыслить и решил стереть Джека Сойера и Ричарда Слоута с лица земли. Радиационное заражение. Живот Джека сжался, яички застыли где-то внизу. *Лучевая болезнь. Рвет и рвет, пока не разорвется живот...*

Превосходный ужин, которым угощал его Андерс, почти выпрыгивал из желудка. Огненный шар продолжал катиться навстречу поезду, разбрасывая искры и обжигая своей огненной энергией. Он

оставлял за собой светящийся золотистый след, каким-то волшебством зажигая другие горящие линии на красной земле. Только когда шар отскочил от земли в сторону, словно гигантский теннисный мяч, и, не причинив вреда, ушел влево, Джек впервые ясно увидел мельком тварей, которые, как он и предполагал, преследовали их. Красно-золотистый свет огненного шара и характерный блеск рельсов на земле осветили группу деформированных зверей, которые явно следовали за поездом. Они были собаками, или когда-то были собаками, или их предки были собаками, и Джек беспокойно взглянул на Ричарда, чтобы удостовериться, что тот все еще спит.

Твари попадали за поездом, распластавшись, как змеи. Джек увидел, что их головы были похожи на собачьи, но их тела имели только рудименты задних ног и были, насколько он мог видеть, голыми и бесхвостыми. Они казались мокрыми — розовая кожа, не покрытая шерстью, блестела, как кожа новорожденного мышонка. Они рычали, им не нравилось, что на них смотрят. Это были как раз те ужасные собаки-мутанты, которых Джек видел около путей. Освещенные, распластанные, как рептилии, они шипели и рычали, уползая прочь — они слишком боялись огненных шаров и следов, оставляемых шарами на земле. Потом Джек уловил запах огненного шара, перемещавшегося теперь быстро, даже как-то злобно, обратно к горизонту, поджигая целые ряды скрюченных деревьев. Адское пламя, порча.

Еще один шар появился из-за горизонта и, вспыхнув, исчез слева от мальчиков. Вонь нарушенных обещаний, обманутых надежд и дурных желаний — Джек, сердце которого подпрыгивало до самого горла, представил себе все это в отвратительном запахе, оставленном шаром. Мяукая, стая собак-мутантов рассеялась среди скал, было слышно, как по песку шурушали их тяжелые безногие тела. Сколько их там было? Около основания горящего дерева, пытавшегося засунуть свою голову себе под корни, две деформированных собаки оскалили на него зубы. Еще один шар поднялся над горизонтом, прорезая светящуюся борозду вдалеке от поезда, и Джек краем глаза заметил нечто, выглядевшее как ветхий маленький сарай. Перед сараем стояла человекоподобная фигура, напоминавшая мужчину, и смотрела на него. Нечто крупное, волосатое, сильное, враждебное...

Джек осознал всю медленность маленького поезда Андерса, его и Ричарда доступность для кого-нибудь, кто пожелает исследовать их поближе. Огненный шар разогнал ужасных собак, но обитавшие в Проклятых Землях люди могли оказаться более опасными. Прежде чем сияние превратилось в светящийся след, Джек увидел, что фигура около сарая наблюдала за их продвижением, поворачивая

взъерошенную голову вслед за поездом. Если то, что он видел, было собаками, то на что должны были быть похожи люди? В остатках свечения огненного шара человекоподобное существо торопливо скрылось за углом своего жилища. Сзади у него висел толстый хвост рептилии, который исчез за стеной здания, а потом стало темно, и ничего: ни собак, ни человека-рептилии, ни сарая не стало видно. Джек даже не был полностью уверен, видел ли он все это.

Ричард судорожно подергивался во сне. Джек толкнул рукой переключатель передач, безнадежно пытаясь ускорить движение поезда. Собачья возня постепенно стихла позади них. Вспотев, Джек снова поднял левое запястье на уровень глаз и увидел, что всего пятнадцать минут прошло с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы. Он снова удивился тому, что он зевает, и снова пожалел, что так много ел в Депо.

«НЕТ! — кричал Ричард, — НЕТ! Я НЕ МОГУ ТУДА ЕХАТЬ!»

Туда? Джек задумался. Где было это «туда»? В Калифорнии? Или это было какое-то угрожающее место, куда подсознательный самоконтроль не пускал Ричарда?

5

Всю ночь Джек стоял у переключателя скоростей, пока Ричард спал, наблюдая следы ушедших огненных шаров, мерцающие на красной поверхности земли. Их запах, запах мертвых цветов и скрытой гнили, наполнял воздух. Время от времени он слышал щебетание собак-мутантов или других несчастных созданий, доносившееся из корней скривившихся деревьев, по-прежнему покрывавших ландшафт. Ряды батарей иногда выбрасывали сияющие синие дуги. Ричард пребывал в состоянии крепкого сна, укутанный беспмятством, в котором он нуждался и которого он желал. Он больше не выпускал мучительных криков, он просто забился в угол кабины и тихо дышал, словно даже дыхание отбирало у него больше энергии, чем он имел. Джек и боялся, и молился о восходе солнца. Когда придет утро, он сможет видеть животных, но что еще ему придется увидеть?

Время от времени он оглядывался на Ричарда. Кожа его друга казалась неестественно бледной, почти как у призрака.

6

Утро пришло с ослаблением темноты. Полоса красного света пролегла вдоль дугообразного края восточного горизонта, и вскоре под ней выросла розовая полоса, толкая свет все выше в небо. Джек чувствовал, что его глаза почти такие же красные, как эта полоска

света, ноги его болели. Ричард лежал, заняв всю маленькую скамейку, по-прежнему неглубоко, как-то неохотно дыша. Джек увидел, что действительно лицо Ричарда было необычно серым. Его веки были сомкнуты сном, и Джек надеялся, что его друг не соберется снова извергать свои крики. Рот Ричарда открылся, но всем, что появилось оттуда был кончик его языка, а не громкий вопль. Ричард провел языком по верхней губе, фыркнул, затем снова впал в кому.

Джеку очень хотелось присесть и закрыть свои собственные глаза, но он предпочел не беспокоить Ричарда. Чем больше утренний свет наполнял детали Проклятых Земель, тем больше Джек надеялся, что сон не покинет Ричарда, пока Джек будет еще в состоянии вести маленький поезд Андерса. Ему меньше всего хотелось увидеть реакцию Ричарда Слоута на странности Проклятых Земель. Немного боли, много усталости — это была минимальная цена за то, что было временным покоем.

То, что он видел сквозь слипающиеся глаза, было ландшафтом, в котором, казалось, ничто не спаслось от всеобщего разрушения. При свете луны он казался бескрайней пустыней, но пустыней, украшенной деревьями. Теперь Джек увидел, что то, что его окружало, было мало похоже на пустыню. То, что он принял за красный песок, на самом деле было пустой, пыльной землей, казалось, что человек, ступивший на нее, увяз бы по щиколотки, если не по колени. Из этой истощенной сухой земли росли исковерканные деревья. При прямом взгляде они выглядели так же, как и ночью, — чахлые и скрюченные, словно пытающиеся забраться под свои же корни. Это было достаточно плохо — достаточно плохо для Рационального Ричарда, во всяком случае. Но если смотреть на них косо, краем глаза, можно было увидеть живое существо в мучениях — протянутые ветки были руками, вскинутыми вверх над агонизирующим лицом, застывшим в крике. Пока Джек не смотрел прямо на деревья, он видел их измученные лица во всех деталях, открытое «О» рта, выпученные глаза и висящий нос, глубокие морщины на щеках. Они проклинали, умоляли, выли на него — их неслышимые голоса висели в воздухе как дым. Джек тяжело вздохнул. Как и все в Проклятых Землях, эти деревья были заражены.

Красноватая земля простиралась на многие мили по обеим сторонам, усеянная то тут, то там заплатами ядовито-желтой травы, яркой, как моча или свежая краска. Если бы не отвратительный цвет длинной травы, эти области напоминали бы оазисы, потому что все они лежали около маленьких круглых озер. Вода в них была черной, и маслянистые пятна плавали на ее поверхности. Они были плотнее воды, которая сама была маслянистой, отравленной. Когда поезд

проехал мимо одного из этих озер, Джек увидел рябь на воде и сначала с ужасом подумал, что черная вода была живым существом, таким же измученным, как и деревья, которые он больше не желал видеть. Потом он вдруг увидел что-то прорывающее поверхность плотной жидкости, сначала появился широкий черный бок, или спина, затем огромный хищный рот, кусающий пустоту. Некое подобие чешуи, которая была бы радужной, если бы существо не было обесцвечено черной водой. «*Боже мой, — подумал Джек, — что это было, рыба?*» Ему показалось, что существо было футов двадцати в длину, оно было слишком большим для такого маленького водоема. Длинный хвост закрутил воду, и существо ушло в глубь озера.

Джек поднял взгляд на горизонт, и вдруг ему показалось, что из-за горизонта появилась огромная голова, напоминающая лох-несское чудовище. Он испугался не на шутку: как может голова смотреть *из-за горизонта?*

Из-за того, что горизонт не был настоящим горизонтом, он наконец понял — всю ночь он неправильно воспринимал размеры Проклятых Земель. Он находился в широкой долине, и линия горизонта вокруг была не краем света, а верхушкой гряды холмов. Кто угодно и что угодно могло выслеживать его, просто наблюдая из-за окрестных холмов. Он вспомнил гуманоида с крокодильим хвостом, скрывшегося за маленьким сараем. Может быть, он преследовал Джека всю ночь, выжидая момент, когда он уснет?

Поезд *пыхтел* через мрачную долину, двигаясь ужасно медленно.

Он оглядел всю гряду холмов вокруг себя, не увидев ничего, кроме утреннего солнечного света, скользившего по далеким скалам. Джек сделал полный оборот в кабине, страх и напряжение на момент заставили забыть его об усталости. Ричард прикрыл рукой глаза и продолжал спать. Кто угодно, что угодно могло следить за ними, выжидая подходящий момент.

Медленное, почти скрытое движение заставило его прийти в себя. Двигалось что-то большое, скользкое... Джеку показалось, что он видит полдюжины людей-крокодилов, ползущих из-за холмов ему навстречу. Он прикрыл глаза руками и внимательно посмотрел на то место, где, как ему казалось, он видел их. Скалы были такими же красными, как и земля, а между ними тянулся глубокий след от огненного шара, уходящий за холмы. То, что двигалось между парой высоких скал, не было похоже на человека. Это была змея, во всяком случае Джек решил, что это так... Кожа существа была неровной, словно обгоревшей, Джеку показалось, что в боках существа были рваные черные дыры... Джек вытянулся, чтобы лучше видеть, и ему открылось зрелище головы огромного червя, на четверть зарывшегося в плотную красную пыль и ползущего на-

встречу поезду. У него были пленчатые глаза, но это была голова червя.

Какое-то другое животное выскочило из-под скалы, тяжелая голова и волочившееся тело, и, когда голова червя метнулась ему навстречу, Джек увидел, что спасающееся бегством существо было одной из собак-мутантов. Червь открыл рот, похожий на щель в почтовом ящике, и спокойно проглотил обезумевшее от страха собакоподобное существо. Джек отчетливо услышал хруст костей. Собачий визг оборвался. Огромный червь проглотил собаку легко, словно пилюлю. Теперь перед монстром находился черный след, оставленный одним из огненных шаров, и Джек увидел, что червь зарылся в пыль как тонущий корабль, уходящий под воду. Он как-то понимал, что следы от шаров могут причинить ему вред, и поэтому он прокапывал себе путь под этими следами. Джек понаблюдал, как это гадкая тварь полностью исчезла в красной пыли, а потом стал искать глазами место, где червь мог выползти обратно на поверхность.

Окончательно убедившись в том, что червь не собирается проглотить поезд, Джек вернулся к исследованию цепочки холмов впереди себя.

7

Прежде чем Ричард проснулся после полудня, Джек увидел: как минимум одну голову, смотрящую из-за холмов; еще два прыгающих смертоносных огненных шара, направляющихся навстречу ему;

безголовый скелет, который сначала показался ему скелетом огромного кролика, но потом он понял, что это был человеческий ребенок, лежащий около путей, а вскоре за ним последовали:

круглый череп, принадлежавший этому ребенку, наполовину утонувший в пыли; потом он увидел стаю большеголовых собак, поврежденных еще больше, чем уже виденные, хищно ползущих за поездом, рыча от голода;

три деревянные лачуги — человеческие жилища, стоящие на сваях над плотной пылью, предполагающие, что где-то в этой вонючей отравленной дикости, именуемой Проклятыми Землями, жили люди, которые могли мечтать и охотиться;

маленькую кожистую птицу, не имевшую перьев, с (явное влияние Долин!) бородатым обезьяньим личиком и ясно прорисовывающимися пальцами на концах крыльев;

и, что самое худшее (не принимая во внимание то, что он думал, что видел), двух совершенно неопознаваемых животных, пивших из черного озера, животных с длинными зубами и человеческими глазами, передними частями как у свиней и задними частями как у

конек. Их лица были покрыты шерстью. Когда поезд проехал мимо них, Джек увидел, что яички у самца раздулись до размера подушек и волочились по земле. Что сотворило таких чудовищ? Радиация, полагал Джек, поскольку ничто иное не имеет силы так изменить природу. Твари, сами зараженные от рождения, пили зараженную же воду и рычали на проходящий поезд.

«Таким однажды может стать и наш мир, — подумал Джек. — Хороши дела!»

8

Кроме того, были вещи, которые он думал, что видел. Его кожа стала горячей и начала зудеть — он уже кинул пончеподобную накидку, заменившую пальто Майлса П. Кайгера на пол кабины. До полудня он снял с себя и домотканую рубашку. Во рту у него был ужасный привкус, кислая комбинация ржавого металла и гнилых фруктов. Пот стекал со лба ему на глаза. Он был таким уставшим, что начал спать стоя, с открытыми глазами, заливаясь потом. Он увидел большие стаи отвратительных собак, убегающих за холмы; он увидел красноватые тучи, висящие над ним и протягивающие длинные огненные руки, чтобы достать Ричарда и его — дьявольские руки. Когда наконец его глаза закрылись, он увидел Моргана из Орриса, ростом в двенадцать футов, разбрасывающего молнии вокруг себя, вырывающие в земле большие пыльные кратеры. Ричард вздыхал и бормотал: «Нет, нет, нет». Морган из Орриса рассеялся как туман, и глаза Джека открылись.

— Джек? — сказал Ричард.

Красная земля впереди поезда была пустой, если не считать черных следов, оставленных огненными шарами. Джек протер глаза и, слабо потягиваясь, посмотрел на Ричарда.

— Да, — сказал он, — как дела?

Ричард лег обратно на сиденье, повернув к нему свое серое, как у утопленника, лицо.

— Извини, что спросил, — сказал Джек.

— Ничего, — сказал Ричард, — мне действительно лучше, — и Джек почувствовал, что во всяком случае часть напряжения покинула его. — У меня еще болит голова, но мне лучше.

— Ты много шумел, когда ты... эээ... — сказал Джек, не уверенный в том, сколько реальности сможет перенести его друг.

— Когда я спал. Да, кажется, я действительно спал, — лицо Ричарда пришло в движение, но впервые Джеку не пришлось укрываться от криков. — Я знаю, что я уже не сплю, Джек. И что у меня нет опухоли в мозгу.

— Ты знаешь, где ты?

— На том самом поезде, поезде того старика. В том, что называется Проклятые Земли.

— Будь я трижды проклят, — сказал Джек, улыбаясь.

Ричард зарумянился под своей серой бледностью.

— А откуда все это взялось? — спросил Джек, еще не совсем уверенный в трансформации Ричарда.

— Я знал, что я не сплю, — сказал Ричард, и его щеки стали еще краснее. — Мне кажется... мне кажется, что просто настал момент перестать сопротивляться этому. Если мы в Долинах, то это значит, что мы в Долинах, не важно, насколько все это невероятно, — его глаза встретились с глазами Джека, и не без тени юмора заглянули в них. — Ты помнишь эти гигантские песочные часы в Депо? — когда Джек кивнул, Ричард продолжил: — Вот они-то как раз... когда я увидел эту штуку, я понял, что все это не плод моего воображения. Потому что я *не мог* придумать эту штуку. Не мог... просто не мог. Если бы я изобретал примитивные часы, они имели бы все виды колесиков, большие шкивы... они бы не были такими простыми. Следовательно, они были настоящими. Следовательно, все остальное тоже было настоящим.

— Ладно, а как ты себя сейчас чувствуешь? — спросил Джек. — Ты долго спал.

— Я по-прежнему чувствую себя настолько уставшим, что мне трудно держать свою голову вертикально. В целом я чувствую себя не очень хорошо.

— Ричард, мне нужно тебя спросить. Есть ли у тебя какой-нибудь повод бояться поездки в Калифорнию?

Ричард посмотрел вниз и отрицательно покачал головой.

— Слышал ли ты о месте, называемом черным отелем?

Ричард продолжал качать головой. Он не говорил правды, но, как понял Джек, он говорил столько, сколько мог. Что-то еще — Джек был уверен, что было что-то еще, и довольно многое — должно было подождать. Вероятно, до тех пор, пока они не доберутся до черного отеля. Двойник Раштона и Двойник Джейсона: да, вместе они могли достичь места заточения Талисмана.

— Ладно, — сказал он, — ты можешь идти?

— Кажется, да.

— Хорошо, потому что я собираюсь сейчас кое-что сделать, если уж ты больше не умираешь от опухоли мозга, и мне нужна твоя помощь.

— Что же? — спросил Ричард, вытирая лицо дрожащей рукой.

— Я хочу открыть пару ящиков, стоящих на платформе, и выяснить, сможем ли мы раздобыть себе какое-нибудь оружие.

— Я ненавижу оружие, — сказал Ричард, — и ты тоже должен. Если бы не было ружей, твой отец...

— Да, и если бы у свинок были крылья, они бы летали, — сказал Джек. — Я почти уверен, что кто-то преследует нас.

— Возможно, это мой отец, — сказал Ричард с надеждой в голосе.

Джек вздохнул и передвинул маленький рычаг, переключающий скорости. Поезд начал терять скорость. Когда он почти остановился, Джек перевел рычаг в нейтральное положение.

— Ты сможешь спуститься вниз, как ты думаешь?

— Конечно, — сказал Ричард и резко встал. Его ноги согнулись в коленях, и он тяжело сел на скамейку. Его лицо теперь казалось еще серее, чем было, влага проступила на лбу и верхней губе. — Кажется, нет, — прошептал он.

— Не принимай близко к сердцу, — сказал Джек, подвинулся к нему и положил одну руку ему на изгиб локтя, а другую на теплый, влажный лоб. — Расслабься. — Ричард быстро закрыл глаза, затем взглянул в глаза Джеку с выражением полного доверия.

— Я попытался сделать это слишком быстро, — сказал он. — У меня затекли ноги, я слишком долго был в одном положении.

— Ничего страшного, — сказал Джек и помог Ричарду подняться на ноги.

— Больно.

— Это не надолго. Мне нужна твоя помощь, Ричард.

Ричард попробовал шагнуть вперед и со свистом вдохнул: «Ооой». Он продвинул вперед другую ногу. Потом он слегка наклонился вперед и хлопнул себя ладонями по задку. Как заметил Джек, лицо Ричарда снова изменилось, но на этот раз не от боли — оно выражало застывшее изумление.

Джек проследил за направлением глаз своего друга и увидел одну из неоперенных птичек с лицом обезьянки, пролетающую перед поездом.

— Да, здесь много забавных штучек, — сказал Джек, — я буду чувствовать себя гораздо лучше, если мы сможем найти какие-нибудь ружья под тем брезентом.

— Что же по-твоему на другой стороне холмов? — спросил Ричард. — То же самое?

— Нет, я думаю, что там есть люди, — сказал Джек, — если их можно назвать людьми. Я дважды замечал, что кто-то за нами наблюдает.

Увидев панику на лице у Ричарда, он поспешил добавить:

— Я не думаю, что это был кто-то из твоей школы. Но это может быть что-нибудь не менее плохое, — я не пытаюсь напугать тебя, приятель, но я увидел в Проклятых Землях немного больше, чем довелось тебе.

— Проклятые Земли, — сказал Ричард с недоверием. Он покосился на пыльную красную долину с ее шершавыми участками травы цвета мочи.

— О... это дерево... аа...

— Я знаю, — сказал Джек, — попробуй научиться не замечать их.

— Что вообще могло создать такое опустошение? — спросил Ричард, — Оно же не естественное, ты знаешь.

— Может быть, когда-нибудь мы узнаем. — Джек помог Ричарду выбраться из кабины, и теперь они стояли на узкой планке, прикрывавшей верхушки колес. — Не спускайся в эту пыль, — предупредил он Ричарда, — мы не знаем, насколько она глубока. Я не хотел бы вытаскивать тебя из нее.

Ричард содрогнулся, но, возможно потому, что он заметил еще одно кричащее, страдающее дерево. Вместе мальчики обогнули стоящий локомотив и добрались до сцепки с пустым крытым вагоном. Оттуда узкая металлическая лестница вела на крышу вагона. На дальнем конце крыши другая лестница позволила им спуститься на вагон-платформу.

Джек потянул толстую лохматую веревку, пытаясь вспомнить, каким образом Андерс с такой легкостью освободил ее.

— Кажется, это здесь, — сказал Ричард, поднимая перекрученную веревку, как петлю висельника, — Джек?

— Попробуй.

Ричард не был достаточно силен, чтобы самостоятельно развязать узел, но, когда Джек помог ему потянуть за торчащую веревку, «петля» легко исчезла, и брезент упал на груды ящиков. Джек откинул край над ближайшей группой коробок с указанием, что там ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ, и над более маленькой — с пометкой ЛИН-ЗЫ.

— Вот они, — сказал он, — хотел бы я, чтобы у нас был гвоздодер.

Он оглянулся на гряды холмов, измученное дерево открыло рот и беззвучно завывало. Не наблюдает ли кто-нибудь за ними? Это мог быть один из огромных червей, ползущих к ним.

— Давай-ка снимем крышку с одной из этих коробок, — сказал он, и Ричард смиренно подошел к нему.

После шести сильных рывков Джек наконец почувствовал движение и услышал скрип гвоздей. Ричард продолжал тянуть со своей стороны ящика.

— Хорошо, — сказал ему Джек. Лицо Ричарда снова казалось серым. — Сейчас получится, еще разок.

Ричард отступил и почти споткнулся об одну из маленьких коробок. Он распрямился и продолжил свои действия под брезентом.

Джек присел перед длинным ящиком и сжал зубы. Положил руки на край крышки. После глубокого вдоха он стал тянуть ее вверх, пока его мускулы не задрожали. Как раз в тот момент, когда он собирался расслабиться, гвозди снова заскрипели и начали вылезать из дерева. Джек закричал «АААХ!» и поднял крышку.

Внутри, переложённые картоном и блестящие от смазки, лежали полдюжины ружей, каких Джек раньше никогда не видел, похожие на масляные шприцы, странным образом напоминающие бабочек: наполовину механизмы, наполовину животные. Он вытащил одно из них и рассмотрел поближе, пытаясь выяснить, разберется ли он в том, как оно работает. Это было автоматическое оружие, значит, ему требовался магазин. Он наклонился и стволом оружия вскрыл одну из картонок с надписью «ЛИНЗЫ». Как он и ожидал, во второй, меньшей, коробке находился маленький ряд густо смазанных магазинов, упакованных в пластиковые пакеты.

— Это «узи», — сказал Ричард позади него, — израильский автомат. Довольно модное оружие, насколько я знаю. Любимая игрушка террористов.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джек, протягивая руку еще за одним автоматом.

— Я смотрю телевизор. А ты что думал?

Джек поэкспериментировал с магазином, сначала попытавшись присоединить его вверх ногами, потом определил правильное положение. Потом он нашел предохранитель и пощелкал им.

— Эти штуки просто отвратительны, — сказал Ричард.

— Ты тоже возьмешь один, так что не ворчи. — Джек взял второй магазин для Ричарда, и после секундного раздумья вынул из коробки все магазины, положил два себе в карманы, кинул два Ричарду, который поймал оба, и опустил остальные магазины в свою сумку.

— Уф, — сказал Ричард.

— Я считаю это страховкой, — сказал Джек.

9

Ричард упал на сиденье, как только они вернулись в кабину. Передвижения вверх и вниз по лестницам и вдоль узкой металлической полосы над колесами отобрали почти всю его энергию. Но он оставил место для Джека, чтобы тот сел, и теперь наблюдал из-под полуприкрытых век, как его друг снова привел поезд в движение. Джек поднял с пола свое серапе и начал тереть им автомат.

— Что ты делаешь?

— Стираю смазку. Ты тоже сделай это, когда я закончу. — Остаток дня мальчики провели в открытой кабине локомотива, обливаясь потом, стараясь не обращать внимания на вопящие деревья, испорченный запах проплывающего мимо ландшафта, свой голод. Джек заметил, что маленький сад открытых язвочек расцвел вокруг рта Ричарда. Наконец, Джек взял «узи» Ричарда из его рук, стер с него смазку и присоединил магазин. Пот солено горел в трещинах на его губах.

Джек закрыл глаза. Может быть, он не видел никаких голов, глядящих из-за горизонта; может быть, их вообще никто не преследовал. Он услышал, как батареи затрещали и выпустили большую искру, и почувствовал, как Ричард подскочил от этого. Спустя немного времени он спал, и ему снилась еда.

10

Когда Ричард затряс Джека за плечо, вырывая его из мира, в котором он ел пиццу размером с колесо грузовика, тени уже начинали протягиваться через долину, смягчая агонию кричащих деревьев. Даже они, низко согнувшиеся, закрывающие руками лица, казались прекрасными в слабом, убывающем свете. Глубокая красная пыль сверкала. Тени отпечатывались на ней, почти осязательно удлиняясь. Ужасная желтая трава имела теперь почти приятный оранжевый цвет. Угасающий красный солнечный свет окрашивался, косо падая на скалы на краю долины.

— Я подумал, что ты хотел бы это увидеть, — сказал Ричард. Еще немного маленьких язвочек появилось у него вокруг рта. Ричард слабо улыбнулся. — Это выглядит как-то особенно, я имею в виду спектр.

Джек испугался, что Ричард решил заняться научным объяснением смещения цвета на закате, но его друг был слишком уставшим или больным для физики. В молчании мальчики наблюдали, как сумерки сгущают краски вокруг них, окрашивая небо на западе в пурпурный цвет.

— Ты знаешь, что еще мы возьмем? — спросил Ричард.

— Что? — спросил Джек. По правде говоря, его это не интересовало. Это не могло быть ничем хорошим. Он надеялся, что еще доживет до следующего заката, такого же богатого красками и эмоциями.

— Пластиковая взрывчатка. Завернутая в упаковки по два фунта — во всяком случае, я думаю, что по два фунта. Ее хватит, чтобы взорвать целый город. Если один из этих автоматов вдруг начнет стрелять или кто-нибудь попадет пулей в один из этих пакетов, от этого поезда не останется ничего, кроме дыры в земле.

— Я не буду, если ты не будешь, — сказал Джек и стал наблюдать закат. Он погрузился в воспоминания обо всем, что произошло с тех пор, как он покинул отель «Альгамбра» и Парк. Он увидел свою мать, пьющую чай в маленьком магазинчике, внезапно уставшую и постаревшую; Спида Паркера, сидящего под деревом; Волка, заботящегося о своем стаде; Смоуки и Лори из ужасного Оутли; все ненавистные лица из Солнечного Дома: Гек Баст, Сонни Зингер и другие. Он скучал по Волку с особой остротой, закат осветил его в памяти Джека с особой ясностью, но он не мог объяснить почему. Ему захотелось взять Ричарда за руку. Потом он подумал: *а почему бы нет?* и повел рукой по скамейке, пока не натолкнулся на довольно грязную, холодную и влажную на ощупь кисть своего друга. Он сомкнул свои пальцы вокруг нее.

— Я чувствую себя очень больным, — сказал Ричард, — это не так, как раньше. У меня очень болит живот и все лицо щиплет.

— Я думаю, тебе будет лучше, когда мы туда доберемся, — сказал Джек. *«Но чем вы можете гарантировать, доктор? — подумал он, — Какая есть гарантия, что ты не отравляешь его?»* Гарантии не было никакой. Он утешал себя вновь придуманной (вновь открытой?) идеей того, что Ричард был неотъемлемой частью того, что должно было произойти в черном отеле. Ему был нужен Ричард Слоут, и не только потому, что он мог отличить пластиковую взрывчатку от пластилина.

Бывал ли Ричард когда-нибудь раньше в черном отеле? Приходилось ли ему быть вблизи Талисмана? Он оглянулся на своего друга, который шумно и тяжело дышал. Рука Ричарда лежала в его руке, как холодная восковая скульптура.

— Я больше не хочу держать этот автомат, — сказал Ричард, сталкивая его со своих коленей, — меня тошнит от его запаха.

— О'кей, — сказал Джек, перекладывая автомат к себе на колени свободной рукой. Одно из деревьев попало в его боковое зрение и беззвучно выло в мучениях. Скоро собаки-мутанты выйдут на поиски пищи. Джек взглянул на холмы с левой, Ричарда, стороны и увидел человекоподобную фигуру, скользящую между скал.

11

— Эй, — сказал он, почти не веря. Индифферентный к его испугу мрачный закат продолжал делать ужасное прекрасным. — Эй, Ричард!

— Что? Тебя тоже тошнит?

— Я, кажется, видел кого-то там, с твоей стороны, — он снова посмотрел на высокие скалы, но не увидел никакого движения.

— Меня это не волнует, — сказал Ричард.

— Пусть лучше тебя это волнует. Видишь, какое они выбирают время? Они хотят добраться до нас, когда станет слишком темно, чтобы увидеть их.

Ричард открыл левый глаз и неохотно осмотрелся.

— Не вижу никого.

— Сейчас и я тоже, но я рад, что мы сходили назад и взяли эти автоматы. Сиди прямо и будь внимателен, Ричард, если хочешь выбраться отсюда живым.

— Вот пристал, черт тебя побери!

Но Ричард все же сел прямо и открыл оба глаза.

— Я действительно ничего там не вижу, Джек. Становится слишком темно. Может быть, тебе почудилось...

— Тихо, — сказал Джек. Ему показалось, что он увидел еще одно тело между скалами. — Их уже двое. Интересно, будут ли еще?

— Хотел бы я знать, будет ли что-нибудь вообще, — сказал Ричард, — Зачем кому-нибудь вредить нам? Я хочу сказать, что это не...

Джек повернул голову и посмотрел вдоль путей впереди поезда. Что-то двигалось за стволом одного из кричащих деревьев. «Что-то крупнее собаки», — отметил Джек.

— Ого, — сказал Джек, — похоже, что еще один парень поджидает нас там.

В какой-то момент страх сковал его — он не знал, что делать, чтобы защититься от трех нападавших. У него засосало под ложечкой. Он схватил с коленей «узи» и тупо посмотрел на него, сомневаясь, сможет ли на самом деле использовать это оружие. Могут ли разбойники в Проклятых Землях тоже иметь ружья?

— Извини, Ричард, — сказал он, — но теперь я думаю, что дела наши действительно плохи и мне потребуется твоя помощь.

— Что я могу сделать? — спросил Ричард скрипучим голосом.

— Возьми свой автомат, — сказал Джек, передавая ему «узи». — Я думаю, нам надо встать на колени, чтобы не быть для них хорошей мишенью.

Он встал на колени, и Ричард медленно повторил его движения, словно двигаясь под водой. Сзади раздался громкий крик, сверху — еще один.

— Они знают, что мы их увидели, — сказал Ричард, — но где они?

Ответ на вопрос не заставил себя ждать. Еще видимый в темно-пурпурных сумерках человек — или то, что выглядело как человек — выскочил из укрытия и побежал по насыпи навстречу поезду. Лохмотья его одежды развеивались по ветру. Он кричал как индеец и поднимал что-то в своих руках. Это что-то казалось гибким стержнем, и Джек еще пытался уяснить себе его назначение, когда

услышал — в большей степени, чем увидел — тонкий свист, прорезающий воздух около его головы.

— Боже мой! У них есть луки и стрелы! — сказал он.

Ричард глубоко вдохнул, и Джек испугался, что он может заблуждаться обоим.

— Я должен стрелять в него, — сказал он.

Ричард сглотнул и издал какой-то шум, мало похожий на слова.

— О, черт, — сказал Джек и снял свой «узи» с предохранителя. Он поднял голову и увидел оборванное существо, выпускающее еще одну стрелу. Если бы выстрел был точным, он бы никогда уже ничего не увидел, но стрела ударилась о бок кабины, не причинив вреда. Джек вскинул «узи» и нажал на курок.

Он никак не ожидал того, что произошло. Он думал, что автомат останется неподвижным в его руках и послушно выкинет несколько гильз. Вместо этого «узи» стал прыгать у него в руках как животное, издавая оглушительный грохот. Запах пороха обжигал нос. Человек в лохмотьях позади поезда вскинул руки, но от удивления, а не потому, что был ранен. Джек наконец решил снять палец с курка. Он не имел представления о том, сколько выстрелов он уже произвел и сколько пуль оставалось в магазине.

— Попал в него, попал в него? — спросил Ричард.

Теперь человек бежал по краю долины, огромные плоские ступни хлопали. Потом Джек увидел, что это были не ступни — человек передвигался на больших, напоминающих тарелки, конструкциях, заменителе снегоступов в Проклятых Землях. Он пытался спрятаться за одним из деревьев.

Он поднял «узи» обеими руками и посмотрел на короткий ствол. Потом мягко нажал на курок. Автомат задержался в его руках, но меньше, чем в первый раз. Пули рассеялись широкой дугой, и как минимум одна из них нашла предназначенную ей цель, потому что человек начал крениться на бок, как будто его только что задел грузовик. Его ноги выскочили из снегоступов.

— Дай мне твой автомат, — сказал Джек и забрал у Ричарда второй «узи». По-прежнему стоя на коленях, он выпустил половину рожка в темноту перед поездом и понадеялся, что убил тварь, поджидающую впереди.

Еще одна стрела с грохотом ударилась о кабину, и еще одна крепко воткнулась в бок крытого вагона.

Ричард трясся и кричал на дне кабины.

— Заряжай мне, — сказал Джек и выхватил магазин из кармана перед носом Ричарда. Он выглянул из кабины, ища глазами второго нападавшего. Меньше чем через минуту могло стать слишком темно, чтобы увидеть хоть что-нибудь.

— Я вижу его, — закричал Ричард, — я вижу его. Вон там!

Он показал в сторону тени, быстро и беззвучно движущейся вдоль скал, и Джек истратил остатки патронов второго «узи», шумно стреляя по ней. Когда патроны кончились, Ричард взял у него автомат и вложил ему в руки другой.

— Карошие мальчики, умние мальчики, — раздался голос с правой стороны, непонятно, насколько далеко. — Вы остановитесь, я остановлюсь тоже, карашо? Уже все, дело сделано. Вы карошие мальчики, может быть, вы продадите мне это ружье. Вы очень карашо им убиваете, я видел.

— Джек, — испуганно прошептал Ричард, предупреждая его.

— Выброси лук и стрелы, — крикнул Джек, по-прежнему лежа на полу около Ричарда.

— Джек, не надо! — прошептал Ричард.

— Я их выкину сейчас, — послышался голос, все еще впереди них. Что-то легко плюхнулось в пыль. — Вы, мальчики останавливаетесь, продаете мне ружье, поняли?

— О'кей, — сказал Джек, — поднимайся сюда, чтобы мы тебя видели.

— Понял, — ответил голос.

Джек потянул на себя рычаг, давая поезду остановиться.

— Когда я крикну, — прошептал он Ричарду, — рвани его вперед так быстро, как только сможешь, хорошо?

— О, Иисусе, — вздохнул Ричард.

Джек убедился в том, что автомат, только что данный ему Ричардом, снят с предохранителя. Капля пота стекла со лба прямо в правый глаз.

— Все в порядке, да, — сказал голос, — мальчики могут сесть, да, садитесь, мальчики.

Вей-ган, вей-ган, плиз, плиз.

Поезд катился навстречу говорившему.

— Положи руку на рычаг, — прошептал Джек, — сейчас все произойдет.

Дрожащая рука Ричарда, кажущаяся слишком маленькой и детской, чтобы сделать что-либо серьезное, коснулась рычага.

Джек вдруг со всей ясностью вспомнил старого Андерса, стоящего перед ним на коленях на кривом деревянном полу и вопрошающего: *«Но будешь ли ты в безопасности, господин мой?»*

Он ответил не задумываясь, вряд ли принимая вопрос всерьез. Чем были Проклятые Земли для мальчика, выкатывавшего бочки для Смоуки Апдайка?

Сейчас он был настолько испуган, что готов был намочить штаны, равно как Ричард был готов растерять свой завтрак на всей поверхности того, чем в Долинах было пальто Майлса П.Кайгера.

Взрыв смеха раздался в темноте около кабины, и Джек вытянулся в полный рост, вскидывая автомат, и закричал сразу, как только тяжелое тело ударилось о стенку кабины и зацепилось там. Ричард толкнул рычаг, и поезд рванулся вперед.

Волосатая рука зацепилась за край кабины. «На Диком Западе», — подумал Джек, а потом над ними выросло все тело существа. Ричард завизжал, а Джек был близок к тому, чтобы опорожнить желудок прямо в свое нижнее белье.

Лицо почти все состояло из зубов — это было лицо инстинктивного зла, как у гремучей змеи, обнажающей ядовитые зубы. Капля, которая инстинктивно представилась Джеку ядом, упала с одного из длинных, кривых зубов. Если не принимать во внимание маленький нос, тварь, появившаяся перед мальчиками, выглядела очень похожей на человека с головой змеи. В руке это существо сжимало нож. Джек выдавил из автомата бесцельный, панический выстрел.

Тварь на какой-то момент отклонилась назад, и Джеку хватило доли секунды, чтобы увидеть, что рука и нож исчезли. Существо качнулось вперед кровавым обручком и оставило красный след на рубашке Джека. Страх вовремя покинул Джека, и его пальцы направили «узи» прямо на грудь существа и снова надавили на курок.

Огромная красная дыра открылась в середине пятнистой груди, и зубы, шелкнув, сжались. Джек продолжал нажимать на курок, и «узи» сам поднял ствол и за пару секунд полностью уничтожил голову существа. Потом оно исчезло. Только большое кровавое пятно на боку кабины и кровавый след на рубашке Джека напоминали мальчикам, что вся эта схватка им не приснилась.

— Берегись! — крикнул Ричард.

— С ним кончено, — выдохнул Джек.

— Где он?

— Он свалился, — сказал Джек, — он мертв.

— Ты отстрелил ему руку, — прошептал Ричард, — как тебе это удалось?

Джек поднял руки к глазам и увидел, как они трясутся. Вонь пороха окружала их.

— Я просто имитировал меткого стрелка

Он опустил руки и облизал губы.

Двенадцать часов спустя, когда солнце взошло над Проклятыми Землями, ни один из мальчиков не спал — они провели ночь стойко, как солдаты, держа автоматы на коленях и напрягаясь, чтобы услышать малейший шорох. Помня о том, сколько оружия везет поезд, Джек постоянно оглядывал края долины. В течение всего второго дня, даже если люди или монстры и были в этой далекой

части Проклятых Земель, никто не осмелился их беспокоить. Что означало, устало подумал Джек, что они знали об оружии. Или то, что здесь, так близко к западному побережью, никто не хотел связываться с поездом Моргана. Ничего этого он не сообщил Ричарду, глаза которого были затуманены и расфокусированы. Большую часть времени он казался больным.

12

Вечером того же дня Джек начал чувствовать в едком воздухе запах соленой воды.

Глава 36 ДЖЕК И РИЧАРД ИДУТ НА ВОЙНУ

1

Закат этой ночью был шире — земля начала снова открываться им по мере приближения к океану, — но не таким красивым. Джек остановил поезд на вершине холма и снова пробрался к вагону-платформе. Он провозился там почти целый час, — пока угрюмые краски не исчезли с небосклона и на востоке не взошла молодая луна, — и вернулся с шестью коробками, на которых было написано ЛИНЗЫ.

— Открой их, — сказал он Ричарду, — и пересчитай. Ты объявляешься Хранителем боеприпасов.

— Восхитительно, — ответил Ричард болезненным голосом, — я всегда знал, что не зря получаю образование.

Джек вернулся на платформу и приподнял крышку одного из ящиков с надписью ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ. В тот же момент он услышал резкий хриплый крик где-то в темноте, за которым последовал пронзительный вопль боли.

— Джек? Джек, ты где?

— Здесь! — отозвался Джек.

Он подумал, что очень неумно для них кричать друг другу, подобно прачкам, общающимся через забор, но голос Ричарда подсказывал, что тот был близок к панике.

— Ты скоро вернешься?

— Скоро! — отозвался Джек, быстрее и тверже надавливая стволом «узи». Проклятые Земли оставались позади, но Джек по-прежнему не хотел останавливаться надолго. Все было бы проще,

если бы он смог перенести ящик с автоматами в кабину, но они были слишком тяжелыми. *«Они не тяжелые, они — мои «узи», —* подумал Джек и хихикнул в темноте.

— *Джек?* — голос Ричарда был высоким и испуганным.

— *Смотри не описайся, дружок,* — сказал Джек.

— *Не называй меня дружком,* — сказал Ричард.

Гвозди со скрипом вылезли из крышки ящика, и крышка приподнялась настолько, что Джек смог снять ее. Он взял два «масляных шприца» и собирался возвращаться, когда увидел еще одну коробку — она была размером с упаковку переносного телевизора. Раньше она была скрыта под складкой брезента.

Джек быстро прошел по крыше крытого вагона при слабом лунном свете, чувствуя, как легкий ветерок дует ему в лицо. Он был чистым — никакого запаха застарелых духов, никакого ощущения испорченности, только чистая влага и безошибочно узнаваемый запах соли.

— *Что ты делаешь?* — брызжал Ричард. — *Джек, у нас уже есть автоматы и уже есть патроны! Зачем тебе понадобилось еще? Пока ты там ходишь, что-нибудь могло забраться сюда.*

— *Больше автоматов потому, что они имеют тенденцию к перегреву,* — сказал Джек, — *больше патронов потому, что нам придется много стрелять. Я тоже смотрю телевизор, как ты видишь. — Он снова направился к платформе. Он хотел посмотреть, что находится в той квадратной коробке.*

Ричард схватил его. Паника превратила его пальцы в птичьи когти.

— *Ричард, все будет в порядке...*

— *Кто-нибудь может утащить тебя!*

— *Мне кажется, что мы уже выехали из Прок...*

— *Кто-нибудь может утащить меня! Джек, не оставляй меня одного!*

Ричард разразился слезами. Он не стал отворачиваться от Джека или закрывать руками лицо, он просто стоял, лицо его скривилось, из глаз текли слезы. Он казался покинутым и беззащитным. Джек обнял его.

— *Если что-нибудь убьет тебя, что будет со мной?* — всхлипывал Ричард. — *Как, как, как я выберусь из этого места?*

«Я не знаю, — подумал Джек. — Я действительно не знаю».

2

Ричард отправился вместе с Джеком в очередной поход к передвижному оружейному складу. Его пришлось поднимать по лестнице, потом поддерживать на крыше вагона и помогать спу-

ститься вниз, как помогают старой больной женщине перейти через дорогу. Разум возвращался к Ричарду, но физически он явно слабел.

Несмотря на то, что защитная смазка протекала через стенки, надпись на квадратной коробке гласила ФРУКТЫ. Открыв ее, Джек обнаружил, что это не было полной неправдой. Коробка была наполнена ананасами. Теми, которые взрываются.

— Святая Ханна! — прошептал Ричард.

— Кем бы *она* ни была, — ответил Джек, — помоги мне. Я думаю, что каждый из нас может рассовать по карманам по четыре или пять штук.

— Что ты собираешься делать со всем этим арсеналом? — спросил Ричард. — Ты собираешься воевать с армией?

— Что-то вроде того.

3

Ричард посмотрел на небо, когда они с Джеком проходили по крыше вагона, и вдруг волна слабости нахлынула на него. Он споткнулся и чуть не упал. Он понял, что различает созвездия, но это не были созвездия ни Северного, ни Южного полушария. В вышине сияли чужие звезды... но они *были*, и где-то в этом неизведанном, неправдоподобном мире мореплаватели могли находить по ним путь. Все это вернуло Ричарду ощущение реальности, окончательно и полностью.

Голос Джека заставил его очнуться:

— Эй, Ричи! Ты чуть не свалился вниз!

В конце концов они вернулись в кабину.

Джек потянул рычаг вперед, и поезд Моргана из Ориса начал набирать скорость. Джек бросил взгляд на пол кабины: четыре автомата «узи», почти двадцать упаковок патронов по десять магазинов в каждой, десять ручных гранат с кольцами, похожими на кольца на крышках пивных банок.

— Если нам даже и не хватит оружия, об этом можно не беспокоиться, — сказал Джек.

— К чему ты готовишься, Джек?

Джек только покачал головой.

— Наверное, ты считаешь меня полным ничтожеством? — спросил Ричард.

Джек ухмыльнулся:

— Всегда считал, дружок.

— Не называй меня дружок!

— Дружок-дружок-дружок!

На этот раз старая шутка вызвала слабую улыбку. Не много, тем более что она выделила растущую линию волдырей вокруг рта Ричарда... не много, но все же лучше, чем ничего.

— С тобой все будет в порядке, если я посплю? — спросил Ричард, отодвигая магазины с патронами в сторону и устраиваясь в углу кабины под серапе Джека. — Все это перелезание и таскание... видимо, я действительно болен...

— Со мной все будет хорошо, — сказал Джек. На самом деле он был готов последовать за Ричардом. Он подумал, что долго не протянет.

— Я чувствую запах океана, — сказал Ричард, и в его голосе Джеку послышалась удивительная смесь любви, ненависти, ностальгии и страха. Глаза Ричарда закрылись.

Джек нажал на рычаг сильнее. Ощущение того, что развязка — какая бы она ни была — была близка, было сильным, как никогда.

4

Последние следы Проклятых Земель исчезли до захода луны. Снова появились колосья. Здесь они были тучнее, чем в Эллис-Брейкс, но они по-прежнему излучали ощущение чистоты и здоровья. Джек услышал далекие крики птиц, напоминавшие крики чаек. Это был невыразимо одинокий звук в этих огромных открытых полях, которые пахли фруктами и все более явно морской солью.

После полудня поезд начал пересекать небольшие рощицы — большинство деревьев были вечнозелеными, и их хвойный аромат, смешанный с соленым запахом воздуха, казалось, закреплял связь между местом, куда он направлялся, и местом, откуда он отправился. Он и его мать никогда не проводили много времени в Калифорнии, возможно, потому, что Слоут часто проводил там отпуск, но он помнил, что Лили говорила ему, что места около Мендосино и Сосалито выглядели очень похоже на Новую Англию, вплоть до соляных кубов и мыса Кодс. Кинокомпании, когда требовались натурные съемки в Новой Англии, обычно просто отправлялись за город, вместо того чтобы пересекать всю страну, и большинство зрителей не могли увидеть разницу.

Все, как и должно быть. Станным образом я возвращаюсь в то же место, которое оставил позади.

Ричард: «Ты собираешься воевать с армией?»

Он был рад тому, что Ричард уснул и ему не надо было отвечать на этот вопрос — во всяком случае сейчас.

Андерс: «Дьявольские штуки. Для плохих Волков в черном отеле».

Дьявольскими штуками были автоматы «узи», пластиковая взрывчатка, гранаты. Дьявольские штуки были здесь. Плохих Волков здесь не было. Окрестности были чисты, и Джек находил этот факт ужасно убедительным.

«Вот история для тебя, Ричи, и я рад, что ты спишь и я не должен тебе ее рассказывать. Морган знает, что я приближаюсь, и он планирует вечеринку с сюрпризом, только с оборотнями вместо голых девиц, высказывающих из торта, и они должны иметь автоматы «узи» и гранаты в качестве фейерверка. Да, мы, в некотором смысле, захватили его поезд, и мы на десять или двенадцать часов обгоняем расписание, но мы отправляемся в лагерь, полный Волков, ждущих паровозик из Долин, и — а я думаю, что мы на правильном пути, — нам потребуется вся внезапность, какая только возможна».

Джек провел рукой по лицу.

Было бы легче остановить поезд в стороне от того места, где находился ударный отряд Моргана, и сделать большой круг вокруг лагеря. Легче и безопаснее.

«Но тогда вокруг были бы плохие Волки, Ричи, понимаешь ли ты это?»

Он посмотрел на арсенал на полу кабины и подивился тому, что он действительно планировал налет Коммандос на Волчью Бригаду Моргана. Несколько Коммандос. Старый добрый Джек Соьер, Король Странствующих Посудомоек, и Его Коматозный Помощник, Ричард. «Не рехнулся ли я», — подумал Джек. Видимо, да. Это было то, чего от него больше всего хотели... а было много всего, слишком много, чертовски много. Его били; Волк был убит. Они уничтожили школу Ричарда и значительную часть разума Ричарда, и, насколько он знал, Морган Слоут снова был в Нью-Хемпшире и изводил его мать.

Рехнулся или нет, время расплаты пришло.

Джек нагнулся и взял в руки один из заряженных «узи», а запах соли устойчиво становился сильнее.

5

В течение коротких утренних часов Джек немного поспал, прислонившись к рычагу, переключающему передачи. Он, вероятно, не чувствовал бы себя так комфортно, если бы знал, что это устройство некоторые называют рукояткой мертвеца. Когда пришел рассвет его разбудил Ричард.

— Там что-то впереди.

Прежде чем посмотреть вперед, Джек бросил взгляд на Ричарда. Он надеялся, что Ричард будет лучше выглядеть в дневном свете,

но даже косметика зари не смогла скрыть того факта, что Ричард болен. Краски нового дня изменили основной оттенок его лица от серого к желтому... и ничего более. *«Эй! Поезд! Здравствуй, большой чертов поезд!»* — Этот крик был гортанным, мало отличающимся от звериного рева. Джек посмотрел вперед.

Они приближались к узкой маленькой коробке здания.

Снаружи караульного помещения был Волк — но все сходство с Волком Джека заканчивалось сверкающими оранжевыми глазами. Голова этого Волка выглядела отвратительно сплюсненной, словно большая рука скосила закругление черепа сверху. Его лицо выступало над сдвинутой назад челюстью подобно булыжнику. Даже присутствие удивленной радости на этом лице не могло скрыть его дремучей, злобной тупости. Свиные хвостики шерсти свисали с его щек. Шрам в форме буквы «Х» украшал его лоб.

На Волке было надето что-то вроде формы наемника или то, что, по его мнению, должно было быть формой наемника. Мешковатые зеленые штаны были выпущены поверх черных ботинок, но носки ботинок были срезаны, как увидел Джек, и оттуда высовывались волосатые пальцы с длинными когтями. *«Поезд!»* — наполовину пролаял, наполовину прорычал он, когда локомотив приблизился к нему на пятьдесят ярдов. Он начал подпрыгивать, мрачно ухмыляясь. Он хрустел пальцами как Кэд Кэллоуэй. Пена стекала с его челюстей неприятными клочьями. *«Поезд! Поезд! Чертов поезд ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!»* Его рот раскрылся в большой и тревожной ухмылке, открывая ряд сломанных желтых клыков. *«Вы, ребята что-то рано, о'кей, о'кей!»*

— Джек, что это? — спросил Ричард. Его рука сжимала плечо Джека с панической силой, но, к его радости, голос Ричарда был довольно ровным.

— Это Волк. Один из Волков Моргана.

«Так, Джек, ты произнес его имя. Идиот!» Но не было времени думать об этом сейчас. Они проезжали мимо караульного помещения, и Волк явно собирался запрыгнуть на поезд. Он неуклюже прыгал в пыли, обрезанные ботинки стучали. Он имел нож на кожаном ремне, повязанном поперек его голой груди наподобие патронташа, но ружья не было. Джек переключил «узи» на одиночный огонь.

— Морган? Кто этот Морган? *Который Морган?*

— Не сейчас, — сказал Джек.

Его внимание сконцентрировалось на одной точке — Волке. Он выдавил большую неестественную улыбку, держа «узи» вниз, так, чтобы его не было видно.

«Поезд Андерса! Все-черт-хорошо! Здесь и сейчас!»

Какая-то скоба отскочила от локомотива. Дико ухмыляясь, смахивая пену с подбородка, Волк схватил ее и продолжил преследование.

«Эй, где старик? Волк! Где...»

Джек поднял «узи» и послал пулю прямо в его левый глаз.

Яркий оранжевый свет погас, словно свеча, задутая сильным порывом ветра. Волк сбился с шага, как будто споткнувшись, и тяжело рухнул в пыль.

— Джек! — развернул его Ричард. Его лицо выглядело почти таким же диким, как лицо Волка, но ужас, а не радость, искажил его.

— Ты имел в виду моего отца? Он замешан в этом?

— Ричард, ты веришь мне?

— Да, но...

— Тогда потом. *Потом*. Сейчас не время.

— Но...

— Возьми автомат.

— Джек...

— Ричард, *возьми автомат!*

Ричард наклонился и поднял один из «узи».

— Ненавижу оружие, — сказал он снова.

— Да, я знаю. Я тоже от него не в восторге, Ричи, но пришло время расплаты.

6

Теперь рельсы приближались к высокой стене форта. Из-за нее доносились взвизги и крики, команды, ритмичные хлопки, каблуки ботинок выстукивали по голой земле четкие ритмы. Были еще и другие, более трудноузнаваемые звуки, но все они смутно вызвали в голове у Джека словосочетание *военные учения*. Пространство между караульным помещением и приближающимся частоколом было примерно в полмили шириной, и, учитывая происходящее за стеной, Джек сомневался, что кто-нибудь услышал одиночный выстрел. Поезд имел электрическую тягу и был почти бесшумным. Преимущество внезапности по-прежнему было на их стороне.

Рельсы исчезали за закрытыми двустворчатыми воротами в стене форта. Джек видел полосы дневного света между грубо сбитыми бревнами.

— Джек, ты лучше притормози.

Они были теперь в ста пятидесяти ярдах от ворот. Из-за них ревущие голоса скандировали «*Саунд-ХОФФ! Хан-туу! Хри-ФО! Саунд-ХОФФ!*» Джек снова подумал о полулюдях из «Острова доктора Моро» Уэллса и содрогнулся.

— Ни в коем случае, дружок. Мы прорвемся через ворота. У тебя еще есть время помолиться.

— Джек, ты рехнулся!

— Я знаю.

Сто ярдов. Батарей гудели. С треском из них вылетела синяя искра. Голая земля проплывала мимо них по обеим сторонам. *Никаких колосьев здесь*, подумал Джек. *Если бы Нозл Ковард написал пьесу о Моргане Слоуте, он назвал бы ее «Гибельный Дух».*

— Джек, а если этот проклятый маленький поезд сойдет с рельсов?

— Да, он может, я думаю, — сказал Джек.

— А если он прорвется через ворота, а за ними рельсы просто кончатся?

— Это будет довольно неприятно.

Пятьдесят ярдов.

— Джек, ты действительно сошел с ума.

— Согласен. Сними свой автомат с предохранителя.

Ричард щелкнул предохранителем.

Удары... мычание... топот ног... скрип кожи... крики... нечеловеческий, смеющийся крик, заставивший Ричарда съежиться. И вдруг Джек увидел ясное выражение на лице Ричарда, что заставило Джека с гордостью улыбнуться. *Он со мной — старина Рациональный Ричард это, или нет — он действительно со мной.*

Двадцать пять ярдов.

Рев... визги... команды... и тягучий крик рептилии — *Груууу-УУУУ!* — от которого у Джека волосы встали дыбом.

— Если мы выберемся из этой переделки, — сказал Джек, — я куплю тебе «чилли» в Дэйри Куин.

— *Да катись ты!* — крикнул Ричард и, что было удивительно, засмеялся. В тот же момент нездоровый желтый оттенок стал исчезать с его лица.

Пять ярдов.

Обшитые досками столбы, составлявшие ворота, выглядели прочными, да, очень прочными, и Джек вдруг подумал о том, что он совершает чудовищную ошибку.

— Ложись, дружок!

— Не называй ме...

Поезд ударился в ворота форта и швырнул их вперед.

Ворота и в самом деле были довольно крепкими, в придачу к этому они были усилены двумя толстыми бревнами изнутри. Поезд Моргана не был чудовищно огромным, и батареи сильно истощились от путешествия через Проклятые Земли. Столкновение наверняка заставило бы поезд сойти с рельсов, и оба мальчика погибли бы в крушении, но ворота имели ахиллесову пятую. Новые петли, выко-

ванные по современным американским технологиям, были заказаны, но не были доставлены. Они еще не прибыли, и старые петли сорвались, когда локомотив ударился в ворота.

Поезд вкатился в форт на скорости двадцать пять миль в час, толкая оторванные ворота перед собой. Полоса препятствий была построена по периметру забора, и ворота, действуя как снегоочиститель, начали сносить сделанные на скорую руку деревянные барьеры, крутя их, катя и разламывая в щепки.

Ворота также сбили одного Волка, выполнявшего штрафную пробежку. Его ноги пропали под движущимися воротами и были оторваны вместе с ботинками и всем остальным. Визжа и рыча — началась его Перемена, — Волк стал карабкаться вверх по воротам, цепляясь когтями, которые быстро выросли до размеров «кошек», с помощью которых телефонисты забираются на столбы. Ворота уже на сорок футов продвинулись вовнутрь форта. Удивительным образом Волк добрался почти до самого верха ворот, когда Джек резко остановил поезд. Ворота рухнули, подняв клубы пыли и раздавив беднягу Волка своей массой. Из-под последнего вагона поезда торчали его оторванные ноги, на которых продолжала расти шерсть.

Ситуация внутри лагеря была лучше, чем Джек осмеливался надеяться. Его обитатели проснулись рано, как и полагалось в военном заведении, и большинство солдат находились на улице, проходя причудливую цепочку строевых и физических упражнений.

— *Справа!* — крикнул он Ричарду.

— *Что делать?* — крикнул тот в ответ.

Джек открыл рот и закричал. За Дядю Томми Вудбайна, сбитого машиной; за неизвестного возчика, забитого до смерти в грязном дворе королевского дворца; за Ферда Джанклау; за Волка, убитого в офисе Солнечного Гарднера; за свою мать; но в наибольшей степени. открыл он, за Королеву Лауру де Луизиан, которая тоже была его матерью. Он кричал как Джейсон, и голос его был подобен грому.

— **РАЗОРВИ ИХ В КЛОЧЬЯ!!!** — заревел Джек Сойер/Джейсон де Луизиан и открыл огонь с левой стороны.

8

Со стороны Джека находилась площадка для строевых занятий, длинное бревенчатое строение — со стороны Ричарда. Деревянное здание было похоже на барак из фильма Роя Роджерса, но Ричард догадался, что это была казарма. Честно говоря, все это место казалось Ричарду гораздо более знакомым, чем что-либо другое в этом мире, в который его притащил Джек. Он видел места вроде этого в теленовостях. Поддерживаемые ЦРУ мятежники, готовящи-

еся к вылазкам в Южной и Центральной Америке, тренировались в местах, похожих на это. Единственная разница заключалась в том, что тренировочные лагеря находились во Флориде, а здесь те, кто появлялся из казармы, были явно не *кубас контрас* — Ричард не знал кем они были.

Некоторые из них напоминали средневековые изображения чертей и сатиров. Некоторые выглядели как люди-дегенераты, почти что пещерные люди. А одно из существ, вперевалку выходящее на солнечный свет, имело чешуйчатую кожу и мигающие глаза — оно показало Ричарду Слоуту аллигатором, который непонятным образом ходил на двух ногах. Пока он смотрел, тварь подняла морду и издала тот крик, который они с Джеком слышали раньше: *Грууу-УУУУУ!* Ему осталось еще немного времени, чтобы увидеть, что большинство этих адских тварей выглядели совершенно дикими, а потом автомат Джека расколол мир своим грохотом.

Со стороны Джека около двух дюжин Волков занимались на плацу. Как и на Волке из караульного помещения, на большинстве из них были зеленые рабочие штаны, ботинки с обрезанными носками и патронташи. Как и охранник, они выглядели глупыми, плоскоголовыми и были воплощением зла.

Они остановились посмотреть на поезд, срывающий ворота, и на своего несудачливого товарища, занимавшегося бегом в неподходящем месте в неподходящее время, распластанного впереди. Когда Джек крикнул, он начал двигаться, но слишком поздно.

Большая часть старательно подбиравшейся в течение пяти лет Волчьей Бригады Моргана, сильной, жестокой и лояльной к нему, была скошена первой же автоматной очередью Джека. Они дергались и откатывались назад, грудные клетки взрывались, головы кровоточили. Был слышен рев дикой злобы и вой боли... но недолго. Большинство умерло сразу. Джек выдернул магазин, схватил другой, прицепил его.

Слева от плаца осталось четыре живых Волка, в центре залегли еще двое. Оба были ранены, но теперь они наступали на него, когтистые лапы оставляли борозды в спрессованной пыли, на лицах росла шерсть, глаза горели. Когда они подбежали к локомотиву, Джек увидел огромные клыки, торчавшие из их ртов сквозь свежую шерсть, растущую на их щеках.

Он нажал на курок «узи», теперь направив ствол вниз, потому что от сильной отдачи он сам поднимался вверх. Оба атакующих волка были отброшены назад с такой силой, что полетели кувырком, как акробаты. Остальные четверо отлетели туда, где две минуты назад были ворота.

Разнообразные существа, появившиеся из похожей на барак казармы, вроде бы наконец поняли, что новички, несмотря на то, что

они вели поезд Моргана, были недружелюбны. Концентрированного наступления не было, но они начали двигаться вперед бормочущей толпой. Ричард положил ствол «узи» на край кабины на высоте груди и открыл огонь. Пули рвали их на части, отбрасывали назад. Два существа, которые выглядели как козлы, упали на четвереньки — или на копыта — и быстро вернулись. Радость, такая свирепая, что у него закружилась голова, прошла волной через его тело.

Пули также разорвали бледно-зеленый живот аллигатора, и черная жидкость — желчь, не кровь — потекла из него. Он упал назад, но хвост поддержал его. Аллигатор снова вскочил и ринулся в сторону Ричарда. Он снова испустил свой грубый, мощный крик... и в этот раз Ричарду показалось, что в этом крике было что-то женское.

Он надавил на курок. Ничего не произошло. Магазин был пуст.

Аллигатор бежал медленно, тяжело и целеустремленно. Его глаза искрились убийственной яростью... и разумом. Его чешуйчатая грудь колыхалась.

Он наклонился, не поднимая глаз, пошарил руками и нашел гранату.

Остров Сибрук, подумал Ричард. Джек называет это место Долинами, но на самом деле это остров Сибрук, и бояться не надо. Все это — сон, и, если эта тварь схватит меня за горло своими чешуйчатыми лапами, я сразу проснусь, а если это и не сон, Джек как-нибудь спасет меня — я знаю, что так и будет, я знаю, ведь здесь Джек является чем-то вроде бога. Он выдернул чеку, подавил в себе сильное желание просто панически швырнуть гранату, и мягко бросил ее из-под руки.

— Джек, ложись!

Джек упал сразу, не оглядываясь. Ричард сделал то же самое, но он успел увидеть невероятную, с оттенком черного юмора, сцену: аллигатор поймал гранату и попытался... съесть ее.

Взрыв оказался не глухим хлопком, которого ожидал Ричард, а ужасно громким грохотом, вызывающим сильную боль в ушах. Он услышал всплеск, словно кто-то бросил горсть воды в стену кабины.

Он выглянул и увидел, что локомотив, вагон и платформа покрылись горячими кишками, черной кровью и ошметками мяса аллигатора. Вся передняя стена казармы была сметена. Большая часть осколков камней была залита кровью. Между ними он увидел волосатую ногу в обрезанном ботинке.

Завал бревен откинулся, и он увидел, как два козлоподобных существа начали выбираться из-под них. Ричард наклонился, нашел свежий магазин, и прицепил его к автомату. Автомат становился горячим, как и обещал Джек.

«Опаньки!» — сказал про себя Ричард и снова открыл огонь.

Когда Джек поднялся после взрыва гранаты, он увидел четырех Волков, которые спаслись от его первых двух обстрелов. Они пробегали через то место, где раньше стояли ворота, и выли от ужаса. Они бежали бок о бок и были хорошей мишенью. Джек поднял «узи», но снова опустил его. Хотя он и понимал, что может встретить их снова, возможно, в черном отеле, и что он совершает ошибку... но в любом случае он не мог стрелять в спину.

Теперь из-за казармы слышались высокие, женоподобные крики. *«Выходите! Выходите, я вам говорю! Двигайтесь! Двигайтесь!»* Затем последовал свист кнута.

Джек узнал звук и узнал голос. В последний раз он слышал его в Солнечном Доме. Он узнал бы этот голос где угодно.

«Если этот недоумок появится, убейте его!»

Да, ты дал такую команду, но, похоже, настало время расплаты — и, судя по тому, как звучит твой голос, ты знаешь это.

«Схватите его, в чем дело, вы, трусы? Схватите его, неужели я должен вам показывать, как это сделать? Давайте-давайте!»

Разные существа появились из-за того, что раньше было казармой, и одно из них было человеком — Осмондом. В одной руке он нес кнут, в другой — карабин. На нем был красный плащ, черные сапоги и широкие белые штаны, развевавшиеся по ветру. Они были забрызганы свежей кровью. Слева от него бежало козлоподобное лохматое существо в джинсах и ковбойских сапогах. Существо и Джек посмотрели друг на друга, и Джек узнал его. Это был ковбой из Оутли. Это был Рэндольф Скотт. Это был Элрой. Он ухмыльнулся, высунул длинный язык и облизал верхнюю губу.

«Схвати его!» — крикнул Осмонд Элрою.

Джек попытался поднять «узи», но он внезапно показался ему очень тяжелым. Осмонд был отвратителен, появление Элроя было еще хуже, но то, что он увидел между ними, было настоящим кошмаром. Это был здешний вариант Рауля Гарднера, сын Осмонда, сын Солнца. Он мало был похож на ребенка.

Он был творожно-белым и костлявым, одна из его рук заканчивалась червеподобным щупальцем, в какой-то степени напоминавшем кнут Осмонда. Его глаза, один из них вытекший, находились на разных уровнях. Глубокие красные язвы покрывали его щеки.

Кое что из-за лучевой болезни... Джейсон, я думаю, что мальчик Осмонда слишком близко подошел к одному из огненных шаров... но остальное... Джейсон... Иисусе... кто был его матерью? Во имя всех миров, КТО БЫЛ ЕГО МАТЕРЬЮ?

— *Схватить самозванца!* — кричал Осмонд. — *Спаси сына Моргана, но схватить Самозванца! Схватить лже-Джейсона! Выходите, трусы! У них кончились патроны!*

Крики, рев. Джек понял, что сейчас из-за казармы должен появиться свежий контингент Волков и Разнообразных Уродов, укрывшихся от взрыва, и остававшихся бы там, если бы не Осмонд.

«Лучше не стой на моем пути, цыплёночек», — проворчал Элрой и побежал к поезду. Его хвост рассекал воздух. Рауль Гарднер — или тот, кем был Рауль в этом мире, — издал мяукающий звук и попытался побежать следом за ним. Осмонд протянул руку и оттащил его назад. Его пальцы, казалось, проскользнули сквозь отвратительную шею мальчика-монстра.

Потом Джек поднял автомат и выпустил весь магазин в лицо Элроя. Это полностью оторвало голову козлоподобного существа, и теперь Элрой, обезглавленный, какое-то время продолжал карабкаться, и одна его рука слепо потянулась к голове Джека, прежде чем тело откатилось назад. Джек потрясенно уставился на тело, валявшееся среди осколков и обломков. Он снова и снова вспоминал о кошмарном столкновении в Оутли и теперь ощущал себя так, как если бы он убил свой детский кошмар.

Ричард кричал, его автомат грохотал, почти оглушая Джека.

— *Это Рауль! О Джек! О Господи! О Джейсон! Это Рауль, это Рауль!..*

Автомат в руках Ричарда выплюнул короткую очередь и затих, кончился магазин. Рауль вырвался из рук отца. Он вприпрыжку бежал к поезду, мяукая. Его верхняя губа приподнялась, обнажая длинные зубы, казавшиеся ненастоящими, как восковые зубы, которые дети делают на Хэллоуин.

Последняя очередь Ричарда попала ему в грудь и шею, пробив дыры в коричневом балахоне, надетом на нем, выдрав куски мяса. Медленные ручейки темной крови потекли из этих ран... и все. Возможно, когда-то Рауль и был человеком, Джек не исключал этого. Если даже и так, он не был человеком теперь: пули не остановили его. Существо, неуклюже перепрыгнувшее через тело Элроя, было демоном. Оно пахло как мокрая поганка.

Что-то начало нагреваться около ноги Джека. Сначала оно было теплым... потом горячим. Что это было? Будто у него в кармане был чайник. Но у него не было времени подумать. События разворачивались перед ним во всех красках.

Ричард уронил автомат и отскочил назад, закрывая лицо руками. Его наполненные ужасом глаза смотрели на Рауля через щелки между пальцами.

«*Не дай ему достать меня, Джек! Не дай ему достать меняааа!...*»

Рауль пускал пузыри и мяукал. Он хлопнул руками по боку локомотива со звуком, похожим на шлепок больших плавников по густой грязи.

«Вернись!» — кричал Осмонд сыну, в его голосе безошибочно угадывался страх. *«Вернись, он плохой, он навредит тебе, все мальчишки плохие, это аксиома, вернись, вернись!»*

Рауль с энтузиазмом рычал. Он подтянулся вверх, и Ричард дико заорал, забиваясь в дальний угол кабины.

«НЕ ДАЙ ЕМУ ДОСТАТЬ МЕНЯААААА!..»

Очередная группа Волков и более странных уродцев наступала из-за угла. Один из них, существо с загнутыми бараньими рогами, одетое только в заплатанные брюки, упало и было затоптано остальными.

Джек снова почувствовал, что что-то обжигает ему ногу.

Рауль уже перекидывал тонкую, как тростник, ногу через край кабины. Она извивалась и тянулась к Джеку, это была вообще не нога, а щупальце. Джек поднял «узи» и открыл огонь.

Половина лица Рауля отделилась, как пудинг. Поток червей потек из того, что было левой стороной лица.

Рауль продолжал наступать.

Протягивая к нему перепончатые пальцы.

Пронзительные крики Ричарда наслаивались на визг Осмонда, сливаясь воедино.

Что-то, словно горячий утюг, обожгло ногу Джека, и вдруг он понял, что это было — это была монета, данная ему Капитаном Фарреном, монета, которую отказался взять Андерс.

Он опустил руку в карман и сжал монету в кулаке. Он почувствовал, как огромная сила растеклась по его телу. Рауль тоже почувствовал это. Его триумфальное рычание превратилось в испуганное мяуканье. Он попытался отступить, единственный глаз дико вращался.

Джек достал монету. Она накалилась докрасна в его руке, но не обжигала ее.

Профиль Королевы сиял как солнце.

— Во имя нее, ты, мерзкая жертва аборта! — крикнул Джек. — Убирайся с лица земли!

Он разжал кулак и ударил рукой в лоб Рауля.

Рауль и его отец завизжали в унисон: Осмонд тенором, переходящим в сопрано, Рауль низким, гудящим басом. Монета вошла в лоб Рауля, как нож в масло. Отвратительная темная жидкость цвета испорченного чая потекла из головы Рауля на запястье Джеку. Жидкость была горячей. В ней были маленькие червячки. Они извивались и щекотали Джеку кожу. Он почувствовал их укусы, но несмотря на это, он продолжал надавливать двумя

пальцами правой руки все сильнее и сильнее, вгоняя монету в голову монстра.

«Убейся с лица земли, мерзость! Именем Королевы и ее сына, убейся с лица земли!»

Рауль вопил и визжал, Осмонд вопил и визжал вместе с ним. Подкрепление остановилось и топталось за его спиной. Их лица наполнились суеверным ужасом. Им казалось, что Джек увеличился в росте, им казалось, что он излучал яркий свет. Рауль дернулся. Издал еще один вопль. Черное вещество, вытекающее из его головы, стало желтым. Последний червяк, длинный и густо белый, извиваясь, выполз из отверстия, сделанного монетой. Он упал на пол кабины. Джек раздавил его. Рауль рухнул мокрой кучей.

Теперь над двором форта поднялся такой крик горя и ярости, что Джеку показалось, что у него сейчас расколется голова. Ричард свернулся в комок, прикрыв голову руками.

Осмонд визжал. Он уронил кнут и карабин.

«О, проклятый! — вопил он, размахивая кулаками. Посмотри, что ты наделал! О, мерзкий, плохой мальчишка! Я ненавижу тебя, навсегда, навсегда! О, проклятый Самозванец! Я убью тебя! Морган убьет тебя! О мой дорогой единственный сын! ПРОКЛЯТЫЙ! МОРГАН УБЬЕТ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ! МОРГАН...»

Другие поддержали его шепотом, напоминая Джеку мальчиков в Солнечном Доме: *скажите «аллилуйя!»*. Потом они умолкли, потому что появился другой звук.

Джеку вспомнился приятный день, проведенный с Волком. Они сидели около ручья, наблюдая пасущееся стадо, и Волк рассказывал ему о своей семье. Это было довольно приятно... пока не пришел Морган.

И теперь тоже приближался Морган — не перескакивая, но проламывая, прорывая себе путь.

«Морган! Это...»

«...Морган, Господин...»

«Господин из Орриса...»

«Морган... Морган... Морган...»

Резкий звук становился все громче и громче. Волки падали ниц в пыль. Осмонд приплясывал, его черные сапоги топтали сыромятные ремни его кнута.

«Плохой мальчишка! Гадкий мальчишка! Сейчас ты заплатишь! Морган идет! Морган идет!»

Воздух в двадцати футах справа от Осмонда начал колебаться, как воздух над мусоросжигательной печью.

Джек оглянулся и увидел, что Ричард свернулся калачиком среди автоматов, патронов и гранат, словно маленький мальчик, уснувший

во время игры в войну. Но Ричард не спал, и это была не игра. Джек боялся, что, если Ричард увидит своего отца, проходящего сквозь дыру между двумя мирами, он может сойти с ума.

Джек растянулся около своего друга и крепко обхватил его руками. Звук разрывающейся простыни стал громче, и вдруг он услышал голос Моргана, ревушего от ярости:

«Что здесь делает это поезд СЕЙЧАС, идиоты?»

Он услышал визг Осмонда: *«Проклятый Самозванец убил моего сына!»*

— Мы отправляемся, Ричи, — пробормотал Джек, крепче сжимая ослабевшее тело Ричарда, — пора назад.

Он закрыл глаза, сосредоточился... потом был момент головокружения... и они перелетели.

Глава 37 РИЧАРД ВСПОМИНАЕТ

1

Казалось, будто они катятся куда-то в сторону и вниз, словно был небольшой склон между двумя мирами. Джек услышал затихающие, исчезающие в никуда крики Осмонда: *«Плохие! Все мальчишки! Аксиома! Все мальчишки! Проклятый! Проклятый!»*

На какой-то момент они поднялись в воздух. Ричард закричал. Потом Джек упал на землю на одно плечо. Ричард отделился от его груди. Не открывая глаз, Джек лежал на земле, обнимая Ричарда, прислушиваясь, приносясь.

Тишина. Не полная и всеобъемлющая, но большая — размеры ее подчеркивало пение двух или трех птиц.

Воздух был прохладным и соленым. Хороший запах... но не такой хороший, как в Долинах. Даже здесь — где бы ни находилось это *здесь* — Джек чувствовал слабый запах, напоминающий запах старого масла, впитавшегося в бетонный пол на бензозаправочной станции. Это был запах большого количества людей, заводящих большое количество моторов, и он засорил всю атмосферу. Его нос стал чувствительным к этому запаху, и он чувствовал его даже там, где не было слышно автомобилей.

— Джек? Мы в порядке?

— Конечно, — сказал Джек и открыл глаза, чтобы убедиться в том, что он говорил правду.

То, что он увидел, вызвало у него странное ощущение, что, стремясь выбраться из форта до появления Моргана, они не пере-

неслись в Американские Территории, а попали куда-то вперед во времени. Место казалось тем же, но старым и покинутым, словно прошло одно или два столетия. Поезд по-прежнему стоял на рельсах и выглядел как раньше. Все остальное было другим. Рельсы, пересекающие спортивную площадку и ведущие Бог знает куда, были старыми и покрытыми толстым слоем ржавчины. Шпалы казались пористыми и прогнившими. Между ними росла высокая трава.

Он крепче обхватил Ричарда, слегка скорчившегося в его объятиях и открывшего глаза.

— Где мы? — спросил он Джека, оглядываясь вокруг. На том месте, где была казарма, стоял сборный дом из гофрированного железа с ржавой жестяной крышей. Крыша была единственной хорошо видной частью дома, все остальное заросло ползучим вьюнком и дикой травой. Перед домом стояли два столба, которые, похоже, поддерживали когда-то вывеску. Даже если и так, это было уже очень давно.

— Не знаю, — ответил Джек и, посмотрев на то место, где была полоса препятствий — теперь там была едва видимая грязная колея, поросшая остатками флоксов и лютиков, — выразил свои самые страшные опасения:

— Я мог перенести нас вперед во времени.

К его удивлению, Ричард засмеялся.

— Приятно увидеть, что немного изменилось в будущем, — сказал он и указал на листок бумаги, прибитый к одному из столбов, стоящих перед сборным железным домом-казармой. Он очень полнялся от непогоды, но был еще прекрасно читаемым:

**ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН!
ПО ПРИКАЗУ ДЕПАРТАМЕНТА ШЕРИФА
ОКРУГА МЕНДОСИНО**

**ПО ПРИКАЗУ ПОЛИЦИИ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ!**

2

— Значит ты знал, где мы, — сказал Джек, чувствуя себя одновременно глупо и облегченно, — зачем же ты тогда спросил?

— Я только что увидел это, — ответил Ричард, и у Джека сразу пропала охота поддразнивать его. Ричард выглядел ужасно, он выглядел так, как будто он был болен каким-то странным туберкулезом, влияющим на разум, а не на легкие. Виноватой было не только сводящее с ума путешествие в Долины и обратно — он, похоже, адаптировался к этому. Но обнаружить то, что твой отец является

одним из парней в черных шляпах, подумал Джек, было не самым приятным делом.

— Ладно, — сказал он, стараясь звучать бодро — он действительно чувствовал себя немного бодрее. *«Спасение от такого монстра, как Рауль, могло взбодрить даже ребенка, смертельно больного раком»*, — подумал он.

— Пора двигаться, Ричи. У нас еще много дел, а ты тут разлежся.

Ричард поморщился:

— Того, кто сказал тебе, что у тебя есть чувство юмора, следовало бы расстрелять, дружок.

— Поцелуй меня в задницу.

— Куда мы идем?

— Я не знаю, — сказал Ричард, — но это где-то поблизости. Я чувствую это. Это как рыболовный крючок у меня в голове.

— В Пойнт-Венути?

Джек повернулся и посмотрел на Ричарда долгим взглядом. Усталые глаза Ричарда ничего не выражали.

— Почему ты спросил это, дружок?

— Мы туда идем?

Джек пожал плечами. *Может быть. А может быть, и нет.* Они медленно пошли через заросший травой плац, и Ричард сменил тему разговора.

— Было ли это все на самом деле? — они приближались к ржавым двустворчатым воротам. Полоса бледно-голубого неба показалась над зеленью. — Было ли *что-нибудь* из этого на самом деле?

— Мы провели пару дней на электрическом поезде, делавшем двадцать пять максимум тридцать миль в час, — сказал Джек, — и каким-то образом мы перенеслись из Спрингфилда, штат Иллинойс, в северную Калифорнию, к побережью. Теперь *ты* скажи *мне*, было ли все это на самом деле.

— Да... да, но...

Джек поднял руки. Запястья были покрыты грубыми красными рубцами, которые зудели и жгли.

— Укусы, — сказал Джек, — укусы червей. Червей, которые вылезли из головы Рауля Гарднера.

Ричард отвернулся, и его вырвало.

Джек поддержал его. Иначе, подумал он, Ричард просто упал бы. Он был потрясен тем, как похудел Ричард, и тем, каким горячим было его тело.

— Извини, что я сказал это, — промолвил Джек, когда Ричарду стало немного лучше, — это было необдуманно.

— Да, это так. Но, мне кажется, это единственная вещь, которая могла... ты понимаешь...

— Убедить тебя?

— Ага. Может быть, — Ричард посмотрел на него усталыми глазами. Прыщики усеивали его лоб, язвочки окружали рот. — Джек, я должен у тебя спросить кое-что, и я хочу, чтобы ты ответил мне... прямо. Я хочу спросить тебя...

О, я знаю, о чем ты хочешь меня спросить, Ричи.

— Через несколько минут, — сказал Джек. — Мы разберемся со всеми вопросами и ответами через несколько минут. Но сначала нам надо кое-что сделать.

— Что сделать?

Вместо ответа Джек пошел к маленькому поезду. Он постоял некоторое время, рассматривая его: локомотив, пустой вагон, платформа. Мог ли он как-нибудь перенести его в Калифорнию? Он так не считал. Перенестись с Волком было нелегко; когда он перетаскивал Ричарда в Долины из общежития Тэйера, он чуть не вывихнул руку; и то и другое требовало полного осознания своих действий. Насколько он помнил, он совсем не думал о поезде, когда переносился в этот раз, — он думал только о том, чтобы вытащить Ричарда из волчьего полувоенного тренировочного лагеря прежде, чем тот увидит своего старика. Все принимало немного другую форму, переносясь из одного мира в другой: перемещение требовало и изменений. Рубашки превращались в камзолы, джинсы могли стать шерстяными брюками, деньги превращались в палочки. Но этот поезд выглядел в точности так же, как и там. Морган смог создать нечто, не меняющееся при Перемещении.

Кроме того, они носят там джинсы, Джеки.

Ага. И хоть у Осмонда был его верный кнут, у него был и карбин.

Карбин Моргана. Поезд Моргана.

Спина его покрылась мурашками. Он услышал ворчание Андерса: *нехорошее дело.*

Это в самом деле было так. Очень нехорошее дело. Андерс был прав: это были черти, собравшиеся в клубок. Джек засунул руку в кабину, взял один «узи», присоединил к нему свежий магазин и пошел туда, где стоял Ричард, наблюдавший за ним со скрытым интересом.

— Это похоже на старый лагерь выживальщиков, — сказал он.

— Ты имеешь в виду место, где типы, похожие на солдат фортуны, готовятся к Третьей мировой войне?

— Да, вроде того. Есть немного таких мест в северной Калифорнии. Они прыгают и роют окопы некоторое время, потом они теряют интерес к Третьей мировой войне, или их арестовывают за незаконное хранение оружия или за наркотики, или еще что-нибудь. Мой... мой отец говорил мне об этом.

Джек ничего не сказал.

— Что ты собираешься делать с автоматом, Джек?

— Я собираюсь попробовать избавиться от этого поезда. Есть какие-нибудь предложения?

Ричарда передернуло, его рот вытянулся в гримасе отвращения.

— Никаких.

— Может ли «узи» сделать это, как ты думаешь? Если я выстрелю в эту пластиковую дрянь?

— Одна пуля вряд ли. Целый магазин — может быть.

— Посмотрим, — Джек снял автомат с предохранителя.

Ричард схватил его за руку.

— Было бы умно перейти к забору перед началом эксперимента, — сказал он.

— О'кей.

Около покрытого вьюнком забора Джек нацелил «узи» на плоские и смятые упаковки пластиковой взрывчатки. Он нажал на курок, и «узи» разорвал тишину в клочья; из его ствола вырвалось пламя. Автоматный огонь казался неестественно громким в монастырской тишине пустого лагеря. Птицы, захлопав крыльями, ринулись в более спокойную часть леса. Ричард вздрогнул и прижал ладони к ушам. Брезент трепыхался и приплясывал. Вдруг, хоть Джек и продолжал нажимать на курок, огонь прекратился. Магазин был исчерпан, а поезд по-прежнему стоял на рельсах.

— Так, — сказал Джек, — это было прекрасно. Есть ли у тебя еще какие-нибудь и...

Платформа извергла сноп синего пламени и оглушительный грохот. Джек увидел, что платформа буквально начала подниматься над рельсами, словно взлетая. Он схватил Ричарда за шею и толкнул его вниз.

Взрывы продолжались в течение долгого времени. Металл свистел и пролетал над их головами. Сильный металлический ливень пролился на крышу железного домика. Внезапно крупный кусок издал звук подобно китайскому гонгу, что-то действительно большое пролетело прямо над Джеком, пробив огромную дыру в заборе, и тогда Джек решил, что пора убираться отсюда. Он сгреб Ричарда в охапку и потащил его к воротам.

— *Нем!* — закричал Ричард. — *Рельсы!*

— Что?

— Ре...

Что-то снова просвистело над ними, и мальчики присели, стукнувшись головами.

— *Рельсы!* — крикнул Ричард, потирая голову бледной рукой, — *Не на дорогу! К рельсам!*

— Понял! — Джек удивился, но вопросов задавать не стал. Они направлялись куда-то.

Мальчики поползли вдоль железнодорожного полотна, как солдаты, пересекающие нейтральную полосу. Ричард полз немного впереди, двигаясь их к дыре в заборе.

Когда они оказались за забором, Джек оглянулся и увидел то, что ему было нужно, или то, что он хотел, через приоткрытые ворота. Большая часть поезда, казалось, просто испарилась. Исковерканные куски металла, — некоторые из них узнаваемые, большинство нет, — лежали вокруг того места, где поезд стоял, вернувшись в Америку, где он был построен, куплен и оплачен. То, что мальчики не были убиты пролетающей шрапнелью, было удивительным; то, что у них не было даже царапин, было почти неправдоподобным.

Худшее было позади. Они стояли за воротами, но были готовы в любой момент пригнуться и бежать, если произойдут побочные взрывы.

— Моему отцу не понравится, что ты взорвал его поезд, Джек, — сказал Ричард.

Его голос был совершенно спокоен, но, когда Джек посмотрел на него, он увидел, что Ричард плачет.

— Ричард...

— Нет, ему это совсем не понравится, — сказал Ричард, словно отвечая самому себе.

3

Густая, высотой по колено полоса травы росла между рельсами, ведущими прочь от лагеря, на юг, как прикинул Джек. Сами рельсы были ржавыми и давно не использовавшимися, в некоторых местах они были странным образом искривлены.

«Это сделали землетрясения», — подумал Джек с легким волнением.

Позади них продолжала взрываться пластиковая взрывчатка. Джек думал, что все кончилось, но потом раздалось долгое хриплое БРРРИИИ-АПППП! — это был, подумалось ему, выдох великана, прочищающего глотку. Он оглянулся и увидел черную пелену дыма, висящую в небе. Он прислушался, стараясь уловить глухой треск огня: как любой человек, бывавший в Калифорнии, он опасался лесного пожара, но ничего не услышал. Даже лес напоминал Новую Англию и был густым и влажным. Он был настоящей противоположностью бледно-коричневой местности вокруг Бахи, с ее чистым и сухим воздухом. Деревья казались почти живыми, железная дорога понемногу скрывалась за наступающими деревьями, кустами и вездесущим вьюнком (*«Готов спорить, что он ядовит»*, — подумал Джек, машинально почесывая укусы на своих руках). Даже шлак

под шпалами порос мхом. Место казалось потаенным. Место для тайн.

Он ускорил шаг, и не только для того, чтобы уйти с этой дороги до появления полиции и пожарных. Быстрый шаг обеспечивал молчание Ричарда, который с трудом удерживался от разговора... или вопросов.

Они прошли около двух миль, и Джек уже мысленно поздравлял себя с удачной уловкой, когда Ричард позвал его тонким свистящим голосом: «Эй, Джек...»

Джек сразу обернулся к немного отставшему Ричарду. Отметины покрыли его белую, как бумага, кожу, словно родимые пятна. Джек подхватил его — Ричард, казалось, весил не больше бумажного пакета.

— О, Боже, Ричард!

— Чувствовал себя нормально до последней секунды, — сказал Ричард все тем же слабым голосом. Его дыхание было очень быстрым, очень резким. Глаза были полузакрыты. Джек видел только белки и узкие дуги радужных оболочек. — Я просто... ослаб. Извини.

Сзади раздался еще один тяжелый, рыкающий звук взрыва, за которым последовал грохот обломков поезда, падавших на жестяную крышу сборного домика. Джек оглянулся, потом с опаской посмотрел вперед.

— Ты сможешь забраться мне на спину? Я тебя понесу. — «Как Волк», — подумал он.

— Да, смогу.

— Если не можешь — скажи.

— Джек, — сказал Ричард с оттенком хорошо знакомого ворчания, — если бы я не мог забраться тебе на спину, я бы не сказал, что могу.

Джек поставил Ричарда на ноги. Ричард стоял, покачиваясь, и казалось, что, если бы кто-нибудь дунул на него, он опрокинулся бы назад. Джек повернулся и присел на корточки, поставив ноги на ржавый рельс. Он закинул руки за спину, и Ричард обхватил руками его шею. Джек встал на ноги и зашагал по шпалам быстрым шагом, почти побежал трусцой. Нести Ричарда проблемы не составляло, и не только потому, что Ричард потерял в весе. Джек катал бочки с пивом, таскал картонные коробки, собирал яблоки. Он провел некоторое время, таская камни на Дальнем Поле Солнечного Гарднера. Все это укрепило его. Но эта крепость проникла во все фибры его сущности гораздо глубже, чем простые, бездумные физические упражнения. Джек смутно ощущал то, что он не просто пытался спасти жизнь своей матери, с самого начала он делал нечто более великое. Он пытался сделать доброе дело, и сейчас он чувствовал, что именно это его укрепляло.

Он действительно побежал трусцой.

— Если меня укачает, — сказал Ричард голосом, замирающим синхронно с шагами Джека, — меня просто вырвет на твою голову.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать, Ричи, — пропыхтел Джек, улыбаясь.

— Я себя чувствую... ужасно глупо здесь, наверху. Как шест для прыжков, сделанный из человека.

— Вероятно, это так и выглядит, дружок.

— Не... называй меня дружком, — прошептал Ричард, и улыбка Джека расширилась. *«О, Ричард, мерзавец, живи вечно»*, — подумал он.

4

— Я знал того человека, — прошептал Ричард сверху.

Слова Ричарда словно вырвали Джека из дремоты. Он нес Ричарда уже десять минут, они преодолели еще одну милю, но по-прежнему не было видно никаких признаков цивилизации. Только рельсы, только запах соли в воздухе.

Рельсы... — подумал Джек. Идут ли они туда, куда я думаю?

— Какого человека?

— С кнутом и карабином. Я знал его. Я видел его много раз.

— Когда? — пропыхтел Джек.

— Давно. Когда я был маленьким, — сказал Ричард, потом с неохотой добавил: — Примерно тогда, когда у меня был... тот странный сон про шкаф, — он помолчал. — Только это был не сон, да?

— Да, думаю, что это так.

— Да. Был ли человек с кнутом отцом Рауля?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что да, — угрюмо произнес Ричард. — Наверняка.

Джек остановился.

— Ричард, куда ведут эти рельсы?

— Ты знаешь, куда они ведут, — сказал Ричард со странной, пустой безмятежностью.

— Да, кажется знаю. Но я хочу, чтобы ты мне сказал это. — Джек помолчал. — Я думаю, что мне нужно услышать то, что ты скажешь. Куда они ведут?

— Они ведут в городок, который называется Пойнт-Венути, — сказал Ричард, голос его звучал так, что казалось, что он сейчас снова заплачет. — Там есть большой отель. Я не знаю, то ли это место, которое ты ищешь, но, мне кажется, это оно.

— Я тоже так думаю, — сказал Джек. Он снова пошел вперед, ощущая ноги Ричарда и нарастающую боль в спине. Он шел по рельсам, которые могли привести его — их обоих — к тому месту, где могло быть найдено спасение для его матери.

Пока они шли, Ричард говорил. Он еще не добрался до темы связи его отца со всеми этими безумными делами, но понемногу приближался к ней.

— Я знал этого человека раньше, — сказал Ричард. — Я совершенно уверен, что знал. Он приходил к нам домой. Всегда к черному ходу. Он не звонил в звонок и не стучался. Он... скребся в дверь. Это вызывало у меня мурашки. Пугало так, что я был готов описаться. Он был высоким — о, все взрослые кажутся детям высокими, но он был *очень* высоким — и имел белые волосы. Большую часть времени он носил темные очки, иногда очки с зеркальными стеклами. Когда я увидел записку про него в «Сэндэй Рипорт», я знал, что я видел его *где-то* раньше. В тот вечер, когда все произошло, мой отец разбирался с бумагами наверху. Я сидел перед телевизором, и, когда пришел отец и увидел, что показывают, он чуть не выронил из рук стакан. Потом он переключил программу на «Стар Трек»... Но этот человек не называл себя Солнечным Гарднером, когда приходил к моему отцу. Его звали... я не могу точно вспомнить, но что-то вроде Банлон... или Орлон...

— Осмонд?

Ричард просиял.

— Да, именно так. Я никогда не слышал его имени, только фамилию. Он приходил к нам каждый месяц. Иногда чаще. Одно время он приходил к нам почти каждый вечер, целую неделю, потом пропал почти на полгода. Я обычно запирался в комнате, когда он приходил. Мне не нравился его запах. Он пахнул... видимо это был одеколон, но запах был сильнее. Как духи. Дешевые духи. Но под этим запахом...

— Под ним он пахнул, словно не мылся лет десять.

Ричард посмотрел на него расширившимися глазами.

— Я встречал его и как Осмонда тоже, — объяснил Джек. Он говорил об этом и раньше, но тогда Ричард его не слушал. Он слушал теперь. — В том месте, которое в Долинах соответствует Нью-Хемпширу, до того, как я встретил его в качестве Солнечного Гарднера в Индиане.

— Тогда ты, наверное, видел этого... это *существо*.

— Рауля? — Джек покачал головой. — Рауль, вероятно, тогда находился в Проклятых Землях, получая свою дозу радиации. — Джек вспомнил язвы на лице существа, вспомнил червей. Он посмотрел на свои покрасневшие, припухшие запястья и содрогнулся. — Я не видел Рауля до самого конца и никогда не видел его американского Двойника. Сколько тебе было лет, когда стал появляться Осмонд?

— Года четыре. История с... ты знаешь, со шкафом... это было еще до нее. Я помню, что стал больше бояться его после этого.

— После того, как нечто прикоснулось к тебе в шкафу.

— Да.

— И это случилось, когда тебе было пять.

— Да.

— Когда нам *обоим* было по пять.

— Да. Ты можешь меня опустить. Я могу идти.

Джек так и сделал. Они шли молча, опустив головы, не глядя друг на друга. Когда ему было пять лет, что-то протянуло руку из темноты и прикоснулось к Ричарду. Когда им было по шесть лет.

(шесть, Джеки было шесть)

Джек снова вспомнил разговор своего отца и Моргана Слоута о том месте, где они бывали, месте, которое Джек называл Страной Мечты. Позже, в том же году, что-то протянуло руку из темноты и коснулось его и его матери. Это был голос Моргана Слоута. Морган Слоут звонил из Грин Ривер, штат Юта. Рыдая. Он, Фил Сойер и Томми Вудбайн отправились три дня назад на их ежегодную ноябрьскую охоту — Рэнди Гловер, их товарищ по колледжу, владел роскошным охотничьим домиком в Блессингтоне, штат Юта. Гловер обычно охотился вместе с ними, но в том году он путешествовал по Карибскому морю. Морган звонил, чтобы сообщить, что Фил убит каким-то образом другим охотником. Он и Томми Вудбайн вынесли его из леса на самодельных носилках. Фил пришел в сознание на заднем сиденье джипа Гловера, сказал Морган, и попросил Моргана передать Лили и Джеку, что он их любит. Он умер пятнадцать минут спустя, по пути в Грин Ривер, где находилась ближайшая больница.

Морган не убивал Фила, Томми мог подтвердить, что они были вместе, когда раздался выстрел, если бы это потребовалось.

Но это не значило, что он не мог подстроить все это, считал теперь Джек. И не нужно было говорить, что дядя Томми тоже мог иметь некоторые сомнения по этому поводу. Если так, то дядя Томми был убит не только для того, чтобы Джек и его умирающая мать остались без какой-либо защиты от домогательств Моргана. Возможно, он умер потому, что Морган устал бояться того, что старый гомик может наконец намекнуть выжившему сыну, что смерть Фила Сойера не была простым несчастным случаем. От ужаса и отвращения у Джека пробежали мурашки по коже.

— Появлялся ли этот человек перед тем, как наши отцы отправились на охоту в последний раз вместе? — беспокойно спросил Джек.

— Джек, мне было четыре года...

— Нет, тебе было *шесть*. Тебе было четыре, когда он начал приходить, тебе было шесть, когда в Юте был убит мой отец. И

постарайся вспомнить. Приходил ли он перед тем, как погиб мой отец?

— Тогда он приходил почти каждый вечер, целую неделю, — сказал Ричард едва слышным голосом, — как раз перед той поездкой на охоту.

И хоть Ричард ни в чем не был виноват, Джек не смог скрыть злости в голосе.

— Мой отец погиб от несчастного случая на охоте в Юте, дядя Томми сбит машиной в Лос-Анджелесе. Уровень смертности среди друзей твоего отца чертовски высок, Ричард.

— Джек... — начал Ричард тихим, дрожащим голосом.

— Я ничего не имею против тебя, Ричард, — сказал Джек, — но когда я появился у тебя в школе, ты обозвал меня сумасшедшим.

— Джек, ты не понима...

— Нет. Я был уставшим, и ты дал мне место для сна. Я был голоден, и ты дал мне еды. Прекрасно. Но больше всего мне было нужно, чтобы ты *верил* мне. Я понадеялся на тебя, но — фигушки! Ты *знал*, о ком я говорю! Ты *знал*, что он бывал у твоего отца раньше! А все, что ты сказал, было что-то вроде «старина Джек перегрелся на солнышке на острове Сибрук и ля-ля-ля!» Господи, Ричард, я думал, что мы были лучшими друзьями!

— Ты все еще не понимаешь.

— Что? Что ты слишком боялся всей этой дряни, напоминающей остров Сибрук, чтобы верить мне? — голос Джека дрожал от возмущения.

— Нет. Я боялся кое-чего большего.

— Да? — Джек остановился и язвительно взглянул на бледное лицо Ричарда. — Что может быть больше этого для Рационального Ричарда?

— Я боялся, — сказал Ричард внезапно совершенно спокойным голосом, — я боялся, что если я узнаю побольше обо всех этих секретах... об этом Осмонде или о том, что было в шкафу в тот раз, я не смогу больше любить своего отца. И я был прав.

Ричард закрыл лицо своими тонкими, грязными пальцами и заплакал.

6

Джек смотрел на плачущего Ричарда и проклинал себя за свою глупость. Кем бы ни был Морган, он был отцом Ричарда. Дух Моргана присутствовал в форме рук Ричарда, в чертах его лица. Неужели он забыл об этом? Нет, но на какой-то момент его разочарование в Ричарде отодвинуло это на второй план. И его нарастающая нервозность сыграла свою роль. Талисман был близко,

очень близко, он чувствовал это своими нервными окончаниями, как лошадь чувствует воду в пустыне или пожар в степи. Эта нервозность проявляла себя в его раздраженности.

«Ладно, этот парень — твой лучший друг, Джеки. Можешь немного поворчать на него, если нужно, но не надо топтать Ричарда. Парень болен, если ты до сих пор не заметил этого».

Он протянул руку к Ричарду. Ричард попытался оттолкнуть его. Джек не уступил. Он обнял Ричарда. Они постояли так некоторое время, посередине заброшенной железной дороги, голова Ричарда лежала на плече у Джека.

— Слушай, — сказал Джек смущенно, — постарайся не думать о... ты понимаешь... обо всем этом... хотя бы сейчас, Ричард. Попробуй просто плыть по течению, понимаешь? — Это звучало действительно глупо. Как сказать кому-нибудь, что у него рак, но волноваться не стоит, так как скоро включат видео и покажут «Звездные войны», что несомненно поднимет настроение.

— Да, конечно, — сказал Ричард. Он оттолкнулся от Джека. Слезы оставили чистые следы на его грязном лице. Он вытер глаза рукой и попытался улыбнуться. — Все будет хорошо, все будет хорошо...

— И все будет в порядке, — подтянул Джек. Они вместе закончили, потом вместе засмеялись, и это было хорошо.

— Пойдем, — сказал Ричард, — пора идти.

— Куда?

— За твоим Талисманом, — сказал Ричард. — Судя по тому, что ты говоришь, он должен быть в Пойнт-Венути. Это ближайший город. Пойдем, Джек, пора. Но иди медленно — я еще не закончил разговор.

Джек с любопытством посмотрел на него, и они пошли дальше — но медленно.

7

Плотина была сломана, и Ричард стал вспоминать; информация полилась из него неожиданным фонтаном. Джек начал ощущать, что он собирал головоломку, не зная, что некоторых из наиболее важных частей не хватает. Ричард поставил эти части на место. Ричард бывал в лагере выживальщиков раньше — это была первая часть. Это место принадлежало его отцу.

— Ты уверен, что это то же место, Ричард? — спросил Джек с сомнением.

— Я уверен, — сказал Ричард, — оно казалось мне немного знакомым даже там, на другой стороне. Когда мы вернулись сюда... я уверен.

Джек кивнул, не зная, что сказать.

— Мы обычно останавливались в Пойнт-Венути. Там мы останавливались перед тем, как приехать сюда. Поезд был прекрасной штукой. Сколько пап имеют свои собственные поезда?

— Не много, — сказал Джек. — Я думаю, что Даймонд Джим Брэди и некоторые другие из этих ребят имели свои личные поезда, но я не знаю, были ли они папами или нет.

— О, мой отец не принадлежал к их лиге, — сказал Ричард, смеясь, и Джек подумал: *«Ричард, ты можешь быть неприятно удивлен»*.

— Мы добирались до Пойнт-Венути из Лос-Анджелеса на автомобиле, взятом напрокат. Там был мотель, в котором мы останавливались. Только я и он, — Ричард замолчал. Его глаза затуманили любовь и воспоминания. — Потом, после небольшого отдыха, мы отправлялись на поезде моего папы в Лагерь Готовности. Это был просто маленький поезд, — он испуганно посмотрел на Джека, — вроде того, на котором мы приехали.

— Лагерь Готовности?

Но Ричард, казалось, не слышал его. Он смотрел на ржавые рельсы. Здесь они были целыми, но Джек подумал, что Ричард мог вспомнить искореженные рельсы, мимо которых они проходили раньше. В двух местах концы отдельных секций были загнуты вверх, как оборванные гитарные струны. В Долинах эти рельсы были бы любовно ухожены и имели бы прекрасный вид.

— Видишь, здесь раньше была трамвайная линия, — сказал Ричард. — Это было в тридцатых годах, так говорил мой отец. Красная Линия округа Мендосино. Только принадлежала она не округу, а частной компании, а компания обанкротилась, потому что в Калифорнии... ну, ты знаешь...

Джек кивнул. В Калифорнии все пользовались автомобилями.

— Ричард, а почему ты никогда не рассказывал мне об этом месте?

— Отец сказал, чтобы я никогда не говорил тебе. Ты и твои родители знали, что мы иногда отдыхали в Калифорнии, и он говорил, что это нормально, но мне нельзя было рассказывать о поезде или о Лагере Готовности. Он говорил, что если я проболтаюсь, Фил может рассердиться, потому что это было тайной.

Ричард помолчал.

— Он говорил, что если я проболтаюсь, он никогда не возьмет меня сюда снова. Я думал, что все это происходило из-за того, что они были партнерами в этом деле... А трамвайная линия обанкротилась из-за автомобилей и скоростных шоссе, — он снова помолчал. — Вот что я могу сказать об этом месте.

Джек опять кивнул, ничего не говоря.

— Трамвайная компания в конце концов продала всю линию строительной компании. Они думали, что люди начнут переселяться в глубь штата. Но этого не произошло.

— И тогда твой отец купил ее.

— Да, видимо, так. Я точно не знаю. Он никогда не говорил много о покупке линии... или о том, как он заменил трамвайные рельсы на железнодорожные.

«Это потребовало большого труда», — подумал Джек, а потом подумал о шахтах и о рабах Моргана из Орриса.

— Я знал, что он заменил их, но только потому, что у меня была книга про железные дороги, и там было написано, что трамвайная колея стала железнодорожной.

Джек наклонился и действительно увидел едва заметный след между существующими рельсами — там, где раньше были трамвайные рельсы.

— У него был маленький красный поезд, — мечтательно произнес Ричард, — только локомотив и два вагона. Он ездил на дизельном топливе. Отец часто веселился по этому поводу и говорил, что единственное, что отличает мужчин от мальчиков, это цена их игрушек. На холме около Пойнт-Венути была старая трамвайная станция, мы добирались туда на взятом напрокат автомобиле, парковались и входили вовнутрь. Я помню, как пахла станция — чем-то старым, но приятным... старым солнечным светом или чем-то вроде того. И поезд стоял там. А мой отец говорил: «Поезд в Лагерь Готовности отправляется, Ричард! Ты купил билет?» И там был лимонад... или чай со льдом... и мы садились в кабину... иногда он что-то вез с собой... запасы... сзади... мы садились в кабину... и... и...

Ричард резко сглотнул и провел рукой по глазам.

— И это было прекрасное время, — закончил он. — Только он и я. Это было здорово.

Он оглянулся вокруг, в глазах блестели нескрываемые слезы.

— В Лагере Готовности был поворотный круг, — сказал он. — В те времена. В старые времена.

Ричард с трудом сдерживал рыдания.

— Ричард...

Джек попытался прикоснуться к нему.

Ричард стянул его руку и отступил, смахивая тыльными сторонами ладоней слезы со щек.

— Я тогда не был таким большим, — сказал он, улыбаясь. Точнее, пытаюсь улыбнуться. — Ничего тогда не было таким большим, так ведь, Джек?

— Нет, — сказал Джек, понимая, что он уже сам плачет.

О, Ричард, дорогой мой.

— Нет, — сказал Ричард, улыбаясь, оглядываясь вокруг и размазывая слезы по грязным щекам, — ничего тогда не было таким большим, в старые времена, когда мы были детьми. Тогда мы жили в Калифорнии, и никто больше нигде не жил.

Он посмотрел на Джека, пытаясь улыбнуться.

— Джек, помоги мне, — сказал он. — Мне кажется, будто моя нога попала в какую-то ду-ду-дурацкую ло-ло-ловушку, и я... я...

Потом Ричард упал на колени, и Джек опустился рядом с ним, и больше мне нечего сказать — разве что только то, что они успокаивали друг друга как только могли, но, как вы вероятно знаете по собственному горькому опыту, это всегда получается недостаточно хорошо.

8

— В те времена забор был новым, — сказал Ричард, когда он смог снова говорить. В ветвях высокого раскидистого дуба пел козодой. Запах соли в воздухе становился сильнее. — Я помню это. И вывеску: ЛАГЕРЬ ГОТОВНОСТИ — вот что она гласила. Там была полоса препятствий, канаты, по которым можно было лазить, и другие канаты, на которых надо было повиснуть и, раскачавшись, перепрыгнуть через большие ямы с водой. Это все напоминало лагерь для новобранцев в фильме про морских пехотинцев времен Второй мировой войны. Но парни, использовавшие эти приспособления, совсем не были похожи на морских пехотинцев. Они были толстыми и все были одеты одинаково — серые тренировочные костюмы с маленькими буквами «ЛАГЕРЬ ГОТОВНОСТИ» на груди и красными полосками на брюках. Казалось, что в любой момент их может хватить удар или сердечный приступ. Или то и другое одновременно. Иногда мы оставались на ночь. Пару раз мы оставались на весь уик-энд. Не в сборном металлическом доме, он был чем-то вроде казармы для парней, плативших за то, чтобы их привели в форму.

— Если это действительно было так.

— Да, верно. Если это действительно было так. Так или иначе, мы ночевали в большой палатке и спали на раскладушках. Это было здорово, — Ричард тоскливо улыбнулся. — Но ты прав, Джек, не все парни, тусовавшиеся там, выглядели как бизнесмены, пытающиеся сбросить лишний вес. Были и другие...

— Какие другие? — тихо спросил Джек.

— Некоторые из них — многие из них — выглядели как большие волосатые твари из другого мира, — сказал Ричард таким тихим голосом, что Джеку пришлось напрячь слух, — я имею в виду Волков. Они выглядели *похоже* на обычных людей, но не очень. Они выглядели... грубыми. Знаешь?

Джек кивнул. Он знал.

— Я помню, что я немного побаивался смотреть им в глаза. В них были какие-то вспышки света... словно их мозги были в огне. Некоторые другие...

Свет внезапного понимания загорелся в глазах Ричарда.

— Некоторые другие выглядели как новый баскетбольный тренер, о котором я тебе рассказывал. Который носил кожаную куртку и курил.

— Как далеко этот Пойнт-Венути, Ричард?

— Точно я не знаю, но мы обычно добирались сюда за пару часов, а поезд никогда не ехал быстро. Со скоростью бегущего человека, не быстрее. Вряд ли больше двадцати миль от Лагеря Готовности, это все, что я могу сказать. Может быть, немного меньше.

— Значит, теперь мы в пятнадцати милях, или меньше, от него.
От...

(от Талисмана)

— Да, верно.

Джек посмотрел вверх. День стал темнее. Словно чтобы показать, что придание силам природы свойств живых существ не является такой уж большой ошибкой, солнце скрылось за пеленой облаков. Температура упала градусов на десять, и день стал пасмурным. Козодой затих.

9

Ричард увидел вывеску первым — простой белый деревянный квадрат с черными буквами. Он стоял слева от рельсов, и вьюнок опутал его ствол, словно столб стоял здесь уже давно. Надпись, однако, была актуальной. Она гласила: «ХОРОШИЕ ПТИЧКИ МОГУТ ЛЕТАТЬ, ПЛОХИЕ МАЛЬЧИШКИ ДОЛЖНЫ УМИРАТЬ. ЭТО ВАШ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС: *ИДИТЕ ДОМОЙ*».

— Ты можешь идти, Ричи, — сказал Джек тихо, — со мной ничего не случится. Они тебя пропустят. Это не твое дело.

— Мне кажется, что это мое дело, — сказал Ричард.

— Я втянул тебя в это.

— Нет, — сказал Ричард, — мой отец втянул меня в это. Или судьба втянула меня в это. Или Бог. Или Джейсон. Кто бы это ни был, я остаюсь с тобой.

— Ладно, — сказал Джек. — Пойдем.

Когда они проходили мимо вывески, Джек подпрыгнул и ударом ноги, как заправский кунгфуист, сбил доску.

— Надо идти, дружок, — сказал Ричард с улыбкой.

— Спасибо. Только не называй меня дружком.

Несмотря на то, что он снова стал выглядеть бледным и изнуренным, Ричард говорил на протяжении всего следующего часа их пути вдоль железной дороги, в то время как запах Тихого океана становился все сильнее. Из него лился поток воспоминаний, накопившихся за многие годы. И хоть лицо его ничего не выражало, Джек чувствовал восхищение... и глубокую жалость к маленькому ребенку, тянущемуся к последнему обломку привязанности к своему отцу, которую Ричард открыл ему по неосторожности или намеренно.

Он смотрел на бледное лицо Ричарда, на язвы на щеках, лбу и вокруг рта, слушал его неуверенный, почти шепчущий голос, который несколько не стеснялся того, что появилась наконец возможность рассказать все, и радовался, что Морган Слоут никогда не был его отцом.

Ричард сказал, что он помнил ориентиры вдоль этой части железной дороги. Они видели крышу коровника с выцветшей рекламой сигарет «Честерфилд» на ней, выглядывающую из-за деревьев.

— Двадцать лучших сортов табака составляют двадцать чудесных сигарет, — сказал Ричард, улыбаясь. — Только в старые времена был виден весь коровник.

Он указал на большую сосну с двойной верхушкой, а спустя пятнадцать минут сказал Джеку: «На другой стороне этого холма была скала, похожая на лягушку. Давай посмотрим, стоит ли она там по-прежнему».

Скала была, и Джек согласился, что она была похожа на лягушку. Немного. Если напрячь воображение. *И, возможно, это помогает быть трехлетним. Или четырехлетним. Или семилетним. Или... сколько ему тогда было лет?*

Ричард любил железную дорогу и считал Лагерь Готовности действительно приятным местом, с его беговой дорожкой, барьерами и канатами для лазания. Но ему не нравился Пойнт-Венути. После некоторого раздумья Ричард вспомнил название мотеля, в котором они с отцом останавливались во время пребывания в прибрежном городке. Мотель «Кингслэнд», сказал он... и Джек обнаружил, что это название совсем не удивило его.

Мотель «Кингслэнд», сказал Ричард, находился в двух шагах от старого отеля, которым его отец всегда интересовался. Ричард мог видеть отель из своего окна, и он ему не нравился. Это было большое, беспорядочно построенное здание с башенками, фронтонами, двухскатными крышами и куполами. На всем этом крутились медные флюгера. Они крутились даже тогда, когда не было ветра, сказал Ричард. Он ясно помнил, как он стоял у окна своей комнаты

и смотрел, как они крутятся, странные медные создания в форме полумесяцев, жуков-скарабеев и китайских идеограмм, мелькающие в солнечных лучах, в то время как океан ревел и пенился внизу.

«Да, док, теперь я начинаю все понимать», — подумал Джек.

— Он был пустым? — спросил Джек.

— Да, он продавался.

— Как он назывался?

— «Эджинкорт», — Ричард помолчал, потом добавил еще одну детскую краску, ту, которую многие маленькие дети предпочитают оставить в коробке. — Он был черным. Он был построен из дерева, но дерево выглядело как камень. Старый черный камень. Мой отец и его друзья так и называли его: «Черный Отель».

11

Ричарда частично — но не полностью — отвлекло то, что Джек спросил:

— Твой отец купил этот отель? Так же как и Лагерь Готовности?

Ричард подумал некоторое время, потом кивнул:

— Да, — сказал он, — я думаю, что он купил его. Через некоторое время. На воротах отеля висела табличка «продается», когда он начал брать меня туда, но однажды она исчезла.

— Но ты никогда там не останавливался?

— О, Боже, нет! — Ричард содрогнулся. — Меня можно было бы затащить туда разве что на цепи... да и в таком случае я не пошел бы туда.

— Значит, ты никогда туда не входил?

— Нет. Никогда не входил, никогда не войду.

«Ах, Ричи, неужели никто не учил тебя никогда не говорить «никогда»?»

— Это касалось и твоего отца? Он тоже никогда не входил туда?

— Нет, насколько я знаю, — сказал Ричард своим лучшим профессорским голосом. Его указательный палец потянулся к переносице, чтобы поправить очки, которых там не было. — Я готов поспорить, что он никогда не входил вовнутрь. Он боялся не меньше меня. Но я просто... боялся. Что касается моего отца, то тут было нечто большее. Он...

— Он что?

Неохотно, Ричард продолжил:

— Он был околдован этим домом, как мне кажется.

Ричард остановился, взгляд его отсутствовал: он вспоминал.

— Он стоял перед ним каждый день, когда мы были в Пойнт-Венути. И не по несколько минут — он мог стоять там три, четыре

часа. Иногда дольше. Обычно он был один. Но не всегда. У него были... странные друзья.

— Волки?

— Я думаю, да, — сказал Ричард почти раздраженно. — Да, я думаю, некоторые из них были Волками, или как там ты их называешь. Казалось, что они себя чувствуют неудобно в своей одежде — они все время чесались, обычно в тех местах, где приличные люди не чешутся. Другие были похожи на нового тренера. Резкие и грубые. Некоторых из них я видел и в Лагере Готовности. И вот что я тебе скажу, Джек: эти парни боялись этого места еще сильнее, чем мой отец. Они почти съеживались от страха, когда приближались к этому дому.

— А Солнечный Гарднер? Он бывал там?

— Ага. Но в Пойнт-Венути он выглядел более похожим на человека, которого мы видели там...

— Осмонда.

— Да. Но эти люди приходили нечасто. Обычно там был только мой отец, один. Иногда он заказывал в ресторане мотеля сэндвичи, а потом сидел на скамейке, ел завтрак и смотрел на отель. Я стоял у окна в холле «Кингслэнда» и смотрел на своего отца, смотрящего на отель. Мне никогда не нравилось его лицо в такие моменты. Он выглядел испуганным, но, кроме того, казалось, что он... что он тайно злорадствовал.

— Злорадствовал, — задумчиво произнес Джек.

— Иногда он спрашивал меня, хочу ли я пойти с ним, и я всегда говорил «нет». Он кивал, а однажды, я помню, он сказал: «Придет время, и ты все поймешь, Рич... В свое время». Я помню, что я подумал, что если он говорит о черном отеле, то я не хочу ничего понимать.

— Однажды, — сказал Ричард, — когда он напился, он сказал, что внутри этого дома что-то есть. Он сказал, что это было там очень долго. Я помню, мы лежали в своих кроватях. Той ночью был сильный ветер. Я слышал волны, бьющиеся об берег, и скрип флюгеров на верхушках башен «Эджинкорта». Это был пугающий звук. Я думал об этом доме, о его комнатах, совершенно пустых...

— Если не считать привидений, — пробормотал Джек. Ему показалось, что он услышал шаги и быстро обернулся. Ничего, никого. Вся обозримая часть дороги была пуста.

— Верно, если не считать привидений, — согласился Ричард. — И я спросил: «Это значительная вещь, папа?» — «Это самая важная вещь там», — сказал он. «Тогда какой-нибудь бродяга может забраться туда и украсть эту вещь», — сказал я. Это было не то — как бы это сказать? — это было не то, о чем я хотел бы говорить, но я боялся, что он заснет. Я боялся воя ветра и скрипа флюгеров в ночи. Он засмеялся, и я услышал, как он налил себе еще немного

бурбона из бутылки, стоявшей на полу. «Никто не украдет это, Рич, — сказал он, — и какой-нибудь бродяга, забравшийся в «Эджинкорт», увидит там то, чего он *никогда* не видел раньше». Он допил свой бурбон, и мне показалось, что он начал засыпать. «Только один человек во всем мире может прикоснуться к этой вещи, но он никогда не приблизится к ней, Рич, я могу гарантировать это. Единственное, что меня интересует, это то, что эта вещь одинакова и здесь и там. Она не меняется — во всяком случае насколько я могу сказать. Я бы хотел ее иметь, но я не хочу даже пытаться, во всяком случае сейчас, а может быть и никогда. Я могу делать что-то с этой вещью, но в общем я считаю, что лучше будет, если она останется там, где она есть». Я сам тоже начал засыпать, но спросил его, что это была за *вещь*, о которой он говорил.

— Что он ответил? — спросил Джек, во рту у него пересохло.

— Он назвал это... — Ричард смутился, нахмурившись в раздумье, — он назвал это «осью всех возможных миров». Потом он засмеялся. Потом он назвал это по-другому. Так, как тебе не понравится.

— Как?

— Это рассердит тебя.

— Давай, Ричард, говори.

— Он назвал это... ну... он назвал это «каприз Фила Сойера».

Ричард почувствовал не злость, а взрыв жгучего волнения. Все было верно, это был он, это был Талисман. Ось всех возможных миров. Скольких миров? Одному Богу известно. Американских Территорий, самих Долин, гипотетических Долин Долин, еще каких-то миров, как полосы, непрерывно поднимающиеся вверх и наружу по шесту, окрашенному по спирали в разные цвета. Вселенная миров, многомерный макрокосм миров — и во всех них одна вещь была неизменной, одна объединяющая сила, которая была безусловно доброй, даже будучи заточенной в злом месте, Талисман, ось всех возможных миров. И он был капризом Фила Сойера? Возможно. Капризом Фила Сойера... Капризом Джека... Моргана Слоута... Гарднера... И, конечно, надеждой двух Королев.

— Это больше, чем Двойники, — сказал он тихим голосом.

Ричард тащился, глядя на прогнившие шпалы под ногами. Теперь он нервно поднял голову и посмотрел на Джека.

— Это больше, чем Двойники, потому что есть больше двух миров. Это уже не двойни, а триады... четверни... кто знает? Морган Слоут здесь, Морган из Орриса там, может быть, Морган, Герцог Азильский, где-нибудь еще. *Но он никогда не входил в отель!*

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказал Ричард покорным голосом. *«Но я уверен, что ты все равно будешь говорить, —*

звучало в его голосе, — *продвигаясь от нонсенса к полному безумию. Поезд на остров Сибрук отправляется!*»

— Он не может войти вовнутрь. То есть, Морган из Калифорнии не может, и ты знаешь почему? Потому, что Морган из *Орриса* не может. А Морган из Орриса не может потому, что Морган из *Калифорнии* не может. Если один из них не может войти в *его* вариант черного отеля, то *ни один из них* не может. Понимаешь?

— Нет.

Джек, взволнованный своим открытием, не обратил внимания на слова Ричарда.

— Два Моргана или десятки. Это неважно. Две Лили или десятки — десятки Королев в десятках миров, Ричард, подумай об этом! Десятки черных отелей — только в других мирах это может быть черный увеселительный парк... или черный гараж... или я не знаю что. Но Ричард...

Он остановился, повернул Ричарда за плечи и уставился на него, глаза его сияли. Ричард попытался отвернуться от него, но потом остановился, пораженный огненной красотой лица Джека. Вдруг Ричард поверил, что все возможно. Вдруг он почувствовал себя *исцеленным*.

— Что? — прошептал он.

— *Некоторые* вещи являются исключением. Некоторые люди являются исключением. Они... э... *единственные*. Они как он — Талисман. Единственные. Я. Я единственный. У меня был Двойник, но он умер. Не только в Долинах, но и во *всех* мирах, кроме этого. Я знаю это — я чувствую это. Мой отец тоже это знал. Я думаю, поэтому он называл меня Странником Джеком. Когда я здесь, там меня нет. Когда я там, меня нет здесь. И ты, Ричард, *тоже!*

Ричард уставился на него, потеряв дар речи.

— Ты не помнишь, ты прослушал большую часть того, о чем мы говорили с Андерсом. Он сказал, что у Моргана из Орриса был сын. Раштон. Знаешь, кем он был?

— Да, — прошептал Ричард. Он все еще не мог отвести глаза от Джека. — Он был моим Двойником.

— Верно. Мальчик умер, как сказал Андерс. Талисман *единствен*. Мы *единственны*. Твой отец — нет. Я видел Моргана из Орриса в том мире, он *похож* на твоего отца, но он *не* твой отец. Он не мог войти в черный отель, Ричард. Он не может и сейчас. Но он знал, что ты *единственен*, так же, как знает и про меня. Он хотел, чтобы я умер. Ему нужно, чтобы ты был на его стороне. Значит, если бы он решил, что ему *нужен* Талисман, он всегда мог бы послать за ним *тебя*.

Ричард начал дрожать.

— Не бери в голову, — мрачно сказал Джек. — Ему не надо беспокоиться об этом. Мы возьмем Талисман, но ему он не достанется.

— Джек, я не думаю, что смогу войти в тот дом, — сказал Ричард, но сказал он это тихим шепотом, и Джек, который уже шел дальше, не услышал его.

Ричард пошел следом.

12

Беседа прервалась. Прошел полдень. Лес стал очень тихим, и дважды Джек видел деревья с сучковатыми стволами и спутанными корнями, растущие довольно близко к дороге. Ему не понравился вид этих деревьев. Они казались знакомыми.

Ричард, глядя на шпалы, исчезающие под его ногами, наконец споткнулся и упал, ударившись головой. После этого Джек снова понес его на спине.

— Смотри, Джек! — крикнул Ричард спустя, казалось, вечность.

Впереди рельсы исчезали в старом сарае. Двери были открыты, за ними была полутьма, казавшаяся изъеденной молью. За сараем (который раньше мог быть приятным местом, как говорил Ричард, но теперь казался пристанищем привидений) проходило шоссе. «Шоссе 101», — догадался Джек.

А за ним — океан. Был слышен шум прибоя.

— Похоже, мы пришли, — сказал Джек севшим голосом.

— Почти, — сказал Ричард. — Пойнт-Венути находится в миле отсюда. О, Боже, я не хотел бы, чтобы мы шли туда, Джек... Джек? Куда ты идешь?

Но Джек не оглянулся. Он сошел с железнодорожного полотна, обошел одно из странно выглядевших деревьев (оно было высотой с куст) и пошел к дороге. Высокая трава задевала его истертые в пути джинсы. Внутри трамвайного сарая — давнишней личной железнодорожной станции Моргана Слоута — что-то упало и покатилося, но он даже не посмотрел в ту сторону.

Он дошел до дороги, пересек ее и пошел к берегу.

13

В середине декабря 1981 года мальчик по имени Джек Сойер стоял там, где соединялись вода и суша, держа руки в карманах и глядя на спокойный Тихий океан. Ему было двенадцать лет, и он был исключительно красив для своего возраста. Его темные волосы были длинными, — возможно, даже слишком — но морской ветер откинул их назад с красивого, чистого лба. Он стоял и думал о своей матери, которая умирала, о друзьях, отсутствующ-

щих и присутствующих, и о мирах в мирах, мчащихся по своим орбитам.

«Я прошел этот путь, — подумал он и содрогнулся. — От берега до берега с Странником Джеком Сойером». Его глаза внезапно наполнились слезами. Он глубоко вдохнул соленый воздух. Он был здесь — и Талисман был близок.

— Джек!

Сначала Джек не посмотрел на него, его взгляд был прикован к Тихому океану, к солнечному свету, игравшему на гребнях волн. Он был здесь, он сделал это, он...

— Джек! — Ричард толкнул его в плечо, выводя из оцепенения.

— А?

— Смотри! — изумленно воскликнул Ричард, показывая куда-то вдоль дороги, в том направлении, где предположительно лежал Пойнт-Венути. — Смотри туда!

Джек посмотрел. Он понял удивление Ричарда, но сам не удивился, а если и удивился, то не больше, чем тогда, когда Ричард сказал ему название мотеля, в котором они с отцом останавливались в Пойнт-Венути. Нет, он не был удивлен, но...

Но было чертовски приятно снова увидеть свою мать.

Ее лицо имело двадцать футов в высоту, и это было более молодое лицо, чем мог помнить Джек. Лили была такой, какой она выглядела на вершине своей карьеры. Ее волосы, превосходного золотистого оттенка, были собраны сзади в конский хвост. Ее беззаботная улыбка как бы говорила «иди к черту». Никто другой в фильмах не улыбался, как она — это было ее изобретение. Она оглядывалась через обнаженное плечо. На Джека... на Ричарда... на голубой Тихий океан.

Это была его мать... но когда он моргнул, лицо слегка изменилось. Линия подбородка и нижней челюсти слегка округлилась, скулы стали менее ярко выраженными, волосы — темнее, глаза — еще более голубыми. Теперь это было лицо Лауры де Луизиан, матери Джейсона. Джек снова мигнул, и вновь перед ним была его мать — его мать в возрасте двадцати восьми лет, улыбающаяся всему миру своей жизнерадостной вызывающей улыбкой.

Это был рекламный щит. Сверху было написано:

ТРЕТИЙ ЕЖЕГОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПЧЕЛ-УБИЙЦ
ПОЙНТ-ВЕНУТИ, КАЛИФОРНИЯ
КИНОТЕАТР БИТКЕР
С 10 ПО 20 ДЕКАБРЯ
В ЭТОМ ГОДУ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ФИЛЬМ
С УЧАСТИЕМ ЛИЛИ КЕВИНЬЮ
«КОРОЛЕВА ПЧЕЛ»

— Джек, это твоя *мама*, — сказал Ричард. Его голос дрожал от волнения. — Это просто совпадение? Этого *не может быть*, так ведь?

Джек покачал головой. Нет, не совпадение.

Словом, на котором он остановил свой взгляд, было, конечно, «КОРОЛЕВА».

— Пойдем, — сказал он Ричарду. — Я думаю, мы почти на месте.

Они пошли бок о бок по дороге в сторону Пойнт-Венути.

Глава 38 КОНЕЦ ПУТИ

1

Джек внимательно изучил сутулую осанку и блестящее лицо Ричарда, пока они шли. Ричард выглядел так, словно он тащил себя только с помощью силы воли. Еще немного влажных волдырей появились на его лице.

— Ты в порядке, Ричи?

— Нет. Я чувствую себя не очень хорошо. Но я могу идти. Нести меня не надо. — Он наклонил голову и уныло поплелся дальше. Джек видел, что его друг, имевший так много воспоминаний о необычной маленькой железной дороге и необычной маленькой станции, страдал гораздо больше него от реальности, существовавшей сейчас — ржавые рельсы, сломанные шпалы, ядовитый плющ... и, наконец, ветхое строение, потерявшее все помнимые краски, строение, в котором что-то тяжело прокатилось в темноте.

«Я чувствую, словно моя нога попала в какой-то дурацкий капкан», — сказал Ричард, и Джек подумал, что он достаточно хорошо это понимает... но не с *глубиной* понимания Ричарда. Это была та глубина, которую он не был уверен, что сможет перенести. Кусок детства Ричарда был выжжен из него, вывернут наизнанку. Железная дорога и станция, смотревшая на них пустыми глазницами окон с выбитыми стеклами, должны были казаться Ричарду пародиями на самих себя, еще больше кусочков прошлого было разрушено в русле всего того, что он узнал о своем отце. Вся жизнь Ричарда начала проецироваться на плоскость Долин, но он мало был готов к таким изменениям.

Что касалось того, что Ричард говорил о Талисмане, Джек мог поклясться, что это было правдой — Талисман знал, что они приближаются. Джек почувствовал это, когда увидел рекламный щит с портретом своей матери, теперь это ощущение было настоящим и сильным.словно огромный зверь проснулся в нескольких милях отсюда, и его мурлыканье заставляло землю резонировать... или как если бы в стоэтажном доме на горизонте зажглась единственная лампочка, сияющая так ярко, что свет ее скрывал звезды... или как если бы кто-нибудь включил самый большой в мире магнит, который тянул Джека за пряжку ремня, за мелочь в карманах и пломбы в зубах и не остановился бы, пока не втянул его в самое свое сердце. Это мурлыканье огромного зверя, внезапное яркое свечение, это магнитное притяжение — все это отдавалось эхом в груди у Джека. Что-то там, в направлении Пойнт-Венути, желало Джека Сойера, и это что-то было большим. Огромным. Никакая маленькая вещь не могла обладать такой силой. Это нечто было размером со слона, размером с город.

И Джек не был уверен в своей способности обращаться с чем-то столь монументальным. Талисман был заточен в волшебном и зловещем старом отеле, предположительно он был помещен туда не только для того, чтобы уберечь его от злых рук, но отчасти и потому, что, независимо от намерений, кому угодно было бы трудно обращаться с ним. Может быть, подумал Джек, Джейсон был единственным, кто мог что-либо делать с ним, не причиняя вреда ни себе, ни самому Талисману. Чувствуя силу и настойчивость его притяжения, Джек мог только надеяться на то, что он не ослабнет перед Талисманом.

— «Ты поймешь, Рич», — Ричард удивил его, заговорив снова. Его голос был тихим и слабым. — Мой отец сказал это. Он сказал, что я пойму. *«Ты поймешь, Рич».*

— Ага, — сказал Джек, беспокойно глядя на друга. — Как ты себя чувствуешь, Ричард?

В добавок к язвам, окружавшим его рот, у Ричарда появилась теперь красная сыпь на висках и на лбу, словно стая насекомых налетела и искусала его протестующую кожу. На секунду перед глазами Джека встало лицо Ричарда, каким оно было в то утро, когда Джек забрался к нему в окно в Нельсон-Хаусе, в школе Тэйера: Ричард Слоут в очках, крепко сидящих на переносице и в свитере, аккуратно заправленном в брюки. Вернется ли когда-нибудь этот безумно правильный, невозмутимый мальчик?

— Я еще могу идти, — сказал Ричард. — Но то ли это, что он имел в виду? *Это* ли то понимание, которого я должен достичь или уже достиг, или...?

— У тебя появилось кое-что новое на лице, — сказал Джек. — Не хочешь ли ты немного отдохнуть?

— Не-а, — сказал Ричард, голос его звучал словно из бочки, — но я чувствую эту сыпь. Она чешется. Мне кажется, что она покрывала и всю мою спину тоже.

— Дай-ка я посмотрю, — сказал Джек. Ричард остановился посередине дороги, смиренный, как собака. Он закрыл глаза и дышал ртом. Красные пятна горели у него на лбу и висках. Джек подошел к нему сзади, приподнял куртку и грязную голубую застегнутую на все пуговицы рубашку. Пятна здесь были меньше, не больше укусов клеща, выглядели не так болезненно и покрывали всю площадь от тонких плечей Ричарда до середины его спины.

Ричард тяжело вздохнул.

— Там она у тебя тоже есть, но не такая плохая, — сказал Джек.

— Спасибо, — сказал Ричард. Он вобрал в себя воздух и поднял голову. Серое небо казалось достаточно тяжелым, чтобы рухнуть на землю. Внизу океан бился о скалы. — Это всего пара миль, действительно. Я смогу их пройти.

— Я понесу тебя на спине, если тебе это понадобится, — сказал Джек, невольно показывая свою уверенность в том, что Ричарда уже давно надо было нести на руках.

Ричард покачал головой и предпринял безуспешную попытку заправить рубашку в брюки.

— Иногда... иногда мне кажется, что я не смогу...

— Мы войдем в этот отель, Ричард, — сказал Джек, беря Ричарда под руку и слегка подталкивая его вперед. — Я не имею ни малейшего представления о том, что нас там ждет, но мы с тобой войдем туда. Кто бы ни пытался нас остановить. Запомни это.

Ричард посмотрел на него наполовину испуганно, наполовину благодарно. Теперь Джек увидел неправильные очертания будущих опухолей, проступавшие на его щеках. И снова осознал силу, влекущую его вперед так, как он подталкивал Ричарда.

— Ты имеешь в виду моего отца, — сказал Ричард. Он заморгал, и Джеку показалось, что он старается не заплакать — усталость усилила эмоции Ричарда.

— Я имею в виду все, — сказал Джек не совсем уверенно. — Пойдем дальше, старина.

— Но что я должен понять? Я не понимаю... — Ричард оглянулся, моргая глазами без очков. Большая часть мира, вспомнил Джек, была для Ричарда расплывчатым пятном.

— Ты уже многое понимаешь, Ричи, — сказал Джек.

На секунду Ричард скривил рот в невыразимо горькой улыбке. Он был вынужден понять гораздо больше, чем он когда-либо хотел знать, и вдруг Джеку захотелось, чтобы время вернулось назад и он

убежал бы среди ночи из школы Тэйера один, без Ричарда. Но момент, когда он мог сохранить невинность Ричарда, был далеко позади, если он был вообще когда-нибудь был — Ричард был необходимой частью миссии Джека. Он чувствовал сильные руки, обвившиеся вокруг его сердца — руки Джейсона, руки Талисмана.

— Мы идем дальше, — сказал он, и Ричард подстроился под ритм его широких шагов.

— Мы увидим моего отца в Пойнт-Венути, не так ли? — спросил он.

— Я позабочусь о тебе, Ричард. Теперь ты — стадо, — ответил Джек.

— Что?

— Никто не причинит тебе вреда, если ты, конечно, сам не зачешешь себя до смерти.

Они шли дальше, Ричард бормотал что-то себе под нос. Он проводил руками по своим пылающим вискам и снова и снова тер их. То и дело он запускал пальцы себе в волосы, чесался как собака и мычал от удовлетворения, правда, только частичного.

3

Вскоре после того, как Ричард задирает свою рубашку, чтобы показать красные пятна на спине, они увидели первое из деревьев Долин. Оно росло на внутренней стороне шоссе, его сплетение темных ветвей и ствол, покрытый толстой, неровной корой, проглядывали сквозь рыжеватое, вошеное сплетение ядовитого плюща. Отверстия, оставшиеся в коре от выпавших сучьев, таращились на мальчиков. Внизу, в густых зарослях плюща, шуршали ненасытные корни, шевеля, подобно ветру, вошенные листья над собой. «Перейдем на другую сторону дороги», — сказал Джек в надежде на то, что Ричард не видел дерево. Позади он еще слышал, как толстые и гибкие корни пробивали себе путь сквозь заросли плюща.

«Это МАЛЬЧИК? Здесь МАЛЬЧИК? Может быть, ОСОБЕННЫЙ мальчик?»

Руки Ричарда летали от боков к плечам, от плечей к вискам, от висков к волосам. На его щеках новая волна опухолей сложилась в маску из фильма ужасов — он мог бы играть юного монстра в одном из старых фильмов Лили Кевинью. Джек увидел, что на руках у Ричарда красные пятна сыпи начали соединяться в большие красные рубцы.

— Ты действительно можешь идти, Ричард? — спросил он.

Ричард кивнул:

— Конечно. Еще некоторое время, — Он покосился через плечо на другую сторону дороги. — Это было необычное дерево, да? Я

никогда не видел деревьев вроде этого, даже в книгах. Это было дерево из Долин, не так ли?

— Боюсь, что да, — сказал Джек.

— Это значит, что Долины действительно близко, да?

— Думаю, что да.

— Значит, впереди будут еще такие деревья, да?

— Если ты знаешь ответы, то зачем задавать вопросы? — спросил Джек. — О, Джейсон, какая глупость. Прости, Ричи — кажется, я надеялся, что ты его не заметишь. Да, я полагаю, что там нам еще встретятся такие деревья. Просто не надо подходить к ним слишком близко.

В любом случае, «там» вряд ли было точным определением цели их пути: шоссе под постоянным углом шло вниз, и, казалось, каждая сотня футов уносила их все дальше от света. Долины, казалось, захватили здесь все.

— Можешь посмотреть мою спину? — спросил Ричард.

— Конечно, — Джек снова задрал ему рубашку. Он воздержался от комментариев, но инстинктивно ему захотелось застонать. Спина Ричарда была теперь покрыта открытыми красными язвами, которые, казалось, излучали тепло. — Немного хуже, — сказал Джек.

— Мне тоже так показалось. Только немного хуже, а?

— Только немного.

В скором времени, подумал Джек, Ричард будет выглядеть как чемодан из крокодиловой кожи — Мальчик-Аллигатор, сын Человека-Слона.

Впереди два дерева росли вместе, их бородавчатые стволы переплелись так, что все это скорее напоминало насилие, а не любовь. Когда Джек пристально посмотрел на них, проходя мимо, он увидел черные дыры в коре, открывающиеся подобно рта́м, шлющим проклятия или поцелуи. Он был уверен, что слышал скрежет корней в основании сплетенных деревьев. (*«МАЛЬЧИК! Здесь МАЛЬЧИК! Здесь НАШ мальчик!»*)

Хоть была еще только вторая половина дня, воздух был темным, странным образом зернистым, как старая фотография в газете. На внутренней стороне дороги, там, где раньше росла трава, где белел и благоухал душистый горошек, землю покрывали плотным одеялом неизвестные низкорослые растения. Не имеющие цветочного аромата, почти без листьев, они напоминали спутанных змей и слабо пахли соляркой. Внезапно сквозь зернистую пелену тусклым оранжевым огнем засветило солнце. Джеку это напомнило фотографию Гэри, штат Индиана, которую он когда-то видел: адское пламя, питаемое отравой, в черном, отравленном небе. Его тянул вперед. Талисман, уверенно, словно гигант, держащий Джека руками за одежду. Связующее звено всех возможных миров. Джек был готов

взять Ричарда в этот ад — и бороться за его жизнь изо всех сил. И Ричард, видимо, заметил эту уверенность в Джеке: почесывая бока и плечи, он безропотно плелся рядом с ним.

«Я сделаю это, — сказал Джек себе, стараясь не замечать, что он просто пытается приободрить себя. — Даже если я должен пройти через десяток разных миров, я сделаю это».

4

В трехстах ярдах дальше по дороге насаждение уродливых деревьев из Долин поджидало их подобно разбойникам. Проходя по другой стороне дороги, Джек взглянул на их свернутые в кольца корни и увидел наполовину занесенный землей маленький белый скелет, когда-то принадлежавший мальчику лет восьми-девяти, все еще одетый в истлевшую черную с зеленым рубашку из шотландки. Джек сглотнул и поспешил вперед, таща за собой Ричарда как собачку на поводке.

5

Несколько минут спустя Джек Сойер впервые увидел Пойнт-Венути.

Глава 39 ПОИНТ ВЕНУТИ

1

Пойнт-Венути лежал внизу, цепляясь за склон скалы, спускающейся к океану. Позади возвышались другие скалы, массивные, но с рваными краями. Со своими огромными складками они напоминали доисторических слонов. Дорога вела вниз мимо высоких деревянных стен, пока не поворачивала за угол длинного коричневого металлического здания, бывшего заводом или складом, а дальше исчезала среди нисходящих террас и монотонных крыш других складов. С того места, где стоял Джек, дорогу не было видно до того места, где она появлялась с другой стороны, ведя вверх и на юг, в сторону Сан-Франциско. Он видел только напоминающий лестницу склон крыш складов, огороженные заборами автостоянки и справа — по-зимнему серую воду. Никто не двигался по дороге, никто не появлялся в маленьких окнах на задней стене ближайшего склада. Пыль маленькими смерчами проносилась через пустые автостоянки. Пойнт-Венути выглядел заброшенным, но Джек знал, что это не так. Морган Слоут и его сторонники — те, которые пережили

внезапное прибытие паровозика из Долин, — могли ждать появления Странника Джека и Рационального Ричарда. Талисман звал Джека, тянул его к себе, и Джек, сказав «да, это здесь, малыш», зашагал вперед.

Сразу стали видны новые грани Пойнт-Венути. Первой было появление примерно девяти дюймов задней части лимузина — Джек увидел отполированную черную краску, сияющий бампер, часть правого заднего огня. У Джека возникло жгучее желание, чтобы Волк-регат, сидящий за рулем, был одним из спасшихся в Лагере Спасения. Потом он снова посмотрел на океан. Серая вода пенилась около берега. Медленное движение где-то над крышами складов привлекло его внимание, когда он делал следующий шаг. «ИДИ СЮДА», — звал Талисман и, как магнит, тянул к себе. Казалось, что Пойнт-Венути сжимается, как рука в кулак. Над крышами, видимый только сейчас темный, но бесцветный флюгер в форме волчьей головы беспорядочно крутился туда-сюда, не повинаясь ветру.

Когда Джек увидел не подчиняющийся законам природы флюгер, поворачивающийся то направо, то налево, то делающий полный оборот, он понял, что впервые увидел черный отель — во всяком случае, его часть. От складских крыш, от дороги впереди, от всего невидимого города исходила враждебность, осежаемая, как пощечина. Долины кровоточили сквозь Пойнт-Венути, и реальность здесь, понял Джек, была словно присыпана тонким слоем песка. Голова волка бессмысленно крутилась на ветру, а Талисман продолжал тянуть Джека к себе. «ИДИ СЮДА! ИДИ СЮДА! ИДИ СКОРЕЕ! ИДИ СКОРЕЕ, СКОРЕЕ...» Джек понял, что Талисман не только тянул его своей невероятной нарастающей силой, но и пел ему. Без слов, без мелодии, но пел песню, неслышную никому другому.

Талисман знал, что Джек только что увидел флюгер на крыше отеля.

«Пойнт-Венути, наверное, самое испорченное и опасное место во всей Северной и Южной Америке», — подумал Джек, вдруг теряя половину своей смелости, но это не могло его заставить отказаться от посещения отеля «Эджинкорт». Он повернулся к Ричарду, чувствуя себя так, словно он не занимался ничем, кроме отдыха и зарядки, в течение месяца и попытался не показать своего беспокойства по поводу состояния лица своего друга. Ричард не смог бы его остановить — если бы потребовалось, он протолкнул бы Ричарда сквозь стены проклятого отеля. Он увидел измученного Ричарда, скребущего ногтями кожу под волосами и напоминающую муравейник сыпь на висках и щеках.

— Мы сделаем это, Ричард, — сказал он. — Я знаю, что мы сделаем это. Меня не волнует, какую дрянь они придумают, чтобы помешать нам. Мы сделаем это.

— У наших неприятностей будут от нас неприятности, — сказал Ричард, цитируя — конечно, невольно — доктора Зеуса. Он помолчал. — Я не знаю, смогу ли я. Это правда. Я валюсь с ног, — он посмотрел на Джека взглядом, полным мучения. — Что происходит со мной, Джек?

— Я не знаю, но я знаю, как это остановить, — ответил Джек, надеясь, что сказал правду.

— Это дело рук моего отца? — печально спросил Ричард. Он провел рукой по своему распухшему лицу, потом выпустил рубашку из брюк и рассмотрел соединяющиеся пятна сыпи на животе. Пятна, смутно напоминающие своей формой штат Оклахома, начинались у него на поясе и расплзались по обеим сторонам тела почти до самой шеи. — Это выглядит как вирус или что-то вроде того. Это мой отец заразил меня?

— Я не думаю, что это ему нужно, Ричи, — сказал Джек, — если это вообще что-нибудь значит.

— Наверное, нет, — сказал Ричард.

— Это все скоро прекратится. Экспресс на остров Сибрук приближается к концу линии.

Ричард пошел следом, Джек шагнул вперед — и увидел, как задние огни лимузина сначала загорелись, потом погасли, прежде чем автомобиль проскользнул вперед, исчезая из поля зрения.

В этот раз не могло быть внезапного нападения, никакого трам-тарарама с внезапным появлением из-за забора на поезде, полном оружия и боеприпасов, но если бы даже все в Пойнт-Венути знали о их прибытии, Джек не остановился бы. Он вдруг почувствовал себя вооруженным, словно он держал волшебный меч. Никто в Пойнт-Венути не мог причинить ему вреда, во всяком случае, пока он не добрался до отеля «Эджинкорт». Он шел вперед, Рациональный Ричард был рядом с ним, и все должно было быть хорошо. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его мышцы начали петь вместе с Талисманом, и он гораздо яснее представил себя рыцарем, идущим в бой. Это был образ, пришедший прямо из одного из фильмов его матери, словно телеграмма с небес. Ему казалось, что он на коне, в широкополой шляпе и с ружьем, привязанным на бедре, что он скачет вперед, чтобы очистить ущелье Дедвуд.

«Последний поезд в город висельников», — вспомнил он. — Лили Кевинью, Клинт Уолкер и Уилл Хатчинс, 1960 год. Да будет так».

2

Четыре или пять деревьев из Долин пробивались из жесткой коричневой земли около первого заброшенного здания. Может быть, они здесь были и раньше, раскинув ветви над дорогой почти до самой

разделительной полосы, может быть нет; Джек не мог припомнить, видел ли он их, впервые бросив взгляд на этот скрытный город. Не заметить эти деревья было не менее вероятно, чем стаю диких собак. Он услышал, как шуршат на поверхности земли их корни, когда они с Ричардом приблизились к складу.

(«НАШ мальчик? НАШ мальчик?»)

— Давай перейдем на другую сторону дороги, — сказал Джек Ричарду, взял его за бугристую руку и перевел его на другую сторону.

Как только они достигли противоположной стороны дороги, одно из деревьев явно потянулось корнем и веткой к ним. Если бы деревья имели животы, они бы слышали урчание в животе этого дерева. Суковатая ветка и гладкий змеевидный корень протянулись через желтую полосу, потом дальше, до середины оставшегося до мальчиков пути. Джек ткнул потрясенного Ричарда локтем в бок, потом схватил его за руку и потащил вперед.

(«МОЙ, МОЙ, МОЙ, МОЙ МАЛЬЧИК! ДАААА!»)

Звук чего-то рвущегося вдруг заполнил воздух, и на секунду Джеку показалось, что Морган из Орриса снова силой прорывает себе путь сквозь миры, становясь Морганом Слоутом... Морганом Слоутом с окончательными и твердыми предложениями, от которых нельзя отказаться, включающими в себя автомат, паяльную лампу, раскаленные докрасна клещи... но вместо разъяренного отца Ричарда крона дерева из Долин ударилась об середину дороги, один раз подпрыгнула, хлеща ветвями по асфальту, и откатилась в сторону, как мертвое животное.

— О Боже, — сказал Ричард, — оно вылезло из земли, чтобы настичь нас.

Это было в точности то же, что подумал Джек.

— Дерево-камикадзе, — сказал он. — Я думаю, что многое будет немного диким здесь, в Пойнт-Венути.

— Из-за черного отеля?

— Конечно, но также и из-за Талисмана, — он посмотрел на дорогу впереди и увидел еще одну группу плотоядных деревьев примерно в десяти ярдах вниз по холму. — Все звуки здесь искажены, и воздух какой-то не такой — все потому, что все — добро и зло, черное и белое, — все перемешалось.

Джек продолжал следить за группой деревьев, к которой они приближались, продолжая говорить, и заметил, как ближайшее к ним дерево наклонило крону в их сторону, словно услышав голос.

«Может быть, весь этот город как большой Оутли, — думал Джек, — и, может быть, я в конце концов пройду это». Но если бы впереди был туннель, Джек пошел бы туда в последнюю очередь. Он совсем не хотел встретиться с местным вариантом Элроя.

— Я боюсь, — сказал Ричард за его спиной. — Джек, а что если еще какие-нибудь деревья выпрыгнут из земли, как то?

— Ты знаешь, — сказал Джек, — я заметил, что даже когда деревья мобильны, они не могут далеко пробраться. Даже такой индюк, как ты, обгонит дерево.

Он огибал последний поворот дороги, спускаясь с холма, проходя мимо последних складов. Талисман все звал и звал, как поющая арфа великана в «Джеке и бобовом стебельке». Наконец Джек зашел за поворот, и ему открылся вид на остальную часть Пойнт-Венути.

Частица Джейсона в нем заставляла его идти дальше. Пойнт-Венути мог когда-то быть приятным маленьким курортным городком, но эти дни были далеко позади. Теперь сам Пойнт-Венути был Оутлийским Туннелем, и через него надо было пройти. Покрытая трещинами дорога тонула в нагромождении выгоревших домов, окруженных деревьями из Долин — люди, работавшие на пустых заводах и складах могли жить в этих домиках. От пары из них осталось достаточно много, чтобы представить, как эти дома когда-то выглядели. Искореженные корпуса сгоревших автомобилей лежали то тут, то там около домов, обвитые густой зеленью. Сквозь пустующие фундаменты, оставшиеся от маленьких домиков, медленно тянулись корни деревьев из Долин. Почерневшие кирпичи и доски, разбитые ванны, искореженные трубы покрывали выгоревшие площадки. Что-то белое привлекло внимание Джека, но он отвернулся сразу, как только увидел, что это была белая кость из разрозненного скелета, раскиданного под сплетением корней. Когда-то по этим улицам носились на велосипедах дети, домохозяйки собирались на кухнях, чтобы посудачить о зарплатах и безработице, мужчины натирали до блеска свои автомобили около гаражей — теперь ничего этого не было. Перевернутые качели, покрытые ржавчиной, прятали свои конечности среди булыжников и травы.

Рыжеватое пятно солнца то появлялось, то исчезало в сером небе.

За двумя кварталами сожженных домов и голодных деревьев над пустым перекрестком висел мертвый светофор. За перекрестком, на стене обуглившегося здания, над ободранном изображении передней части автомобиля, пробивающегося сквозь витрину, проглядывали буквы «ОГО! ЛУЧШЕ КУПИ МАА...» Огонь дальше не пошел, но Джек решил, что лучше уж сгорело бы все. Пойнт-Венути был мертвым городом, а огонь все-таки лучше гниения. Здание с полуразрушенной рекламой краски «Маако» стояло первым в ряду магазинов. Книжный магазин «Опасная планета», «Чай и симпатия», «Магазин здоровья Ферди», «Неоновая деревня» — Джек мог прочесть лишь немногие названия магазинов, на многих вывесках краска давно облупилась и осыпалась. Магазины были закрытыми и такими же заброшенными, как и заводы и склады на холме. Даже

с того места, где стоял Джек, было видно, что стекла в витринах были давно разбиты и напоминали теперь пустые оправы для очков или глаза полного идиота. Пятна краски на фасадах магазинов, красные, черные, желтые, казались неестественно яркими в сером воздухе и напоминали собой шрамы. Обнаженная женщина, такая худая, что Джек мог пересчитать ее ребра, поворачивалась медленно и церемонно, как флюгер, на замусоренной улице перед магазинами. Ее лицо, раскрашенное ярко-оранжевой краской сияло над бледным телом со свисающими грудями. Такой же оранжевой была и копна ее спутанных волос. Джек остановился и увидел, как безумная женщина с размазанным лицом и крашеными волосами повернула верхнюю часть тела, неторопливо, словно делая движение тай-ши, вытянула левую ногу над засиженным мухами трупом собаки и замерла подобно статуе. Эмблема Пойнт-Венути, безумная женщина держала осанку. Ее нога медленно опустилась, и худое тело развернулось.

За женщиной, за рядом пустых магазинов, главная улица проходила через жилые кварталы — во всяком случае, Джек предположил, что когда-то они были жилыми. И здесь тоже яркие шрамы краски уродовали здания, маленькие двухэтажные домики, бывшие когда-то белыми, теперь были покрыты косыми полосами краски и граффити. Один девиз, небрежно написанный на стене ободранного здания, которое когда-то явно было пансионом, бросился ему в глаза: «ТЫ УЖЕ МЕРТВ!» Эта надпись была здесь уже давно.

— ДЖЕЙСОН, ТЫ НУЖЕН МНЕ, — гудел Талисман на языке, который был одновременно выше и ниже речи.

— Я не могу, — прошептал голос Ричарда рядом с ним. — Джек, я знаю, что я не могу.

За рядом ободранных, безнадежно выглядящих домов, дорога снова исчезала, и Джек мог видеть только задние части пары черных лимузинов, припаркованных вниз ногами, с включенными моторами, по обеим сторонам главной улицы. Как фотомонтаж, невероятно огромная, невероятно злобешая верхняя — половина? треть? — черного отеля возвышалась над черными лимузинами и безнадежными маленькими домиками. Казалось, что она плыла по воздуху, срезанная дальним холмом.

— Я не могу войти туда, — повторил Ричард.

— Я даже не уверен, что мы сможем пройти мимо деревьев, — сказал Джек. — Смотри, не описайся.

Ричард издал странный сопящий звук, и Джеку потребовалась пара секунд, чтобы узнать звук плача. Он положил руку на плечо Ричарду. Отель владел ландшафтом — это чувствовалось совершенно явно. Черный отель владел Пойнт-Венути, воздухом над ним и землей под ним. Взглянув на него, Джек увидел флюгера, крутящи-

еся в противоположных направлениях, башенки и двускатные крыши, поднимающиеся в серое небо как бородавки. «Эджинкорт» выглядел так, словно он был построен из камня — тысячелетнего камня, черного как смоль. В одном из верхних окон внезапно блеснул свет — Джеку почудилось, что отель подмигивал ему, тайно радуясь тому, что он оказался наконец так близко. Показалось, что какая-то фигура со смутными очертаниями скользнула прочь от окна, секунду спустя по стеклу проплыло отражение облака.

Откуда-то изнутри Талисман пел песню, которую мог слышать только Джек.

3

— Кажется, он вырос, — вздохнул Ричард. Он забыл про почесывания с того момента, как увидел отель, парящий около холма. Слезы текли по открытым язвам на щеках, и Джек увидел, что его глаза теперь были полностью окружены вздувшейся сыпью — Ричарду больше не требовалось коситься, чтобы коситься. — Это невозможно, но отель всегда был меньше, Джек. Я уверен в этом.

— Сейчас нет ничего невозможного, — сказал Джек, и это было почти лишним — они уже давно вошли в царство невозможного. «Эджинкорт» был таким огромным, таким подавляющим, что он как-то дико не совпадал по масштабу с остальным городом.

Архитектурная экстравагантность черного отеля, все башни и медные флюгера на тонких шпилях, купола и двускатные крыши, должны были сделать его игривой фантазией, но делали его угрожающим и кошмарным. Казалось, что он был частью некоего Диснейленда, где Утенок Дональд задудил Хьюи, Дьюи и Луи, а Микки Маус накачал Минни героином.

— Я боюсь, — сказал Ричард.

«ДЖЕЙСОН, ИДИ КО МНЕ», — пел Талисман.

— Просто держись рядом со мной, старина, и мы проскочим через это место как сало сквозь гуся.

«ДЖЕЙСОН, ИДИ КО МНЕ!»

Группа деревьев из Долин зашелестела впереди, как только Джек шагнул вперед.

Ричард испуганно отклонился назад. Джек понял, что сейчас Ричард был почти слеп, он потерял очки, а глаза его все больше закрывались из-за опухоли. Он схватил его и потащил вперед, чувствуя, какой тонкой стала рука Ричарда. Ричард, спотыкаясь, шел рядом. Его худое запястье горело в руке у Джека.

— Что бы ты ни делал, не замедляй шаг, — сказал Джек, — Не хватало нам только, чтобы они нас схватили.

— Я не могу, — всхлипнул Ричард.

— Хочешь, я тебя понесу? Я серьезно, Ричард. Я хочу сказать, что может быть гораздо хуже. Готов спорить, что если бы мы не смели заметную часть его войска там, он расставил бы часовых через каждые пятнадцать футов.

— Ты не сможешь идти быстрее, если понесешь меня. Я замедлю тебя.

«Что бы сделал Сэм Хилл на моем месте?» — проскочило в голове у Джека, но он сказал:

— Встань подальше от меня и беги как черт, Ричи. Когда я скажу «три». Понял? Раз... два... три!

Он рванул Ричарда за руку и побежал мимо деревьев. Ричард споткнулся, резко вдохнул, потом выровнялся и избежал падения. У оснований деревьев появились гейзеры пыли, смесь рыхлой земли и копошащихся существ, похожих на огромных жуков, блестящих как вакса. Маленькая коричневая птичка взлетела из травы, росшей около деревьев-заговорщиков, и тут же проворный корень, подобно слововьему хоботу, схватил ее прямо в воздухе.

Еще один корень, извиваясь как змея, потянулся к лодыжке Джека, но оказался слишком коротким. Рты в бугристой коре были и кричали.

(«НАШШШ? МАЛЬЧИК НАШШШ?»)

Джек сжал зубы и попытался заставить Ричарда Слоута взлететь. Макушки деревьев начали раскачиваться и наклоняться. Целые семейства корней тянулись к разделительной полосе, двигаясь так, как если бы каждый из них был независимым существом. Ричард споткнулся, потом недвусмысленно замедлился, чтобы повернуть голову и взглянуть на тянущиеся к ним деревья.

— Двигайся! — крикнул Джек и рванул Ричарда за руку. Красные бугорки казались горячими камнями под его кожей. Он потащил Ричарда, видя, как много корней радостно ползут к ним через белую полосу.

Джек обхватил Ричарда за пояс в тот же момент, когда длинный корень, просвистев по воздуху, обвился вокруг руки Ричарда.

— Господи! — закричал Ричард. — Джейсон! Оно схватило меня! Оно схватило меня!

С ужасом Джек увидел кончик корня — голову слепого червя, поднявшуюся и смотрящую на него. Он почти лениво подергался в воздухе, потом еще раз обвился вокруг горячей руки Ричарда. Другие корни скользили к ним через дорогу.

Джек дернул Ричарда назад так резко, как только мог, и отвоевал еще шесть дюймов. Корень, обхвативший руку Ричарда, напрягся. Джек сомкнул свои руки у Ричарда на поясе и беспощадно потянул его назад. Из груди Ричарда вырвался неземной крик. На секунду

Джек испугался, что у Ричарда отделилось плечо, но внутренний голос сказал ему «*ТЯНИ!*», и он уперся пятками в землю и потянул назад еще сильнее.

Они уже почти падали в сплетение корней, поскольку этот единственный корень крепко обвил руку Ричарда. Джек удержался на ногах только благодаря тому, что панически перебирал ногами, упираясь в землю, согнувшись в поясе, чтобы удержать еще и Ричарда. Таким образом они пробрались мимо последнего дерева. В тот же момент они услышали звук чего-то рвущегося, уже знакомый им. На этот раз Джеку не пришлось заставлять Ричарда бежать. Ближайшее дерево с ревом вылезло из почвы и рухнуло, сотрясая землю, всего в трех-четыре футах за спиной у Ричарда. Другие попадали на дорогу за первым, размахивая в воздухе корнями, как щупальцами.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Ричард. Он снова плакал, больше от слабости, усталости и потрясения, чем от страха.

— С этого момента, старина, ты едешь на моей спине, — сказал Джек, приседая и наклоняясь, чтобы помочь Ричарду взобраться к себе на спину.

4

— Я должен был сказать тебе, — шептал Ричард. Его лицо горело напротив затылка Джека, рот — напротив его уха. — Я не хочу, чтобы ты ненавидел меня, но я не буду винить тебя, если это так, действительно не буду, — казалось, что он весит не больше собственной тени, словно ничего не осталось внутри него.

— О чем? — Джек переместил Ричарда на середину спины, и снова ему показалось, что он несет пустой мешок из плоти.

— О человеке, который приходил к моему отцу... о Лагере Готовности... о шкафе, — казавшееся полым тело Ричарда тряслось на спине его друга. — Я должен был сказать тебе. Но я не мог сказать даже себе. — Джек чувствовал своим ухом его горячее дыхание.

«*Талисман делает это с ним*, — подумал Джек. Немного спустя, он поправился. — *Нет. Черный отель делает это с ним*».

Два лимузина, припаркованные носами в сторону ближнего холма, пропали в какой-то момент боя с деревьями, но отель остался, становясь все больше с каждым шагом Джека. Костлявая нагая женщина, еще одна жертва отеля, по-прежнему исполняла свой безумный медленный танец перед блеклым рядом магазинов. Маленькие красные пятна солнца танцевали и мигали в сером небе. Время не существовало, это было ни утро, ни день, ни ночь — это были Проклятые Земли времени. Отель «Эджинкорт» казался построенным из камня, но Джек знал, что это не так — древесина

уплотнилась и отвердела, почернев изнутри. Медные флюгера — волк, ворона, змея и нечто круглое и загадочное, что Джек не распознал, — поворачивались не повинаясь ветру. Некоторые окна вспыхивали, предупреждая Джека, но это могло быть просто отражение неровного красного солнечного света. Он по-прежнему не видел низ холма и первый этаж «Эджинкорта» и не мог видеть не пройдя мимо книжного, чайного и других магазинов, спасшихся от пожара. Где был Морган Слоут?

По какой причине отсутствовал весь этот покинутый Богом комитет по встрече? Джек крепче обхватил похожие на палочки ноги Ричарда, снова слыша зов Талисмана, и почувствовал, как внутри него встает на дыбы сильное существо.

— Не надо меня ненавидеть, потому что я не смог бы... — голос Ричарда дрожал.

«ДЖЕЙСОН, ИДИ КО МНЕ, ИДИ КО МНЕ!»

Джек сжал тонкие ноги Ричарда и пошел дальше, мимо сгоревшего квартала, где раньше стояло так много домов. Деревья из Долин, использовавшие эти руины для своих нужд, шептали и шевелились, но они были слишком далеко, чтобы беспокоить Джека.

Женщина в середине пустой замусоренной улицы медленно развернулась, убедившись в продвижении мальчиков вперед. Она была в середине сложного упражнения, но все намеки на тай-ши испарились, когда она опустила руки и вытянутую ногу и встала, как вкопанная, около дохлой собаки, глядя на навьюченного Джека, спускающего с холма ей навстречу. На секунду она показалась миражем, уж слишком похожей на галлюцинацию была эта изголодавшаяся женщина с торчащими во все стороны волосами и лицом такого же ярко-оранжевого цвета, но потом она неуклюже перебежала улицу и скрылась в одном из магазинов без названия. Джек невольно ухмыльнулся — его внезапно охватило чувство триумфа и еще чего-то, что он мог описать только как вооруженную добродетель.

— Ты действительно сможешь сделать это там? — с трудом дыша, спросил Ричард, и Джек ему ответил:

— Сейчас я могу сделать все, что угодно.

Он мог бы отнести Ричарда обратно в Иллинойс, если бы большой поющий объект, заточенный в отеле, приказал ему. Снова у Джека возникло ощущение близкой развязки, и он подумал: *«Здесь так темно потому, что все эти миры собрались вместе и наложились, как тройная экспозиция на фотопленке».*

Он почувствовал обитателей Пойнт-Венути, прежде чем увидел их. Они не могли напасть на него — Джек знал это с абсолютной точностью с того момента, как безумная женщина скрылась от него в магазине. Они наблюдали за ним. Из-под крылец, через решетки, из глубин пустых комнат они смотрели на него — со страхом, яростью, или разочарованием — он сказать не мог.

Ричард уснул или забылся у него на спине, дыхание его превратилось в горячие слабые дуновения.

Джек обогнул тело собаки и взглянул в сторону, через дыру когда-то бывшую витриной книжного магазина «Опасная Планета». Поначалу он увидел только множество использованных игл для подкожного впрыскивания, покрывавших пол. Поверх них и по сторонам везде были разбросаны перекошенные книги. Вдоль стен стояли пустые книжные полки. Потом его внимание привлекло резкое движение в погруженной в полумрак дальней части магазина, и из темноты, сцепившись, появились две фигуры. Обе имели бороды и длинные обнаженные тела, на которых, словно канаты, выступали сухожилия. Белки четырех безумных глаз уставились на Джека. Один из обнаженных мужчин имел только одну руку и ухмылялся. Его член в эрекции раскачивался перед ним толстой бледной дубинкой. «Я не мог видеть этого, — сказал Джек сам себе. Где у этого человека другая рука?» Он снова посмотрел в ту сторону. Теперь он увидел только сплетение костлявых белых конечностей.

Джек не стал заглядывать в витрины других магазинов, но глаза следили за ним, когда он проходил мимо.

Вскоре он проходил мимо маленьких двухэтажных домиков. «ТЫ УЖЕ МЕРТВ!» — кричала надпись на боковой стене. Он не стал заглядывать в окна, он пообещал себе, он не мог.

Оранжевые лица, увенчанные оранжевыми волосами, кивали ему через окно первого этажа.

«Малыш, — прошептала женщина из следующего дома, — милый малыш Джейсон».

В этот раз он посмотрел. *Ты уже мертв.* Она стояла с другой стороны маленького разбитого окна, теребя цепочки, продетые через ее соски, и криво улыбалась. Джек взглянул в ее отсутствующие глаза, и женщина, уронив руки, смущенно отошла от окна. Длинная цепочка болталась между ее грудей.

Глаза наблюдали за Джеком из глубин темных комнат, сквозь решетки, из узких пространств под крыльцами.

Отель неясно вырисовывался перед ним, но уже не прямо впереди. Дорога, вероятно, незаметно повернула, и теперь «Эджинкорт»

находился слева от Джека. И действительно ли он *был* таким внушительным, каким казался? Джейсон восстал внутри Джека и теперь он видел, что черный отель, хоть и был по-прежнему очень большим, не имел ничего общего с горой.

«ИДИ СЮДА, ТЫ НУЖЕН МНЕ, — пел Талисман. — ТЫ ПРАВ, ОН НЕ ТАК ВЕЛИК, КАК ЕМУ ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ ТЫ ВЕРИЛ».

На вершине последнего холма он остановился и посмотрел вниз. Они были там, все они. И там был черный отель. Главная улица спускалась к пляжу, который был покрыт белым песком, прерываемым вкраплениями камней, похожих на сломанные бесцветные зубы. «Эджинкорт» возвышался немного слева, прикрытый со стороны океана массивным каменным волнорезом, уходящим далеко в море. Перед ним, вытянувшись в линию, стояли с включенными моторами дюжина лимузинов, некоторые запыленные, некоторые отполированные до зеркального блеска. Струйки белого выхлопа, низколетящие облачка белее воздуха, плыли в сторону от многих из них. Мужчины в темных костюмах агентов ФБР ходили вдоль забора, держа руки на уровне глаз. Когда Джек увидел две красные вспышки перед лицом одного из них, он машинально отпрянул за угол одного из маленьких домиков, прежде чем он действительно осознал, что у этих людей были бинокли.

Пару секунд он, вероятно, выглядел как маяк на холме. Понимая, что беззаботность чуть было не привела к его поимке, Джек резко вздохнул и прислонился плечом к облупленной серой стене домика, усадив Ричарда поудобнее у себя на спине.

Так или иначе, он теперь знал, что ему придется подбираться к черному отелю со стороны моря, для чего требовалось пройти незамеченным по пляжу.

Когда он снова распрямился, он выглянул из-за угла дома. Уменьшившаяся в размерах армия Моргана Слоута сидела в своих лимузинах или ходила перед черным забором, беспорядочно, как муравьи. На какой-то момент Джек вспомнил со всей ясностью летний дворец Королевы. Тогда он тоже наблюдал картину множества людей, беспорядочно ходивших туда-сюда. Чем же отличалась нынешняя картина? В тот день — казалось, что это было очень давно, в доисторические времена — толпы перед павильоном, не смотря ни на что, имели ауру покоя и порядка. Ничего подобного сейчас быть не могло. В такой ситуации представлением руководил бы Осмонд, и эти люди, достаточно смелые чтобы войти в павильон, суетливо скрывались бы внутри, отводя взгляды. А Королева? Он никак не мог вспомнить шокирующе знакомое лицо, покоящееся в белизне постели.

Потом сердце Джека замерло, и видение павильона и больной Королевы снова провалилось в какую-то щелку в его памяти. В его поле зрения попал Солнечный Гарднер с мегафоном в руках. Ветер с моря сдул густую прядь белых волос на его солнцезащитные очки. На какую-то секунду Джек был уверен, что он чувствовал запах приторного одеколона и гниющих джунглей. На несколько секунд у Джека перехватило дыхание. Он стоял у ободранной стены и смотрел на этого безумца, кричащего команды людям в черных костюмах, крутящегося на месте и показывающего на что-то скрытое от Джека.

Джек снова начал дышать.

— Да, у нас здесь интересная ситуация, Ричард, — сказал он. — Мы имеем отель, который может удвоить свой размер когда ему вздумается, а около него мы имеем самого сумасшедшего в мире человека.

Ричард, про которого Джек думал, что тот спит, удивил его, пробормотав что-то похожее на «бубубу».

— Что?

— Действуй, — слабо прошептал Ричард. — Двигайся, дружок.

Джек рассмеялся. Секунду спустя он осторожно спускался с холма позади домов, идя по высокой траве к берегу.

Глава 40 СПИДИ НА БЕРЕГУ

1

У подножия холма Джек распластался в траве и пополз, неся Ричарда так же, как когда-то он нес рюкзак. Когда он достиг границы высокой желтой травы, росшей вдоль дороги, он лег на живот и выглянул наружу. Прямо перед ним, на другой стороне дороги, лежал пляж. Высокие, побитые непогодой камни выступали из серого песка; серая вода пенилась у кромки берега. Джек посмотрел влево по улице. Неподалеку от отеля, на внутренней стороне набережной, стояло длинное разрушающееся здание, похожее на кусок свадебного торта. Над ним деревянная вывеска с огромной дырой гласила: «МО ГСЛЭНД». Мотель Кингслэнд, вспомнил Джек, в котором Морган Слоут останавливался со своим маленьким мальчиком на время безумных наблюдений за черным отелем. Белое пятно, бывшее Солнечным Гарднером, двигалось дальше по улице, явно отчитывая некоторых из людей в черных костюмах и показывая рукой в сторону холма. «Он не знает, что я уже внизу», — понял Джек, когда один из этих людей начал

неуверенно переходить дорогу, оглядываясь по сторонам. Гарднер сделал еще один резкий, командный жест, и лимузин, припаркованный у обочины главной улицы, отъехал от отеля и начал двигаться параллельно с человеком в черном костюме, который расстегнул пиджак сразу как только оказался на тротуаре главной улицы, и вынул пистолет из кобуры, висевшей сбоку.

В лимузинах водители повернули головы и уставились на холм. Джек благословил свою судьбу — еще пять минут, и какой-нибудь Волк-ренегат с огромным ружьем мог закончить его поход за большой поющей вещью из отеля.

Ему были видны только два верхних этажа отеля и бешено крутящиеся устройства, прикрепленные к архитектурным изыскам на крыше. Из-за низкой точки наблюдения волнорез, делящий пляж на две части с правой стороны отеля и спускающийся по песку в воду, казался двадцати футов в высоту.

«ИДИ КО МНЕ, ИДИ КО МНЕ», — звал Талисман словами, которые были не словами, а почти физическим воплощением настоятельности.

Человек с пистолетом пропал из поля зрения, поднимаясь на холм, навстречу сумасшедшим Пойнт-Венути, но водители все еще смотрели ему вслед. Солнечный Гарднер поднял свой рупор и проревел: «Уничтожьте его! Я хочу, чтобы он был уничтожен!» Он повернул рупор к другому человеку в черном костюме, только начавшему поднимать бинокль, чтобы посмотреть в направлении Джека. «Ты! Куриные мозги! Встань на другую сторону улицы... и уничтожь этого плохого мальчишку, о да, ужасного, ужасного мальчишку, ужасного...» Его голос стих, и второй человек побрел через улицу к противоположному тротуару, уже держа пистолет в руке.

Джек понял, что настал самый подходящий момент — никто не смотрел в сторону набережной.

— Держись крепче, — прошептал он Ричарду, который не шелохнулся. — Настало время для буги.

Он встал на ноги, чувствуя, что спина Ричарда была, вероятно, видна над желтой травой. Согнувшись, он выскочил из травы и оказался на набережной.

Через несколько секунд Джек Сойер распластался на зернистом песке. Ногами он толкал себя вперед. Одна рука Ричарда сжимала его плечо. Джек полз по песку, пока не оказался за ближайшей высокой кучей камней. Потом он просто остановился и положил голову себе на руки, тяжело дыша. Ричард лежал на его спине, легкий как лист. Вода билась о берег не далее чем в двадцати футах. Джек все еще мог слышать Солнечного Гарднера, визгливо кричащего что-то о слабоумии и некомпетентности, его безумный голос

доносился с главной улицы. Талисман звал его вперед, звал снова и снова, снова, снова...

Ричард свалился с его спины.

— Ты в порядке?

Ричард поднял худую руку и прикоснулся пальцами ко лбу, большим пальцем к щеке.

— Кажется да. Ты видишь моего отца?

Джек покачал головой:

— Пока нет.

— Но он здесь.

— Наверное. Он должен быть.

Джек вспомнил про «Кингслэнд», мысленно увидев выцветший фасад и сломанную деревянную вывеску. Морган Слоут мог отсиживаться в мотеле, как он часто делал шесть или семь лет назад. Джек сразу почувствовал близкое присутствие Моргана Слоута, поняв, где именно Слоут собирался с духом.

— Не беспокойся о нем, — голос Ричарда был тонок, как бумага. — Я имею в виду, не беспокойся о том, что я буду беспокоиться о нем. Я думаю, он мертв, Джек.

Джек посмотрел на друга со свежим страхом: вдруг Ричард действительно терял рассудок? Ричарда явно бил озноб. На холме Солнечный Гарднер проорал «РАСТЯНУТЬСЯ!» через свой рупор.

— Ты думаешь...

Вдруг Джек услышал еще один голос, сначала заглушенный злобной командой Гарднера. Это был полужнакомый голос, и Джек узнал его тембр и интонацию еще до того, как действительно идентифицировал его. И странным образом он почувствовал, что этот специфический голос заставил его расслабиться — словно ему больше не нужно было ни о чем беспокоиться, потому что все будет улажено — еще до того, как он мог бы назвать его владельца.

— Джек Сойер, — повторил голос, — сюда, сынок.

Это был голос Спиди Паркера.

— Я думаю... — сказал Ричард и снова закрыл свои опухшие глаза. Он был похож на труп, вынесенный на берег приливом.

Я думаю, что мой отец мертв, подразумевал Ричард, но мысли Джека были далеко от бреда его друга.

— Сюда, Джеки, — снова позвал Спиди, и мальчик увидел, что звук доносился из-за самой большой группы скал, трех высоких скал, стоящих всего в нескольких футах от кромки воды. Темная линия, след от приливов, пролегла на четверти их высоты.

— Спиди, — прошептал Джек.

— Именно так, — последовал ответ. — Перебирайся сюда, но так, чтобы эти зомби тебя не заметили, можешь? И друга своего тоже носи сюда.

Ричард по-прежнему лежал на песке лицом вверх, укрывшись рукой.

— Давай, Ричи, — прошептал Джек ему на ухо, — нам надо продвинуться немного вниз по пляжу. Спиди здесь.

— Спиди? — прошептал в ответ Ричард так тихо, что Джек с трудом расслышал слово.

— Друг. Видишь там скалы? — он приподнял голову Ричарда на тонкой, как тростник шее. — Он за ними. Он поможет нам, Ричи. Прямо сейчас мы можем воспользоваться его помощью.

— Я ничего не вижу, — пожаловался Ричард. — И я так устал...

— Забирайся на мою спину опять, — он повернулся и распластался на песке. Руки Ричарда проскользнули над его плечами и слабо обхватили его.

Джек выглянул из-за камня. На набережной Солнечный Гарднер уложил непослушные волосы на место и зашагал к парадному входу мотеля «Кингслэнд». Черный отель устрашающе возвышался. Талисман снова звал Джека Сойера. Гарднер смущенно потоптался около дверей, провел обоими руками себе по волосам, покачал головой, резко развернулся и быстрым шагом направился обратно к длинной колонне лимузинов. Рупор поднялся. **«ДОКЛАДЫВАТЬ КАЖДЫЕ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ! — завизжал он. — СМОТРИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО — СООБЩАЙТЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ УВИДИТЕ ЖУКА! ИМЕННО ТАК!»**

Гарднер шел прочь, все остальные смотрели на него. Самый подходящий момент. Джек резко выскочил из-за камня, служившего ему убежищем и, пригнувшись и сжимая тонкие предплечья Ричарда, помчался вниз по пляжу. Его ноги отбрасывали комья влажного песка. Три соединившиеся скалы, казавшиеся такими близкими, когда он разговаривал с Спиди, теперь, казалось, были в полумиле от него и не собирались приближаться. Казалось, что скалы уменьшались в размере, пока он бежал. Джек ожидал услышать треск выстрела. Почувствует ли он раньше пулю или услышит выстрел, прежде чем пуля достигнет его? Наконец скалы стали расти в его глазах, и вот он уже был за ними, падая на грудь.

— Спиди! — сказал он, почти смеясь от радости. Но вид Спиди, сидящего около маленького цветастого одеяла, прислонившись к средней скале, убил его смех — и убил по меньшей мере половину его надежды.

2

Спиди Паркер выглядел еще хуже Ричарда. Гораздо хуже. Его влажное, растрескавшееся лицо слабо кивнуло Джеку, и мальчику показалось, что Спиди подтверждает свою безнадежность. На Спиди

были только старые коричневые шорты, а его кожа выглядела так, словно он болел проказой.

— Присаживайся, старина Странник Джек, — прошептал Спиди хриплым, надтреснутым голосом. — Ты должен многое услышать, так что открывай пошире уши.

— Как твои дела? — спросил Джек. — Я хотел сказать... Господи, Спиди... могу ли я что-нибудь для тебя сделать?

Он мягко положил Ричарда на песок.

— Открой пошире уши, как я тебе сказал. Не беспокойся о Спиди. Сейчас я не совсем в порядке, как ты видишь, но я снова буду в порядке, если ты все правильно сделаешь. Отец твоего маленького друга напустил на меня эту порчу — на своего мальчика, похоже, тоже. Старина Слоут не хочет, чтобы его ребенок входил в этот отель, нет, сэр. Но ты должен взять его туда, сынок. Здесь есть только один путь. Ты должен это сделать.

Казалось, что во время разговора Спиди почти падал в обморок, и Джеку хотелось кричать сильнее, чем в любой другой момент с тех пор, как умер Волк. Ему жгло глаза, и ему хотелось плакать.

— Я знаю, Спиди, — сказал он, — я уже понял это.

— Ты хороший мальчик, — сказал старик. Он откинул голову назад и заботливо посмотрел на Джека. — Ты именно тот, все верно. Дорога оставила свой след на тебе, я вижу. Ты именно тот. Ты сделаешь это.

— Как там моя мама, Спиди? — спросил Джек. — Скажи мне, пожалуйста. Она еще жива, да?

— Ты скоро сможешь к ней позвонить и убедиться, что все в порядке, — ответил Спиди, — но сначала ты должен получить эту вещь, Джек. Потому что если ты *не* получишь это, она умрет. Также как и Лаура, Королева. Она тоже умрет, — Спиди приподнялся, морщась от боли, чтобы распрямить спину. — Вот что я тебе скажу: многие при дворе уже не надеются на то, что она выживет — они уже считают ее мертвой, — его лицо выражало возмущение. — Они все боятся Моргана, потому что знают, что Морган сдерет им кожу со спины, если они не присягнут ему на верность. Лаура пока еще жива, но в дальних Долинах двуногие змеи вроде Осмонда и его банды уже распустили слухи, что она умерла. А если она умрет, Странник Джек, если она умрет... — он повернул больное лицо к мальчику — Если она умрет, в обоих мирах начнется черный ужас. Черный ужас. И ты можешь позвонить своей маме, но сначала ты должен взять эту вещь. Ты должен. Это все, что осталось сделать.

Джеку не надо было спрашивать, что он имеет в виду.

— Я рад, что ты понял, сынок, — Спиди закрыл глаза и снова прислонился к камню. Секунду спустя его глаза снова медленно открылись.

— Судьбы. Вот с чем все это связано. Гораздо больше судеб, гораздо больше жизней, чем ты знаешь. Ты когда-нибудь слышал имя «Раштон»? Я думаю, что слышал.

Джек кивнул.

— Волею всех этих судеб мама привезла тебя в отель «Альгамбра», Странник Джек. Я просто сидел и ждал, зная, что ты появишься. Талисман притащил тебя сюда, мальчик. Джейсон. Это имя, я думаю, ты тоже слышал.

— Это я, — сказал Джек.

— Тогда достань Талисман. Я принес с собой одну вещицу, она тебе немного поможет.

Он поднял слабой рукой одеяло, которое оказалось сделанным из резины, и, следовательно, вообще не было одеялом.

Джек взял сверток резины из выглядящих обугленными рук Спиди.

— Но как я попаду в отель? — спросил он. — Я не могу перебраться через забор и я не могу плыть с Ричардом.

— Надуй это, — глаза Спиди снова закрылись.

Джек развернул сверток. Это был надувной плот в форме безногой лошади.

— Узнаешь ее? — голос Спиди нес в себе какой-то ностальгический свет. — Мы с ней имели когда-то дело. Я еще рассказывал тебе про имена.

Джек вдруг вспомнил, как он пришел к Спиди в тот день, который, казалось, был наполнен полосами черного и белого, и застал его сидящим в круглом сарае и чинившим карусельных лошадок. *«Не стоит позволять себе вольности с Леди, но, я думаю, она не обидится, если ты pomoжешь мне вернуть ее на место»*. И это теперь тоже имело гораздо больший смысл. Еще один кусочек мира встал на место для Джека.

— Серебряная Леди, — сказал он.

Спиди подмигнул ему, и снова у Джека возникло смутное ощущение, что все в его жизни сговорилось привести его именно в эту точку.

— Твой друг в порядке? — это прозвучало почти как утверждение.

— Думаю, да, — Джек беспокойно посмотрел на Ричарда, который повернулся на бок, и, закрыв глаза, тяжело дышал.

— Тогда хватит размышлять, надувай Серебряную Леди. Ты должен взять с собой этого мальчика во что бы то ни стало. Он тоже часть всего этого.

Кожа Спиди, казалось, становилась все хуже, пока они сидели на берегу — она имела нездоровый пепельно-серый оттенок. Прежде чем взять в рот резиновую трубочку, через которую надувался плот, Джек спросил:

— Могу ли я что-нибудь для тебя сделать, Спиди?

— Конечно. Сходи в аптеку в Пойнт-Венути и купи мне баночку мази Лидии Пинкхэм, — Спиди покачал головой. — Ты знаешь, как помочь Спиди Паркеру, мальчик. Достань Талисман. Это вся помощь, которая мне нужна.

Джек начал дуть.

3

Спустя короткое время он вставил в воздушное отверстие затычку, расположенную около хвоста плота, имевшего очертания четырехфутовой резиновой лошадки с ненормально широкой спиной.

— Я не знаю, смогу ли я погрузить Ричарда на эту штуку, — сказал он, скорее размышляя вслух.

— Он сможет выполнять команды, старина Странник Джек. Только сядь за ним и слегка поддерживай. Это все, что ему нужно.

И в самом деле, Ричард заполз под прикрытые скалы и дышал четко и регулярно через открытый рот. Он мог спать или бодрствовать, Джек не мог определить.

— Хорошо, — сказал Джек. — Есть ли там пирс или что-нибудь вроде того, за этим зданием?

— Лучше, чем пирс, Джеки. Сразу, как только ты окажешься за волноломом, ты увидишь большие сваи — часть отеля построена прямо над водой. Ты увидишь лесенку между этих свай. Подними Ричарда наверх, и ты окажешься на большой террасе позади отеля. Там есть большие окна — такие окна, которые на самом деле двери, знаешь? Открой одно из этих окон-дверей, и ты окажешься в столовой, — он улыбнулся. — Если уж ты окажешься в столовой, ты точно сможешь забрать Талисман. И не бойся его, сынок. Он ждал тебя — он пойдет к тебе в руки как хорошая собачка.

— А что помешает всем этим людям пойти следом за мной?

— Ша, *они* не могут войти в черный отель, — недовольство глупостью Джека отпечаталось в каждой черте лица Спиди.

— Я знаю, я имел в виду воду. С чего бы им не преследовать меня на катере или еще как-нибудь?

Теперь Спиди смог изобразить болезненную, но искреннюю улыбку:

— Я думаю, ты увидишь, Странник Джек. Старина Слоут и его ребята должны держаться подальше от воды, хи-хи. Не беспокойся об этом — просто запомни, что я тебе сказал, и приступай к делу, понял?

— Я уже там, — сказал Джек и пошел к скалам, чтобы еще раз посмотреть на набережную и отель. Ему удалось перебраться через дорогу и до укрытия Спиди незамеченным, значит, он мог прота-

щить Ричарда еще несколько футов до воды и посадить его на плот. Если повезет, он сможет незаметно добраться до свай — Гарднер и люди с биноклями сосредоточили внимание на городе и склоне холма.

Джек выглянул из-за скалы. Лимузины все еще стояли перед отелем. Джек высунул голову на пару дюймов дальше, чтобы посмотреть через улицу. Человек в черном костюме проходил через двери бывшего мотеля «Кингслэнд». Джек заметил, что он старался не смотреть на черный отель.

Раздалась трель свистка, высокая и настойчивая, как женский крик.

— Прячься! — хрипло прошептал Спиди.

Джек резко повернул голову и увидел на травянистом склоне холма, за разрушенными домами, человека в черном костюме, дующего в свисток и показывающего пальцем прямо на него. Темные волосы этого человека лежали на плечах, волосы, черный костюм, темные очки — все это делало его похожим на Ангела Смерти.

— НАШЛИ ЕГО! НАШЛИ ЕГО! — орал Гарднер. — ПРИСТРЕЛИТЕ ЕГО! ТЫСЯЧА ДОЛЛАРОВ ТОМУ, КТО ПРИНЕСЕТ МНЕ ЕГО ЯЙЦА!

Джек отскочил назад под прикрытие скал. Полсекунды спустя пуля ударилась в среднюю скалу, прежде чем послышался выстрел. *«Итак, я теперь знаю, — подумал Джек, хватая Ричарда за руку и таща его к плоту. — Сначала тебя убьют, потом ты услышишь выстрел».*

— Тебе пора идти, — сказал Спиди, почти не дыша. — Через тридцать секунд начнется большая стрельба. Старайся оставаться за волноломом столько, сколько сможешь, а потом двигайся вперед. Достань его, Джек.

Джек неистово, одержимо посмотрел на Спиди, когда вторая пуля врезалась в песок перед их маленьким редутом. Потом он затолкнул Ричарда в переднюю часть плота и не без удовлетворения отметил, что у Ричарда хватило разума ухватиться за косички на гриве резиновой лошадки. Спиди поднял руку в жесте, выражавшем одновременно прощание и благословение. Стоя на коленях, Джек сильным толчком послал плот почти к самой кромке воды. Он услышал еще одну трель свистка. Потом поднялся на ноги. Он еще бежал, когда плот оказался в воде, и был уже мокрым по пояс, когда забрался на него.

Джек начал грести вдоль волнолома. Достигнув конца, он повернул и погреб дальше по неприкрытому пространству.

Джек сосредоточился на гребле, решительно выкинув из головы мысли о том, что он будет делать, если люди Моргана убьют Спида. Ему нужно было добраться до свай — и все. Пуля ударилась о воду, подняв маленький фонтанчик примерно в шести футах слева от него. Еще одна со звоном срикошетила от волнолома. Джек греб вперед изо всех сил.

Прошло некоторое время. Он скатился с края плота и подплыл к нему сзади, чтобы толкать его, гребя ногами. Едва заметное течение подталкивало его к цели. Наконец начались сваи — высокие, покрытые коркой деревянные столбы, толстые как телеграфные. Джек поднял подбородок из воды и увидел громаду отеля, возвышающуюся над широкой черной террасой, находящейся над его головой. Он посмотрел направо, но Спида не шевелился. Или нет? Руки Спида казались разными. Может быть...

Джек заметил суматоху на травянистом склоне холма. Он посмотрел вверх и увидел четырех людей в черных костюмах, спешащих к берегу. Волна ударилась о плот, чуть не вырвав его из рук. Ричард застонал. Двое людей показывали на плот. Их губы шевелились.

Еще одна высокая волна качнула плот, подтолкнув его к берегу. «Волна, — подумал Джек, — какая еще волна?»

Он посмотрел через плот в тот момент, когда его передняя часть опустилась в промежуток между волнами. Широкая серая спина чего-то явно слишком крупного для обычной рыбы промелькнула около поверхности воды. Акула? Джек почувствовал, что у него задрожали ноги. Он наклонил голову вниз, боясь увидеть длинное сигарообразное брюхо и острые зубы.

Он не увидел этих очертаний, но то, что он увидел, поразило его.

Вода, которая оказалась очень глубокой, была полна, как аквариум, аквариум, не содержащий рыб нормального размера и вида. В этом аквариуме плавали только монстры. Под ногами Джека шевелился зоопарк, состоящий из огромных, порой чудовищно уродливых животных. Вероятно, они были под ним и под плотом с того момента, как вода стала достаточно глубокой для них, потому что они были везде. Существо, пугавшее Волков-ренегатов, проскользнуло в десяти футах под плотом, длинное, как товарный поезд. Когда Джек посмотрел, существо поплыло вверх. Пленка на его глазах мигала. Длинные усы тянулись от пещерообразного рта — рта, напоминающего дверь лифта, подумал Джек. Существо скользнуло мимо, подталкивая Джека к отелю массой смещенной воды, и высунуло морду из воды. Его профиль напоминал неандертальца.

«Старина Слоут и его ребята должны держаться подальше от воды», — сказал ему Спиди и засмеялся.

Сила, заточившая Талисман в черном отеле, поселила этих тварей в водах около Пойнт-Венути, чтобы не подпускать не тех людей, и Спиди знал об этом. Огромные тела этих тварей мягко подталкивали плот все ближе к сваям, но волны, поднимаемые ими, не позволяли более подробно видеть происходящее на берегу.

Когда плот оказался на гребне волны, Джек увидел Солнечного Гарднера, стоящего с развевающимися волосами около черного забора и поднимающего длинное тяжелое охотничье ружье. Плот снова нырнул между волн, пуля просвистела над головой со звуком пролетающего колибри, послышался выстрел. Когда Гарднер снова выстрелил, рыбоподобное существо десятифутовой длины с огромным спинным плавником поднялось из воды и остановило пулю. Не замедляя движения, существо снова ушло под воду. Джек увидел большую рваную рану на его боку. Когда он снова поднялся на гребень волны, Гарднер шел по берегу, явно направляясь к мотелю «Кингслэнд». Гигантская рыба продолжала толкать плот наискосок, к сваям.

5

Спиди говорил про лестницу, и как только Джек оказался под террасой, он стал вглядываться в полумрак, пытаясь найти ее. Толстые сваи, обросшие ракушками и увешанные водорослями, стояли в четыре ряда. Если лестница была установлена тогда же, когда была построена терраса, она запросто могла оказаться бесполезной — во всяком случае, деревянную лестницу, обросшую водорослями и ракушками, было бы трудно увидеть. Большие лохматые сваи сейчас были гораздо толще, чем тогда, когда были поставлены. Джек перекинул руки через край плота и, держась за резиновый хвост, втянул себя на плот. Потом, дрожа, он расстегнул свою промокшую рубашку — все ту же белую рубашку, минимум на размер меньше, чем надо, данную ему Ричардом на другой стороне Проклятых Земель, — и, скомкав, бросил ее на дно плота. Его ботинки потерялись в воде, и он стащил с себя мокрые носки и кинул их на рубашку. Ричард сидел на носу плота, ссутулившись и положив голову на колени, закрыв рот и глаза.

— Мы ищем лестницу, — сказал Джек.

Ричард ответил ему едва заметным движением головы.

— Как ты думаешь, ты сможешь взобраться по лестнице, Ричи?

— Наверное, — прошептал Ричард.

— Она где-то здесь. Вероятно, она прикреплена к одной из этих свай.

Джек, гребя обеими руками, приблизил плот к одной из свай в первом ряду. Зов Талисмана был теперь непрерывным и казался достаточно сильным, чтобы поднять его с плота и опустить на террасе. Они плыли между первым и вторым рядами свай, уже под тяжелой черной линией террасы, находившейся сверху; здесь, как и снаружи, маленькие красные вспышки обжигали воздух, кружились и мигали. Джек посчитал: четыре ряда свай, по пять в каждом ряду. Двадцать мест, где может быть лестница. Мрак под террасой и изящество коридоров, подсказываемое рядами свай, создавало иллюзию путешествия по катакомбам.

— Они не попали в нас, — сказал Ричард без эмоций. Таким же тоном он мог сказать «в магазине кончился хлеб».

— Нам немного помогли.

Он посмотрел на Ричарда, обнявшего руками колени. Ричард никогда не сможет подняться по лестнице, если его не расшевелить.

— Мы приближаемся к свае, — сказал Джек. — Наклонись вперед и оттолкни нас, ладно?

— Что?

— Следи, чтобы мы не уткнулись в сваю, — повторил Джек. — Давай, Ричард, мне нужна твоя помощь.

Похоже, это подействовало. Ричард продрал левый глаз и положил правую руку на край плота. Когда они проплывали мимо толстой сваи, он выставил вперед левую руку, чтобы оттолкнуться. Вдруг что-то на свае издало чмокающий звук, словно разлепились влажные губы. Ричард замычал и отдернул руку.

— Что это было? — спросил Джек, но Ричарду не понадобилось отвечать — теперь уже оба мальчика видели похожих на слизняков тварей, прицепившихся к сваям. Их глаза были закрыты, рты тоже. Побеспокоенные, они начали менять свое положение на сваях, щелкая зубами. Джек опустил руки в воду и заставил плот обогнуть сваю.

— О, Боже, — сказал Ричард. Эти маленькие безгубые рты имели множество зубов. — Боже, я не могу...

— Ты должен терпеть, Ричард, — сказал Джек. — Разве ты не слышал, что говорил Спиди там, на берегу? Он, может быть, уже мертв, Ричард, а если так, то он умер в уверенности, что ты пойдешь в отель вместе со мной.

Ричард снова закрыл глаза.

— И мне наплевать, сколько слизняков нам придется убить, чтобы подняться по лестнице, ты все равно по ней полезешь, Ричард. Это все. Вот так.

— Черт бы тебя побрал, — сказал Ричард. — Ты не должен говорить со мной так. Меня тошнит от твоей мании величия. Я знаю, что я поднимусь по лестнице, что бы ни случилось. У меня, похоже,

температура сто пять градусов, но я знаю, что я поднимусь по этой лестнице. Просто я не уверен в том, получится ли у меня. — Ричард произнес всю эту речь с закрытыми глазами. Он с усилием открыл глаза. — Ничего...

— Ты нужен мне, — сказал Джек.

— Ничего, я поднимусь по лестнице, ты, ублюдок.

— В таком случае, я сначала попробую ее найти, — сказал Джек, толкнул плот вперед, к следующему ряду свай и увидел ее.

6

Лестница висела вертикально между двумя внутренними рядами свай, кончаясь примерно в четырех футах над поверхностью воды. Смутно различимый прямоугольник на верхнем конце лестницы показывал, что люк открывался на террасу. В темноте лестница была лишь призраком лестницы, едва видимым.

— Я вижу ее, Ричи, — сказал Джек. Он осторожно провел плот мимо следующей сваи, стараясь не задеть ее. Сотни слизняков, облепивших сваю, оскалили зубы. Через несколько секунд лошадиная голова впереди плота прошла под лестницей, и Джек, протянув руку, ухватился за нижнюю ступеньку.

— Порядок, — сказал он. Он привязал один рукав своей мокрой рубашки к нижней ступеньке лестницы, другой рукав он привязал к тугому резиновому лошадиному хвосту рядом с собой. Хоть плот будет на месте, если они когда-нибудь выберутся из отеля. У Джека внезапно пересохло во рту. Талисман пел, зовя его к себе. Джек осторожно встал на плоту и ухватился за лестницу.

— Ты первый, — сказал он. — Будет нелегко, но я помогу.

— Обойдусь без твоей помощи, — сказал Ричард. Поднимаясь, он чуть не упал вперед и не столкнул Джека с плота.

— Осторожно.

— Сам разберусь.

Ричард раскинул руки и устоял на ногах. Он прикусил губу и, казалось, боялся вздохнуть. Он шагнул вперед.

— Хорошо.

— Ублюдок.

Ричард переставил левую ногу вперед, поднял правую руку, переставил левую ногу. Теперь он мог руками нащупать лестницу. Он свирепо покосился на Джека правым глазом.

— Хорошо, — сказал Джек, держа перед собой руки ладонями вперед, растопырив пальцы, показывая, что он не хочет оскорбить Ричарда предложением физической помощи.

Ричард потянул руками за лестницу, и его ноги неизбежно заскользили вперед, увлекая плот за собой. Через секунду он уже

наполовину висел над водой — рубашка Джека удержала плот от дальнейшего продвижения.

— Помоги!

— Подтяни ноги обратно.

Ричард сделал так и снова встал вертикально, тяжело дыша.

— Позволь мне дать тебе руку, ладно?

— Ладно.

Джек пополз по плоту и оказался прямо перед Ричардом. С большой осторожностью он встал. Ричард, дрожа, держался обеими руками за нижнюю ступеньку. Джек положил руки на костлявые бедра Ричарда.

— Я тебя приподниму. Постарайся не лягаться ногами — просто подтянись и поставь колено на ступеньку. Но сначала переставь руки на следующую.

Ричард открыл один глаз и сделал так, как сказал Джек.

— Ты готов?

— Давай.

Плот двинулся вперед, но Джек поднял Ричарда так высоко, что тот с легкостью поставил правое колено на нижнюю ступеньку. Потом Джек ухватился за лестницу и усилием рук и ног стабилизировал плот. Ричард мычал, пытаясь поднять другое колено на ступеньку, через секунду это ему удалось. Еще через две секунды Ричард Слоут стоял на лестнице в полный рост.

— Я не могу подняться дальше, — сказал он. — Мне кажется, что я сейчас упаду. Я чувствую себя ужасно, Джек.

— Поднимись еще на одну ступеньку, пожалуйста. Пожалуйста. Тогда я смогу помочь тебе.

Ричард вяло переставил руки на ступеньку выше. Джек посмотрел вверх и увидел, что лестница была футов тридцать в длину.

— Теперь передвинь ноги. Пожалуйста, Ричард.

Ричард медленно поставил сначала одну, потом другую ногу на вторую ступеньку.

Джек взялся руками за ту же ступеньку и подтянулся. Плот описал полукруг, но Джек поднял колени и твердо поставил обе ноги на нижнюю ступеньку. Удерживаемый рубашкой Джека, плот вернулся назад, как собачка на поводке.

На трети пути вверх по лестнице Джеку пришлось обхватить Ричарда за пояс, чтобы уберечь его от падения в черную воду.

Наконец, прямоугольник люка оказался прямо над головой Джека. Он прижал Ричарда к себе, обняв левой рукой одновременно его и лестницу, и попробовал открыть люк правой. А вдруг он забит гвоздями? Но он сразу же открылся и ударился об пол террасы. Джек левой рукой взял Ричарда под мышки и вытянул его из тьмы через дыру в полу террасы.

Интермедия СЛОУТ В ЭТОМ МИРЕ (V)

Мотель «Кингслэнд» пустовал почти шесть лет, и теперь он имел запах плесени и пожелтевших газет, присущий давно заброшенным зданиям. Этот запах поначалу мешал Слоуту. Его бабушка по линии матери умерла дома, когда Слоут был мальчиком — ей потребовалось для этого четыре года, но в конце концов она добила своего, — и запах ее смерти был похож на этот. Ему не был нужен такой запах и такие воспоминания в момент, который должен был стать его величайшим триумфом.

Но сейчас это уже не играло роли. Даже потери, нанесенные ему ранним появлением Джека в Лагере Готовности, теперь не играли роли. Его чувства недовольства и ярости переросли в неистовое нервное возбуждение. Опустив голову, с дрожащими губами и горящими глазами, он ходил взад и вперед по комнате, в которой они с Ричардом останавливались в старые времена. Иногда он смыкал руки за спиной, иногда он бил себя кулаком в ладонь, иногда поглаживал свою лысину. Но большую часть времени он шагал, как когда-то в колледже, со сжатыми в тугие маленькие кулачки руками и ногтями, злобно впивающимися в ладони. В животе он ощущал головокружительную легкость.

В голову лезли мысли.

Нет, нет. Идея верна, фраза не та.

Мысли собирались *воедино*.

Ричард уже мертв. Мой сын мертв. Наверняка. Он выжил в Проклятых Землях — с трудом, — но он никогда не переживет посещение «Эджинкорта». Он мертв. Нет смысла тешить себя надеждами. Джек Сойер убил его, и я вырву ему глаза за это.

— Но я тоже убил его, — прошептал Морган, останавливаясь на секунду.

Внезапно он вспомнил своего отца.

Гордон Слоут был строгим лютеранским священником в Огайо. В течение всего отрочества Морган пытался избегать этого жестокого и страшного человека. В конце концов он спасся от него в Йеле. Он нацелил свой разум и дух на Йель в последний год учебы в школе по одной причине, главенствовавшей над всеми остальными, не принимаемой разумом, но глубокой как суть: это было место, где его отец никогда не осмелился бы появиться со своими грубыми деревенскими замашками. Если бы когда-нибудь его отец осмелился ступить на землю студенческого городка Йеля, *что-нибудь* могло случиться с ним. *Что именно*, Слоут не знал точно, но это должно было быть чем-то вроде того, что случилось со Злой Ведьмой, когда Дороти плеснула на нее водой. И его предчувствие, похоже, было верным: его отец *никогда*

не ступал ногой на землю Йельского студенческого городка. С первого же дня пребывания в колледже власть Гордона Слоута над сыном стала ослабевать — уже это делало все старания не напрасными.

Но сейчас, стоя со сжатыми кулаками, он услышал голос отца: *«Какая польза человеку от того, что он получит весь мир, если он потеряет своего сына?»*

На секунду этот желтый запах — запах пустого мотеля, запах бабушки, запах смерти — заполнил его ноздри, казалось, начал душить его, и Морган Слоут/Морган из Орриса испугался.

Какая польза человеку...

В Книге Хорошего Хозяйствования сказано, что человек не должен приносить в жертву себя свое, за это он...

Какая польза...

Этот человек будет проклят, проклят, проклят.

...человеку от того, что он получит весь мир, если он потеряет своего сына?

Вонь штукатурки. Сухой запах мышиного помета, превращающегося в пыль в темных пространствах за стенами. Безумцы. Безумцы на улицах.

Какая польза человеку?

Умер. Один сын умер в том мире, один — в этом.

Какая польза человеку?

Твой сын мертв, Морган. Наверняка. Умер в воде или между сваями, или — наверняка! — наверху. Не смог пережить. Не смог...

Какая польза...

И вдруг он нашел ответ.

«Польза в том, что человек получает весь мир!» — прокричал Морган в разрушающейся комнате. Он засмеялся и снова начал мерить шагами комнату. — Это даст человеку *весь мир*, и этого вполне достаточно!»

Смеясь, он начал ходить все быстрее и быстрее, и вскоре из его сжатых кулаков начала капать кровь.

Примерно через десять минут подъехал автомобиль. Морган подошел к окну и увидел Солнечного Гарднера, пулей вылетающего из «кадиллака».

Несколько секунд спустя Гарднер уже колотил в дверь обоими кулаками, как трехлетний ребенок в приступе гнева колотит по полу. Морган увидел, что этот человек совершенно обезумел, и задумался о том, хорошо ли это или плохо.

— Морган! — орал Гарднер. — Открой, господин мой! Новости! У меня ест новости!

Я видел все твои новости через свой бинокль. Постучись в дверь еще немного, Гарднер, а я тем временем подумаю. Хорошо ли то, что ты сошел с ума, или плохо?

«Хорошо», — решил Морган. В Индиане Гарднер стал вдруг Солнечным Вьетнамцем в критический момент, и сбежал, совершенно не побеспокоившись о Джеке. Но теперь великое горе сделало его человеком, которому можно доверять. Если бы Моргану понадобился пилот-камикадзе, Солнечный Гарднер первым бы сел в самолет.

— Открой мне, господин мой! Новости! Новости! Нов...

Морган открыл дверь. Несмотря на то, что и сам он был дико взволнован, он предстал перед Гарднером с совершенно спокойным лицом.

— Спокойно, — сказал он. — Спокойно, Гард, а то у тебя сосуды полопаются.

— Они пошли к отелю... пляж... стреляли по ним, пока они были на берегу... эти идиоты промахнулись... в воде, я думал... что мы достанем их в воде... но твари из глубин всплыли... я не выпускал его из виду... я ВИДЕЛ этого проклятого мальчишку... а потом... твари... они... они...

— Медленнее, — сказал Морган, пытаясь успокоить его. Он открыл дверь и достал бутылку из внутреннего кармана. Он передал ее Гарднеру, который отвинтил пробку и выпил два больших глотка. Морган ждал. Его лицо было милостивым и спокойным, но на лбу пульсировала вена, а кулаки все время сжимались и разжимались.

Добрались до отеля, да. Морган видел забавный плот с лошадиной головой и резиновым хвостом.

— А что мой сын? — спросил он Гарднера. — Что говорят твои люди, он был жив или мертв, когда Джек посадил его на плот?

Гарднер покачал головой, но глаза его сказали правду: «Никто не знает точно, господин мой. Одни говорят, что он двигался, другие говорят, что нет».

Не играет роли. Если даже он был жив тогда, все равно он уже мертв. Стоит ему только вдохнуть воздух того места, и его легкие взорвутся.

Щеки Гарднера покраснели, глаза были влажными. Он не отдал бутылку и все еще держал ее в руках. Слоут чувствовал себя прекрасно. Ему не хотелось ни виски, ни кокаина. Он был в том состоянии, которое хиппи шестидесятых называли «полный кайф».

— Начни сначала, — сказал Морган, — и теперь постарайся рассказать все по порядку.

Единственным, о чем не упомянул Гарднер в первый раз, был факт присутствия старого нигтера на берегу, но Морган почти угадал это. Он не стал останавливать Гарднера. Голос Гарднера успокаивался, гнев утихал. Пока Гарднер говорил, Морган еще раз обдумал свои планы, с легким сожалением исключая своего сына из уравнения. *Какая польза человеку? Человек получает целый мир, и мира*

достаточно... или, в данном случае, миров. Для начала двух, и еще больше, если дело пойдет. Я смогу владеть ими, если захочу — я могу быть кем-то вроде Бога Всей Вселенной.

Талисман. Талисман — это...

Ключ?

Нет, о, нет.

Не ключ, а дверь, стоящая между ним и его судьбой. Он не хотел открыть эту дверь, он хотел ее уничтожить, уничтожить целиком и полностью, навеки, так, чтобы она уже никогда не закрылась.

Когда Талисман будет разбит, все эти миры будут *его* мирами.

— Гард! — сказал он, снова начав ходить по комнате.

Гарднер вопросительно посмотрел на Моргана.

— Какая польза человеку? — нежно прошептал Морган.

— Мой господин, я не понимаю...

Морган остановился перед Гарднером, его глаза горели. Его лицо подергивалось. Стало лицом Моргана из Орриса. Снова стало лицом Моргана Слоута.

— Человек получает *весь мир*, — сказал Морган, кладя руки на плечи Осмонда. Когда он убрал их секунду спустя, Осмонд снова стал Гарднером. — Человек получает *весь мир*, и всего мира достаточно.

— Господин мой, я не понимаю, — сказал Гарднер, глядя на Моргана так, будто он сошел с ума. — Я думаю, они вошли *внутрь*. Туда, где *ОН*. Мы пытались подстрелить их, но твари... твари из глубин... всплыли и защитили их, точно как было сказано в *Книге Хорошего Хозяйствования*... а если они *внутри*... — Гарднер повышал голос. Глаза Осмонда были наполнены одновременно страхом и ненавистью.

— Я понимаю, — сказал Морган, утешая. Его лицо и голос снова были спокойными, но кулаки работали, и кровь капала на заплесневелый ковер. — Ну конечно, да-да-да, в самом деле, тра-та-та. Они вошли вовнутрь, и мой сон никогда не выйдет наружу. Ты потерял своего, Гард, и теперь я потерял своего.

— *Сойер!* — крикнул Гарднер. — Джек *Сойер!* Джейсон! Этот...

Гарднер начал изрыгать проклятия, и это продолжалось почти пять минут. Он проклинал Джека на двух языках. Его голос грохотал и был наполнен горем и гневом. Морган стоял и спокойно слушал.

Когда Гарднер остановился, горестно вздохнул и сделал еще один глоток из бутылки, Морган сказал:

— Верно! Трижды верно! Теперь послушай, Гард — ты слушаешь?

— Да, мой господин.

Глаза Гарднера/Осмонда светились вниманием.

— Мой сын никогда не выйдет из черного отеля, и я не думаю, что Сойер сможет выйти оттуда. Очень может быть, что он не в

достаточной степени *Джейсон*, чтобы совладать с тем, что есть там внутри. ОНО может его убить или свести с ума, или забросить его за сто миров. Но он *может* и выйти наружу, Гард. Да, он *может*.

— Он гадкий, он самый гадкий сукин сын из когда-либо рождавшихся, — прошептал Гарднер. Его пальцы сжимали бутылку... сжимали... сжимали... и вот уже от его пальцев поползли трещины по стеклу.

— Ты говоришь, что на берегу этот старый ниггер?

— Да.

— Паркер, — сказал Морган, и в тот же момент Осмонд сказал:

— Паркус.

— Мертвый? — спросил Морган без особого интереса.

— Я не знаю. Наверное, да. Должен ли я послать человека, чтобы проверить?

— *Нет!* — резко сказал Морган. — Нет, но мы пойдем туда, где он, да, Гард?

— Зачем?

Морган улыбнулся.

— Да. Ты... я... все мы. Потому что если Джек выйдет из отеля, он в первую очередь пойдет туда. Он не оставит своего старого приятеля, не так ли?

Теперь Гарднер тоже заулыбался.

— Нет, — сказал он, — нет.

Впервые Морган почувствовал ноющую, пульсирующую боль в руках. Он разжал кулаки и задумчиво посмотрел на кровь, сочившуюся из полукруглых ранок на ладонях. Улыбка его не исчезла. Она даже стала шире.

Гарднер смиренно смотрел на него. Великое ощущение силы наполнило Моргана. Он поднял окровавленную руку к шее и положил ее на ключ, разбрасывающий молнии.

— Это дает человеку *весь мир*, — прошептал он. — Теперь все скажите *«аллилуйя»*.

Губы растянулись еще шире. Он улыбался нездоровой желтой улыбкой злого волка — волка старого, но еще хитрого, крепкого и сильного.

— Пойдем, Гард, — сказал он. — Пойдем на берег.

Глава 41 ЧЕРНЫЙ ОТЕЛЬ

1

Ричард Слоут не был мертв, но когда Джек поднял его, он был без сознания.

«Кто теперь стадо? — спросил Волк в его голове. Будь осто-рожен, Джеки! Волк! Будь...»

ИДИ КО МНЕ! ИДИ КО МНЕ! — пел Талисман своим сильным беззвучным голосом. — **ИДИ КО МНЕ, ПРИВЕДИ СТАДО, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО И...**

— ...и все будет в порядке, — прокаркал Джек с шотландским акцентом.

Он двинулся вперед и чуть было не свалился, оступившись, обратно в люк. Кровь стучала в ушах, и на секунду Джек почувствовал, что его сейчас вырвет в серую воду, омывающую сваи внизу. Потом он взял себя в руки и захлопнул люк ногой. Теперь до его ушей доносился только звук флюгеров — каблистических медных знаков, неугомонно вращающихся в небе.

Джек повернулся к «Эджинкорту».

Он увидел, что стоял на широкой террасе, поднятой над водой. Когда-то модные люди двадцатых и тридцатых сидели здесь после обеда в тени зонтиков, пили свои коктейли, может быть почитывая последний роман Эдгара Уоллеса или Эллери Куин, а может быть просто глядя в ту сторону, где в дымке смутно вырисовывались очертания острова Лас Кавернас, напоминающего сине-серую спину кита, спящего на горизонте. Мужчины в белом, женщины в пастельном.

Когда-то, может быть.

Сейчас доски под ногами растрескались. Джек не знал, в какой цвет терраса была выкрашена раньше, но теперь она стала черной, как и весь отель. Цвет этого места был таким же, каким он должен был быть у злокачественных опухолей в легких его матери, как представлял себе Джек.

В двадцати футах от Джека находились те самые «окна-двери», через которые в старые времена проходили гости. Они были покрыты широкими мазками грязи и были похожи на слепые глаза.

На одном из них была надпись:

ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ.

Звук волн. Звук крутящихся железок на крутых крышах. Запах морской соли и пролитых напитков — напитков, пролитых давным-

давно прекрасными людьми, которые теперь покрылись морщинами или умерли. Запах самого отеля. Джек снова посмотрел на грязное окно и без особого удивления увидел, что надпись уже изменилась:

ОНА УЖЕ УМЕРЛА, ДЖЕК. ЗАЧЕМ ТЕБЕ ВСЕ ЭТО?

(Кто теперь стадо?)

— Ты, Ричи, — сказал Джек. — Но не только ты.

Ричард издал храпящий, протестующий звук в руках у Джека.

— Пора, — сказал Джек и пошел. — Еще одна миля. Так или иначе.

2

Грязные окна, казалось, *расширились*, когда Джек направился к «Эджинкورتу», словно отель встречал его со слепым, но презрительным удивлением.

Неужели ты действительно думаешь, малыш, что сможешь войти сюда, надеешься когда-нибудь выйти обратно? Ты думаешь, что ты действительно в достаточной степени Джейсон?

Красные искры, такие же, как и в воздухе, вспыхивали и пробегали по стеклу. К удивлению Джека, на момент они приняли очертания огненных чертиков. Они скатились по медным ручкам дверей и слились там воедино. Ручки начали тускло светиться, как железо на наковальне.

Давай, малыш, прикоснись, попробуй.

Однажды, в возрасте шести лет, Джек положил палец на холодную спираль электрического обогревателя и повернул ручку управления в крайнее положение. Ему просто было интересно, насколько быстро спираль нагреется. Секунду спустя он, крича от боли, отдернул палец, уже покрывшийся волдырями. В комнату вбежал Фил Соьер, посмотрел, что случилось, и поинтересовался у Джека, давно ли у него возникло это странное желание сжечь себя заживо.

Джек стоял с Ричардом на руках и смотрел на тускло светящиеся ручки.

«Давай, малыш. Помнишь, как обжег обогреватель? Ты думал, что времени достаточно, чтобы убрать палец, но он сразу тебя обжег, не так ли? А как, по-твоему, это будет сейчас, Джек?»

Еще несколько искр стекла к ручкам по поверхности застекленных дверей. Ручки стали красно-белыми, приближаясь к точке плавления. Если он прикоснется к ручке, она стечет ему в руку, сжигая плоть, обугливая сухожилия, доводя кровь до кипения.

Агония не будет похожа ни на что, что он чувствовал когда-либо раньше.

Он подождал секунду, держа Ричарда на руках, надеясь, что Талисман снова позовет его, или что «Джейсон в нем» выйдет наружу. Но вместо этого у него в голове зазвучал голос матери:

Тебя что-то или кто-то толкает вперед, Джеки? Давай, парень, ты все решил сам, ты можешь идти, если ты действительно хочешь. Кто еще сделает все это, если не ты?

— О'кей, мама, — сказал Джек. Он слегка улыбнулся, но голос его дрожал от страха.

Он протянул руку и взялся за дверную ручку.

Ручка была теплой — и все. Когда Джек повернул ее, красное свечение исчезло со всех ручек. Когда он толкнул дверь внутрь, Талисман снова запел, вызывая мурашки по всему телу:

МОЛОДЕЦ! ДЖЕЙСОН! КО МНЕ! ИДИ КО МНЕ!

С Ричардом на руках он шагнул в столовую черного отеля.

3

Пересекая порог, он почувствовал неживую силу — что-то вроде мертвой руки — пытающуюся выпихнуть его обратно. Джек приложил усилие, и через пару секунд отталкивающая сила ослабла.

Комната не была совсем темной, но грязные окна придавали ей одноцветную белизну, которая Джеку не нравилась. Ему казалось, будто он в тумане или ослеп. Здесь присутствовал запах гниения внутри стен, где штукатурка медленно превращалась в кашу: запах пустого времени и кислой темноты. Но здесь было еще что-то, Джек знал об этом и боялся этого.

Потому что это место не было пустым.

Что именно здесь должно было происходить, он не знал, но он знал, что Слоут никогда не осмеливался войти сюда, и он догадывался, что никто другой тоже. Воздух был тяжелым и неприятным, словно наполненным медленно действующей отравой. Он чувствовал потаенные комнаты, наклонные лазы и тупики над собой. Они давили на него, как стены большого и сложного сооружения. Здесь было безумие, ходячая смерть, странная иррациональность. Джек мог не иметь слов, чтобы выразить это, но он чувствовал все это... он знал, что это было здесь. Так же как он знал, что все Талисманы во вселенной не смогут защитить его от этих вещей. Он вступил в странный ритуал, исход которого, он чувствовал это, отнюдь не был предreshен.

Он был один.

Что-то коснулось его затылка. Джек махнул рукой, и это нечто скатилось в сторону. Ричард застонал у него на руках. Это был огромный черный паук, висающий на нити. Джек поднял голову и

увидел его паутину, опутавшую давно замерший вентилятор с лопастями из твердого дерева. Тело паука было раздутым. Джек видел его глаза. Он не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь видел паучьих *глаза*. Джек начал обходить паука, направляясь к столу. Паук поворачивался на нити, следуя за ним.

«*Шертоф воррр!*» — вдруг завизжал он.

Джек закричал и с панической силой прижал к себе Ричарда. Эхо от его крика гуляло под высоким потолком столовой. Где-то во тьме раздался металлический щелчок, и что-то засмеялось.

«*Шертоф воррр! Шертоф ВОРРР!*» — завизжал паук и внезапно поднялся обратно в свою паутину под потолком.

С тяжело бьющимся сердцем Джек пересек столовую и положил Ричарда на один из столов. Мальчик снова слабо застонал. Джек чувствовал ужасные опухоли под его одеждой.

— Придется покинуть тебя на некоторое время, приятель, — сказал Джек.

Из теней сверху: «...Я... я *присмотрю... присмотрю за ним... за ним... шертоф... шертоф воррр...*» Послышался мрачный смех.

Под столом, на который Джек положил Ричарда, лежала стопка скатертей. Верхние две или три из них были склизкими от плесени, но где-то в середине стопки он нашел одну не очень плохую. Он развернул ее, укрыл ею Ричарда по шею и пошел прочь.

Голос паука доносился с лопастей вентилятора и затухал во тьме, которая пахла гниющими мухами и шмелями: «...Я *присмотрю за ним, шертоф ворр...*»

Джек посмотрел вверх, но не увидел паука. Он мог представить его маленькие холодные глазки, но это было только его воображение. Ему вдруг представилась ужасная картина: паук опускается на лицо Ричарда, пробирается между губами и залезает к Ричарду в рот, все время напевая: «*шертоф ворр, шертоф ворр, шертоф ворр...*»

Он подумал о том, чтобы накрыть скатертью и лицо Ричарда, но понял, что не может превратить Ричарда в нечто сильно напоминающее собой труп — это было бы почти как приглашение.

Он вернулся к Ричарду и остановился в нерешительности, понимая, что его нерешительность радовала здешние силы — что угодно, лишь бы он держался подальше от Талисмана.

Он запустил руку в карман и извлек большой темно-зеленый мраморный шарик. Волшебное зеркало в другом мире. У Джека не было повода считать, что в нем есть особая сила против сил зла, но эта вещь пришла из Долин... а, отбрасывая Проклятые Земли, Долины по своей природе были добром. А природное добро, рассудил Джек, должно иметь силу против зла.

Он вложил мраморный шарик в руку Ричарду. Рука Ричарда медленно разжалась, когда Джек убрал свою.

Откуда-то сверху раздался смех паука.

Джек наклонился над Ричардом, стараясь игнорировать запах болезни, так похожий на запах этого места, и прошептал:

— Держи это, Ричи. Держи это крепко, дружок.

— Не... дружком, — пробормотал Ричард, но его рука слабо сжала мраморный шарик.

— Спасибо, Ричи, — сказал Джек. Он нежно поцеловал Ричарда в щеку и пошел через столовую к закрытым двустворчатым дверям в дальнем ее конце. *«Как в «Альгамбре», — подумал он. — Там столовая выходит в парк, здесь столовая выходит на террасу, висящую над водой. И тут, и там есть двустворчатые двери, ведущие в остальную часть отеля».* Пересекая столовую, он снова почувствовал сопротивление мертвой руки — отель отталкивал его, пытаясь вытолкнуть наружу.

«Забудь об этом», — подумал Джек и продолжил движение.

Сила сразу ослабла.

«У нас есть и другие средства», — прошептали двери, когда он приблизился к ним. И снова Джек услышал слабый, глухой металлический лязг.

«Ты беспокоился о Слоуте», — шептали двери, но теперь это были не только они — теперь голос, слышимый Джеком, был Голосом всего отеля. — Ты беспокоился о Слоуте, о плохих Волках, о тварях, похожих на козлов, о баскетбольных тренерах, которые на самом деле не баскетбольные тренеры; ты беспокоился об оружии, пластиковой взрывчатке и волшебных ключах. Нас здесь эти вещи не беспокоят. Они ничего для нас не значат. Морган Слоут для нас не более чем суетливый муравей. Ему было отведено только двадцать лет, а это даже меньше промежутка между нашими вдохами. Здесь, в Черном Отеле, нас заботит только Талисман — связующее звено всех возможных миров. Ты пришел сюда как взломщик, чтобы украсть у нас то, что принадлежит нам, и мы говорим тебе еще раз: у нас есть и другие средства против шертовых воррров вроде тебя. И если ты не отступишь, ты узнаешь, что это за средства, но тогда будет уже поздно отступать».

4

Джек толчком открыл сначала одну дверь, потом другую. Ролики неприятно заскрипели, покотившись по полозьям впервые за долгие годы.

За дверями был темный коридор. *«Который ведет в холл, — подумал Джек. — А потом, если это место такое же, как и*

«Альгамбра», нужно будет подняться на один этаж по главной лестнице».

На втором этаже должен был быть большой танцевальный зал. А в этом танцевальном зале должна быть вещь, за которой он пришел.

Джек еще раз оглянулся, увидел, что Ричард не движется, и шагнул в коридор. Он закрыл двери позади себя.

Он медленно пошел по коридору, его изношенные и грязные кроссовки шуршали по гниющему ковру.

Немного дальше Джек увидел еще одну пару дверей, на которых были изображены птицы.

Рядом находились клубные комнаты. Здесь была комната «Золотого Штата», прямо напротив — комната «Сорок Девярых». В пяти шагах дальше была комната «Мендосино» (на нижней панели двери из красного дерева была надпись: «ТВОЯ МАТЬ УМЕРЛА В МУКАХ!»). Вдали, в конце коридора — невозможно далеко! — виднелся водянистый свет. Холл.

Кланк!

Джек резко обернулся и заметил отблеск движения в одном из остроконечных дверных проемов в каменном жерле коридора...

(?камни?) (?остроконечные дверные проемы?)

Джек беспокойно осмотрелся. Коридор был отделан темными панелями из красного дерева, уже начавшими гнить под влиянием морской влаги. Никаких камней. И двери были просто дверями, четко прямоугольными, без острого верха. На какой-то момент ему показалось, что он видит проемы, похожие на арки собора. Эти проемы заполняли железные подъемные ворота, из тех, что поднимаются и опускаются при помощи ворота. Подъемные ворота с голодными железными шипами внизу. Когда ворота опускались, закрывая вход, шипы точно входили в углубления в полу.

Никаких каменных арок, Джеки. Посмотри сам. Только двери. Ты видел такие ворота в лондонском Тауэре, когда ты там был с мамой и дядей Томми три года назад. Ты немного нервничаешь, и это все...

Но ощущение в животе было безошибочным.

Ну да, все это было на самом деле. Я переносился — какую-то секунду я был в Долинах.

Кланк.

Джек повернулся в другую сторону, пот проступил на лбу и щеках, волосы стали подниматься дыбом.

Он снова увидел это — какой-то металлический блеск в тени одной из этих комнат. Он увидел огромные камни, черные как грех, их неровные поверхности были покрыты зеленой слизью. Омерзительные мягкие белые жуки кишели в порах разлагающегося извещкового раствора между камнями. Пустые держатели для факелов

стояли с пятнадцати- и двадцатифутовыми интервалами. Факелы, которые они когда-то держали, давно исчезли.

Кланк.

В этот раз он даже не оглянулся. Мир скользил перед глазами, расплываясь, как объект, видимый через поток чистой воды. Стены снова были отделаны почерневшим красным деревом, а не камнем. Двери снова были *дверями*, а не металлическими подъемными решетками. Два мира, разделенные мембраной, тонкой как женский шелковый чулок, теперь начали накладываться друг на друга.

И Джек смутно почувствовал, что Джейсон начал накладываться на Джека — появлялось какое-то третье существо, бывшее слиянием их обоих.

Я не знаю точно, кто появится в результате этого, но я надеюсь, что это будет сильный человек, потому что за дверями кто-то есть... за всеми ними.

Джек начал боком пробираться по коридору к холлу.

Кланк.

В этот раз миры не поменялись местами, прочные двери остались прочными дверями, и он не заметил никакого движения.

Но за ними, за ними...

Теперь он услышал что-то за разрисованными двустворчатыми дверями. В небе над пейзажем, изображенным на них, висела надпись: БАР «ЦАПЛЯ». Это был звук какой-то запускаемой большой ржавой машины. Джек повернулся к

(Джейсон повернулся к)

открывающейся двери

(поднимающейся решетке)

опуская руку в

(мешочек)

карман

(который он носил на поясе)

его джинсов, и сжимая гитарный медиатор, который давным-давно ему дал Спиди.

(сжимая акулый зуб)

Он ждал увидеть, что появится из бара «Цапля», а стены отеля тихо шептали: *«У нас есть средства против шертовых воров вроде тебя. Ты оставался здесь, пока было время... теперь, мальчик, твое время истекло».*

Кланк... БУММ!

Кланк... БУММ!

Кланк... БУММ!

Это был шум чего-то металлического, большого и неуклюжего. В нем было что-то неумолимое и нечеловеческое, и это сильно испугало Джека. Это нечто двигалось вперед в своем идиотическом ритме:

Кланк... БУММ!

Кланк... БУММ!

Последовала долгая пауза. Джек подождал, прижавшись к дальней стене в нескольких футах справа от разрисованных дверей, его нервы так напряглись, что, казалось, гудели. Ничего не произошло в течение долгого времени. Джек начал надеяться, что существо, издававшее этот страшный шум, провалилось обратно в тот мир, из которого пришло, сквозь дыру между измерениями. От неестественно прямой позы затекла спина. Он расслабился.

Вдруг раздался оглушительный треск, и огромный бронированный кулак с тупыми двухдюймовыми шипами, торчащими на суставах, проломился сквозь облупившееся голубое небо, изображенное на двери. Джек, открыв рот от изумления, опять прижался к стене.

И беспомощно провалился в Долины.

6

На другой стороне подъемной решетки стояла фигура в почерневших, ржавых доспехах. Его цилиндрический шлем пересекала смотровая щель, не шире одного дюйма. Шлем венчало грязное красное перо — по нему во все стороны ползали белые жуки. Джек увидел, что они были такими же, как и те, которые появились из стен сначала в комнате Артура, а потом по всей территории школы Тэйера. Внизу шлем заканчивался кольчугой, драпировавшей ржавые плечи рыцаря подобно женской фате. Руки были закрыты тяжелыми стальными пластинчатыми брассардами. На локтях они соединялись налокотниками. Они были покрыты коростой древней грязи, и когда рыцарь шевелился, налокотники визжали, напоминая высокие требовательные голоса недовольных детей.

Его покрытые броней кулаки были покрыты шипами.

Джейсон прижался к каменной стене, глядя на рыцаря и боясь отвернуться, во рту пересохло, а глаза, казалось, вылезали из орбит в такт с ударами сердца.

В правой руке рыцарь держал *мартель-де-фер* — боевой молот с ржавым тридцатифунтовым кованым бойком.

Решетка, помни, что вас разделяет решетка...

Несмотря на то, что никого рядом не было, ворот начал поворачиваться, железная цепь, каждое звено которой было длиной с предплечье Джека, начала наматываться на барабан, и ворота начали подниматься.

Бронированный кулак исчез из двери, оставив дыру, сразу превратившую пейзаж из пасторально-романтического в сюрреалистически-мрачный: теперь было похоже, что некий апокалиптический охотник, разочарованный днем, проведенным в болотах, запустил подстреленных птиц в пике сквозь само небо. Потом боек молота проломил дверь сильным тупым ударом, уничтожив одну из двух цапель, пытающихся взлететь. Джек прикрыл лицо рукой, чтобы защититься от щепок. *Мартель-де-фер* исчез из дыры. Потом последовала короткая пауза, достаточно продолжительная, чтобы снова подумать о бегстве. Потом через дверь снова проломился железный кулак. Он пошевелился в отверстии, расширяя его, и снова пропал. Потом сквозь дверь проломился молот, и большой кусок правой двери упал на ковер.

Теперь Джек увидел огромную неповоротливую фигуру в доспехах в тени бара «Цапля». Доспехи отличались от тех, которые были на рыцаре, наступавшем на Джейсона в черном замке. На том был шлем почти цилиндрической формы с красным пером. На этом рыцаре был шлем, выглядевший как полированная голова стальной птицы. По бокам, примерно на уровне ушей, из шлема торчали рога. Джек увидел нагрудную броню, пластинчатую юбку и кольчугу под ней. Молот был одинаковым в обоих мирах, и в обоих мирах рыцари-Двойники отбросили его в сторону, словно с презрением: кому нужен боевой молот для борьбы с таким хилым партнером?

Беги! Джек, беги!

«Правильно, — шептал отель, — беги! Вот что должны делать воры вроде тебя! Беги! БЕГИ!»

Нет, он не побежит. Он может погибнуть, но он не побежит. Потому что этот хитрый шепчущий голос был прав. Именно воры должны спастись бегством.

«Но я не вор, — мрачно подумал Джек. — Это существо может меня убить, но я не побегу. Потому что я не вор».

— Я не побегу! — крикнул Джек в блестящее птичье лицо. — Я не вор! Слышишь? Я пришел за тем, что принадлежит мне, и Я НЕ ВОР!

Рычащий крик донесся из отверстий в нижней части птичьей головы. Рыцарь поднял ошестинившиеся шипами кулаки и обрушил их на перекосившиеся двери. Пасторальный болотный мир, изображенный на них рассыпался. Петли лязгнули... и когда двери упали перед Джеком, он увидел одну из нарисованных цапель, которая продолжала улетать прочь, как в мультфильме Уолта Диснея, глаза ее были ясными и испуганными.

Доспехи двигались навстречу ему как робот-убийца, ноги поднимались и снова с грохотом опускались. Рыцарь был выше семи

футов, и когда он проходил через дверь, рога, украшавшие шлем, оставили глубокие царапины в верхнем косяке. Они напоминали восклицательные знаки.

«Беги!» — кричал жалобный голос в голове у Джека.

«Беги, вор», — шептал отель.

— Нет, — ответил Джек. Он не сводил глаз с приближающегося рыцаря, и его рука крепко сжимала в кармане гитарный медиатор. Утыканные шипами латные рукавицы подняли забрало на птичьем шлеме. Джек замер.

Внутри шлем был пуст.

Потом эти железные руки потянулись к Джеку.

8

Утыканные шипами руки поднялись и ухватились за цилиндрический шлем. Шлем медленно поднялся, открывая мертвенно-бледное дикое лицо человека, выглядевшего по меньшей мере лет на триста. Одна сторона его головы была вмята. Осколки черепа торчали из кожи как яичная скорлупа, рана была залеплена какой-то черной массой, которая, как решил Джейсон, была разложившимся мозгом. Рыцарь не дышал, но глаза его светились дикой яростью. Он ухмыльнулся, и Джейсон увидел острые, как иглы, зубы, которыми этот ходячий ужас мог разорвать его на части.

Рыцарь с лязгом двинулся вперед... но это был не единственный звук.

Джейсон посмотрел налево, в сторону главного зала

(холла)

замка

(отеля)

и увидел второго рыцаря, на котором был защитный головной убор в форме раковины, известный как Великий Шлем. За ним был третий... и четвертый. Они медленно шли по коридору — движущиеся доспехи, скрывающие в себе неких вампиров.

Потом железные руки схватили его за плечи. Тупые шипы на рукавицах вонзились ему в плечи. Потекла теплая кровь, и мертвенно-бледное морщинистое лицо растянулось в ужасной улыбке. Налокотники заскрипели, когда мертвый рыцарь потянул мальчика к себе.

9

Джек завыл от боли — короткие тупые шипы были в нем, в нем, и он впервые осознал, что все происходящее было реальностью, и в следующий момент рыцарь собирался убить его.

Он заглянул в зияющую черную пустоту внутри шлема...

Но был ли он действительно пуст?

Джек заметил неясный, угасающий след двойного красного свечения в темноте... что-то вроде глаз. Когда закованные в латы руки начали поднимать его все выше и выше, он почувствовал сильнейший холод, словно все зимы, когда-либо бывшие, собрались воедино... и эта река холодного воздуха текла из этого пустого шлема.

Он действительно убьет меня, и моя мама умрет, Ричард умрет, Слоут победит, убьет меня, он

(разорвет меня на части своими зубами)

заморозит меня...

— ДЖЕК! — раздался голос Спида.

(ДЖЕЙСОН! — раздался голос Паркуса.)

— Медиатор, малыш! Используй медиатор! Пока не поздно!
РАДИ ДЖЕЙСОНА, ИСПОЛЬЗУЙ МЕДИАТОР, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Джек сжал его в руке. Он был теплым, как когда-то монета, и вызывающий оцепенение холод сменился внезапным ощущением головокружительного триумфа — это прекрасное ощущение жара Долин, это ясное чувство радуги.

Медиатор — а это был опять медиатор — лежал в его пальцах, жесткий и тяжелый треугольник из слоновой кости, инкрустированный странными узорами — и в этот момент Джек

(и Джейсон)

увидел, что эти узоры собрались в изображение лица — лица Лауры де Луизиан.

(лица Лили Кевинью Сойер.)

10

— Во имя нее, ты, мерзкий недоносок! — закричали они вместе, но одним голосом: голосом единого существа, Джека/Джейсона. — *Убирайся прочь из этого мира! Во имя Королевы и ее сына, убирайся из этого мира!*

Джейсон направил медиатор в белое костлявое лицо старого вампира в доспехах, и в тот же момент, не успев и мигнуть, превратился в Джека и увидел, как медиатор со свистом понесся в холодную черную пустоту. В следующий момент, уже снова став Джейсоном, он увидел красные глаза вампира, выпученные от удивления, и медиатор, и медиатор, входящий в середину его морщинистого лба. Секунду спустя глаза, уже закрывающиеся, взорвались, и черный горячий гной потек по руке мальчика. Он кишел маленькими кусающимися червями.

Джек отлетел к стене и ударился головой. Несмотря на это и на пульсирующую боль в плечах, он удержал медиатор.

Доспехи гремели как пугало, сделанное из консервных банок. Джек успел заметить, что они начали как-то *раздуваться*, и поднял руку, чтобы защитить глаза.

Доспехи самоуничтожались. Они не стали разбрасывать повсюду осколки, а просто распались — Джек подумал, что если бы он увидел это в кино, а не сейчас, съездившись в коридоре этого проклятого отеля, с кровью, стекающей под мышки, он бы рассмеялся. Полированный стальной шлем, напоминающий птичью голову, упал на пол с глухим ударом. Изогнутый латный воротник, предназначенный для защиты горла рыцаря от клинка или копья, упал прямо в шлем, звеня плотно пригнанными звеньями кольчуги. Кирасы упали как изогнутые подставки для книг. Наголенники рассыпались на части. Металл падал на склизкий ковер в течение двух секунд, и в конце концов на ковре осталась груда железа, сильно смахивающая на металлолом.

Джек прижался к стене, глядя на кучу металлолома расширившимися глазами, словно ожидая, что доспехи вдруг снова соберутся воедино. На самом деле он действительно ожидал нечто подобное, но ничего не произошло. Он повернул голову в сторону холла... и увидел еще трех рыцарей, медленно движущихся к нему. Один из них нес желтоватое, облепленное слизью знамя, на котором был изображен символ, узнаваемый Джеком: он видел его на остроконечных флажках на пиках, которые несли солдаты Моргана из Орриса, сопровождавшая черную карету Моргана по Заставной Дороге к павильону Королевы Лауры. Знак Моргана, но это были не твари Моргана, смутно осознал Джек; они несли его знамя в качестве мрачной насмешки над напуганным непрошеным гостем, который хотел похитить единственный смысл их существования.

— Не надо больше... — хрипло прошептал Джек. Медиатор дрожал у него между пальцами. Что-то случилось с ним, он как-то повредился, когда Джек воспользовался им, чтобы уничтожить существо в латах, вышедшее из бара «Цапля». Слоновая кость, раньше имевшая цвет свежих сливок, заметно пожелтела. Ее поверхность покрылась мелкими трещинами.

Существа в латах неуклонно приближались к Джеку. Одно из них медленно достало из ножен длинный меч, раздвоенный на конце.

— Не надо, — простонал Джек, — о Боже, пожалуйста, больше не надо, я устал, я не могу, не надо, не надо...

«Странник Джек, старина Странник Джек...»

— Спиди, я не могу! — закричал он. Слезы потекли по грязи на его лице. Доспехи приближались с неизбежностью стальных деталей на сборочном конвейере. Джек слышал арктический ветер, воющий внутри их черных пустот.

«...ты здесь, в Калифорнии, чтобы забрать его».

— Пожалуйста, Спиди, не надо!

Они тянулись к нему — черные металлические лица роботов, ржавые наголенники, панцири, покрытые слизью и плесенью.

«Ты должен сделать все, что можешь, Странник Джек», — устало прошептал Спиди и пропал, и Джек остался один, чтобы победить или погибнуть.

Глава 42 ДЖЕК И ТАЛИСМАН

1

«Ты совершил ошибку, — послышался в голове у Джека призрачный голос в тот момент, когда он стоял около бара «Цапля» и смотрел на приближающиеся к нему латы. В мыслях он открыл глаза и увидел сердитого мужчину — мужчину, который на самом деле был ненамного старше мальчика-переростка, — шагающего по улице навстречу камере, застегивающего сначала один патронташ, потом другой, так что они легли крест-накрест на его животе. — Ты совершил ошибку — тебе нужно было убить обоих братьев Эллис!»

2

Из всех фильмов своей матери самым любимым у Джека был «Последний поезд в город висельников», снятый в 1960-м и выпущенный в 1961-м. Это был фильм компании «Уорнер Бразерс», и в главных ролях — как и во многих других дешевых картинах того периода — снимались актеры из полудюжины непрерывно снимавшихся телесериалов этой же фирмы. Джек Келли из сериала «Скиталец» снимался в роли Учтивого Игрока, кроме него в фильме участвовал Эндрю Дагган из «Бит Бурбон Стрит» (Злой Скотовладелец). Клинт Уокер, игравший роль некоего Шейенна Боди на телевидении, в этом фильме играл Рэйфа Эллиса (Отставного Шерифа, Который Должен Взяться За Оружие Еще Один Последний Раз). Ингер Стивенс поначалу намечалась на роль Девушки-Танцовщицы Со Страстными Руками И Золотым Сердцем, но слегла с бронхитом, и ее заменила Лили Кевинью. Этот фильм был из тех,

в которых она могла бы сниматься даже в состоянии комы. Однажды, когда родители думали, что Джек спит, и разговаривали в комнате на первом этаже, Джек услышал слова так потрясшие его, что он босиком прошлепал в ванную, чтобы выпить стакан воды... это так его потрясло, что Джек запомнил эти слова. «Все женщины, которых я играла, умели трахаться, но ни одна из них не умела пукать», — сказала она Филу.

Уилл Хатчинс, который снимался в *еще одном* сериале фирмы «Уорнер Бразерс» (он назывался «Сахарная нога»), тоже принял участие в фильме. «Последний поезд в город висельников» был любимым фильмом Джека в первую очередь из-за персонажа, играемого Хатчинсом. Именно этот персонаж — звали его Энди Эллис — вспомнился Джеку, когда он смотрел на рыцарей, наступавших на него по темному коридору.

Энди Эллис был Трусливым Братом Шерифа, Рассердившимся В Последней Части. Пропрятавшись за чужой спиной весь фильм, он вышел на бой со злыми приспешниками Даггана после того, как Главный Бандит (которого играл зловещий, коренастый, с бельмом на глазу Джек Элам, игравший Главных Бандитов во всех многосерийных приключенческих фильмах фирмы «Уорнер», как в кино, так и на телевидении) убил его брата Рэйфа выстрелом в спину.

Хатчинс шел по пыльной улице, затягивая ремни своего брата неуклюжими пальцами, и кричал: «Выходи! Выходи, я готов встретиться с тобой! Ты совершил ошибку! Тебе надо было убить *обоих* братьев Эллис!»

Уилл Хатчинс не был величайшим актером всех времен, но в тот момент он достиг — во всяком случае, в глазах Джека — чистейшей правдоподобности и истинного великолепия. Чувствовалось, что парень шел на верную смерть, и он знал об этом, *но это не могло его остановить*. И несмотря на то, что он был испуган, он шагал по улице навстречу схватке с легкой неохотой, но полный нетерпения, уверенный в том, что собирался сделать.

Доспехи наступали, приближались, покачиваясь из стороны в сторону подобно игрушечным роботам. «*У них, наверное, даже ключики торчат из спины*», — подумал Джек.

Он повернулся к ним, держа пожелтевший медиатор между большим и указательным пальцами правой руки, словно собираясь сыграть какую-нибудь мелодию.

Они, казалось, смутились, словно чувствуя его бесстрашие. Сам отель, казалось, внезапно смутился или открыл глаза на опасность, которая оказалась гораздо серьезнее, чем казалась поначалу. Доски в полах застонали, где-то начали одна за другой захлопываться двери, а на крышах медные орнаменты на мгновение перестали вращаться.

Потом доспехи снова двинулись вперед. Теперь они составляли единую движущуюся стену брони и кольчуг, наголенников, шлемов и сверкающих латных воротников. Один из рыцарей держал в руках кеттенморгенштерн, другой — матрель-де-фер, центральный нес двойной меч.

Джек внезапно пошел им навстречу. Его глаза горели, он держал медиатор перед собой. Лицо его наполнилось «джейсоновским» светом. Он

перенесся

в

Долины

и стал Джейсоном, и теперь акулий зуб, бывший раньше медиатором, казалось, обжигал руку. Когда он приблизился к трем рыцарям, один из них снял шлем, открывая еще одно старое бледное лицо. Это лицо имело тяжелую челюсть, а шея была покрыта складками, напоминающими свечной воск. Он швырнул свой шлем в Джейсона. Джейсон с легкостью уклонился

и

перенесся

назад,

снова став Джеком, а шлем с грохотом ударился о стену позади него. Перед ним стояли обезглавленные доспехи.

«Ты думаешь, что это меня пугает? — презрительно подумал он. — Я уже видел этот фокус раньше. Это не пугает меня, ты не можешь меня испугать, и я возьму свое».

В этот раз отель не просто слушал, он, казалось, отпрянул от Джека. Наверху, в пяти комнатах, в которых умерло пять Стражей, со звоном разбились пять окон. Джек шагнул навстречу рыцарям.

Где-то наверху Талисман запел нежным и радостным голосом:

«ДЖЕЙСОН! КО МНЕ!»

— Ну, давайте! — крикнул рыцарям Джек и рассмеялся. Он ничего не мог с собой поделать. Никогда он не смеялся так неистово, так сильно — смех лился как вода в водопаде, как бурный поток. — *Давайте! Я готов! Я не знаю, из-за какого там раздолбанного Круглого Стола вы, ребята, пришли, но лучше бы вы там и оставались! Вы совершили ошибку!*

Мрачно, подобно Вотану на скале Валькирий, засмеявшись, Джек бросился на безголовую фигуру в центре.

— *Тебе надо было убить обоих братьев Эллис!* — прокричал он, и когда медиатор оказался в зоне морозного воздуха в том месте, где должна была быть голова рыцаря, доспехи распались на части.

В своей спальне в «Альгамбре» Лили Кевинью Сойер внезапно оторвала взгляд от книги, которую она читала. Ей показалось, что она услышала кого-то — нет, не просто кого-то, *Джека!* — зовущего из дальнего конца коридора, может быть, даже из холла. Она прислушалась, глаза расширились, губы сжались, в сердце закралась надежда... но она ничего не услышала. Джеки по-прежнему отсутствовал, рак по-прежнему поедал ее, и было еще полтора часа до того момента, когда она могла принять еще одну большую пилюлю, немного приглушающую боль.

Она все чаще и чаще задумывалась о том, не принять ли сразу все эти таблетки. Тогда бы они не просто немного приглушили боль, они прекратили бы ее навсегда. *Говорят, что рак неизлечим — не верьте этой чепухе. Попробуйте съесть пару дюжин этих таблеток. Что вы на это скажете? Хотите попробовать?*

Единственным, что удерживало ее от этого, был Джек. Она безумно хотела снова увидеть его и даже воображала, что слышит его голос, причем не просто называющий ее по имени, а цитирующий куски из ее старых картин.

— Ты — старая сумасшедшая сука, Лили, — прокаркала она, и зажгла «Герберт Тэрритун» тонкими пальцами. Она сделала две затяжки и выбросила сигарету. Более двух затяжек вызывали у нее кашель, а кашель разрывал ее на части. «Старая сумасшедшая сука». Она снова взяла книгу, но не смогла читать, потому что слезы текли у нее по лицу, а внутри все болело, болело, ох, как болело, и она хотела проглотить все таблетки сразу, но сначала она хотела увидеть его, ее дорогого сына, его прекрасный лоб и сияющие глаза.

«Возвращайся домой, Джеки, — подумала она, — возвращайся скорее, а то в следующий раз я смогу говорить с тобой только с помощью спиритического планшета. Пожалуйста, Джек, пожалуйста, вернись домой».

Она закрыла глаза и попыталась заснуть.

Рыцарь, державший кеттенморгенштерн, покачался некоторое время, обнажая пустую середину, и тоже взорвался. Оставшийся поднял боевой молот... и просто превратился в кучу железа. Джек стоял среди железных обломков, все еще смеясь, потом он остановился и посмотрел на медиатор Спиди.

Теперь медиатор имел древне-желтый цвет и был весь покрыт глубокими трещинами.

Ничего, Странник Джек. Ты справишься. Здесь может быть еще одна ходячая консервная банка. Если так, ты справишься, так ведь?

— Если надо, то справлюсь, — вслух пробормотал Джек.

Он оттолкнул ногой наголенник, шлем, панцирь. Он пошел по середине коридора, ковер чавкал под его кроссовками. Он добрался до холла и быстро осмотрелся.

«ДЖЕК! ИДИ КО МНЕ! ДЖЕЙСОН! ИДИ КО МНЕ!» — пел Талисман.

Джек начал подниматься по лестнице. На половине пути он взглянул на площадку и увидел последнего из рыцарей, стоящего и смотрящего на него сверху вниз. Он был гигантом, не меньше одиннадцати футов ростом, его доспехи и плюмаж были черными, из смотровой щели его шлема падал злобный красный свет. Закованная в броню рука сжимала огромную булаву.

На секунду Джек замер на лестнице, но потом продолжил подъем.

5

«Самое худшее они оставили напоследок», — подумал Джек, и, неуклонно приближаясь к черному рыцарю

он

снова

перенесся

и стал

Джейсоном. На рыцаре по-прежнему были черные доспехи, но другого вида. Забрало было поднято и открывало лицо, черты которого были почти стерты старыми засохшими язвами. Джейсон узнал их. Этот парень слишком близко подходил к огненным шарам в Проклятых Землях.

По ступенькам мимо него проходили другие фигуры, фигуры, которые он видел очень смутно, а пальцы его бежали по широким перилам, которые были сделаны не из красного дерева Вест-Индии, а из железного дерева Долин. Фигуры в двойках, фигуры в шелковых блузах, женщины в широких куполообразных накидках с блестящими белыми капюшонами, откинутыми назад — эти люди были прекрасны, но мертвы, видимо, духи всегда кажутся живым такими. Иначе почему привидения всегда вызывают такой ужас?

«ДЖЕЙСОН! КО МНЕ!» — пропел Талисман, и на мгновение вся реальность, казалось, рассыпалась. Он не переносился, а проваливался сквозь миры, словно человек, проваливающийся сквозь прогнившие полы древней деревянной башни, один за другим. Он

не чувствовал страха. Мысль о том, что он никогда не сможет вернуться, что он вечно будет падать сквозь цепочку реальностей или заблудится, как в большом лесу, пришла к нему, но он выкинул ее из головы. Все это произошло с Джейсоном

(и Джеком)

за одно мгновение, за время меньшее, чем требуется, чтобы переставить ногу с одной ступеньки на другую. Он должен был вернуться, он был единствен, и он не верил, что такой человек может заблудиться, потому что для него было место во всех этих мирах. *«Но я не существую во всех них одновременно»*, — подумал Джейсон.

(Джек) Это важно, в этом и заключается разница. Я проношусь через каждый из этих миров, вероятно, так стремительно, что меня даже не видно, и оставляю за собой звук, напоминающий хлопок в ладоши или звуковой взрыв воздуха, заполняющего вакуум в том месте, где на миллисекунду появился я.

Во многих из этих миров черный отель был черными руинами — это были миры, подумалось ему, где великое зло, нависшее сейчас на туго натянутой проволоке между Калифорнией и Долинами, уже свершилось. В одном из них море, с ревом бьющееся о берег, было мертвого, зеленого цвета, небо имело такой же нездоровый вид. В другом он видел летящее существо, огромное как вагон, которое сложив свои крылья и оперение подобно ястребу, ринулось к земле, схватило существо, напоминающее овцу, и снова поднялось в небо, держа окровавленную тушу в клюве.

Хлоп... хлоп... хлоп... Миры мелькали перед глазами, словно карты, тасуемые пароходным шулером.

Вот снова появился отель, полдюжины разных вариантов черного рыцаря стояли перед ним, но суть была та же, а различия были непринципиальными, как у автомобилей конкурирующих фирм. Вот появилась черная палатка, наполненная тяжелым сухим запахом гниющей парусины — она была прорвана во многих местах, и сквозь дыры пробивались пыльные, пересекающиеся лучи солнца. В этом мире на Джеке/Джейсоне были какие-то лохмотья, а черный рыцарь стоял внутри деревянной корзины, похожей на воронье гнездо. Шагнув вперед, Джек снова провалился... и снова... и снова.

В очередном мире весь океан горел, в другом отель был похожим на своего собрата в Пойнт-Венути, но наполовину погрузился в океан. В какой-то момент Джек оказался в кабине лифта, а рыцарь стоял на крыше кабины и смотрел на него сверху через люк. Потом он оказался на склоне, вершину которого охраняла огромная змея, ее длинное мускулистое тело было покрыто блестящей черной чешуей.

«Когда же я доберусь до конца? Когда же я перестану проваливаться сквозь этажи и просто унесусь в тьму?»

«ДЖЕК! ДЖЕЙСОН! — звал Талисман, он звал во всех мирах. — КО МНЕ!»

И Джек пошел к нему, и это было как возвращение домой.

6

Он увидел, что был прав: он поднялся всего на одну ступеньку. Но реальность вновь затвердела. Черный рыцарь — *его* черный рыцарь, черный рыцарь Джека Сойера — стоял, блокируя лестничную площадку. Он поднял булаву.

Джек испугался, но продолжил подъем, держа перед собой медиатор Спида.

— Я не собираюсь связываться с тобой, — сказал Джек, — лучше убирайся с моего...

Черный рыцарь взмахнул булавой. Она опустилась вниз с неправдоподобной силой. Джек отскочил в сторону. Булава врезалась в ступеньку, на которой он только что стоял, и щепки полетели в черную пустоту.

Джек поднялся еще на две ступени, держа медиатор между большим и указательным пальцами... и вдруг медиатор рассыпался, просыпав на ковер дождь мелких кусочков слоновой кости. Многие из них упали на носы кроссовок Джека. Он тупо уставился на них.

Послышался мертвый смех.

Булава с щепками, прилепившимися к ней, снова поднялась в закованных в броню руках рыцаря. Горячий свет лился из щели в его шлеме. Он, казалось, до крови прорезал лицо Джека горизонтальной линией, проходящей через переносицу.

Снова грубый смех — Джек слышал его не ушами, потому что он знал, что доспехи внутри пусты, только стальной костюм для неумершего духа — он слышал смех в своей голове. *«Ты проиграл, парень — неужели ты действительно надеялся, что такая маленькая штучка поможет тебе пройти мимо меня?»*

Булава снова засвистела, в этот раз по диагонали, и Джек глубоко присел, вовремя оторвав глаза от красного света — он почувствовал, как головка булавы задела верхний слой его длинных волос, прежде чем выломать четырехфутовую секцию перил и запустить ее в пространство.

С металлическим скрежетом рыцарь наклонился к Джеку, словно пародируя заботливость, а потом булава поднялась для очередного сокрушительного удара.

Джек, тебе не нужно было волшебство, чтобы попасть сюда, и тебе не нужно волшебство, чтобы одолеть эту кофейную банку!

Он очень хотел увидеть этот свет и источник этого света, он прошел дальний путь, чтобы увидеть его, причем через ужасную темноту.

Двери были очень тяжелыми и были покрыты четким орнаментом в виде завитков. Над ними золотой краской была сделана надпись, изрядно осыпавшаяся, но вполне еще читаемая: «ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ЗАЛ ДОЛИН».

— Эй, мама, — сказал Джек мягким, удивленным голосом, входя в это сияние. Счастье наполнило его сердце — это чувство было как радуга, радуга, радуга. — Эй, мама, кажется, я здесь, я действительно здесь.

Потом Джек мягко, с трепетом взялся обеими руками за ручки двустворчатой двери и надавил на них. Он открыл двери, и когда он это делал, расширяющаяся полоса чистого белого света легла на его открытое и удивленное лицо.

7

Солнечный Гарднер оглядывал берег как раз в тот момент, когда Джек казнил последнего из пяти Рыцарей-Стражей. Он услышал глухой удар, словно внутри отеля взорвалась динамитная шашка. В тот же момент во всех окнах второго этажа «Эджинкорта» вспыхнул белый свет, и все резные медные фигуры — луны и звезды, планетоиды и изогнутые стрелы — одновременно остановились.

Гарднер был одет как боец специального отряда полиции Лос-Анджелеса. Поверх его белой рубашки был надет черный бронежилет, на перекинутом через плечо брезентовом ремне висела рация. Ее неуклюжая толстая антенна качалась из стороны в сторону, когда он двигался. На другом плече висел «Уэзерби» 36-го калибра. Это была охотничья винтовка, почти такая же большая, как зенитное орудие; даже сам Роберт Руарк, увидев ее, лопнул бы от зависти. Гарднер купил ее шесть лет назад, после того, как обстоятельства вынудили его избавиться от старого охотничьего ружья. Чехол от винтовки, сделанный из настоящей зебровой шкуры, лежал в багажнике «кадиллака» рядом с телом его сына.

— Морган!

Морган не обернулся. Он стоял за грядой скал, торчащих из песка подобно клыкам. В двадцати футах от этих скал, всего в пяти футах от линии прилива, лежал Спиди Паркер, он же Паркус. В качестве Паркуса он однажды оставил след на теле Моргана из Орриса — бледные шрамы на его толстых белых бедрах, знаки, которыми в Долинах клеймят предателей. Только благодаря заступничеству самой Королевы Лауры эти шрамы оказались не на щеках, а на внутренней стороне бедер, где они почти всегда были скрыты

одеждой. Морган, как один, так и другой, не стал любить сильнее Королеву за ее заступничество... но его ненависть к Паркусу, оставившему на его теле эти клейма, росла по экспоненте.

Теперь Паркус/Паркер лежал на берегу лицом вниз, его череп был покрыт гноящимися язвами. Кровь вяло капала из его ушей.

Морган хотел бы верить, что Паркер еще жив, еще страдает, но последнее различимое движение его спины Морган заметил сразу после того, как они с Гарднером добрались до этих скал, минут пять назад.

Когда Гарднер позвал, Морган не обернулся, потому что он был поглощен зрелищем своего старого врага, теперь уже павшего. Те, кто говорит, что месть не сладка, очень не правы.

— *Морган!* — снова прошипел Гарднер.

На этот раз Морган повернулся, хмуясь:

— А? Что?

— Смотри! На крыше отеля!

Морган увидел, что все флюгера, крутившиеся с неизменной скоростью, был ли штиль или ураган, замерли. В тот же момент земля задрожала у них под ногами, и снова стало все тихо. словно подземное чудовище огромного размера повернулось во сне. Морган почти поверил бы своему воображению, если бы не расширившиеся, налитые кровью глаза Гарднера. *«Бьюсь об заклад, ты хотел бы никогда не покидать Индиану, Гард, — подумал Морган. — Никаких землетрясений в Индиане нет, верно?»*

Безмолвный свет снова вспыхнул во всех окнах «Эджинкорта».

— Что это значит, Морган? — хрипло спросил Гарднер. Морган заметил, что впервые его безумная ярость по поводу смерти сына умерилась страхом за самого себя. Это было не очень хорошо, но его легко снова расшевелить, если это потребуется. Просто Морган не хотел тратить энергию на что-либо, не связанное напрямую с проблемой избавления мира — *всех миров* — от Джека Сойера, который поначалу просто мешал, но потом стал главной проблемой в жизни Слоута.

Рация Гарднера зачавкала.

— Командир четвертого красного отряда вызывает Солнечного Человека! Прием, Солнечный Человек!

— Солнечный Человек слушает командира четвертого красного отряда, — отрывисто проговорил Гарднер. — Что там у вас?

За короткое время Гарднер принял четыре путанных, взволнованных сообщения, и все они были одинаковыми. В них не было ничего, что бы не видели они двое — вспышки света, замершие флюгера, что-то похожее на начало землетрясения, — но Гарднер работал с неизменным энтузиазмом над каждым сообщением, задавая четкие вопросы, отрывисто произнося *«конец»* в конце каждой связи, иногда

прерывая собеседника словами «повтори» или «вас понял». Слоуту подумалось, что он действовал немного похоже на актера в фильме-катастрофе.

Но если это приносило ему облегчение, Слоута это устраивало. Это освобождало Слоута от ответов на вопросы Гарднера... и ему показалось, что Гарднер *не хотел* получить ответы на свои вопросы, и именно поэтому он занимался этой пустой болтовней по радио.

Стражи были мертвы или выведены из игры. Именно поэтому остановились флюгера, именно это означали вспышки света. У Джека не было Талисмана... во всяком случае пока. Если он получит его, то все в Пойнт-Венути *действительно* начнет трястись и греметь. И Слоут подумал, что Джек *получит* Талисман... он всегда был *должен* его получить. Но это Слоута не пугало.

Он коснулся рукой ключа, висящего у него на шее.

Гарднер продолжал свое «конец», «понял» и «повтори». Он перевесил рацию на другое плечо и смотрел на Моргана большими испуганными глазами. Прежде чем он мог вымолвить слово, Морган положил ему руки на плечи. Если он мог любить кого-нибудь, кроме своего бедного умершего сына, он чувствовал любовь — точнее, что-то похожее на любовь — к этому человеку. Они прошли вместе длинный путь, и как Морган из Орриса и Осмонд, и как Морган Слоут и Роберт «Солнечный» Гарднер.

Когда Гарднер застрелил Филя Сойера в Юте, у него была винтовка, очень похожая на ту, которая сейчас висела у него на плече.

— Слушай, Гард, — сказал он спокойно, — мы победим.

— Ты уверен в этом? — прошептал Гарднер. — Я думаю, что он убил Стражей, Морган. Я понимаю, это звучит как безумие, но я действительно думаю...

Он остановился, губы его задрожали, их соединила мембрана из слюны.

— Мы победим, — повторил Морган все тем же спокойным голосом, и он действительно был уверен в этом. У него было ясное чувство предрешенности. Он ждал этого много лет, его решения были верными, они остались верными и сейчас. Джек выйдет с Талисманом в руках. Это вещь безмерной силы... но хрупкая.

Он бросил взгляд на «Уэзерби», могущее свалить носорога, и прикоснулся к ключу, вызывающему молнии.

— Мы достаточно хорошо снаряжены, чтобы встретить его, когда он выйдет, — сказал Морган и добавил. — В любом мире. Только не падай духом, Гард. И держись рядом со мной.

Дрожащие губы немного успокоились:

— Морган, конечно, я...

— Помни, кто убил твоего сына, — тихо сказал Морган.

В тот же момент, когда Джек Сойер швырнул раскаленную монету в лоб чудища в Долинах, у Рауля Гарднера, который был подвержен относительно безвредным эпилептическим припадкам с шести лет (с того же возраста, в котором у сына Осмонда появились симптомы того, что называли Болезнью Проклятых Земель), случился сильнейший припадок на заднем сидении «кадиллака», ведомого шофером-Волком по шоссе I-70 на запад из Иллинойса в Калифорнию.

Он умер, весь синий от удушья, на руках у Солнечного Гарднера. Теперь глаза Гарднера начали выпячиваться.

— Помни, — тихо повторил Морган.

— Плохие, — прошептал Гарднер. — Все мальчишки. Аксиома. Этот в особенности.

— Верно! — согласился Морган. — Не забывай об этом! Мы можем его остановить, но я хочу быть уверенным, что он может выйти из отеля только по суше.

Он отвел Гарднера к тому месту, откуда он смотрел на Паркера. Мухи, жирные белые мухи, начали садиться на тело мертвого ниггера, увидел Морган. Это было радостное для него зрелище. Если бы существовал журнал «Варайети» для мух, Морган с удовольствием купил бы место для рекламы места, где лежит тело Паркера. Прилетайте, прилетайте все. Они бы откладывали яйца в складках его разлагающегося тела, и человек, оставивший шрамы на бедрах его Двойника, давал бы жизнь личинкам. Это было бы прекрасно.

Он показал в сторону террасы:

— Там есть плот, — сказал он. — Он выглядит как лошадь, Бог знает почему. Он в тени, я знаю. Но ты всегда здорово стрелял. Если можешь попасть в него, Гард, всади в него пару пуль. Утопи чертову штуку.

Гарднер снял с плеча винтовку и прильнул к оптическому прицелу. В течение долгого времени ствол двигался то туда, то сюда.

— Я вижу его, — прошептал Гарднер и нажал на курок. Эхо отразилось от воды и стихло, наложившись само на себя. Ствол винтовки поднялся, потом снова опустился. Гарднер выстрелил еще раз. И еще раз.

— Попал, — сказал Гарднер, опуская ружье. К нему вернулся его кураж, у него снова стоял. Он улыбался так же, как после возвращения из той командировки в Юту. — Теперь только шкура плавает на поверхности. Хочешь посмотреть в прицел? — он протянул винтовку Слоуту.

— Нет, — сказал Слоут. — Если ты говоришь, что попал, значит ты попал. Теперь ему придется идти по суше, и мы знаем, в какую сторону он пойдет. Я думаю, что у него будет то, что стояло на нашем пути так много лет.

Гарднер смотрел на него сияющими глазами.

— Думаю, стоит пойти туда, — он указал на старый деревянный тротуар. Он находился сразу за забором, около которого Слоут провел так много часов, смотря на отель и думая о том, что находилось в танцевальном зале.

— Хоро...

И в этот момент земля начала стонать и подниматься у них под ногами — подземное существо проснулось, оно встряхивалось и ревели.

В тот же момент ослепительный белый свет заполнил все окна «Эджинкорта» — свет тысячи солнц. Окна взорвались одновременно. Стекла посыпались бриллиантовым дождем.

— ПОМНИ О СВОЕМ СЫНЕ И СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ! — проревел Слоут. Ощущение предрешенности в нем было теперь ясным и безусловным. *Он должен был победить в конце концов.*

Они вдвоем побежали по вздымающемуся песку к деревянному тротуару.

8

Джек медленно шел, переполненный любопытством, по деревянному полу танцевального зала. Он смотрел вверх, глаза блестели. Его лицо купалось в чистом белом свете, имевшем все оттенки — краски зари, краски заката, краски *радуги*. Талисман висел в воздухе высоко над ним, медленно вращаясь.

Это был хрустальный шар примерно трех футов в поперечнике — корона его свечения была такой яркой, что было невозможно сказать, насколько он был велик на самом деле. Изящно изогнутые линии покрывали его поверхность, словно параллели и меридианы... «А почему бы и нет? — подумал Джек, по-прежнему пребывая в глубоком изумлении и потрясении. — *Это и есть мир — ВСЕ миры — в микрокосме. Более того, это ось всех возможных миров*».

Поющая, вращающаяся, сияющая.

Он стоял под ним, купаясь в его тепле и доброй силе, он стоял как во сне, чувствуя, как эта сила вливается в него подобно весеннему дождю, будущему скрытую силу в миллиардах маленьких зерен. Он почувствовал ужасную радость, прорывающуюся сквозь его разум как ракета, и Джек Сойер, смеясь, поднял обе руки над запрокинутой головой.

— *Так иди же ко мне!* — крикнул он

и перенесся

(через? сквозь?)

в

Джейсона.

— *Так иди же ко мне!* — снова крикнул он на мягком, слегка отрывистом языке Долин. Он прокричал это смеясь, но по его щекам текли слезы. И он понял, что все было начато другим мальчиком и должно быть им завершено, и он

перенесся

обратно

в

Джека Сойера.

Над ним Талисман дрожал в воздухе, медленно вращаясь, излучая свет, тепло и ощущение истинного добра, *близны*.

— *Иди ко мне!*

Талисман начал снижаться.

9

Так после долгих недель и тяжелых приключений, после тьмы и отчаяния, после приобретения и потери друзей, после дней тяжелого труда и ночей, проведенных в сырых стогах, после столкновений с демонами в темных уголках (в том числе его души) — после всего этого Джек нашел Талисман.

Он видел, как Талисман спускался, и его переполнило ощущение миров, находящихся в равновесии, и миров, стоящих на грани. Был ли Джейсон в нем реальностью? Сын Королевы Лауры был убит, он был духом, именем которого клялись люди в Долинах. Но Джек понял, что Джейсон существовал. Поход Джека за Талисманом, поход, который было предназначено совершить Джейсону, оживил Джейсона — Джек действительно *имел* Двойника, Двойника в себе самом. Если бы Джейсон был духом, таким же, как и рыцари, он бы исчез, когда этот лучистый шар коснулся его поднятых вверх пальцев. Джек опять бы убил его.

«*Не беспокойся, Джек*», — прошептал голос. Голос был теплым и чистым.

Талисман спустился вниз — шар, мир, *все* миры, — он был славой и теплом, он был добром, он был возвращением белого. И каким всегда было белое, и каким всегда будет, он был исключительно хрупким.

Когда он спустился вниз, вокруг Джека закружились миры. Он не проваливался сквозь слои реальности, но видел целый космос реальностей, наложившихся друг на друга, связанных, как

(*рубашка из реальности*)

кольчуга.

— Ты возьмешь в руки вселенную миров, космос добра, Джек, — это был голос его отца. — Не урони его, сынок. Ради Джейсона, не урони его.

Миры за мирами, некоторые прекрасные, некоторые ужасные, все они осветились теплым белым светом этой звезды, бывшей хрустальным шаром, покрытым ровными линиями. Он медленно опускался навстречу вытянутым вверх дрожащим пальцам Джека Сойера.

— *Иди ко мне!* — крикнул он Талисману, когда тот запел. — *Иди ко мне!!!*

Талисман висел в трех футах над его руками, обжигая их своим мягким, целительным жаром; вот уже в двух футах; вот уже в одном. Он на миг остановился, медленно вращаясь, его ось немного наклонилась, и Джек увидел сверкающие контуры континентов, океанов и ледовых шапок на его поверхности. Он смущенно замер в воздухе... и медленно опустился в протянутые руки мальчика.

Глава 43 НОВОСТИ ОТОВСЮДУ

1

Лили Кевинью, уснувшая беспокойным сном после того, как ей показалось, что она слышит голос Джека где-то внизу, теперь прямо сидела в постели. Впервые за долгие недели на ее желтых как воск щеках появился румянец. Ее глаза светились надеждой.

— Джейсон? — позвала она и нахмурилась: это не было именем ее сына. Но во сне, который ей только что снился, у нее был сын с таким именем, и в этом сне она была кем-то другим. Это, конечно, влияние лекарств.

— Джек? — снова позвала она. — Джек, где ты?

Никакого ответа... но она чувствовала его, точно знала, что он жив. Впервые за долгое время — наверное, шесть месяцев — она чувствовала себя действительно хорошо.

— Джеки... — сказала она и взяла сигареты. Она взглянула на них, а потом швырнула их через комнату, где они приземлились в камине, поверх кучи всякой другой дряни, которую она собиралась немного позже сжечь. — Похоже, я бросаю курить во второй и последний раз в своей жизни, Джеки, — сказала она. — Держись, парень, мама любит тебя.

И она вдруг обнаружила, что безо всякого повода ее губы растянулись в широкой радостной улыбке.

Донни Киган, отбывавший наряд на кухне Солнечного Дома, когда Волк освободился из ящика, пережил ту ужасную ночь; Джорджу Ирвинсону, парню, бывшему с ним, повезло меньше. Теперь Донни находился в обычном сиротском доме в Манси, штат Индиана. В отличие от некоторых других воспитанников Солнечного Дома, Донни был настоящим сиротой: Гарднеру приходилось изредка принимать и таких детей, чтобы избежать конфликтов со штатом.

Сейчас он тер шваброй темный зал на втором этаже. Вдруг Донни посмотрел вверх, его мутные глаза расширились. Тучи, из которых на декабрьские убранные поля падал белый снег, внезапно раздвинулись на западе, пропуская единственный широкий луч солнца, удивительно красивый в своем одиночестве.

— *Ты прав, я ЛЮБЛЮ его!* — радостно прокричал Донни. Он обращался к Ферду Джанклау, но Донни, который имел слишком много тараканов в голове, чтобы осталось достаточно места для мозга, уже забыл его имя. — *Он прекрасен, и я ЛЮБЛЮ его!*

Донни залился своим идиотским смехом, но теперь даже смех его был почти прекрасен. Некоторые мальчишки подошли к дверям и с удивлением смотрели на него. Лицо его купалось в свете чистого, эфемерного луча, и один из мальчиков прошептал своему близкому другу, что Донни в этот момент выглядел как Иисус.

Момент прошел, тучи снова затянули странный клочок чистого неба, а снегопад понемногу превратился в первую снежную бурю сезона. Так Донни узнал, что означало на самом деле чувство любви и радости. Все это быстро пронеслось мимо него... но он не забыл само чувство, почти обморочное ощущение добра, добра совершенного, а не обещанного; чувство ясности и глубокой прекрасной любви; чувство экстаза от того, что снова пришло белое.

Судья Фэйрчайлд, который отправил Джека и Волка в Солнечный Дом, больше не был никаким судьей, и по окончании разбирательства он должен был отправиться в тюрьму. Не было сомнений, что в тюрьме он останется надолго, очень надолго. Может быть, даже никогда из нее и не выйдет: он был уже немолод и не очень здоров. «Если бы они не нашли эти проклятые тела...»

Он оставался настолько бодрым, насколько позволяли обстоятельства, но сейчас, когда он сидел в камере, чистя ногти и думая о доме, на него обрушилась тяжелая волна депрессии. Он вдруг перестал чистить ногти, задумчиво взглянул на ножик, а потом вставил кончик лезвия в свою правую ноздрю. Помедлив пару секунд, а потом

прошептал «О, черт. А почему бы и нет?», он резко двинул кулак вверх, отправляя лезвие в короткое смертельное путешествие, протыкая сначала носовые пазухи, а потом и мозг.

4

Смоуки Апдайк сидел за стойкой в Дискотеке, занимаясь счетами и суммируя числа на своем калькуляторе «Тексас Инструментс», как и в тот день, когда его повстречал Джек. Только теперь был ранний вечер, и Лори обслуживала первых вечерних посетителей. Музыкальный автомат играл песенку «Лучше бы передо мной стояла бутылка».

Сначала все было нормально. Вдруг Смоуки резко выпрямился, его маленькая бумажная шапочка свалилась с его головы. Он схватился за свою белую футболку с левой стороны груди, где его, подобно игле, пронзила резкая боль. *Бог скребется когтями*, сказал бы Волк.

В тот же момент гриль взлетел на воздух с громким шумом. Он ударился в плафон и оторвал его от потолка. Плафон со звоном приземлился. Едкий запах газа наполнил заднюю часть бара почти сразу. Лори закричала.

Музыкальный автомат набирал скорость: 45 оборотов в минуту, 78, 150, 400! Полусерьезные жалобы певицы превратились в сумасшедшее бормотание бурундуков, катающихся на санках. Секунду спустя взорвался и проигрыватель. Во все стороны полетели осколки цветного стекла.

Смоуки взглянул на калькулятор и увидел в красном окошечке единственное вспыхивающее слово:

ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН

Потом глаза его взорвались.

— *Лори, выключи газ*, — крикнул один из клиентов. Он слез с табурета и повернулся к Смоуки. — Смоуки, скажи ей... — Потом человек завопил от ужаса, увидев кровь, бьющую фонтанами из дыр, где были глаза Смоуки Апдайка.

Еще спустя секунду, вся Дискотека взлетела на воздух, и прежде чем подоспели пожарные машины из Догтауна и Элмиры, большая часть города была объята огнем.

Невелика потеря, детки. Скажем «аминь».

В школе Тэйера, где всем правил разум, как и всегда (за исключением маленькой интерлюдии, о которой студенты помнили как о нескольких смутных снах), начался последний урок. Во время фейерверка в Индиане, здесь, в Иллинойсе, моросил мелкий дождь. Студенты, сонные и задумчивые, сидели в классах.

Внезапно зазвенели колокола в церкви. Головы поднялись. Глаза расширились. По всей школе уже забытые сны снова дали о себе знать.

Эйзеридж сидел в кабинете математики и ритмично водил рукой по своему члену, смотря невидящими глазами на логарифмы, выстраиваемые на доске старым мистером Хакинсом. Он думал о симпатичной маленькой официантке, с которой он собирался встретиться вечером. Она носила пояс вместо трусиков, и ей очень нравилось не снимать чулки, когда они занимались любовью. Вдруг Эйзеридж повернулся к окну, забыв о своей эрекции, забыв об официантке с ее длинными ногами и тонкими чулками, — внезапно, без всякого повода, ему вспомнился Слоут. Смешной маленький Ричард Слоут, которого можно было с уверенностью классифицировать как лопуха, но в то же время лопухом он не был. Он подумал о Слоуте и забеспокоился: все ли у него в порядке? Почему-то ему показалось, что Слоут, покинувший школу без уважительной причины четыре дня назад, чувствовал себя не слишком хорошо.

В кабинете директора мистер Даффри обсуждал исключение из школы за обман мальчика по имени Джордж Хартфилд с его разъяренным — и богатым — отцом, когда колокола начали исполнять свою незапланированную мелодию. Когда она кончилась, мистер Даффри обнаружил себя стоящим на четвереньках с высунутым языком. Хартфилд-старший стоял, прижавшись к двери, его глаза и рот были широко раскрыты от изумления, ярость — вытеснена удивлением и страхом. Мистер Даффри ползал по ковру, лая как собака.

Алберт как раз собирался перекусить, когда зазвонили колокола. Он секунду смотрел в окно, хмурясь, как человек, пытающийся вспомнить что-то вертящееся на кончике языка. Он пожал плечами и вернулся к открыванию пакета с чипсами — мама прислала ему целый ящик. Его глаза расширились. Ему показалось, всего на мгновение, но мгновение достаточно длинное, что пакет был полон толстых копошащихся жуков.

Он потерял сознание.

Когда он пришел в себя и набрался достаточно смелости снова заглянуть в пакет, он увидел, что это была всего лишь галлюцинация. Конечно! Что же еще! Но все равно, эта галлюцинация оказала на него странное влияние в будущем: когда бы он ни открывал пакеты с чипсами, конфетами или банки с мясом, ему везде чудились жуки. К весне Алберт похудел на тридцать пять фунтов, стал играть в теннисной команде Тэйера и потерял девственность. Алберт просто бредил в экстазе. Впервые в жизни он почувствовал, что может выдержать любовь своей матери.

7

Все оглянулись, когда зазвонили колокола. Кто-то засмеялся, кто-то нахмурился, кто-то заплакал. Где-то завyla пара собак, и это было странно, потому что держать собак в студенческом городке не разрешалось.

Мелодия, исполняемая колоколами, не входила в компьютерную программу мелодий — рассерженный главный сторож потом проверил это. Один шутник предположил в еженедельном выпуске школьной газеты, что кто-то запрограммировал эту мелодию, пребывая в рождественском настроении.

Мелодия называлась «Счастливые деньки снова настали».

8

Несмотря на то, что она считала себя уже слишком старой, чтобы забеременеть, кровь не текла у матери Волка Джека Сойера с момента Перемены двенадцать месяцев назад. Три месяца назад она родила тройню — двух сестричек и одного братика. Ее труд был тяжел, и над ней довлело предчувствие того, что один из ее старших детей погиб. Она знала, что он ушел в Другое Место, чтобы защищать стадо, и она знала, что он умер там и она никогда его больше не увидит. Это было очень тяжело и причиняло боль больше, чем роды.

Теперь, спя рядом с молодняком под полной луной, на безопасном расстоянии от стада, она перевернулась и, притянув к себе младшего волчонка, начала вылизывать его. Не просыпаясь, волчонок обнял лапами лохматую шею матери и прижался щекой к ее плоской груди, и вот они уже оба улыбались. В ее зверином сне проснулась человеческая мысль: *Бог скребется когтями*. И лунный свет этого прекрасного мира, в котором все запахи были хорошими, падал на них, спящих в объятиях друг у друга.

В городе Гослин, штат Огайо (недалеко от Аманды, в каких-то тридцати милях к югу от Колумбуса), человек по имени Бадди Паркинс в полумраке курятника убирал куриный помет. Марлевая повязка закрывала его рот и нос, чтобы не дать задохнуться в облаках пыли засохшего гуано. Воздух был наполнен аммиаком. У него болела голова от этой вони. Кроме того у него болела спина, потому что он был высоким, а курятник — нет. Учитывая все это, он с уверенностью мог сказать, что это была собачья работа. У него было три сына, но все они куда-то исчезали как раз тогда, когда требовалось чистить курятник. Короче говоря, он был уже почти готов, и...

Парень! Господи Иисусе! Этот парень!

Он вдруг вспомнил мальчика, назвавшегося Льюисом Фарреном, с полной ясностью и любовью. Мальчика, утверждавшего, что он едет к своей тетке Хелен Вонн, в город Бакай Лэйк; мальчика, который повернулся к Бадди, когда Бадди спросил у него, не убежал ли он из дома, и, повернувшись, открыл лицо, полное честности, добра и неожиданной, удивительной красоты. Красоты, заставившей Бадди думать о радугах после бурь и закатах после трудных рабочих дней.

Он резко выпрямился и ударился головой о балку, достаточно сильно, чтобы из глаз брызнули слезы... но он улыбался по-прежнему. «*О Боже, этот парень ТАМ, он ТАМ*», — подумал Бадди Паркинс, и хоть он не имел понятия о том, где находится «там», он вдруг был захвачен сладким чувством приключения; никогда, с тех пор как он прочитал «Остров сокровищ» в двенадцать и впервые потрогал девичью грудь в четырнадцать лет, он не был так ошеломлен, взволнован и переполнен теплой радостью. Он засмеялся, бросил лопату, и в то время как куры смотрели на него с тупым удивлением, Бадди Паркинс танцевал жигу в курином помете, смеясь под марлевой повязкой и шелкая пальцами.

— Он там! — смеясь кричал Бадди Паркинс курам. — Елы-палы, он там, он смог сделать это, *он получил его!*

Позже он был почти уверен — почти, но никогда вполне, — что он, видимо, надышался куриной пылью. Но *это было не все*, черт побери! У него было какое-то озарение, но он не помнил, что именно это было... Примерно как в случае с одним британским поэтом, о котором им в школе рассказывал учитель английского: парень принял большую дозу опиума и начал писать поэму о каком-то публичном доме... но когда он вернулся на землю, он не смог ее закончить.

«*Примерно так*», — думал он, но где-то в глубине души знал, что это не так, и хоть он не помнил, что именно вызвало в нем

радость, он, как и Донни Киган, не мог забыть, как пришла к нему эта радость, он не мог забыть это сладкое чувство прикосновения к какому-то великому приключению, он помнил белый свет, который на самом деле состоял из всех цветов радуги.

10

Есть старая песня Бобби Дарина, в которой поется: *«И земля плюется корнями, одетыми в джинсовые рубашки и сапоги — тащи их прочь... тащи их прочь»*. Дети из округа Каюги, штат Индиана, относились бы к ней с большим энтузиазмом, если бы она не была популярна задолго до их рождения. Солнечный Дом пустовал немного дольше недели и уже приобрел у местных детей репутацию бандитского логова. Учитывая останки, найденные около каменной стены за Дальним Полем, это было неудивительно. Табличка «ПРОДАЕТСЯ» выглядела так, словно она стояла на газоне уже год, а не девять дней, представитель местных властей уже один раз снизил цену и подумывал о том, чтобы сделать это еще раз.

Но случилось так, что ему не пришлось этого сделать. Когда первый снег начал падать из свинцовых туч над Каюгой (а Джек Сойер прикоснулся к Талисману в двух тысячах миль от этого места), газовые танки, находившиеся за кухней, взорвались. Рабочий из «Газовой и Электрической Компании Восточной Индианы» побывал в Солнечном Доме за неделю до этого и перекачал весь газ в свой грузовик, и он мог поклясться, что можно было даже забраться во внутрь газового танка и закурить там сигарету без риска для жизни, но тем не менее танки взорвались — они взорвались как раз в тот момент, когда стекла из Дискотеки полетели на улицу (заодно с несколькими завсегдатаями, одетыми в джинсовые рубашки и сапоги... спасатели из Элмиры утащили их прочь).

Солнечный Дом сгорел дотла почти мгновенно.

Давайте скажем «аллилуйя»!

11

Во всех мирах что-то сдвигалось и занимало новое положение, словно гигантский зверь... но в Пойнт-Венути зверь был под землей, он проснулся и ревел. Он не мог уснуть в течение следующих семидесяти девяти секунд, согласно наблюдениям Калифорнийского Института Сейсмологии.

Началось землетрясение.

ГЛАВА 44

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

1

Прошло некоторое время, прежде чем Джек понял, что «Эджинкорт» разваливается вокруг него на части, и это неудивительно. Он был всецело поглощен чудом. В его ощущениях он не был в «Эджинкorte», не был в Пойнт-Венути, не был в округе Мендосино, не был в Калифорнии, не был ни в Американских Территориях, ни в других Долинах, но он *был* и в них, и одновременно в бесконечном числе других миров. Он не просто занимал место во всех этих мирах, он был в них, потому что он *был* всеми этими мирами. Талисман, казалось, представлял собой нечто большее, чем представлялось его отцу. Он был не просто осью всех возможных миров, он сам был этими мирами.

В этом было столько трансцендентализма, что это могло бы свести с ума даже живущего в пещере тибетского святого. Джек Сойер был везде, Джек Сойер был всем. Травинка в мире, находящемся в пятидесяти тысячах миров вниз по цепочке от Земли, погибла от засухи на равнине в центре континента примерно соответствующего по положению Африке; Джек умер вместе с этой травинкой. В другом мире драконы спаривались в середине тучи, висящей высоко над планетой, и огненное дыхание их экстаза смешалось с холодным воздухом и вызвало ливень и потоки воды внизу. Джек был драконом-самцом и драконом-самкой; Джек был спермой, Джек был яйцом. Три пылинки проплыли мимо еще одной в межзвездном пространстве где-то в миллионе миров от Земли. Джек был пылинками и Джек был пространством между ними. Галактики разворачивались над ним, как длинные рулоны бумаги, и в них появлялись дырчатые узоры, превращая их в ленты для механического пианино, могущего играть все от — регтайма до похоронного марша. Счастливые зубы Джека кусали апельсин, несчастная плоть Джека страдала, когда зубы рвали ее. Он был триллионом пылинок под миллиардом кроватей. Он был кенгуренком, видевшим сон о своей прошлой жизни, лежа в маминной сумке, в то время как мама прыгала под пурпурным дождем, а вокруг носились кролики размером с оленя. Он был ветчиной, висящей на крюке в Перу, и яйцами, лежащими в гнезде под курицей в курятнике в Огайо, который чистил Бадди Паркинс. Он был частицей куриного помета в носу у Бадди Паркинса, он был дрожащими волосками, которые скоро должны были заставить Бадди Паркинса чихнуть, он был чихом, он был микробами, вылетающими наружу

при этом, он был атомами этих микробов, он был тахионами в атомах, движущимися по времени в обратном направлении, навстречу большому взрыву в начале творения.

Его сердце подпрыгивало, и тысячи солнц вспыхивали в сверхновых.

Он был россыпью спор в россыпи миров и замечал развитие и упадок в каждом из них.

Он умер в геенне рудных шахт в Долинах.

Он жил вирусом гриппа в галстукке Эйзериджа.

Он пронёсился ветром над далекими землями.

Он был...

О, он был...

Он был Богом. Богом или кем-то настолько близким к этому, что разницы не было никакой.

— Нет! — закричал Джек в ужасе. — *Нет, я не хочу быть Богом! Пожалуйста! Пожалуйста, я не хочу быть Богом, ВСЕ, ЧТО Я ХОЧУ — ЭТО СПАСТИ ЖИЗНЬ СВОЕЙ МАТЕРИ!*

И вдруг бесконечность закрылась, словно рука игрока закрыла веер из карт. Она собралась в луч ослепительно-белого света, и Джек вернулся обратно в «Танцевальный Зал Долин», где прошло всего несколько секунд. Он по-прежнему держал в руках Талисман.

2

Снаружи земля начала приплясывать. Начавшийся было прилив передумал и двинулся назад, обнажая песок, загорелый, как бедра старлетки. На песке бились диковинные рыбы, некоторые из них, казалось, состояли из одних только глаз.

Считалось, что холмы, окружавшие город, состояли из осадочной породы, но любой геолог, бросив на них беглый взгляд, сказал бы, что они имели такое же отношение к осадочным породам, как булыжник к драгоценным камням. Холмы Пойнт-Венути были просто засохшей грязью, и теперь они трескались и расползались в тысяче направлений. Какое-то время они еще держались, трещины открывались и закрывались, словно в удивлении, а потом они начали распадаться и трещины поползли к городу. Хлынули потоки грязи, несящие в себе булыжники размером с шинный завод в Толидо.

Численность Волчьей Бригады Моргана заметно уменьшилась при неожиданной атаке Джека и Ричарда на Лагерь Готовности. Теперь Волков стал еще меньше, потому что многие из них спасались бегством, воя и крича от суеверного страха. Некоторые из них смогли спастись, но многие были проглочены трещинами, появлявшимися то тут, то там. Полоса подобных катаклизмов прошла из

этого места через все миры, словно рейка землемера. Группа из трех Волков, одетых в кожаные мотоциклетные куртки, сели в автомобиль, старенький «Линкольн Марк IV», и умудрились проехать полтора квартала, включив музыку на всю громкость, но с неба упал огромный камень и превратил машину в лепешку.

Другие просто метались с воем по улицам — у них началась Перемена. Женщина с цепочками на сосках спокойно стояла перед одним из них. Она спокойно вырывала из головы большие клочья волос. Она протянула одну прядь Волку. Окровавленные корни волос делали их похожими на водоросли. Женщина вальсировала, пытаясь устоять на трясущейся земле.

— Вот! — сказала она, спокойно улыбаясь, — Букет! Тебе!

Волк, отнюдь не спокойный, оторвал ей голову одним движением челюстей и побежал дальше, дальше, дальше.

3

Джек изучал то, что получил, не дыша, как ребенок, кормящий с руки белочку.

Талисман сиял между его ладоней, увеличиваясь и уменьшаясь, увеличиваясь и уменьшаясь.

«В такт с моим сердцем», — подумал Джек.

Он казался стеклянным, но был упругим на ощупь. Джек слегка сжал его, и Талисман подался. Места, на которые Джек надавил, окрасились в разные цвета: чернильно-синий слева и карминный справа. Он улыбнулся... но потом улыбка исчезла с его лица.

«Ты можешь убить миллиарды людей таким образом — пожары, наводнения, Бог знает что еще. Вспомни здание, рухнувшее в Анголе, штат Нью-Йорк, после...»

— Нет, Джек, — прошептал Талисман, и Джек понял, почему Талисман казался упругим: он был живым. — *Нет, Джек: все будет хорошо... все будет хорошо... и все будет в порядке. Только верь, будь честным, держись, не ошибись теперь.*

В нем был покой — о, такой глубокий покой.

«Радуга, радуга, радуга», — подумал Джек...

4

На берегу, под деревянным навесом, Гарднер в ужасе распластался по земле. Его пальцы вцепились в песок. Он мяукал.

Морган наклонился над ним, как пьяный, и сорвал с его плеча рацию.

— *Оставаться снаружи!* — проревел он в микрофон, и вдруг понял, что он забыл нажать тангенту. Он перешел на передачу. — *ОСТАВАТЬСЯ СНАРУЖИ! ЕСЛИ ВЫ ПОПЫТАЕТЕСЬ ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ГОРОДА, ЧЕРТОВЫ СКАЛЫ РУХНУТ НА ВАС! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! ИДИТЕ КО МНЕ! ВСЕ ЭТО ПРОСТО ПИРОТЕХНИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! ВСТАНЬТЕ КОЛЬЦОМ ВОКРУГ ПЛЯЖА! ТЕ ИЗ ВАС, КТО ПРИДЕТ, БУДУТ ВОЗНАГРАЖДЕНЫ! ТЕ ИЗ ВАС, КТО НЕ ПРИДЕТ, СДОХНУТ В ШАХТАХ И В ПРОКЛЯТЫХ ЗЕМЛЯХ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! ЗДЕСЬ ОТКРЫТОЕ МЕСТО! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА, ЗДЕСЬ НА ВАС НИЧЕГО НЕ УПАДЕТ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!*

Он отшвырнул рацию. Она раскололась. Жуки с длинными усами десятками поползли из обломков.

Он снова нагнулся и резко рванул бледного, воющего Гарднера вверх.

— Вставай, радость моя, — сказал он.

5

Ричард закричал, не приходя в сознание, когда стол, на котором он лежал, скинул его на пол. Джек услышал крик, прервавший его зачарованное созерцание Талисмана.

Он осознал, что «Эджинкорт» скрипел, как корабль в шторм. Оглянувшись, он увидел, что доски на полу начали трескаться и вздыматься. Белые жуки бежали, спасаясь от чистого света Талисмана.

— *Я иду, Ричард!* — крикнул он и начал пробираться к выходу. Он споткнулся и упал, подняв светящуюся сферу над собой, помня о том, что Талисман был хрупким — если его достаточно сильно ударить, он мог разбиться. Бог знает, что тогда могло произойти. Он встал на одно колено, снова сел, потом резко встал на ноги.

Внизу снова закричал Ричард.

— *Ричард! Иду!*

Сверху раздался звук, напоминающий бубенцы. Джек поднял голову и увидел люстру, раскачивающуюся все быстрее и сильнее. Хрустальные подвески звенели. Пока Джек смотрел, цепь разорвалась и люстра рухнула на пол, словно бомба, начиненная бриллиантами вместо взрывчатки. Стекло брызнуло во все стороны.

Он повернулся и преодолел комнату большими неуверенными шагами, словно комик, изображающий пьяного матроса.

Он оказался в коридоре. Его отбросило к одной стене, потом к другой, тем временем пол закачался и проломился. Каждый раз, врезаясь в стену, Джек держал Талисман на вытянутых руках, руки

его были похожи на щипцы, в которых Талисман светился как раскаленный добела уголь.

Ты никогда не сможешь спуститься по лестнице.

Должен, должен.

Он добрался до лестничной площадки, на которой он сражался с черным рыцарем. Все кругом снова начало вздыматься, Джек посмотрел вниз и увидел щем, катящийся прочь.

Джек продолжал смотреть вниз. Ступени шевелились большими волнами, от которых Джека чуть не вывало. Одна ступенька встала торчком, оставив за собой черную зияющую дыру.

— *Джек!*

— Иду, Ричард!

Не получится у тебя спуститься по лестнице. Никак.

Должен, должен.

Держа в руках прекрасный и хрупкий Талисман, Джек начал спускаться по лестнице, которая теперь выглядела как ковер-самолет, попавший в торнадо.

Ступени резко поднялись, и Джек чуть не провалился в ту же дыру, через которую падал шлем черного рыцаря. Джек закричал, прижав Талисман к груди, но сохранил равновесие.

6

С начала землетрясения прошло пятьдесят секунд. Всего пятьдесят секунд — но очевидцы землетрясений знают, что объективное время, время на часах, теряет все свое значение во время землетрясения. Три дня спустя после землетрясения 1964 года в Лос-Анджелесе телевизионный репортер спросил одного очевидца, находившегося вблизи от эпицентра, сколько продолжалось землетрясение.

— Оно и сейчас продолжается, — спокойно ответил очевидец.

Через шестьдесят две секунды после начала землетрясения почти все вершины решили сдаться судьбе и превратились в низины вокруг Пойнт-Венути. Они с ревом обрушились на город, оставив только одну скалу из сравнительно твердой породы, напоминающую палец, грозящий отелю «Эджинкорт». С одного из оползших холмов, похожего на похотливый пенис, поднимался столб черного дыма.

7

На берегу Морган Слоут и Солнечный Гарднер стояли, поддерживая друг друга, словно танцуя танец «хула». Гарднер отшвырнул

свою винтовку в сторону. Несколько Волков, глаза которых попеременно то выпучивались от ужаса, то загорались от ярости, присоединились к ним. Подходили другие Волки. Они все либо уже Переменились, либо проходили Перемены. Одежда свисала с них лохмотьями. Морган увидел, как один из них кинулся на землю и начал кусать ее, словно неспокойная земля была врагом и ее надо было убить. Морган взглянул на это безумие и выкинул его из головы. Фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ» на борту с бешеной скоростью мчался через главную площадь Пойнт-Венути, там, где когда-то дети просили родителей купить им мороженое и флажки реяли на ветру, как флюгера на «Эджинкorte». Фургон достиг дальнего конца площади, перескочил через тротуар и с ревом понесся к берегу, подпрыгивая на ухабах. В земле возникла последняя трещина, и «ДИКОЕ ДИТЯ», убивший Томми Вудбайна, исчез навсегда. Когда взорвался бензобак, в небо поднялся столб пламени. Глядя на него, Морган смутно вспомнил своего отца, проповедующего о костре на Троицу. Потом трещина закрылась.

— Стой на месте, — крикнул он Гарднеру, — я думаю, что отель рухнет на него и раздавит его в лепешку, но если он выйдет, ты должен застрелить его, независимо от землетрясения.

— Как мы узнаем, что *оно* разбилось? — провищал Гарднер.

Морган Слоут ухмыльнулся, как кабан в зарослях тростника.

— Мы узнаем, — сказал он. — Солнце станет черным.

Семьдесят четыре секунды.

8

Левая рука Джека ухватила за зазубренные остатки перила. Талисман сиял у его груди, линии параллелей и меридианов светились так же ярко, как спираль в электрической лампочке. Ноги Джека сместились и подошвы начали скользить.

«Падаю! Спиди! Я...»

Семьдесят девять секунд.

Землетрясение прекратилось.

Внезапно оно просто прекратилось.

Только для Джека, как и для того очевидца землетрясения 1964 года, оно продолжалось, во всяком случае в голове. В части его мозга земля будет трястись как желе на церковном пикнике вечно.

Он удержался от падения и встал на середину исковерканной ступени. Он стоял, тяжело дыша, лицо его блестело от пота, руки прижимали к груди яркую звезду Талисмана. Он стоял и прислушивался к тишине. Где-то упало с грохотом что-то тяжелое, бюро

или шкаф, стоявшее на грани равновесия, и эхо от падения разнеслось по отелю.

— *Джек! Пожалуйста! Кажется, я умираю!*

Стонущий, беспомощный голос Ричарда в самом деле звучал как голос мальчика, находящегося на краю.

— *Ричард! Иду!*

Он начал спускаться по искореженным и разломанным ступенькам. Многие ступени вообще отсутствовали, и ему пришлось перешагивать через эти места. В одном месте отсутствовали сразу четыре подряд, и он перескочил через этот провал, одной рукой прижимая Талисман к груди и скользя по искривленным перилам другой.

Что-то по-прежнему падало. Билось со звоном стекло. Где-то туалет с маниакальным упорством сливал воду снова и снова.

Регистрационная стойка из красного дерева, стоящая в холле, треснула в середине. Двустворчатые двери были приоткрыты и из-за них на ковер падал широкий клин солнечного света. Старый сырой ковер, казалось, шипел и пускал пар, протестуя.

«Тучи разошлись, — подумал Джек. — *Снаружи светит солнце. — Потом: — Пойдем через эти двери, Ричи. Ты и я. Большие, как жизнь, и дважды гордые.*»

Коридор, который вел мимо бара «Цапля» к столовой, напоминал декорации к старому сериалу «Сумеречная зона», где все было перекошено и криво. Здесь пол накренился влево, там — вправо, где-то он напоминал горбы верблюда. Джек шел сквозь мрак, освещая свой путь Талисманом словно самой большой лампой-выпшкой в мире.

Он протиснулся в столовую и увидел Ричарда, лежащего на полу в складках скатерти. Из его носа сочилась кровь. Когда Джек подошел поближе, он увидел, что некоторые опухоли вскрылись и из тела Ричарда вылезали белые жуки и медленно ползали по его щекам. Один из них выполз из его ноздри. Ричард слабо и беспомощно закричал и попытался скинуть жука рукой. Это был крик человека, умирающего в агонии.

Его рубашка вздымалась и шевелилась от множества жуков.

Джек кинулся по искореженному полу к Ричарду... и вдруг сверху спустился паук, слепо разбрызгивая свой яд.

— *Шерртофф ворр!* — проскрипел он своим резким, жужжащим голосом насекомого. — *О, шерртофф ворр, положи это назад, назад, назад!*

Не задумываясь, Джек поднял Талисман. Он вспыхнул белым пламенем, — радужным пламенем — и паук с визгом поднялся вверх. Спустя секунду он превратился в маленький комок тлеющих углей, медленно раскачивающийся на паутине.

Некогда удивляться этому чуду. Ричард умирает.

Джек наклонился к нему, встал на колени и откинул скатерть, словно это была простыня.

— Все-таки я сделал это, дружок, — прошептал он, стараясь не глядеть на жуков, выползающих из тела Ричарда. Он поднял Талисман, подумал секунду, и опустил его на лоб Ричарда. Ричард задрожал и попытался отвернуться. Джек положил руку Ричарду на грудь и удержал его — это было несложно. Он почувствовал неприятный запах, словно жуки поджаривались под Талисманом.

Что теперь? Что-то должно быть еще, но что?

Он осмотрелся, и ему на глаза случайно попался зеленый мраморный шарик, который он оставлял Ричарду; шарик, который в другом мире был волшебным зеркалом. Пока он смотрел, шарик прокатился футов шесть и остановился. Он катился, да. Он катился, потому что он был шариком и его делом было катиться. Мраморные шарики, круглые. Мраморные шарики круглые, и Талисман тоже.

Джека вдруг осенило.

Держа Ричарда, Джек медленно прокатил Талисман вдоль его тела. Когда Талисман оказался у Ричарда на груди, Ричард перестал сопротивляться. Джеку показалось, что Ричард потерял сознание, но быстрый взгляд показал, что это было не так. Ричард смотрел на него с нарастающим удивлением...

...а прыщи на лице исчезли! Страшные красные опухоли рассасывались!

— Ричард! — закричал Джек, смеясь, как безумный. — Эй, Ричард, посмотри-ка! Бвана делать жужу!

Он медленно, с помощью ладони, прокатил Талисман по животу Ричарда. Талисман ярко светился и пел в бессловесной гармонии здоровья и исцеления. Джек сдвинул вместе ноги Ричарда и прокатил Талисман по образовавшемуся желобу до щиколоток. Талисман светился ярко-синим... темно-красным... желтым... зеленым, как трава в июне, светом.

Потом он снова стал белым.

— Джек, — прошептал Ричард, — это то самое, за чем мы пришли?

— Да.

— Он прекрасен, — сказал Ричард. Он смутился. — Можно я его подержу?

Джек вдруг почувствовал приступ «синдрома дяди Скруджа». На миг он прижал Талисман к себе.

— Нет! Ты можешь разбить его! Между прочим, он мой! Я пересек всю страну ради него! Я дрался с рыцарями за него! Тебе нельзя! Мое! Мое! Мо...

Вдруг в его руках Талисман стал излучать ужасный холод, и на миг, миг, который показался Джеку страшнее все землетрясений во всех мирах, он стал черным. Белый свет погас. Внутри него Джек увидел черный отель. На крышах, башнях и куполах, торчащих, как бородавки, вращались кабалистические символы — волк, ворона и какая-то извращенная генитальная звезда.

— Ты хочешь быть новым «Эджинкортм»? — прошептал Талисман. — *Даже мальчик может быть отелем...*

Джеку послышался голос его матери: *«Если ты не можешь поделиться этим, Джеки, если ты не можешь рискнуть этим ради своего друга, то можешь оставаться там, где ты есть. Если ты не можешь поделиться наградой, рискнуть наградой, — даже и не пытайся вернуться домой. Дети слышат всю эту дрянь всю жизнь, но когда настает момент выбора, все поступают по-разному. Если ты не можешь поделиться этим, то дай мне умереть, дружок, потому что я не хочу выжить такой ценой».*

Джеку показалось, что Талисман начал тяжелеть, словно умирая. Он поднял его и вложил в руки Ричарду. Руки Ричарда были тонкими, как у скелета... но Ричард удержал Талисман без труда, и Джек понял, что ощущение тяжести было плодом его воображения. Когда Талисман снова засиял, Джек почувствовал, что из него самого ушла тьма. Он вдруг подумал, что обладание чем-либо можно выразить только тем, насколько легко ты можешь это отдать... потом эта мысль пропала.

Ричард улыбнулся, и улыбка его была прекрасной. Джек видел его улыбающимся много раз, но сейчас в его улыбке был такой покой, какого он раньше никогда не видел. В белом свете Талисмана он увидел, что лицо Ричарда исцелялось. Ричард обнимал Талисман как младенца, и, улыбаясь, смотрел на Джека сияющими глазами.

— Если это экспресс на остров Сибрук, — сказал он, — я, пожалуй, куплю проездной билет. Если мы выберемся отсюда.

— Тебе лучше?

Лицо Ричарда сияло, как Талисман.

— На много миров лучше, — сказал он. — Теперь помоги мне подняться, Джек.

Джек наклонился, чтобы взять его под руку. Ричард протянул ему Талисман.

— Лучше возьми сначала это, — сказал он. — Я еще слаб, а он хочет к тебе. Я чувствую это.

Джек взял Талисман и помог Ричарду подняться. Ричард оперся на его плечо.

— Ты готов, дружок?

— Да, — сказал Ричард, — готов. Но мне кажется, что у нас не получится пробраться по воде, Джек. Я, кажется, слышал, как во время Большой Тряски рухнула терраса.

— Мы пойдем через парадный вход, — сказал Джек. — Даже если бы Бог построил мост от этих окон прямо до берега, я все равно пошел бы через парадный вход. Мы не случайные люди в этом месте, Ричи. Мы выйдем, как гости, заплатившие за все. Я чувствую, что я достаточно заплатил. Что ты думаешь?

Ричард протянул вперед руку ладонью вверх. На ней еще оставались красные пятна.

— Я думаю, что мы так и сделаем, — сказал он. — Дай пять, Джеки!

Джек хлопнул своей ладонью по ладони Ричарда, и они двинулись по коридору. Ричард опирался на плечо Джека.

На половине пути Ричард удивленно уставился на металлические обломки, разбросанные по полу.

— А это еще что?

— Кофейные банки, — сказал Джек и улыбнулся.

— Джек, что за чушь ты не...

— Не бери в голову, Ричард, — сказал Джек. Он улыбался и по-прежнему чувствовал себя хорошо, но на душе у него снова стало неспокойно. Землетрясение кончилось... но оно продолжалось. Их мог ждать Морган. И Гарднер.

«Не бери в голову. Пусть будет что будет».

Они добрались до холла, и Ричард удивленно оглядел ступени, сломанную регистрационную стойку, перевернутые охотничьи трофеи и подставки для флажков. Набитая опилками голова черного медведя засунула свой нос в одну из ячеек для писем, словно нюхая что-то приятное, вероятно, мед.

— Ого, — сказал Ричард, — все здание чуть было не развалилось.

Джек повел Ричарда к дверям, попутно отметив его почти жадное восприятие маленькой полоски солнечного света.

— Ты готов к этому, Ричард?

— Да.

— Там твой отец.

— Нет, его там нет. Он мертв. А там есть его... как ты это называешь? Его Двойник.

— Ааа...

Ричард кивнул. Несмотря на близость Талисмана, он опять выглядел уставшим.

— Да.

— Там, похоже, будет большая драка.

— Ну что ж, я сделаю что смогу.

— Я люблю тебя, Ричард.
Ричард устало улыбнулся.
— Я тоже тебя люблю, Джек. А теперь пойдем, а то я уже начинаю нервничать.

9

Слоут действительно был уверен, что все было у него под контролем — ситуация, и, что было самым важным, он сам. Он был уверен в этом до тех пор, пока он не увидел своего сына, явно слабого, явно больного, но все еще вполне живого, выходящего из черного отеля, опираясь на плечо Джека Сойера.

Слоут также был уверен, что контролирует свои чувства в отношении сына Фила Сойера — сначала это был гнев, из-за которого он упустил Джека сначала в королевском павильоне, потом на Среднем Западе. Господи, он спокойно пересек Огайо, а от Огайо было рукой подать до Орриса, владений другого Моргана. Но гнев привел к неконтролируемому поведению, и мальчишка ускользнул. Он подавил свой гнев, но теперь он вспыхнул с новой силой, словно кто-то плеснул керосин в затоптанный костер.

«Его сын все еще жив. И его любимый сын, которому он собирался передать царствование над всеми мирами и вселенными, опирался на плечо Сойера!»

Но это еще было не все. В руках у Сойера, мерцающая и вспыхивая, словно звезда, упавшая на землю, был Талисман. Даже отсюда Слоут чувствовал его — словно гравитационное поле планеты, став сильнее, тянуло его вниз, заставляло трудиться сердце; словно время ускорялось, иссушая его плоть, ослепляя глаза.

— *Больно!* — завыв Гарднер около него.

Многие из Волков, уцелевших в землетрясении и вернувшихся к Моргану, теперь мчались прочь, держа руки перед лицом. Пара из них беспомощно блевала.

На миг Морган почувствовал страх... а потом ярость, волнение и одержимость, питавшую его грандиозные мечты о царствовании. Все эти чувства прорвали паутину его самоконтроля.

Он поднял большие пальцы к ушам и резко всадил их глубоко вовнутрь, так, что почувствовал боль. Потом он высунул язык и стал грозить пальцем мистеру Джеку Поганой Сволочи, Которая Скоро Сдохнет — Сойеру. Секунду спустя, его верхние зубы опустились, как гильотина, и отделили кончик его языка. Слоут даже не заметил этого. Он схватил Гарднера за бронежилет.

Лицо Гарднера было белым от страха.

— Они вышли, он взял ЭТО, Морган... Господи... Нам надо бежать, мы должны бежать...

— **ПРИСТРЕЛИ ЕГО!** — заорал Морган в лицо Гарднеру. С кончика его языка тоненькой струйкой текла кровь. — **ПРИСТРЕЛИ ЕГО, ТЫ, ЭФИОПСКИЙ КОЗЕЛ, ОН УБИЛ ТВОЕГО СЫНА! ПРИСТРЕЛИ ЕГО И РАССТРЕЛЯЙ ЭТОТ ЧЕРТОВ ТАЛИСМАН! СТРЕЛЯЙ ПРЯМО ЧЕРЕЗ РУКИ И РАЗБЕЙ ЕГО!**

Слоут начал приплясывать перед Гарднером, его лицо строило гримасы, большие пальцы снова оказались в ушах, подрезанный язык то появлялся, то исчезал, как новогодняя игрушка, которая раскручивается со смешным звуком. Он выглядел как дитя-убийца, веселый и в то же время ужасный.

— **ОН УБИЛ ТВОЕГО СЫНА! ОТОМСТИ ЗА СЫНА! УБЕЙ ЕГО! СТРЕЛЯЙ! ТЫ ПРИСТРЕЛИЛ ЕГО ОТЦА, ТЕПЕРЬ ПРИСТРЕЛИ ЕГО!**

— Рауль... — задумчиво произнес Гарднер. — Да, он убил Рауля. Он — самая гадкая сволочь, когда-либо рождавшаяся на свет. Все мальчишки. Аксиома. Но он... он...

Он повернулся к черному отелю и поднял винтовку. Джек и Ричард достигли низа искореженной парадной лестницы и двигались к деревянному тротуару, который еще несколько минут назад был плоским и ровным. В прицеле «Джадкинса» двое мальчиков были большими, как трейлеры.

— **ПРИСТРЕЛИ ЕГО!** — ревел Морган. Он снова высунул окровавленный язык и издал детсадовский триумфальный клич: «Ядда-ядда-ядда-яаа!». Его ноги, обутые в грязные туфли «Гуччи», топали по песку. Одна нога неуклюже опустилась на откушенный кончик языка и еще глубже втоптала его в песок.

— **ПРИСТРЕЛИ ЕГО! РАССТРЕЛЯЙ ЕГО!** — выл Морган.

Ствол винтовки описывал круги, как и в тот раз, когда Гарднер собирался стрелять в резиновую лошадь. Потом он замер. Джек нес Талисман, прижимая его к груди. Его мерцающий свет виднелся в перекрестье прицела. Винтовка 36-го калибра могла пробить его, разбить его на кусочки, и тогда солнце должно почернеть... *«Но прежде, чем это случится, — подумал Гарднер, — я увижу, как взрывается грудь этого отвратительного мальчишки».*

— Он мертвец, — прошептал Гарднер и нажал на курок винтовки «Уэзерби».

Ричард с большим трудом поднял голову и сразу был ослеплен отраженным солнечным светом.

Два человека. Один слегка наклонил голову, другой, похоже, танцевал. Еще одна вспышка солнечного света, и Ричард понял. Он

понял... а Джек смотрел в другую сторону. Джек смотрел туда, где лежал Спиди.

— *Джек, берегись*, — закричал Ричард.

Джек с удивлением оглянулся:

— Что?

Все произошло очень быстро. Джек почти все пропустил. Ричард видел ЭТО и понял ЭТО, но он не смог бы объяснить Джеку. Солнце снова блеснуло на оптическом прицеле винтовки. На этот раз отраженный луч попал на Талисман. И Талисман отразил его обратно на стрелка. Так впоследствии Ричард сказал Джеку, но это было то же, что сказать, что «Эмпайр Стейт Билдинг» имеет высоту в некоторое количество этажей.

Талисман не просто отразил солнечный свет, он каким-то образом *усилил* его. Он послал назад толстую полосу света, словно луч смерти в фантастическом фильме. Он светил всего какую-то секунду, но его след оставался на сетчатке Ричарда еще целый час — сначала белый, потом зеленый, потом голубой, и, наконец, исчезая, лимонно-желтый.

11

— Он мертвец, — прошептал Гарднер, а потом прицел наполнился огнем. Дымящееся расплавленное стекло влетело в правый глаз Гарднера. Патроны в магазине винтовки взорвались, разрывая на части саму винтовку. Один из осколков срезал большую часть правой щеки Гарднера. Другие куски стали пролетели ураганом мимо Слоута, странным образом не причинив ему вреда. После всех коллизий рядом с ними оставались три Волка. Теперь двое из них дали деру. Третий лежал мертвый на спине, глядя в небо. Курок «Уэзерби» вошел ему точно между глаз.

— Что? — заревел Морган. Его окровавленный рот открылся. — Что? Что?

Гарднер выглядел странно, как Уайл И. Койот в мультфильмах серии «Бегун». Он отбросил ружье в сторону, и Слоут заметил, что все пальцы на левой руке Гарднера были оторваны.

Правая рука Гарднера с женственной нежностью вытянула рубашку из брюк. На внутреннем ремне его брюк были прикреплены ножны из тонкой кожи козленка. Из них Гарднер извлек кусок отделанной хромом слоновой кости. Он нажал на кнопку, и на солнце сверкнуло тонкое семидюймовое лезвие.

— Плохой, — прошептал он, — Плохой, — голос повысился. — Все мальчишки! *Плохие! Это аксиома! АКСИОМА!*

нападение. Он был уверен в этом. «Тебе надо было убить *обоих* братьев Эллис», — сказал он сам себе.

Гарднер, по-прежнему пронзительно визжа, бежал по песку. Он все еще был на приличном расстоянии, примерно на полпути между концом забора и отелем. Красная маска покрывала его лицо. Из его бесполезной правой руки на песок лился кровавый поток. Расстояние между ним и мальчиками, казалось, сократилось вдвое за секунду. Был ли Морган Слоут уже на берегу?

— Зло! Аксиома! Зло! — вопил Гарднер.

— Переносись! — громко сказал Ричард,

и Джек

перенесся

так же, как внутри черного отеля.

И обнаружил себя стоящим под ослепительным солнцем Долин перед Осмондом. Большая часть уверенности сразу покинула его. Все было по-прежнему, но все было иным. Не оглядываясь, он понял, что за его спиной было что-то гораздо худшее, чем «Эджинкорт». Он никогда не видел замок снаружи, замок, которым стал в Долинах отель, но он каким-то образом *знал*, что из огромных дверей к нему тянулся длинный язык... и что Осмонд пытался оттеснить их с Ричардом к замку.

Правый глаз Осмонда закрывала повязка, на левой руке была грязная перчатка. Спутанные хвосты его кнута свисали с плеча.

— О, да, — наполовину прошипел, наполовину прошептал он, — *этот* мальчик. Мальчик капитана Фаррена.

Джек прижал Талисман к животу. Ремни кнута поползли по земле, послушные руке Осмонда, как скаковая лошадь — жокею. «Какая польза мальчику от того, что он получит стеклянный шар, если он потеряет весь мир?» Кнут, казалось, сам оторвался от земли. «НИКАКАЯ! НИКАКОЙ!» Проявился истинный запах тела Осмонда, запах грязи, гниения и разложения; лицо его сморщилось, словно в него ударила молния. Он улыбнулся ясной и пустой улыбкой и замахнулся кнутом.

— Козлийный пенис, — сказал Осмонд почти любовно. Хвосты кнута со свистом понеслись навстречу Джеку, который шагнул назад, но недостаточно далеко.

Ричард схватил его за плечо, когда они перенеслись обратно, а ужасный, словно смеющийся свист кнута просто растворился в воздухе.

«Нож!» — услышал он голос Спиди.

Борясь с инстинктом, Джек шагнул вперед, в пространство, в котором находился кнут, а не назад, куда стремилось все его тело. Рука Ричарда упала с его плеча, а голос Спиди стих. Джек прижал левой рукой Талисман к животу, и вытянул вперед правую. Его

пальцы каким-то волшебным образом схватились за костлявое запястье.

Солнечный Гарднер захихикал.

— ДЖЕК! — заревел Ричард за его спиной.

Он снова стоял в этом мире, а нож Солнечного Гарднера тянулся к нему. Изуродованное лицо Гарднера находилось всего в нескольких дюймах от его собственного. Запах отбросов и давно сдохших животных бил Джеку в нос.

— Никакой! — сказал Гарднер, — Скажем «аллилуйя»!

Он попытался обрушить на Джека свой элегантный смертельный нож, но Джек удержал его.

— ДЖЕК! — снова закричал Ричард.

Солнечный Гарднер уставился на него с птичьей беспечностью. Он продолжал толкать вниз нож.

«Разве ты не знаешь, что сделал Солнечный? — произнес голос Спиди. — Разве ты еще не знаешь?»

Джек взглянул прямо в бегающий глаз Гарднера.

— Да!

Ричард подбежал и лягнул Гарднера в лодыжку, потом ударил слабым кулаком в висок.

— Ты убил моего отца, — сказал Джек.

Единственный глаз Гарднера засверкал.

— Ты убил моего сына, мерзавец! Морган Слоут приказал тебе убить моего отца, и ты сделал это!

Гарднер опустил нож на целых два дюйма. Сгусток желтой вязкой массы и кровавый пузырь выдавились из его правой глазницы.

Джек закричал — от ужаса, гнева, от всех долго скрываемых чувств одиночества и беспомощности, появившихся у него после смерти отца. Он обнаружил, что смог снова отвести сжимающую нож руку Гарднера. Он снова закричал. Беспалая левая рука Гарднера колотила по его собственной левой руке. Джек попытался вывернуть правую руку Гарднера, и вдруг почувствовал, что кровоточащий обрубок левой пытается просунуться между его рукой и грудью. Ричард продолжал лупить Гарднера, а Гарднер пытался приблизить свою беспалую руку к Талисману.

Гарднер приблизил свое лицо к лицу Джека.

— Аллилуйя, — прошептал он.

Джек развернул все его тело, приложив больше силы, чем, как ему казалось, в нем было. Он потянул вниз руку, сжимающую нож. Другая, беспалая, отлетела в сторону. Джек *сдавил* запястье Гарднера. Мышцы натянулись. Нож упал. Джек развернул свое тело и отпихнул Гарднера.

Он толкнул Талисман навстречу Гарднеру.

— *Что ты делаешь?* — закричал Ричард.

Все было верно, верно, верно. Джек двинул Талисман к Гарднеру, по-прежнему смотрящему на него, хотя и не так уверенно, и резко толкнул Талисман в его сторону. Гарднер ухмыльнулся, из пустой глазницы вылез еще один пузырь крови, и качнулся навстречу Талисману. Потом он наклонился, чтобы поднять нож. Джек рванулся вперед и коснулся кожи Гарднера теплой поверхностью Талисмана. Как Рауля — так и Солнечного. Он отпрыгнул назад.

Гарднер завыл как раненный зверь. В том месте, где его коснулся Талисман, кожа почернела, а потом превратилась в медленно оползающую с черепа массу. Джек отступил еще на шаг. Гарднер упал на колени. Вся кожа на его голове стала как воск. Через полсекунды из воротника разорванной рубашки торчал только голый череп.

«Я позаботился о тебе, — подумал Джек. — Всего хорошего!»

2

— Порядок, — сказал Джек. Он почувствовал безумную уверенность в себе. — Пойдем, Ричи, разберемся теперь с другим. Пойдем...

Он взглянул на друга и увидел, что тот снова был на грани потери сознания. Он стоял, покачиваясь, на песке, глаза были полузакрыты.

— Может быть тебе лучше посидеть здесь? — спросил Джек.

Ричард покачал головой:

— Я иду, Джек. Остров Сибрук. Весь путь... до самого конца.

— Видимо, мне придется его убить, — сказал Джек, — такие вот дела.

Ричард с упрямой настойчивостью качал головой.

— Не моего отца. Я говорил тебе. Отец мертв. Если ты оставишь меня, я поползу. Поползу, если потребуется, через всю эту мерзость, которую *этот* парень оставил за собой.

Джек посмотрел в сторону скал. Он не видел Моргана, но был уверен, что он там. И если Спиди был еще жив, Морган мог предпринять шаги к тому, чтобы исправить ситуацию.

Джек попытался улыбнуться, но не смог.

— Подумай о микробах, которые ты можешь подцепить, — он смущенно помолчал, потом протянул Талисман Ричарду. — Я понесу тебя, но тебе придется нести это. Не урони шар, Ричард. Если ты его уронишь...

Что говорил Спиди?

— Если ты его уронишь, то все пропало.

— Я не уроню его.

Джек вложил Талисман в руки Ричарда, и Ричарду, похоже, снова стало лучше от его прикосновения... но ненадолго. Его лицо было ужасно бледным. В белом свете Талисмана оно выглядело как лицо мертвого ребенка, освещенного лампой-вспышкой полицейского фотографа.

Это отель. Он отравляет его.

Но дело было не в отеле, не совсем в отеле. Дело было в Моргане. Морган отравлял его.

Джек повернулся, замечая, что ему трудно отвести взгляд от Талисмана даже на секунду. Он наклонился и сложил руки ступенькой за спиной.

Ричард забрался на него. Он держал Талисман одной рукой, другой он обхватил шею Джека. Джек обхватил бедра Ричарда.

«Он легок, как пух. У него тоже свой рак. Он болеет им всю жизнь. Морган Слоут излучает зло, и Ричард умирает от этого».

Он побежал трусцой к скалам, за которыми лежал Спиди, ощущая тепло и свет Талисмана над собой.

3

Он обегал скалы с левой стороны с Ричардом на спине, по-прежнему уверенный в себе... и вдруг его уверенности как ни бывало. Внезапно из-за скалы появилась нога в очень характерном коричневом шерстяном носке.

«Черт! — закричал разум Джека. — Он ждал тебя! Идиот!»

Ричард закричал. Джек попытался заткнуть ему рот, но не смог.

Морган перехватил его так же легко, как опытный игрок перехватывает на игровом поле новичка. После Смоуки Апдайка, Осмонда, Гарднера, Элроя и твари, похожей на помесь аллигатора и танка «Шерман», судьба привела его к тяжеловесному, тучному Моргану Слоуту, скрывающемуся за скалой и ждущему момента, когда он сможет сплясать буги-вуги на теле несносного мальчишки по имени Джек Соьер.

— *Айййй!* — закричал Ричард, когда Джек споткнулся. Джек смутно представил тень, которую они отбрасывали влево, — она, видимо, была похожа на индуистского идола со множеством рук. Он почувствовал, как психический вес Талисмана сместился... потом выровнялся.

— *ОСТОРОЖНЕЕ, РИЧАРД!* — закричал он.

Ричард перелетел через голову Джека, широко раскрыв глаза. Падая, он поднял Талисман над собой и врезался лицом в землю, как ракета. Песок в этом месте был не совсем песком, а смесью песчинок, камешков и ракушек. Ричард приземлился на кусок

камня, отколотый от скалы землетрясением. Раздался глухой удар. Какой-то момент Ричард выглядел как страус, зарывший голову в песок. Его зад, одетый в хлопковые слаксы, дергался в воздухе. При других обстоятельствах, если, например, не принимать во внимание глухой удар при падении, эта поза выглядела бы комично, прямо просясь на фотографию: «Рациональный Ричард сходит с ума на берегу». Но это было совсем не смешно. Руки Ричарда медленно разжались... и Талисман, прокатившись три фута вниз по склону берега, остановился, отражая небо и облака, но не поверхностью, а внутри.

— *Ричард!* — снова заревел Джек.

Морган был где-то сзади, но Джек забыл о нем. Вся уверенность покинула его, покинула в тот момент, когда нога, одетая в шерстяные брюки, внезапно появилась перед ним. Его провели, как мальчишку на школьном дворе, а Ричард... Ричард...

— *Рич...*

Ричард перевернулся, и Джек увидел, что усталое лицо Ричарда было залито кровью. Кусок кожи, содранный на голове, свисал почти до самого глаза треугольником, словно рваный парус. Джек видел волосы на внутренней стороне этого куска... а там, где кожа была содрана, он заметил блеск черепа Ричарда Слоута.

— Он разбился? — спросил Ричард. Его голос чуть было не сорвался в крик. — *Джек, он разбился, когда я упал?*

— Все в порядке, Ричи, он...

Залитые кровью глаза, широко раскрывшись, уставились на что-то позади Джека.

— *Джек! Джек, бере...*

Что-то, тяжелое, как кирпич, а именно одна из туфель Моргана Слоута, ударила Джека в пах. Джек скорчился от сильнейшей в его жизни боли — физической агонии, более сильной, чем он мог себе вообразить. Он не мог даже кричать.

— Это ерунда, — сказал Морган Слоут, — но ты выглядишь не слишком хорошо, Джеки. Совсем

не

хорошо.

Теперь этот человек медленно приближался к Джеку, медленно, потому что он смаковал этот момент. К Джеку приближался человек, которому Джек так и не был никогда представлен. Его лицо смотрело из окна огромной кареты, белое лицо с темными глазами, которые как-то ощущали его присутствие; он с треском прорывался в реальность луга, на котором Джек с Волком говорили о Волчатах и луне; он был тенью в глазах Андерса.

«*Но я никогда не видел Моргана из Орриса до сих пор*», — подумал Джек. А он по-прежнему был Джеком; Джеком, одетым в

линялые, грязные хлопковые брюки, какие часто носят азиаты, и в сандалии с сыромятными ремнями; но он был Джеком.

В десяти ярдах от него Талисман отбрасывал свой свет на черный песок. Ричарда рядом не было, но Джек не обратил на это внимания.

На Моргане был темно-синий плащ, скрепленный на шее заколкой из кованого серебра. Его брюки были сделаны из такой же тонкой шерсти, как и у Слоута, но они были заправлены в черные сапоги.

Этот Морган шел слегка прихрамывая, его деформированная левая нога оставляла на песке короткие полосы. Заколка на его плаще сползла ниже, и Джек увидел, что эта серебряная вещица не имела никакого отношения к плащу, который был закреплен простым темным шнурком. Это было что-то вроде кулона. Но когда Слоут приблизился, Джек увидел, что эта штука была слишком тонкой для кулона.

Она была похожа на громоотвод.

— Нет, ты совсем плохо выглядишь, парень, — сказал Морган из Орриса. Он подошел к Джеку, который лежал на земле и стонал, закрывая руками пах и задрав ноги. Он наклонился вперед, положил руки себе на колени и стал рассматривать Джека, как человек, рассматривающий животное, только что раздавленное его автомобилем. Довольно заурядное животное, вроде бурундука или белки. — *Совсем плохо.*

Морган наклонился пониже.

— Ты был большой проблемой для меня, — сказал Морган из Орриса, наклоняясь. — Ты причинил мне много вреда. Но в конце...

— Я, кажется, умираю, — прошептал Джек.

— Еще нет. О, я знаю, что тебе так кажется, но поверь мне, ты еще не умираешь. Но минут через пять ты *действительно* узнаешь, что такое умереть.

— Нет... действительно... я... внутри... — простонал Джек. — Наклонись... я хочу сказать... спросить... попросить...

Темные глаза Моргана засверкали на бледном лице. Видимо, он раздумывал над просьбой Джека. Он наклонился так, что его лицо почти коснулось лица Джека. Ноги Джека были поджаты от боли. Теперь он резко распрямил их вверх и вперед. На миг он почувствовал себя так, будто ржавое лезвие проткнуло его гениталии и живот, но звук его сандалий, ударяющихся в лицо Моргана, разбивающих его губы и сворачивающих набок нос, заглушил боль.

Морган из Орриса отлетел назад, ревя от боли и удивления, его плащ хлопал, как крылья большой летучей мыши.

Джек встал на ноги. На миг он увидел черный замок — он был гораздо больше, чем «Эджинкорт», он, казалось, занимал несколько

акров. Джек побежал мимо лежащего без сознания (*или мертвого!*) Паркуса. Он побежал к Талисману, который, мирно мерцая, лежал на песке, и когда он побежал, то

перенесся назад
в Американские Территории.

— *Ах ты сволочь!* — заревел Морган Слоут. — *Ты — чертов маленький мерзавец, мое лицо, мое лицо, ты повредил мне лицо!*

Послышалось шипение и воздух наполнился озоном. Сверкающая сине-белая молния ударила справа от Джека, расплавив песок.

Но Джек уже держал Талисман — он снова держал его! Резкая боль в паху начала сразу стихать. Он повернулся к Моргану со стеклянным шаром и поднял его над собой.

С губы Моргана Слоута текла кровь, и он держался одной рукой за щеку — Джек надеялся, что он выбил ему несколько зубов. Другая рука Слоута, словно пародируя позу Джека, была вытянута вперед. В ней было нечто, похожее на ключ, из которого только что вырвалась молния и ударила в песок рядом с Джеком.

Джек шагнул в сторону, вытянув руки перед собой, и Талисман заиграл всеми цветами радуги. Казалось, он понимал, что Слоут был рядом, потому что стеклянный шар начал издавать гудение, такого низкого тона, что Джек скорее чувствовал его руками, чем слышал. На Талисмане появилась ярко-белая полоса. Слоут тоже шагнул в сторону и направил ключ на голову Джека.

Он стер кровь с верхней губы.

— Ты сделал мне больно, маленький мерзавец, — сказал он. — Не надейся на то, что стеклянный шар тебе поможет. Его будущее немного короче твоего.

— Тогда почему ты его боишься? — спросил мальчик, снова резко толкая Талисман вперед.

Слоут отскочил в сторону, словно Талисман тоже мог стрелять молниями. *«Он не знает, что может сделать Талисман, — понял Джек. — Он вообще не знает ничего о Талисмане, он знает только то, что он его хочет».*

— Брось его сейчас же, — сказал Слоут. — Давай-давай. Иначе я сейчас оторву тебе голову. Бросай!

— Ты боишься, — сказал Джек. — Теперь, когда Талисман прямо перед тобой, ты боишься подойти и взять его.

— Мне не нужно брать его, — сказал Слоут. — Ты, чертов самозванец, брось его. Давай-ка посмотрим, как ты сам его разобьешь, Джеки.

— Возьми его, Пузырь, — сказал Джек, чувствуя сильнейшую вспышку гнева. *Джеки*. Так его называла мама. — Я не черный отель, Слоут. Я только ребенок. Разве ты не можешь отобрать стеклянный шар у ребенка?

Джеку было ясно, что ситуация была тупиковой, пока Талисман был в его руках. Синяя искра, похожая на искры «демонов» Андерса, вспыхнула и погасла внутри Талисмана. За ней сразу последовала другая. Джек чувствовал *гудение*, исходящее из недр стеклянного шара. Ему было предназначено судьбой получить Талисман — он *должен был его получить*. «Талисман знал о моем существовании с самого рождения, — подумал Джек, — и с того момента Талисман ждал своего освобождения. Ему был нужен Джек, и никто другой».

— Давай, попробуй взять его, — съязвил Джек.

Слоут направил на него ключ. Кровь текла у него с подбородка. Он выглядел озадаченным и разъяренным, как бык в загоне, и Джеку стало смешно. Потом Джек перевел взгляд на Ричарда, лежащего на песке, и улыбка исчезла с его лица. Лицо Ричарда в буквальном смысле было залито кровью, кровь запеклась в его волосах.

— Ты, сво... — начал Джек, но то, что он отвернулся, было ошибкой. Сине-желтая молния ударила в песок прямо рядом с ним.

Он повернулся к Слоуту, стреляющему еще одной молнией по ногам Джека. Джек отпрыгнул назад, а полоса разрушительного света превратила песок в расплавленную желтую массу, которая почти сразу застыла, превратившись в стекло.

— Твой сын умирает, — сказал Джек.

— Твоя мать умирает — сказал в ответ Слоут. — Брось эту чертову штуку, пока я не срезал тебе голову. Сейчас же!

— А больше ничего не хочешь?

Глаза Слоута засверкали, и он поднял ключ вверх, направив его в небо. Длинная полоса молнии, казалось, изверглась из кулака Слоута, расширяясь на высоте. Небо почернело. И Талисман, и лицо Слоута засветились во внезапной темноте. Лицо Слоута светилось, потому что Талисман освещал его своим светом. Джек понял, что его лицо тоже светилось в лучах Талисмана. А когда он толкнул Талисман навстречу Слоуту, одному Богу известно зачем — заставить его бросить ключ, разозлить его, ткнуть его носом в факт того, что он бессилен, — Джек понял, что это был еще не предел возможностей Слоута. Крупные снежные хлопья начали падать с черного неба. Слоут исчез за плотной снежной завесой. Джек услышал его смех.

Она выбралась из своей постели, пересекла комнату и подошла к окну. Она посмотрела на пустой декабрьский пляж, освещенный одиноким фонарем. Цепочка хрящей свисала с одной стороны клюва

чайки, и в этот момент Лили подумала о Слоуте. Чайка была похожа на Слоута.

Лили сначала отпрянула от окна, но потом вернулась. Она почувствовала совершенно смешную ярость. Чайка не могла быть похожа на Слоута, и чайка не могла вторгнуться на ее территорию... это было бы *неправильно*. Она постучала по холодному стеклу. Птица быстро расправила крылья, но не улетела. Лили услышала мысль из холодной головы чайки, она услышала ее очень отчетливо, как по радио:

«Джек умирает, Лили... Джек умираааает...»

Чайка наклонила свою голову вперед. Постучала по стеклу, не спеша, как ворон Эдгара По.

«Умираааааает...»

— НЕТ! — крикнула Лили. — **УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ, СЛОУТ!** — На этот раз она не просто постучала, а ударила по стеклу кулаком, который прошел сквозь стекло. Чайка отскочила назад, пища, почти падая. Холодный воздух задул через дыру в стекле.

С руки Лили капала кровь... нет, не просто капала. Она *лилась*. Лили сильно порезалась в двух местах. Она вынула осколки из ладони и вытерла руку подолом ночной рубашки.

— НЕ ОЖИДАЛА ЭТОГО, СКОТИНА? — крикнула она птице, которая все еще беспокойно кружила над парком. Лили залилась слезами. — *Оставь его в покое! Оставь его в покое! ОСТАВЬ МОЕГО СЫНА В ПОКОЕ!*

Она вся была в крови. Из окна тянуло холодным воздухом. За окном в свете одинокого фонаря падали хлопья первого снега.

5

— Берегись, Джеки.

Тихо. Слева.

Джек повернулся налево, поднимая Талисман, словно прожектор. Из Талисмана выходил луч света, наполненный падающим снегом.

Больше ничего. Темнота... снег... шум океана.

— Не там, Джеки.

Он повернулся направо, ноги тонули в холодном снегу. Ближе. Он был ближе.

Джек поднял Талисман.

— Попробуй, достань его, Пузырь!

— У тебя нет шансов, Джек. Я могу прикончить тебя в любой момент.

Сзади... и еще ближе. Но когда он поднял сияющий Талисман, Слоута он не увидел. Снег бил в лицо. Он случайно вдохнул снежинку и закашлялся.

Слоут захихикал где-то прямо перед ним.

Джек отпрянул, и чуть не споткнулся о Спида.

— Хо-хо, Джеки!

Слева из темноты появилась рука и дернула Джека за ухо. Он повернулся в ту сторону, сердце его тяжело забилося. Он поскользнулся и упал на одно колено.

Где-то рядом застонал Ричард.

Над головой из темноты, каким-то образом вызванной Слоутом, раздалась канонада грома.

— Бросай его мне! — раздался насмешливый голос Слоута. Он выскочил из темноты. Он щелкал пальцами на правой руке и направлял серебряный ключ на Джека левой. Его жесты были резки и эксцентричны. На взгляд Джека, Слоут выглядел безумно, как какой-нибудь старомодный руководитель латиноамериканского оркестра, Хавьер Кугат, например. — Бросай его мне, чего ты медлишь? Кегельбан! Точно в лунку! Большой старый дядя Морган! Что ты скажешь, Джек? А? Бросай шар и получай приз!

И Джек обнаружил, что непроизвольно поднял Талисман к правому плечу, словно действительно собирався его бросить. *«Он заговаривает тебя, хочет заставить тебя паниковать, чтобы ты бросил Талисман, чтобы...»*

Слоут снова скрылся во мгле. Снег падал.

Джек нервно осмотрелся, но нигде не увидел Слоута. *«Может быть он убежал. Может быть...»*

— В чем дело, Джеки?

Нет, он был здесь. Где-то слева.

— Я смеялся, когда умер твой дорогой папочка, Джеки. Я смеялся ему в лицо. Когда его мотор наконец остановился, я почувствовал...

Его голос задрожал. Пропал на секунду. Снова вернулся. Справа. Джек повернулся направо, не понимая, что происходит, его нервы заметно ослабевали.

— ...мое сердце пело и летело как птица. Оно летело *вот так*, Джеки.

Из темноты вылетел камень, нацеленный не в Джека, но в стеклянный шар. Джек отскочил. В мареве мелькнул Слоут. Снова пропал.

Пауза... потом Слоут вернулся и завел другую пластинку.

— Трахал твою маму, Джеки, — голос дразнил сзади. Толстая горячая рука схватила его за джинсы.

Джек развернулся, на этот раз чуть не споткнувшись об Ричарда. Слезы, горячие, болезненные, потекли из глаз. Он ненавидел их, но ничто в мире не могло остановить их. Ветер выл, как дракон, в аэродинамической трубе. *«Волшебство в тебе»*, — сказал Спиди, но где же теперь было волшебство? Где, где, ну где же?

— *Прекрати говорить про мою маму!*

— Трахал ее много раз, — самоуверенно добавил Слоут.

Опять справа. Толстый, приплясывающий контур в темноте.

— Трахал ее по ее же приглашению, Джеки!

Сзади. *Близко!*

Джек развернулся. Поднял Талисман. Вспыхнула полоса белого света. Слоут выскочил из нее, но Джек успел заметить на его лице гримасу боли и злобы. Свет, коснувшись Слоута, причинил ему боль.

«Не думай о том, что он говорит — все это ложь, и ты знаешь, что это так. Но как он это делает? Он как Эдгар Берген. Нет... он как индейцы, в темноте приближающиеся к поезду. Как он это делает?»

— Немного подпалил мне баки на этот раз, Джеки, — сказал Слоут и захихикал. Похоже, он уже выдохся, но еще не в достаточной степени. Совсем нет. Джек дышал, как собака в жаркий летний день, глаза его искали в темноте Слоута. — ...но я не держу на тебя зла за это, Джеки. Ну ладно. О чем мы там говорили? Ах, да. О твоей маме...

Голос задрожал... исчез... и вдруг из темноты со свистом вылетел камень и ударил Джека в висок. Джек обернулся, но Слоут снова исчез.

— Она обвиняла меня своими длинными ногами, и мы трахались, пока я не начинал *выть*, прося пощады! — объявил Слоут справа. — ВУУУУУУУУУ!

«Не дай ему достать тебя, не дай ему свести тебя с ума...»

Но Джек ничего не мог поделать. Этот мерзавец говорил о его матери.

— Перестань! Заткнись!

Слоут теперь был перед ним так близко, что Джек видел его, несмотря на метель, но он видел только отблеск, словно ночью под водой. Еще один камень вылетел из темноты и попал Джеку в затылок. Джек качнулся вперед и снова чуть было не споткнулся об Ричарда, которого быстро заносило снегом.

Он увидел звезды... и понял, что происходит.

«Слоут переносится! Переносится... перебегает на другое место... и переносится обратно!»

Джек повернулся на триста шестьдесят градусов, как человек, отражающий нападение сразу сотни врагов. В темноте блеснула зеленовато-голубая молния. Джек протянул в ее сторону Талисман,

чтобы отразить ее обратно на Слоута. Слишком поздно. Слоут снова исчез.

«Но почему тогда я его не вижу там? Там, в Долинах?»

Ответ пришел к нему как вспышка... и словно в ответ Талисман засиял белым светом, пробивая снег, словно прожектор тепловоза.

«Я не вижу его там, не отвечаю ему там, потому что меня там НЕТ! Джейсон исчез... а я единственный! Слоут переносится на берег, где нет никого, кроме Моргана из Орриса и мертвого или умирающего, человека по имени Паркус. Ричарда там тоже нет, потому что сын Моргана из Орриса, Раштон, давно умер, и Ричард тоже единственный! Когда я переносился раньше, Талисман был там... а Ричарда не было! Морган переносится... перебегает на другое место... переносится обратно... пытается вывести меня из себя...»

— Ку-ку, Джеки!

Слева.

— Здесь!

Справа.

Но Джек больше не пытался определить направление. Он смотрел на Талисман, выжидая момент. Самый главный момент в его жизни.

Сзади. Теперь он должен был появиться сзади.

Талисман вспыхнул.

Джек сделал пируэт... и, разворачиваясь, перенесся в Долины, в яркие лучи солнца. И там был Морган из Орриса, огромный, как жизнь, и дважды безобразный. Какой-то момент он не понял, что Джек раскусил его фокус. Он быстро побежал к тому месту, которое должно было оказаться за спиной у Джека в Американских Территориях. На его лице была ухмылочка гадкого мальчишки. Его плащ развевался. Он волочил левую ногу, и Джек увидел, что песок вокруг был испещрен его следами. Морган бегал кругами, все время подзадоривая Джека отвратительной ложью о его матери, бросая камни и переносясь туда и обратно.

— Я ТЕБЯ ВИЖУ! — крикнул Джек изо всех сил.

Морган, потрясенный, оглянулся, одна рука схватилась за серебряный штырь.

— ВИЖУ ТЕБЯ! — снова крикнул Джек, — Может обежишь еще круг, Слоут?

Морган из Орриса направил кончик штыря на него, выражение его лица сменилось с шока на гораздо более характерное выражение понимания — выражение лица человека, видящего все выходы из ситуации. Его глаза сузились. В этот момент, когда Морган из Орриса нацеливал на него свое смертельное оружие, Джек чуть было не перенесся обратно в Американские Территории, что могло стоить ему жизни. Но прежде, чем паника могла толкнуть его на этот

необдуманный поступок, внутреннее зрение, подсказавшее ему, что Морган переносился между мирами, снова спасло его. Он остался на месте, снова выжидая момент. Если бы Морган не был так горд своей хитростью, он запросто убил бы Джека Сойера, а именно этого он так желал в тот момент.

Но вместо этого, как Джек и ожидал, Морган покинул Долины. Джек вдохнул. Тело Спида (тело *Паркуса*, понял Джек) лежало бездвижно неподалеку. Настал момент. Джек выдохнул и *перенесся* обратно.

Новая полоса стекла разделяла песок на пляже Пойнт-Венути, сверкая в свете Талисмана.

— Увернулся, а? — прошептал Морган в темноте.

Снег бил Джека по лицу, холодный ветер обжигал его руки, горло, лоб. В нескольких футах показалось лицо Слоута, лоб был покрыт морщинами, окровавленный рот открыт. Он нацеливал на Джека ключ, снег облепил коричневый рукав его костюма. Джек увидел черную струйку крови, медленно текущую из левой ноздри его непропорционально маленького носа. Глаза Слоута, налившиеся кровью от боли, сверкали во мраке.

6

Ричард Слоут удивленно открыл глаза. Он замерз. Сначала он подумал, без каких-либо эмоций, что он умер. Он где-то упал, возможно с крутых ступенек на стадионе школы Тэйера. Теперь он был холодным и мертвым и больше ничего с ним не могло случиться. Он внезапно почувствовал облегчение.

Но в голове поднялась свежая волна боли, и он ощутил теплую кровь, текущую по его холодной руке. Оба этих ощущения доказывали, что хоть он и был близок к этому, Ричард Левеллин Слоут еще не был мертв. Он был только страдающим раненным существом. Вся верхняя часть головы, казалось, была срезана. Он не имел ни малейшего понятия о том, где он находится. Его глаза долго фокусировались, чтобы сообщить ему, что он лежит на снегу. Наступила зима. Снег падал на него с неба. Потом он услышал голос отца, и память вернулась к нему.

Ричард, не отнимая руки от головы, приподнял подбородок так, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда слышался голос его отца.

Джек Сойер держал Талисман — это было следующим, что увидел Ричард. Талисман был цел. Ричард почувствовал, как к нему возвращается чувство облегчения, возникшее у него, когда он подумал, что умер. Даже без очков Ричард видел, что Джек имел неприступный, *несгибаемый* вид, и это производило глубочайшее

впечатление. Джек выглядел как... как герой. Этим было сказано все. Джек выглядел как грязный, растрепанный, удивительно юный герой, совершенно не соответствующий своей роли, но все равно герой.

Джек теперь был просто Джеком, увидел Ричард. Странная неестественность, словно киноактер пытается играть роль двенадцатилетнего мальчика, исчезла. Это делало его героизм еще более впечатляющим для Ричарда.

Его отец плотоядно улыбался. Но это был не его отец. Его отец давно погиб — погиб от своей зависти к Филу Соьеру, от жадности и амбиций.

— Мы можем так продолжать до бесконечности, — сказал Джек. — Я никогда не отдам тебе Талисман, и ты никогда не сможешь уничтожить его с помощью своей безделушки. Сдавайся.

Ключ в руке его отца медленно опустился, потом, как и лицо его отца, направился прямо на него самого.

— Сначала я разорву Ричарда в клочья, — сказал его отец. — Ты действительно хочешь увидеть, как твой приятель Ричард превращается в бекон? А? Да? Ну и конечно я не постесняюсь оказать ту же честь тому паразиту, который лежит рядом с ним.

Джек и Слоут обменялись короткими взглядами. Его отец не шутил, Ричард знал. Он мог убить его, если Джек не отдаст Талисман. А потом он убьет старого негра Спиди.

— Не делай этого, — смог прошептать он. — Плюнь ему в рожу, Джек. Пусть трахает сам себя.

Джек чуть не свел с ума Ричарда, подмигнув ему.

— Просто брось Талисман, — услышал он голос отца.

Ричард с ужасом увидел, что Джек раздвигает ладони, чтобы выпустить Талисман из рук.

— Джек, нет!

Джек даже не оглянулся на Ричарда.

«Ты не владеешь вещью, если не можешь ее отдать, — услышал он голос матери. — Ты не владеешь вещью, если не можешь ею поделиться, иначе это не дает ничего человеку, ничего, и ты не проходил это в школе, ты узнал это в пути, ты узнал это от Ферда Джанклау, от Волка, от Ричарда, летящего головой вперед на камни, словно «Титан-2», у которого случились неполадки на старте».

Ты должен понять это, или умереть где-то в мире, в котором нет чистого света.

— Не надо больше убийств, — произнес он в наполненной снегом темноте этого калифорнийского дня. Он ужасно устал, шутка ли — четыре дня ужасов, и теперь, в конце пути, он подкинул шар, словно неопытный полузащитник, которому предстоит еще многому нау-

читься. Отбросил его от себя. Ему ясно послышался голос Андерса, Андерса, стоящего на коленях, склонив голову перед Джеком/Джейсоном, раскинув по полу вокруг себя свою шотландскую юбку, Андерса, говорящего: *«Все будет хорошо, все будет хорошо и все будет в порядке»*.

Талисман лежал на снегу, плавя его и превращая в маленькие капельки, в каждой капельке была радуга.

— Не надо больше *жертвоприношений*. Разбей его, если сможешь, — сказал Джек. — Мне жаль тебя.

И Морган сделал ошибку, погубившую его. Если бы у него еще осталась хоть капля рационального мышления, он взял бы камень и разбил Талисман... а он *действительно* мог разбиться, ибо он был хрупким и беззащитным.

Вместо этого Морган направил на него ключ.

Когда он делал это, голова его наполнилась полными любви и ненависти воспоминаниями о Джерри Бледсо. О Джерри Бледсо, которого он убил, и его жене, которая могла стать Лили Кевинью... Лили, которая разбила ему нос, когда однажды, будучи навеселе, он пытался пристать к ней.

Из ключа вырвалось сине-зеленое пламя. Оно стрелой достигло Талисмана, ударило его, разлилось по нему, превращая его в сияющее солнце. В тот момент Талисман светился всеми цветами... в тот момент в нем были все *миры*. Потом он погас.

Талисман поглотил огонь из ключа Моргана.

Полностью.

Вернулась тьма. Джек поскользнулся и резко сел на икры Спиди Паркера. Спиди застонал.

На две секунды все замерло... а потом из Талисмана потоком полилось пламя. Глаза Джека широко раскрылись, несмотря на его испуганную мысль

(он ослепит тебя, Джек! Он...)

и измененная география Пойнт-Венути осветилась, как будто Бог Всех Вселенных решил сделать фотоснимок. Джек увидел «Эджинкорт», осевший и полуразрушенный; он увидел Возвышенности, ставшие теперь Низменностями; он увидел Ричарда, лежащего на спине; он увидел Спиди, лежащего на животе, повернув голову набок. Спиди улыбался.

Потом Морган Слоут был отброшен назад и объят пламенем его собственного ключа, пламенем, которое Талисман впитал так же, как и отблески света от оптического прицела Солнечного Гарднера, и вернул назад с тысячекратной силой.

Между мирами открылась дыра, дыра размером с туннель, ведущий в Оутли, и Джек увидел как Слоут в горящем коричневом костюме, все еще сжимая в руке ключ, исчез в этой дыре. Глаза

Слоута кипели в глазницах, но они были широко открыты... они *осознавали*.

Когда он исчезал, Джек увидел, как он изменился, увидел плащ, напоминающий крылья летучей мыши, пролетевшей через пламя факела, увидел его горящие сапоги, его горящие волосы. Увидел, как ключ превратился в некое подобие миниатюрного громоотвода.

Увидел... *дневной свет!*

8

Свет полился потоком. Джек откатился прочь, ослепленный. В его ушах — ушах глубоко внутри — он услышал предсмертный крик Моргана Слоута, когда Слоут полетел сквозь все миры в небытие.

— Джек? — Ричард сел, держась за голову. — Джек, что случилось? Я, кажется, упал со ступенек на стадионе.

Спиди повернулся на снегу, приподнялся и посмотрел на Джека. Его глаза были уставшими... но его лицо очистилось от пятен.

— Хорошая работа, Джек, — сказал он и улыбнулся. — Хорошая...

Он снова лег, тяжело дыша.

«*Радуга*», — с восторгом подумал Джек. Он попробовал встать и снова упал. Холодный снег, облепивший его лицо, начал таять, словно слезы. Он встал на колени, потом поднялся на ноги. Все кругом было покрыто проталинами, но он увидел огромное обгоревшее пятно на снегу в том месте, где стоял Морган. Оно блестело, как слеза.

— *Радуга!* — крикнул Джек Сойер и поднял руки к небу, смеясь и плача. — *Радуга! Радуга!*

Он подошел к Талисману и поднял его, все еще плача.

Он поднес его к Ричарду Слоуту, который был Раштоном, к Спиди Паркеру, который был тем, кем он был.

Он исцелил их.

Радуга, радуга, радуга!

Глава 46 ЕЩЕ ОДНО ПУТЕШЕСТВИЕ

1

Он исцелил их, но он не мог объяснить, как это произошло. Некоторое время Талисман сиял и пел в его руках, и Джек смутно помнил, что свет Талисмана *лился на них*, пока они не засияли в световой купели. Это было все, что он мог вспомнить.

Потом свет Талисмана стал слабеть... слабеть... и погас.

Джек, подумав о матери, заплакал.

Спиди подошел к нему по тающему снегу и положил руку ему на плечо.

— Все вернется, Странник Джек, — сказал Спиди. Он улыбался, но казался вдвое более усталым, чем Джек. Спиди был исцелен... но он не был здоров. *«Этот мир убивает его, — подумал Джек. — Во всяком случае он убивает в нем Спиди Паркера. Талисман исцелил его... но он по-прежнему умирает».*

— Ты многое сделал для него, — сказал Спиди, — и ты хочешь верить, что он сделает что-то для тебя. Не волнуйся. Подойди, Джек. Подойди туда, где лежит твой друг.

Джек подошел. Ричард спал на тающем снегу. Ужасный клок кожи исчез, но на его голове осталась длинная белая полоса, шрам, на котором теперь вряд ли будут расти волосы.

— Возьми его руку.

— Почему? Зачем?

— Мы перенесемся.

Джек вопросительно посмотрел на Спиди, но Спиди не дал объяснения. Он только кивнул, словно говоря *«Да, ты не ослышался»*.

«Ладно, — подумал Джек, — я всегда ему верил...»

Он взял Ричарда за руку. Спиди взял Джека за другую руку.

Почти без напряжения, все трое перенеслись.

2

Все было так, как подсказывала Джеку интуиция — человек, стоявший рядом с ним на черном песке, изрытом хромой ногой Моргана из Орриса, выглядел бодрым и здоровым.

Джек с волнением и беспокойством посмотрел на незнакомца, который выглядел так, как мог бы выглядеть младший брат Спиди Паркера.

— Спиди... мистер Паркус, я хотел сказать, что вы...

— Вам, мальчики, надо отдохнуть, — сказал Паркус. — Тебе — безусловно, другому молодому сквайру — тем более. Он был близок к смерти, как никто другой, а мне кажется, что он не из тех, кто много себе позволяет.

— Да, — сказал Джек, — вы правы.

— Пусть он отдохнет здесь, — сказал Паркус Джеку и пошел по пляжу прочь от замка, неся Ричарда на руках. Джек поплелся следом так быстро, как только мог, но быстро понял, что просто падает от усталости. Он быстро выдохся, ноги казались ватными. Голова болела, видимо от последствий шока.

— Почему... куда... — это было все, что он смог выдохнуть. Он прижимал Талисман к груди. Талисман был теперь тусклым, непрозрачным и неинтересным.

— Здесь недалеко, — сказал Паркус. — Ведь ты и твой друг не хотите отдыхать там, где был он?

Несмотря на усталость, Джек покачал головой.

Паркус оглянулся назад, потом печально посмотрел на Джека.

— Там пахнет его злом, — сказал он, — и вашим миром, Джек.

— На мой взгляд, запах вполне нормальный.

Паркус двинулся дальше, неся Ричарда на руках.

3

Пройдя еще сорок ярдов, он остановился. Здесь черный песок стал светлее — не белым, но серым. Паркус осторожно опустил Ричарда. Джек упал рядом с ним. Песок был теплым, благословенно теплым. И никакого снега.

Паркус сел рядом, скрестив ноги.

— Сейчас ты заснешь, — сказал он, — и проспишь, видимо, до завтра. Тебя никто не побеспокоит. Оглянись вокруг.

Паркус махнул рукой в ту сторону, где в Американских Долинах был Пойнт-Венути. Сначала Джек увидел черный замок, одна сторона которого была полностью разрушена, словно внутри произошел сильный взрыв. Теперь замок выглядел почти смиренно. Он больше не угрожал, его сокровище забрал Джек. Он был не более чем просто нагромождением камней.

Посмотрев дальше, Джек увидел, что здесь землетрясение не было столь разрушительным, да и того, что могло разрушиться, здесь было поменьше. Он увидел перевернутые хижины, несколько сломанных повозок, которые могли быть «кадиллаками» в Американских Территориях, а могли и не быть, то тут, то там лежали лохматые тела.

— Те, кто был здесь и выжил, уже ушли, — сказал Паркус. — Они знают, что случилось, они знают, что Оррис мертв, и они больше не беспокоят тебя. Зло, бывшее здесь, ушло. Ты знаешь об этом? Ты *чувствуешь* это?

— Да, — прошептал Джек, — но... мистер Паркус... вы не...

— Уйду? Да. Очень скоро. Ты и твой друг будете спокойно спать, но сначала нам надо немного поговорить. Это не займет много времени, так что постарайся поднять голову, хоть на минуту.

С некоторым усилием Джек поднял голову и открыл глаза.

— Когда проснетесь, идите на восток... но не переноситесь! Оставляйтесь пока здесь. Оставляйтесь в Долинах. Слишком много всего будет там, в вашем мире, — спасатели, корреспонденты, Джейсон знает что. Хоть снег растает прежде, чем там кто-нибудь появится...

— А почему вам нужно уйти?

— У меня еще много работы, Джек. Новости о смерти Моргана уже движутся на восток. Движутся быстро, сейчас я от них отстал, но я должен их обогнать, если смогу. Я хочу вернуться на Заставы... и на восток... раньше, чем множество плохих людей начнут перебираться в другие места.

Он посмотрел на океан, глаза его были серыми и холодными, как гранит.

— Когда приходит счет, люди должны платить. Моргана больше нет, но остались долги.

— Вы здесь что-то вроде полицейского?

Паркус кивнул.

— Я являюсь тем, кого вы назвали бы Генеральным Прокурором и Верховным Судьей в одном лице. Здесь это так, — он положил сильную теплую руку на лоб Джека, — а там я просто парень, который переезжает из города в город, занимается разной работой, играет на гитаре. И иногда, поверь мне, это гораздо лучше.

Он снова улыбнулся, и на этот раз он *был* Спиди.

— И ты будешь встречаться с тем парнем время от времени, Джеки. Да, в разное время, в разных местах. В универмаге, может быть, в парке.

Он подмигнул Джеку.

— Но Спиди... он нездоров, — сказал Джек, — с ним происходит что-то такое, что даже Талисман бессилен.

— Спиди *стар*, — сказал Паркус. — Ему столько же лет, сколько и мне, но ваш мир состарил его. Но он еще поживет. Может быть довольно долго. Не волнуйся, Джек.

— Ты обещаешь? — спросил Джек.

Паркус улыбнулся:

— Да.

Джек устало улыбнулся в ответ.

— Ты и твой друг пойдете на восток. Идите, пока не пройдете миль пять. Вы перейдете через те низкие холмы, и дальше идти будет легко. Ищите большое дерево — самое большое, какое вы только видели. Вы подойдете к этому дереву, ты возьмешь Ричарда за руку, и вы перенесетесь обратно. Вы окажетесь около гигантского мамонтового дерева, через ствол которого проходит туннель. Это будет шоссе номер 17, и вы будете вблизи маленького северокалийфорнийского городка, который называется Сторивилл. Войдите в город. Там есть бензоколонка «Мобил».

— А потом?

Паркус пожал плечами:

— Точно не знаю. Может быть, Джек, ты встретишь кого-то знакомого.

— Но как мы...

— Шшшш, — сказал Паркус, и положил руку Джеку на лоб, точно как тогда, когда он был

(тише малышка, папа пошел на охоту, и так далее, ля-ля, иди спать, Джеки, все хорошо, все хорошо и)

очень маленьким.

— Хватит вопросов. Все будет хорошо с тобой и с Ричардом, я думаю.

Джек лег. Он обнял темный шар одной рукой. К его векам, казалось, были привязаны гири.

— Ты был смелым и сильным, Джек, — сказал Паркус. — Я хотел бы иметь такого сына, как ты... Ты молодец. Много людей во множестве миров многим тебе обязаны. И, так или иначе, я думаю, что многие из них чувствуют это.

Джек улыбнулся.

— Останься еще ненадолго, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Паркус, — пока ты не уснешь. Не волнуйся, Джек. Ничто здесь не причинит тебе вреда.

— Моя мама всегда говорила...

Но прежде, чем он окончил фразу, сон одолел его.

4

И сон не отпускал его даже на следующий день, когда физически он проснулся, но это был скорее не сон, а оцепенение разума, сделавшее день сонным и медленным. Он и Ричард, движения которого тоже были замедлены, стояли под самым высоким деревом в мире. Вокруг них на земле лежали пятна света, пробивающиеся сквозь его крону. Десять взрослых людей, взявшись за руки, не

смогли бы обхватить его ствол. Дерево было массивным и обособленным — в лесу высоких деревьев оно было Левиафаном.

«*Не волнуйся*», — сказал Паркус, исчезая, словно Чеширский Кот. Джек запрокинул голову, чтобы увидеть верхушку дерева. Он не был полностью уверен в этом, но он был эмоционально истощен. Громада дерева вызвала в нем лишь легкий интерес. Джек провел рукой по неожиданно гладкой коре. «*Я убил человека, убившего моего отца*», — сказал он себе. Он сжимал в руке темный, кажущийся мертвым шар Талисмана. Ричард смотрел вверх, на гигантскую крону дерева, возвышавшегося на ними как небоскреб. Морган мертв, Гарднер — тоже, и снег на берегу, наверное, уже растаял. Но не все прошло. Джек чувствовал себя так, словно снег наполнил его голову. Когда-то он думал, — теперь казалось, что это было тысячу лет назад, — что, если он когда-нибудь сможет взять Талисман в руки, он будет испытывать такое сильное волнение, какое он не забудет никогда. Вместо этого он чувствовал лишь слабый намек на это. В его голове шел снег, и он не видел дальше инструкций Паркуса. Он понял, что гигантское дерево поддерживало его.

— Возьми мою руку, — сказал он Ричарду.

— Но как мы вернемся домой? — спросил Ричард.

— Не волнуйся, — сказал он и сжал руку Ричарда. Джеку Сойеру не нужно было дерево для поддержки. Джек Сойер прошел Проклятые Земли, он покорила черный отель, Джек Сойер был *смел и силен*. Джек Сойер был измученным двенадцатилетним мальчиком со снегом в голове. Он без усилия перенесся обратно в свой мир, и Ричард преодолел все барьеры рядом с ним.

5

Лес изменился, теперь это был американский лес. Крыша из медленно качающихся сучьев была заметно ниже, деревья вокруг тоже были явно ниже, чем в той части леса в Долинах, куда их направил Паркус. Джек смутно осознал изменение масштаба всего, что было вокруг, прежде чем увидел двухполосную дорогу перед собой, но реальность двадцатого века почти сразу же ударила его под колени. Как только он увидел дорогу и услышал тарахтящий шум маленького мотора, он инстинктивно отдернул Ричарда от дороги за миг до того, как маленький белый «рено ле кар» прожужжал мимо них. Автомобиль пронесся мимо и проехал сквозь туннель, пробитый в стволе мамонтового дерева (которое едва достигало половины величины своего собрата в Долинах). Но один взрослый и двое детей в «рено» смотрели не на мамонтовые деревья, ради

которых они приехали сюда из Нью-Хемпшира («Жить свободными или умереть!»). Женщина и двое маленьких детей на заднем сидении удивленно смотрели на Джека и Ричарда. Рты их были широко открыты. Они только что увидели двух мальчиков, появившихся около дороги, как привидения, чудесным образом формируясь из ничего, как Капитан Керк и мистер Спок в «Стар Треке».

— Ты можешь идти?

— Конечно, — сказал Ричард.

Джек ступил на поверхность Шоссе 17 и прошел через огромную дыру в дереве.

Ему могло все это сниться, подумал он. Он мог все еще быть на побережье в Долинах, рядом с Ричардом, лежащем без сознания, под добрым взглядом Паркуса. *Моя мама всегда говорила... моя мама всегда говорила...*

6

Идя словно в густом тумане (несмотря на то, что день в этой части Северной Калифорнии на самом деле был солнечным и сухим), Джек Соьер вывел Ричарда Слоута из леса мамонтовых деревьев и повел по дороге мимо сухих декабрьских лугов.

...что самым главным человеком в любом фильме обычно бывает оператор...

Его тело требовало еще сна. Его разум требовал отдыха.

...что вермут — это пародия на хороший мартини...

Ричард молча и задумчиво брел следом. Он шел так медленно, что Джеку пришлось остановиться и подождать его. Маленький городок, видимо Сторивилл, виднелся примерно в полумиле. Несколько невысоких белых домов стояли по обеим сторонам дороги. «АНТИКВАРИАТ», гласила вывеска на одном из них. За зданиями, над пустым перекрестком мигал светофор. Джек увидел на углу заправочную станцию с вывеской «МОБИЛ». Ричард плелся следом, опустив голову так низко, что она почти лежала на груди. Когда Ричард нагнал его, Джек наконец увидел, что его друг плачет.

Джек обнял Ричарда за плечи.

— Я хочу тебе сказать кое-что.

— Что?

— Я люблю тебя.

Глаза Ричарда снова уставились в асфальт. Джек продолжал держать его за плечи. Ричард посмотрел ему в глаза и кивнул. И это было так, как когда-то ему говорила Лили Кевинью Соьер: «Джеки, иногда бывают моменты, когда слова могут ничего не значить».

— Мы на верном пути, Ричи, — сказал Джек. Он подождал, пока Ричард вытрет слезы. — Я думаю, что нас кто-то должен встретить на заправочной станции.

— Гитлер, может быть? — Ричард прижал ладони к глазам. Через секунду он уже был готов идти, и мальчики вместе вошли в Сторивилл.

7

В тени бензозаправочной станции «Мобил» был припаркован «кадиллак эльдорадо» с бумерангом телевизионной антенны на багажнике. Он был огромным, как трейлер и черным, как смерть.

— О, *чичерт!* — простонал Ричард и схватил Джека за плечо. Глаза его расширились, губы задрожали.

Джек снова почувствовал адреналин в крови. Это вызвало у него только усталость. Его было слишком, слишком много.

Обнимая мутный хрустальный шар, которым стал Талисман, Джек направился к бензоколонке.

— *Джек!* — слабым голосом закричал Ричард позади него. — *Какого черта ты делаешь? Это один из НИХ! Такие же машины были в Тэйере! Такие же в Пойнт-Венути!*

— Паркус сказал нам идти туда, — сказал Джек.

— Ты с ума сошел, дружок, — прошептал Ричард.

— Я знаю. Но все будет в порядке. Ты увидишь. И не называй меня дружком.

Дверь «кадиллака» распахнулась и из-за нее появилась тяжелая мускулистая нога, затянутая в голубые джинсы. Беспокойство сменилось ужасом, когда Джек увидел, что носы ботинок водителя были обрезаны и наружу торчат волосатые пальцы.

Ричард пищал рядом, как полевая мышь.

Да, это был Волк. Джек понял это еще до того, как этот парень обернулся. Он встал во весь рост, в нем было почти семь футов. Его волосы были длинными, растрепанными и не очень чистыми. К ним прицепилась пара репьев. Потом Волк повернулся, Джек увидел вспышку оранжевых глаз... и вдруг ужас сменился радостью.

Джек побежал к нему, не обращая внимания на работника бензоколонки, вышедшего посмотреть на него, и зевая около магазина. Волосы слетели у него со лба, его сношенные кроссовки шлепали по асфальту, на его лице сияла улыбка, глаза светились как сам Талисман.

Джинсовый костюм. Круглые очки без оправы, как у Джона Леннона. И широкая, добрая улыбка.

— Волк! — кричал Джек. — Волк, ты жив! Волк, ты жив!

До Волка оставалось еще пять футов, когда он прыгнул. И Волк с легкостью его поймал, довольно улыбаясь.

— Джек Соьер! Волк! Вот это да! Точно как сказал Паркус! Я здесь, в этом месте, где Бог скребет когтями и воняет дерьмом, как в болоте, и ты тоже здесь! Джек и его друг! Волк! Хорошо! Прекрасно! Волк!

Запах Волка подсказал Джеку, что это был не *его* Волк, но запах подсказывал, что этот Волк был родственником того... очень близким.

— Я знал твоего брата, — сказал Джек, все еще находясь в сильных, лохматых руках Волка. Теперь, посмотрев на его лицо, он увидел, что этот Волк был старше и мудрее. Но по-прежнему добрым.

— Мой брат Волк, — сказал Волк и опустил Джека на землю. Он прикоснулся кончиком одного пальца к Талисману. Лицо его наполнилось взволнованным благоговением. Когда он коснулся Талисмана, внутри Талисмана вспыхнула одинокая искра.

Он вобрал в себя воздух, посмотрел на Джека и улыбнулся. Джек улыбнулся в ответ.

Ричард подошел к ним, глядя на них с опаской и интересом.

— В Долинах есть не только плохие, но и хорошие Волки... — начал Джек.

— Множество хороших Волков, — вставил Волк.

Он протянул руку Ричарду. Ричард помедлил секунду, потом пожал ее.

— Это брат *моего* Волка, — с гордостью сказал Джек. Он откашлялся, не зная, как выразить свои чувства к брату этого Волка. Понимают ли Волки соболезнования? Входит ли это в их ритуал?

— Я любил твоего брата, — сказал он. — Он спас мне жизнь. Если не считать Ричарда, он был моим самым лучшим другом. Очень жаль, что он умер.

— Теперь он на луне, — сказал брат Волка. — Он вернется. Все уходит, Джек Соьер, как луна. Все возвращается, как луна. Пойдем. Хочу выбраться из этого вонючего места.

Ричард выглядел озадаченным, но Джек понял Волка: бензоколонка была окружена горячим, маслянистым ароматом паров бензина.

Волк подошел к «кадиллаку» и открыл дверь, как шофер, кем он, как понял Джек, и был.

— Джек? — Ричард выглядел испуганным.

— Все в порядке, — сказал Джек.

— Но куда...

— К моей маме, я думаю, — сказал Джек. — Через всю страну в Аркадию Бич, Нью-Хемпшир. В вагоне первого класса. Давай, Ричи.

Они подошли к машине. На широком заднем сиденье лежал обшарпанный гитарный чехол. Джек почувствовал, как у него забилося сердце.

— Спиди! — он повернулся к брату Волка. — С нами поедет Спиди?

— Не знаю никакого Спиди, — сказал Волк.

Джек показал на гитарный чехол.

— Откуда это взялось?

Волк улыбнулся, обнажая множество острых зубов.

— Паркус, — сказал он. — И еще он оставил это. Чуть не забыл.

Из заднего кармана он достал очень старую открытку. На ней была изображена карусель, многие лошадки на которой были знакомы Джеку, Элла Скорость и Серебряная Леди тоже были там, но женщины на заднем плане были одеты в турниры, на мальчиках были бриджи, у многих мужчин были шляпы-котелки и закрученные усы.

Джек повернул открытку другой стороной и сначала прочитал слова, напечатанные в середине: **КАРУСЕЛЬ В АРКАДИИ БИЧ, 4 ИЮЛЯ 1894 ГОДА.**

Спиди — не Паркус — нацарапал на открытке пару предложений. Почерк его был прыгающим и неуклюжим, он писал мягким и тупым карандашом:

«Ты совершил великие чудеса, Джек. Используй то, что лежит в чехле — то, что останется, оставь себе или выброси».

Джек положил открытку в карман и залез в «кадиллак». Один из замков на чехле был сломан, Джек открыл остальные три.

Ричард забрался следом за Джеком.

— Боже праведный! — прошептал он.

Гитарный чехол был набит двадцатидолларовыми банкнотами.

8

Волк вез их домой, и хоть память Джека была переполнена множеством осенних событий, он запомнил каждый момент этого путешествия. Они с Ричардом сидели на заднем сиденье «эльдорадо», и Волк вез их все дальше и дальше на восток. Волк знал дороги и Волк вез их. Иногда он проигрывал кассеты с записями «Криденс» — «Беги через джунгли», похоже, была его любимой песней — на громкости, близкой к болевому порогу. Потом он мог провести долгое время, прислушиваясь к тональным вариациям ветра, управ-

ляя с помощью кнопки ветровым окошечком автомобиля. Это, похоже, совершенно очаровывало его.

На восток, на восток, в зарю каждого утра, в мистическую сгущающуюся синеву каждой наступающей ночи, слушая Джона Фогерти, потом ветер, опять Джона Фогерти и опять ветер. Они ели в «Стакиз». Они ели в «Бургер Кингс». Они остановились в «Жареной Курице По-Кентукийски». Джек и Ричард заказали обеды, Волк взял все, что было в меню, и съел все. Судя по звуку, вместе с костями. Это напомнило Джеку Волка и попкорн. Где это было? В Манси. Около Манси. Как раз перед тем, как они попали в Солнечный Дом. Он улыбнулся... и вдруг словно стрела пронзила его сердце. Он выглянул в окно, чтобы Ричард не видел его слез.

На вторую ночь они остановились в Джулсберге, штат Колорадо, и Волк приготовил им роскошный ужин на костре. Они ели в снежном поле при свете звезд, завернувшись в теплые парки. Над их головами вспыхивал метеоритный дождь, а Волк плясал на снегу, как дитя.

— Я люблю этого парня, — задумчиво сказал Ричард.

— Да, я тоже. Жаль, что ты не знал его брата.

— Жаль...

Ричард начал собирать мусор. То, что он сказал потом, совершенно смутило Джека:

— Я многое забываю, Джек.

— Ты о чем?

— Да так. С каждой милей я все хуже помню о том, что происходило. Все как в тумане. И, кажется... кажется, я этого хочу. Слушай, ты уверен, что с твоей мамой все в порядке?

Джек пытался позвонить матери трижды. Никто не отвечал. Он не очень беспокоился об этом. Все было в порядке. Он надеялся. Когда они приедут туда, она будет там. Больная... но еще живая. Он надеялся.

— Да.

— Тогда почему она не берет трубку?

— Слоут проделывал какие-то трюки с телефонами, — сказал Джек. — Наверняка он и в «Альгамбре» что-то придумал. Она в порядке. Больна... но в порядке. Она там. Я чувствую ее.

— А если эта целительная штука сработает... — Ричард нахмурился, — ты... думаешь она позволит мне... ты понимаешь... остаться с вами?

— Нет, — сказал Джек, помогая Ричарду собрать остатки ужина, — она захочет отправить тебя в сиротский приют. Или в тюрьму. Не будь идиотом, Ричард, конечно ты останешься с нами.

— Но... после того, что сделал мой отец...

— Твой отец, — сказал Джек просто, — Не ты.

— Но ты не будешь напоминать мне?..

— Не буду, если ты хочешь забыть.

— Хочу, Джек. Очень хочу.

Волк возвращался.

— Вы, ребята, готовы? Волк!

— Готовы, — сказал Джек. — Слушай, Волк, как насчет кассеты с Скоттом Хэмилтоном, которую я купил в Шейенн?

— Конечно, Джек. Ну а как насчет «Криденс»?

— «Беги через джунгли», верно?

— Хорошая песня, Джек! Тяжелая! *Волк!* Бог-скребет-когтями, какая *тяжелая!*

— Ты прав, Волк, — он посмотрел на Ричарда. Ричард отвернулся и улыбнулся.

На следующий день они пересекли Небраску и Айову, еще через день они проехали мимо руин Солнечного Дома. Джек понял, что Волк проехал здесь не просто так, он, видимо, хотел увидеть то место, где умер его брат. Он включил «Криденс» на полную громкость, но Джек расслышал его всхлипы.

Время, растянутые полосы времени, текло мимо. Джек расслабился. Его наполняли ощущения триумфа и прощания. Работа выполнена.

На закате пятого дня они пересекли границы Новой Англии.

Глава 47 КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

1

Весь долгий путь из Калифорнии в Новую Англию, казалось, слился в один день и вечер. День, длящийся несколько дней, и вечер длиной в жизнь, наполненный закатами, музыкой и эмоциями. *«Шарики в голове совсем кончились»*, — подумал Джек, взглянув на часы на приборной доске лимузина и обнаружив, что прошло не полчаса, как ему казалось, а целых три. Был ли это тот же день? Гремело «Беги через джунгли», Волк покачивал головой в такт, беспрерывно улыбаясь и интуитивно находя лучшие дороги. В заднем стекле виднелось широкое небо, окрашенное цветными полосами заката, пурпурными, синими и красными. Джек мог вспомнить каждую деталь этого долгого-долгого путешествия, каждое слово, каждую еду, каждый нюанс в музыке Зута Симса и Джона Фогерти, или то, как Волк наслаждался шумом ветра, но время у него в голове разбилось на мелкие осколки. Он спал на широком сиденьи и, открывая глаза, видел то солнце, то звезды. Единственное, что он помнил отчетливо: когда они въехали в Новую Англию и Талисман снова начал светиться, проявляя признаки возвращающейся жизни, в окна стали заглядывать лица случайных людей: люди на стоянках, моряк, девушка на перекрестке, парень на мотоцикле... Они надеялись, видимо, увидеть на заднем сиденьи «эльдорадо» Мика Джеккера или Фрэнка Синатру, но фигушки, там были только мальчики. Однажды он проснулся от звуков рок-музыки (Колорадо? Иллинойс?). Волк постукивал пальцами по рулю, небо светилось оранжевым и голубым, а Ричард где-то раздобыл книгу и читал ее при рассеянном свете пассажирской лампочки. Книга называлась «Мозг Брока». Ричард всегда знал, сколько времени. Джек закрыл глаза и позволил музыке и краскам заката захватить себя. Он *сделал это*, он *сделал все*... кроме того, что надо сделать в маленьком курортном городке в Нью-Хемпшире.

Пять дней или одни сонные сумерки? «Беги через джунгли». Саксофон Зута Симса, говорящий «вот сказка для тебя, тебе нравится эта сказка?» Ричард был его братом, его братом.

Время вернулось к нему, когда Талисман вернулся к жизни, во время магического заката пятого дня. *«Оутли, — подумал Джек на шестой день, — надо было показать Ричарду оутлийский тоннель и то, что осталось от Дискотеки, я показал бы Волку дорогу...»* но он не хотел снова видеть Оутли, он не получил бы от этого никакого удовольствия. И он понял, как близки они к концу пути,

и сколько они проехали, пока он пребывал в полусне. Волк вел лимузин по широкой артерии шоссе — они теперь находились в Коннектикуте, и до Аркадии Бич оставалось всего несколько штатов по побережью Новой Англии. С этого момента Джек начал считать мили и минуты.

2

В четверть шестого вечера 21 декабря, через каких-то три месяца после того дня, когда Джек обратил свой взгляд — и надежды — на восток, черный «кадиллак эльдорадо» повернул на посыпанную гравием подъездную дорожку отеля «Альгамбра» в Аркадии Бич, штат Нью-Хемпшир. На западе закат прощался теплыми оттенками красного и оранжевого... переходящего в желтое... и синее... и благородный пурпур. В парке деревья стучали ветвями на холодном зимнем ветру. Среди них еще недавно было дерево, которое ловило и поедало мелких животных — бурундуков, птиц, голодную и кособокую кошку гостиничного клерка. Это маленькое дерево умерло совершенно внезапно. Все остальные деревья в парке хоть и напоминали теперь скелеты, все же были живыми.

Колеса «эльдорадо» с хрустом катились по гравию. Изнутри слышались приглушенные поляризованными стеклами звуки «Криденс». «Люди, знающие мое волшебство, — пел Джон Фогерти, — наполнили страну дымом».

«кадиллак» остановился перед широкими дверями. За ними была только тьма. Фары погасли, и автомобиль остановился в тени, из выхлопной трубы била тонкая струйка дыма, оранжевые огни мерцали.

Здесь, на закате дня.

Здесь:

Здесь и сейчас.

3

Салон лимузина был освещен слабым, неровным светом. Талисман вспыхивал... но его свечение было слабым, лишь немного ярче свечения умирающего светлячка.

Ричард повернулся к Джеку. Его лицо было бледным и испуганным. Он сжимал в руках книгу Карла Сагана, скрутив обложку так, как прачка, выжимая, скручивает простыню.

«Талисман Ричарда», — подумал Джек и улыбнулся.

— Джек, ты хочешь...

— Нет, — сказал Джек. — Подожди пока я не позову.

Он открыл правую заднюю дверь, начал выходить из машины, потом снова посмотрел на Ричарда. Ричард сидел, забившись в угол, сжимая книгу в руках. Он выглядел ужасно.

Не задумываясь, Джек на секунду вернулся назад и поцеловал Ричарда в щеку. Ричард обнял Джека. Потом отпустил его. При этом никто из них не сказал ни слова.

4

Джек стал подниматься по ступенькам в холл... но потом повернул направо и подошел к железным перилам. За ними был спуск к берегу. Вдали, на фоне темнеющего неба, виднелось колесо обозрения парка развлечений Аркадия Бич.

Джек повернул лицо на восток. Ветер, проносившийся сквозь ветви деревьев, поднял волосы с его лба и откинул их назад.

Он поднял шар в руках, словно предлагая его океану.

5

21 декабря 1981 года мальчик по имени Джек Сойер стоял там, где встречаются вода и земля, в руках его покоился какой-то предмет, он смотрел на спокойный Атлантический океан. В этот день ему исполнилось тринадцать лет, но он не вспомнил об этом. Он был исключительно красив. Его темные волосы были длинными, возможно даже слишком длинными, но морской ветер откинул их назад с красивого и чистого лба. Он стоял там, думая о своей матери и о комнатах в этом отеле, в которых они жили. Включит ли она свет? Он надеялся что да.

Джек повернулся, глаза вспыхнули в свете Талисмана.

6

Лили шарила по стене дрожащей костлявой рукой в поисках выключателя. Она нашла его и включила свет. Любой, увидевший ее в этот момент, поспешил бы отвернуться. В последнюю неделю рак начал спешить, словно чуя, что приближается что-то, могущее испортить ему удовольствие. Лили Кевинью весила теперь семьдесят восемь фунтов. Ее кожа стала болезненно желтой. Коричневые круги под глазами стали смертельно-черными, сами глаза смотрели из

глазниц измученным умным взглядом. Ее грудь исчезла. Плоть на руках исчезла. На ягодицах и бедрах появились пролежни.

Но это было еще не все. В течении последней недели она заболела еще и пневмонией.

В ее истощенном состоянии она была первейшим кандидатом на любое респираторное заболевание. Она могла заболеть и при лучших обстоятельствах... а сейчас тем более. Батареи в «Альгамбре» перестали давать тепло некоторое время назад. Она не знала точно, как давно — время стало для нее размытым и неопределенным, как и для Джека в лимузине. Она знала только то, что тепло пропало в ту же ночь, когда она пробила рукой стекло, прогоняя чайку, похожую на Слоута.

После этого «Альгамбра» стал пустым и холодным. Склепом в котором она скоро умрет.

Если все происходившее в «Альгамбре» было делом рук Слоута, то он постарался на славу. Все ушли. *Все*. Не было горничных с их скрипучими тележками. Не было насвистывающего уборщика. Не было клерка. Слоут положил их всех в карман и унес с собой.

Четыре дня назад, когда она не нашла в комнате, еды, чтобы удовлетворить даже ее птичий аппетит, она встала с постели и медленно пошла к лифту. Она взяла с собой в эту экспедицию стул, попеременно то садясь на него, чтобы передохнуть, то используя для опоры. Ей потребовалось сорок минут, чтобы преодолеть сорок футов коридора и добраться до дверей лифта.

Она несколько раз нажала на вызывную кнопку, но лифт не пришел. Кнопка даже не загорелась.

«Накося выкуси», — хрипло пробормотала Лили, а потом медленно преодолела двадцать футов до лестницы.

— *Эй!* — крикнула она вниз и, закашлявшись, рухнула на стул.

«Они могли не услышать мой крик, но они наверняка должны были услышать мой кашель», — подумала она.

Но никто не пришел.

Она крикнула еще раз, потом еще, и снова у нее начался приступ кашля. Она пошла обратно по коридору, который казался длинным, как шоссе в Небраске в ясный день. Она не рискнула спуститься по лестнице. Она могла не подняться по ней назад. Внизу никого не было, ни в холле, ни в кафетерии, *нигде*. И телефоны не работали. Во всяком случае телефон в ее комнате не работал, и она не слышала ни одного звонка во всем этом старом мавзолее. Игра не стоит свеч. Она не хотела замерзнуть до смерти в холле.

— Джеки, — пробормотала она, — где ты...

Она снова закашлялась и упала в обморок, уронив на себя стул. Она пролежала на холодном полу около часа и, вероятно, именно тогда пневмония поселилась в ее теле по соседству с раком. *Эй,*

— *Мама!*

Джек бегом пересек холл, заметив, что старомодный телефонный коммутатор оплавился и почернел, как от огня при коротком замыкании, и сразу же забыв об этом. Он видел ее, и она выглядела ужасно, словно в окне показался силуэт пугала.

— *Мама!*

Он помчался по лестнице, перескакивая сначала через две, потом через три ступеньки. Талисман в его руках вспыхнул красно-розовым светом и снова погас.

— *Мама!*

Он пробежал по коридору к их комнатам и наконец услышал ее голос. Это был пыльный хрип существа, находящегося на краю смерти.

— Джеки?

— *Мама!*

Он ворвался в комнату.

9

Внизу, в машине, Ричард Слоут нервно посмотрел вверх через поляризованное стекло. Что он там делает, что Джек там делает? Глаза Ричарда болели. Он вытянулся, чтобы посмотреть на верхние окна. Когда он наклонился набок и посмотрел вверх, ослепительный белый свет вспыхнул в нескольких окнах верхнего этажа, осветив на миг пространство перед отелем. Ричард уронил голову на колени и застонал.

10

Она лежала на полу около окна — он увидел ее там. Смятая, какая-то пыльная постель была пуста, вся спальня, своим беспорядком напоминая детскую, казалась пустой... У Джека все замерло внутри, к горлу подступил комок. Потом Талисман вспыхнул ярким светом, на миг сделав все находящееся в комнате бесцветно-белым. «Джеки?» — прохрипела она. «МАМА!» — заревел он, увидев ее, лежащую под окном, как конфетный фантик. Тонкие и невьющиеся ее волосы лежали на грязном ковре. Ее руки, бледные и скребущиеся, казались когтями маленького зверька. «О Боже, о Боже», — пробормотал он и каким-то образом пересек комнату, не сделав ни шага. Он *проплыл* через комнату, и этот миг показался ему очень

четким, как изображение на фотографической пластинке. Ее волосы на ковре, ее маленькие узловатые руки.

Он вдохнул тяжелый запах болезни, близкой смерти. Джек не был доктором и не мог заметить многие изменения в ее теле. Он знал одно: его мать умирает, ее жизнь покидает ее через невидимые трещины и у нее осталось очень мало времени. Она дважды назвала его по имени, и это было почти все, что позволила еще теплящаяся в ней жизнь. Уже начиная плакать, Джек положил ей руку на лоб и поставил Талисман на пол около нее.

Ее волосы казались наполненными песком, ее лоб горел. «О, мама, мама», — сказал он и просунул руки под ее тело. Он не мог смотреть на ее лицо. Через тонкую ночную рубашку ее бедро казалось горячим, как дверца печи. Другая его ладонь ощущала такой же жар на ее левой лопатке. Внезапные непрошенные слезы навернулись ему на глаза. Он поднял ее, словно ворох одежды. Джек застал. Руки Лили безвольно висели.

(Ричард)

Ричард был... был не столь плох, даже когда Джек нес его на спине, легкого, как шелуху, спускаясь с холма в зараженный Пойнт-Венути. От Ричарда тогда мало что осталось, кроме язв и сыпи, и он тоже горел в лихорадке. Но Джек понял с каким-то невыносимым ужасом, что в Ричарде тогда было больше жизни, чем теперь в его матери. Но она назвала его имя.

(а Ричард почти умирал)

Она назвала его имя. Он понял это. Она подошла к окну. Она назвала его имя. Это было невозможно, невыносимо, аморально представить, что она может умереть. Одна ее рука болталась перед ним, как травинка, которую сейчас срежет коса. Ее обручальное кольцо слетело с пальца. Джек плакал непрерывно и бессознательно.

— Хорошо, мама, — сказал он, — хорошо, теперь все хорошо, хорошо, хорошо.

Его руки почувствовали вибрацию ее тела, которая могла означать согласие.

Он осторожно опустил ее на кровать, и она невесомо скатилась в сторону. Джек встал коленом на кровать и наклонился над ней. Волосы слетели с ее лица.

Когда-то, в самом начале путешествия, его мать вдруг показалась ему старой женщиной — усталой, измученной, старой женщиной в чайной. Как только он узнал ее, иллюзия рассеялась, и Лили Кевинью Соьер снова стала сама собой. Ее возраст было невозможно определить — она была нестареющей блондинкой с вызывающей улыбкой на лице. Такой она была на рекламном щите, заставившем сжаться сердце ее сына.

Женщина, лежащая на кровати, мало напоминала актрису на рекламном щите. Слезы на миг ослепили Джека. «О, нет, нет, нет», — сказал он и прикоснулся ладонью к ее пожелтевшей щеке.

У нее, казалось, не было сил даже поднять руку. Он взял ее сухую бесцветную руку в свою. «Пожалуйста, пожалуйста не...» Он не мог даже позволить себе сказать это.

Он понял, сколько усилий потратила это изможденная женщина. Она смотрела в окно и ждала его, он понял это. Она знала, что он вернется. Она знала, что он вернется, и, видимо, благодаря Талисману, она почувствовала момент его возвращения.

— Я здесь, мама, — прошептал он. Из его носа потекло. Он, не церемонясь, вытер нос рукавом.

Он впервые заметил, что все его тело дрожало.

— Я принес его, — сказал он с гордостью. — Я принес Талисман.

Он аккуратно положил ее невесомую руку на стеганое покрывало.

Около стула, там где он его положил (очень осторожно), Талисман продолжал светиться. Но его свет был слабым, неуверенным, туманным. Джек исцелил Ричарда просто прокатив Талисман по его телу, то же самое он сделал и со Спиди. Но в этот раз должно было быть что-то иное. Он знал это, но не знал, что именно... хотя, может быть, это был вопрос понимания и нежелания верить.

Он не мог разбить Талисман даже для того, чтобы спасти жизнь своей матери — это было все, что он *знал*.

Теперь Талисман наполнился изнутри туманной белизной. Вспышки слились воедино и стали устойчивым светом. Джек взялся за него, и Талисман выстрелил ослепительной стеной света, — *радугой!* — которая, казалось, только что не говорила. НАКОНЕЦ!

Джек снова вернулся к кровати. Пульсирующий свет Талисмана освещал пол, стены, постель.

Как только он вернулся к постели матери, фактура Талисмана начала меняться в руках Джека. Его стеклянная жесткость как-то *сдвинулась*, его поверхность стала менее скользкой, более пористой. Кончики его пальцев, казалось, утопали в поверхности Талисмана. Туман внутри шара сгустился и темнел.

И в этот момент у Джека возникло сильное, буквально страстное чувство. Он знал, что каким-то неведомым образом Талисман, причина множества крови и бед, должен был измениться. Он должен был измениться навсегда, и Джек должен был потерять его. Талисман должен *перестать принадлежать ему*. Ясная оболочка Талисмана тоже мутнела, а вся покрытая линиями поверхность размягчалась. Теперь он казался на ощупь не стеклянным, а пластмассовым.

Джек поспешно вложил Талисман в руки матери. Талисман знал свое дело, он был создан для этого момента, он был создан в какой-то сказочной кузнице, чтобы отвечать требованиям именно этого момента, и никакого другого.

Джек не знал, что должно произойти. Вспышка света? Запах лекарств? Сильнейший взрыв?

Ничего не произошло. Его мать продолжала зримо и бездвижно умирать.

— О, пожалуйста, — умолял Джек, — пожалуйста... мама... пожалуйста...

У него перехватило дыхание. В Талисмане беззвучно разошелся вертикальный шов. Свет медленно полился изнутри и залил руки его матери. Из туманного внутреннего пространства пустеющего шара лилось все больше света.

Снаружи послышалось внезапное и громкое пение птиц, празднующих свое существование.

12

Но на это Джек отвлекся только на миг. Он не дыша наклонился вперед и наблюдал, как Талисман изливался на постель его матери. Туманный свет поднимался волнами внутри него. Веки Лили задрожали.

— О, мама, — прошептал он, — о...

Серо-золотой свет полился из отверстия в Талисмане и приподнял руки матери. Ее желтоватое лицо слегка нахмурилось.

Джек бессознательно вздохнул.

(Что?)

(Музыка?)

Серо-золотое облако из сердца Талисмана светилось над телом его матери, окутывая ее прозрачной, слегка дымчатой слабо колышущейся мембраной. Джек видел, как это воздушное полотно накрыло грудь Лили, опустилось к ее ногам. Из открывшегося шва в Талисмане вместе с серо-золотым облаком вытекал запах, сладкий и несладкий, запах земли и цветов, запах добрый и пенистый.

«Запах рождения», — подумал Джек, хотя он никогда не присутствовал при родах. Джек вобрал его в свои легкие, и в этот момент ему показалось, что он сам, Джеки Сойер, родился в эту минуту. Он, потрясенный, понял, что отверстие в Талисмানে похоже на вагину. (Он никогда не видел вагину и имел весьма рудиментарное представление о ее строении.) Джек заглянул прямо в отверстие в раздувшемся Талисмানে.

Теперь он впервые услышал сильный треск, каким-то образом смешанный с тихой музыкой, с пением птиц за темным окном.

(Музыка? Что?..)

Маленький цветной шар полный света пролетел в поле его зрения и скрылся внутри Талисмана. Джек заморгал. Один шар исчез — появился другой, на этот раз можно было рассмотреть синие, коричневые и зеленые пятна на его поверхности, очертания берегов и горных хребтов. В этом маленьком мире, подумалось ему, стоял парализованный Джек Сойер и смотрел на маленькое цветное пятнышко, а на этом пятнышке стоял Джеки ростом с пылинку и смотрел на маленький мир, имеющий размер атома. В облаке света появился еще один мир.

Его мать пошевелила правой рукой и застонала.

Джек начал громко плакать. Она будет жить. Он знал это теперь. Все получилось, как обещал Спиди, и Талисман вернул жизнь в измученное, одолеваемое болезнью тело матери, уничтожая зло, убивавшее ее. Джек наклонился и на миг ему представилось, что он целует Талисман. Ароматы жасмина, гибискуса и свежеспаханной земли заполнили его ноздри. С кончика его носа скатилась слеза и засверкала как жемчужина в свете Талисмана. Он увидел пояс звезд, проплывающих через открывшийся шов, лучистое желтое солнце, всплывающее в туманное черное пространство. Музыка, казалось, наполняла Талисман, комнату, весь мир. Лицо женщины, лицо незнакомки проплыло через открытый шов. Лица детей, потом лица других женщин... Сквозь слезы он увидел, как внутрь Талисмана всплывает лицо его матери, образ королевы полусотни недорогих фильмов. Когда он увидел среди множества миров и лиц, проносящихся мимо, свое лицо, ему показалось, что чувства сейчас разорвут его. Он *растянулся*. Он вдохнул свет. И он увидел, что какое-то время, какие-то благословенные две секунды глаза его матери были открыты...

Джек услышал звуки тромбонов и труб, плач саксофонов, голоса лягушек, черепах и серых голубей, поющих «люди, знающие мое волшебство, наполнили страну дымом», он услышал голоса Волков, исполняющих на луне Волчью музыку. Вода блестела у бортов корабля, рыба блестела у поверхности озера, радуга блестела над землей, блестящий странник показывал путь, блестящий младенец

наморщил нос и закричал; и слышались звуки оркестра, и комната наполнилась дымным следом единственного голоса, поднимавшегося все выше и выше над всеми этими разливами звуков. Визжали тормоза грузовиков и гудели гудки заводов, где-то лопнуло колесо, где-то взорвался фейерверк, влюбленный прошептал *«еще»* и заплакал ребенок, а голос все поднимался и поднимался, и Джек на миг был ослеплен, но потом зрение вернулось к нему...

Глаза Лили широко раскрылись. Они уставились на Джека, будто спрашивая «где я?» Это были глаза новорожденного дитя, только что увидевшего мир. Потом она резко вдохнула...

...и река миров, и галактик, и вселенных хлынула из Талисмана. Они текли, переливаясь всеми цветами радуги. Они втекали ей в рот и в нос... они оседали на ее желтоватой коже, блестя как капельки росы, и впитывались в нее. На миг его мать вся была окружена сиянием...

...в этот миг его мать была Талисманом.

И болезнь исчезла с ее лица. Это произошло не постепенно, как в кино. Это произошло *сразу*. Это произошло *моментально*. Она только что была больна... и теперь она была здорова. Здоровый розовый цвет расцвел на ее щеках. Тонкие, редкие волосы вдруг стали густыми и блестящими, к ним вернулся цвет темного меда.

Джек смотрел на нее, когда она посмотрела ему в лицо.

— О... о... *Боже мой...* — прошептала Лили.

Радужное сияние угасало — но здоровье оставалось.

— Мама? — он наклонился вперед. Что-то захрустело, как целлофан в его руках. Это была хрупкая оболочка Талисмана. Он поставил ее на ночной столик. Он столкнул со столика несколько склянок с лекарствами, чтобы освободить место. Некоторые из них, упав, разбились, но это было неважно. Ей больше не были нужны лекарства. Он осторожно положил оболочку на столик, полагая — нет, *зная*, — что она скоро исчезнет.

Его мать улыбнулась. Это была прекрасная, радостная, немного удивленная улыбка: *«Здравствуй, мир, вот и я!»*

— Джек, ты вернулся, — сказала она наконец и потерла глаза, словно чтобы убедиться, что это не мираж.

— Конечно, — сказал он. Он попытался улыбнуться. Это была довольно хорошая улыбка, несмотря на слезы, которые текли по его лицу.

— Я чувствую себя... гораздо лучше, Джеки.

— Да?

Он улыбнулся и вытер ладонями свои мокрые глаза.

— Это хорошо, мама.

Ее глаза сияли.

— Обними меня, Джеки.

В комнате на четвертом этаже заброшенного курортного отеля на побережье в Нью-Хемпшире, тринадцатилетний мальчик по имени Джек Сойер наклонился вперед, закрыл глаза и, улыбаясь, крепко обнял свою мать. Его обычная жизнь, наполненная школой и друзьями, обычная жизнь тринадцатилетнего мальчика (если жизнь такого существа, со всеми ее красками, может считаться обычной), возвращалась к нему, он понял это. Это сделал для него Талисман. Когда он обернулся, чтобы взглянуть на него, Талисман исчез.

ЭПИЛОГ

В большой белой спальне, наполненной взволнованными женщинами, Лаура де Луизиан, Королева Долин, открыла глаза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша летопись окончена. Так как в ней изложена история *мальчика*, она должна закончиться именно здесь; если бы она продолжилась дальше, она превратилась бы в историю *мужчины*. Когда пишешь роман о взрослых, точно знаешь, где остановиться, — на свадьбе, но когда пишешь о детях, приходится ставить последнюю точку там, где тебе удобнее.

Большинство героев этой книги здравствуют и поныне, они преуспевают и счастливы. Может быть, когда-нибудь после я сочту небесполезным снова заняться историей изображенных в этой книге детей и погляжу, какие вышли из них люди; поэтому я поступил бы весьма опрометчиво, если бы сообщил вам теперь об их нынешней жизни.

Марк Твен

«Приключения Тома Сойера»

С о д е р ж а н и е

Часть первая	7
Часть вторая	81
Часть третья	295
Часть четвертая	461

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
ТАЛИСМАН

Выпуск 16

Сдано в набор 03.09.93. Подписано в печать 10.01.94.
Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 42 п. л. Печать офсетная. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 1.

ЛР № 061592 от 07.09.92
Издательство «Кэдмэн» 140160, г. Жуковский М.О. а/я 21.

Издание подготовлено совместно с ТОО «Вира»
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

КЛАЙВ БАРКЕР

*Издательство «КЭДМЭН»
приступает к изданию собрания
сочинений Клайва Баркера
в восьми томах.*

*Клайв Баркер знаменует собой
новую эру в мировой литературе.
Критики сравнивают его с Кингом
и Толкиеном, поскольку он блестяще
совмещает стили «horror»
и «fantasy».*

*По романам Клайва Баркера
поставлены известные фильмы
«HELLRAISER» и «NIGHTBREED».*

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске нашей
серии вы познакомитесь
с романом Питера Страуба
«История с привидениями»,
который является,
по словам Стивена Кинга,
одним из лучших романов
ужасов XX века